

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДОЛИДОВИЧ ОЛЕСЯ МИХАЙЛОВНА

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ИЮЛЬ 1914 Г. – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор

М.Д. Северьянов

Красноярск 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ДОВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ.....	79
§ 1.1 Социально-демографические процессы.....	79
§ 1.2 Специфика экономической жизни региона	93
ГЛАВА 2. СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.	150
§ 2.1 Устройство и приоритетные направления деятельности центральных и региональных властей.....	150
§ 2.2 Полномочия и роль полиции в области обеспечения народного продовольствия.....	190
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.....	211
§ 3.1 Основные тенденции развития хлебного рынка	211
§ 3.2 Изменение конъюнктуры мясного потребительского рынка.....	236
§ 3.3 Заготовки промысловой рыбы в регионе	256
§ 3.4 Сахарная торговля	268
ГЛАВА 4. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ РОСТА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ ОППОЗИЦИОННОГО ХАРАКТЕРА В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.	288
§ 4.1 Поиски решения проблем продовольственного снабжения в повестке дня съездов представителей городов в 1915–1916 гг.....	289
§ 4.2 Государственно-общественная помощь семьям призванных нижних чинов.....	307

ГЛАВА 5. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г.	322
§ 5.1 Формирование центральных и местных продовольственных структур Временного правительства	322
§ 5.2 Трансформация продовольственного рынка.....	352
§ 5.3 Обострение социальных противоречий и проблем.....	384
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	407
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	414
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	498

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Продовольственное обеспечение населения представляет собой управленческую задачу высокой сложности для любого государства, поскольку охватывает широкий спектр взаимосвязанных внутриполитических, экономических, социальных и других мер. Неспособность правительства гарантировать доступность продуктов питания, необходимых для поддержания жизнедеятельности основной части граждан, чревата демографической, социальной и политической нестабильностью.

Отбор эффективных способов и механизмов решения этого вопроса невозможен без научного анализа и осмысления предшествующей практики страны по обеспечению населения продуктами питания. Необходимо привлечение целого комплекса сведений об исторически сложившихся различных аспектах производства продуктов и их распределения: сельскохозяйственном и промышленном потенциале внутренних регионов, особенностях их самообеспечения или зависимости от поставок из других областей, размерах стратегических и оперативных продовольственных запасов, развитии продовольственных рынков, ценообразовании на основные продукты питания, структуре потребления населения, качестве и безопасности производимых и потребляемых продуктов и др.

Серьезного внимания заслуживают продовольственные стратегии государства в периоды тяжелых испытаний (войн, интервенций, революций и т.п.), от которых во многом зависят перспективы сохранения суверенитета и безопасности. Без опоры на такой опыт система государственного управления перестает быть адекватной целям и задачам национального развития. Для России, которая на протяжении своей истории неоднократно сталкивалась с проблемами дефицита продовольствия и массовым голодом, этот вопрос имеет особое значение.

К таким сложным этапам в истории нашей страны, когда ухудшение ситуации в продовольственной сфере повлекло тяжелые социальные последствия,

относится период Первой мировой войны. Российская империя, являвшаяся в начале XX в. крупным экспортером продовольствия на европейский рынок, начала испытывать дефицит и дороговизну основных продуктов питания, что воспринималось населением очень негативно на фоне падения авторитета самодержавной власти, военных поражений, усиления социального неравенства и обнищания. Накануне Февральской революции 1917 г. продовольственный вопрос принял чрезвычайную остроту и превратился в один из наиболее значимых политических факторов. Неспособность решить его стала также важнейшей причиной падения Временного правительства в октябре 1917 г.

Продовольственный вопрос в регионах Российской империи имел свою специфику, вытекавшую из разнообразия природно-климатических условий сельскохозяйственного производства, неравномерности промышленного развития, межрегиональных торговых связей, особенностей социальных процессов и других факторов. Сказывались и обстоятельства военного времени: масштабы перевода экономических отраслей на работу для целей войны в данной местности, расстояние от районов военных действий, интенсивность процессов социальной мобильности и др. В целом ситуация с продовольствием в различных областях страны характеризовала общую экономическую устойчивость государства, лежавшую в основе его стабильности, а также возможности осуществления мобилизации общества и имевшихся в его распоряжении ресурсов на военные цели.

Восточная Сибирь представляла собой крупный тыловой регион, географически расположенный на большом удалении от европейской части страны и линии фронта. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что изменения, которые происходили в сфере обеспечения населения продовольствием в годы Первой мировой войны в Восточной Сибири, практически не нашли своего отражения в научной литературе. Да и в целом ее положение как тыловой территории относится к числу малоисследованных тем.

Несмотря на то, что в последние годы интерес историков к изучению ресурсного потенциала, состояния экономики, повседневной жизни Сибири в годы Первой мировой войны значительно вырос (проводятся конференции, выходят книги, статьи, защищаются диссертации), в основном исследования ведутся на материалах западносибирских губерний. Между тем по своему природно-ресурсному, производственно-экономическому, социально-демографическому потенциалу Восточная Сибирь значительно отличалась от Западной. Научные труды, посвященные развитию восточносибирского региона как единого пространственного образования в составе Российской империи, появляются редко, как ни парадоксально, но до сих пор фактически не изучены многие аспекты развития сельского хозяйства, промышленности, торговли, общественно-политической, культурной жизни в военный период. В работах научного и учебного характера получили отражение лишь отдельные вопросы – судьбы воинских формирований, солдат и офицеров на полях сражений, работа благотворительных организаций по оказанию помощи жертвам войны, положение военнопленных.

Изучение продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны на материалах Восточной Сибири необходимо не только для устранения «белых пятен» в истории самого региона, изучения качества жизни населения и определения его вклада в общие мобилизационные усилия государства, но также анализа проблем и противоречий в сфере центрального и регионального управления в предвоенный и военный периоды, оценки общего экономического потенциала страны, отношений между государством и обществом. В свою очередь без всестороннего рассмотрения всех этих сюжетов невозможно воссоздать целостную картину развития Российской империи, понять логику дальнейшего исторического развития страны, в частности причины революционных событий 1917 г., а также формировать долгосрочную политику в области продовольственной безопасности в настоящем.

Степень изученности темы. Научное изучение различных аспектов продовольственного вопроса в Российской империи (и ее регионах) в военный период осуществлялось в рамках основных этапов развития отечественной историографии Первой мировой войны. Современные исследователи выделяют четыре таких этапа¹. На первом из них (1914 г. – конец 1920-х гг.) в трудах дореволюционного и раннего советского периодов были заложены основы изучения таких проблем, как подготовка России к войне, состояние армии и экономики, ход военных действий, внешняя политика. Следующий период (1930-е гг. – первая половина 1950-х гг.) отмечен политизацией и жесткой догматизацией исторических трудов. При анализе военных событий акцент был сделан на специфике мобилизационной экономики, деятельности партии большевиков. На третьем этапе (середина 1950-х гг. – начало 1980-х гг.) происходило расширение источниковой базы и проблематики исследований, многие вопросы получили более объективное освещение. Ведущими темами стали особенности российского абсолютизма, экономика и вооруженные силы, деятельность политических партий, межгосударственные отношения. Четвертый этап (1985 г. – до наших дней) связан с интенсивным освоением зарубежных и эмигрантских трудов, пересмотром методологических основ российской исторической науки, концептуальным переосмыслением итогов и последствий войны, появлением новых подходов и сюжетов научных работ. В настоящее время основное внимание уделяется кризису политической системы и государственного управления, взаимодействию власти и либеральной общественности, мобилизации тыла на нужды обороны. Дискуссионными остаются многие вопросы – о патриотических настроениях в русском обществе,

¹ Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне: Историография проблемы (1914–2000 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. 287 с.; Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Гулин А.О. Основные тенденции современной отечественной историографии Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 162–166; Мокшина Е.Н., Фадеев Б.С. Об историографии Первой мировой войны // Социально-политические науки. 2015. № 2. С. 47–53; Первая мировая война: современная историография: сборник обзоров и рефератов. М., 2014. 231 с.; Слезин А.А. Новое в отечественной историографии Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–1 (73). С. 138–142; Гришакова Л.В., Шмакова Н.Н. «Продовольственный вопрос» в современной историографии Первой мировой войны // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 47–53 и др.

причинах нарастания революционного кризиса, альтернативах войны и революции, масштабах демографических и финансово-экономических потерь страны и др.

Накануне войны в научных и правящих кругах Российской империи широко распространилось убеждение о том, что аграрный характер экономики является преимуществом в случае возникновения межгосударственного конфликта. Значительный вклад в формирование такого взгляда внес многотомный труд экономиста И.С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Он утверждал, что тяжесть военных расходов окажется различной для европейских стран вследствие специфики их экономического развития. Наибольшему риску подвергли бы себя государства, в значительных объемах импортировавшие хлеб и другие продукты питания, например, Англия, Германия, Италия. Положение России И.С. Блюх расценивал как наиболее устойчивое, поскольку она обладала огромными сельскохозяйственными площадями, а большинство населения составляли крестьяне, занятые земледельческим трудом².

В начале Первой мировой войны точка зрения о том, что, государства с аграрной экономикой в меньшей степени страдают от военных действий, все еще преобладала. Считалось, что нарушение товарно-денежного обмена лишь в незначительной степени затронет натуральное производство. Так, в первой половине 1915 г. известный экономист и публицист М.И. Туган-Барановский писал: «Война не нанесла тяжелых ударов нашему народнохозяйственному организму, который переносит тяжесть войны без расстройства своих основных жизненных функций, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя в этом отношении разительный контраст с тем, что мы видим в Германии»³.

Однако ситуация в экономике быстро менялась. Продовольственный вопрос перерастал в кризис. Современники в смятении пытались осмыслить, почему

² Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 1–5. СПб., 1898.

³ Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны». Петроград, 1915. С. 324.

Россия так быстро начала испытывать дефицит и дороговизну продуктов питания, какие изменения затронули сферу производства и потребления⁴. К примеру, один из деятелей кооперативного движения А.А. Минин отмечал: «Чрезвычайно важно выяснить, в чем же заключается главная причина современной дороговизны. Есть ли это какое-то стихийное явление, которое совершенно не зависит от человеческой воли и может быть устранено и людскими усилиями? Или дороговизна – результат человеческой деятельности и может быть уменьшена или уничтожена сознательной и организованной работой? <...> Зная причины, мы легче найдем и способы борьбы»⁵.

Пути разрешения продовольственных затруднений искали Всероссийский городской и Земский союзы, поскольку многие города и земства уже в начале 1915 г. приступали к самостоятельным операциям по снабжению населения. Специалисты союзов проводили региональные съезды, рассылали анкеты в городские думы и управления, занимались изучением экономической статистики по регионам об урожаях, ценах, ходе правительственных заготовок для армии и т.д. Результаты исследований публиковались отдельными брошюрами⁶. К этой работе присоединялись как отдельные ученые, так и научные общества. Так, в 1914–1916 гг. выходили «Труды комиссии по изучению современной дороговизны» Общества имени А.И. Чупрова при Московском университете. В каждом сборнике были представлены основанные на обширных статистических

⁴ Воблый К.Г. К вопросу о причинах современной дороговизны. Киев, 1915. 37 с.; Громан В.Г. Дороговизна хлебных продуктов. М., 1915. 16 с.; Демосфенов С.С. Общие соображения о причинах современной дороговизны. Петроград, 1916. 102 с.; Клейнборг Л.Н. Отчего в России не стало хлеба? Петроград, 1917. 31 с.; Ковальская Л.М. Дороговизна жизни и борьба с ней. М., 1917. 362 с.; Тыркова А.В. Продовольственная опасность. Петроград, 1917. 16 с. и др.

⁵ Минин А.А. Война, хозяйство и кооперация. М., 1915. С. 63.

⁶ Резолюции экономического совещания по борьбе с дороговизной, состоявшегося в Москве 11–13 июля при Всероссийском союзе городов. М., 1915. 15 с.; Результаты работ совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной жизни, организованного Главным комитетом Всероссийского Союза городов и происшедшего в Москве 11–13 июля 1915 г. Иркутское городское общественное управление. Иркутск, 1915. 20 с.; Всероссийский земский союз. Главный комитет: доклад Главного комитета Собранию уполномоченных губернских земств 9 декабря 1916 г. О работах продовольственного отделения экономического отдела. М., 1916. 11 с.; Всероссийский союз городов. Главный комитет. Экономический отдел. Борьба с дороговизной и городские управления. Вып. 1–2. М., 1916; Всероссийский союз городов. Свод резолюций Экономического совещания 3–4 января 1916 г. М., 1916. 15 с.; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. I–III. М., 1916; Главный Комитет Всероссийского Земского союза. Экономический отдел. Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. 1–8. М., 1916–1917 и др.

данных работы об изменении посевных площадей, денежном обращении, развитии кредита и др.⁷.

В начале 1916 г. председатель городской финансовой комиссии Петрограда М.П. Федоров констатировал, что деятельность городских властей по снабжению населения продовольствием не могла привести к значимым результатам. В начале войны все разделяли уверенность, что продовольственные неурядицы связаны только с торговой сферой, их могут легко разрешить городские управления, которые и занялись борьбой с дороговизной и сокращением подвоза. Однако города не имели ни денежных средств, ни собственной торговой или заготовительной инфраструктуры, а самое главное – реальных инструментов экономического регулирования. Они могли только ходатайствовать в различные правительственные структуры (об оказании помощи с доставкой закупленного продовольствия по железной дороге, разрешении закупить необходимые для населения продукты в тех регионах, где был введен запрет вывоза и т.п.). Города должны были решать и массу других вызванных войной проблем, при этом в их распоряжении имелись незначительные оборотные средства, не было подготовленных специалистов. Пришло понимание того, что единственной действенной мерой должна стать передача продовольственного обеспечения и армии и населения в руки правительства⁸.

В целом публикации дореволюционного периода отражали разочарование в деятельности правительственных чиновников, которые делали ставку на кратковременность войны и переоценили запасы сырья и продовольствия в стране: «При самых оптимистических расчетах, при самом головокружительном обольщении неиссякаемыми нашими ресурсами можно было все же предположить, что война обязательно вызовет продовольственные затруднения

⁷ Например: Соколов А.А. Сахар // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. II. М., 1915. С. 133–172; Поплавский И. Военно-грузовой налог и его влияние на дороговизну // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 71–98; Шлезингер Л.Г. Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 269–304; Сваицкий Н.А. Таксы // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. IV. М., 1916. С. 161–274 и др.

⁸ Федоров М.П. Война и дороговизна жизни 1916 г.: доклад председателя Петроградской городской финансовой комиссии М.П. Федорова. Петроград, 1916. С. 18.

<...> Но предвидения не было. И когда настал срок для организации и мобилизации хозяйственных сил в стране, то не оказалось авторитетной власти – органов, которые могли бы должным образом выполнить эти функции»⁹.

Представители левых партий все громче заявляли, что опыт воевавших стран наглядно продемонстрировал необходимость усиления государственного регулирования экономики и, прежде всего, дела снабжения армии и населения: «Только государство и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала. Только государство может и должно взять на себя организацию всего сельскохозяйственного производства и распределение получаемых от него продуктов»¹⁰.

Дальнейшее углубление продовольственного кризиса после Февральских событий 1917 г. и в период Гражданской войны обусловило внимание к теме известных экономистов, в том числе имевших опыт работы в государственных продовольственных органах в 1914–1917 гг. Например, в 1918 г. вышла книга бывшего министра торговли и промышленности, а затем и министра продовольствия Временного правительства С.Н. Прокоповича «Война и народное хозяйство». Автор подчеркнул, что способность государства обеспечить доступность продуктов питания для всех групп населения является важнейшим условием его устойчивости. Поражение России в войне определили не только такие факторы, как количество и качество военной техники или уровень подготовки армии, но также степень развития аграрного и промышленного секторов народного хозяйства¹¹.

К анализу продовольственной политики царского и Временного правительств обращались и сторонники Советской власти, которые стремились подчеркнуть ошибки и провалы своих политических оппонентов, обосновать необходимость чрезвычайных мероприятий Народного комиссариата

⁹ Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Петроград, 1917. С. 18.

¹⁰ Ясный Н.М. Продовольственное дело и хлебная монополия. Петроград, 1917. С. 13.

¹¹ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. 264 с.

продовольствия, реализовывавшихся в условиях острейшего дефицита ресурсов и ожесточенного вооруженного противостояния в годы Гражданской войны¹².

Многие серьезные исследования, проводившиеся в этот период, были завершены и опубликованы значительно позже. Так, в 1922 г. издана работа бывшего заведующего статистико-экономическим отделом Земского Союза Петрограда, товарища министра продовольствия Временного правительства Н.Д. Кондратьева «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». Он писал, что основным продуктом сельскохозяйственного производства России являлся хлеб, поэтому правительственные структуры, занимавшиеся регулированием внутреннего обмена и потребления, выстраивали свою деятельность в зависимости от хлебного рынка. Усиление государственного вмешательства в его функционирование было как следствием разложения хлебной торговли, так и причиной, которая ускорила этот процесс. Кондратьев проанализировал движение посевных площадей, урожайность, сборы, потребление, экспорт хлебов накануне и в годы войны, структуру и деятельность продовольственных органов, и пришел к выводу, что в целом проблема снабжения армии и населения оказалась чрезвычайно сложной для государства: «Над страной появились призраки острого продовольственного кризиса и перспектива голода. Эти призраки сгущались и превращались в мрачные тучи. Продовольственный кризис и перспективы голода, как известно, явились одним из определяющих факторов массовых настроений и всего хода социально-экономической жизни страны. Задача предотвращения или ослабления кризиса была, поэтому одной из основных задач времени, особенно с осени 1916 г. На разрешение ее было потрачено много сил. При создавшейся общей совокупности условий задача осталась неразрешенной»¹³.

В ранний советский период большевистское правительство стремилось использовать уроки Первой мировой войны для выстраивания собственной

¹² Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. Москва, 1918. 398 с.; Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. 30 с.

¹³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 201.

внутри- и внешнеполитической стратегии. Военные и гражданские специалисты сравнивали экономическое развитие и запасы ресурсов стран-участниц, оценивали влияние войны на промышленность, сельское хозяйство, внутреннюю и внешнюю торговлю, денежное обращение, уровень жизни населения¹⁴. В результате они констатировали, что государства с аграрной экономикой более уязвимы перед глобальными военными вызовами. Этот вывод лег в основу программы индустриализации страны: «Мировая война показала, что никакие мероприятия не могут спасти как промышленной, так и аграрной страны от разрушения в условиях блокады во время длительной войны. Разруха в одной из отраслей народного хозяйства немедленно отражается на народном хозяйстве в целом <...> Поэтому напрашивается главнейший вывод: надежной гарантией хозяйственной мощи страны может быть только ее полная экономическая независимость. Отсюда и другой более практический вывод, что только государству с народным хозяйством двустороннего индустриального аграрного типа не страшна блокада, и только такое государство может дать максимум боеспособности и экономической устойчивости в длительной войне»¹⁵.

В публикациях 1920-х гг. авторы подвергали критике сложившуюся в годы войны систему государственного регулирования экономики. Так, один из бывших сотрудников управления делами Особого совещания по продовольствию и редакторов «Известий Особого совещания по продовольствию» (издававшихся в 1915–1917 гг.), «Известий Особого совещания по топливу» (1916–1917 гг.) Я.М. Букшпан давал весьма скептическую оценку работе Особого совещания по продовольствию, характеризуя его как периодическое собрание многословных людей, некомпетентных в вопросах снабжения. По его мнению, основным недостатком продовольственных органов являлась постановка дела на местах:

¹⁴ Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М., 1921. 45 с.; Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России: лекции, читанные в Военно-Инженерной академии в 1920/21 учебном году. Петроград, 1922. 95 с.; Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925. 95 с.; Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917). М. – Л., 1926. 116 с.; Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. М. – Л., 1928. 174 с.; Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие: [в войну 1914–1918 гг.]. М. – Л., 1929. 90 с. и др.

¹⁵ Шаров П. Влияние экономики... С. 154.

состав губернских, уездных и городских совещаний был крайне разнообразен как по количеству входивших в них лиц, так и по характеру их занятий, все они действовали без какого бы то ни было плана, не имели опыта подобной деятельности¹⁶.

Подчеркивалась противоречивость и беспомощность экономической политики Временного правительства в целом и в продовольственной сфере в частности. Так, З.Б. Лозинский писал, что под давлением различных социальных групп власть декларировала меры по регулированию хозяйственной жизни страны, но затем сводила их на нет. Результатом восьмимесячной деятельности правительства стало лишь углубление разрухи и ускорение распада экономики. К осени 1917 г. единственно возможной альтернативой стало развитие по тому пути, который предлагали большевики: выход из войны, системное регулирование производства и распределения, национализация и централизация банков, синдикатов, реформа налоговой системы, организация обмена между городом и деревней через кооперативы и продовольственные организации и т.д.¹⁷.

Необходимость подвести итоги разрушительных событий Первой мировой и Гражданской войн, оценить ресурсы регионов для восстановления экономики страны обусловил интерес советских экономистов и статистиков к изучению хозяйственного потенциала Сибири. Анализировались особенности земледелия и скотоводства, проводились выборочные обследования материального состояния основных групп крестьянства, возможности развития пищевой промышленности. Однако вопрос о продовольственном обеспечении населения Восточной Сибири в годы Первой мировой войны разработки не получил¹⁸.

¹⁶ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М. – Л., 1929. С. 378.

¹⁷ Лозинский З.Б. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929. 201 с.

¹⁸ Самсонов В. Сибирь как источник продовольствия: Опыт «продовольственной географии» губерний: Омской, Семипалатинской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской. Омск, 1921. 56 с.; Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири: эпизодический курс лекций, прочитанных... в феврале-марте 1920 года; с 12-ю диаграммами и картограммами. Омск, 1921. 175 с.; Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924. 39 с.; Очерки по земледелию Восточной Сибири. Иркутск, 1924. 152 с. и др.

Во время следующего периода развития отечественной историографии Первой мировой войны (1930-е гг. – первая половина 1950-х гг.) внимание историков и военных специалистов было сосредоточено на анализе роли прифронтовых территорий в снабжении армейских подразделений, опыта деятельности интендантских служб. Исследователи подчеркивали, что недостаток продовольствия стал ощущаться уже осенью 1914 г., когда военные события еще не успели отразиться на экономике страны. К числу основных причин такой ситуации относили неготовность правительства к ведению длительной военной кампании, слабость политического режима, неудовлетворительное состояние транспорта, спекулятивные настроения предпринимателей и помещиков, которые наживались на военных поставках¹⁹. Продовольственная политика Совета министров оценивалась как несостоятельная – успешное разрешение проблемы снабжения могло быть осуществлено лишь при условии отказа от частной торговли хлебом и другими видами продовольствия, на что правительство пойти не решилось.

Проблема продовольственного обеспечения тылового населения сквозь призму региональных исследований в этот период не рассматривалась. Не способствовали развитию исторических исследований по сибиреведческой тематике такие обстоятельства, как общая политическая и экономическая ситуация в стране, недостаток научного финансирования, невостребованность гуманитарного образования и специалистов.

В 1950–1960-е гг. дискуссии о характере капиталистического развития Российской империи в пореформенный период, роли иностранного капитала, многоукладности различных форм хозяйствования дали новый стимул к тщательному изучению социально-экономического развития страны на рубеже XIX–XX вв. В том числе получила дальнейшее развитие работа по исследованию сельского хозяйства, промышленности, финансовой системы в годы Первой

¹⁹ Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 92–113; Житков Н. Продфуражное снабжение русских армий в мировую войну (1914 – 1915 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 12. С. 65–81 и др.

мировой войны²⁰. Власть оставалась в руках крупных дворян-землевладельцев, которые стремились заручиться поддержкой и предпринимателей. Во время войны происходило столкновение двух тенденций: объективная необходимость вмешательства государства в экономику и стремление капиталистических монополий использовать власть в собственных интересах. В результате меры воздействия государства на социально-экономическое развитие страны были непоследовательными, вели к обострению «классовых противоречий». Опыту хозяйственного регулирования царского и Временного правительств противопоставлялась деятельность советской власти в годы Великой Отечественной войны, которая смогла успешно решить проблему продовольственного обеспечения армии и населения. А.П. Погребинский отмечал: «Изучение продовольственного дела в годы Первой мировой войны 1914–1916 гг. показывает не только экономическую слабость царской России, но и неспособность самодержавия и буржуазии использовать наиболее рационально те материальные ресурсы, которые были в их распоряжении»²¹.

А.Л. Сидоров показал, что в связи с быстрым ростом численности армии потребности страны во всех видах продовольствия стремительно увеличивались. Однако на внутреннем рынке не государство регулировало цены, напротив, правительственный курс определяли рыночная конкуренция и спекуляция банков. Причиной обострения ситуации с хлебом осенью 1916 г. – зимой 1917 г. стал отказ крестьян выполнять разверстку А.А. Риттиха, а в дальнейшем выпускать зерно на рынок. Кризис в продовольственной сфере в условиях войны превратился в один из важнейших факторов, ускоривших революционные процессы²².

²⁰ Лаверычев В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Московского государственного университета. 1956. № 1. С. 46–68; Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. 332 с.; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 383 с.; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. 363 с.; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 656 с. и др.

²¹ Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. С. 59.

²² Сидоров А.Л. Экономическое положение ... С. 498–499.

На основе анализа направлений регулирования промышленности и транспорта, финансовой и продовольственной политики в феврале – октябре 1917 г. П.В. Волобуев пришел к выводу, что Временное правительство провозглашало себя выразителем общенациональных интересов, но фактически отстаивало требования предпринимательского класса. По этой причине решение важных вопросов (например, аграрного) откладывалось до созыва Учредительного собрания, государственные регулирующие мероприятия намечались в ограниченных пределах и лишь в интересах снабжения фронта. При таком подходе целесообразная организация производства, распределение продуктов, использование имевшихся ресурсов были невозможны. В результате хозяйственный кризис расширился и углубился до состояния катастрофы²³.

В диссертационном исследовании В.А. Вахромеева о деятельности продовольственных комитетов Временного правительства проводится мысль, что они не стали основой работоспособного аппарата из-за преобладания в их составе торговцев и предпринимателей. Крупные хлебодержатели оказывали сопротивление любым попыткам учета и контроля их запасов, власть не решилась использовать принудительные меры, чтобы заставить их выполнять закон о хлебной монополии, реквизиции применялись в основном в отношении крестьян. Стремительно нараставший продовольственный кризис усиливал революционное движение народных масс²⁴.

В этот период оживилась исследовательская работа по вопросам экономического развития Сибири в начале XX в. Историки анализировали результаты переселенческого движения, особенности землепользования, социальное расслоение крестьянства и др. Дискуссионным стал вопрос о влиянии войны на сельское хозяйство региона. С.А. Сидоренко, А.А. Храмков считали, что война нанесла тяжелый урон аграрному сектору²⁵. Согласно В.Г. Тюкавкину, в

²³ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. 483 с.

²⁴ Вахромеев В.А. Продовольственные комитеты в 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук, 1984. С. 193.

²⁵ Сидоренко С.А. Сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Урала и Западной Сибири: ученые записки Курганского государственного педагогического университета. Свердловск,

начале XX в. происходил рост товарности хозяйств, расширение внутреннего рынка, и военные события не прервали течение этих процессов²⁶. Л.М. Горюшкин и В.И. Пронин также отмечали положительные изменения в сибирской деревне, например, расширение посевных площадей и поголовья скота, однако уточняли, что это проявлялось далеко не повсеместно и наблюдалось не во все годы войны²⁷.

В пятитомном академическом издании «История Сибири» указано, что из-за отсутствия помещичьего землевладения местное сельское хозяйство имело «глубокие резервы роста производства». В годы войны здесь были сосредоточены значительные продовольственные запасы, вывоз которых осуществлялся в ограниченных объемах из-за транспортных затруднений, по этой причине дефицит продуктов питания ощущался не с такой остротой, как в губерниях Европейской России²⁸.

В статье о производстве и распределении хлеба в Западной Сибири (Томской и Алтайской губерниях) в марте-октябре 1917 г. Л.И. Боженко писал, что продовольственные комитеты Временного правительства находились под влиянием эсеров, меньшевиков и кулачества, не имели широкой народной поддержки и потому не могли обеспечить эффективное выполнение хлебной монополии. В Западной Сибири во время войны производство хлеба росло (в 1917 г. вместо обычного сбора в 199 млн пудов было получено 451 млн пудов), однако власти не смогли получить хлеб у его основных держателей, он лежал в амбарах кулаков, торговцев и спекулянтов. Августовское повышение твердых цен стало

1966. С. 310–318; Храмов А.А. О влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство Томской губернии // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. С. 37–39 и др.

²⁶ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. 471 с.; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. – 207 с. и др.

²⁷ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1967. 412 с.; Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 201–208; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. 342 с.; Пронин В.И. Динамика уровня земледельческого производства в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // История СССР. 1977. № 4. С. 58–75; Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в (к статистике вопроса) // Из истории Алтая: сборник статей. Томск, 1978. С. 95–129 и др.

²⁸ История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968 г. С. 438.

для них источником дополнительного дохода, в то время, как положение горожан, рабочих, бедняков и солдатских семей значительно ухудшилось²⁹.

С середины 1980-х гг. в связи с политическими изменениями в стране происходил отказ от прежних подходов к изучению ключевых для страны исторических событий XX в. В этот период начали выходить исследования Т.М. Китаниной о российской внутренней и внешней хлебной торговле в конце XIX – начале XX вв., и на протяжении более 40 лет автор не оставляет данную проблематику³⁰. По мнению Т.М. Китаниной, продовольственный кризис 1916–1917 гг. стал результатом «объективных» и «субъективных» причин. К первой группе она отнесла расстройство всех важнейших отраслей экономики. Страна не была готова к затяжной войне, правительство сосредоточило внимание на стратегии и тактике военных операций. Планы мобилизации разрабатывались схематично, поэтому осуществлялась она спешно, с большими потерями. Нарушение железнодорожного сообщения, чрезмерный выпуск бумажных денег, переориентация промышленности на выпуск военной продукции привели к товарному дефициту, падал платежеспособный спрос и жизненный уровень населения. Сокращение посевных площадей, резко возросшее снабжение армии компенсировалось за счет уменьшения норм потребления гражданского населения. Главной «субъективной» причиной продовольственного кризиса являлось нежелание власти поступиться интересами крупных помещиков и хлеботорговцев, ограничить свободный рынок, поэтому меры государственного регулирования продовольственных вопросов оказались непоследовательными и

²⁹ Боженко Л.И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 122–136.

³⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. 286 с.; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917). Л., 1985. 384 с.; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны: 1914 – середина 1916. СПб., 2003. 143 с.; Китанина Т.М. Муниципальные структуры городов и продовольственный кризис в России в годы первой мировой войны: продовольственные операции // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 136–138; Китанина Т.М. Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рязань, С. 86–88; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. 608 с. и др.

малоэффективными: «Они затронули лишь сферу обмена, исключая область производства, обусловили сохранение сравнительно сильных экономических позиций помещного дворянства, позволили ему вклиниться в "новую полосу существования" и претендовать на отнюдь не последнюю роль в деле государственного регулирования. Эти методы обеспечили экономическое влияние буржуазии на решение связанных с продовольственным снабжением проблем»³¹.

Если ранее придавалось большое значение изучению подпольной работы партии большевиков, их деятельности по организации массовых антиправительственных выступлений крестьян, рабочих и солдат, то теперь начался более глубокий анализ причин народного недовольства. Так, предметом изучения Ю.И. Кирьянова стали нестачечные, недемонстрационные формы протеста рабочих в 1914 г. – феврале 1917 г., вызванные дороговизной («продовольственные беспорядки», «базарные погромы», «голодные бунты» и т.п.). Они не были связаны с деятельностью политических партий, развивались стихийно, поэтому власть не могла точно предсказать, где именно произойдет очередная вспышка. Солдаты и население выражали сочувствие участникам, слухи о них распространялись быстро и далеко за пределы губерний. С течением времени количество продовольственных выступлений увеличивалось, что отражало высокий уровень социальной напряженности, оказывало влияние на рост антиправительственных и антивоенных настроений в целом³².

На современном этапе изучение экономических процессов, протекавших в Российской империи в годы Первой мировой войны, относится к числу наиболее актуальных и востребованных направлений историографии. Об этом свидетельствуют материалы многочисленных научных конференций и коллективных монографий³³. Проблема обеспечения населения продовольствием,

³¹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 374.

³² Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. 288 с.; Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18; Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 гг. М., 2005. 217 с.

³³ Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. 564 с.; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: материалы международной научной конференции (Москва, 30

причины и последствия его дефицита также стали предметом более детального анализа. Продовольственный вопрос рассматривается как один из важнейших факторов, оказавших влияние на массовые настроения, которые привели к революционным событиям Февраля и Октября 1917 г.³⁴

В 2000-е гг. в отечественной историографии развернулась острая дискуссия о характере и результатах модернизации и уровне благосостоянии населения позднеимперской России. Согласно одному из подходов, главным критерием успешности модернизации стало улучшение условий жизни населения на рубеже XIX–XX вв. Однако высокие темпы экономического развития сопровождались ростом социальных противоречий, конфликтности и напряженности. В годы войны курс на модернизацию не был прерван, несколько сократилось сельскохозяйственное производство, но в целом продовольственные трудности населения были гораздо меньшими, чем в других странах, например, в Германии. Непосредственным поводом к Февральской революции стали перебои в снабжении крупных городов, прежде всего столичных. Тем не менее, социально-экономические проблемы явились лишь предпосылками революционных событий, решающую роль играли политические факторы, в частности борьба за власть между разными группами элит. Неудачи на фронте подстегнули оппозиционные настроения и не позволили безболезненно преодолеть кризисные явления³⁵.

Историки, придерживающиеся противоположных позиций, исходят из того, что причины революционных событий имели глубокий системный характер.

сентября – 3 октября 2014 г). М., 2014. – 712 с.; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. 982 с.; Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014. 416 с. и др.

³⁴ Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. 222 с.; Борисов В.И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914 – март 1921 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1996. 47 с.; Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция: продовольственная политика на Юге России в период Первой мировой войны и революции (1914–1918). М.-Луганск, 1997. 148 с. и др.

³⁵ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. 848 с.; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1–3. СПб., 2015; Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения России в конце XIX – начале XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 168–176; Давыдов М.А. Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138; Давыдов М.А. Статистика и политика // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 122–140; Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. М., 2016. С. 936 и др.

Уровень потребления подавляющей части населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. был низким, поскольку в долгосрочной перспективе общественное производство отставало от темпов демографического роста. К тому же, существование помещичьего землевладения порождало непропорциональное распределение земли и доходов от экспорта аграрной продукции. В стране производилось огромное количество хлеба, но он вывозился за границу, в то время как большая часть населения вела полуголодное существование. Выход из этой «мальтузианской ловушки» мог осуществиться за счет реформирования политической системы и экономической модернизации. Однако Первая мировая война прервала эти процессы. Крестьянская по составу армия не желала воевать за власть, защищавшую интересы помещиков. Об этом свидетельствовала «самовольная демобилизация» русских полков (дезертирство, массовые сдачи в плен), начавшаяся на фронте в 1916–1917 г. Положение в деревне было напряженным и в довоенный период, а теперь крестьяне придерживали хлеб, отказывались продавать его правительству. Зимой 1916–1917 гг. в стране сложилась критическая ситуация с продовольствием: в городах не было хлеба, как в столицах, так и в провинции разгорались волнения, спровоцированные дефицитом и дороговизной продуктов. Выступления с требованиями хлеба в феврале 1917 г. в Петрограде были поддержаны рабочими и солдатскими гарнизонами, которые выступили под лозунгами «Земля и воля». В результате Февральская революция была совершена крестьянами, поставленными под ружье во время войны³⁶.

Появляются первые попытки комплексного обобщающего анализа продовольственной ситуации в стране в военный период. В работах М.В. Оськина исследуется продовольственное обеспечение тылового населения и снабжение вооруженных сил с учетом ресурсов народного хозяйства, тех изменений,

³⁶ Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136; Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 3. С. 635–655; Нефедов С.А. Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 96–107; Островский А.В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб., 2016. 249 с.; Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016. 431 с. и др.

которые складывались в экономике под влиянием войны³⁷. Он пришел к выводу, что сельскому хозяйству страны не был нанесен настолько значимый ущерб, чтобы можно было говорить о его катастрофическом положении к осени 1917 г. Причинами продовольственного кризиса стало разрушение внутреннего рынка и неспособность государства осуществить мобилизацию экономики на длительную войну. Первоначально правительство рассчитывало на использование экспортных объемов продуктов питания для армии и населения, других запасов не делало. По мере того, как военные действия затягивались, армия увеличивалась, требовалось все больше продовольствия, а производители и держатели хлеба сокращали его выпуск на рынок. Со второй половины 1916 г. снабжение фронта могло осуществляться только за счет сокращения потребления продуктов в тылу. Государственные продовольственные заготовки начались даже в таких отдаленных областях страны, как Восточная Сибирь и Дальний Восток. В результате и эти регионы также начали испытывать дефицит продовольствия³⁸. Таким образом, неадекватная оценка ситуации в предвоенный период, необоснованные расчеты на кратковременность войны, запоздавшие меры по сворачиванию рыночной торговли и нормированию потребления в тылу и на

³⁷ Оськин М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 144–152; Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 г.: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66; Оськин М.В. Продовольственная проблема России в 1917 году // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2 (3). С. 355–361; Оськин М.В. «Ритиховская» хлебная развертка зимы 1916/17 годов: продовольственный кризис в Центрально-Черноземном районе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 68–73; Оськин М.В. Продовольственная политика Министерства земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 190–209; Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны: производство и снабжение (к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 130–139; Оськин М.В. Война и хлеб: продовольственное снабжение русской армии в период Первой мировой войны (потенциал ресурса в войне на истощение) // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. С. 315–323 и др.

³⁸ Оськин М.В. «Особая» экспедиция П.К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны // *Mongolica*. 2014. № XII. С. 36–42; Оськин М.В. Китайский хлеб для России: русские продовольственные закупки на Дальнем Востоке в 1917 г. // Россия и АТР. 2015. № 2 (88). С. 111–120; Оськин М.В. Заготовки продовольствия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 121–134; Оськин М.В. Заготовки скота для действующей армии в период Первой мировой войны 1914–1917 гг.: Азиатская Россия в снабжении фронта // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Оренбург, 2018. С. 123–127.

фронте привели к кризису системы продовольственной политики перед Февральской революцией 1917 г.³⁹.

Главной задачей Временного правительства стало выполнение обязательств по снабжению армии и населения, согласно планам, составленным еще до революции. Весной была введена хлебная монополия, удалось использовать революционно-патриотический энтузиазм крестьянства, которое взамен ожидало от власти решения земельного вопроса и скорого окончания войны. Однако война затягивалась, крестьянство сокращало поставки хлеба. С августа продовольственный кризис прогрессировал с новой силой, в стране больше не существовало запаса продуктов, которыми можно было бы оперировать в наиболее тяжелое время. Потребление сокращалось вплоть до недоедания и голодовок в потребляющих регионах и городах, а транспортная разруха блокировала возможность урегулирования продовольственной ситуации в стране накануне Октябрьского переворота⁴⁰.

На современном этапе происходит переоценка продовольственного курса Временного правительства. Исследователи приходят к выводу, что причинами неэффективности мер государственного регулирования по смягчению продовольственного кризиса после Февральской революции 1917 г. стало то, что они осуществлялись в условиях существования стихийного рынка, обесценивания денег, товарного голода, коллапса транспортной системы в стране. Провал хлебной монополии привел к тому, что приходилось сокращать нормы потребления, как в армии, так и в тылу⁴¹.

³⁹ Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. С. 545.

⁴⁰ Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 164–171; Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии ... С. 542–544.

⁴¹ Гришакова Л.В. Организация продовольственного дела на Южном Урале в период Временного правительства // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: сборник статей к международной научной конференции. Оренбург, 2007. С. 195–210; Корольков О.П. Продовольственный вопрос в Псковской губернии в 1917 г. и Великая российская революция // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2011. № 34. С. 96–117; Канайкин П.А. Продовольственный вопрос в России в сентябре-октябре 1917 года // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 185–190; Сахневич И.В. Правовые основы продовольственной политики Временного правительства // Юридические записки. 2014. № 1. С. 138–143; Липатова Н.В. Ошибка регионального масштаба: хлебная монополия Временного правительства и ее последствия // Центр и периферия.

Подвергается критике укоренившееся в историографии с советских времен представление о том, что курс Временного правительства являлся продолжением прежней политической монархической традиции. Его программа и принятые решения позволяют говорить не о преемственности, а о разрыве с ней, что было связано как с характером революционных обстоятельств 1917 г., так и с взглядами новых политических деятелей, ставших министрами в ходе свержения самодержавия. Основную причину слабости власти историки видят в том, что либералы оказались неспособны «организовать общество» и использовать внепарламентские средства борьбы за власть. В сложившейся к осени 1917 г. ситуации у власти был выбор – либо отказ от буржуазной концепции прав и свобод человека, либо банкротство режима⁴².

Усилилось внимание к вопросам продовольственного обеспечения армии. Согласно выводам исследователей, на протяжении войны интендантство работало успешно. Солдатами и командующими отмечались случаи плохого снабжения, однако они не носили общего характера. Иногда претензии вызывало качество продуктов, однообразный рацион или непривычная пища (кукуруза, чечевица). Сообщения о плохом питании в армии стали массовыми лишь в начале 1917 г., что стало следствием продовольственного кризиса в тылу. Началось понижение норм потребления, стало невозможно купить продовольствие на стороне, появились случаи цинги и т.п. Солдат волновали тяжелые условия жизни семей, о чем сообщали письма из дома, рассказывали приезжавшие из отпусков. Отсутствие эффективных мер по сдерживанию роста цен, задержки и сокращение

2015. № 4. С. 4–9; Славнитский Н.Р. Продовольственный вопрос на Северо-Западе России осенью 1917 г. // История в подробностях. 2017. № 2 (80). С. 48–51; Субботина И.А. Организация работы органов, снабжающих армию продовольствием, в период Временного правительства (на примере Нижегородской губернии) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–1. С. 78–91; Мунжукова С.И. Проблема распределения продовольствия и карточная система Петрограда в 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2018. №3 (19). С. 325–336; Борисов В.И. Хлебная монополия Временного правительства и ее экономические и политические результаты (март – октябрь 1917 г.) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2 (46). С. 177–195 и др.

⁴² Федоров А.Н. Организация продовольственного дела в революционной России (март–октябрь 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2010. № 2 (14). С. 25; Гайда Ф.А. Временное правительство: принципы политики в контексте развития революционных процессов в России весной – летом 1917 г. // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 17–34.

выплат пайков семьям призванных вызывали озлобление, пессимизм и тревогу на фронте⁴³.

Продовольственный вопрос в годы Первой мировой войны получил более глубокую разработку и на региональном уровне. Многочисленные исследования показывают, что острую нехватку продовольствия и предметов первой необходимости накануне Февральской революции испытывали промышленные и столичные города, в провинции – прежде всего губернские центры (из-за наплыва беженцев, военнопленных, уменьшения подвоза продовольствия из-за расстройств железнодорожного сообщения и др.)⁴⁴.

Зачастую мнения относительно оценки глубины и последствий продовольственного кризиса в одной и той же местности расходятся, что свидетельствуют о необходимости дополнительного анализа. Например, Я.А. Голубинов считает, что в Среднем Поволжье, одном из крупнейших центров зернового производства, накануне войны экономика находилась в состоянии подъема. Создание продовольственных комитетов, начало закупочных операций, введение карточной системы осуществлялось с запозданием по сравнению с другими регионами, что объяснялось благоприятной продовольственной ситуацией. Уполномоченные Министерства земледелия успешно вели заготовки хлеба для армии. Местные власти занимались продовольственным вопросом только из-за предписаний правительства. Случаи погромов торговых лавок были единичными. Проблемы обеспечения населения продовольствием не оказали

⁴³ Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы первой мировой войны. СПб., 2004. 144 с.; Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. 740 с.; Асташов А.Б. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 г.: доклады и выступления участников V международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 298–309 и др.

⁴⁴ Касимов А.С. Продовольственный кризис в земледельческих губерниях Центральной России накануне Февральской революции // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2007. № 4 (8). С. 91–94; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 288 с.; Карпачев М.Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. № 3. С. 66–81; Корольков О.П. Продовольственный вопрос в Псковской губернии в 1917 г. и Великая Российская революция // Псков. 2011. № 34. С. 96–117; Магомедов Р.Р., Гришаква Л.В. Война и хлеб: История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012. 171 с.; Имаев О.А. Проблема снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения губернских городов Южного Урала в 1915–1916 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (32). С. 82–85 и др.

значительного влияния на рост революционных настроений, гораздо большее значение имела борьба политических партий⁴⁵. Напротив, Е.Ю. Семенова относит продовольственный вопрос к числу ключевых факторов военной повседневности, которые в числе прочего изменили сознание и мировоззрение горожан Поволжья. В частности, представления о власти и государстве, перспективах развития страны, а также социальные и индивидуальные поведенческие практики – людям приходилось сокращать привычные нормы потребления, стоять в очередях для приобретения продуктов по карточкам, искать лавки, где товары были в наличии, оплачивать их по повышенной стоимости и т.д. Все это вызывало массу вопросов, кто виноват в создавшейся ситуации, почему с течением времени она лишь усугублялась, почему не пресекалась деятельность спекулянтов и т.д.⁴⁶.

На материалах Карелии А.Ф. Кривоноженко показал, что в военный период значительно усилился товарообмен русских крестьян с населением Финляндии. Таким образом, регионы Российской империи, расположенные близко к границам, прибегали к помощи соседних государств, с которыми имели давнишние экономические связи. В условиях ослабления центральной власти это могло иметь негативные внешнеполитические последствия для страны, поскольку усиливало сепаратистские настроения на окраинных территориях⁴⁷.

Процессы социально-экономического и политического развития губерний Сибири в годы Первой мировой войны долгое время не привлекали внимания исследователей из-за «аграрного характера» экономики и «политической

⁴⁵ Голубинов Я.А. Снабжение населения и продовольственные комитеты в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // Самарский земский сборник. 2005. № 1 (9). С. 60–61; Голубинов А.Я. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2007. № 5–3 (55). С. 194–200; Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2009. 236 с.; Голубинов А.Я. «Потребность в самопомощи»: решение продовольственного вопроса в средневожских городах в 1914–1917 гг. // Великая война 1914–1918 гг.: сто лет. СПб., 2014. С. 191–205.

⁴⁶ Семенова Е.Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 169–174; Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. 888 с.

⁴⁷ Кривоноженко А.Ф. Продовольственная проблема в Карелии в годы Первой мировой войны и ее решение // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 72–79.

инертности» населения⁴⁸. Лишь в последние два десятилетия начали появляться работы, авторы которых предпринимают попытки оценить объемы тех человеческих и материальных ресурсов, которые были сосредоточены за Уралом, уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, значение поставок местного продовольствия на фронт⁴⁹, проследить судьбу сибирских воинских соединений и частей⁵⁰.

В связи со 100-летием начала Первой мировой войны в Сибири прошел ряд конференций (в 2013 г. в Красноярске, в 2014 г. и 2016 г. – в Новосибирске). По результатам выступлений и дискуссий были опубликованы сборники статей по вопросам экономического и промышленного развития сибирских губерний, потребительской кооперации, положению пленных, социальной помощи и благотворительности⁵¹. Новый стимул к обсуждению проблематики также дают публикации документов⁵² и издания краеведческой направленности, в которых представлены сведения о переменах в повседневной жизни людей, участии уроженцев региона в боевых действиях, разнообразные фотоматериалы⁵³.

⁴⁸ Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999. С. 2.

⁴⁹ Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103–118; Зиновьев В.П. Сибирский тыл в период Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 92–95; Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 48–61; Горелов Ю.П., Ростов Н.Д., Еремин И.А. Вклад Сибири в обеспечение российской армии продовольствием в годы Первой мировой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 90–96; Вторушин М.И. К вопросу о состоянии зернового производства в сибирском регионе в годы Первой мировой войны // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2018. № 1. С. 64–72; Баяндин В.И. Сибирь в годы Первой мировой войны: экономика военного времени. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kraeved.ngonb.ru/node/4840> и др.

⁵⁰ Новиков П.А. Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 275 с.; Новиков П.А. Сибирские армейские корпуса в Первой мировой войне // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 63–72; Новиков П.А. 3-й Сибирский корпус в марте 1916 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–1 (64). С. 153–156; Новиков П.А. Документация о людских потерях сибирских стрелковых полков в Первой мировой войне // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 92–98; Новиков П.А. Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я сибирские стрелковые дивизии в 1914–1917 г. // Известия лаборатории древних технологий. 1916. № 1 (18). С. 63–72 и др.

⁵¹ Сибирь в войнах начала XX века: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. 304 с.; Сибирь в войнах начала XX века. Сибирь и войны XIX–XX веков. Новосибирск, 2014. 170 с.; Баяндин В.И., Запороженко А.В. Научная конференция, посвященная 100-летию Брусиловского прорыва // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 177–179.

⁵² Первая мировая война в документах Государственного архива Иркутской области. Иркутск, 2014. 271 с. и др.

⁵³ Комарова Т.С. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой... Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007. 120 с.; Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2014. 414 с.

Выходят издания с исследованиями о влиянии военных событий на жизнь отдельных городов⁵⁴.

В монографической работе М.В. Шиловского выявлены основные тенденции социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Сибири в годы Первой мировой войны. Автор отметил, что мобилизация ресурсов Азиатской России стала возможна благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали. В годы войны было призвано на фронт около 1 млн сибиряков или примерно каждый второй трудоспособный мужчина. Из-за потери рабочих рук и реквизиции лошадей, сокращения переселенческого движения серьезно пострадало сельское хозяйство. Неотъемлемой частью повседневной жизни стал рост цен на товары первой необходимости и продовольствие. В таких условиях происходило усложнение функций местных властей в лице губернаторов и городских самоуправлений, которым, однако, не удалось урегулировать ситуацию на потребительском рынке⁵⁵.

Значительное количество работ о развитии сельского хозяйства сибирского региона в годы войны, внутри и межрегиональных торговых связях, влиянии государственных заготовок (хлеба, мяса и масла) для армии на продовольственное положение местного населения принадлежат В.М. Рынкову⁵⁶. Осуществив

⁵⁴ Фабрика Ю.А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 41–45; Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: коллективная монография. Иркутск, 2014. 447 с.; Иркутск накануне и в 1917 г. Очерки политической истории губернского центра. Иркутск, 2017. 544 с.

⁵⁵ Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с.

⁵⁶ Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне, 1890–1920 гг. Новосибирск, 2004. С. 78–97; Рынков В.М. Государство, кооперация и частные предприниматели: маслозаготовки в Сибири в 1914–1916 годах // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 118–127; Рынков В.М. Сибирский хлеб для армии и союзников: заготовки 1916–1917 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск, 2014. С. 416–425; Рынков В.М. Государственная кредитная политика как фактор разрешения продовольственного вопроса в Сибири в 1915 – начале 1917 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 179–187; Рынков В.М. Аграрная экономика Сибири в годы Первой мировой и гражданской войн: проблема интерпретации статистических источников // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 4 (26). С. 42–50; Рынков В.М. Влияние государственных заготовок хлеба на продовольственное положение населения Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск, 2016. С. 174–182; Рынков В.М. Аграрная экономика под прессом государственного администрирования: из опыта времен Первой мировой войны // Экономический журнал. 2016. № 3 (43). С. 68–97; Рынков В.М. На пути к колониальному будущему: трансформация экономики Сибири в годы Первой мировой войны // Азиатская Россия: люди и структуры империи, 2016. С. 55–63; Рынков В.М. Власть и население Сибири в тисках потребительских кризисов: региональные

глубокий анализ источников и исследований о зерновом производстве и животноводстве, он пришел к выводу, что говорить об успешном развитии аграрного сектора в Сибири в военный период нельзя. Некоторый прирост производства фиксировался источниками вероятнее всего лишь из-за более качественного учета, организованного в связи с войной⁵⁷. Продовольственное снабжение населения в восточносибирских губерниях ухудшилось из-за осуществления масштабных заготовок хлеба в Западной Сибири и нарушения транспортного сообщения. Внутри региона отсутствие развитых путей сообщения (речных, железнодорожных, шоссейных) приводило к избытку сельскохозяйственной продукции в одних уездах, и одновременно острому дефициту в других. Как и в других областях страны постепенно возникло расхождение между твердыми ценами на хлеб и рыночными, что определило нежелание крестьян продавать зерновые по низкой стоимости⁵⁸.

В целом за военный период позиция центрального правительства в отношении сибирского региона значительно ужесточилась: здесь были установлены самые низкие заготовительные цены, шел процесс наращивания доли сырых продуктов в региональном вывозе, сокращались внутренние перевозки продовольствия и др.: «Сибирь в 1914–1917 гг. сделала шаг от хозяйственной самостоятельности, которая с таким трудом завоевывалась в предшествовавшие десятилетия и находилась еще в зачаточной стадии, обратно к положению экономически зависимой окраины, эксплуатируемой в интересах имперского центра»⁵⁹.

На основе анализа продовольственной политики Временного правительства В.М. Рынков также проследил последовательное усиление государственного регулирования в сфере хлебозаготовок. Он пришел к выводу, что действия власти привели к сокращению товарной доли производившейся в России зерновой

особенности общероссийских социальных процессов (лето 1914 – февраль 1917 года) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017. С. 179–187 и др.

⁵⁷ Рынков В.М. Аграрная экономика Сибири в годы Первой мировой ... С. 47.

⁵⁸ Рынков В.М. Влияние государственных заготовок ... С. 176–177; Рынков В.М. Сибирский хлеб для армии ... С. 417.

⁵⁹ Рынков В.М. На пути к колониальному ... С. 61–62.

продукции – правительство изымало у производителей и крупных держателей хлеб путем реквизиций, что повлекло сокращение посевных площадей и увеличение внутреннего потребления в крестьянских хозяйствах. В целях усиления хлебозаготовок летом 1917 г. правительство разработало ряд предложений (использование населением частного инвентаря и сельскохозяйственной техники, прямой товарообмен промышленных изделий на хлеб и т.п.), реализация которых могла осуществиться только на основе применения принудительных мер, которые в дальнейшем реализовал и развил уже большевистский режим⁶⁰.

В.М. Рынкову и В.А. Ильиных принадлежит авторство специальных изданий Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, посвященных исследованию основных тенденций развития, общих закономерностей и региональных особенностей сельскохозяйственного производства Сибири в период социальных катаклизмов начала XX в., в том числе и в период Первой мировой войны. В них показана большая зависимость сибирского земледелия и скотоводства от природно-климатических факторов, условия функционирования крестьянского хозяйства, землепользования и землевладения, ход продовольственных заготовок и др.⁶¹.

Роль потребительской кооперации в преодолении продовольственных затруднений сибирского населения в годы войны изучает Г.М. Запорожченко⁶². Она выявила быстрый количественный рост кооперативов, которые открывали

⁶⁰ Рынков В.М. В преддверии военного коммунизма: государственная продовольственная политика как фактор трансформации хлебного рынка России (февраль – октябрь 1917 г.) // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 105–119.

⁶¹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.: материалы к монографии. Новосибирск, 2007. 170 с.; Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 28–32; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. 307 с.; Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. 244 с.

⁶² Запорожченко Г.М. Опыт сотрудничества кооперации и органов власти в решении продовольственной проблемы в городах Сибири (1914 – февраль 1917 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 1. С. 61–66; Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск, 2015. 540 с.; Запорожченко Г.М. Деятельность потребительской кооперации Сибири по преодолению продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2015. № 1(12). С. 68–77.

хлебопекарни, мукомольные, колбасные и другие предприятия, сотрудничали с органами городского самоуправления в закупке и реализации продовольствия по заготовительным ценам, введении карточной системы, положительно сказывался на снабжении населения. Постепенно характер кооперативного движения менялся: если вначале потребительские общества возникали для борьбы со спекуляцией, посредничеством, то с течением времени превращались в распределительные торговые пункты при продовольственных структурах. Таким образом, происходило «сращивание» кооперативов с органами городского самоуправления. К числу факторов, которые сдерживали кооперативное движение, относились недостаток оборотных средств и общий дефицит продовольственного рынка⁶³.

Положение Западной Сибири как тылового района России в годы войны исследует И.А. Еремин. Его работы охватили широкий спектр вопросов: продовольственные поставки в армию, деятельность военно-промышленных комитетов, помощь семьям мобилизованных, раненым, беженцам, военнопленным, благотворительная работа местной общественности и др. По мнению автора, вклад региона в общее дело обороны страны заключался, прежде всего, в поставках на фронт сельскохозяйственной продукции (зерно, масло, мясо и др.). Для нужд обороны в некоторой степени удалось задействовать и промышленный потенциал, однако в целом отсутствие крупного производства, удаленность от центральной России, сложности железнодорожных перевозок препятствовали мобилизации местного промышленного сектора на нужды обороны. Для пополнения армейских подразделений широко привлекался человеческий потенциал региона – в сельской местности было мобилизовано более половины мужского трудоспособного населения. Местное население и власти вели большую работу по формированию врачебно-питательных отрядов,

⁶³ Запороженко Г.М. Деятельность потребительской ... С. 75.

сбору благотворительных средств на помощь пострадавшим от войны, приему беженцев и военнопленных⁶⁴.

Большой интерес для нашего исследования представляют статьи О.В. Чудакова о деятельности органов городского самоуправления Западной Сибири по борьбе с дефицитом и дороговизной продовольствия и товаров первой необходимости. Он показал, что увеличение численности населения за счет расквартирования военных гарнизонов, размещения раненых, беженцев и военнопленных на фоне сокращения подвоза сельскохозяйственной продукции из деревень вызвало рост цен в городах уже в начальный период войны. Городские думы и управы оказались не в состоянии решить проблему нехватки продуктов питания из-за скромных бюджетов, а также существенного ограничения их компетенции «Городовым положением» 1892 г.⁶⁵.

Согласно оценке Э.Е. Шумиловой, ситуация с продовольствием в Западной Сибири была более благополучной, чем в европейской части страны. Возникавшие с 1916 г. очереди («хвосты») были вызваны не столько недостатком продуктов, сколько «нежеланием горожан покупать товар не самого высокого качества»⁶⁶. Такое мнение разделяют В.Д. Камынин и А.Б. Храмцов, Е.Н. Косых, которые показали, что волнения среди населения западносибирских губернии из-за нехватки продовольствия начались уже после Февральской революции –

⁶⁴ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 278 с.; Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2006. 618 с.; Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с. и др.

⁶⁵ Чудаков О.В. Деятельность органов городского самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 35–37; Чудаков О.В. Формирование доходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 13–16; Чудаков О.В. Составление расходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 25–28; Чудаков О.В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 146–154.

⁶⁶ Шумилова Э.Е. Продовольственное обеспечение в крупных городах Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 69–72.

осенью 1917 г., когда усталость населения от «различных продовольственных, промтоварных и топливных кризисов» достигла критической точки⁶⁷.

В фокусе внимания современных зарубежных историков находятся причины вызревания общенационального кризиса в течение Первой мировой войны, приведшего к революционным потрясениям в 1917 г.⁶⁸, социально-экономические процессы и противоречия в Российской империи⁶⁹, деятельность общественных организаций и развитие гражданского общества⁷⁰ и др. Стремление понять причины быстрого продвижения государства по пути революционного радикализма, рост популярности партии большевиков обусловили обращение зарубежных историков и к истории российской провинции⁷¹.

П. Гэтрелл и М. Харрисон, сравнив опыт участия России в Первой и Второй мировых войнах, пришли к выводу, что военный потенциал страны зависит от уровня экономического развития, однако как именно этот потенциал будет воплощен, определяется множеством факторов – способностью политиков принимать эффективные решения, степенью национального единства и поддержки войны и др. До начала Первой мировой войны существовало распространенное убеждение, что промышленная инфраструктура многих европейских государств уязвима для разрушений, в то время как Россия с ее аграрной специализацией и запасами продовольствия находилась в очень выгодной позиции. В ходе войны стало ясно, что именно развитая

⁶⁷ Камынин В.Д., Храпцов А.Б. Борьба с дороговизной и обеспечение населения товарами первой необходимости в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 45. Т. 3. С. 1110–1118; Косых Е.Н. О социально-экономических волнениях среди населения Томской губернии накануне и в революционном 1917 г. // Вестник томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 76–79.

⁶⁸ Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 17–33; Пайпс Р. Русская революция [в 3 кн.]. Кн. 1: Агония старого режима, 1905–1917. М., 2005. 480 с. и др.

⁶⁹ Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. Harlow, 2005. 318 p.; Гэтрелл П. Промышленники и революция // Акто́н Э., Розеберг У.Г., Черняев В.Ю. Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 528–540 и др.

⁷⁰ Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. 449 с. и др.

⁷¹ Райли Д. Политические судьбы Российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. 395 с.; Бэдкок С. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.

инфраструктура делала экономику устойчивой. Урон сельскохозяйственному производству был не настолько значителен, как во время Второй мировой войны, однако определяющим негативным фактором стало то, что правительство проводило закупки для армии и регулирование потребительского рынка без продуманного плана. Крестьяне потеряли стимулы для продажи зерна, а города начали испытывать дефицит продовольствия. Февральская революция началась под лозунгами с требованиями хлеба, но быстро превратилась в политический протест. Революционные потрясения 1917 г. были вызваны отсутствием военных успехов, управленческой некомпетентностью царского правительства в сочетании с социальными конфликтами и разобщенностью населения⁷².

Развитие хлебного рынка на протяжении Первой мировой и Гражданской войн исследовал Л. Ли. Он подчеркнул тот факт, что снабжение армии и населения хлебом могло осуществляться успешно только при заинтересованности производителей продавать зерно. Однако царское правительство не смогло обеспечить возможности для нормального функционирования «защищенного рынка», что и привело его к падению. Негативную роль сыграла широко развернувшаяся спекуляция, поскольку значительный рост цен на продукты питания особенно тяжело переживали беднейшие группы населения. Продовольственный кризис стал частным проявлением системного кризиса в стране, одним из звеньев в цепи общего провала основных институтов, координировавших деятельность общества, транспортной сети, торговли и др. Сбой в каждом звене этой цепи усиливал неудачи во всех остальных⁷³.

К. Мацузато проанализировал организацию системы хлебозаготовок в годы войны. Правительства воюющих стран использовали для мобилизации ресурсов уже существовавшую на тот момент инфраструктуру управления и хозяйства. В России это была земская агрономическая организации и кооперативы, которые позволяли вести заготовки хлеба вполне успешно. По мнению исследователя, их

⁷² Gatrell P., Harrison M. The Russian and Soviet economies in two world wars: a comparative view // *Economic History Review*. 1993. № 46 (3). P. 425–452.

⁷³ Lih L.T. Bread and authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990. 303 p.

главным слабым местом стала «забюрократизированность», они могли конкурировать с частными коммерсантами только с помощью принудительных мер (твердых цен, реквизиций и запретов на вывоз и т.п.). К тому же земские и городские самоуправления, выступив на рынке с самостоятельными закупочными операциями, начали составлять серьезную конкуренцию интендантству и друг другу. С 1916 г. запреты военных и гражданских властей на вывоз различных продуктов питания породили межрегиональные противоречия, которые становились особенно серьезными, когда территориально-административное деление приходило в противоречие с активными торговыми связями отдельных районов. В этих условиях требовалось умелое и гибкое сочетание централизма с делегированием полномочий местным властям, введение государственной монополии на хлеб, планового снабжения населения. Власть не сумела последовательно выдержать данный курс и, в конечном счете, не справилась с регулированием экономики⁷⁴.

Особенность российского варианта решения продовольственного вопроса в военный период, по мнению П. Холквиста, заключалась в том, что в то время, как в европейских государствах шло интенсивное сотрудничество власти с коммерческими структурами, в России была поставлена задача максимально вытеснить частную торговлю из системы закупок. Министр земледелия А.В. Кривошеин был последовательным сторонником столыпинского курса, в сельском хозяйстве отдавал предпочтение крепкому индивидуальному крестьянскому хозяйству, считал, что война даст возможности для поддержки земских и кооперативных учреждений через заказы военного министерства. Уполномоченным предписывалось закупать сельскохозяйственную продукцию напрямую у крестьян, землевладельцев, земств, кооперативов, только в крайнем случае они могли обращаться к «посредникам», «спекулянтам». Однако при всем

⁷⁴ Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи // *Acta Slavica Iaponica*. 1991. № 9. С. 68–107; Мацузато К. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // *Acta slavica iaponica*. Sapporo, 1997. Vol. 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/acta/15/matsuzato/matsuzato.html>; Мацузато К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты // *Земский феномен: политологический подход*. Саппоро, 2001. С. 144–198 и др.

желании привлечь производителей к поставкам, ни у них, ни у государства не было развитой торговой инфраструктуры. Уже во время заготовительной кампании 1914–1915 гг. уполномоченные были вынуждены обращаться к торговым посредникам, которые поставили более 60 % зерна. В дальнейшем это привело к возникновению двухуровневой системы цен на хлеб – фиксированных на закупки для армии и рыночных – для всех прочих торговых операций. К тому же в условиях инфляционной экономики у крестьян исчезли стимулы поставлять зерно на рынок, они теперь засеивали не больше, чем было необходимо для собственного домохозяйства. Вместо продажи зерна по фиксированным ценам они предпочитали увеличивать собственное потребление или изготавливать самогон. К началу 1917 г. страна все еще имела достаточно продовольствия для покрытия своих потребностей. Суть продовольственной проблемы заключалась не в нехватке зерна, а в резком сокращении объемов товарного хлеба, дефицит продовольствия привел не к развалу экономики, а к краху самодержавной власти⁷⁵.

К анализу роли продовольственных беспорядков в годы войны в дестабилизации ситуации в России обратилась Б. Энгл. Она сделала вывод, что такие волнения обнаруживали рост ненависти низших классов к состоятельным людям, имевшим доступ к ограниченным ресурсам благодаря деньгам, к полицейским и чиновникам, которые регулировали распределение, а также к власти, не сумевшей обеспечить принцип равенства в лишениях. Б. Энгл также акцентировала внимание на участии в них женщин из низших классов. Занимавшиеся неквалифицированным и малооплачиваемым трудом, в большинстве своем имевшие крестьянское происхождение, воспитанные в патриархальных традициях, вначале они не были готовы к участию в протестном движении. Но уже с 1915 г. работницы фабрик и солдатки, недовольные перебоями с продовольствием, быстрым ростом цен, снижением уровня жизни

⁷⁵ Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. 359 p.

активно вовлекались в забастовочное движение, выдвигали требования увеличения зарплаты, громили бакалейные и продовольственные лавки⁷⁶.

В двухтомной «Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени» подчеркивается, что Первая мировая война потребовала чрезвычайно масштабной мобилизации ресурсов. В таких странах, как Россия, где сельское хозяйство оставалось «мелкокрестьянским и натуральным», а потому малопродуктивным, экономика не выдерживала нагрузки, а власть теряла контроль над сельской местностью. Когда жители городов не имели возможности купить продукты, главной причиной этого являлось не отсутствие продовольствия вообще, а нежелание крестьян продавать его из-за отсутствия товаров народного потребления, которые можно было бы приобрести взамен. Таким образом, правительство могло мобилизовать лишь «местные городские экономики», но не ресурсы крестьянских хозяйств⁷⁷.

Таким образом, осмысление процессов, происходивших в сфере продовольственного обеспечения населения, началось еще в военный и ранний советский период. Многие работы этого этапа носят публицистический характер, другие актуальны до сих пор из-за содержащихся в них обширных фактических и статистических данных. В советской историографии различные аспекты продовольственного вопроса разрабатывались в связи с изучением особенностей аграрного производства Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Продолжалось накопление фактических материалов, в научный оборот вводились новые архивные документы. На современном этапе дискуссионными остаются вопросы, которые остаются малоисследованными: благосостояние различных групп населения в начале XX в., степень обеспеченности населения продуктами питания и др. В фокусе внимания историков причины вызревания общенационального кризиса, приведшего к революционным потрясениям в 1917 г., та роль, которую сыграли в этом проблемы с продовольствием. Возникла

⁷⁶ Энгл Б. Не хлебом единым: продовольственные беспорядки в России во время Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета. История. 2010. № 1. Т. 4. С. 148–178.

⁷⁷ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том. 2: 1817 – наши дни. М., 2013. С. 208.

потребность в осмыслении кризисных явлений на региональном уровне, обобщении опыта решения продовольственного вопроса в российских тыловых территориях.

Система продовольственного обеспечения тылового населения Российской империи в годы Первой мировой войны на материалах Восточной Сибири практически не исследовалась. Одна из главных причин такой ситуации заключается в том, что в историографии все еще недостаточно проанализированы особенности социально-экономического, аграрного и промышленного развития региона в военный период, сферы производства продовольствия, и в частности зернового хозяйства, животноводства, изменения продовольственного рынка и др. Не изучены такие аспекты проблемы, как возможности Восточной Сибири удовлетворить продовольственные потребности населения за счет внутреннего производства по основным категориям продуктов питания, наличие стратегических запасов, объемы ввоза и вывоза продуктов питания, проблемы обеспечения продовольствием местных жителей (например, городов и отдаленных северных территорий), а также уровень доступности продуктов питания для различных социальных групп. Требуют анализа мероприятия властей, направленные на предотвращение продовольственного кризиса. Попытки экстраполировать на восточносибирский регион данные, полученные исследователями по Западной Сибири, без учета специфики его развития, дадут искаженную картину.

Объектом исследования выступает система продовольственного обеспечения населения Российской империи в годы Первой мировой войны.

Предметом изучения является продовольственный вопрос в Восточной Сибири в июле 1914 г. – октябре 1917 г.

Цель исследования: на основе комплексного изучения динамики развития ситуации в сфере производства и потребления продуктов питания в Восточной Сибири, как одном из тыловых регионов Российской империи, а также административных, экономических, социальных мер центральных и

региональных властей по преодолению кризисных явлений, проанализировать особенности продовольственного обеспечения населения в условиях Первой мировой войны.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть социально-демографические и экономические условия производства и потребления продовольствия в восточносибирском регионе накануне и в годы Первой мировой войны;

2. Исследовать сложившуюся систему административного регулирования продовольственного обеспечения населения региона в военный период, взаимодействие центральных и местных властей в решении продовольственного вопроса;

3. Проанализировать состояние и тенденции развития регионального продовольственного рынка (на примере основных продуктов питания – хлеба, мяса, рыбы, сахара) в военный период;

4. Оценить влияние ситуации в продовольственной сфере на рост социальных настроений оппозиционного характера.

Хронологические рамки исследования охватывают период от июля 1914 г. до октября 1917 гг. Нижняя дата обусловлена вступлением России в Первую мировую войну. Начало войны внесло серьезные изменения в хозяйственную жизнь страны, предъявило огромные требования к материальным ресурсам, выдвинуло сложнейшие задачи в области экономического регулирования. Для успешного ведения войны требовались мобилизационные мероприятия, в том числе в продовольственной сфере. В довоенный период важнейшим инструментом продовольственного обеспечения населения Российской империи являлся рынок, который через систему ценообразования, соотношения спроса и предложения определял уровень потребления, формирование запасов. Теперь же государство выступило в качестве крупнейшего покупателя и заготовителя. Во избежание таких негативных явлений как рост цен, спекуляция, монополизм, общая дезорганизация торговли, оно должно было усиливать прямые и косвенные

способы воздействия на поведение участников внутреннего рынка. С этой целью формировались новые административно-бюрократические структуры и создавались должности. На повестку дня вышли такие задачи, как разработка законодательства по регулированию продовольственных заготовок, стабилизация уровня цен, выработка стратегии продовольственного обеспечения армии и населения, организация устойчивой системы поддержки малоимущих категорий населения, и в частности семей призванных и др. Верхняя граница исследования обусловлена Октябрьской революцией, когда Советское правительство взяло курс на завершение войны, в связи со становлением новой государственности прекратили свое существование прежние продовольственные структуры, начались радикальные преобразования в экономической и социальной сферах.

Территориальные рамки работы сосредоточены в Восточной Сибири. В соответствии с государственной административной структурой, сложившейся к началу Первой мировой войны, в Восточной Сибири располагалось Иркутское генерал-губернаторство в составе Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Центром Иркутского генерал-губернаторства являлся Иркутск, где также находилось управление Иркутским военным округом. Енисейская губерния включала 5 уездов (Ачинский, Енисейский, Канский Красноярский, Минусинский) и Усинский пограничный округ, Иркутская губерния – также 5 уездов (Балаганский, Верхоленинский, Иркутский, Киренский, Нижнеудинский), Забайкальская область – 8 (Акшинский, Баргузинский, Верхнеудинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводской, Селенгинский, Троицкосавский, Читинский). Якутская область состояла из 5 округов (Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский, Якутский), округа делились на полицейские участки, участки с русским населением – на волости и сельские общества, а «инородческие» местности – на улусы с наслегами (селениями) и роды. К 1914 г. площадь Восточной Сибири составляла почти 6 900 000 кв. верст. Якутская область занимала большую часть территории региона (т.е. 48,7 %), на втором месте по величине была Енисейская губерния

(32,4 %), на третьем – Иркутская (11,0 %), на последнем – Забайкальская область (7,9 %).

Понятийный аппарат. В диссертации используются следующие понятия: *продовольственное обеспечение, продовольственная ситуация, продовольственный вопрос, продовольственный кризис, самообеспечение, самоснабжение.*

Продовольственное обеспечение означает совокупность мероприятий власти, направленных на удовлетворение потребности населения в продуктах питания. Они затрагивают такие сферы, как производство и переработка сельскохозяйственной продукции, формирование резервных продовольственных фондов, определение уровня запроса на продукты питания, упорядочивание поставок на внутренние рынки, удержание приемлемых для всех слоев населения цен, распределение продовольственных ресурсов и др. Обеспечение населения продовольствием является базовым элементом политической, экономической и социальной безопасности государства, поскольку дефицит и дороговизна продуктов питания могут повлечь за собой социальные волнения и политическую нестабильность. Понятия *продовольственное обеспечение* и *продовольственное снабжение* различаются. Под последним понимается более узкое явление, означающее управленческую деятельность по обеспечению продовольствием конкретных потребителей в определенных размерах и в соответствующие сроки. Если продовольственным обеспечением населения страны находится в зоне ответственности государства, то снабжением продовольствием жителей отдельных населенных пунктов или областей, солдат воинских частей и подразделений, различных социальных групп, пострадавших от военных действий могут заниматься отдельные должностные лица или гражданские и военные власти местного уровня⁷⁸.

⁷⁸ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика...; Колесняк И.А. Состав и структура системы продовольственного обеспечения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 5. С. 259–262.

Следует также учитывать значительную роль *самообеспечения* регионов и *самоснабжения* населения. *Самообеспечение* подразумевает такое функционирование регионального потребительского рынка, при котором продовольственные потребности населения удовлетворяются за счет местного производства. В начале XX в. по степени самообеспечения населения экономисты выделяли регионы производящие (черноземные) и потребляющие (нечерноземные), на сегодняшний день существуют более подробные классификации. *Самоснабжение* подразумевает заготовку продовольствия, осуществляемую собственными силами и средствами, помимо рынков. Переход к самоснабжению означает натурализацию хозяйства, когда домохозяйства, расположенные в сельской местности, потребляют продукцию собственного производства. Система самоснабжения обладает рядом недостатков, к числу которых можно отнести сезонность в получении продуктов питания, значительные временные затраты на производство, замкнутость на обеспечении потребностей только членов семьи и др.⁷⁹.

В экономических исследованиях для описания, в какой степени были обеспечены потребности населения в основных продуктах питания (насколько равномерно или с перебоями, в достаточном ли количестве и качестве и др.) в той или иной стране или регионе в определенный временной период используется термин *продовольственная ситуация*⁸⁰. В исторических работах, посвященных периоду Первой мировой войны, в таком же значении широко применяется понятие *продовольственный вопрос*⁸¹. Более того, зачастую при характеристике высокого градуса напряженности продовольственной проблемы также употребляются в качестве синонимов термины *продовольственный вопрос* и

⁷⁹ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. 343 с.; Чупина И.П., Трясцин М.М. Механизм развития системы продовольственного самообеспечения // Аграрный вестник Урала. 2012. № 11–2 (106). С. 73–74

⁸⁰ Стариков Н.А. Типология стран мира по особенностям продовольственной ситуации // Вестник Московского университета. 2015. № 6. С. 48–56.

⁸¹ Например: Голубинов А.Я. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2007. № 5–3 (55). С. 194–200; Воробьев Е.П. Продовольственная ситуация в Царицыне в период Первой мировой войны // Человек и общество в условиях войн и революций. Самара, 2014. С. 34–37 и др.

продовольственный кризис. Причем, как правило, авторы не останавливаются на их дефиниции, считая, что суть рассматриваемых явлений ясна из контекста. Между тем *продовольственный кризис* обозначает такое положение дел, при котором происходит нарушение принципов экономической или физической доступности жизненно важных для населения продуктов питания. Экономическая доступность подразумевает наличие финансовых возможностей, необходимых для приобретения продуктов всеми социальными группами на уровне физиологических норм питания, физическая доступность – характеристика предложения на продовольственном рынке, обусловленная производством достаточного количества продовольственной продукции и ее беспрепятственной доставкой к потребителям⁸². Нельзя также ставить знак равенства и между *продовольственным кризисом* и *голодом*, под последним понимается массовое социальное бедствие, обусловленное длительным отсутствием или недостатком питания, имеющее следствием повышенную предрасположенность к инфекционным и другим заболеваниям, рост преждевременной смертности при одновременном сокращении рождаемости. Соответственно на охваченной голодом территории происходит значительная убыль общей численности населения⁸³.

В качестве методологии исследования послужили *теория модернизации* и *концепция тотальной войны*, которые дают возможность решить поставленную исследовательскую цель на основе общих теоретических принципов и идей, осмыслить проблему в логике современного исторического научного познания.

Становление *концепции модернизации* было заложено в философских трудах XIX – начала XX вв. (О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса и др.). Главные положения сформулированы в середине XX в. (Т. Парсонс, С. Хантингтон и др.). Основополагающей категорией теории выступает термин «модернизация», который означает политические,

⁸² Арская Л.П. Войны и продовольственные кризисы. М.: [б. и.], 2005. 176 с.

⁸³ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2 т. СПб., 1909.

экономические, демографические, социальные, культурные изменения, которые претерпевает традиционное общество в процессе трансформации в общество современного типа. Исследователи различают модели модернизации – «органическую» (в странах «старого капитализма») и «догоняющую» (во главе модернизационных процессов стоит государство, которое стремится преодолеть экономическую и технологическую отсталость). На пути к современности теория модернизации прошла несколько этапов развития в многочисленных научных работах, подвергалась интенсивной критике, в 1980–1990-е гг. пережила период обновления («неомодернизма»). На сегодняшний день она представляет собой синтез классических моделей теории модернизации с неомодернизационным анализом, основывается на междисциплинарной основе (Э. Тириалян, П. Штомпка, Г. Терборн, Ш. Эйзенштадт и др.). Исследователи исходят из многофакторности модернизационного развития, учитывают страновые (культурно-цивилизационные) особенности, анализируют движущие его социальные силы.

Относительно исторического опыта российской модернизации существует обширная научная литература⁸⁴. Согласно одной из концептуальных моделей, отечественный путь развития отличается от западного, в конце XIX – начале XX вв. Российская империя лишь выборочно заимствовала технические, культурные и другие достижения более развитых стран («псевдомодернизация»). В соответствии со вторым подходом (на котором основывается и наше исследование), в указанный период реализовывалась «догоняющая» модель

⁸⁴ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. 250 с.; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошлым веком: развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. 263 с.; Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. 253 с.; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Проблема модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт // Бюллетень научного совета Российской Академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. 2007. № 5. С. 3–23; Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2010. 352 с.; Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3. С. 6–10; Волков В.В. Россия: interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Часть I. СПб., 2011. 363 с.; Головашина О.В. Российский модернизационный метапроект: между традицией и утопией // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8 (54). С. 190–197; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1–3. СПб., 2015 и др.

модернизации: началась структурная перестройка экономики, урбанизация, изменение форм и отношений собственности, разрушение старой социальной структуры, уклада жизни и др. Система социально-экономических интересов становилась фрагментированной и конфликтной. Политические барьеры и сословные рамки не давали возможности привести в соответствие стратификацию по статусу и доступу к власти с новым распределением доходов и богатств. Правительство слабело под давлением несовместимых требований – различные социальные группы ждали от него прямо противоположных действий. С началом Первой мировой войны модернизация прервалась. Из-за ухудшения экономики обострились социальные конфликты, разрушалась единая система ценностей, норм, нравственных установок. Невозможность легально сменить господствующий политический режим, который демонстрировал отсутствие адекватной реакции на внутренние и внешние вызовы, вела ко всеобщему недовольству.

Изучение продовольственного вопроса в восточносибирских губерниях в военный период нельзя вести вне контекста тех модернизационных процессов, которыми были охвачены страна и регион. Так, например, состояние местных продовольственных рынков было обусловлено объемами производства сельскохозяйственной продукции, спецификой развития промышленности, транспорта, межрегиональных экономических связей, спросом и др. Устройство и приоритетные направления деятельности центральных и региональных властей в сфере продовольственного обеспечения населения зависели от состояния и общей эффективности государственной бюрократической системы, сложившейся структуры разграничения полномочий и характера взаимодействия правительственных продовольственных органов с местными администрациями. Значительный научно-практический интерес представляет «регионально-ориентированная» (или «регионалистская») модель модернизации, предложенная

И.В. Побережниковым⁸⁵. Уральский историк считает, что таким странам, как Канада, Австралия, США был присущ так называемый «фронтирный» вариант модернизации. Российская модернизация в XVIII – начале XX в. также осуществлялась в условиях расширения территории страны, освоения новых земель. В соответствии с этим население находилось в подвижном состоянии, существовала дифференциация пространства на центр и периферию, которые значительно различались по своим экономическим, социальным, культурным характеристикам, богатые ресурсами пограничные территории принимали избыточное население и мигрантов из центральных областей страны, в связи с чем возникали проблемы адаптации и ассимиляции. Освоение и колонизация таких областей были растянуты по времени, экономика развивалась экстенсивным путем, наблюдались региональные и этнокультурные контрасты и диспропорции⁸⁶.

И.В. Побережников пришел к выводу о неравномерности модернизации внутри страны, поскольку регионы (Урал, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток) значительно различались в отношении природно-климатических условий, экономического развития, управленческом плане. Освоение восточных окраин было обусловлено потребностями государственной экономики, ресурсной обеспеченностью этих территорий, ритмом их внутреннего развития. При характеристике модернизационных процессов в Западной Сибири, И.В. Побережников подчеркнул ее территориальную удаленность от крупных

⁸⁵ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 240 с.; Побережников И.В. Актеры российской имперской модернизации: региональные кейсы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 25–33; Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 6–11; Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80; Побережников И.В. Модернизации в истории России: спорные вопросы // Мир истока и пространство Сибири. Челябинск, 2018. С. 55–73; Побережников И.В. Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX вв.: Урал, Сибирь, Казахстан: сборник статей. Оренбург, 2018. С. 173–178; Побережников И.В. Проблемы в изучении российских модернизаций // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России с XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2018. С. 93–102 и др.

⁸⁶ Побережников И.В. Актеры российской имперской ... С. 28

торговых рынков страны и европейских стран, слабую заселенность, сырьевую специализацию экономики.

Характерные формы региональной модернизации Восточной Сибири пока еще не нашли отражения в специальных исследованиях. Однако существует комплекс исторических работ, посвященных развитию Сибири на рубеже XIX–XX вв., в которых Восточная Сибирь выделена в качестве отдельной административно-территориальной единицы, хозяйственно-экономической общности, историко-культурного пространства. В них раскрываются многие ключевые вопросы развития региона: специфика освоения и заселения, отраслевая структура экономики, функции местной администрации и ее взаимоотношения с центральной властью, социальный состав населения и др.⁸⁷.

В качестве инструмента для работы с конкретно-историческими материалами по теме исследования также применена *концепция тотальной войны*. Современные специалисты придерживаются точки зрения о том, что, хотя Первая мировая война не являлась тотальной по своей сути, однако ее характер и способы ведения позволяют говорить о серьезных тенденциях «тотализации»⁸⁸. Ни одна из стран участниц не была готова к такому длительному и масштабному противостоянию. Понимание того, что это не обычная война, наступало постепенно, когда к 1916 г. противоборствующим сторонам не удалось добиться

⁸⁷ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. 114 с.; Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв. Новосибирск, 2003. С. 185–193; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.; Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 264 с.; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.; Шостак О.И., Нефедов Б.Н. Экономическая история Сибири: XVII – начало XX в. М., 2008. 144 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (3). С. 124–131; Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. 580 с. и др.

⁸⁸ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101; Great War, Total War: combat and mobilization on the Western front, 1914–1918. Washington, 2006. 531 p.; Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27; Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 г. М., 2014. 604 с.; Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16; Ходнев А.С. Первая мировая война: уроки истории // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 91–94; Гилберт М. Первая мировая война. М., 2016. 768 с.; Мацузато К. Модернизация и режим тотальной войны: феномен российской империи // Память о прошлом – 2017. Самара, 2017. С. 39–44 и др.

значимого перевеса на фронтах, потребовалась всеобъемлющая мобилизация экономики и общества, которую смогли выдержать не все государства. Концепция дает возможность осмыслить Первую мировую войну как беспрецедентное испытание для европейских государств, проверку на прочность их политических, экономических и социальных институтов, увидеть способы мобилизации населения на борьбу с врагом⁸⁹.

В воюющих странах создавалась новая модель мобилизационной экономики, когда все ресурсы использовались для противодействия внешним угрозам. Правительства занимались обеспечением армий, городов, промышленных предприятий вооружением, сырьем и продуктами питания, регулировали работу транспорта. Ключевой была идея полного подчинения всех сфер жизни общества достижению победы, вовлечения всех ресурсов нации, стирания границ между тылом и фронтом. Российское правительство в течение первого военного года ограничилось принятием ряда экстренных мер, направленных на поддержку кредитно-финансовой системы и социальное обеспечение семей мобилизованных, расширение компетенций ключевых министерств. В дальнейшем военно-мобилизационная модель экономики стала приобретать более явные черты: были созданы четыре Особых совещания (по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию), сформированы местные регулирующие органы, применялись более жесткие меры по регулированию рынка. Главными инструментами мобилизационной экономики стали: введение специального трудового режима на оборонных предприятиях, реквизиции оборудования и сырья, планирование производства вооружений и перевозок и др. Централизация управления экономикой еще более усилилась при Временном правительстве и достигла наивысшего уровня в период политики военного коммунизма. Именно максимальное сосредоточение государственной власти и

⁸⁹ Ходнев А.С. Первая мировая война ... С. 93.

ресурсов в центре в сочетании с принуждением и террором, ценой огромных усилий и жертв позволило большевикам одержать победу в Гражданской войне⁹⁰.

Еще один значимый аспект концепции тотальной войны – положение о мобилизации коллективного духа людей на достижение военных целей. Правительства воюющих стран отслеживали изменение общественных настроений, оказывали «массовое воздействие» на население с помощью печати, плакатов и др. Существенную роль в мобилизации российского общества играли добровольные организации (Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы, научные и благотворительные общества, военно-промышленные комитеты и др.). Историки отмечают, что то единение и партнерство государства и гражданского общества, которые возникли на первом этапе войны, с течением времени разрушились под влиянием поражений на фронте, продовольственного кризиса, затянувшихся тягот военного времени. Со стороны частных лиц и общественных организаций звучала все более резкая критика правительственного курса, как в политике, так и экономике. Власть со своей стороны стремилась подавить любые оппозиционные настроения, усиливалась цензура, вводились ограничения на проведение общественных съездов. После Февральской революции Временное правительство попыталось сотрудничать с деловыми кругами, рабочими организациями, «общественностью», однако время было уже упущено⁹¹.

⁹⁰ Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. 237 с.; Сенявский А.С., Братченко Т.М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2012. С. 67–76; Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и военного коммунизма. Понятие мобилизационной экономики // Экономическая история. 2015. № 1 (28). С. 26–40; Поткина И.В. Основные направления экономической политики правительства и формирование мобилизационной модели, 1914–1917 гг. // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 2. С. 188–203 и др.

⁹¹ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 123; Поршнева О.С. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 2. С. 39–50; Туманова А.С. Мобилизация гражданского общества России против неприятельских подданных в годы Первой мировой войны: организационный и правовой аспекты // Политика и обществе. 2014. № 7. С. 733–739; Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. 327 с.; Мамаев А.В. Мировая война, революция и перспективы городского самоуправления // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 303; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017.

Тот факт, что феномен тотальной войны не существовал ранее, поэтому правительство не вело подготовки к длительной военной компании, призывают учитывать В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева. Они отмечают, что война такого типа поставила задачу консолидации наций на общегражданских началах. В Российской империи самодержавная власть осуществляла управление на «патерналистских» основаниях, а не «рационально-организационных»: господствовали пассивные установки, гражданское общество не сложилось. Во многом по этой причине государство не смогло успешно осуществить мобилизацию общества: «Россия была настолько расколота в культурном, сословно-социальном, хозяйственном отношении, что в экстремальной ситуации это приводило к окончательному разрыву коммуникативных связей. Будущее России все понимали по-своему, общественный диалог отсутствовал»⁹². В экономике правительство продемонстрировало «хозяйственную недееспособность», а усиление продовольственных затруднений сопровождалось не ростом хозяйственных инициатив общества, а напротив – потребительских ожиданий.

Исследования, выполненные в рамках концепции «тотальной войны», показывают, что перевод российской экономики на военное положение проводился в спешном порядке, без определенной программы, с огромными материальными затратами. Значительные запасы продовольствия были израсходованы расточительно и быстро. Количество ресурсов, необходимых для ведения военных действий, непрерывно увеличивалось и осуществлялось за счет сокращения потребления тылового населения. Для нормализации ситуации в продовольственной сфере применялись такие меры, как ограничение внешней торговли, реквизиции товарных запасов, продразверстка, нормирование потребления. На фоне военных поражений, снижения промышленного и сельскохозяйственного производства, расстройств финансовой системы, падения авторитета царской власти быстро накапливалась усталость населения. Несмотря

⁹² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 215.

на то, что вмешательство государства в экономику серьезно усилилось, власть постепенно теряла контроль над обстоятельствами.

В процессе работы применялись специальные исторические методы исследования: *проблемно-хронологический, периодизации, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный.*

На основе *проблемно-хронологического метода* разработана структура исследования, определены задачи, общая тема разделена на ряд частных вопросов и проблем, развитие каждого из которых рассматривается во временной последовательности. *Метод периодизации* важен при систематизации событий, выделении отдельных периодов в границах изучаемых хронологических рамок. Линия исследования выстроена в соответствии с ежегодными сельскохозяйственными циклами производства, каждый из которых продолжался с 1 июля одного года по 30 июня следующего года. Кроме того, правительственные учреждения рассчитывали и вели заготовки продовольствия и фуража для армии в так называемый «операционный» год – с 1 июля текущего года по 1 июля следующего года, т.е. он фактически совпадал с ежегодными сельскохозяйственными циклами производства. Соответственно в годы войны можно выделить два таких полных цикла (июль 1914 г. – июнь 1915 г., июль 1915 г. – июнь 1916 г.), третий (начавшийся в июле 1916 г.) был прерван революционными событиями в феврале 1917 г. Временное правительство работало в рамках прежнего подхода, однако и его деятельность прекратилась в октябре 1917 г. *Историко-генетический метод* позволил проанализировать социально-демографические и экономические условия производства и потребления продовольствия в Восточной Сибири, проследить эволюцию продовольственной ситуации на протяжении изучаемого периода в логике внутривластного правительственного курса, осмыслить как общие для страны, так и региональные факторы его перерастания в кризис осенью 1916 г. – зимой 1917 г. и далее до октябрьских событий 1917 г. *Историко-сравнительный метод* используется при анализе направленности развития регионального

продовольственного рынка в годы войны, выявления факторов, повлиявших на изменение производства, предложения и спроса на основные продукты питания в различных губерниях и областях Восточной Сибири. Такое сравнение дополняется фактами по другим регионам Российской империи. Использование *историко-системного метода* позволяет воссоздать устройство и приоритетные направления деятельности центральных и региональных властей в продовольственной сфере, анализировать влияние дороговизны и дефицита продуктов питания на рост социальных настроений оппозиционного характера, показать обеспокоенность представителей местной администрации из-за народного недовольства в условиях кадрового дефицита, а затем и расформирования полиции.

Документальную базу исследования составил широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных источников, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

Все использованные источники можно объединить в следующие группы: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические материалы, периодическая печать, материалы личного происхождения (воспоминания, записки и др.).

Система *нормативно-правовых актов* изучаемого периода непосредственно отражает деятельность государственных институтов по реализации продовольственной политики. Настоящая работа основывается на сборниках законодательных актов, изданных юристами, современниками событий. Е.И. Авербах систематизировал в хронологическом порядке положения, рескрипты, указы высших органов государственной власти военного периода, не выделяя отдельно те, которые относились к сфере продовольственного обеспечения армии

и тыла⁹³. Напротив, Г.К. Гинс собрал только важнейшие законы, на которых основывалась организация продовольственного дела как царского, так и Временного правительств, скомпоновав их в проблемно-хронологическом ключе⁹⁴. В сборниках нормативно-правовых актов, опубликованных во время войны и сразу после нее, представлены положения Совета министров, циркуляры Министерства земледелия и приказы министра земледелия о мероприятиях по заготовкам продовольствия и фуража для армии, повышении предельных твердых цен на продовольственные товары, правила о субсидировании городских и земских учреждений, мерах по урегулированию снабжения армии и населения, постановления Министерства путей сообщения о перевозках грузов по железной дороге и т.д. Анализ законодательных актов позволяет увидеть причины усиления государственного экономического регулирования, процесс нарастания продовольственных трудностей в стране.

Делопроизводственная документация представлена многочисленными и разнообразными источниками. Значимое место в этой группе занимают документы государственных учреждений. Прежде всего, использовались материалы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу Министерства земледелия (РГИА, фонд 457): циркуляры о порядке закупок продовольствия городскими, и общественными организациями, планы железнодорожных перевозок для губерний Восточной Сибири, переписка с губернаторами об обеспечении населения продуктами питания, ведомости о справочных и таксирюемых ценах, материалы по выработке твердых цен и др. Часть их была опубликована еще в годы войны (списки уполномоченных в различных регионах, статистико-экономические материалы о регулировании цен, перевозках продовольственных грузов, реквизициях,

⁹³ Авербах Е.И. Законодательные акты вызванные войною 1914–1916 гг.: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейств советов: распоряжения и постановления министров и др. Т. 2–4. Петроград, 1915–1916.

⁹⁴ Карточная система: (материалы) / сост. Г.К. Гинс. Петроград, 1916. 100 с.; Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. 1. Петроград, 1917. 787 с.

введении карточной системы, сохранению объемов запашки и др.)⁹⁵. Привлечены также документы Отдела заготовок продовольствия и фуража для действующей армии Министерства земледелия (РГИА, фонд 455) о заготовке мяса, рыбы, масла, фуража в Сибири и Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел (РГИА, фонд 1288) о ситуации с продовольствием в сибирских губерниях. Документация Земского отдела Министерства внутренних дел (РГИА, фонд 1291) содержат дела о состоянии сельской хлебозапасной системы Восточной Сибири, оказании продовольственной помощи пострадавшему от неурожая и природных катаклизмов местному населению. Материалы этих фондов позволяют исследовать устройство и работу продовольственных органов Российской империи и Восточной Сибири в изучаемый период, направления и формы борьбы с дефицитом и дороговизной, условия, в которых она осуществлялась, проблемы и сложности снабжения тылового населения.

Опубликованные журналы заседаний Временного правительства являются одним из основных источников, наиболее полно отражающих его деятельность в области внутренней и внешней политики, обороны, экономики и др. В числе прочего на заседаниях рассматривались различные аспекты продовольственного снабжения армии и населения: деятельность министра продовольствия, комиссии по выяснению количества имеющихся в стране продуктов и промышленных изделий, освещаются мероприятия (введение хлебной монополии, закупки хлеба в Маньчжурии и др.)⁹⁶.

Дополнить картину развития продовольственной ситуации в феврале – октябре 1917 г. позволяет размещенная на сайте Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина Коллекция материалов Государственного архива Российской

⁹⁵ Список уполномоченных председателя Особого совещания по продовольственному делу и уполномоченных Министерства земледелия по закупкам для армии. Петроград, 1915. 35 с.; Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли. Петроград, 1916. 75 с.; Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты урожая 1916 года. Вып. 1–3. Петроград, 1916; Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 17 августа 1915 – 17 февраля 1916 г. Петроград, 1916 г. 658 с. и др.

⁹⁶ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. М., 2001–2004.

Федерации (ГАРФ) о работе Временного правительства в сфере обеспечения армии и населения: протоколы и стенограммы заседаний Общегосударственного продовольственного комитета, журналы заседаний его секций, постановления о нормировании продуктов, производстве и распределении сахара, проведении хлебной кампании и мясных заготовок, отчеты местных продовольственных органов и др.⁹⁷.

К группе делопроизводственных источников также относятся и материалы канцелярии иркутского генерал-губернатора (ГАИО, фонд 25): доклады генерал-губернатора на имя императора о продовольственном положении в регионе, корреспонденция по вопросам содействия муниципалитетам, кооперативам и частным лицам в закупке продуктов питания и их доставке по железной дороге, регулярные обзоры и отчеты местных губернаторов со сведениями о таксировании цен, спекуляции и борьбе с ней, сообщения полицейских и жандармских чинов о происшествиях в Восточной Сибири, в том числе продовольственных беспорядках, распространявшихся слухах и др. Существенную роль играют также документы Енисейского губернского (ГАКК, фонд 595) и Иркутского губернского (ГАИО, фонд 32) правлений, Забайкальского областного управления (ГАЗК, фонд 1): циркуляры и телеграммы из Министерства внутренних дел, Особого совещания по продовольствию, переписка с канцелярией иркутского генерал-губернатора, уездными начальниками по продовольственным вопросам, ведомости и сведения о ценах на продукты и товары первой необходимости и др. Документы проливают свет на роль генерал-губернатора и местных губернаторов, которые являлись ключевыми фигурами в системе управления всеми административными и общественными учреждениями на подведомственных территориях, в решении продовольственных проблем населения. На них лежала основная ответственность за разработку и осуществление мер в этой области, контролю за общественными настроениями.

⁹⁷ Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы о работе Временного правительства в сфере продовольственного обеспечения армии и населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/section/683281>

Большой фактический материал содержится в фондах органов городского самоуправления – красноярской городской думы (ГАКК, фонд 173) и управы (ГАКК, фонд 161), канской городской думы (ГАКК, фонд 921), читинской городской думы (ГАЗК, фонд 226) и управы (ГАЗК, фонд 94): протоколы и журналы заседаний, содержащие постановления об обеспечении населения продуктами и борьбе с дороговизной, сведения о работе городских продовольственных комиссий, данные о доходах и расходах городов, промышленности и торговле, потребительских кооперативах, приеме и размещении беженцев и военнопленных, выдаче казенных пособий семьям призванных и др. Благодаря им удалось выявить основные тенденции социально-экономического развития восточносибирских губернских и уездных городов накануне и в годы войны, причины роста дороговизны, мероприятия городских управлений по борьбе с ней, сравнить опыт городских властей в регулировании цен, проведении закупочных операций.

Кроме того, использованы материалы Енисейского губернского жандармского управления (ГАКК, фонд 827), Забайкальского областного управления (политического отделения) (ГАЗК, фонд 1): донесения начальников и их заместителей на имя министра внутренних дел и губернаторов о снабжении населения продуктами питания и товарами первой необходимости, отчеты о настроениях населения, дела по расследованию беспорядков в торговых рядах и др. Они позволяют проследить эволюцию отношения сибиряков к центральным и местным властям под влиянием дефицита продовольствия и роста цен, снижения уровня жизни, показать роль солдаток в таких продовольственных выступлениях.

Привлечены опубликованные делопроизводственные материалы общественных организаций (отчеты, протоколы и постановления съездов и совещаний и др.). В частности, отчеты местных сельскохозяйственных обществ (например, Иркутского⁹⁸) содержат сведения о развитии земледелия и

⁹⁸ Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1914 г. Иркутск, 1915. 20 с.; Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1915 г. Иркутск, 1916. 21 с.; Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1916 г. Иркутск, 1917. 14 с. и др.

животноводства в восточносибирских губерниях в предвоенный и военный периоды, ввозе продуктов питания по железной дороге, влиянии мобилизаций на изменение посевных площадей, оказании помощи семьям призванных в осуществлении полевых работ и др.; протоколы и постановления региональных съездов золотопромышленников освещают проблемы ключевой промышленной отрасли в регионе, вызванные участием в войне, позволяют определить значение продовольственного вопроса на приисках, выявить трудности организации поставок в отдаленные северные территории⁹⁹.

Совокупность привлеченных *статистических источников* представляет собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы сведения и данные о социально-демографическом и экономическом развитии Восточной Сибири. Прежде всего, это «Статистические ежегодники России» за 1914–1916 гг., издававшиеся Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел¹⁰⁰. В комитет поступали данные губернских статистических комитетов с мест, которые, в свою очередь, использовали материалы метрических книг и полицейских управлений о численности и составе населения, административном делении и населенных пунктах, сельском хозяйстве, промышленности и торговле и др. При работе со «Статистическими ежегодниками» необходимо принимать во внимание ряд существенных обстоятельств. Например, для определения динамики численности и состава населения Центральный статистический комитет прибавлял к данным переписи 1897 г. сведения о естественном и механическом приросте, полученные с мест. Такая система расчета дает возможность увидеть лишь примерную картину движения населения. И, если численность населения Восточной Сибири на начало 1914 г. может быть принята в тех величинах, которые опубликованы в «Статистическом ежегоднике России» за 1914 г., то во второй половине 1914 г. –

⁹⁹ Протоколы и постановления XV-го очередного Съезда золотопромышленников Ленского и Витимского горных округов: 24 февраля – 1 марта 1915 г., г. Бодайбо, Иркутской губернии. Иркутск, 1915. 436 с.; Труды Первого общегубернского съезда золотопромышленников Енисейской губернии, 22-го марта – 2-го апреля 1916 года. Красноярск, 1916. 236 с.

¹⁰⁰ Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915. 702 с.; Статистический ежегодник России. 1915 г. Петроград, 1916. 622 с.; Статистический ежегодник России. 1916 г. Петроград, 1918. 121 с.

1917 г. происходили значительные изменения (мобилизация мужчин в действующую армию, приток беженцев, выселенцев, военнопленных, снижение рождаемости и др.), тогда как Центральный статистический комитет продолжал издавать ежегодники, придерживаясь прежней методики расчетов. Таким образом, эти данные необходимо дополнять специальными исследованиями. Ряд серьезных недостатков учета был присущ урожайной статистике, что послужило основанием для некоторых исследователей подвергнуть сомнению вопрос о достоверности дореволюционной статистики по аграрному развитию в целом, считая ее существенно заниженной¹⁰¹. Однако большинство историков придерживается точки зрения, что при всех недостатках данные Центрального статистического комитета адекватно отражали общие тенденции социально-экономического развития страны и регионов¹⁰².

После Февральской революции 1917 г. численность центральных правительственных органов, которые занимались сельскохозяйственной статистикой, сократилась. Прекратилась практика сбора данных через волостные правления и уездную полицию Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Работу продолжили лишь Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, а также Отдел переписи Министерства земледелия, которые сотрудничали с местными земскими статистическими бюро, организациями Переселенческого управления, продовольственными комитетами, основывавшимися на показаниях добровольных корреспондентов. В результате публиковавшиеся ими данные охватывали лишь отдельные губернии страны, к тому же в подсчетах этих двух отделов существовали значительные расхождения¹⁰³.

В диссертации использованы материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи, которая была произведена в июне–августе 1916

¹⁰¹ Например: Давыдов М.А. Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138.

¹⁰² Кузнецов И.А. Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 75–82.

¹⁰³ Урожай хлебов в России в 1917 году / валовый и чистый сбор, продовольственные и кормовые потребности, местные избытки и недостатки главных хлебов / Статистико-экономический отдел Министерства продовольствия. М., 1918. 94 с.

г. по распоряжению Особого совещания по продовольственному делу¹⁰⁴. Регистрировалось только наличное население и отсутствовавшие не более одного месяца, не подлежали учету неземледельческое население сельских областей и горожане, кочевые инородцы. Перепись не затронула местности, до которых специалистам было трудно добраться. Необходимость уточнить и обновить данные переписи 1916 г. для продовольственных кампаний 1917–1918 гг. обусловила проведение еще одной переписи в мае–сентябре 1917 г. (уже Временным правительством)¹⁰⁵. Перепись 1917 г. охватывала сельское население как наличное, так и отсутствующее, с мобилизованными с начала войны, но без исключения из них убитых и умерших и выбывших в качестве военнопленных. Из-за отсутствия средств она осталась частично незавершенной, ее материалы также страдают неполнотой¹⁰⁶.

По оценкам специалистов, переписи 1916 г. и 1917 г. не дают точных и исчерпывающих сведений о численности и составе населения, не отражают действительной картины состояния сельского хозяйства как в целом по Сибири, так и по восточносибирскому региону в частности¹⁰⁷. Кроме того, как справедливо отметил Е.З. Волков, результаты переписей 1916 г. и 1917 г. несопоставимы «не только между собой, но и с данными на 1 января 1914 г., когда объект учета – население, постоянно проживающее на своих местах – представляло совокупность, хотя и не совсем точно учитывающуюся, но все же достаточно однородную и устойчивую, чтобы давать динамическую сопоставимость рядов по

¹⁰⁴ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Петроград, 1917. 131 с.

¹⁰⁵ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. 88 с.; Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Выпуск 2. М., 1923. 218 с.

¹⁰⁶ Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 – 1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 97–116; Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Сельское население Сибири в годы Первой мировой войны // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Материалы XX сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. I. Таллин, 1986. С. 235–247.

¹⁰⁷ Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в (к статистике вопроса) // Из истории Алтая: сборник статей. Томск, 1978. С. 98; Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. 244 с.; Рынков В.М. Аграрная экономика Сибири в годы Первой мировой и гражданской войн: проблема интерпретации статистических источников // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 4 (26). С. 42–50.

годам»¹⁰⁸. Однако в целом они дают общее представление о крестьянском хозяйстве, системе землепользования, отраслевой структуре сельскохозяйственного производства.

Ежегодные статистические обзоры и памятные книжки губерний и областей Восточной Сибири представляли собой приложения к отчетам губернаторов, представляемых императору и министру внутренних дел¹⁰⁹. Как правило, они состоят из двух частей – собственно доклада по нескольким обязательным разделам и статистических ведомостей. Данные обзоров и памятных книжек за предвоенный и военный периоды позволяют отслеживать изменения, происходившие в сельском хозяйстве, производстве, торговле, занятиях населения изучаемого региона. Представленные в них сведения также небезупречны (сбором и обработкой занимались различные инстанции – полиция, чиновники государственных имуществ и т.п.), их необходимо сверять с другими источниками. Со второго-третьего военного года практика подачи отчетов прервалась.

В условиях общего дефицита источников по Якутской области в военный период особое значение имеют обзоры якутского областного статистического комитета¹¹⁰. Хотя представленные в них данные о численности населения и его хозяйственной деятельности также не точны. Работавшие в комитете чиновники областного управления не имели специальной подготовки, оперировали сведениями полицейских, относившихся к сбору информации небрежно, а также волостных и улусных управлений, стремившихся занижить подаваемые сведения. Самостоятельных исследований комитет не осуществлял по многим причинам (поселения были удалены друг от друга на большие расстояния, инородческое население и обьякутившиеся русские крестьяне не говорили по-русски, в

¹⁰⁸ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М. – Л., 1930. С. 96.

¹⁰⁹ Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита, 1915. 167 с.; Обзор Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск, 1916. 123 с.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. Красноярск, 1908. 435 с.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск, 1915. 234 с.; Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. Красноярск, 1915. 96 с.; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. Красноярск, 1916. 138 с.; Статистический обзор Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск, 1916. 123 с. и др.

¹¹⁰ Обзор Якутской области за 1908 год. Якутск, 1910. 73 с.; Обзор Якутской области за 1909 год. Якутск, 1910. 101 с.; Обзор Якутской области за 1911 г. Якутск, 1913. 204 с.

некоторых местностях сохранялся кочевой и полукочевой образ жизни и др.). Такое состояние статистики в целом затрудняет изучение продовольственной ситуации Якутской области в военный период.

По своему содержанию в этой группе источников примыкает отчет И.И. Крафта, занимавшего должность якутского губернатора в 1907–1913 гг. После вступления в должность он совершил несколько продолжительных поездок по территории области, ознакомившись с особенностями административного устройства, управления, социально-экономического развития области, составил обширный отчет, опубликованный в 1908 г. В числе прочего в нем затронуты некоторые аспекты продовольственного вопроса: губернатор выделил наиболее острые проблемы в этой сфере, изложил свои взгляды на способы предотвращения кризисных продовольственных ситуаций в регионе (например, он предлагал расширять сеть казенных хлебозапасных магазинов, заблаговременно закупать мясо для горожан и др.)¹¹¹.

Необходимо также отметить, что в целом в губерниях и областях Восточной Сибири практически не было профессиональных статистиков, за исключением сотрудников Переселенческого управления Министерства земледелия. Во время войны Переселенческое управление продолжало выпуск периодических изданий («Вопросы колонизации»), посвященных проблемам освоения отдаленных регионов Российской империи (урожайности хлебов, изменению посевных площадей, правилам выдачи правительственных продовольственных и семенных ссуд и т.п.)¹¹². В условиях быстрого ухудшения продовольственной ситуации в европейской части страны, специалисты управления пытались оценить ресурсы такого большого аграрного региона как Сибирь, особенности сельскохозяйственного производства в различных районах, виды на урожай. Однако вскоре они прекратили сбор данных: «Органы Переселенческого

¹¹¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). Санкт-Петербург, 1908. 106 с.

¹¹² Казенные зернохранилища и продовольственное дело в Сибири за последние годы // Вопросы колонизации. 1915. № 18. С. 207–252; Яшнов Е. Продовольственный вопрос в Сибири // Вопросы колонизации. 1916. № 19. С. 114–139; Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. Петроград, 1916. 31 с. и др.

управления, которые ранее отвечали за ведение всех форм статистики и учета о состоянии аграрного сектора народного хозяйства края, были переданы в распоряжение управления сибирских железных дорог, военного ведомства, а также различных общественных организаций, поэтому своими прямыми обязанностями по сбору статистических сведений они фактически не занимались»¹¹³.

Отсутствие местных специальных статистических служб негативно сказывалось на деятельности различных административных ведомств Восточной Сибири. Работавшие на оборону, тюремные, строительные и прочие ведомства обращались в городские управы, полицейские и сельские управления с просьбами сообщить сведения о ценах на топливо, продукты питания, сено, стоимость аренды жилья, найма рабочих рук и др. Однако те или не предоставляли их вовсе, или подавали несвоевременно, с большими задержками, в неполном объеме и т.п. С 1916 г. муниципалитетам требовались точные данные о численности населения городов для введения карточной системы распределения продуктов. За их отсутствием городские власти проводили однодневные локальные переписи своими силами. Единственное требование, которое предъявлялось к участвовавшим в проведении такую переписей добровольцам – готовность работать бесплатно, поэтому качество получаемых материалов оставляло желать лучшего.

Важное место в источниковой базе исследования занимает *периодическая печать*. В военный период в Восточной Сибири выходили официальные, общественные и частные периодические издания («Вестник Иркутского городского общественного управления», «Вестник Красноярского городского общественного управления», «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии», «Деловая Сибирь», «Единение»,

¹¹³ Вторушин М.И. К вопросу о состоянии зернового производства в сибирском регионе в годы Первой мировой войны // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2018. № 1 С. 68.

«Енисейские губернские ведомости», «Забайкальская новь», «Иркутская жизнь», «Иркутские губернские ведомости», «Ленский край», «Сибирская деревня», «Сибирь», «Якутская окраина», «Якутские областные ведомости», «Якутское хозяйство» и др.). Они содержат разнообразные сведения о повседневной жизни города и деревни, изменении условий товарообмена и потребительского рынка, взаимодействии органов городского самоуправления с общественными (например, местными комитетами Всероссийского союза городов) и благотворительными организациями в решении продовольственного вопроса, а также проблем семей мобилизованных. Дореволюционная печать позволяет воссоздать динамику настроений различных социальных групп под влиянием дефицита, роста цен, спекуляции.

Необходимо учитывать, что периодические издания сами оказывали серьезное влияние на формирование общественного мнения. Авторы статей и заметок, региональной хроники о продовольственном снабжении в стране и регионе основывались зачастую на непроверенных слухах, нагнетали страхи и пессимистические ожидания: «В лексиконе того времени не имели широкого употребления термины "дефицит", "нехватка" и прочие, а наиболее популярным и ходовым было определение "голод", имевшее множество приложений – сахарный, керосиновый, дровяной и пр. Газеты преподносили события потребительского рынка с гипертрофированным трагизмом, периодически подстегивая панику на базарах и у продовольственных лавок, гонения на торговцев»¹¹⁴. Хотя при этом в условиях цензуры до Февраля 1917 г. пресса обходила молчанием случаи погромов на местных базарах, продовольственных беспорядков.

Продовольственный вопрос нашел свое отражение и в *источниках личного происхождения*. Воспоминания многих современников, военных и государственных деятелей, содержат сведения о снабжении армии и тыла¹¹⁵. Из лиц, непосредственно причастных к продовольственной политике страны, прежде

¹¹⁴ Рынков В.М. Власть и население Сибири ... С. 183–184.

¹¹⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. 286 с.; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. 746 с.; Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. 368 с. и др.

всего, следует отметить мемуары министра земледелия А.Н. Наумова¹¹⁶. В своих записях А.Н. Наумов дал как личную характеристику чиновникам, работавшим в Особом совещании по продовольствию, так и оценку их профессиональной деятельности (Г.В. Глинки и его помощников Н.А. Гаврилова и К.И. Зайцева, С.Н. Ленина и сменившего его Н.А. Мельникова, А.А. Риттиха и др.), описал заседания и совещания, работу комиссий, касался различных вопросов продовольственной политики (введение твердых цен, меры борьбы с дороговизной и т.д.), заготовительных операций и др.

Промежуточное положение между источниками личного характера и периодикой занимают публицистические произведения. К таковым относятся опубликованные в 1918 г. речи выступлений министра продовольствия Временного правительства С.Н. Прокоповича, прочитанные на Государственном Совещании в Москве 12 августа 1917 г., Кооперативном Съезде в Москве 11 сентября 1917 г. и заседании Временного Совета Республики 16 октября 1917 г. В них представлен обзор работы возглавляемого им министерства, ход хлебозаготовок осенью 1917 г., охарактеризована работа продовольственных органов на местах. С.Н. Прокопович подчеркивал, что продовольственная политика Временного правительства не могла быть успешной, поскольку взгляды различных социальных групп на большинство экономических, социальных и других проблем, которые стояли перед обществом, коренным образом различались, и в течение 1917 г. страна стремительно скатывалась в сторону гражданской войны. В каждой своей речи он призывал к гражданскому единению во имя победы: «Граждане-капиталисты, отдайте в распоряжение Временного правительства ваши предпринимательские способности и ваши капиталы. Граждане-рабочие, отдайте государству ваш труд. Граждане-крестьяне, накормите вашим хлебом армию и города, работающие на оборону страны»¹¹⁷.

¹¹⁶ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 гг. В П Ч. Нью-Йорк, 1954.

¹¹⁷ Прокопович С.Н. Народное хозяйство в дни революции (Три речи). М., 1918. 68 с.

Мемуары уроженцев Восточной Сибири или лиц, проживавших в регионе в военный период, позволяют анализировать те социально-экономические процессы, которые протекали здесь. Среди них можно отметить дневник иркутского общественного деятеля, публициста И.И. Серебренникова, воспоминания и записки секретаря городской управы Енисейска М.П. Миндаровского, автобиографию крупного торгово-промышленного деятеля Сибири и Дальнего Востока И.В. Кулаева.

Уроженец Иркутской губернии И.И. Серебренников работал секретарем городской думы Иркутска, являлся одним из редакторов «Вестника Иркутского городского общественного управления», состоял в нескольких научных обществах (Иркутской губернской ученой архивной комиссии, местном отделе Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Восточно-Сибирском отделе Русского Географического общества). Во время войны входил в иркутский комитет Всероссийского Союза городов, являлся одним из организаторов и участников Съезда представителей городов Восточной Сибири 15–19 апреля 1916 г. После Февральской революции заведовал организационно-статистическим отделом Иркутской губернской продовольственной управы. Позднее во Временном сибирском правительстве стал министром продовольствия. В своем дневнике И.И. Серебренников освещал важнейшие события в Иркутске, охарактеризовал работу городского общественного самоуправления, местного комитета Союза городов и Военно-промышленного комитета, писал о восприятии иркутянами событий на фронте и правительственного курса, их реакции на рост дефицита и дороговизны¹¹⁸.

Мемуары М.П. Миндаровского охватывают довольно длительный и насыщенный событиями период – с 1895 г. по 1935 г. Их автор на протяжении многих лет исполнял обязанности секретаря городской управы Енисейска, корреспондента газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», в военные годы входил в правление кооперативного общества потребителей «Самопомощь»

¹¹⁸ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 592 с.

(с конца 1915 г. по январь 1917 г.), принимал участие в Съезде представителей городов Восточной Сибири. М.П. Миндаровский подробно описал деятельность гласных городской думы и управы, жизнь местных купцов и горожан, работу учебных заведений, лечебниц, общественных организаций, привел биографические сведения о многих жителях города, и в числе прочего охарактеризовал систему снабжения продовольствием Енисейска, расположенного на севере Восточной Сибири, работу общества потребителей¹¹⁹.

Записки И.В. Кулаева, опубликованные им в эмиграции в 1937 г., отражают особенности быта, экономики и промышленности Западной и Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. К началу войны И.В. Кулаев вел торговлю с Маньчжурией, владел золотыми приисками в Забайкалье, руководил «Русским мукомольным товариществом», которое имело мельницы в Новониколаевске, Чите и других городах. Товарищество обеспечивало мукой население Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. Мука харбинских мельниц, принадлежавших Кулаеву, находила сбыт в Маньчжурии, где вытеснила с рынка преобладавшую там до того времени американскую и канадскую муку. В своих воспоминаниях он рисовал неприглядную картину широкой спекуляции, которая развернулась в годы войны, взятки и злоупотребления при интендантских закупках продовольствия, незаконную торговлю железнодорожных служащих нарядами на вагоны по перевозке грузов¹²⁰.

Значительный интерес также представляют воспоминания и записки современников, которые посещали Восточную Сибирь накануне или в годы Первой мировой войны. Они не всегда содержат сведения о продовольственной ситуации, но позволяют понять специфику социально-экономической и общественной жизни региона, дают более глубокое понимание исторической обстановки. К таковым можно отнести воспоминания ссыльного социал-

¹¹⁹ Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. Красноярск, 2019. 512 с.

¹²⁰ Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930. М., 2006. 221 с.

демократа В.С. Войтинского, француза К. Оланьона, норвежцев Ф. Нансена и Й. Лида.

Многие политические ссыльные занимались литературной и публицистической деятельностью, вели автобиографические записи. Например, студент юридического факультета Петербургского университета В.С. Войтинский арестованный в 1908 г. за участие в революционном движении и приговоренный к четырем годам каторжных работ, с 1912 г. находился на поселении в Иркутске. В двухтомнике воспоминаний, изданном в Берлине в 1920-х гг., описывал свою жизнь и подпольную работу в 1905–1916 гг. в Восточной Сибири. Начало Первой мировой войны он встретил в поездке по Якутской области. Наблюдая за ходом мобилизации, В.С. Войтинский пришел к выводу, что сибиряки отнеслись к войне без воодушевления, а в дальнейшем, с нарастанием экономических трудностей, происходила быстрая девальвация монархических ценностей¹²¹.

В начале XX в. усилилось проникновение иностранного капитала в экономику региона. Вдохновленный примером датских предпринимателей, которые содействовали учреждению маслодельных артелей в Западной Сибири, французский подданный К. Оланьон совершил поездку по Сибири с целью определения возможностей сотрудничества Франции и Сибири. Он оставил серьезный труд с описанием природных ресурсов как Западной, так и Восточной Сибири, путей сообщения, условий землепользования и земледелия, развития скотоводства, промыслов, добывающей и обрабатывающей промышленности, торговли¹²².

Накануне войны интерес к развитию торгового судоходства по Карскому морю проявляли норвежские предприниматели – представители банковского капитала, владельцы судоходных компаний и предприятий по переработке леса и торговле рыбой. Наиболее настойчиво в этом направлении действовал Й. Лид. В 1912 г. он основал «Сибирскую компанию пароходства, торговли и

¹²¹ Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Кн. 2: На ущербе революции. Берлин, 1924. С. 390.

¹²² Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1905. 253 с.

промышленности». Одним из его деловых партнеров стал С.В. Востротин. Вместе им удалось заручиться поддержкой влиятельных лиц – великого князя Александра Михайловича, министра финансов В.Н. Коковцова, бывшего министра торговли и промышленности, председателя Ленских золотых приисков В.И. Тимирязева, министра путей сообщения С.В. Рухлова, томского купца Н.Н. Гадалова, миллионера Н.А. Второва и др. В 1913 г. Й. Лид, С.В. Востротин и секретарь при русском посольстве И.Г. Лорис-Меликов предприняли путешествие из Норвегии через Карское море к устью Енисея и далее через всю Сибирь в Приамурье. В нем также принял участие знаменитый норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Цель экспедиции заключалась в популяризации проекта установления постоянных торговых отношений «Сибирской компании» с сибирским регионом. Записки Ф. Нансена включают не только дневник путешествия, но и личные впечатления от природы, людей, размышления о перспективах экономического развития Сибири¹²³. В дальнейшем «Сибирская компания» организовывала рейсы в устье Енисея в 1914 г., 1915 г. и 1916 г. Воспоминания и записки Й. Лиды отражают характер его личных и деловых связей с российскими политическими деятелями и предпринимателями, оценку экспортных возможностей экономики Восточной Сибири, описание хозяйственного уклада населения, транспортной и торговой инфраструктуры¹²⁴.

Новизна и научная значимость исследования. Диссертация представляет собой первое специальное комплексное исследование системы продовольственного обеспечения тылового населения Российской империи в годы Первой мировой войны на материалах Восточной Сибири. Работа позволяет анализировать те общие проблемы внутренней жизни страны, которые привели к революционным потрясениям в феврале и октябре 1917 г., а также устранить ряд «белых пятен» в истории региона в военный период.

¹²³ Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Петроград, 1915. 454 с.

¹²⁴ Лид Й. Сибирь – странная ностальгия: автобиография. М., 2009. 302 с.; Лид Й. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск, 2019. 320 с.

На основе привлечения значительного количества источников, в том числе вводимых в научный оборот впервые, проведены отбор, систематизация и изучение исторической информации, позволившей выявить причины и факторы роста дороговизны и дефицита основных продуктов питания, динамику и особенности развития ситуации в продовольственной сфере в губерниях и областях Восточной Сибири, систему административных, экономических, социальных мер центральных и региональных властей по регулированию продовольственного обеспечения населения в июле 1914 г. – октябре 1917 г. Впервые в отечественной историографии изучены принципы организации и функционирования продовольственных структур Восточной Сибири в имперский период и при Временном правительстве, дана оценка их деятельности в условиях слабости органов охраны правопорядка. Реконструированы способы общественной самоорганизации в целях решения продовольственного вопроса. Исследована система обеспечения городского населения. Отражены приоритеты экономической политики правительства в регионе, механизмы взаимодействия центральных и местных властей в решении продовольственного вопроса. Показано, как под влиянием ухудшения продовольственной ситуации в аграрном регионе, отдаленном как от линии фронта, так и центров политической жизни страны, росло недовольство населения, усиливались настроения оппозиционного характера. Подробно освещена система государственно-общественной помощи семьям мобилизованных солдат и ее восприятие со стороны получателей. Исследованы случаи продовольственных беспорядков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие продовольственного рынка Восточной Сибири в предвоенный и военный периоды было обусловлено спецификой сельскохозяйственного производства, перерабатывающей промышленности, объемами внутри- и межрегионального товарного обмена. Сельское хозяйство характеризовалась такими чертами, как неустойчивость, высокий уровень затрат, низкая производительность крестьянских хозяйств, слабые возможности

интенсификации, географически неравномерное размещение и территориальная специализация. Отрасли переработки сельскохозяйственного сырья были неразвиты, что объяснялось нехваткой капиталов и их оттоком преимущественно в золотодобычу, дороговизной кредитов, конкуренцией производителей из Европейской России и общей государственной стратегией в отношении экономического развития Восточной Сибири, направленной на сохранение статуса сырьевого региона. Существовавшая транспортная инфраструктура существенно затрудняла товарообмен внутри губерний и между ними; доставка продуктов в отдаленные и северные области была сопряжена с большими трудностями и высокими расходами. В результате Восточная Сибирь являлась регионом аграрным, но при этом потребляющим, вопросы обеспечения населения продовольствием не могли быть решены за счет местного производства.

2. Роль генерал-губернатора, губернаторов, губернских и областных ведомственных учреждений в решении продовольственных затруднений населения в Восточной Сибири в начале XX в. была выше, чем в Европейской России, что объяснялось более широким объемом их прав и полномочий в системе местного управления. Такая ситуация, в свою очередь, сложилась из-за незавершенного характера освоения территории, того, что многие либеральные реформы 1860–1870-х гг. здесь не были проведены или проведены в неполном виде. В военный период обязанности сибирских губернаторов в качестве уполномоченных Особого совещания по продовольствию увеличивались, при этом одновременного расширения полномочий не произошло. Напротив, зависимость от центральных ведомств значительно усилилась, все важные постановления они принимали только с одобрения центральных органов власти. При этом их деятельность в сфере продовольственного снабжения населения осложнялась множеством факторов (громадной площадью административных единиц, неравномерной освоенностью и заселенностью территорий, суровыми природно-климатическими условиями, географической удаленностью от крупных торгово-промышленных центров европейской части страны, неразвитыми

коммуникациями и др.). В конечном итоге полномочия и положение генерал-губернатора и губернаторов в управленческой иерархии для населения стали малопонятными. В то время, как от них ожидали оперативных решительных, они могли лишь докладывать и ходатайствовать в центральные правительственные структуры. Такая ситуация со стороны населения воспринималась как бездействие, что подрывало престиж власти в целом.

3. В имперский период система мер центральных и региональных властей по обеспечению тылового населения относилась лишь к жителям городов и рабочим промышленных предприятий. Основными мероприятиями продовольственных комиссий, образованных при городских думах и управах, стали таксировка цен, закупки продуктов питания для реализации их населению. Из-за ценового состава и дефицита финансовых средств, отсутствия компетентных специалистов, в условиях общей экономической конъюнктуры, сложившейся в стране, их действия были малоэффективными и подвергались критике со стороны населения. Поскольку Восточная Сибирь, расположенная в глубоком тылу, начала испытывать всю тяжесть социально-экономических последствий войны несколько позднее, чем Европейская Россия, процессы взаимодействия и объединения городов в реализации мероприятий против дефицита и дороговизны продуктов питания также задерживалась. Уездные города (малонаселенные, с полуаграрной экономикой, скорее административные и стратегические пункты, нежели центры торгово-промышленного развития) принимали в этой деятельности слабое участие. При Временном правительстве система избиравшихся на «демократической» основе продовольственных комитетов охватила и сельскую местность. Однако процесс их формирования растянулся на длительный период, из состава были практически выведены представители торгово-промышленных кругов, а делегированные от советов, профессиональных и общественных организаций сотрудники конфликтовали между собой. Деятельность продовольственных комитетов

протекала в сложных финансово-экономических условиях и вызывала всеобщее недовольство.

4. До февраля 1917 г. проведение заготовительных операций на региональных потребительских рынках порождало конфликты между агентами частных торговцев, представителями центрального заготовительного аппарата, работавшего на армию, и местными властями, призванными защищать интересы тылового населения. Все они выступали в роли конкурентов. При этом первые располагали значительными денежными суммами, позволявшими им действовать оперативно и продуктивно, а в руках правительственных уполномоченных были бюджетные средства и административные рычаги воздействия на соперников. Их действия приводили к стремительному опустошению торговых запасов на местных продовольственных рынках, резкому росту цен, что вызывало раздражение и возмущение, как жителей, так и региональных властей. В период с февраля по октябрь 1917 г. продовольственное обеспечение армии и тылового населения осуществлялось по единому плану, заготовки велись преимущественно через продовольственные комитеты и кооперативные организации. Однако переход к такому планированию запоздал, как и предпринимавшиеся меры по нормированию потребления и ограничению рыночной торговли.

5. Обеспечить бескризисное функционирование регионального продовольственного рынка Восточной Сибири в годы войны не удалось. В течение первого сельскохозяйственного периода (с июля 1914 г. по июнь 1915 г.) ситуация изменилась незначительно. Можно отметить лишь общее подорожание продуктов и повсеместный дефицит сахара. Во время второго периода (июль 1915 г. – июнь 1916 г.) локальные неурожай в Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областях, начало продовольственных заготовок мяса и рыбы в регионе, увеличение потребительского спроса (за счет прибытия беженцев, военнопленных, роста численности войск в Иркутском военном округе) и усиленная спекуляция запустили цепную реакцию быстрого повышения цен на все продукты питания. Третий период (начавшийся в июле 1916 г. и прерванный

Февральской революцией 1917 г.) проходил под знаком острого дефицита и дороговизны хлеба в городах и северных уездах из-за нарушения межрегиональных торговых связей, связанных с перебоями на железнодорожном транспорте, запретами вывоза из Западной Сибири, где шли заготовки для фронта. С февраля по октябрь 1917 г. благодаря закупкам хлеба и других продуктов в Маньчжурии, которые распределялись среди населения по нормированной системе, удалось не только преодолеть кризис, но и создать определенный продовольственный запас. Однако летом в связи с падением курса рубля поступление маньчжурских продуктов резко сократилось, а крестьяне отказывались везти хлеб на ссыпные пункты. Осенью 1917 г. продовольственная ситуация стремительно осложнялась – запасов продовольствия хватало на непродолжительное время, возникла зависимость от текущего подвоза, люди находились в тревожном ожидании голода.

6. На особом контроле властей находился вопрос о продовольственном снабжении золотодобывающих предприятий. По причине суровых природно-климатических условий и слабого развития транспортных коммуникаций поставка продуктов питания должна была осуществляться в строго определенные сроки. Генерал-губернатору и иркутскому губернатору были предоставлены широкие полномочия (право осуществлять реквизиции, вести учет запасов, предоставлять кредиты и др.), правительство оперативно выделяло средства на закупочные продовольственные операции. Благодаря этому значительных перебоев в снабжении продовольствием рабочих удалось избежать. Однако после Февральской революции администрации золотодобывающих компаний не были заинтересованы в сдаче золота государству, стремились минимизировать его добычу, и соответственно сокращали численность рабочих, в том числе по причине и под предлогом нехватки продовольствия.

7. Неуклонное усиление кризиса в продовольственной сфере на фоне длительного ухудшения общей экономической ситуации усиливало рост настроений оппозиционного характера. Однако возможности для открытого

выражения своего мнения у населения были ограничены. Своеобразными дискуссионными площадками для либеральной общественности, на которых обсуждались наиболее насущные вопросы, вызванные военными действиями и мобилизациями, в дофевральский период стали всероссийские и областные съезды городов и общественных организаций. Региональные съезды восточносибирских городов продемонстрировали, что от государства сибиряки ожидали финансовой помощи, решительных мер в отношении спекуляции, реформирования законодательства с целью расширения народного представительства в органах городского самоуправления, введения земского самоуправления, изменения политических методов управления. После февраля 1917 г. ситуация значительно изменилась. Начали действовать избравшиеся населением коллегиальные представительные органы – советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые не только свободно выражали свое мнение относительно деятельности продовольственных комитетов, но и активно вмешивались в нее, не всегда способствуя конструктивному решению проблем.

8. Снижение уровня жизни серьезнее всего сказывалось на положении беднейших слоев, среди которых значительную часть составляли семьи призванных. Фактически они превращались в неполные многодетные семьи с высокой иждивенческой нагрузкой, которые не могли поддерживать стандарты потребления, сложившиеся в довоенный период. В городах солдатские семьи получали казенное пособие, а также выплаты от городских попечительств и благотворительных организаций. В сельской местности семьям призванных выплачивалось казенное пособие, размер которого из-за разницы цен на продукты питания был ниже, чем в городе, односельчане должны были оказывать помощь в полевых работах. Однако объемы помощи с течением времени сокращались, в то время, как количество нуждавшихся в ней возрастало в связи с новыми мобилизациями. При этом восприятие государственной и общественной поддержки со стороны солдат и членов их семей изменилось – они теперь не просили ее, а требовали. Когда в 1916 г. – начале 1917 г. в регионе начались

стихийные выступления, солдатки принимали в них активное участие. Недовольство было направлено против тех, кого считали виновными в обострении социально-экономических проблем – торговцев, обвиняемых в чрезмерной спекуляции, а также полиции, охранявшей основы политической системы.

9. По мере обострения ситуации в продовольственной сфере становилось все более очевидным, что полиция не была в состоянии обеспечить охрану общественного порядка и безопасности в должной мере. Кадровый дефицит сотрудников полицейской стражи в Восточной Сибири в имперский период обуславливался устаревшими законодательными нормами довоенного периода, которые не учитывали быстрого увеличения численности населения, тяжелых условий службы в регионе. В годы войны перечень обязанностей полиции серьезно расширился, а численность преступлений и различного рода правонарушений значительно выросла. Губернаторы неоднократно обращались с ходатайствами об увеличении действовавших штатов полиции и их денежного довольствия в правительство, однако дефицит финансирования не позволил Министерству внутренних дел осуществить соответствующее реформирование. Мероприятия Временного правительства по расформированию органов правопорядка и амнистии оказали дестабилизирующее влияние общественные отношения, подорвали вертикаль власти, препятствовали последовательной реализации многих начинаний, в том числе в продовольственной сфере.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что полученные научные результаты позволяют расширить и скорректировать существующие в историографии представления о сущности, механизмах, проблемах и результатах модернизации на рубеже XIX–XX вв. в российских регионах, направлениях и способах мобилизации ресурсов и общества в годы Первой мировой войны, способности российского общества претерпевать серьезные лишения, причинах потери контроля правительства над внутривнутриполитической ситуацией в 1917 г. Работа способствует осмыслению парадоксальной на первый взгляд ситуации,

когда при наличии в 1914 г. значительных резервов в дальнейшем страна быстро продвигалась по пути к продовольственному кризису. Предмет исследования имеет непосредственное отношение к разработке возможных стратегий власти по обеспечению продовольственной безопасности страны и регионов в условиях широкомасштабных военных конфликтов на основе учета исторического опыта. Обобщенные в ходе работы над диссертацией материалы могут стать дополнительным основанием для новых научных исследований, учебных курсов по истории России в годы Первой мировой войны, истории Сибири.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации и полученные в ходе исследования результаты отражены в 21 статье в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК РФ, из которых 3 включены в международную реферируемую базу Web of Science и 1 в Scopus¹²⁵,

¹²⁵ Долидович О.М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. III. С. 71–74; Долидович О.М. Спекуляция в Канском уезде Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35). С. 38–44; Долидович О.М. Красноярское городское самоуправление в борьбе с продовольственным кризисом в период Первой мировой войны // Былые годы. 2015. Т. 37. Вып. 3. С. 708–714; Долидович О.М., Старовойтова Е.Н. Социальное попечение о семьях солдат в Енисейской губернии (1914–1917 гг.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. Т. 43. Вып. 1. С. 309–316; Долидович О.М. Проблема продовольственного снабжения населения на Первом съезде представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям (15–17 июля 1915 г.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 14–17; Долидович О.М., Старовойтова Е.В. Эволюция общественных настроений в Енисейской губернии (1914–1917 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 175–191; Долидович О.М. Продовольственный вопрос в городах Восточной Сибири в период Первой мировой войны и его обсуждение на съезде представителей городов в апреле 1916 г. // Научный диалог. 2018. № 1. С. 158–170; Долидович О.М. Иркутский губернатор А.Н. Юган в борьбе с продовольственным кризисом (июль 1914 г. – февраль 1917 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 1 (31). С. 87–93; Долидович О.М. Коррупционные схемы при поставках продовольствия в армию в период Первой мировой войны: на примере Енисейской губернии // Научный диалог. 2018. № 3. С. 149–161; Долидович О.М. Городское общественное самоуправление Иркутска в борьбе с продовольственным кризисом (1914 – февраль 1917 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (88). С. 18–22; Долидович О.М. Иркутск в борьбе с кризисом продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Клио. 2018. № 4 (136). С. 100–107; Долидович О.М. Изменение условий функционирования мясного потребительского рынка в Иркутском генерал-губернаторстве в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 2 (32). С. 116–126; Долидович О.М. Дефицит хлеба в городах Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 1. С. 26–29; Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 173–182; Долидович О.М. «Мясной кризис» в Иркутске в годы Первой мировой войны // Манускрипт. 2019. № 1. С. 36–40; Долидович О.М., Федорова В.И., Жулаева А.И. Конфликт имперских и региональных интересов по вопросу о введении режима беспрошленной торговли в устьях сибирских рек в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2019. Т. 51. Вып. 1. С. 395–405; Долидович О.М. «Сахарный кризис» в России в годы Первой мировой войны (по материалам Восточной Сибири) // Научный диалог. 2019. № 5. С. 301–316; Долидович О.М. Продовольственный кризис в Чите в годы Первой мировой войны // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 7. С. 22–26; Долидович О.М. Продовольственный кризис в Забайкальской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Научный диалог. 2019. № 9.

монографии¹²⁶. Положения и выводы диссертации апробированы на всероссийских и региональных научных конференциях.

С. 293–307; Долидович О.М. Продовольственное снабжение приискового населения Ленско-Витимского золотодобывающего района в годы Первой мировой войны // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 71–80; Долидович О.М. Правительственные и общественные структуры, занимавшиеся регулированием продовольственных вопросов в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 56–68.

¹²⁶ Долидович О.М. Кризис продовольственного снабжения в городах Енисейской губернии (июль 1914 – февраль 1917 г.). Красноярск, 2018. 144 с.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ДОВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Изучение продовольственного вопроса в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны целесообразно начать с анализа социально-демографических и экономических процессов, протекавших в регионе. Социально-демографические показатели (численность населения, доля горожан, этнический состав, миграции и др.) тесно связаны с вопросами продовольственного обеспечения, их необходимо рассматривать в комплексе с экономическими (территориально-географическое положение региона, климатические условия, природные ресурсы, уровень сельскохозяйственного, промышленного развития, торговли, транспортная инфраструктура). Такой подход позволяет определить особенности производства (территориальную специализацию, возможности мобилизации внутренних резервов для увеличения производства, внутрирегиональный и межрегиональный обмен и др.) и потребления (уровень спроса, проблемы в обеспечении населения и др.) продовольствия.

§ 1.1 Социально-демографические процессы

К 1 января 1914 г. Восточную Сибирь населяло 3 016,3 тыс. чел., что составляло 1,7 % общей численности населения Российской империи или 28,5 % жителей Сибири. В Енисейской губернии проживало 990,4 тыс. чел. (33,0 % населения Восточной Сибири), Забайкальской области – 945,7 тыс. чел. (31,6 %), Иркутской губернии – 750,2 тыс. чел. (24,4 %), Якутской области – 330,0 тыс. чел. (11,0 %) ¹²⁷ (Приложение 1. Таблицы 1, 2).

¹²⁷ Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 54–55; Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск, 1984. С. 90.

Численность населения региона к началу 1916 г. достигла 3 069,9 тыс. чел.: в Енисейской губернии – 1 090,3 тыс. чел., Забайкальской области – 897,4 тыс., Иркутской – 810,9 тыс., Якутской области – 271,3¹²⁸ (Приложение 1. Таблица 1).

Можно констатировать, что в целом в военный период динамика численности населения Восточной Сибири была положительной. Подтверждает это и перепись 1917 г., согласно которой население региона составляло 3 088,8 тыс. чел.: в Енисейской губернии – 1 108,1 тыс. чел., Забайкальской области – 913,8 тыс. чел., в Иркутской губернии – 803,0 тыс. чел., Якутской области – 263,9 тыс. чел.¹²⁹.

Вопрос о роли естественного и механического прироста населения Восточной Сибири является дискуссионным. Так, В.А. Зверев считает, что на рубеже XIX–XX вв. несмотря на большое значение естественного прироста, все же не он, а механическое движение являлось преобладающим фактором воспроизводства населения. В период с 1897 г. по 1913 г. численность населения Восточной Сибири увеличилась на 929,8 тыс. чел. (т.е. на 52,9 %), в том числе за счет естественного прироста – 447,4 тыс. чел (т.е. 25,5 %) и механического – 482,4 тыс. чел. (т.е. 27,4 %). В Западной Сибири за аналогичный период население выросло на 3 533,8 тыс. чел. (87,4 %), естественный прирост составил 1 335,5 тыс. чел. (33,0 %), механический – 2 198,3 (54,4 %)¹³⁰.

Согласно исследованиям В.И. Пронина и Л.М. Горюшкина, в начале XX в. (1897–1905 гг.) преобладал естественный прирост, в годы столыпинской реформы (1906–1910 гг.) – механический, в довоенный период (1911–1913 гг.) и военный (1914–1917 гг.) – снова естественный¹³¹. Такое разделение на этапы позволяет учесть особенности переселенческого движения в Сибирь. Крестьянское

¹²⁸ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года ... С. 3–76; Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири ... С. 90.

¹²⁹ Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года ... С. 148–171; Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 86, 94.

¹³⁰ Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX вв. // Проблемы исторической демографии Сибири. Выпуск. II. Новосибирск, 2011. С. 58.

¹³¹ Пронин В.И. Городское и сельское население ... С. 97; Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1990. С. 15.

стихийное переселение за Урал началось еще в пореформенный период. В 1890-е гг. под влиянием истощения колониционного фонда земель на юге страны, после голода в Европейской России, начала строительства Сибирской железной дороги, переселенческое движение значительно усилилось. Переселенцы устремлялись, прежде всего, в Томскую, Енисейскую, Тобольскую, Иркутскую губернии. Годом резкого подъема переселенческого движения стал 1906 г., после чего последовал некоторый спад¹³².

Во время Первой мировой войны произошло сокращение численности переселенцев из-за условий военного времени (мобилизации мужчин, загруженности железных дорог и др.) и запрета правительства. В 1915 г. переселение было приостановлено на время военных действий с целью сохранения рабочих рук в основных районах зернового производства европейской части страны¹³³. С января по август 1914 г. в Сибирь прибыло более 230 тыс. переселенцев, то с августа до конца года – 1,3 тыс.; в 1915 г. – 28,2 тыс. человек, в 1916 г. – 7,5 тыс. и в 1917 г. – 5,1 тыс.¹³⁴. Согласно официальной статистике, число семей водворенных переселенцев в Восточную Сибирь в 1914 г. составило 22 459, а уже в 1915 г. – только 1 520¹³⁵.

В довоенный период в Восточной Сибири рождаемость была высокой из-за раннего вступления в брак и слабого распространения регулирования деторождения: в 1902–1905 гг. количество рождений на 1 000 человек составило 43,2, в 1906–1909 гг. – 46,1, в 1910–1914 гг. – 47,9. Такой же высокой она была и в других регионах. Для сравнения: в Российской империи за аналогичные периоды – 43,9, 43,5, 40,6, в Европейской России – 45,8, 44,3 и 40,8 соответственно, в целом по Сибири – 47,5, 52,3 и 51,5, в Западной Сибири – 49,4, 54,8 и 52,8¹³⁶. Наиболее значительные показатели рождаемости имели семьи переселенцев,

¹³² Сафронов С.А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск, 2006. С. 173.

¹³³ Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Вып. I. Таллин, 1986. С. 226–227.

¹³⁴ Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение... С. 9.

¹³⁵ Статистический ежегодник России. 1914 г... С. 54–55; Статистический ежегодник России. 1916 г... С. 110–111.

¹³⁶ Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения ... С. 138.

которые образовывались из молодых и физически здоровых пар. Наметились различия между сельским и городским населением: рождаемость в городах была ниже, чем в деревнях. Так, в городах Восточной Сибири количество рождений на 1 000 человек в 1902–1905 гг. равнялось 38,3, а в сельской местности – 43,9, в 1906–1909 гг. – 44,4 и 46,6 соответственно, в 1910–1914 гг. – 40,8 и 49,0¹³⁷.

В годы войны происходило падение рождаемости, что в основном обуславливалось мужскими мобилизациями. В Сибири в 1914–1917 гг. было призвано около 40 % мужчин репродуктивного возраста. Первые мобилизации состоялись в августе 1914 г., соответственно сокращение рождаемости началось не ранее мая 1915 г. В 1916 г. и 1917 г. рождаемость значительно упала по сравнению и с довоенным периодом и даже с 1915 г. Уровень рождаемости в сельской местности в 1916 г. составлял 65 % от 1911–1913 гг. В 1917 г. рождаемость была наиболее низкой за весь период войны, с 1918 г. снова наблюдался ее рост, что объяснялось демобилизацией армии¹³⁸.

На снижение рождаемости в Сибири существенное влияние оказало также ухудшение условий жизни. Современники свидетельствовали: «Неизбежным спутником войны оказался рост дороговизны во всех государствах. Дороговизна резко ухудшила положение низших экономических групп населения и заставила их прибегать ко всякого рода искусственным мерам сокращения рождаемости. И если до войны всякие «предупредительные» меры были почти монопольной привилегией больших городов и высших классов общества, то во время войны они спустились в широкие массы населения»¹³⁹.

Мобилизации повлияли и на брачность населения. Уровень брачности в Восточной Сибири в начале XX в. был несколько ниже, чем в Западной. Так, в 1897–1901 гг. количество браков, зарегистрированных на 1 000 населения в Восточной Сибири равнялось 7,8, в 1902–1905 гг. – 7,5, в 1906–1909 гг. – 9,0, в

¹³⁷ Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения ... С. 138.

¹³⁸ Исупов В.А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири. Выпуск IV. Новосибирск, 2015. С. 86–87.

¹³⁹ Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. Новониколаевск, 1921. С. 95.

1910–1914 гг. – 8,0, тогда как в Западной Сибири за соответствующие периоды – 8,6, 7,9, 9,8 и 8,2¹⁴⁰. В годы Первой мировой войны в целом по стране индекс брачности сократился в два раза. Данных по сибирскому региону за военный период нет, однако можно предположить, что здесь также существовала тенденция сокращения числа заключаемых браков¹⁴¹.

Смертность в Сибири в начале XX в. была выше, чем в других регионах. И если в Европейской России наметилось снижение смертности, то в Восточной Сибири эта тенденция проявилась позднее и слабее. В целом по империи количество умерших на 1 000 человек в 1902–1905 гг. составляло 27,9, в 1906–1909 гг. – 27,4, в 1910–1914 гг. – 25,3, в Европейской России за аналогичные периоды – 29,4, 27,9 и 25,7, по Сибири – 31,2, 34,0 и 31,9, Западной Сибири – 31,1, 35,0 и 32,7, Восточной Сибири – 31,4, 31,4 и 29,4¹⁴². Такие высокие показатели объяснялись, прежде всего, колоссальной младенческой и детской смертностью. Так, в Енисейской губернии среди 23 770 умерших за 1902–1903 г. дети до 5 лет составляли 63,7 %, среди 17 554 умерших в Иркутской губернии за 1904 г. – 59,0 %. Главные причины – дефицит врачей и медицинской помощи, антисанитарные бытовые условия, неудовлетворительное питание. Особенно высокой смертность была среди детей переселенцев¹⁴³.

По мнению В.А. Исупова, в военный период смертность гражданского населения в регионе не претерпела значительных изменений, поскольку не возникло значительных инфекционных эпидемий или вспышек голода. Однако состояние источников не позволяет более подробно исследовать вопрос: «Для Сибири приемлемых данных о смертности населения в годы Первой мировой войны нет – здесь регистрация смертей производилась с большими погрешностями, сильно искажающими реальную демографическую картину»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими» ... С. 63.

¹⁴¹ Исупов В.А. Население Сибири ... С. 87.

¹⁴² Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения ... С. 133.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Исупов В.А. Население Сибири... С. 85–86.

Роль ссылки в воспроизводстве населения в начале XX в. была незначительной. В 1898 г. в Сибири числилось 309,3 тыс. ссыльных и каторжан и 64,7 тыс. членов их семей. В совокупности они составляли 5,8 % населения региона. В 1900 г. была ограничена уголовная ссылка, в 1906 г. упразднена Сахалинская каторга. Однако до 1917 г. сохранялась ссылка на поселение для каторжан, отбывших свой срок, а также за преступления политического и религиозного характера. На 1911 г. в Сибири и на Дальнем Востоке отбывали ссылку до 200 тыс. человек¹⁴⁵.

Главы сибирских губернских администраций считали, что ссылка оказывала негативное влияние на социально-экономическую жизнь региона и общественные настроения, политические и уголовные ссыльные несли угрозу для людей, их собственности, усиливали криминогенную обстановку¹⁴⁶. В 1916 г. генерал-губернатор А.И. Пильц писал в докладной записке на имя императора, что вопрос об отмене ссылки в пределы Иркутского генерал-губернаторства являлся одним из актуальных и требовавших немедленного разрешения: «Бесперывное водворение преступного элемента сильно вредит краю, являясь одной из причин, искусственно приостанавливающих его рост и развитие. Ссыльнопоселенцы, осужденные за преступления государственные, приносят с собой и прививают старожилам революционную заразу; в то же время растущая, совершенно неустойчивая в нравственном отношении масса ссыльнопоселенцев их уголовных преступников является всегда готовой на какие угодно преступления»¹⁴⁷.

В военный период значительно усилились и другие виды миграционных потоков – мобилизованных, беженцев, военнопленных. Согласно подсчетам Е.З. Волкова, от начала военных действий к 1 июня 1917 г. общее количество призванных на военную службу в Российской империи достигло 17 585, 0 тыс. человек. Динамика мобилизованных выглядела следующим образом: 1914 г. –

¹⁴⁵ Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими» ... С. 60.

¹⁴⁶ Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 42–53.

¹⁴⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Л. 7–8.

38,6 % призванных, 1915 г. – 30,3 %, 1916 г. – 16,6 %, 1917 г. – 14,5 %¹⁴⁸. За военный период в Сибири было произведено 20 воинских наборов. По Восточной Сибири к началу 1918 г. было призвано на фронт: в Енисейской губернии 17,5 % общей численности мужчин или 38,8 % трудоспособных мужчин, в Иркутской губернии эти цифры составляли 22,2 % и 49,5 % соответственно, Забайкальской области – 25,3 % и 54,8 %, в Якутской области – 0,7 % и 1,5 %¹⁴⁹ (Приложение 1. Таблица 3).

Мобилизационное развертывание войск в Иркутском военном округе осуществлялось с июля 1914 г. Численность военных колебалась – запасные полки по мере готовности отправляли на фронт. Среднемесячный состав войск в военном округе в январе 1915 г. составлял 115,1 тыс. чел., в октябре 1915 г. – 155,3 тыс. чел., в июле 1917 г. – 73,1 тыс. чел.¹⁵⁰. Достаточно остро стояла проблема размещения войск в Иркутске, поскольку довоенный гарнизон насчитывал всего около 10 тыс. чел., кроме того, часть помещений была отдана под нужды военнопленных¹⁵¹.

Точная численность беженцев в Российской империи в годы Первой мировой войны до сих пор не установлена. Их учет вело Центральное всероссийское бюро при Татьянинском комитете и Всероссийские земский и городской союзы. Однако эти структуры регистрировали лишь тех, кто получал пособие. Никто не фиксировал более благополучных в имущественном отношении, а также находившихся в прифронтовой полосе и в дороге, погибших от болезней и голода, выселенцев из западных областей. По данным различных исследователей общая численность вынужденных переселенцев к октябрю 1917 г. составляла от 5 млн до 7,5 млн человек¹⁵².

Азиатская Россия (включая Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию) до начала 1917 г. приняла до 114 тыс. чел., причем большая часть их осела в

¹⁴⁸ Волков Е.З. Динамика народонаселения... С. 50.

¹⁴⁹ Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М., 1925. С. 21.

¹⁵⁰ Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне ... С. 98.

¹⁵¹ Иркутск накануне и в 1917 г. Очерки политической истории губернского центра. Иркутск, 2017. С. 371.

¹⁵² Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–51.

Западной Сибири¹⁵³. Более точные данные привести сложно, поскольку «до конца августа 1915 г. беженцы частично учитывались вместе с другими переселенцами <...> работы по регистрации и учету беженцев стали носить систематический характер только с осени 1915 г.»¹⁵⁴. В Восточную Сибирь крупные партии беженцев поступали в сентябре–декабре 1915 г. Енисейская губерния приняла 11 179 чел.¹⁵⁵. В Иркутской губернии первые беженцы появились в конце июля 1915 г., с августа по ноябрь того же года через иркутский переселенческий пункт прошло 15 611 человек. Из них в Иркутской губернии остались 7 711, проследовали далее в Забайкалье – 1 812 и еще 6 088 – в Приамурье и Маньчжурию¹⁵⁶.

В годы войны в русском плену оказалось 2,3 млн солдат и офицеров австро-венгерской, немецкой и турецкой армий. В Сибирь, на Дальний Восток и Туркестан отправляли немцев и венгров, как менее надежных в сравнении с пленными румынами и славянами. Первые военнопленные начали прибывать рано. В середине сентября 1914 г. в Иркутском военном округе уже было сосредоточено 30 тыс. чел, к 1 января 1915 г. – 53,5 тыс. чел, к началу 1916 г. – 128 тыс. чел. только нижних чинов. К лету 1915 г. в Западной Сибири размещалось около 150 тыс. военнопленных и в Иркутском военном округе – порядка 200 тыс. В 1916–1917 гг. часть пленных из Восточной Сибири направили на сельскохозяйственные работы в европейскую часть страны. В январе 1917 г. в Иркутском военном округе оставалось 135 тыс. военнопленных¹⁵⁷.

Согласно воспоминаниям очевидцев и современным исследованиям, военнопленные в лагерях сибирских военных округов страдали, главным образом, от суровых природно-климатических условий. Однако в целом правила

¹⁵³ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/>

¹⁵⁴ Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–2. С. 179.

¹⁵⁵ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск, 1916. 89 с.

¹⁵⁶ Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 23 ноября. С. 2.

¹⁵⁷ Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 49–54.

содержания не были слишком жестокими. Первоначально их планировали отправлять подальше от городов и железной дороги, но из-за отсутствия возможностей их размещения в отдаленных местностях, решили оставлять в городах. Концентрационные лагеря в Сибири строились из расчета от 10 000 до 35 000 чел. Для них выделялся участок земли в 12–14 десятин, бараки вмещали до 500 чел. Офицерский состав мог расселяться непосредственно в городах. В течение войны военнопленных отпускали на работы к частным лицам¹⁵⁸.

Плотность населения в Восточной Сибири за военный период не изменилась. В 1914 г. она была низкой, в среднем по региону составляла 0,8 чел. на кв. версту (в Енисейской губернии – 0,4, Иркутской губернии – 1,2, Забайкальской области – 1,7 чел., Якутской области – 0,09), тогда как в целом по Российской империи – 9,3 чел., а в Европейской России – 28,8¹⁵⁹. Плотность увеличивалась с востока на запад и с севера на юг. Енисейский уезд (Енисейской губернии), Киренский уезд (Иркутской губернии), Баргузинский (Забайкальской области), Колымский и Вилюйский округа (Якутской области) занимали около 4/5 территории, но были самыми слабозаселенными. Редконаселенные на юге – Усинский пограничный округ (Енисейской губернии), Нижнеудинский (Иркутской губернии), Нерчинско-Заводской (Забайкальской области). Наиболее заселенными являлись Красноярский, Минусинский, Канский уезды (Енисейской губернии), Иркутский и Балаганский (Иркутской губернии), Верхнеудинский и Читинский (Забайкальской области), Якутский округ (Якутской области)¹⁶⁰. Территории на юге были теплее, с плодородными землями, и соответственно заселены более плотно, северные представляли собой пустынные области с преобладанием инородцев. Постоянных поселений на севере практически не было. Оленеводы и рыболовы кочевали с летних жилищ на зимники.

¹⁵⁸ Оськин М.В. Неизбежные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 165; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 123 с.; Танский М.В. Записки Верхнеудинского доктора ... С. 113; Овчаров В.В. Очерки по истории военных сообщений Приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. С. 83–89.

¹⁵⁹ Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 54–55, 58.

¹⁶⁰ Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение ... С. 15–16.

Удельный вес горожан в Восточной Сибири в начале XX в. оставался невысоким. Переселения крестьян способствовали ускорению темпов роста, прежде всего сельского населения. К началу 1914 г. в городах проживало 415,9 тыс. чел., т.е. 13,1 %: в Енисейской губернии – 142,9 тыс. чел. (14,4 % населения губернии), Иркутской губернии – 113,6 тыс. чел. (15,1 %), Забайкальской области – 144,3 тыс. чел. (15,2 %), Якутской области – 15,1 (4,6 %) ¹⁶¹. Для сравнения: в этом же году в Европейской России городское население составляло 14,4 %, в целом по Сибири – 11,9 % ¹⁶².

В регионе насчитывалось 22 поселения городского типа: в Енисейской губернии это Красноярск, Канск, Ачинск, Минусинск, Енисейск, в Иркутской губернии – Иркутск, Балаганск, Нижнеудинск, Верхолениск, Киренск, Бодайбо, Илимск (заштатный), в Забайкальской области – Чита, Троицкосавск, Нерчинск, Верхнеудинск, Баргузин и в Якутской области – Якутск, Вилюйск, Верхоянск, Среднеколымск, Олекминск. Крупнейшими городами являлись Красноярск, Иркутск, Чита, Верхнеудинск, через которые водными и сухопутными путями шли товары на северные окраины. В целом к началу XX в. восточносибирские города стали торгово-распределительными пунктами, но в центры фабрично-заводской промышленности не превратились. С развитием железнодорожного сообщения, ростом заселения и освоения региона в упадок приходили старейшие сибирские города, такие как Илимск, Киренск, Нижнеудинск, Селенгинск, Баргузин, Енисейск. Они приобретали облик крупных селений, их жители занимались земледелием, скотоводством ¹⁶³.

В 1916 г. в городах Восточной Сибири проживало 385,0 тыс. чел. (12,5 % населения изучаемого региона): в Енисейской губернии – 112,0 тыс. чел., в Иркутской губернии – 135,2 тыс. чел., в Забайкальской области – 124,7 тыс. чел., в Якутской области – 13,1 тыс. чел. С учетом того, что перепись 1916 г. не

¹⁶¹ Пронин В.И. Городское и сельское население ... С. 90.

¹⁶² Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение ... С. 16.

¹⁶³ Кудрявцев Ф.А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX вв. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 239–259; Пронин В.И. Города Сибири как рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 68.

учитывала горожан, данные о них основываются на сведениях полицейских исчислений, которые не отличались точностью, можно говорить скорее не о сокращении численности городского населения, а о неполном его учете в годы войны¹⁶⁴.

Из-за колониационного процесса в Сибири длительное время мужчины численно преобладали над женщинами. При этом в городах преобладание мужчин было еще большим (здесь располагались войска, административные учреждения, промышленные предприятия, железнодорожные мастерские). Особенно наглядно это проявлялось в губернских городах – Красноярске, Иркутске, Чите. В 1914 г. в Восточной Сибири мужчины составляли 50,8 % населения, женщины – 49,2 %. Доля мужчин среди населения Забайкальской области равнялась 52,2 %, Якутской области – 51 %, Енисейской губернии – 50,9 %, Иркутской губернии – 50,1 %¹⁶⁵. За военный период соотношение полов в Восточной Сибири изменилось вследствие мобилизации мужчин. В 1916 г. среди сельского населения Енисейской губернии мужчины составляли 45,8 %, женщины 54,2 %, Иркутской губернии – мужчины 48,3 %, женщины 51,7 %, Забайкальской области – мужчины 47,9 %, женщины 52,1 %. По Якутской области точных сведений нет¹⁶⁶.

Другие демографические характеристики населения (возраст, сословный состав, занятия, вероисповедание, грамотность) официальной статистикой в военный период не отслеживались. По этой причине мы ориентируемся на довоенные данные.

В возрастной структуре населения Енисейской губернии дети и молодежь до 19 лет составляли – 44,8 %, лица 20–59 лет – 46,6 %, жители 60 лет старше – 8,6 %, Иркутской губернии – 44,4 %, 48,2 %, 7,4 % соответственно, Забайкальской области – 47,4 %, 45,8 %, 6,8 %, Якутской области – 41,3 %, 47,7 %, 11 %. Для сравнения в Томской губернии эти же возрастные группы

¹⁶⁴ Пронин В.И. Городское и сельское население ... С. 95–96.

¹⁶⁵ Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 54–55, 58–59.

¹⁶⁶ Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири ... С. 87.

составляли 49 %, 43,6 %, 7,4 %, в среднем по Европейской России 48,7 %, 44,3 %, 7 %¹⁶⁷. Таким образом, в Восточной Сибири был ниже удельный вес детей, но выше количество лиц трудоспособного возраста и стариков. В губерниях Западной Сибири показатели возрастной структуры населения приближались к средним показателям по Европейской России.

В сословном отношении в Восточной Сибири в сравнении с Европейской Россией был ниже процент дворян, лиц духовного звания, мещан (в связи с более слабым развитием городов и торговли), но выше доля инородцев и казаков. В январе 1914 г. в Енисейской губернии на 1 000 чел. приходилось 9 дворян и чиновников, 4 священнослужителя, 3 почетных граждан и купцов, 72 мещанина, 758 крестьян, 13 казаков, 84 инородцев, 57 прочих. В Иркутской губернии – 15 дворян и чиновников, 5 священнослужителей, 5 почетных граждан и купцов, 74 мещан, 609 крестьян, 10 казаков, 225 инородцев, 66 прочих. В Забайкальской области – 10 дворян и чиновников, 3 священнослужителя, 4 почетных гражданина и купца, 39 мещан, 356 крестьян, 291 казак, 274 инородцев, 23 прочих. В Якутской области – 4 дворянина и чиновников, 4 священнослужителя, 1 почетный гражданин и купец, 19 мещан, 77 крестьян, 6 казаков, 869 инородцев, 20 прочих¹⁶⁸.

Значительную часть населения составляли инородцы. С 1897 г. по 1911 г. численность коренных народов Сибири выросла с 1 345,5 тыс. чел. до 1 602,8 тыс. чел., однако их удельный вес в общей численности населения снизился с 22 до 16 %. По территории Восточной Сибири инородцы распределялись неравномерно. Например, в Енисейской губернии они составляли до 10 % населения, в Иркутской губернии – 23 %, Забайкальской области – 32 %, в Якутской области – более 90 %. При этом в регионе не было ни одного уезда, где бы инородческое население отсутствовало полностью. В Енисейской губернии инородцы заселяли северный Туруханский край, много их было на юге – в Минусинском уезде. В

¹⁶⁷ Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 90–91.

¹⁶⁸ Там же. С. 87–89.

Иркутской губернии инородцы были сосредоточены в южной и юго-восточной части, наибольший их процент приходился на Балаганский уезд. В Забайкалье их численность убывала с северо-запада на юго-восток. В Якутии русские заселяли в основном Олекминский, Якутский и Колымский округа, в остальных уездах области население было практически сплошь инородческим¹⁶⁹.

Большая часть населения изучаемого региона была занята в сельском хозяйстве – 791 чел. на 1 000, значительно меньше в обрабатывающей промышленности – 82 чел., в частном услужении – 40 чел., сфере торговли – 22 чел., живущих на личные средства или получавших выплаты от казны насчитывалось – 19 чел., связанных с транспортом и перевозками – 14 чел., на административной, сословной или общественной службе – 12 чел., в вооруженных силах – 8 чел., священнослужителей – 4 чел., зарабатывали прочими занятиями – 8 чел.¹⁷⁰

По вероисповеданию абсолютное большинство населения Восточной Сибири составляли православные – 83,3 % в 1914 г., тогда как по Российской империи в целом – 69,9 %. На втором месте по численности «прочие нехристиане» – 9,9 %, которых в империи числилось лишь 0,5 %. В основном это буддисты и ламаиты, проживавшие в Иркутской губернии и Забайкальской области. Затем иудеи – 0,9 % (по империи в целом – 4,0 %), мусульмане – 0,8 % (в империи – 10,8 %), католики – 0,6 % (в империи – 8,91 %), протестанты – 0,2 % (в империи 4,8 %), прочие христиане (в основном армяно-григориане) – 0,03 % (по империи – 0,9 %)¹⁷¹.

Грамотность населения Восточной Сибири в 1914 г. была довольно низкой – 11,5 %. Для сравнения: в Европейской России – 22,9 %, в целом по Сибири – 12,3 %. На 10 грамотных женщин приходилось 39 грамотных мужчин (в Европейской России – 24, по Сибири – 38). Наибольший разрыв наблюдался в Забайкальской области, где это соотношение равнялось 10 к 60, наименьший в

¹⁶⁹ Пронин В.И. Городское и сельское население ... С. 101; Кауфман А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 89.

¹⁷⁰ Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 97–100.

¹⁷¹ Там же. С. 69–74.

Иркутской губернии – 10 к 29¹⁷². Учебных заведений всех типов не хватало, они были переполнены. К началу войны в Восточной Сибири не существовало высших учебных заведений, насчитывалось 29 средних (гимназий, прогимназий, реальных училищ) с 9 740 учащимися, 30 средних и начальных специальных (профессиональных) учебных заведений (духовных, педагогических, военных, медицинских и др.) с 2 680 учащимися и 1 889 начальных с 91 539 учащимися¹⁷³.

¹⁷² Статистический ежегодник России. 1914 г. ... С. 94–96.

¹⁷³ Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 2013. С. 167.

§ 1.2 Специфика экономической жизни региона

В начале XX в. Восточная Сибирь представляла собой аграрный регион, однако далеко не вся ее территория являлась пригодной для сельского хозяйства. Северная часть была занята тундрами, зимой заснеженными, летом покрытыми бесчисленным множеством озер и болот. За тундрой начиналась полоса тайги, состоявшей из хвойных деревьев. Еще южнее располагались лесные и луговые пространства, переходящие в степи. Области к востоку от Енисея до Тихого океана почти сплошь покрывали горы. Климат суровый, все более холодный с продвижением с запада на восток и с юга на север. Его выраженные континентальные черты проявлялись в больших сезонных различиях температуры воздуха, малой облачности, небольших осадках на равнинной территории. В таких условиях сельскохозяйственное производство было связано с риском – случались засухи, ранние заморозки, наводнения и т.п.¹⁷⁴.

Енисейская губерния, географически расположенная на протяженной территории от Северного Ледовитого океана до Монголии, практически точно отражала основные почвенно-климатические и экономические районы Восточной Сибири. Самые неблагоприятные условия для земледельческого хозяйства существовали в северном Енисейском уезде. Традиционно богатые урожаи давали Минусинский, Канский и Ачинский уезды.

Существенное влияние на хозяйственное развитие Енисейской губернии оказывало переселенческое движение. В 1863 г. сельское население Енисейской губернии составляло 285 445 человек (92,2 % населения губернии)¹⁷⁵. С 1865 г. по 1906 г. водворилось еще 190 190 душ обоего пола (40,9 % от общего количества переселенцев периода с 1865 г. по 1916 г.), с 1906 г. по 1916 г. – 274 516 душ обоего пола (59,1 %). До 1906 г. в губернии возникло 339 поселений (33,5 %), с 1906 г. по 1916 г. – 671 (66,5 %). Основным районом колонизации стал Канский

¹⁷⁴ Головачев П.М. Сибирь. Природа, любви, жизнь. М., 1902. С. 25–27; Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений ... С. 62.

¹⁷⁵ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. СПб., 1865. С. 157–184.

уезд, затем в порядке сокращения числа переселенцев шли Ачинский, Минусинский, Красноярский и Енисейский. Переселенцы 1861–1917 г., водворившиеся в Енисейской губернии, составляли 57,8 % всего сельского населения Енисейской губернии, им принадлежало 46,2 % всех посевов, 40,7 % рабочих лошадей и 34,6 % дойных коров¹⁷⁶.

В пореформенный период наличие свободных земель позволяло долгое время не ограничивать площадь крестьянских участков. Переселенцы селились в старожильческих районах, поскольку были уверены, что земля там пригодна для земледелия. Старожилы не испытывали недостатка посевных площадей, принимали переселенцев в качестве дешевой рабочей силы и потребителей сельскохозяйственной продукции. После усиления переселенческого движения в 1890-х гг. фонд свободных земель все более истощался. Стали вводиться в оборот земли, которые ранее не использовались из-за большой удаленности и невысоких качеств. Теперь прибывших расселяли за чертой старожильческих поселений, на еще необжитых территориях. Правительство поставило вопрос об исследовании степных, лесостепных, таежных пространств для выделения участков под водворение переселенцев, начались межевые работы.

В дальнейшем с уплотнением населения правительственные органы все больше вмешивались в переселенческий процесс. Старожилам оставляли надел в размере 15 десятин на душу мужского пола, остальное относили к «излишним» землям, на которые водворяли столыпинских переселенцев. Сокращались площади залежей и сроки отдыха пашни. В наиболее заселенных местностях переселенцам предоставлялись только приусадебные участки в 0,5–1,5 десятин земли и истощенная земля, предназначенная в залежь на 10–15 лет.

В 1912 г. «Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли Енисейской губернии» сообщал: «Участки для новых переселенцев отводятся теперь по необходимости в более глухих местностях, вдалеке от рек и железной дороги. А там, в глуши, в дикой тайге,

¹⁷⁶ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 322–323, 490.

условия жизни для российского крестьянина непривычны и тяжелы. Открытых мест, годных под пашню без расчистки, обыкновенно мало; чуть не с первого же года переселенцу приходится приниматься за тяжелый труд раскорчевки и расчистки лесных пространств. Пока участок недостаточно расчищен от леса, огороды и хлеба обыкновенно вымерзают; приходится жить на покупном хлебе. Покосов тоже вначале очень мало; значит и корм тоже надо докупать. Нельзя рассчитывать также на выручку от продажи леса, потому что в тех местах его и продавать-то некуда»¹⁷⁷.

Объем средств, требовавшихся на обзаведение хозяйством, в среднем в 1890-е гг. составлял 350–400 рублей, но в таежных районах, где стоимость инвентаря, питания, разработки пашни была выше, сумма достигала 600–800 рублей. В годы столыпинских переселений колонизация затрагивала уже подтаежные и таежные зоны. Земли, на которых приходилось селиться крестьянам, находились на отдалении от старожильческих селений, были хуже по качеству и труднее для разработки. Все это отягощало первоначальное обустройство. К тому же цены на хлеб, скот, лошадей выросли. Стоимость обзаведения хозяйством увеличилась не менее, чем на 50 рублей, и составляла теперь в среднем 400–500 рублей, в таежных районах – 650–850 рублей.

Денежные средства переселенцев составляли суммы, привезенные из мест выселения, ссуды от правительства и плата за работу по найму. Количество денег, которые переселенцы приносили с собой, значительно варьировалось. В 1911–1912 гг. при выезде с родины крестьяне имели в среднем 263 рубля 80 копеек. Более 200 рублей привозили с собой 23 % семей, без денег ехали 33,2 %. Средний размер казенных ссуд составлял от 100 до 200 рублей. Таким образом, большинство переселенцев были вынуждены наниматься на работы к старожилам¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Б-в А. Переселение и письма из Сибири // Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли Енисейской губернии. 1912. № 2. С. 4–6.

¹⁷⁸ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. С. 136–137.

Продолжительность проживания на одном месте была одним из важнейших факторов развития хозяйства. В первые годы после переселения крестьяне занимались возведением построек, освоением надела, обзаведением скотом и хозяйственным инвентарем. Пашня появлялась лишь на второй год после водворения или еще позже – третий – четвертый годы. К этому времени подходил срок уплаты правительственных ссуд, истекал льготный период, в течение которого не взыскивались налоги. После того, как крестьянская семья приобретала возможность удовлетворять свои потребности, хозяйственное развитие замедлялось. Дальнейшему расширению хозяйства препятствовали разные факторы – плохое качество земель, суровые погодные условия, отсутствие возможности сбыта произведенной продукции и др.

В степных районах переселенцы обзаводились таким же хозяйством, как имели на родине, примерно за 1–2 года, тогда как в лесостепных – за 5–6 лет, а в таежных – за еще более длительный срок. В степной местности не нужно было расчищать пашню от леса. Поскольку такие районы заселялись раньше, там были проложены дороги, дешевле стоили продукты питания, легче было устроиться по найму. Переселенцы, водворявшиеся в степных районах, были обеспечены посевами намного лучше. Так, из 466 обследованных хозяйства переселенцев 1904–1907 гг. в степной местности Ачинского уезда хозяйства без посева составляли 20 (4,4 %), с 1 десятиной и менее – 23 (4,9 %), от 1 до 3 десятин – 102 (21,6 %), от 3 до 9 десятин – 271 (58,3 %), свыше 9 десятин – 50 (10,8 %). В лесостепи из 322 обследованных хозяйств соответственно 16 (4,9 %), 35 (10,9 %), 161 (50 %), 106 (33 %), 4 (1,2 %). Те же причины обуславливали и обеспеченность скотом. В степном районе на одно хозяйство переселенцев приходилось 2,3 лошади и 1,7 коровы, а в лесостепных районах – 1,9 лошади и 1,6 коровы. Положение переселенцев в таежных районах было самым тяжелым. Заселение тайги требовало больших средств, которые продолжительное время необходимо было тратить на собственное потребление и вкладывать в развитие хозяйства¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции ... С. 406–407.

Благосостояние переселенцев, которые прибыли в 1890-е гг., практически не отличалось от старожильского населения. В 1908 г. у переселенцев, прибывших в Енисейскую губернию 15 и более лет назад, приходилось в среднем на двор в старых селениях 4,2 головы крупного рогатого скота, новых поселках – 4,4, средний размер посевной площади составил 7,4 и 8,0 десятин. Проживавшие в губернии от 5 до 15 лет имели 4,0 и 4,4 голов скота и 7,2 и 7,1 посевной площади¹⁸⁰.

Вопрос о социальном составе переселявшихся крестьян (т.е. о том, кто составлял большинство в переселенческом потоке – бедняки, середняки или зажиточные) важен для понимания причин переселения, проблем обустройства, обратного переселения. Исследователи рубежа XIX–XX вв. констатировали, что среди переселенцев в Сибирь 1860–1880-х гг. преобладали крестьяне «среднего достатка». На переезд и обзаведение хозяйством на новом месте уходили все их средства, полученные от распродажи имущества на родине. Ситуацию осложняло то, что во многих случаях им отводились такие земельные участки, на которых у них не хватало средств организовать хозяйство. В переселенческом движении столыпинского периода также преобладали «середняки», хотя при этом доля бедноты возросла. Так, например, среди них увеличивалась доля малоземельных. Переселенцы, приехавшие в Енисейскую губернию в период с 1893 г. по 1903 г. в среднем на одно хозяйство имели на родине 3,4 десятины пашни, у переселившихся с 1904 г. по 1911 г. – 2,9 десятин¹⁸¹. Категорию бедняков также пополняли не причисленные переселенцы, которые ехали самовольно, без проходных свидетельств (переселяться можно было лишь на земли, размежеванные в переселенческие участки). У них не хватало средств на отправку ходоков, которые могли бы отыскать свободные участки в более отдаленных районах, или на более далекую поездку к месту причисления. Такие переселенцы останавливались в населенных пунктах по своему выбору, но земельного участка

¹⁸⁰ Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение ... С. 124–125.

¹⁸¹ Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1889. 147 с.; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 81 с.; Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. 198 с.; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции ... и др.

не имели, были вынуждены арендовать по несколько десятин у государства, наниматься к старожилам.

Недостаток средств у переселенцев и неудовлетворительная постановка переселенческого дела являлись причинами усиления обратного переселения крестьян из мест водворения в места прежнего проживания. По Енисейской губернии обратное движение переселенцев по отношению к прямому в 1906 г. составило 5,4 %, в 1907 г. – 3,5 %, 1908 г. – 4,1 %, 1909 г. – 11,4 %, 1910 г. – 40,8 %, 1911 г. – 28,5 %, 1912 г. – 18,3 %, 1913 г. – 22,6 %, 1914 г. – 20,4 %¹⁸².

Количество земель, пригодных для земледелия, в Иркутской губернии было небольшим. Если в степной местности находились хорошие почвы, то их нельзя было возделывать из-за недостатка влаги, в лесах наоборот мешал избыток летних дождей, а также суровые зимы и ранние морозы. Удобные и плодородные участки располагались на больших расстояниях друг от друга. Лучшие черноземы находились по долинам рек Уда, Ока, притокам Ангары до Иркутска и вверх по Лене к Верхоленску и Балаганску. Наибольшие посевные площади приходились на Балаганский уезд, который являлся главным поставщиком хлеба для Иркутска. За ним следовали Иркутский, Нижнеудинский, Верхоленский, Киренский уезды.

Из-за тяжелых природно-климатических условий восточные и северо-восточные области Восточной Сибири в значительно меньшей степени привлекали крестьян, чем Енисейская губерния. Так, например, за период 1896–1911 гг. в Енисейскую губернию прибыло 186,8 тыс. переселенцев (74 % проследовавших в Восточную Сибирь), в Иркутскую – 61,3 тыс. (24 %), и далее в Забайкалье последовало лишь 4 тыс. (не более 2 %)¹⁸³.

Землеустроительные работы в Иркутской губернии велись с начала XX в. Размеры участков значительно колебались. Накануне войны в Балаганском уезде у бурят приходилось 15 десятин на душу мужского пола, у русских крестьян –

¹⁸² Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии ... С. 334.

¹⁸³ Там же. С. 169.

11,1–15 десятин, в Нижнеудинском уезде 10–11 десятин и 12–15 соответственно, в Верхоленинском уезде – 15–17,7 десятин и 8,46–15¹⁸⁴.

После 1910 г. переселенческое ведомство выдавало повышенные ссуды тем, кто следовал в Иркутскую губернию (200–250 рублей) и Забайкальскую область (400 рублей). Однако во многих областях условия хозяйствования были настолько неблагоприятными, что вставал вопрос о нецелесообразности ведения там сельского хозяйства. Так, чиновники переселенческого управления пришли к выводу, что при сопоставлении размеров затрат по водворению переселенцев в Ангаро-Илимский район Иркутской губернии и с теми выгодами, которые можно было из этого извлечь, то его колонизация представлялась бессмысленной. Местность, изрезанная горами, покрытая буреломами и болотами, не давала больших возможностей для успешного ведения хозяйства. Более того, представлялось необходимым переселить отсюда целые бедствовавшие селения¹⁸⁵.

Естественные условия ведения сельского хозяйства делали производившуюся в Иркутской губернии крестьянскую продукцию дороже, чем во многих земледельческих центрах Западной Сибири или Енисейской губернии. Сказывалась разница в затратах труда и денежных средств. Так, рост посевной площади был возможен лишь за счет занятой лесами, а на расчистку от леса требовалось много усилий. Вегетационный период здесь был гораздо короче, стоимость найма рабочих на уборку урожая примерно на треть дороже, чем, например, в Томской губернии. Низкая стоимость зерна в Западной Сибири и небольшой тариф на перевозку по железной дороге приводили к тому, что возрастал его ввоз оттуда. В результате, например, иркутские мукомольные предприятия работали на более дешевом привозном сырье¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Маленьких М.А. Зерновое хозяйство Иркутской губернии в годы столыпинской аграрной реформы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3 (25). С. 139.

¹⁸⁵ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции ... С. 167.

¹⁸⁶ Протокол заседания совета Иркутского сельскохозяйственного общества 11 апреля 1914 г. // Иркутский хозяин. 1914. № 1. С. 17–23.

В Забайкальской области земледелие было развито гораздо слабее, чем в Иркутской или Енисейской губерниях. Горный характер местности, резкий климат (малоснежные зимы, сухость весны, продолжительные летние дожди, ранние заморозки) делали его экономически менее выгодным, чем другие хозяйственные отрасли (скотоводство или промыслы). Наибольшее развитие земледелие получило в Верхнеудинском и Нерчинском уездах, слабее – в Троицкосавском и Нерчинско-Заводском, еще менее – в Селенгинском, Читинском и Акшинском, в наименьшей степени – в Баргузинском¹⁸⁷.

Область была открыта под переселение в 1908 г., размещение прибывших на переселенческих участках началось весной 1909 г., а пик крестьянского переселения пришелся на 1911 г. Основная масса переселенцев оседала в Нерчинском и Витимском районах. В период 1909–1914 гг. на образованных переселенческих участках водворилось 9,5 тыс. человек¹⁸⁸.

Крестьяне практиковали вольнозахватную форму землепользования, когда права на землю определялись фактом расчистки ее от леса и распашки. Разработанные пашни оставались за хозяином только, пока он их обрабатывал и три года спустя после того, как отправлял в залежь. Лишь зажиточные крестьяне, имевшие рабочий скот и средства на наем работников, могли ежегодно расширять свое землепользование путем новых расчисток. Приток переселенцев привел к нехватке разработанных сельскохозяйственных угодий, а отсутствие четких границ часто приводило к спорам и конфликтам между русскими, бурятами и казаками. Много пахотной и сенокосной земли было сосредоточено у бурятского населения. Чиновники Переселенческого управления считали, что необходимо изымать «излишние» земли у бурят и отдавать их русским крестьянам. Переселенцев также привлекали эти земли, поскольку даже платить арендную плату за эксплуатацию готовых пашен и сенокосов было легче, чем расчищать их.

¹⁸⁷ Сандаров Ю.Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996. 27 с.; Михеев Б.В. Социально-экономическое развитие Забайкальской области в начале XX века (1900–1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

¹⁸⁸ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991. С. 52.

Землеустроительные работы в Забайкальской области начались позже, чем в других сибирских губерниях (с 1902 г.). В Забайкальской области было разрешено выделять наделы не по 15 десятин, а по 30, была облегчена процедура раздела угодий общего пользования для селений. Однако для земледелия играло важную роль не только количество, но и качество земель. В начале XX в. средний крестьянский земельный надел в Баргузинском уезде составлял от 8,9 до 15,3 десятины, Верхнеудинском – от 8,0 до 21,0, Селенгинском – от 9,2 до 26,5. В западном Забайкалье средние размеры землевладения были ниже, чем в восточном. У казаков размеры землевладения колебались: в Селенгинском уезде – от 12,5 до 83,0 десятин, Читинском – от 29,0 до 42,0, Акшинском – от 7,3 до 242,2, Нерчинском – от 35,6 до 78,3, Нерчинско-Заводском – от 14,6 до 100,2. Столь же большая разница существовала и в землевладении инородцев. В зависимости от местности средний надел составлял от 9,1 до 94,1 десятин на мужскую душу и даже мог достигать 449 десятин¹⁸⁹.

В Якутской области земледелие играло важную роль лишь в трех округах – Олекминском, Якутском и Вилуйском. В северных Верхоянском и Колымском оно не имело серьезного экономического значения из-за целого ряда неблагоприятных факторов (малого количества снега, сезонных разливов рек и др.). У русских и якутов сложилось два типа земледельческой культуры. Русские крестьяне населяли более благоприятные в климатическом отношении территории. Из-за отдаленности края от Европейской России, в условиях бездорожья были существенно ограничены возможности приобретать семена и инвентарь, скот, что в свою очередь отражалось на хозяйственном обзаведении, расширении посевов, урожайности. Для обработки почвы в основном использовали простейшие сельскохозяйственные орудия (соху, серпы, ручные жернова)¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. Иркутск, 1900. С. 24–25.

¹⁹⁰ Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск, 1961. С. 325.

До прихода русских инородческое население не знало хлеба, но к началу XX в. его потребление стало повсеместным. Инородческое земледелие только начинало свое развитие в тяжелых природно-климатических условиях (длительная с сильными морозами зима, короткое, засушливое лето с малым количеством осадков, ранние заморозки, холодные ветра). Объемы запашки у инородцев были скромными, поскольку удобных для земледелия, незанятых лесами земельных участков было немного. Лишь при самых благоприятных погодных условиях такой участок мог обеспечить семью хлебом на год¹⁹¹.

Определенная заслуга в развитии земледелия в Якутии принадлежала скопцам. С 1860-х гг. сектантов после лишения всех прав отправляли на поселение в Якутский, Вилюйский и Олекминский округа. Основным занятием их здесь было земледелие и огородничество. Они познакомили местное население с различными способами обработки земли¹⁹². В 1916 г. один из скопцов на пароходе, следовавшем из Олекминска в Якутск, говорил своей попутчице: «Вот и якуты стали у нас перенимать. Тоже и рожь сеют, а до того хлеба совсем не ели. Мясо да рыба, да чай кирпичный с маслом. Даже огороды стараются разводить. Но, конечно, у них сил да терпения не хватает. А терпения тут много надо: ох, как много! Здесь все против нас. И мороз, и земля, и дальность. А все-таки у нас даже арбузы вызревают. Здесь ведь белые ночи помогают, так что света достаточно»¹⁹³.

В 1907 г. были открыты для заселения Якутский, Вилюйский и Олекминский округа, с открытием навигации по Лене стали прибывать переселенцы. К 1908 г. приехало 70 семей (330 человек). Им выдавались ссуды (в среднем 150 рублей на семью), в Якутске был открыт склад земледельческих орудий¹⁹⁴. Генеральное межевание в области осуществлялось только в отдельных случаях, когда требовалось разрешить спорные вопросы. Землепользование у

¹⁹¹ Виленский В.Д. Хлебная монополия в условиях Якутской области. Иркутск. 1917. С. 5; Обзор Якутской области за 1909 год ... С. 1–2.

¹⁹² Юрганова И.И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 16. С. 135–140.

¹⁹³ Статьева В. По Лене (путевые впечатления) // Сибирская летопись. 1916. № 6–8. С. 295.

¹⁹⁴ Отчет Якутского губернатора Крафта ... С. 73.

инородцев не было упорядочено, земля распределялась между обществами и якутами неравномерно. Переселенцам на расчистку леса для расширения площади посева требовалось получить специальное разрешение окружного полицейского управления¹⁹⁵.

В Восточной Сибири плодородие почв восстанавливалось естественным путем. Господствовала залежно-паровая система земледелия. Распаханный целинный участок два-три года засевался хлебом (пшеницей), затем на год оставлялся под пар, после этого снова засевался, но уже культурами, менее требовательными к плодородию почвы (овсом, рожью), а потом оставлялся в залежь на несколько лет. Переход к двупольному и трехпольному севообороту происходил медленно. В восточных областях региона фонд свободных земель сокращался не так быстро, как, например, в Енисейской губернии, возможностей оставлять поля под залежь было больше. В Забайкальской области из-за частых засух, иногда повторяющихся по несколько лет подряд, земледельцы использовали искусственные оросительные каналы – в бассейнах рек Баргузин, Селенга, Ингода, Аргунь. Сельские общества отводили от рек основную канаву, а затем распределяли по угодьям.

Крестьяне выращивали самые необходимые для продовольствия и распространенные культуры, которые также требовали меньших затрат труда. Во всех губерниях и округах Восточной Сибири засевались преимущественно яровые культуры (рожь, пшеница, овес, ячмень, в небольших количествах – гречиха, конопля, просо), из озимых лидировала рожь. Озимые не сеяли на малоснежных территориях, где сильные ветра выдували почву, и где наоборот было много снега (его долгое таяние приводило к намоканию семян).

В целом Восточная Сибирь являлась районом ржаного земледелия. Преобладание ржи в посевах исследователи объясняют устойчивым спросом рынка на этот хлеб. Золотые прииски, винокуренные заводы, сельские и

¹⁹⁵ Никитина С.Е. А.Е. Кулаковский о землеустройстве и землепользовании в Якутской области в начале XX века // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2 (9). С. 58–65.

городские жители предъявляли спрос именно на ржаной хлеб¹⁹⁶. Так, к примеру, в Енисейской губернии в 1913 г. 28 % посевных площадей составляли посевы озимой ржи и еще 12 % яровой ржи, 28 % пшеницы, 22 % овса, 10 % прочие хлеба. В Иркутской губернии за этот же год 28,1 % занимала озимая рожь, 25,2 % яровая рожь, 22,5 % овес, 12,5 % пшеница, 6,5 % ячмень, 2,7 % прочие хлеба, 2,5 % картофель. В то время как в западносибирских губерниях соотношение было другим – более половины посевов составляла пшеница, около трети – овес и ячмень, на рожь приходилось менее одной пятой¹⁹⁷. В Якутской области преобладающей культурой являлся ячмень, особенно среди инородцев, потому что имел более короткий вегетационный период, менее других хлебов страдал от ранних заморозков. За ячменем следовала «ярица» (яровая рожь), пшеница и овес. Последний получил особенное распространение в Олекминском округе, где его культивировали для вывоза в Ленскую тайгу для нужд золотопромышленности.

В годы войны соотношение возделываемых культур не изменилось. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., рожь составляла 47 % посевных площадей в Восточной Сибири, тогда как в других областях занимала значительно более скромное место – в Западной Сибири лишь 7,3 %, на Дальнем Востоке 2,1 %¹⁹⁸.

В Российской империи в военный период производство хлеба существенно сократилось. Главными причинами этого стали уменьшение посевных площадей, снижение урожайности и валовых сборов. Согласно подсчетам Т.М. Китаниной, в 1914 г. площадь продовольственных культур составляла 58 710 тыс. десятин, а к 1917 г. уменьшилась до 52 404 (т.е. на 10,7 %), площадь кормовых культур за соответствующий период – с 27 002 тыс. десятин до 23 443 (на 13,2 %). Ранее всего этот процесс затронул западные губернии, расположенные в районах боевых действий и подвергшиеся оккупации. Сокращались и валовые сборы

¹⁹⁶ Константинова М.В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX-начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 22 с.

¹⁹⁷ Румянцев П.П. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики (районы Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский. СПб., 1914. С. 10–31.

¹⁹⁸ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года ... С. X.

зерна: за 1914–1917 гг. сборы продовольственных культур уменьшились на 19,7 %, кормовых – на 16,3 %, в целом – на 18,6 %¹⁹⁹.

В Восточной Сибири в довоенный период посевные площади увеличивались, и в годы войны эта тенденция не была прервана. Согласно подсчетам В.Г. Тюкавкина, использовавшего данные Центрального статистического комитета, в Енисейской губернии в 1914 г. было засеяно 590,9 тыс. десятин, в 1915 г. – 609,7 тыс., 1916 г. – 625,9 тыс., 1917 г. – 706,7 тыс. В Иркутской губернии за аналогичные годы: 372,7 тыс. десятин, 324,9 тыс., 425,0 тыс. и 410,4 тыс., в Забайкальской области – 351,3 тыс. десятин, 333,8 тыс., 333,8 тыс., 457,7 тыс. соответственно. Имеющиеся источники и исследования не позволяют выявить детальную картину динамики посевных площадей Якутской области, однако можно отметить, что там также наблюдался рост запашки. Так, если в 1906–1910 гг. в среднем засевалось 14,7 тыс. десятин ежегодно, то в 1917 г. уже 24,9 тыс. (Приложение 1. Таблица 4)²⁰⁰.

Вопрос о причинах положительной динамики посевных площадей порождает споры исследователей. Например, Л.М. Горюшкин считал, что высокий спрос со стороны армии и населения в годы войны стимулировал зерновое производство Сибири²⁰¹. По мнению В.А. Ильиных и Г.А. Ноздрина, сельское хозяйство региона было в достаточной степени оснащено машинами и рабочим скотом, деревня не испытывала значительного дефицита рабочих рук благодаря наличию безземельных крестьян, ссыльных, беженцев и военнопленных. Все это и позволило сибирским крестьянам расширять запашку²⁰². В.А. Ильиных в своих более поздних работах, а также В.М. Рынков отмечают, что данные о площади посевов, полученные в результате сельскохозяйственных переписей, могут показывать не их прирост, а всего лишь

¹⁹⁹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 21–25.

²⁰⁰ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня ... С. 303; Виленский В.Д. Хлебная монополия ... С. 3.

²⁰¹ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1967. 412 с.

²⁰² Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 40.

более точную фиксацию по сравнению со сведениями Центрального статистического комитета²⁰³.

В отношении Восточной Сибири справедливо последнее мнение, но также необходимо иметь в виду, что некоторый рост общей площади посева происходил под влиянием переселений. Крестьяне, прибывшие на места водворения накануне войны, в течение еще нескольких последующих лет обзаводились хозяйством и запашкой. При этом площадь посевов на душу населения не увеличивалась. Каждый переселенец в момент водворения фактически еще не имел посева, но попадал в статистические расчеты по посевной площади. Чем выше был переселенческий приток, тем меньше посевной площади приходилось на душу населения. Так, в Енисейской губернии посевная площадь на душу сельского населения в 1909 г. составила 0,59 десятин, в 1910 г. – 0,44, в 1911 г. – 0,49, в 1912 г. – 0,47, в 1913 г. – 0,52, в 1914 г. – 0,60²⁰⁴.

К 1917 г. по Восточной Сибири среднее число душ в хозяйстве составляло 5,8, приходилось 4,3 десятины посева на одно хозяйство, 3,2 десятины – на одного работника, 1,7 десятин – на голову рабочего скота. Без посева было 14,9 % хозяйств. По Западной Сибири данные примерно сопоставимы: 6,0 душ, 5,6 десятин на хозяйство, 4,2 – на работника, 2,0 – на голову рабочего скота, хозяйств без посева – 12,5 %²⁰⁵.

Урожайность в Восточной Сибири была неустойчивой. Урожай главных зерновых хлебов в пудах с одной десятины в Восточной Сибири составил в 1909–1913 гг. в среднем 40,6, в 1914 г. – 57,4, 1915 г. – 33,1, 1916 – 59,2, 1917 г. – 52,4. Такие же колебания урожайности были присущи и Западной Сибири: 42,6, 59,8, 30,5, 38,2, 68,1 соответственно²⁰⁶.

По мнению некоторых исследователей, в долгосрочной перспективе наблюдалось ее снижение. В.И. Федорова отметила снижение урожайности на 5 % по Енисейской губернии с 1870 г. по 1890 г., что привело к сокращению и

²⁰³ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений ... С. 65.

²⁰⁴ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии ... С. 450.

²⁰⁵ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 112–113.

²⁰⁶ Там же. С. 130.

душевых сборов на 21 %. Столыпинская реформа усилила эту тенденцию. Причина заключалась в истощении ранее разработанных земель, введении в эксплуатацию менее плодородных почв²⁰⁷.

Данные о количестве производимого хлеба на душу населения колебались в зависимости от притока переселенцев. В той же Енисейской губернии на душу сельского населения производилось зерновых хлебов в 1906 г. 3,1 четверти, в 1907 г. – 4,9, в 1908 г. – 3,8, 1909 г. – 1,9, 1910 г. – 2,4, 1911 г. – 2,4, в 1912 г. – 2,8, 1913 г. – 3,9, 1914 г. – 5,1, 1915 г. – 2,8²⁰⁸.

В годы войны в Восточной Сибири, также как и в Российской империи в целом, наметилась тенденция снижения урожайности и падения валовых сборов. Значительную роль в падении этих показателей сыграл неурожай 1915 г. Так, в Енисейской губернии в 1914 г. урожай пшеницы составил 65 пудов с десятины, в 1915 г. – 42 пуда, овса – 69 и 32 пуда соответственно. В Иркутской губернии за аналогичные периоды: пшеницы – 56 пудов и 51 пуд, овса – 61 пуд и 45 пудов. В 1914 г. в Енисейской губернии валовые сборы основных продовольственных культур составили 41 748,3 тыс. пудов, в 1915 г. – 21 641,1 тыс. пудов, в Иркутской губернии 24 454,2 тыс. пудов и 15 566,3 тыс. пудов соответственно²⁰⁹ (Приложение 1. Таблица 5).

К началу XX в. Енисейская губерния обеспечивала себя хлебом и прибегала к помощи только в неурожайные годы. Минусинский уезд являлся крупным центром сельскохозяйственного производства. Иркутская губерния также в основном обходилась собственным хлебом (кроме крупчатки). Наиболее обеспеченными были Балаганский, Нижнеудинский и Иркутский уезды. Однако спрос на хлеб в этих губерниях был высоким и все более увеличивался с ростом городов, золотопромышленных предприятий, винокуренных заводов, притоком переселенцев, а также в неурожайные годы. Кроме того, через Иркутскую

²⁰⁷ Федорова В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. Красноярск, 1999. С. 38; Федорова В.И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: экономика, общество, культура. Красноярск, 2016. 342 с.

²⁰⁸ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии ... С. 481.

²⁰⁹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня ... С. 349; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство ... С. 321, 373.

губернию шло снабжение населения Якутской области (Приложение 1. Таблица б).

В Забайкальской области только Верхнеудинский и Нерчинский уезды ввиду сравнительно большой площади запашки обеспечивали население собственным хлебом и даже имели некоторые излишки. В Читинском, Нерчинско-Заводском, Троицкосавском и Селенгинском земледелие удовлетворяло потребности населения, но торгового хлеба не производило. Жители Баргузинского и Акшинского уездов потребляли зерновые, привозившиеся из Маньчжурии и Западной Сибири.

Ни русское, ни инородческое население Якутской области не обеспечивало себя собственным хлебом в достаточной степени: «Два северных округа, Колымский и Верхоянский, хлеб не производили, в отдаленных якутских улусах посевы оставались незначительными, основная масса городских жителей являлась только потребителем, казенные нужды в хлебе не уменьшались и, наконец, к покупному хлебу в годы неурожая должно было прибегать и большинство самих крестьян»²¹⁰. Западные районы Якутской области ввозили хлеб из Иркутской губернии, восточные – из Приморской области²¹¹.

В предвоенный период по минимальным подсчетам на внутрисибирский рынок поступало ежегодно до 50 млн. пудов зерновых. Росли и объемы вывоза хлеба из Сибири. В 1900–1904 гг. вывоз по железной дороге составлял в среднем 15 млн пудов (10 % валового сбора зерна в регионе), в 1905–1909 гг. – 47–48 млн пудов (25 %), в 1910–1914 гг. – 50 млн (21 %). Практически три четверти этого хлеба шло из Западной Сибири. Даже в урожайные годы в Восточной Сибири излишков торгового хлеба было немного, основную часть его давала Енисейская губерния.

При наличии челябинского тарифа в западном направлении было выгодно вывозить только самый дорогой пшеничный хлеб. Правительство долгое время не

²¹⁰ Виленский В.Д. Хлебная монополия ... С. 317.

²¹¹ Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. ... С. 7.

меняло тарифы для сибирского хлеба, сама «постановка вопроса об отмене челябинского "перелома" вызывала страх у землевладельцев и хлебных торговцев Европейской России»²¹². Лишь в 1911 г. надбавка к тарифу на сибирский хлеб была уменьшена на 40 %, в 1912 г. – еще на 30 %, в 1913 г. – перелом был ликвидирован²¹³.

Определить нормы товарности и объемы потребления хлеба в регионе сложно: результаты исследований значительно разнятся, причем большая часть их них выполнена на материалах Западной Сибири. Так, по мнению Л.М. Горюшкина, товарность хлеба в Сибири составляла 26 %. По подсчетам С.С. Базыкина, товарность пшеницы равнялась 45 %, ржи – 21 %, а в наиболее благоприятных для сельского хозяйства районах – 56 % и 23 % соответственно. Такие исчисления не могут претендовать на абсолютную точность, поскольку, необходимо знать нормы потребления и фуражный расход, что при отсутствии массовых данных невозможно: «А.А. Кауфман считал, что норма потребления хлеба колеблется в Сибири от 15 до 25 пудов на душу населения. А.В. Чайнов определял ее в 18 пудов (хлеба и картофеля вместе) <...> Л.М. Горюшкин принимает норму потребления продовольствия по 20 пудов на человека и 8–10 пудов – на корм скоту. Но принять за достоверную хотя бы одну из этих цифр можно лишь весьма относительно, так как надо учитывать не теоретически необходимую, а практически потребляемую норму»²¹⁴. Согласно исследованиям В.Г. Тюкавкина, наиболее близкими к действительности средними нормами потребления хлеба в начале XX в. в Сибири можно считать 24–28 пудов, а нормы товарности соответственно от 26 до 36 %²¹⁵.

Такие нормы товарности крестьянских хозяйств Западной Сибири не слишком отличались от данных по Европейской России, где перед началом войны, по разным подсчетам они составляли 26–33 %. Причем товарность

²¹² Пронин В.И. Хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 54.

²¹³ Там же. С. 61.

²¹⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня ... С. 336.

²¹⁵ Там же. С. 337.

помещичьих хозяйств, на которые приходилось около 12 % производившейся земледельческой продукции, достигала 47–50 %, а крестьянских была почти в два раза ниже – 23–30 % (около 34 % для зажиточной их части и 15 % остальных крестьянских хозяйств). Основную массу хлеба потребляли сами производители, что было обусловлено особенностями мелкокрестьянского производства. Средний размер годового душевого потребления за 20 предвоенных лет практически не изменился, составляя 15–16 пудов на человека. Очевидно, для горожан такого количества было достаточно с учетом более разнообразного пищевого рациона. Однако для крестьян требовалось не менее 18 пудов на человека и еще примерно 7,5 пудов кормового хлеба для скота, т.е. общее количество должно было составлять не менее 25,5 пудов²¹⁶. Нормы потребления хлеба в военный период снижались: в сельской местности в потребляющих районах до 13 пудов на душу населения, в производящих районах – 17 пудов²¹⁷.

Согласно данным Управления делами Особого совещания по продовольственному делу в 1909–1913 гг. в Европейской России среднее ежегодное потребление на душу населения продовольственных хлебов (пшеницы и ржи) составило 15,12 пудов, кормовых (ячмень, овес) – 7,99 пудов, общее – 23,08 пудов. За этот же период оно составляло в пудах: в Енисейской губернии 14,2 продовольственных и 4,9 кормовых (всего 19,1), в Иркутской губернии 19,3 и 7,6 соответственно (26,9), в Забайкальской области – 14,6 и 3,4 (18,0), по Якутской области сведений нет. Еще раз отметим, что Енисейская губерния обеспечивала эти нормы в основном хлебом собственного производства, тогда как Иркутская губерния, Забайкальская и Якутская области – докупали необходимое количество зерновых в других регионах²¹⁸.

Представители более состоятельных слоев потребляли меньше хлеба и больше других продуктов (мяса, рыбы и др.). Например, по подсчетам читинского городского самоуправления, в начале 1917 г. среднедушевое потребление хлеба в

²¹⁶ Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 46–47.

²¹⁷ Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии ... С. 116.

²¹⁸ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. Петроград, 1916. Вып. 1. С. 16–78.

течение месяца составляло среди рабочих, ремесленников, низших служащих 54,7 фунта, служащих правительственных и торговых учреждений, промышленных предприятий, владельцев мелких торговых и промышленных заведений – 51,5, чиновников, лиц свободных профессий, владельцев крупных предприятий – 47,9. При этом представители первой группы потребляли 16,5 фунта мяса и 15,3 штук яиц, второй – 18,8 фунтов и 18,4 яиц, и последней – 22,2 фунта и 23,2 штук соответственно²¹⁹ (Приложение 1. Таблица 7).

Ведение земледелия в Восточной Сибири было связано с многочисленными рисками, поэтому с целью формирования запаса продовольственного и семенного хлеба на случаи неурожая создавались общественные хлебные магазины. Согласно «Положению о запасах народного продовольствия в Восточной Сибири» от 1836 г. в губерниях и областях устанавливались хлебный и денежный сборы. Хлебным пополнялись магазины, из денежного составлялся капитал для покупки хлеба. В каждом магазине полагалось иметь 1,5 четверти хлеба на ревизскую душу. Этот запас составлялся путем ежегодного сбора с каждой души – по 4 гарнца ржи и 2 гарнца ярового зерна. Хлеб из магазинов отпускали на посев и продовольствие в порядке ссуды. Денежный производился с 1839 г. на случаи, когда натуральных запасов оказывалось недостаточно. В городах хлебный сбор не проводился, только денежный, хотя по желанию горожан могли быть открыты и городские хлебозапасные магазины. Казенные магазины создавались двух типов – постоянные (их запасы пополнялись ежегодно) и временные (учреждались для оказания помощи только в неурожайные годы). Запасы казенных магазинов пополнялись за государственный счет, хлеб их на семена и продовольствие выдавался пострадавшим от неурожая и нуждавшимся в помощи в виде ссуд или продавался по заготовительной стоимости.

К началу XX в. в Российской империи происходила постепенная замена хлебозапасных магазинов на денежные капиталы. Так, в 1904 г. в 46 губерниях насчитывалось 96,7 тыс. хлебозапасных магазинов, в 1913 г. в 64 губерниях

²¹⁹ ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 55. Л. 81.

существовало 79 тыс. магазинов. Крестьяне считали содержание магазинов невыгодным для себя делом: сдавали хлеб состоятельные и средние хозяева, а в случае неурожая получали бедные и лишь иногда средние; в хранилища ссыпалось зерно худшего качества; запасы пропадали из-за частых краж, небрежности смотрителей и т.д.²²⁰. Однако в Восточной Сибири, с ее в целом неблагоприятными условиями для земледелия, недостаточно развитой транспортной инфраструктурой, затруднявшей быструю доставку из других регионов в случае необходимости, система натуральных хлебных запасов все еще сохраняла свое значение.

Объемы натуральных запасов в магазинах зависели, прежде всего, от уровня развития земледелия в той или иной губернии. К середине 1913 г. в Енисейской губернии общественных натуральных запасов хлеба числилось 1 416 941 пуд, а также продовольственных капиталов на 164 033 рубля, в Иркутской губернии – 840 776 пудов 17 фунтов и 254 947 рублей 07 копеек, в Забайкальской области – 837 786 пудов 03 фунта и 430 518 рублей, в Якутской области – 22 190 пудов и 3 386 рублей 86 копеек²²¹.

В начальный период войны резервы хлебозапасных магазинов стали использоваться активнее – хлеб шел на оказание помощи семьям лиц, призванных в армию, его отправляли в виде добровольных пожертвований в пользу благотворительных обществ, как и других регионах страны. Однако еще осенью 1914 г. Совет министров установил предел таких пожертвований (не более 1/5 наличного запаса или капитала)²²².

Работа учреждений, подведомственных Управлению сельской продовольственной части, продолжалась в обычном режиме. Осуществлялась выдача ссуд па продовольствие населения и засев полей, возврат средств за займы предыдущие годы на текущий счет в Петроградской конторе Государственного банка. Так, в период с 1 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. было отпущено на

²²⁰ Белоуров Е.В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.) // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 193.

²²¹ Отчет по продовольственной кампании 1913–1914 гг. СПб., 1915. С. 108–110.

²²² Мацузато К. Сельская хлебозапасная система ... С. 185–197.

продовольственные и семенные операции Енисейской губернии – 376 289 рублей 01 копейку, Иркутской губернии – 148 000 рублей, Забайкальской области – 15 036 рублей 55 копеек, Якутской области – 87 000 рублей. Задолженность населения по продовольственным ссудам на 1 января 1915 г. составляла в Енисейской губернии 882 165 рублей 18 копеек, в Иркутской губернии – 144 229 рублей 55 копеек, в Забайкальской области 177 965 рублей 43 копейки, в Якутской области – 280 330 рублей 71 копейку²²³.

Порядок оказания продовольственной и семенной помощи оставался прежним: вначале должны были использоваться запасы сельских магазинов, в случае значительной нехватки хлеба следовало тщательное обследование и определение степени нуждаемости пострадавших и оказание ссудной помощи за счет Общеимперского продовольственного капитала. Представление о развитии общественной и казенной хлебозапасной систем в годы войны дают статистические материалы губернских управлений по Енисейской губернии и Якутской области.

В Енисейской губернии крестьяне долгое время были недовольны работой сельских хлебозапасных магазинов. Низкое качество семян приводило к тому, что хозяйства, получавшие их в виде помощи, использовали зерно в пищу или старались выменять на более качественное. Такая ситуация была вызвана обычной постановкой дела: при ссыпке хлеб не сортировался, запасы хранились по нескольку лет, отсыревали, плесневели и т.п. Однако к началу XX в. в магазинах был наведен относительный порядок²²⁴.

К 1 января 1914 г. в губернии насчитывалось 712 общественных хлебозапасных магазинов, в которых хранилось 239 680 четвертей озимого и ярового хлеба и 3 558 пудов муки, а также числилось в ссудах и недоимках еще 336 345 четвертей хлеба и 951 пуд муки. За период с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г. крестьянам было выдано в виде ссуд 64 199 четвертей. Денежный

²²³ Отчет по продовольственной кампании 1913–1914 гг. ... С. 22–23, 28–29, 121–123.

²²⁴ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Енисейская губерния. Иркутск, 1893. С. 77–78, 112, 115.

продовольственный капитал сельских обществ составлял 173 096 рублей 84 копейки. Деньги хранились в красноярском отделении Государственного банка. В городских общественных магазинах наличного и в ссудах хлеба числилось мало – 1 829 пудов 24 фунта. Кроме того, в Енисейске имелось 2 616 пудов 04 фунта хлеба, закупленного на продовольственный капитал, пожертвованный купцами города²²⁵.

Через год к январю 1915 г. количество хлебозапасных магазинов увеличилось до 758, в них хранилось 254 725 четвертей яровых и озимых хлебов, 4 096 пудов муки и числилось в качестве ссуд и недоимок 376 852 четвертей зерновых и 472 пуда муки. В городских общественных магазинах хлеба не было. Продовольственный капитал сельских обществ составил 187 267 рублей 06 копеек, мещанских обществ – 38 213 рублей 27 копеек. Не смотря на то, что урожай 1914 г. был хорошим, население прибегало к ссудам. С января 1914 г. по январь 1915 г. было выдано на продовольствие и посев 53 866 четвертей²²⁶.

К январю 1916 г. в губернии насчитывалось уже 763 общественных магазина, и в них наличного хлеба 245 941 четвертей хлеба, в ссудах и недоимках – еще 359 824 четвертей. Продовольственный капитал сельских обществ составлял 216 116 рублей 74 копейки, мещанских обществ – 33 004 рубля 31 копейку²²⁷.

Кроме общественных существовали также казенные хлебозапасные магазины. С самого начала освоения Сибири проблема снабжения населения продовольствием труднодоступных северных и восточных территорий региона являлась одной из важнейших как для центральных, так и местных властей. Из-за сложностей доставки товаров частной торговлей занимались лишь немногие представители купечества, тогда как продовольствие (в первую очередь – хлеб) требовалось как для русского населения, так и коренных северных народов. Казенные хлебные магазины играли важную роль не только в оказании

²²⁵ Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год ... С. 14–15.

²²⁶ Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год ... С. 12–13.

²²⁷ Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год ... С. 14.

продовольственной помощи населению, но и являлись «фактором русского присутствия» на этих отдаленных территориях²²⁸.

В Туруханском крае Енисейской губернии казенные магазины создавались с 1806 г. Магазины были разделены на три участка (Туруханский, Верхнеимбацкий, Дудинский) во главе со смотрителями, которые занимались также приемом ясака, продажей казенной соли, пороха, свинца. Ежегодно в Туруханский край завозилось 20 000–30 000 пудов казенной пшеницы²²⁹. На начало января 1893 г. в хлебных магазинах Туруханского края имелось 11 584 пуда, а в недоимках числилось еще 8 830 пудов. Кроме того, делались запасы соли 2 300 пудов, пороха – 60 пудов и свинца – 70 пудов²³⁰. Хлеб завозился летом во время навигации. Иностранцы считали, что хлебные магазины создавались для оказания им помощи, и уклонялись от уплаты долга за взятый хлеб. Имуущества, которое можно было бы конфисковать, они не имели. При этом, привыкая получать хлеб, прекращали заботиться о запасах пропитания самостоятельно. Между тем затраты по доставке хлеба на север были очень высокими, поэтому с середины XIX в. власти ограничили выдачу хлеба до 1 пуда на взрослого и 20 фунтов на ребенка.

В Якутской области хлебные магазины также были общественными и казенными. Магазины сельских обществ существовали лишь в трех округах – Якутском, Олекминском, Вилюйском. Норма запаса была установлена приказом иркутского генерал-губернатора в 28 пудов на каждую душу с ежегодным взносом по 20 фунтов с души (для иностранцев Якутского и Вилюйского округов – 2,5 пуда на душу). К 1908 г. их общее количество составляло 3, наличного хлеба в них было порядка 9 864 четвертей и в ссудах 35 085 четвертей²³¹.

²²⁸ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX века // Енисейский север: история и современность. Красноярск, 2016. С. 16–47; Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII – XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 13–18; Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Эволюция представлений администрации Енисейской губернии о работе казенных хлебозапасных магазинов в Туруханском крае в досоветский период // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. Красноярск, 2017. С. 57.

²²⁹ Комлева Е.В. Снабжение хлебом ... С. 16.

²³⁰ Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896. Красноярск, 1896. С. 303.

²³¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). СПб., 1908. С. 30–31.

Казенных хлебозапасных магазинов в этот же период насчитывалось 13. Согласно установленным областным правлением нормам в них должно было быть порядка 15 390 пудов хлеба, однако фактически находилось лишь 6 570 пудов из-за того, что население часто прибегало к помощи. В экономически слабом Колымском округе магазины пустели ежегодно, власти едва успевали их пополнять. Казенные магазины должны были снабжать инородческое население хлебом без торговых наценок, но все равно стоимость хлеба в них была высокой из-за больших заготовительных расходов. По этой причине инородцы иногда предпочитали покупать хлеб у частных торговцев.

По распоряжению областной администрации с согласия крестьянских и инородческих обществ организовывались запасы сена. Норма была установлена в размере 3 воза на каждую голову крупного рогатого скота. Инородцы рассматривали содержание сенных магазинов как тяжелую обязанность, которую стремились избегать. К 1 января 1908 г. по Якутскому, Олекминскому, Вилюйскому и Колымскому округам наличного сена – 1 395 648,5 пудов и в ссудах и недоимках – 933 793 пудов²³².

В северных Верхоянском и Колымском округах, где хлебопашества не было, создавались рыбные магазины. В 1908 г. в Якутской области существовало 29 рыбных магазинов. Рыба являлась здесь основным продуктом питания: «Ежедневным блюдом бедняка якута здесь служит мелкая проквашенная озерная рыбка, с примесью листовенничной заболони. Рыбка эта, по-якутски «темир-атаг», ловится в озерах так называемыми мордами, сваливается в ямы, где она обычно и загнивает; зимой замерзшие глыбы ее откалывают и потребляют ежедневно»²³³.

Подсобную роль в хозяйстве крестьян Восточной Сибири играло огородничество, распространенное повсеместно. Крестьяне возделывали картофель, капусту, огурцы, помидоры, морковь, свеклу, репу, лук – продукты, занимавшие важное место в их рационе. Величина приусадебных огородов была

²³² Отчет Якутского губернатора Крафта ... С. 32.

²³³ Там же. С. 108.

самой различной, многие имели также полевые огороды. В селениях, расположенных близ крупных городов (Иркутска, Красноярска) и золотых приисков, овощи и зелень выращивали в парниках и теплицах на продажу. На юге Енисейской и Иркутской губернии возделывали даже такие теплолюбивые культуры как арбузы и дыни²³⁴.

Урожай овощей были гораздо более скромными, чем в западных областях страны. Так, средний валовой сбор картофеля в 1909–1913 гг. по Восточной Сибири составил 8 336 пудов, за 1914–1916 гг. сведений нет, в 1917 г. – 12 347. Для сравнения по Западной Сибири – в 1909–1913 гг. – 26 064 пудов, в 1917 г. – 35 768, в Приуральском районе – 42 511 и 58 336, Нижне-Волжском – 58 106 и 33 816²³⁵.

Скотоводство у некоренного населения Восточной Сибири считалось второй после земледелия отраслью сельского хозяйства, а среди многих инородцев (хакасов, бурят и др.) – основной. Как и земледелие, оно являлось метеозависимым: «Природные катаклизмы (недород кормовых хлебов и трав, джут) могли привести к сокращению численности скота на 25 % в крестьянских и до 50 % в аборигенных хозяйствах»²³⁶.

Крестьяне и инородцы держали лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней, коз, на севере – маралов, оленей и др. Животные содержались так, чтобы они обходились максимально дешево: зимой в холодных помещениях, часто под открытым небом, кормили скудно из-за нехватки сена, которое успевали заготовить «в обрез» (т.е. в минимальном количестве), летом выпускали кормиться самопасом. В результате скот был мелким и малопродуктивным. Такая ситуация объяснялась бедностью и низкой культурой крестьянского хозяйства.

В предвоенный период в животноводстве Сибири наметились постепенные изменения: увеличивалось поголовье молочного скота, улучшались приемы

²³⁴ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири ... С. 40–43.

²³⁵ Сборник статистических сведений по Союзу ССР ... С. 132.

²³⁶ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений ... С. 126.

содержания и ухода за ними. Развивавшаяся ветеринарная служба при помощи санитарно-полицейских мер вела борьбу с эпизоотиями. На опытных станциях и полях засеивались новые культуры кормовых трав, проводились опыты по искусственному травосеянию. Создавались питомники породистого скота. Тем не менее, масштабы такой работы для региона были незначительными, воспользоваться такими услугами из-за их высокой стоимости могли лишь зажиточные крестьяне²³⁷.

Согласно сведениям губернских статистических комитетов в предвоенный период в Восточной Сибири наблюдался рост поголовья скота, прежде всего благодаря переселенческому движению. В Енисейской губернии в 1908 г. общая численность скота в губернии достигла 1 922 862 головы, в 1909 г. – 1 965 710, в 1910 г. – 1 954 070, в 1911 г. – 1 812 823, в 1912 г. – 1 919 379²³⁸. За аналогичные годы в Иркутской губернии поголовье скота достигало 875 292 голов, 927 061, 935 413, 919 320, 1 032 662²³⁹. В Забайкальской области в 1908 г. насчитывалось 3 010 187 голов, в 1909 г. – 2 930 031, 1910 г. – 2 858 968, в 1911 г. – 2 848 872²⁴⁰. В Якутской области в 1908 г. численность скота в области составляла 483 226 голов, в 1909 г. – 492 920, в 1910 г. – 458 270, 1911 г. – 451 019²⁴¹.

В Енисейской губернии более всего скотоводство было развито в Минусинском уезде из-за теплого климата, обилия степей, откуда скот и мясо продавали в северные округа и на золотые прииски. В Иркутской губернии разведением скота занимались преимущественно инородцы Иркутского, Балаганского, Верхоленского уездов, обладавшие богатыми пастбищами и лугами. Мяса местного производства для населения не хватало, необходимые

²³⁷ Давыденко Н.А. К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX – начало XX вв.) // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 105–117.

²³⁸ Статистический обзор Енисейской губернии за 1908 год ... С. 13; Статистический обзор Енисейской губернии за 1909 год ... С. 13; Статистический обзор Енисейской губернии за 1910 год ... С. 12; Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год ... С. 13; Статистический обзор Енисейской губернии за 1912 год ... С. 14.

²³⁹ Обзор Иркутской губернии за 1907 год ... С. 54; Обзор Иркутской губернии за 1909 год ... С. 86; Обзор Иркутской губернии за 1910 год ... С. 101; Обзор Иркутской губернии за 1911 год ... С. 96; Обзор Иркутской губернии за 1912 год ... С. 94.

²⁴⁰ Обзор Забайкальской области за 1911 год ... С. 28.

²⁴¹ Обзор Якутской области за 1911 г. ... С. 41.

объемы докупали в Западной Сибири, Забайкалье и Монголии. Забайкальская область по количеству скота занимала одно из первых мест в России. Обширные пастбищные места создавали благоприятные условия для развития скотоводства. Среди крестьян скотоводство было более всего развито в Читинском округе, казаков – в Акшинском и Селенгинском, инородцев – также в Читинском. Забайкальский скот пользовался спросом не только на местных рынках, его гнали живыми стадами и везли мясо в замороженном виде в Амурскую и Приморскую области²⁴². Не смотря на суровые климатические условия русское население Якутской области держали лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней. В северных округах инородцы разводили оленей, ездовых собак. Численность поголовья значительно колебалась под влиянием периодических неурожаев трав и хлебов, которые наносили серьезный ущерб хозяйству.

Согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г. численность скота в Восточной Сибири составляла 8 383 700 голов. На Енисейскую губернию из этого числа приходилось 3 007 594 голов, Иркутскую губернию – 1 468 306, Забайкальскую область – 3 907 800, в Якутской области перепись не проводилась. В Западной Сибири перепись зафиксировала 17 226 496 голов. На одно хозяйство в Восточной Сибири приходилось 21,4 голов скота, а на 100 десятин посева – в среднем 80,8 голов рабочего скота, в Западной Сибири – 17,0 и 56,7 соответственно, в Европейской России – 8,5 и 29,1, на Дальнем Востоке – 9,4 и 34,4²⁴³.

По переписи 1917 г. в Восточной Сибири насчитывалось 8 397 439 голов скота (включая лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней). На хозяйство приходилось в среднем 18,6 голов (лошадей и крупного рогатого скота – 10,4 голов). Хозяйств без скота насчитывалось 28 964 (6,4 %), без коров – 52 810 (11,7 %), без рабочего скота – 60 276 (13,4 %)²⁴⁴.

²⁴² Волости и населенные места 1893 года. Выпуск 8. Забайкальская область. СПб., 1896. 113 с.

²⁴³ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года ... С. XII–XIII, 108–109.

²⁴⁴ Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года ... С. 148–171.

Вопрос о динамике животноводства в Сибири в годы Первой мировой войны сложен из-за состояния источников. Выпуск статистических обзоров был почти прекращен, сельскохозяйственные переписи 1916 г. и 1917 г. учитывали не только взрослый скот, но и молодняк. Согласно подсчетам В.И. Пронина, в течение военного периода поголовье скота в Сибири увеличивалось: «1914 год отличался исключительно высокой урожайностью. Поэтому не случайно в первый год войны был достигнут значительный рост поголовья всего скота (на 7,56 %). В 1915 г. был неурожай. Количество овец и коз сократилось, но общая численность скота все-таки поднялась на небольшую ступеньку вверх (на 1,9 %). Перед Октябрьской социалистической революцией Сибирь собирала хорошие урожаи хлебов и трав. Исключительно большой прирост поголовья скота в 1916 г. (на 8,5 %) складывается не только под влиянием более полного его учета во время переписи, но и фактического роста. Дореволюционная сибирская деревня имела в это время самые высокие показатели по численности скота, ибо в 1917 г. началось его снижение, которое было вызвано уже войной»²⁴⁵.

Однако В.А. Ильиных и В.М. Рынков считают такой способ подсчета – опорой на данные сельскохозяйственных переписей 1916 г. и 1917 г. и дополнение недостающих данных сведениями Центрального статистического комитета – искажающим реальность. Сопоставление сведений, полученных из разных источников, дает недостоверные показатели. Кроме того, нельзя учесть сильные сезонные колебания численности скота из-за забоя, многие местности не были охвачены при проведении переписей: «По этим причинам точного ответа на вопрос о динамике развития животноводства в регионе в годы Первой мировой войны мы дать не можем. Вероятными представляются две гипотезы. Согласно первой из них, численность скота в основных сельскохозяйственных районах Сибири в 1915 г. уменьшилась, в 1916 г. – выросла, незначительно превысив при этом уровень 1914 г., а в 1917 г. – вновь сократилась, возможно, опустившись до

²⁴⁵ Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в (к статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 115.

довоенных параметров. Однако нельзя исключать и того, что убыль скота происходила на протяжении всех военных лет. На динамику численности рабочего и продуктивного скота влияло множество разнонаправленных факторов: повысившийся в связи с войной армейский спрос, состояние кормовой базы, государственное регулирование рынка и уровень закупочных цен, внутривладельческое потребление и др.»²⁴⁶. Таким образом, возможно лишь констатировать, что поголовье скота в годы войны в Восточной Сибири было неустойчивым.

Центром товарного животноводства являлась Западная Сибирь. После проведения железной дороги значительно расширились возможности продажи продукции (мясо, сало, масло) на Урал, в Европейскую Россию и за границу. Основным предметом вывоза стало сливочное масло. В Восточной Сибири маслоделие не получило широкого развития из-за удаленности рынков сбыта и высокой себестоимости продукции. В 1915 г. в Енисейской губернии действовало около 50 кооперативных маслодельных предприятий, работавших на местный рынок. Несколько артелей существовало в Иркутской губернии²⁴⁷.

В начале XX в. в отношении темпов промышленного развития Восточная Сибирь значительно отставала от европейской части страны и Урала. Промысловая деятельность и кустарное производство все еще являлись важной частью экономики и поставляли товары на местные рынки. Стимулировали их развитие такие факторы, как обширность территории при малой заселенности, слабое развитие промышленности и путей сообщения, отдаленность от основных промышленных центров, и в то же время наличие богатых сырьевых возможностей²⁴⁸.

В Енисейской губернии типы кустарного производства были самыми разнообразными: обработка минерального сырья (гончарный, кирпичный, известковый, каменноугольный, кузнечно-слесарный и др.), растительно-

²⁴⁶ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений ... С. 130–131.

²⁴⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 263.

²⁴⁸ Лейкина С.А. Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 3.

волокнистых и масляных веществ (ткацкий, вязание сетей, веревочно-канатный, тележный, бондарно-туесный, смолокурение и др.), продуктов животноводства (шерстобитно-пимокатный, кожевенный, скорняжный, шубный, сапожный, мыловаренный и салотопенный, маслодельный и др.), изготовление сельскохозяйственных орудий (веялок, конных молотилок, плугов и т.п.). В 1915 г. первое место в губернии по числу сел с кустарным производством занимал Минусинский уезд (49,51 % дворов), второе – Канский (19,26 %), третье – Красноярский (14,43 %), затем шли Ачинский (12,43 %) и Енисейский (4,37 %) ²⁴⁹.

В Иркутской губернии и Забайкальской области также насчитывалось несколько десятков видов промыслов. В окрестностях городов, близ железной дороги и золотопромышленных районов большое развитие получили лесной и дровяной. Сохранялось значение извозного промысла, особенно в волостях вдоль якутского тракта – на золотые прииски и удаленные от железной дороги населенные пункты требовалось перевозить пассажиров, грузы, почту ²⁵⁰.

В Якутской области кустарным способом изготавливались многие вещи, необходимые в быту (одежда, посуда, обувь, рыболовные снасти, веревки и др.). Жители Верхоянского и Вилюйского округов являлись главными поставщиками пушнины на российский рынок. Из других промыслов была развита добыча бивней мамонта: ежегодно скупщики приобретали в области от 1 000 до 1 500 пудов ²⁵¹.

Характеристика промышленного развития Восточной Сибири в предвоенный и военный периоды представляет собой сложную задачу, поскольку достоверных сведений об этом нет ни за довоенный 1913 г., ни за военный период и последовавший за ним революционный. Существует лишь крайне неоднородный статистический материал, собранный различными методами по разным программам и для различных целей. Попытка реконструировать картину

²⁴⁹ Шлихтер А.Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии (по данным статистической анкеты). Красноярск, 1915. С. 75.

²⁵⁰ Бочанова Г.А. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск, 1984. С. 114–133.

²⁵¹ Обзор Якутской области за 1909 год ... С. 37.

промышленного развития российских регионов была предпринята в 1930 г. авторами «Динамики российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.)»²⁵². Они смогли получить сопоставимые ряды цифр с помощью вычислений недостающих данных на основании производных величин, полученных при обработке наиболее достоверных статистических источников (отчетов фабричной инспекции, данных Совета съездов горнопромышленников, Министерства торговли и промышленности, статистических ежегодников Центрального статистического управления и др.). Согласно их подсчетам, в 1912 г. в Восточной Сибири насчитывалось 913 промышленных предприятий, что составляло 4,5 % от их общего числа в Российской империи. Примерно такое же число предприятий работало в Западной Сибири – 906. Однако это было существенно меньше, чем на Урале (1 834) или Центрально-промышленном районе (2 916). Численность рабочих в Восточной Сибири составляла 53 060 чел. (2,1 % от числа рабочих в Российской империи), общая сумма производства составляла 59 592,4 тыс. руб. (1,0 % суммы производства по империи). При этом в отличие от других регионов здесь преобладали добывающие отрасли – 696 предприятий (76,2 % от общего количества в Восточной Сибири) с 48 384 рабочими (91,2 % общей численности по региону) и стоимостью производства 47 839,2 тыс. руб. (80,2 % стоимости производства предприятий региона). Важное значение имела добыча золота (664 предприятий), работали предприятия по добыче угля, торфа и каменной соли. Основные отрасли обрабатывающей промышленности – металлообработка, лесопильная и деревообработка, силикатная, мукомольная и крупяная, винокуренная и пиво-медоваренная, кожевенная, керамическая и кирпичная, стекольная, мыловаренная. Точных данных о динамике промышленности в Восточной Сибири за военный период нет. К 1915 г. несколько увеличилась численность рабочих – до 54 442 (т.е. на 12,4 %), стоимость валовой продукции

²⁵² Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926. Ч. 3. Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. М., 1930. 251 с.

достигла 71 840 тыс. руб. (рост составил 20,5 %). То есть первый военный год не прервал ту положительную динамику промышленного развития, которая наблюдалась в предвоенный период²⁵³ (Приложение 1. Табл. 8).

Особая роль горнодобывающей промышленности в экономике была обусловлена тем, что Восточная Сибирь по разнообразию и величине запасов месторождений полезных ископаемых являлась уникальным регионом в Российской империи²⁵⁴. В 1904 г. общая добыча золота в стране составила 2 073 пуда, из этого количества на восточносибирские прииски приходилось 890,5 пудов (т.е. 42,9 %). Для сравнения: на Дальнем Востоке (в Амурской и Приморской областях) было получено 540 пудов (26,0 %), в Западной Сибири – 123 пуда (5,9 %). По отдельным губерниям Восточной Сибири добыча распределялась следующим образом: в Иркутской губернии – 487 пудов (54,8 % добычи Восточной Сибири), Забайкальской области – 213,5 (23,9 %), Енисейской губернии – 140 (15,7 %), Якутской области – 50 (5,6 %)²⁵⁵.

Накануне Первой мировой войны Восточная Сибирь концентрировала 91 % общего количества золотодобывающих предприятий Сибири. Число рабочих, занятых в отрасли региона, в 1915 г. достигало 40 268 человек (48 % численности рабочих золотодобывающей промышленности в стране)²⁵⁶.

В XIX в. золотопромышленников привлекали лишь наиболее богатые россыпные месторождения, из которых они стремились в короткий срок извлечь максимальные прибыли. Россыпи разрабатывались преимущественно открытым способом – разрезами. Добыча велась на основе ручного труда и силы лошадей. По мере того, как понижалось содержание золота в песках, сокращалась и добыча золота. В 1890-е гг. началась механизация основных процессов золотодобычи (внедрение драг, гидравлической техники, транспортеров и др.). Сибирская железная дорога во много раз удешевила перевозку машин и механизмов. Тем не

²⁵³ Динамика российской и советской промышленности ... С. 14–17, 182.

²⁵⁴ Нансен Ф. В страну будущего ... С. 288.

²⁵⁵ Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 141–142.

²⁵⁶ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 134–135; Динамика российской и советской промышленности ... С. 180–181.

менее, золотопромышленное оборудование стоило очень дорого, техническое перевооружение приисков было не под силу даже богатым предпринимателям.

Крупным золотопромышленным районом Восточной Сибири являлся Енисейский (включавший Енисейский, Красноярский, Минусинский, Ачинский горные округа). Он отличался тем, что в начале XX в. здесь произошел промышленный переворот. Высокая стоимость оборудования и его доставки к местам добычи стала причиной появления акционерных обществ – «Федоровского общества», «Российского золотопромышленного общества», «Новой центральной Сибири» и др. Среди владельцев акций были известные промышленники, банкиры, представители титулованной знати, что обеспечивало им поддержку со стороны Государственного банка и других правительственных учреждений. Накануне войны в этом районе было сосредоточено – 27 драг, т.е. больше, чем во всех других районах золотодобычи страны вместе взятых. Из всего добытого золота в Енисейской губернии в 1914 г. почти 95 % было выработано драгами²⁵⁷.

Центром золотопромышленности Восточной Сибири считался Ленско-Витимский золотодобывающий район, расположенный на севере Иркутской губернии в долинах рек Лена, Олекма, Витим и их притоков. В экономическом отношении он был тесно связан с деятельностью Ленского золотопромышленного товарищества, которое занимало здесь лидирующие позиции по добыче золота²⁵⁸. Товарищество было основано в 1861 г. иркутскими купцами П. Катывцевым и П. Басниным. Позднее его паи приобрели петербургские купцы Г.Е. Гинцбург и Э.М. Мейер, главная контора была перенесена из Иркутска в Петербург. В 1896 г. предприятие стало акционерным. Государственный банк предоставлял обществу долгосрочные кредиты, в состав его правления был введен директор банка, который контролировал расход финансов. В 1908 г. при участии английского капитала для финансирования «Лензолото» вместо Государственного банка было

²⁵⁷ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия ... С. 130.

²⁵⁸ Суходолов А.П. История иркутской золотодобычи // Золото и технологии. 2017. № 4 (38). С. 150–162.

учреждено акционерное общество «Лена-Гольдфильдс», к которому перешло до 70 % акционерного капитала товарищества. В 1910 г. консорциум русских банков, возглавляемый Петербургским международным и Русско-Азиатским банками, перекупили контрольный пакет акций «Лена-Гольдфильдс». Накануне Первой мировой войны Ленское золотопромышленное товарищество владело на правах собственности или аренды почти всеми приисками Ленско-Витимского золотодобывающего района (431 прииск из 583 зарегистрированных). На долю компании приходилось более половины общесибирской добычи. Товарищество приобрело Бодайбинскую железную дорогу и Ленско-Витимское пароходство, играло важную роль в товарообороте местных рынков, осуществляя скупку сельскохозяйственных продуктов²⁵⁹.

В отличие от Енисейского золотопромышленного района на предприятиях Ленско-Витимской системы господствовала ручная система добычи. Лишь в 1913–1914 гг. были установлены две первые драги, вводились небольшие технические усовершенствования (построена гидроэлектростанция, пески частично транспортировались по железной дороге), но это не меняло характера производства. Владельцы приисков получали большие прибыли за счет высокого содержания золота в песках и усиленной эксплуатации рабочих. Мелкие золотопромышленники, арендовавшие участки, также не вкладывали средства на техническое оснащение приисков. Все их капиталы уходили на оплату аренды, зарплату рабочих, закупку съестных припасов, фуража для лошадей. На эти цели они брали кредиты, обычно с тяжелыми условиями – в виде товаров под высокие проценты.

Забайкальская область делилась на Западно-Забайкальский, Восточно-Забайкальский и Нерчинский горные округа. В 1900–1909 в Забайкальской области получено 2 197 пудов 17 фунтов золота (т.е. 9,4 % общероссийской добычи), в 1910–1915 гг. – 1 851 пуд 21 фунт (13,6 %). Согласно законодательству императорская семья являлась собственником всех добытых полезных

²⁵⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 30 об.

ископаемых на принадлежавших ей землях, а в Нерчинском горном округе – не зависимо от того, кто являлся владельцем земель. Как и в других регионах, в отрасли требовалась модернизация оборудования, а на это – значительные капиталы. Завоз оборудования и продуктов питания требовал значительных затрат капитала, производился в несколько этапов – летом водным путем, или зимой по снегу. Кабинет не стал увеличивать капиталовложения, а пошел по другому пути – сдавал прииски золотничникам и подрядчикам, тем самым освобождая себя от необходимости нанимать рабочих и управляющих, закупать инвентарь и т.д. Такой порядок не способствовал развитию отрасли. Происходил большой отток золота в Китай, поскольку нелегальная продажа на восток позволяла получать наличные деньги и уклоняться от уплаты налогов²⁶⁰.

Якутская область обладала разведанными к тому времени запасами россыпного золота (по рекам Алдан и Учур и др.)²⁶¹. Однако из-за бездорожья природные богатства области фактически не были обследованы, и тем более, не представлялась возможной их разработка: «Собственно русским, владеющим Якутской областью, знакома только приречная полоса области, что же касается тайги, глубин области, то она остается молчаливой таинственной незнакомкой»²⁶².

Вопрос о пищевом довольствии традиционно был одним из самых болезненных для приисковых рабочих. Горный департамент предоставлял определение величины пайков свободному соглашению между золотопромышленными компаниями и рабочими. Еще в 1880–1890-х гг. сложились определенные нормы продовольственного пайкового обеспечения, которые впоследствии значительно не менялись. Рабочие получали: ржаной печеный хлеб (3–4 1/2 фунта в день), свежее или соленое мясо (1 1/4– 1 1/2 фунта в день), соль (3–4 фунта в месяц), масло коровье или сало (1/2–1 фунт в месяц), крупы (6–10 фунтов в месяц). Небольшие прибавки делались в праздники пасхи,

²⁶⁰ Соколов В.Н. Экономические перспективы Забайкалья // Сибирская летопись. 1916. № 6–8. С. 316–317, 318; Патронова А.Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. Чита, 1972. С. 59.

²⁶¹ Головачев П.М. Сибирь ... С. 231.

²⁶² Байкалов А. Ископаемые богатства Якутской области // Деловая Сибирь. 1916. № 4. С. 2.

рождества, на масленицу. Количество и качество продуктов колебалось в зависимости от благосостояния золотопромышленной компании и добросовестности приисковой администрации²⁶³.

Питание рабочих получалось однообразным, с большим дефицитом жиров, овощей, отсутствием приправ. Привоз овощей в тайгу частным торговцам был запрещен из опасения, что они могли начать скупку золота или торговлю спиртом. Чай, сахар и квашеная капуста выдавались не на всех приисках. Солонина редко оказывалась хорошего качества, часто портилась. Приготовлением пищи занимались повара и кашевары, на мелких приисках – сами владельцы или арендаторы. По желанию можно было готовить себе отдельно.

Недостаточные пайки заставляли рабочих докупать продовольствие в приисковых лавках. Прииски находились в местностях, отдаленных от населенных пунктов, торговля в лавках велась монопольно золотопромышленниками, не встречая никакой конкуренции, цены были высокими. Самый большой спрос предъявлялся на масло, сало, пшеничную муку, сахар, чай. В лавках рабочие оставляли третью часть своего заработка. Во многих случаях прибыли торговых лавок превышали доходы золотопромышленников от добычи золота. Высокая стоимость продуктов заставляла рабочих экономить на питании, многие из них доводили себя до физического истощения. В результате власти установили новый порядок продажи продуктов из приисковых лавок. Торговля должна была служить целям снабжения и не носить коммерческого характера. При установлении цен на продукты учитывались только расходы по их покупке и доставке, а не торговая прибыль. Горная инспекция утверждала таксы на продажу продуктов, но установить строгий контроль за действиями приисковых управлений было невозможно из-за малочисленности самой инспекции²⁶⁴.

²⁶³ Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых приисках: историческое исследование Т. 2: Положение рабочих после 1870 г. СПб., 1898. С. 197–198.

²⁶⁴ Кольчев А.А. Рабочие на приисках Сибири. СПб., 1904. 166 с.

При утверждении такс на продажу товаров из приисковых лавок горные исправники несколько ограничивали запросы золотопромышленников, снижали цены на самые востребованные припасы, но делали это лишь в соответствии с личным усмотрением. Контролировать соблюдение норм продовольственного снабжения рабочих должны были также губернаторы и окружные инженеры, однако четкие требования к золотопромышленникам и санкции за нарушения этих норм законодательно прописаны не были.

Между тем наибольшее количество столкновений между рабочими и приисковыми управлениями происходили по причине плохого питания: «Жалобы на недоброкачественность продуктов несутся отовсюду и даже не раз гнилое мясо, капуста с червями или плохой хлеб были причиной бунтов рабочих на приисках»²⁶⁵. Если рабочие не выходили на работу под предлогом плохого питания, к ним применялись жесткие меры за несоблюдение договоров найма. После этого обычно на некоторое время бывали некоторые улучшения, но затем все возвращалось к исходной ситуации.

Доставка продуктов питания на месторождения золотопромышленного Ленско-Витимского района, крупнейшего в Восточной Сибири, обходилась чрезвычайно дорого и приводила к высоким издержкам в связи со значительной его удаленностью от крупных городов и торговых центров, отсутствием развитых путей сообщения. На месте выращивались лишь овощи и частично фураж, район практически полностью зависел от ввоза. Обычно торговцы доставляли продукты из Западной Сибири железнодорожным путем в Иркутск или на станции Залари и Тыреть. С установлением зимнего санного пути на лошадях везли к Качугу или Жигалово. Здесь оставляли товары на складах до начала весеннего сплава по Лене. С началом навигации на судах транспортировали к Бодайбо, откуда снова

²⁶⁵ Крутовский В.М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих: доклад почетного члена Общества В. М. Крутовского, сделанный им на заседании 11 января 1892 г. Красноярск, 1892. С. 11 .

на лошадях развозили на прииски. Верховья Лены были мелководными, поэтому использовались малые суда («карбазы», «паузки», «кулиги» и др.)²⁶⁶.

В Ленско-Витимском районе существовали две так называемые «резиденции», которые представляли собой населенные пункты с амбарами, складами, магазинами, где принимались, хранились и выдавались на прииски продовольствие и товары – в Бодайбо и Маче. Расстояние от резиденций до приисков в среднем составляло 350 верст. Летом грузы перевозили верхом в виде тюков, зимой прокладывалась дорога с зимовьями через каждые 30 верст. Административным и экономическим центром Ленско-Витимского района являлся Бодайбо – город и пристань на реке Витим. Большая часть рабочих и населения приисковых районов, а также самого Бодайбо работала на Ленское золотопромышленное товарищество. Не смотря на то, что в 1898 г. Бодайбинские прииски были переданы в административное управление Иркутской губернии, в экономическом отношении они тяготели к Якутской области.

Условия жизни и труда рабочих были чрезвычайно тяжелыми: необустроенные бараки, отсутствие медицинской помощи, эксплуатация женского и детского труда, выдача зарплаты талонами, которые можно было отоварить только в лавках компании, где продавались некачественные продукты по высокой стоимости и т.д. Руководство компании «Лензолото» делало установку на интенсивную разработку месторождений при усиленной эксплуатации рабочих: «По воспоминаниям рабочих, трудившихся на приисках, принадлежащих товариществу, служащих интересовало только одно – "как бы подешевле, без особых затрат выжать из людей и из земли, которую они копали, как можно больше доходов"»²⁶⁷.

В памяти современников еще были свежи воспоминания о так называемом «Ленском расстреле», когда в 1912 г. на приисках Ленского товарищества произошла забастовка и ее жестокое подавление правительственными войсками.

²⁶⁶ Барбот-де-Марни Е.Н. Очерки золотопромышленности Олекминского горного округа // Горный журнал. 1912. Т. I. Март. С. 297.

²⁶⁷ Румянцев П.П. Ленское золотопромышленное товарищество и Товарищество служащих как пример ведения приискового хозяйства в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 19.

Поводом для начала волнений стала ситуация, когда рабочие получили непригодное в пищу мясо. В марте забастовка охватила несколько десятков приисковых поселений. Стаечный комитет выдвинул требование сокращения рабочего дня до 8 часов, увеличения заработной платы, отмены штрафов, улучшения медицинского обслуживания, бытовых условий и питания. Администрация приисков отказалась выполнять эти условия. Жандармский ротмистр Н.В. Трещенков приказал арестовать зачинщиков забастовки. В знак протеста 4 апреля рабочие собрались на мирное шествие, в котором принимали участие более 2 000 человек. По приказу ротмистра солдаты расстреляли демонстрацию. Около 270 человек было убито и еще порядка 250 ранено. Трагедия попала на первые полосы газет, вызвала широкий общественный резонанс. Рабочие вместе с семьями покидали прииски. Для расследования на место были отправлены две комиссии – правительственная под руководством С.С. Манухина и созданная Государственной думой во главе с А.Ф. Керенским. В результате были уволены члены прежней администрации, выработан новый договор о найме. Власти потребовали от управления «Лензолота» улучшения как технической постановки работ, так и условий труда и жизни приисковых рабочих²⁶⁸.

Ситуация с продовольственным обеспечением рабочих, нанимавшихся к старателям-золотникам, обстояла еще хуже. Они самостоятельно производили предварительную разведку месторождений, приобретали инструменты, строили жилища и нанимали рабочих, либо мыли золото по договору с приисковой администрацией и сдавали его в приисковые конторы за определенную плату. Золотники в большинстве случаев были людьми малосостоятельными, работали в кредит. Покупка продовольствия и оплата его доставки не всегда были им по карману: «Золотоносные россыпи почти всегда отстоят на несколько дней пути от населенных мест и часто малодоступны; вследствие этого, кроме средств,

²⁶⁸ Невлев В.К., Невлев В.В. Историко-правовая обстановка на Ленских приисках в 1912 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 276.

необходимых на добывание золота, требуются еще значительные суммы на устройство складов съестных припасов, которые часто приходится закупать даже на полтора года вперед»²⁶⁹. Обычно нанятые ими рабочие приобретали продукты в приисковых лавках крупных золотопромышленных компаний, оплачивая их самостоятельно или за счет работодателя. В конце сезона золотничники бывали не только не в прибыли, но и в долгах, рабочие от них разбегались.

Второй после золотодобычи промышленной отраслью Восточной Сибири была разработка каменноугольных месторождений. Ее развитие стимулировало проведение железной дороги, которая являлась основным потребителем угля. Спрос на топливо предъявляло также речное пароходство. В Енисейской губернии угольная промышленность сконцентрировалась в Минусинском, Канском и Ачинском уездах. Наиболее старыми и большими были Черногорские копи близ Минусинска. В Иркутской губернии одним из крупнейших районов угледобычи стал Черемховский, в Забайкалье – Тарбагатайские, Танхойские и Черновские копи²⁷⁰.

В 1900 г. объемы добычи каменного угля в регионе составили порядка 5 млн. пудов, в 1917 г. – более 115 млн. пудов. В отрасли началась механизация: на рудниках устанавливали паровые лебедки, приспособления для очистки и сортировки угля, проводили узкоколейки. С началом войны рост добычи прекратился, поскольку рабочих призывали на фронт. В 1916–1917 гг. владельцы копей перешли к открытому способу добычи угля, как более дешевому, начали использовать труд рабочих из Китая и Кореи²⁷¹.

В обрабатывающей промышленности Восточной Сибири после завершения строительства Транссибирской магистрали происходили два процесса – разорение предприятий, не выдерживавших конкуренции фабрик Европейской России и Урала, а также развитие предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья (мукомольные, кожевенные и др.). Начался переход к фабричному

²⁶⁹ Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность... С. 157.

²⁷⁰ Статистический обзор Иркутской губернии за 1914 год ... С. 44; Берсенев Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья ... С. 33–34.

²⁷¹ Мухин А.А. Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю. Иркутск, 1966. С. 48.

производству. Открывая новые предприятия, владельцы стремились оснастить их новым оборудованием. По железной дороге ввозились станки, паровые двигатели.

Попытки развития металлургии не увенчались успехом. Абаканский железоделательный завод Енисейской губернии, Николаевский и Лучихинский заводы в Иркутской губернии, Петровский завод в Забайкальской области были убыточными и практически остановили производство. В годы Первой мировой войны, когда потребность в металлах стала чрезвычайно острой, Абаканский и Петровский заводы возобновили производство.

Предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья были сосредоточены, прежде всего, в губернских и областных центрах – Красноярске, Иркутске, Чите, и в уездных городах, расположенных вдоль линии железной дороги (Верхнеудинске, Канске, Нижнеудинске), являвшихся центрами плодородных сельскохозяйственных округов (Ачинск, Минусинск). Однако, как правило, они были маломощными и не обеспечивали своей продукцией население²⁷².

В годы Первой мировой войны из-за введения «сухого закона» значительно сократили производство винокуренные и пивоваренные предприятия наследников Г.В. Юдина и В.А. Данилова, акционерного общества «Пивовар» в Енисейской губернии, заводы Патушинских, Доренберг, «Рифесталь и Цауне» – в Иркутской губернии, Бутиных, Кобылкина – в Забайкальской области. Были отремонтированы и начали работу заведения, которые ранее бездействовали. Например, суконная фабрика братьев Белоголовых в селе Тельма близ Иркутска. Работали крупные лесопильные предприятия Е.А. Жоголева, И.З. Либмана в Красноярске, Усольская спичечная фабрика близ Иркутска и др. Многие предприятия начали обслуживать военные заказы, расширяли производство, устанавливали новое оборудование. Так, литейно-механические мастерские Иркутского промышленного училища поставляли станки и инструмент для

²⁷² Дружинина А.В. Торгово-промышленное развитие городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 25 с.

кожевенных заводов торговых домов «И. Е. Фукс и К», «И.И. Гутман и Сын», «Братья Мокеевские», завода Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества²⁷³.

В целом война поставила вопрос о необходимости более интенсивного использования производительных сил Сибири. При Совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства было образовано Сибирское бюро во главе с членом Государственного совета профессором Е.Л. Зубашевым. На заседаниях бюро высказывалось пожелание отправки в Сибирь специальной комиссии по изучению возможностей интенсификации золотодобывающей отрасли, модернизации имевшихся железоделательных заводов²⁷⁴. Общество Сибирских инженеров разрабатывало проекты развития металлургической промышленности в Сибири (в Кузнецком, Енисейском и Дальневосточном районах), свеклосахарного и кожевенного производства, предлагало расширить ввоз сельскохозяйственных машин в регион, вывозить сибирский уголь хотя бы на Урал. С 1915 г. в сибирских губерниях создавались военно-промышленные комитеты, которые должны были содействовать правительству в деле снабжения армии. Они занимались распределением заказов и сырья²⁷⁵.

Однако правительство не спешило использовать потенциал, капиталы и энергию сибиряков. Широкой мобилизации сибирской промышленности препятствовали недостаток квалифицированных рабочих и инженеров, качественного оборудования на преобладавших мелких и средних мануфактур и фабрик. Чиновники выражали сомнение в их способности изготовить в точные сроки необходимое для армии и страны количество продукции. Так, Комитет по делам кожевенной промышленности отвергал многочисленные предложения сибирских военно-промышленных комитетов, связанные с развитием кожевенных предприятий в Сибири. На состоявшемся осенью 1916 г. в Иркутске специальном

²⁷³ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия ... С. 90–119.

²⁷⁴ К вопросу о промышленном развитии Сибири // Вестник Общества Сибирских инженеров. 1916. № 2. С. 77–78.

²⁷⁵ Из жизни общества сибирских инженеров // Вестник Общества Сибирских инженеров. 1916. № 5. С. 73–76.

совещании Особоуполномоченный по урегулированию кожевенного дела в империи Н.П. Муратов заявил, что не видел смысла давать заказы для армии в регион из-за наличия здесь только небольших кустарных заведений.

Местные деловые круги считали, что такая ситуация обусловлена лишь борьбой военно-промышленных комитетов за военные заказы и финансирование, и что промышленники Европейской России стремились подавить конкуренцию, оставить за Восточной Сибирью роль сырьевой территории: «Нам казалось, что природные богатства Сибири мощно диктуют необходимость своего полного выявления в интересах всего государства и что пришло, наконец, время когда государственная власть и вдохновляющий ее торгово-промышленный класс Центральной России не только откажутся от политики противодействия всякому проявлению самодеятельности Сибири, но и, осознавая весь вред этой политики, создающей благоприятную обстановку для расхищения наших богатств, пойдут навстречу и окажут деятельное содействие зарождающейся сибирской промышленности <...> Но вот прошел год. Волна творческого порыва сменилась вихрем наживы, спекуляции мародерства, и Сибирь стоит перед той же отделяющей ее от России гранью»²⁷⁶.

Относительно развития торговли в Восточной Сибири в начале XX в. также не существует упорядоченных статистических данных. Обрывочны и фрагментарны сведения о количестве торговых заведений, прибыли, числе людей, работавших на них. Крупные обороты делали владельцы предприятий по торговле фабрично-заводскими изделиями (машины, железные изделия, ткани и др.), которые приобретались в Европейской России крупными партиями и сбывались на месте через сеть скупщиков. Затем шла бакалейно-гастрономическая и чайная торговля, торговля вином и спиртом, хлебная торговля. Вывозили из региона продукты сельского хозяйства и сырье (хлеб, лес, меха и др.). Наибольшее число крупных торговцев Восточной Сибири было сосредоточено в Иркутской и Забайкальской областях. Так, в 1912 г. в Енисейской губернии гильдейскими

²⁷⁶ Иркутск // Деловая Сибирь. 1916. № 13. С. 1–2.

свидетельствами владели 101 человек, в Иркутской губернии – 204, Забайкальской области – 223²⁷⁷.

Развитию торговли препятствовало господствовавшее в экономике региона натуральное производство. Крестьяне вели замкнутое хозяйство, целью которого было, прежде всего, удовлетворение собственных потребностей: «Земледельческое население, рассеянное на громадных пространствах, отдаленное за сотни и тысячи верст от больших городов, лишенное быстрых и дешевых путей сообщения, принуждены удовлетворять сами свои нужды лишь в пределах своего собственного производства. Основную пищу крестьянина составляет хлеб, грубо смолотый на маленьких мельницах с жерновами, устроенных на реке близ деревни; молоко, масло, мясо служат только дополнением к этой основной пище. Крестьянин все делает сам: он строит себе дом, изготавливает орудия для работы, телеги, сани и на все это употребляет, чтобы не покупать железа, дерево. На одежду идет овчина, причем одежду он часто изготавливает сам же. Небольшой избыток своих продуктов в виде хлеба, топленого масла и сала он продает по ничтожной цене, и это доставляет ему немного денег. Из этой небольшой суммы он платит подати, а на оставшиеся деньги покупает то, чего сам производить не может»²⁷⁸.

Незначительное количество товарной продукции, которую производили крестьяне, попадала в руки к скупщикам. На сельских базарах они приобретали хлеб, скот, кожи, шерсть и т.д. и перепродавали позднее более крупным оптовикам. Крестьяне везли продукцию на базары в осеннее время сразу после сбора урожая потому, что наступал срок уплаты ссуд в кредитные товарищества. Именно в этот период стояли самые низкие цены. Приходилось оставлять дома хозяйство и детей, поэтому распродавали привезенное в спешке. Среднее расстояние до места сбыта в Енисейской губернии составляло 42 версты, в Иркутской – от 3 до 728. В районах, где бездорожье и дальность расстояний

²⁷⁷ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия ... С. 49.

²⁷⁸ Оланьон К. Сибирь ... С. 230.

ограничивали возможности крестьян вывозить свою продукцию, деятельность скупщиков носила почти грабительский характер²⁷⁹.

После проведения Транссибирской магистрали, которая пересекала Восточную Сибирь с запада на восток, производители получили возможность свозить свои товары непосредственно к железнодорожным станциям. Западно-Сибирская железная дорога была закончена в 1897 г., Средне-Сибирская – в 1899 г., участок Забайкальской железной дороги от Иркутска до Сретенска был открыт для движения в 1900 г. с переправой на ледоколах через озеро Байкал, линия до станции Маньчжурия – в 1901 г., Кругобайкальская железнодорожная ветка – в 1905 г. В эти же годы началось строительство подъездных путей к магистрали. В 1913 г. заложена Ачинск-Минусинская ветка (не была закончена)²⁸⁰. Однако отсутствие дорог с твердым покрытием затрудняло перевозку на значительные расстояния, поэтому большинство крестьян по-прежнему прибегали к услугам скупщиков.

В Енисейской губернии состояние транспортной инфраструктуры являлось одной из главных причин слабых торговых связей, как между уездами, так и с другими регионами страны. Так, вывоз сельскохозяйственной продукции из Минусинского уезда был возможен только во время навигации на Енисее: «Южное положение края, богатый чернозем, возможность орошать арыками покосы и мочегами пашни, издавна сделали Минусинский уезд и Урянхайский край²⁸¹ житницей Восточной Сибири, а оторванность их от путей сообщения, краткий период навигации и дороговизна гужевой доставки делали крестьянское хозяйство замкнутым, полунатуральным»²⁸². В самом северном Енисейском уезде трактовых и проселочных дорог не было. Сообщение между населенными

²⁷⁹ Румянцев П.П. Обзор сельскохозяйственной жизни ... С. 80–84.

²⁸⁰ М. Дм. Железные дороги в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. Новоиколаевск, 1921. С. 41; Баландина В.А. Восстановление истины (Общество пособия бедным г. Енисейска. Ачинск-Минусинская железная дорога). Красноярск, 1995. 39 с.

²⁸¹ Урянхайский край – русское название Тывы, над которой в 1914 г. был установлен российский протекторат.

²⁸² ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 115. Л. 2 об.

пунктами осуществлялось по рекам Енисей, Таз, Турухан и их притокам летом на лодках, зимой – на нартах с лошадьми, оленями или собаками²⁸³.

С проведением железной дороги доставка товаров из Европейской России значительно подешевела, что стало стимулом для развития стационарной торговли (через магазины и оптовые склады), теряли свое значение ярмарки. Из Красноярска, являвшегося крупной железнодорожной станцией, по трактам товары развозились во все уезды Енисейской губернии. В губернию устремились представители иностранных торговых фирм. Выросли объемы банковских операций²⁸⁴.

В Иркутской губернии в 1910 г. годовой оборот розничной торговли достигал 45–50 млн рублей. Примерно две трети этого оборота приходились на Иркутск, где были сосредоточены крупные торговые фирмы, и конторы золотопромышленных предприятий, и лишь небольшая часть – на уездные города и крупные села. Шло расширение торговой сети, повышение ее технической оснащенности. Главным предметом торга являлись товары, привозившиеся из Европейской России, Западной Сибири и Дальнего Востока. Изделия местного производства (хлеб, спирт, пиво, кожи, стекло) вывозились в Якутскую и Забайкальскую области²⁸⁵.

В Забайкальской области торговые центры развивались очень медленно, были разбросаны по огромной территории на значительных расстояниях друг от друга. В предвоенный период крупными торговыми городами Забайкалья являлись Чита, Троицкосавск, Верхнеудинск²⁸⁶. После открытия движения по Забайкальской железной дороге Чита стала контролировать два торговых

²⁸³ Маракулин В. Условия сбыта сельскохозяйственных продуктов в Енисейской губернии. Красноярск, 1916. С. 6.

²⁸⁴ Туман-Никифорова И.О. Отражение модернизационных процессов в динамике численности купечества Енисейской губернии (II половина XIX–XX вв.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 6. С. 213.

²⁸⁵ Винокуров М.А. Становление и развитие торговли в Иркутской губернии // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 1. С. 89; Кайгородова Н.В. Особенности крестьянской лавочной торговли в селах Иркутской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 5 (76). С. 255–258.

²⁸⁶ Еремин М.В. Некоторые черты развития торговли в дореволюционном Забайкалье // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. Чита, 1972. С. 77; Афанасьев В.Е. Грунтовые дороги в Забайкальской области. Чита, 1917. С. 6.

направления – на Амур и Китай, с 1900 г. по 1917 г. ее население выросло в пять раз. Одновременно приходили в упадок и лежавшие в стороне от железнодорожной магистрали Нерчинск и Кяхта²⁸⁷.

Главным торговым центром Якутской области был Якутск. Летом (в июне–августе) и зимой (ноябре–январе) здесь проходила ежегодная ярмарка. К летней ярмарке на пароходах и баржах по Лене доставляли товары из различных городов Европейской России. Ввозили в регион машины и оборудование, железо и металлы, галантерейные, бакалейные, мануфактурные, москательные товары, вино, сахар, чай, табак, медикаменты, оружие, одежду и обувь и т.д. Из Иркутской губернии привозили хлеб, ежегодно от 100 000 до 300 000 пудов – в зависимости от урожая и спроса. На зимнюю ярмарку жители округов свозили в Якутск продукты питания (мясо, сало, дичь и др.), которые скупали поставщики золотых приисков. Торговля с инородцами была меновой: купцы сбывали свои товары (чай, табак, ситец, водку) за пушнину, бивни мамонта²⁸⁸.

В Якутске действовали постоянные представительства крупных торговых домов («Наследники А.М. Кушнарева», «Наследники А.И. Громовой», «Наследники Силина», «Ф.В. Астраханцев», «Коковин и Басов»). Они вели торговлю ввозившимися из Европейской России товарами, а также осуществляли скупку пушнины и мамонтовой кости у коренного населения обширной северо-восточной территории Якутии²⁸⁹. Многие фирмы торговали с китайскими фирмами в Ханькоу, Фучжоу, Тяньцзине и Кяхте, имели торговых партнеров в Японии и Америке²⁹⁰.

Развитию торговли в области также препятствовало отсутствие дорог и дороговизна доставки товаров. Так, Колымский округ представлял собой огромные труднопроходимые пространства. Местные купцы были

²⁸⁷ Воробьев В.В. Формирование городской сети ... С. 17.

²⁸⁸ Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии ... С. 325.

²⁸⁹ Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916. – 97 с.; Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Характерные черты организации торговли «булунским купечеством» на территории северо-восточной Сибири (II половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (4). С. 56–62.

²⁹⁰ Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк). Новосибирск, 1970. С. 53; Кушнарева М.Д. Вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения городов Северо-Восточной Сибири в начале XX век // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 66–70.

малочисленными, не встречали никакой конкуренции и потому назначали стоимость товаров произвольно: «Если купец налагает только 100 % на товар по сравнению с существующей в Якутске ценой, то колымчанин считает это за великое одолжение, в действительности же он платит за товары намного дороже, особенно когда они на исходе»²⁹¹.

В 1921 г. сотрудник Сибирского статистического управления А.А. Фомин проанализировал данные о железнодорожных перевозках со станций Западной (Омской и Томской губерний) и Восточной (Енисейской и Иркутской губерний) Сибири за 1913–1916 гг. Согласно его исследованию, в годы войны грузооборот продолжал расти, в 1915–1916 гг. перевозки достигли максимального значения. В структуре ввоза преобладали промышленные товары (машины и механизмы, керосин, мануфактура и др.). Из Сибири за исключением каменного угля и леса вывозили преимущественно продовольственные грузы – до 95 % всего вывоза. При этом около 70 % вывозившихся продовольственных грузов составлял хлеб (преимущественно в зерне). Сибирский хлеб шел в основном на Урал и в Забайкалье, в 1915–1916 гг. начались поставки на фронт. Нарастивали вывоз хлеба губернии Западной Сибири, тогда как в Восточной Сибири лишь Енисейская губерния имела некоторые излишки хлеба. Однако ее хлеб при движении на запад не мог конкурировать с более дешевым западносибирским зерном, а Дальний Восток тяготел к маньчжурскому рынку²⁹².

Второе место в сибирском вывозе занимало масло, которое вывозилось за границу (в 1913–1914 гг. в среднем за год экспортировалось по 4 млн пудов), третье – мясо и скот (в 1913–1914 г. - по 2,3 млн пудов ежегодно). Кроме того, значительную роль играл вывоз яиц, которые также шли на заграничные рынки. Больше всего вывозила масла Западная Сибирь (Барнаульский, Омский, Курганский районы). Енисейская губерния давала очень незначительный процент

²⁹¹ Обзор Якутской области за 1911 год... С. 93.

²⁹² Фомин А.А. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. Новониколаевск, 1921. С. 55–71.

вывоза (в 1914 г. было вывезено 4 676 пудов масла, в то время, как, например, из Томской губернии – 2 068 436 пудов²⁹³) и яиц, Иркутская – масло и яйца ввозила.

Крупный рогатый скот везли в столицы, свинина экспортировалась за границу. Енисейская губерния вывозила от 100 до 150 тыс. пудов мясных грузов. В 1913 г. со станций губерний было вывезено 154,7 тыс. пудов мяса, ввезено – 34,0 тыс. пудов, в 1914 г. – 169,0 и 22,0 тыс. пудов соответственно, в 1915 г. – 149,0 и 48,6 тыс. пудов, в 1916 г. – 184,0 и 84,7 тыс. пудов. Иркутская губерния и по мясным грузам была губернией ввозящей. Крупным потребителем мяса являлся Иркутск и близлежащие уезды, золотые прииски. В 1913 г. со станций губернии было вывезено 49,8 тыс. пудов мяса и получено 233,1 тыс. пудов, в 1914 г. – 33,7 и 202,7 тыс. пудов соответственно, в 1915 г. – 80,7 и 349,7 тыс. пудов, в 1916 г. – 122,0 и 296,0 тыс. пудов²⁹⁴.

Из ввозимых в регион продовольственных товаров на первом месте был сахар (например, в 1913–1914 гг. ввезено 2,9 млн пудов), затем шли рыба и чай (Приложение 1. Таблица 9).

Таким образом, Восточная Сибирь фактически представляла собой источник сырья и рынок сбыта промышленной продукции европейского центра: «Интересы последнего в лице Императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности»²⁹⁵.

Конфликт региональных и имперских интересов в торгово-промышленной сфере, борьбу среди различных финансово-промышленных группировок, приоритеты имперской власти в этом отдаленном регионе наиболее ярко иллюстрирует ситуация с вопросом о введении режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек через Северный морской путь. После начала Первой

²⁹³ Памятная книжка Енисейской губернии за 1915 г. ... С. 44–45; Вестник Общества сибирских инженеров. 1916. № 8. С. 38.

²⁹⁴ Фомин А.А. Товарные перевозки ... С. 55–71.

²⁹⁵ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Россия и Сибирь ... С. 120.

мировой войны внешнеторговые отношения Российской империи претерпели значительные изменения. Экспорт и импорт через западную и южную границы европейской части страны стал невозможен, сообщение с Англией и Францией могло осуществляться только через Архангельск и Владивосток. Однако Архангельск был перегружен товарами, предназначенными для военного ведомства, путь через Владивосток – слишком далеким. Правительство всерьез начало рассматривать перспективу расширения коммерческих связей с союзными и нейтральными государствами через Северный морской путь. Он не был оборудован для торгового судоходства, в северной части Атлантического океана, на Балтийском, Баренцевом и Белом морях шли активные боевые действия. В этих условиях стало очевидно, что привлечь частных судовладельцев и представителей российского и зарубежного капиталов к организации регулярных рейсов между Сибирью и Европой без введения режима порто-франко невозможно.

Однако этот вопрос вызывал неоднозначную реакцию, как среди бюрократии, так и деловых кругов. Военное министерство, Главное управление землеустройства и земледелия поддерживали идею, Министерство финансов, Министерство промышленности и торговли выступали против. В двух последних министерствах значительное влияние имела столичная торгово-промышленная и финансовая верхушка, опасавшаяся утратить свое влияние в Сибири из-за того, что местные предприниматели могли получить прямой выход на иностранные рынки. Среди сибиряков также не сложилось единого мнения по этому вопросу. Та их часть, которая была связана с освоением и переработкой местных ресурсов, активно лоббировала идею порто-франко, дававшую ей возможность использования иностранного капитала без всяких посредников и соответственно укрепления своих позиций. Торговые и финансовые круги, испытывавшие более сильную зависимость от столичных партнеров и кредиторов, не поддерживали эти проекты, обвиняя своих оппонентов в сепаратизме²⁹⁶.

²⁹⁶ Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 338–361.

Еще в довоенный период идею введения порто-франко через устье Енисея начали лоббировать представители иностранного капитала, опираясь на связи с российскими политическими деятелями и сибирскими предпринимателями. В частности, норвежцы высказывали заинтересованность в вывозе из Восточной Сибири многих видов полезных ископаемых, сельскохозяйственного сырья, продовольственных товаров (асбеста, графита, слюды, цинка, меди, льна, конопли, шерсти, щетины, шкур, кож, древесины, зерна, кедрового ореха и др.). В свою очередь в 1913 г. Отдел торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности обращался к енисейскому губернатору И.И. Крафту с просьбой предоставить подробные сведения и видах и количестве грузов, которые можно было бы ввозить и вывозить из губернии морским путем. В соответствии с распоряжением И.И. Крафта во всех городах губернии состоялись заседания городских дум для обсуждения данного вопроса. В результате гласные составили развернутые списки товаров, рекомендованных к вывозу (среди которых указали лес, зерновые – овес, рожь, ячмень, пшеницу, лен, шерсть, кожи, мед и др.), а также ввозу (изделия легкой и тяжелой отраслей промышленности, автомобили, медикаменты, из продуктов питания, прежде всего, сахар и др.). Участники совещаний особенно отмечали, что не только для купечества, но крестьянства наиболее актуальным являлся вопрос о сбыте сельскохозяйственной продукции. В Европейскую Россию местный хлеб не пускал челябинский тарифный перелом, в восточные области страны – низкий спрос. Хлеб портился, крестьяне не могли оплачивать подати и повинности, совершать покупки, купцы, работая на кредитных основаниях, разорялись²⁹⁷.

В конце 1913 г. под председательством товарища министра финансов П.Л. Барка состоялось межведомственное совещание, на котором было принято решение до 1 января 1914 г. объявить конкурс пароходных компаний на проведение рейсов через Карское море к устьям сибирских рек. Победителям обещали пособие в 120 тыс. рублей в год и беспроцентную ссуду в 500 тыс.

²⁹⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 117–126

рублей. Конкурс выиграло морское судоходное общество Добровольного флота, однако из-за начала Первой мировой войны его суда поступили в распоряжение военного ведомства²⁹⁸.

Для того, чтобы склонить правительство к положительному решению по вопросу о введении порто-франко в устьях сибирских рек, а также в целях сбора материалов для детальной проработки текста планируемого закона, осенью 1914 г. С.В. Востротин выехал в Иркутск. Здесь по его инициативе состоялся ряд совещаний с участием представителей местной власти и деловых кругов с обсуждением будущего законопроекта. На одно из таких совещаний 19 декабря 1914 г. под председательством иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева прибыли иркутский губернатор А.Н. Юган, чиновники канцелярии генерал-губернатора, делегаты от иркутского Биржевого комитета, таможи, банков, купечества. Сам С.В. Востротин выступал в качестве представителя Енисейской губернии. Практически сразу же завязалась дискуссия по вопросу о том, кому сулил выгоды проект развития Северного морского пути – самому богатому слою сибирских предпринимателей (владельцам золотых приисков, пароходов, винокуренных заводов, торговцам чаем, хлебом, мануфактурой, пушниной), или среднему и малому бизнесу. Управляющий иркутским отделением Сибирского банка В.В. Жарников отметил, чрезвычайно короткий навигационный период в устьях сибирских рек давал возможность прохода очень немногим судам и не каждый год: «При таких условиях этим путем могут воспользоваться только крупные предприниматели и даже синдикаты. Мелкие же и средние предприниматели при этом ничего не выиграют»²⁹⁹. С.В. Востротин парировал тем, что понижение пошлин все равно рано или поздно отражалось на состоянии рынка, влияло на снижение цен. К тому же, главной целью проекта был не ввоз, а вывоз товаров из Сибири, беспошлинный ввоз должен был только привлечь иностранных судовладельцев. Большинство участников совещания выразили

²⁹⁸ Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель ... С. 214.

²⁹⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 38.

несогласие с С.В. Востротиним, однако проект решили поддержать, поскольку неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры Восточной Сибири было самым острым вопросом социально-экономического развития региона.

При обсуждении списка предметов, подлежащих к беспошлинному провозу, за основу был взят перечень товаров, которые ввозились беспошлинно в Приамурское генерал-губернаторство до отмены режима порто-франко там в 1909 г. Дискуссионным стал вопрос о степени участия государства в этом проекте. Одни считали, что его реализация была сопряжена с серьезными трудностями из-за крайне дорогой страховки, стоимости фрахта, отсутствия подробных карт, наблюдательных пунктов и радиотелеграфных станций вдоль берегов. Требовалось расчистить, расширить и углубить фарватер Енисея для прохода морских судов, оборудовать элеваторы, пристани и склады в Енисейске, возвести таможенные и жилые здания. По этой причине предлагали государству взять под полный контроль развитие Северного морского пути, хотя все понимали, что оно не могло позволить себе такие затраты во время войны. Другие выступали категорически против любого участия правительства в проекте, в том числе казенных субсидий для оборудования пути, поскольку это могло вызвать злоупотребления крупных монополистов Европейской России: «Они могут внушить правительству мысль о желательности для оборудования этого пути дарования казенных субсидий и захватят таковые в свои руки. Но сосредоточение этого дела в руках синдикатов послужит только тормозом для местной торговли и промышленности. Крупные промышленники и синдикаты убьют мелких предпринимателей. Захватив в свои руки морское сообщение, этот кружок крупных предпринимателей набьет товарами всю Сибирь, нисколько не заботясь притом о вывозе. Когда же он наполнит Сибирь товарами, то можно ожидать, что через 3–4 года этот кружок вновь возбудит ходатайство о наложении пошлин на иностранные товары»³⁰⁰.

³⁰⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 54–56.

Материалы иркутских совещаний С.В. Востротин передал на рассмотрение в Министерство финансов для разработки текста законопроекта. В июле 1915 г. Совет министров санкционировал беспошлинный ввоз некоторых иностранных товаров через устье Енисея на военный период. В марте 1916 г. Государственная дума расширила этот список, в феврале 1917 г. Государственный совет утвердил закон о беспошлинной торговле через устья сибирских рек³⁰¹.

Фактически правом беспошлинной торговли за годы войны воспользовалась только компания Й. Лида. «Сибирская компания» организовала рейсы в устье Енисея в 1914 г., 1915 г. и 1916 г. Однако и ее товарооборот был небольшим: «За 1914–1916 гг. ввоз составил 5 931 тонн, в том числе строительные материалы – 2 481, каменный уголь – 1 088, машины – 81. Вывезено было 6 230 тонн грузов, в том числе масла животного – 2 481, лесоматериалов – 2 130, льняного волокна – 1 384»³⁰². Революция в Российской империи прервала как деятельность компании Й. Лида в Восточной Сибири, как и проект развития Северного морского пути.

Выводы по главе 1

В начале XX в. колонизация являлась ключевым фактором, определявшим социально-демографическое развитие Восточной Сибири. За счет массового переселенческого движения правительство стремилось снизить остроту аграрного кризиса в губерниях европейской части страны. В годы Первой мировой войны переселенческий поток резко сократился, однако одновременно выросла внутренняя миграция за счет передвижения мобилизованных, беженцев, военнопленных. Начальные проявления демографического перехода в устойчивую тенденцию не превратились. Вследствие призыва на фронт мужчин репродуктивного возраста снижались брачность и рождаемость, при этом значительного роста смертности в регионе не произошло. Изменение

³⁰¹ Шиловский М.В. История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. № 12. Ямальский выпуск. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 80.

³⁰² Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Йонас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией // Финансы и Бизнес. 2010. № 1. С. 216.

соотношения полов в пользу женщин оказало негативное воздействие на количество и качество трудовых ресурсов. В этническом отношении население было неоднородным. Природно-климатические условия и способы хозяйственной деятельности обуславливали его неравномерное распределение по территории: русские поселения концентрировались вдоль старых трактов, водных путей, железных дорог, инородцы проживали преимущественно в северных и южных областях, малопригодных для земледелия.

Основой региональной экономики являлось сельское хозяйство, сосредоточенное в отдельных уездах с благоприятными климатическими условиями, плодородными и удобными землями, большей плотностью населения. С продвижением на север и северо-восток сельское хозяйство приобретало очаговый характер, возрастала роль традиционных рыболовного и охотничьего промыслов. Рост населения и сокращение фонда свободных пахотных земель вследствие переселенческого движения, имели следствием кризис земледелия – увеличивалась продолжительность периода обработки земельных участков, и уменьшались сроки их нахождения в залежи. Таким образом, возможности ведения экстенсивного сельского хозяйства также сужались, в то время, как переход к интенсивным формам хозяйствования требовал серьезных затрат на улучшение способов обработки земли, технику, улучшение сортов и пород и т.д. Производительность большинства старожильческих крестьянских хозяйств оставалась на уровне, обеспечивавшем лишь собственное потребление. Переселенцы же в течение довольно продолжительного периода, который требовался на хозяйственное обустройство, предъявляли повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию. Качество и ассортимент производившейся продукции также оказывались невысокими, но при этом на ее производство требовались гораздо большие затраты, чем в других аграрных регионах. Так, выращиваемые здесь зерновые не могли соперничать с хлебом западносибирских крестьян даже на рынках самой Восточной Сибири. Неустойчивость сельского хозяйства определяла значимость внутренних резервов. Для оказания семенной и

продовольственной помощи в случае неурожая или других бедствий существовала система общественных и казенных хлебозапасных магазинов. Правительство уделяло особое внимание функционированию казенных магазинов в местах проживания коренных сибирских народов, поскольку использовало их для поощрения земледелия, как один из факторов освоения и влияния на этих территориях.

Состояние источниковой базы не позволяет детально исследовать процессы, протекавшие в сельском хозяйстве региона в годы войны. Однако очевидно, что его поступательное развитие остановилось не сразу, об этом свидетельствуют, такие факторы, как рост посевных площадей или высокие показатели по количеству скота. Восточносибирская деревня не испытала вражеской оккупации, армейских реквизиций скота, фуража и продовольствия, как это произошло в западных приграничных областях империи. Серьезный урон был нанесен мобилизациями, лишившими хозяйства мужских рабочих рук, причем более всего пострадали семьи переселенцев, которые не успели до начала войны сделать необходимую распашку, обзавестись скотом и инвентарем.

В годы войны значительных изменений в промышленном развитии Восточной Сибири не произошло. Золотодобывающая отрасль являлась ведущей по величине капиталов, сумме производства, числу рабочих. Приисковские районы предъявляли высокий спрос на продовольствие, однако его доставка туда была сопряжена со значительными расходами. Обрабатывающая промышленность находилась на начальных стадиях развития, сохранялось значение кустарных промыслов и ремесел. Успешно развивались те предприятия, которые не испытывали конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности Европейской России, имели сырьевую базу и не требовали больших вложений капитала (винокурная и спирто-водочная, мукомольная, кожевенная, салотопенная, мыловаренная, спичечная и др.). Заведения по переработке сырья и производству продуктов питания обслуживали лишь местные рынки по причине своей малой производительности. Слабое развитие отраслей сдерживали

мобилизационные мероприятия правительства в регионе. За дальностью расстояний сюда не эвакуировали промышленные предприятия из оккупированных и прифронтовых территорий.

Формы и организация торговли были самыми разнообразными – в отдаленных северных районах еще существовала меновая торговля, повсеместно распространен тип мелкого скупщика и спекулянта, приезжали европейские коммивояжеры. Проведение железной дороги подорвало влияние крупных оптовых посредников, которые ранее диктовали свои монопольные цены, однако огромные внутренние пространства остались вне ее влияния, обслуживались только грунтовыми дорогами. Отсутствие развитой системы железнодорожных, шоссейных и водных путей превращало Восточную Сибирь в комплекс обособленных территорий, экономически мало связанных между собой. Плодородные уезды не имели постоянного выхода к потребительским рынкам, тогда как в северные и восточные территории продовольствие требовалось ввозить. Причем ввоз должен был осуществляться заблаговременно.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.

Начало военных действий вызвало необходимость в новых государственных структурах по реализации мероприятий, направленных на сохранение устойчивости экономики в чрезвычайных условиях, осуществление мобилизационных мер, организацию работы отдельных хозяйственных отраслей. С образованием Особых совещаний в августе 1915 г. была сформирована система административных регулирующих органов, которая существовала до Февральской революции 1917 г. Его приоритетным направлением деятельности являлось снабжение армии. Региональные власти решали проблему продовольственного обеспечения населения самостоятельно в границах своей компетенции в соответствии со спецификой природно-климатических и производственных условий территории, социальным составом населения, традициями потребления и прочими обстоятельствами. Изучение вопросов образования и реорганизации органов управления продовольственным делом, их задач, функций и направлений деятельности имеет важное значение, поскольку позволяет увидеть особенности реализации продовольственной политики государства, качество административного управления с этой сфере.

§ 2.1 Устройство и приоритетные направления деятельности центральных и региональных властей

Мобилизация армии с первых дней войны вызвала значительный рост потребления продовольствия внутри страны. Государство вело заготовки для снабжения фронта, выступало в роли крупнейшего покупателя на внутренних рынках, а также предпринимало меры по их регулированию. Для этого сначала использовались уже существовавшие бюрократические структуры.

Первоначально считалось, что административная система вполне справится с новыми задачами.

С августа 1914 г. заготовками продовольствия и фуража для армии занималось Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). В его структуре была образована Канцелярия Главноуполномоченного по закупкам хлеба для армии, фактическое руководство которой осуществлял Г.В. Глинка – товарищ главы ГУЗиЗ А.В. Кривошеина. Несколько позже появился Отдел заготовок продовольствия и фуража («Заготосель»), который с 1916 г. снабжал также тыловые гарнизоны, оборонные предприятия, некоторые организации. В октябре 1915 г. ГУЗиЗ преобразовано в Министерство земледелия. Закупочные операции на местах контролировали окружные уполномоченные, непосредственно закупки осуществляли губернские уполномоченные (как правило, представители земств).

Регулированием вопросов, связанных с продовольственным обеспечением армии и населения, продолжали заниматься и другие ведомства: Главное интендантское управление (определяло необходимое для армии количество продовольствия и выдавало наряды на поставки), Центральный комитет по регулированию массовых перевозок при Управлении железных дорог (осуществлял общее руководство перевозкой грузов), Управление сельской продовольственной частью при Министерстве внутренних дел (контролировало оказание продовольственной и семенной помощи населению) и др.³⁰³

Начало продовольственных закупок привело к дезорганизации торговых отношений в стране. В августе 1914 г. были утверждены «Правила о местностях, состоящих на военном положении», согласно которым командующие армиями получили право ограничивать вывоз продовольствия и фуража из прифронтовой полосы. Согласно высочайшему указу от 17 февраля 1915 г. командующие военными округами были наделены полномочиями на введение предельных закупочных цен и запрещение вывоза продуктов и фуража из любой местности,

³⁰³ Обзор деятельности Особого совещания ... С. 1–6; Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения ... С. 1.

входившей в состав того или иного военного округа, осуществление реквизиций с понижением цен на 15 % в случае отказа владельцев продавать товары по обозначенной стоимости. В результате последовали несогласованные распоряжения командующих о запретах вывоза и реквизициях: «Влияние запретов вывоза на народное хозяйство было чрезвычайно ощутительно и тяжело. Народное хозяйство, построенное на системе сложного разделения труда и обмена, представлявшее собой единый и целостный как бы «организм», потоком охарактеризованных запретов было разбито на осколки, на мертвые лоскутки, которые, однако, не имели возможности вести свое оторванное существование. Административные районы далеко не совпадают с районами экономического оборота. И мы видим, как сплошь и рядом районы мукомолья отрезались этими запретами от районов, питавших их зерном, центры потребления – от ближайших соседних пунктов их снабжения. Нечего говорить уже, что торговому обороту такими мерами наносился тягчайший удар»³⁰⁴.

Когда зимой 1914–1915 г. к самостоятельным закупкам продовольствия приступили городские и земские самоуправления, начался быстрый рост цен, развернулась спекуляция. Возникла необходимость в более широком экономическом регулировании. В мае 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был образован Главный продовольственный комитет под председательством министра торговли и промышленности. Председатель комитета проводил совещания с представителями различных ведомств и общественных организаций, его директивам на местах подчинялись губернские продовольственные комитеты с губернаторами во главе. Губернаторы приглашали для обсуждения продовольственных вопросов уполномоченных по заготовкам для армии, делегатов от земств, городских управлений, биржевых комитетов и др. Однако Главный продовольственный комитет не смог внести объединяющие и организующие начала в решение продовольственных вопросов,

³⁰⁴ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 103.

поскольку его деятельность была ситуативной, он не разработал общего для страны плана снабжения.

В августе 1915 г. вышел закон о создании Особых совещаний по обороне, топливу, перевозкам и продовольственному делу. В Особое совещание по продовольственному делу вошли 24 представителя от Государственного совета, Государственной думы, Всероссийского Земского и Городского союзов, различных министерств. Его главной задачей стало обсуждение и объединение правительственных мероприятий по заготовке продовольствия и фуража для армии и флота, а также согласование деятельности учреждений, занимавшихся вопросами обеспечения продовольствием населения³⁰⁵.

Внутреннее устройство Особого совещания по продовольствию включало следующие структуры: ГУЗиЗ (с октября 1915 г. – Министерство земледелия), Управление сельской продовольственной частью Министерства внутренних дел, Межведомственное совещание при Министерстве внутренних дел, Совещание при Главном интендантстве, выписывавшее наряды на отправку грузов в армию, а также Центральный комитет по регулированию массовых перевозок при Управлении железных дорог, отвечавший за наряды на все другие грузы, кроме того, земские и городские управления, уполномоченные на фронтах по делам беженцев, губернские комитеты и уездные комиссии по эвакуации грузов из приграничной полосы³⁰⁶. Текущую работу осуществляло Управление делами, которое представляло собой исполнительный аппарат председателя Особого совещания. Оно состояло из приглашенных статистиков и экономистов, преимущественно чиновников Переселенческого управления. В течение войны в структуре Особого совещания также появились такие ведомства как Центральное бюро по мукомолью («Центромука»), Центральное бюро по объединению закупок сахара («Центросахар»), на местах – «соляные» комитеты.

³⁰⁵ Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения ... С. 23–32.

³⁰⁶ Оськин М.В. Продовольственный вопрос ... С. 88.

Создавались различные комиссии, в числе первых – комиссия по снабжению армии и флота, а также населения хлебом и фуражом (председатель – главноуполномоченный по закупке хлеба для армии Г.В. Глинка), по снабжению армии и флота, а также горожан мясом, маслом и сеном (под руководством главноуполномоченного по закупке мяса, масла и сена С.Н. Ленина), по борьбе с дороговизной (возглавил член Государственного совета Н.Н. Покровский)³⁰⁷. Комиссии далее делились на мелкие в соответствии с частными задачами. Так, осенью 1916 г. были утверждены созданные к тому времени комиссии: при Председателе Особого совещания – по борьбе с дороговизной; финансовая; статистико-экономическая; транспортная; центральное бюро по мукомолью; при Главноуполномоченном по закупке хлеба – мукомольная, по закупке и распределению фуража; по снабжению сахаром и продуктами его переработки; по снабжению солью и табаком; по заготовке мешков, рогож, шпагата; при Главноуполномоченном по закупке мяса, жиров, овощей и др. – по закупке и распределению мяса, скота и рыбы; по закупке и распределению сена, соломы, жмыхов и других не зерновых фуражных продуктов; по заготовке и распределению овощей, вина, уксуса для армии и населения; по заготовке яиц, жиров и масла; холодильная³⁰⁸.

Создание многочисленных комиссий воспринималось населением с раздражением, как замена эффективных экономических мер бюрократизацией управления: «Говорят. Совещаются. Совещаются и опять говорят. В зависимости от "кризисов" создаются комитеты: сегодня бумажный кризис – налицо бумажный комитет; завтра сахарный кризис – готово, сахарный комитет; керосиновый кризис – пожалуйста-с! комитет керосиновый и т.д. И, если, не дай боже, надвинется кризис с детскими сосками, то, несомненно, мы будем иметь комитет по урегулированию сосочного кризиса»³⁰⁹.

³⁰⁷ Воронов В.И. Министерство земледелия Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. С. 324.

³⁰⁸ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика ... С. 388.

³⁰⁹ Иркутск // Деловая Сибирь. 1916. № 15. С. 1.

Осенью 1915 г. ушел в отставку А.В. Кривошеин. Его сменил А.Н. Наумов, который вначале был назначен управляющим Министерства земледелия, в январе 1916 г. стал министром. В своих воспоминаниях он указывал, что принял дела в «ужасающем» состоянии. Не существовало единого плана снабжения армии и населения ни с точки зрения объемов заготовок, ни относительно технической стороны их реализации. До проведения сельскохозяйственной переписи 1916 г. в распоряжении министра земледелия не было достоверных статистических данных о наличных запасах продовольствия в стране, их производстве и потреблении. Приходилось довольствоваться противоречивыми справками различных ведомств. К организации продовольственного снабжения привлекалось огромное количество людей, не обладавших необходимыми знаниями или опытом. Отношения между сотрудниками не складывались: «Глинка и Ленин друг друга не переваривали, избегали встреч, а тем более разговоров. Между тем оба они служили одному общему делу, которое должно было выполняться в строго согласованном порядке и по общему, заранее разработанному плану. Взаимная неприязнь моих помощников доводила их иногда до такого невменяемого состояния, что каждый из них не стеснялся при мне выказывать злорадство в случаях допущения его недругом каких-либо служебных ошибок. Подобное положение вещей чрезвычайно тягостно отзывалось на мне, на моей психике и на сложном, грандиозном деле продовольствия, которое почти целиком падало на мою голову. Я должен был среди хаоса не только разноречивых, но подчас и вовсе противоречивых советов моих ближайших, враждовавших между собою помощников, самостоятельно обдумать для них примирительную линию»³¹⁰. Работу председателя осложняло множество служебно-должностных факторов, например, обязанность присутствовать на всевозможных заседаниях различных комиссий Особого совещания по продовольствию, Совета министров, Государственной думы и Государственного совета. Помимо прочего министр земледелия вел прием частных лиц и посетителей.

³¹⁰ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Ч. II ... С. 388–389.

В июле 1916 г. А.Н. Наумов оставил пост министра земледелия. Свой уход он объяснил сложными отношениями с председателем Совета министров Б.В. Штюрмером, невозможностью согласовать интересы различных ведомств, от которых зависело решение продовольственных вопросов, отсутствием твердой объединяющей власти, на которую можно было опереться при принятии непопулярных решений. Его сменил товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник граф А.А. Бобринский. Еще через четыре месяца 29 ноября 1916 г. министерство земледелия возглавил товарищ министра, действительный статский советник А.А. Риттих. «Министерская чехарда» отрицательно отражалась на работе бюрократического аппарата ведомства.

В регионах работали уполномоченные Особого совещания по продовольственному делу, отвечавшие за обеспечение населения. Их обязанности возлагались на губернаторов или председателей земских управ. Уполномоченные должны были определять количество продуктов, необходимых для снабжения продовольствием местного населения, выявлять наличные торговые запасы, искать возможности и рынки для покупки и доставки в регион продуктов питания, принимать меры к созданию резервов, в случае необходимости организовать распределение продовольствия. Под их руководством проводились специальные совещания при участии представителей губернской администрации, земств и городов, биржевых и военно-промышленных комитетов, торговых организаций и кооперативов, а также других лиц по приглашению председателя. Уполномоченные могли обращаться во все правительственные и местные учреждения за содействием, производить осмотр торговых и промышленных предприятий, проверять их документацию, предъявлять требования к управлению железными дорогами об ускорении перевозки грузов. Все прочие меры они предпринимали только с санкции Особого совещания по продовольствию³¹¹.

Уполномоченные принимали меры, чтобы обеспечить своевременную и достаточную по количеству доставку продовольственных грузов в

³¹¹ Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения ... С. 37–41.

подконтрольные им районы, содействовали продвижению грузов в адрес торговцев, закупавших товар. Однако чаще всего торговцы, получив товары, начинали спекулировать ими, поэтому с течением времени право на внеочередную доставку получили лишь грузы, отправлявшиеся на адрес органов городского управления и общественных организаций. Грузы, выписывавшиеся частными лицами на адрес уполномоченных, поступали в распоряжение торговцев при условии определенных обязательств с их стороны – не заниматься спекуляцией, по возможности направить товар в наиболее нуждавшиеся в нем местности.

Постановлением министра земледелия от 12 февраля 1916 г. права уполномоченных были несколько расширены. Во-первых, в случаях, когда отдельные местности испытывали продовольственные затруднения, допускалось осуществление внеплановых железнодорожных перевозок – вне очереди начали перевозить грузы на адрес и по удостоверениям уполномоченных. Во-вторых, если установленные в регионе таксы были слишком низкими, что вело к исчезновению из продажи продуктов, уполномоченный мог ходатайствовать в правительство о разрешении городам и общественным организациям губернии вести заготовки продовольствия по твердым ценам (которые применялись при закупках для армии). В-третьих, под непосредственный контроль уполномоченных была поставлена торговля сахаром – закупки на средства местных частных торговцев или общественных организаций и распределение среди населения.

Под влиянием ухудшения ситуации в тылу на зиму 1916–1917 г. был утвержден общий продовольственный план снабжения армии и населения. Уполномоченные производящих губерний на основании сведений, собранных через земские и городские организации, статистические учреждения и материалы переписи 1916 г., определяли годовую потребность населения в продовольствии и объемы продуктов, которые можно было вывозить из региона. Уполномоченные потребляющих губерний выясняли необходимое количество ввозных продуктов с примерным распределением по месяцам. На основании полученных сведений

Главноуполномоченный составлял общеимперский план снабжения. Организации, частные лица, желавшие воспользоваться помощью правительства при закупках продовольствия и фуража, заявляли об этом местному уполномоченному, который давал разрешения в пределах норм утвержденного плана снабжения. Составленные на основании этих заявлений требования на заготовку продуктов предоставлялись в соответствующие центральные организации, которые составляли ежемесячные планы снабжения и распределяли наряды между уполномоченными³¹².

На Восточную Сибирь не была распространена земская реформа, здесь уполномоченными Особого совещания по продовольственному делу назначали только губернаторов: в Енисейской губернии – И.В. Хозикова (с декабря 1915 г. Я.Г. Гололобова), Иркутской – А.Н. Югана, Забайкальской области – военного губернатора А.И. Кияшко, Якутской области – Р.Э. Витте³¹³. Согласно специальному распоряжению Г.В. Глинки уполномоченные в Иркутском генерал-губернаторстве должны были согласовывать между собой мероприятия по продовольственному вопросу, и в случае возбуждения какого-либо ходатайства перед Особым совещанием одновременно ставить в известность генерал-губернатора³¹⁴.

В военный период деятельность восточносибирских уполномоченных концентрировалась по четырем главным направлениям – борьба со спекуляцией, контроль за системой продовольственной помощи сельскому населению через хлебозапасные магазины, организация и координирование работы органов городского управления по снабжению горожан, вопросы продовольственного снабжения рабочих золотопромышленных предприятий.

По первому направлению ситуация развивалась следующим образом. Спекуляция в Восточной Сибири стала первым фактором, который определил начало роста цен. Чем восточнее располагался населенный пункт, тем более

³¹² Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения ... С. 67–89.

³¹³ Список уполномоченных председателя Особого совещания по продовольственному делу и уполномоченных Министерства земледелия по закупкам для армии. Петроград, 1915. 35 с.

³¹⁴ Там же. С. 50.

дефицитными там были многие виды продовольствия и товары первой необходимости, и больше возможностей открывалось для спекуляции ими. Так, в городах Забайкальской области стоимость продуктов питания начала расти сразу после объявления войны. В июле 1914 г. читинский уездный начальник докладывал губернатору о том, что торговцы подняли цены в городе на наиболее востребованные продукты – муку, печеный хлеб, сахар и др. От должностных лиц и населения губернатору А.И. Кияшко поступали сведения о вопиющих случаях спекулятивного взвинчивания цен. 29 июля 1914 г. было опубликовано его обращение к жителям области: «Такое явление в настоящее время, не имея решительно никаких сколько-нибудь серьезных оснований, представляется не только ненормальным, но и преступным, указывая на желание некоторых лиц воспользоваться тяжелым переживаемым нашею Родиной временем для своего обогащения. Повторяю, что серьезных оснований к повышению цен сейчас нет, так как везде на местах пока еще имеются запасы прежней заготовки, не будет таких оснований к повышению цен и в будущем в виду того, что уже приняты меры к непрерывному подвозу в Забайкалье продуктов»³¹⁵

2 августа 1914 г. вышло обязательное постановление иркутского генерал-губернатора, запрещавшее «всякого рода стачки, сделки, соглашения» торговцев с целью повышения цен на продукты и товары первой необходимости (муку, крупы, мясо, молочные продукты, чай, сахар и др.)³¹⁶. В связи с введением в регионе состояния усиленной охраны иркутский генерал-губернатор и губернаторы получили право издавать такие обязательные постановления для предупреждения нарушений общественного порядка и безопасности, накладывать в административном порядке взыскания (арест до 3 месяцев и штраф в размере до 500 рублей, а с 1915 г. до 3 000 рублей), запрещать собрания и манифестации,

³¹⁵ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 806. Л. 58

³¹⁶ Обязательное постановление Иркутского генерал-губернатора // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 16. С. 1; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. ... С. 73.

отстранять от должности чиновников и должностных лиц местного самоуправления и др.³¹⁷.

Однако такого рода воззвания не имели эффекта. К весне 1915 г. дороговизна и дефицит продуктов питания повсеместно в стране усилились. Губернаторы и градоначальники получили циркуляр министра внутренних дел Н.А. Маклакова с указанием проанализировать причины подорожания продовольствия, принять меры против спекуляции в целях предотвращения роста социальной напряженности. Самой частой мерой местных властей в 1915–1916 гг. стали специальные распоряжения о запрете торговцам вести оптовую скупку сельскохозяйственной продукции на базарах в первой половине дня, чтобы горожане успевали приобрести ее без дополнительных наценок непосредственно у крестьян³¹⁸.

Однако спекуляция становилась настолько широко распространенным явлением, что борьба с нею стала делом невозможным и бессмысленным. Так, М.П. Миндаровский, участник продовольственного совещания Енисейской губернии, состоявшегося в январе 1916 г., писал в дневнике: «Ясно было видно, что продовольственное дело день ото дня обостряется и даже кое-где начинает нервировать население. Спекулятивная вакханалия охватила всех и вся, и борьба с ней становилась бессильной, потому что она втянула в себя не только частных лиц, но в ней замешаны были поставщики правительственных аппаратов, т[о] е[сть] начальствующие разных учреждений и должностные лица»³¹⁹. Устоялось мнение, что решительных мер в отношении спекулянтов правительство не предпринимало, прежде всего потому, что к ним относились представители крупного капитала, которым государство традиционно оказывало покровительство в форме кредитов, контрактов, субсидий³²⁰.

³¹⁷ Коновалов И.А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. М., 2014. С. 272–273.

³¹⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2786. Л. 1–6.

³¹⁹ Енисейск в записках ... С. 268–269.

³²⁰ Подробнее конкретные случаи и примеры широко развернувшейся спекуляции продовольствием рассматриваются в Главе 3.

Законом от 8 сентября 1916 г. устанавливалась ответственность за «чрезмерное» повышение цен в виде двух лет тюрьмы или штрафа от 1 000 до 10 000 рублей. При этом определение того, что считать чрезмерным повышением, а что нормальным, сформулировано не было. При Министерстве торговли и промышленности вводилась должность торговых инспекторов, обязанных контролировать условия заключения торговых сделок, но до февраля 1917 г. получили назначения лишь несколько таких инспекторов.

На протяжении 1916 г. – начала 1917 г. генерал-губернатор А.И. Пильц неоднократно ходатайствовал в правительство о расширении в законодательном порядке полномочий местных властей в сфере борьбы со спекуляцией. В январе 1917 г. он вновь обратился к председателю Совета министров А.Ф. Трепову: «А.И. Пильц указывает, что он обращался с аналогичным ходатайством к бывшему председателю Совета министров Б.В. Штюмеру и бывшему министру земледелия А.А. Бобринскому, но на свои три письма ответа не получил. Между тем совещание губернаторов края при участии прокурора иркутской судебной палаты признало соответствующее разрешение данного вопроса настоятельно необходимым, так как спекулятивные приемы продавцов проявляются все больше и больше, недовольство среди населения все растет, а судебный порядок преследования виновных не дает почти никаких результатов»³²¹. А.Ф. Трепов обещал А.И. Пильцу «подвергнуть рассмотрению» его просьбу.

Отсутствие четких формулировок и критериев в законодательстве, неимение специальных структур, которые бы отслеживали ценообразование и проводили проверки торговых операций, ограниченные полномочия местных властей делали невозможной эффективную борьбу со спекуляцией. Обращения к торговцам через прессу и лично, воззвания к их совести результата не давали³²².

Вторым направлением местных властей стал общий надзор за содержанием хлебозапасных магазинов и продовольственными капиталами, который

³²¹ Ходатайство иркутского генерал-губернатора // Деловая Сибирь. 1917. № 1. С. 3.

³²² РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 14.

возлагался на губернаторов с утверждением в 1900 г. «Временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей». Губернское правление отвечало за своевременное и правильное расходование запасов и денежных средств. Как только становилось известно о плохих результатах урожаях, губернские статистические комитеты начинали обследование крестьянских хозяйств, определяли степень необходимости оказания продовольственной помощи. Губернатор принимал решение о предоставлении продовольственных и семенных ссуд из губернского и Общеимперского капиталов. Кроме этого, губернаторы организовывали и направляли работу благотворительных организаций по оказанию помощи крестьянам-переселенцам привлекали чиновников Переселенческого управления³²³.

В первый военный год население Восточной Сибири не обращалось к средствам Общеимперского продовольственного капитала, но в следующем 1915 г. пришлось оказывать помощь жителям Иркутской губернии, пострадавшим от наводнения, а также Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областей, где случился неурожай.

В мае 1915 г. иркутский губернатор А.Н. Юган обратился в Управление сельской продовольственной части с просьбой выдать деньги из Общеимперского продовольственного капитала на организацию продовольственной и семенной помощи населению Киренского и Балаганского уездов, понесшему убытки от весеннего таяния льдов на Лене. Аванс в размере 75 000 рублей был получен в мае. Затем проводилось обследование состояния домохозяйств пострадавших. В Киренском уезде, наиболее пострадавшем от наводнения, ссуды так и не были выданы из-за наступления осенней распутицы. Основная помощь оказывалась только в следующем 1916 г. На предоставление кредитов было оперативно

³²³ Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Ч. II. СПб., 1893. С. 9–12.

выделено 400 000 рублей, однако из них использовано 131 543 рубля, остальное возвращено на счета Управления сельской продовольственной части³²⁴.

В Енисейской губернии губернатор Я.Г. Гололобов не видел необходимости в оказании широкой продовольственной помощи в связи с неурожаем 1915 г. Он считал, что угрозы острого кризиса не было, рассчитывал на поступление в продажу запасов крупных хлеботорговцев и зажиточных крестьян. В начале 1916 г. было опубликовано исследование специалистов Переселенческого управления, которые проанализировали продовольственные перспективы Сибири. Они также пришли к выводу, что крестьяне сократили выпуск хлеба на рынки, но с учетом запасов прошлых лет угрозы продовольственной безопасности населению не существовало³²⁵. Между тем жители восточносибирских городов были чрезвычайно обеспокоены складывавшейся ситуацией, они считали, что крестьяне не повезут хлеб на городские рынки, и вследствие этого весной 1916 г. городам грозил острый дефицит³²⁶.

Заместитель министра внутренних дел, председатель межведомственного совещания по продовольственному делу Н.П. Муратов в телеграмме генерал-губернатору Л.М. Князеву просил выяснить, какая помощь и в каком объеме требовалась населению, поскольку был обеспокоен возможной перспективой значительного сокращения крестьянских посевов в Восточной Сибири. После проведенного обследования 25 января 1916 г. енисейский губернатор запросил 340 000 рублей на приобретение 175 000 пудов семян различных хлебов на яровой посев. Средства были выделены оперативно – уже 9 февраля 1916 г. сумма в полном объеме была переведена енисейскому губернатору. Я.Г. Гололобов докладывал генерал-губернатору Л.М. Князеву, а тот в свою очередь министру внутренних дел в феврале 1916 г. о том, что особое внимание следовало обратить внимание на положение переселенцев, которым предстояло засеивать поля следующей весной. Я.Г. Гололобов подчеркивал тяжелое положение

³²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 223. Л. 1–4; РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 161. Л. 2–8.

³²⁵ Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. ... С. 1–15.

³²⁶ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 691. Л. 32.

восточносибирской деревни, где хозяйства переселенцев в экономическом отношении являлись слабыми, большой удар по ним нанесли следовавшие одна за другой мобилизации, лишившие их работников. Выдачу денежных ссуд из фондов Переселенческого управления, а также оказание семенной помощи не производившим посева и не платившим продовольственного сбора переселенцам за счет сумм Общеимперского капитала признавал важными мерами для поддержания пошатнувшегося переселенческого хозяйства. При существовавшей дороговизне на продовольствие, промышленные товары и рабочие руки только в этом случае семьи переселенцев могли произвести небольшую запашку и приобрести самый необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Иначе можно было серьезно опасаться за будущее новоселов, которые с большим трудом обустроивались в непривычных для них климатических условиях Енисейской губернии³²⁷.

В декабре 1915 г. военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко запросил из Общеимперского капитала 125 000 рублей для оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая. Недобор хлеба в сравнении с потребностью населения составлял 29,3 %. Губернатор отмечал, что при обычных условиях «население привыкло само отыскивать выход из того или иного хозяйственного затруднения, не полагаясь на какую-либо постороннюю помощь», но с учетом военных обстоятельств, положение сельских домохозяйств было тяжелым. Во-первых, даже по минимальным расчетам 40 % хозяйств остались совсем без взрослых работников-мужчин. Во-вторых, Забайкальская область не только в средние по урожайности годы, но и в годы урожайные хлеб ввозила из Западной Сибири³²⁸.

В Якутской области областное правление отличалось по своему устройству и функциям: оно объединяло все отрасли управления (за исключением судебной), заменяло собой казенную плату, губернские присутствия по крестьянским,

³²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 399. Л. 37–39.

³²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 96; РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 138.

городским, воинским делам, учреждения земские, земледелия, государственных имуществ и даже тюремную инспекцию. Если в других регионах губернская администрация занималась продовольственными вопросами только в периоды неурожаев, то чиновники областного управления Якутии решали продовольственные вопросы ежегодно и, кроме хлеба, должны были создавать запасы сена, рыбы, соли, а также заниматься снабжением местных промысловиков оружием, порохом, свинцом и другими товарами, считавшимися здесь предметами первой необходимости. Областное правление вело заготовки интендантского провианта для пайкового довольствия казаков, обеспечивало доставку продуктов и товаров в отдаленные и практически не имевшие дорог Верхоянский и Колымский округа. Причем все продовольственные операции вел один делопроизводитель и его помощник под руководством советника, на которого также ложились обязанности по налоговым сборам, почтовой и обывательской гоньбе, канцелярии воинского присутствия. Ежегодно они отчитывались перед иркутским казначейством³²⁹.

В журнале общего присутствия Якутского областного управления от 18 июня 1916 г. было отмечено: «Специальных органов, которые бы были предназначены выполнять столь сложную и ответственную задачу, как ведение продовольственной кампании, в области нет, и всю работу, начиная с разработки материалов подворного обследования домохозяйств, пострадавших от неурожая, приходится возлагать сверх обычных обязанностей на кого-либо из чинов областного управления. Найти же на время кампании особе лицо для ведения делопроизводства и отчетно-бухгалтерской части очень затруднительно, не говоря уже о том, что это вызвало бы большие расходы»³³⁰. Хотя размеры операций по снабжению населения области хлебом были сравнительно небольшими, особенности местных условий крайне усложняли работу, поскольку требовали большого внимания и труда со стороны привлеченных к ней

³²⁹ Бурнашева Н.И. Становление и развитие государственной системы продовольственной безопасности в Якутии в XIX веке // Научный диалог. 2020. № 2. С. 308–321.

³³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 398. Л. 96 об.

должностных лиц. Вследствие удаленности области от столицы, отсутствия дорог, разбросанности поселений как сведения с мест, так и распоряжения высших правительственных учреждений поступали с большим опозданием, поэтому подлежали к немедленному исполнению. Распоряжения областной администрации также было необходимо выполнять столь же спешно, чтобы они не оказались запоздавшими или невыполнимыми. Таким образом ведение делопроизводства по продовольственным вопросам в области являлось сложной и ответственной работой, которая велась без выходных и праздников.

В отчете для Управления сельской продовольственной части Министерства внутренних дел от 28 января 1916 г. губернатор Р.Э. Витте сообщал, что в 1914 г. в Якутской области к средствам Общеимперского капитала прибегать не пришлось. Отдельным нуждавшимся домохозяйствам оказывалась помощь в виде ссуд из общественных хлебозапасных магазинов³³¹. В августе следующего 1915 г. ранние заморозки уничтожили урожай хлебов в Якутском и Олекминском округах. Неурожай 1915 г. застал крестьянские хозяйства в крайне тяжелом положении, потому что в предыдущие годы складывался целый ряд неблагоприятных обстоятельств: неурожай в 1910 г., 1911 г., 1912 г., частично в 1913 г., наводнения в 1914 г. и 1915 г. В результате наводнений у крестьян были разрушены дома, постройки, испорчены пахотные и сенокосные угодья. Правительственная помощь оказывалась, но лишь в таких объемах, чтобы снять наиболее острую нужду, основные убытки население покрывало за счет собственных средств. Однако на этот раз крестьяне не могли обойтись своими силами: многие не имели средств на закупку семенного и продовольственного хлеба. Прошлогодних запасов семенного зерна хорошего качества в пределах области закупить было невозможно.

К концу лета 1915 г. участники якутского окружного инородческого съезда обратились к губернатору с просьбой начать продажу хлеба для бедноты из казенных магазинов. Они выражали опасения, что из-за отсутствия семенного и

³³¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 136. Л. 1–2.

продовольственного хлеба сельские инородцы вырежут скот и не смогут засеять поля будущей весной. Р.Э. Витте распорядился продавать хлеб пострадавшим³³².

Губернатор был обеспокоен, что весной подавляющему числу домохозяйств нечем будет засеять пашню, начнется «громадное» сокращение посевной площади. Требовалось отправлять представителей для закупки семенного и продовольственного хлеба в Иркутскую губернию, а затем организовывать доставку и продажу по заготовительной стоимости на местах. Обследование положения нуждавшихся в помощи домохозяйств началось, но было прервано из-за осенней распутицы и бездорожья. 28 августа 1915 г. Р.Э. Витте через иркутского генерал-губернатора запросил из Общеимперского капитала 50 000 рублей. 5 сентября ему уже был перечислен аванс в 25 000 рублей, 24 ноября 1915 г. он получил еще 97 500 рублей, затем 33 750 рублей, и в феврале 1916 г. последовала последняя выплата в 14 300 рублей, всего на сумму 170 550 рублей.

Управление сельской продовольственной части выделяло средства незамедлительно, однако администрация Якутской области уже не успевала закупить и ввести хлеб до закрытия навигации. Губернатор искал возможности закупки в Иркутской губернии сначала через купцов, которые обычно занимались хлебными поставками в Якутию (Мишарина, Фризера, Штабинского), а затем распоряжением генерал-губернатора дело было поручено одному из сотрудников иркутского губернского управления. До начала сплава по Лене удалось приобрести 16 100 пудов продовольственного и 6 000 пудов семенного зерна: «Хлеб получен был на местах ко времени посева без опоздания, и что особенно важно, зерно оказалось по всем отзывам хорошего качества»³³³ (Приложение 2). Однако хлеб обошелся не по 2 рубля 50 копеек – 2 рубля 70 копеек, как изначально планировалось, но гораздо дороже – 3 рубля 26 копеек продовольственный и 3 рубля 32 копейки – 3 рубля 80 копеек семенной. Ввезти

³³² К мучному кризису в улусах // Ленский край. 1915. № 61. С. 1–2.

³³³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 6.

его удалось только 10–15 мая 1916 г., когда в Якутский округ приходили первые пароходы с верховьев Лены³³⁴.

В ноябре 1915 г. и январе 1916 г. Р.Э. Витте ходатайствовал перед председателем Особого совещания по продовольствию о разрешении реквизировать хлеб в Якутске и Якутском уезде. 30 января 1916 г. таковое было получено, и тогда же полицейские начали опись и принудительный выкуп муки ржаной, пшеничной, крупчатки и зерна у торговых фирм, комиссионеров и крестьян. Последним оставляли зерно на предстоявший весенний сев, питание и корма для скота на год. В результате было реквизировано 8 745 пудов 35 фунтов зерна, которое поступило в продажу. Местное продовольственное совещание признало также необходимым введение карточек на муку и хлеб в Якутске. Такую работу провели сотрудники городского общественного управления при участии обывателей и полицейских. Комиссия в составе трех гласных производила учет потребности каждой семьи. Месячный отпуск муки на каждого взрослого человека был определен, в виду незначительности запасов, в 19 фунтов. Норма признавалась низкой, однако отмечалось, что при всем желании увеличить ее не представлялось возможным. При этом расчет был на то, что недостаток хлеба население будет компенсировать самостоятельно мясом, рыбой, грибами, ягодами и др. Более состоятельные горожане не имели права приобретать реквизируемый хлеб³³⁵. Нуждавшемуся населению Якутского округа хлеб выделял окружной продовольственный комитет, а в экстренных случаях – окружной исправник. Благодаря предпринятым мерам населению Якутска и Якутского округа удалось дожидаться навигации весной 1916 г. и подвоза новых партий хлеба: «Ни заболеваний, ни каких либо эксцессов в это время не наблюдалось»³³⁶.

Серьезные проблемы с пополнением казенных хлебозапасных магазинов регион начал испытывать осенью 1916 г. В отношении доставки товаров Якутская

³³⁴ РГИА. Ф. 1291 Оп. 132 Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 398. Л. 6, 79.

³³⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 6–7 об.

³³⁶ Там же.

область и ранее находилась в совершенно особых условиях – их ввозили только летом и только водным путем. Стоимость зимней доставки была настолько высока, что купцы приобретали только дорогие товары для обеспеченных категорий населения. Если какие-то промышленные изделия или продукты массового потребления ввозились летом в недостаточном количестве, то весной их стоимость поднималась до баснословных размеров. С некоторыми округами сообщение было затруднено даже летом (например, Колымским), весной и осенью в период распутицы и вовсе прекращалось. В конце 1916 г. прекратился подвоз хлеба из Западной Сибири в Иркутск, где традиционно делались закупки для Якутии, значительно увеличилась стоимость как самого хлеба, так и его доставки. В то же время непрерывно увеличивался и спрос из-за неурожая предыдущего года. Население северных наслегов усиленно скупало хлеб на рынках Якутска.

Третьим направлением деятельности уполномоченных Особого совещания по продовольствию в Восточной Сибири стал контроль и координация деятельности органов городского управления по снабжению горожан. Согласно Городовому положению 1870 г. городские общественные управления занимались вопросами хозяйственного развития и благоустройства. В числе прочего их обязанностью было поощрение развития торговли и промышленности, а также забота о благосостоянии горожан, что подразумевало и осуществление мер по продовольственному снабжению. Для исполнения своих постановлений городские власти прибегали к помощи полиции, формально им не подчиненной. Губернаторы через Губернские по городским делам присутствия осуществляли общий надзор за законностью их действий. Городовое положение 1892 г. расширяло права губернатора – он утверждал важнейшие постановления городских дум, имел право на их отмену. В то же время городской голова, городской секретарь и члены управы были причислены к состоявшим на государственной службе чиновникам, что свидетельствовало о постепенном сращивании государственных и общественных органов управления.

С первых же дней войны городские власти должны были регулировать цены на продовольствие и товары первой необходимости, обеспечивать подвоз на местные рынки хлеба, мяса и другой сельскохозяйственной продукции, принимать меры против спекуляции. С течением времени дефицит и дороговизна продуктов питания росли, для решения вопросов, связанных со снабжением населения, требовалось их курирование на постоянной основе и привлечение все больших ресурсов. В соответствии с законодательством в чрезвычайных случаях городские думы имели право учреждать особые исполнительные комиссии, поэтому в течение первого военного года в городах Восточной Сибири при думах и управах стали создаваться продовольственные комиссии.

Ранее всего продовольственная комиссия была создана при иркутской городской управе – 23 июля 1914 г. Генерал-губернатор и иркутский губернатор уделяли особое внимание ситуации с продовольствием в этом городе. Иркутск являлся центром генерал-губернаторства, здесь были расквартированы войска Иркутского военного округа, находились административные учреждения, благотворительные, научные, общественные организации, банки, учебные заведения. По данным полиции в 1914 г. в Иркутске проживало более 100 000 человек, т.е. около 18 % населения губернии или 85 % от численности горожан губернии. К тому же, город представлял собой крупный товарно-распределительный пункт – отсюда купцы отправляли товары дальше на восток по железной дороге, часть – по Ленскому сплаву в золотопромышленные районы и Якутию³³⁷.

Вопрос о создании продовольственных комиссий зависел от размеров города, его бюджета и состава городского управления. Из-за невысокой плотности населения, недостаточности городских средств, слабого развития торговли и промыслов в новый порядок управления по Городовому положению 1892 г. в полном объеме вводился только в тех городах Восточной Сибири, где население составляло более 10 тыс. человек, а бюджет превышал 25 тыс. рублей.

³³⁷ Обзор Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск, 1916. С. 34.

Фактически продовольственные комиссии действовали только в губернских центрах и некоторых уездных городах. В остальных городах устанавливалась упрощенная система управления: сход домохозяев (владевших недвижимым имуществом стоимостью не менее 100 рублей) избирал городских уполномоченных – 12–15 человек, а те назначали старосту с 1–2 помощниками. Либо с разрешения министра внутренних дел обязанности управы возлагались единолично на городского голову и его помощника³³⁸. Действовала закономерность: чем дальше на восток, тем больше там было малонаселенных городов со слабыми бюджетами, не позволявшими содержать органы городского управления. Так, в Енисейской губернии упрощенное управление устанавливалось – в Канске, Ачинске, Минусинске, в Туруханске городской староста и два его помощника назначались приказом губернатора; в Иркутской губернии – в Киренске, Балаганске, Илимске, в Верхоленске и Нижнеудинске обязанности управы выполнял городской голова; в Забайкальской области – в Нерчинске, Акше, Баргузине, Селенгинске. В таких городах вопросами продовольственного снабжения горожан занимались староста с помощниками, действия которых отличались инертностью, качество принимавшихся решений было низким. Среди них преобладали представители мещанства, по уровню своего образования, правовой культуры и гражданского самосознания не готовые работать в системе административно-управленческих органов.

В Якутской области сложилась особая ситуация. Городовое положение действовало лишь в Якутске, в 1906 г. было введено упрощенное положение в Вилуйске и возбуждено ходатайство о введении такового в Олекминске. При сравнительно высоком имущественном цензе, который требовался от избирателей и низкой стоимости недвижимости в области, круг городских обывателей, которые могли принимать участие в выборах, был очень ограничен. В результате в окружных городах (Олекминске, Верхоянске, Вилуйске, Средне-Колымске)

³³⁸ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 351 с.

функции органов городского самоуправления выполняли местные полицейские управления. Финансовое положение этих городов не позволяло им вести сколько-нибудь серьезную работу в отношении благоустройства города и развития торговли. Так, ежегодные доходы Вилюйска и Олекминска составляли всего несколько сотен рублей. Бюджет областного города – Якутска – достигал 50 000 рублей, однако из этой суммы примерно половина уходила на обязательные расходы (по воинской повинности, содержанию полиции и др.), другая половина – на содержание городской управы, учебных заведений, расквартирование воинских частей³³⁹.

В начале 1915 г. в Якутске был образован Областной продовольственный комитет, в который вошли губернатор, вице-губернатор, старший советник областного управления, якутский городской голова, гласные городской думы и члены управы, представители торговых фирм. Создание продовольственных комитетов в городах области Р.Э. Витте признал мерой излишней: «Означенные города, весьма малолюдные, в торговом отношении находятся в полной зависимости от областного города Якутска; непосредственных сношений с торгово-промышленными центрами Европейской России не ведут, довольствуясь отделениями фирм, торгующих в городе Якутске. При таком положении отмеченное выше обеспечение населения предметами первой необходимости, находящееся в зависимости от ожидаемых сплавов по реке Лене разного рода грузов, надо понимать в широком смысле, так как окружные города будут снабжены всем необходимым местными отделениями якутских торговых фирм. Ввиду этого образование в области одного областного комитета представляется вполне достаточным»³⁴⁰.

Первой мерой, которую стали применять продовольственные комиссии городов Восточной Сибири, стала таксировка цен. Таксы вводились первоначально только на сахар, хлеб и мясо, затем были распространены на

³³⁹ Отчет Якутского губернатора Крафта ... С. 88–89.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 1288. Оп. 9. Д. 66. Л. 46

крупчатку, масло, сало, овощи, рыбу и др. У системы таксирования цен было множество недостатков. Временной промежуток между выработкой таксы и ее утверждением губернатором мог составлять более месяца, поэтому они быстро отставали от роста рыночных цен. При установлении такс власти фиксировали стоимость продукта или товара в месте его производства, не учитывая расходов по его транспортировке, затрат торговцев (промысловый, арендный, процентный налоги, оплата за погрузку, фасовку товара и т.д.). Купцы, приобретавшие новые партии товаров по повышенным ценам, для возврата затраченного капитала вывозили их туда, где такса была выше. Поскольку в губерниях никто не вел учета запаса продуктов, часто оказывалось так, что вывозились не излишки, а запасы, необходимые местному населению (Приложение 5).

В отдаленных северных территориях, куда доставка товаров была сопряжена со значительными сложностями, торговцы просто переставали выпускать их продажу. Так, когда в июне 1915 г. в Якутске губернатор Р.Э. Витте утвердил таксу на продукты (хлеб, муку, крупчатку, а также мясо, сало, крупы, чай, сахар, соль, масло, яйца), крупные торговые фирмы отказались вести торговлю (Приложение 1. Таблица 10). На продовольственном совещании 23 июня 1915 г. представители торговых фирм утверждали, что приобретение новых партий товаров обходилось каждый раз все дороже. Если кому-то из купцов удавалось купить товар дешевле остальных, при установлении такс ориентироваться на такие отдельные случаи нельзя. Резко сократится и подвоз товаров в Якутскую область, поскольку в Иркутской губернии, где они делали оптовые закупки, цены непрерывно росли. Вице-губернатор В.И. Курилов ознакомился с ценами и выразил сомнение в том, что они убыточны. По его распоряжению каждая торговая фирма была оштрафована на 300 рублей, однако они и в дальнейшем отказывались выпускать в продажу свои товары³⁴¹.

³⁴¹ К нормировке цен // Якутская окраина. 1915. № 132. С. 3; Штрафы // Якутская окраина. 1915. № 133. С. 3; Никифоров В. Письмо в редакцию // Якутская окраина. 1915. № 133. С. 3.

С течением времени система таксирования превращалась в формальность, то есть торговцы не соблюдали таксы, а власти их за это не преследовали. Во многих случаях таксы подвергались частому пересмотру в сторону повышения, они просто фиксировали уровень рыночных цен. В результате уже в 1915–1916 гг. многие сибирские города отменяли таксы. Более эффективной мерой в борьбе с дефицитом и дороговизной продовольствия стала практика оптовой закупки продуктов питания и их реализации населению без спекулятивной наценки.

Согласно постановлению Особого совещания по продовольствию от 15 сентября 1915 г. для осуществления продовольственных закупок города и земства могли получать займы в частных кредитных учреждениях под правительственные гарантии, а в случае отказа в выдаче кредита воспользоваться казенной ссудой под 6 % годовых. Ходатайство от города должно было содержать описание предполагаемой закупки (вначале передавалось губернатору, который в течение двух дней отправлял его на рассмотрение совещания представителей местных отделений банков), действующую смету, расчет предполагаемых затрат, сведения о том, какие кредитные учреждения согласны предоставить средства. Если Особое совещание одобряло ходатайство, Министерство финансов выдавало поручительное письмо для кредитора. Срок возврата ссуды составлял не более полугода после окончания войны. Каждые три месяца города должны были отчитываться о том, как шли закупочные операции. Главной целью таких закупок было регулирование цен на продукты питания и восполнение их нехватки. Продукты выпускали в продажу в тот момент, когда цены на местном рынке поднимались слишком высоко или когда наступал особенно острый дефицит³⁴².

Суммы, которые запрашивали восточносибирские города, были небольшими и рассчитывались примерно. Городские власти ранее не вели точного учета, сколько продовольствия потребляли горожане. Гласные считали,

³⁴² Правила предоставления гарантий Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет // Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 1. СПб., 1916. С. 27–31; Кредитование городов на продовольственные нужды // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 15. С. 16–17.

что обеспечить их всеми необходимыми товарами просто невозможно, и видели основную задачу лишь в том, чтобы избежать «чрезмерного» роста цен, создать некоторый продуктовый запас для снабжения населения города в течение месяца-двух и выпускать его в продажу по мере необходимости. Вначале закупочные операции ограничивались хлебом, но затем ассортимент товаров был увеличен за счет сахара, мяса, масла, соли и других продуктов.

Особое совещание по продовольствию неохотно одобряло кредиты восточносибирским городам, полагая, что в тыловых аграрных регионах цены на продукты питания «относительно невысокие». Сроки рассмотрения заявок и получения ссуд были длительными. Однако собственных средств на закупочные операции у городов не было, частные банки кредиты практически не предоставляли. Так, в Красноярске созданная в мае 1915 г. продовольственная комиссия запросила ссуду в размере 153 000 рублей, через полгода был получен ответ о том, что городу была одобрена ссуда в размере 100 000 рублей. В декабре 1915 г. на заседании Енисейского губернского совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу было решено просить для Красноярска еще 400 000 рублей (100 000 рублей на заготовку мяса и 300 000 на закупку муки, сахара, соли, круп). В составленном прошении красноярский городской голова писал губернатору, что спрос на продукты питания усилился, поскольку население города увеличивалось за счет беженцев, военнопленных, войск, а цены быстро росли. Главные доходные статьи Красноярска (оценочный сбор, сбор с трактиров, плата за аренду торговых лавок и др.) значительно уменьшились, в то время, как городские расходы (на медикаменты, топливо, фураж, строительные материалы и др.) значительно возросли. Наряду с этим на город легли большие расходы по воинской квартирной повинности и по выдаче пособий семьям призванных. Запасные капиталы были полностью исчерпаны на военные нужды за предыдущий период. Других источников, которые можно было бы употребить на борьбу с дороговизной, и на обеспечение городского населения продовольствием не имелось: «Финансовое положение города Красноярска, как

видно из поименованных выше сведений, не позволяет уделить даже самой ничтожной суммы на борьбу с дороговизной и на заготовление предметов продовольствия»³⁴³. Особое совещание постановило предоставить Красноярску ссуду в размере 300 000 рублей, рекомендовав отказаться от закупок мяса, поскольку, по мнению столичных чиновников, ситуация на мясных рынках в Енисейской губернии обстоит вполне благополучно³⁴⁴.

Власти Читы для осуществления закупочных операций сначала самостоятельно пытались получить займы в местных отделениях Русско-Азиатского и Сибирского Торгового банка без гарантий государственного казначейства. Однако попытки не увенчались успехом: «В виду категорического отказа указанных банков от субсидирования города, городское самоуправление, при его крайне затруднительном финансовом положении, лишено возможности взять на себя снабжение городского населения мясом и таким путем способствовать удержанию цен на этот продукт от чрезмерного повышения»³⁴⁵. В январе 1916 г. город запросил у Особого совещания по продовольствию одобрить ссуду в 120 000 рублей на мясные операции. Под влиянием растущего дефицита городская дума решила расширить муниципальные заготовки за счет соли, рыбы, масла, картофеля. В сентябре 1916 г. читинская продовольственная комиссия направила в Особое совещание еще одно ходатайство о предоставлении ссуды еще на 80 000 рублей, и в Министерство финансов прошение обеспечить гарантиями на заем у местных банков в размере 50 000 рублей. Однако на заседании читинской городской думы гласный Д.И. Ротернштерн представил проект ходатайства о предоставлении новой ссуды на закупку продовольствия для города на 1 500 000 рублей. По этому вопросу развернулась дискуссия. Многие гласные утверждали, что не стоит даже отправлять ходатайство, потому что Особое совещание не одобрит кредит на такую большую сумму. Другие возражали, что просить меньше не имело смысла – цены росли стремительно. Для

³⁴³ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 691. Л. 1–42.

³⁴⁴ Хроника красноярского городского общественного управления // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 14. С. 33.

³⁴⁵ ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 об.

создания продовольственного запаса на два-три месяца даже полутора миллионов рублей могло оказаться недостаточно: «Дороговизна жизни, обострившаяся в течение первого года войны, стала особенно невыносимой в течение второго года войны. Третий год войны знаменует собой такую бешеную скачку цен на предметы первой необходимости, что она становится угрожающей. Цены на продукты продовольствия за последние 6–8 месяцев 1916 г. в отличие от прошлогодних цен повышаются чуть ли не ежедневно. Положение стало весьма серьезным и критическим и требует самого серьезного и пристального внимания со стороны городского самоуправления»³⁴⁶

Разработанный Д.И. Ротернштерном план закупочных операций одобрил продовольственный комитет города, на заседании 18 ноября 1916 г. его приняла читинская городская дума. После обсуждения и небольшой доработки было принято решение ходатайствовать в Особое совещание о предоставлении займа в размере 1 834 950 рублей: «Исчисленная выше Комитетом сумма, необходимая городу на продовольственные операции, не должна казаться чрезмерной, так как при затяжном характере войны читинскому городскому самоуправлению придется играть все большую роль в продовольствии Читы»³⁴⁷. Ответ пришел 23 января 1917 г. Чите была одобрена гарантия государственного казначейства на заем у частных банков в размере 400 000 рублей.

Городские продовольственные комиссии стремились приобретать сельскохозяйственную продукцию непосредственно у производителей (крестьянин) и не платить перекупщикам. Однако они не располагали необходимыми для этого налаженными связями и торговой инфраструктурой: отправлять агентов для скупки в различные села было дорогим мероприятием, для хранения товаров пришлось бы нанимать на местах амбары и склады, искать транспорт для перевозки. Содержание муниципальных складов и магазинов было делом невыгодным – слишком мало товаров закупалось для развития

³⁴⁶ ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Л. 164–168.

³⁴⁷ Там же. Л. 166.

стационарной торговли. В результате по примеру других российских городов продовольственные комитеты прибегали к помощи кооперативов. С течением времени это сотрудничество органов городского самоуправления и кооперации все более усиливалось: «Потребительская кооперация в годы войны стала настолько привлекательной, что в большинстве городов к середине 1916 г. органы местного самоуправления использовали кооперативную сеть для распределения товаров среди горожан, а кооперативы осуществляли часть своих закупок через городские управы. При их тесном сотрудничестве стало возможным введение карточной системы для справедливого распределения наиболее дефицитных продуктов»³⁴⁸.

Численность потребительских кооперативов в стране и в Сибири в течение военного периода удвоилась, но в Восточной Сибири она росла еще быстрее: в январе 1914 г. в Енисейской губернии насчитывалось 52 потребительских кооператива, в июле 1916 г. – 131. В Иркутской губернии за этот же период их количество выросло с 24 до 112, Забайкальской области – с 67 до 156, Якутской – с 1 до 3³⁴⁹.

В Енисейске сложилась ситуация, когда потребительский кооператив «Самопомощь» практически взял на себя функции продовольственной комиссии, которую не смогли создать органы городского самоуправления. В начале XX в. город находился в состоянии экономического кризиса: железная дорога прошла намного южнее, промышленного производства здесь не было, население уезжало, торговля сокращалась. Дефицит городского бюджета принимал такие формы, что угрожал существованию самой администрации. Осенью 1914 г. городская управа подала одиннадцатое прошение в казенную палату губернии о списании недоимок и освобождении города от налога на содержание канцелярии уездного полицейского управления. Зимой 1914–1915 гг. от губернатора в Енисейск непрерывно шли «настоятельные рекомендации» принять участие в тех или иных

³⁴⁸ Запорожченко Г.М. Деятельность потребительской кооперации ... С. 73.

³⁴⁹ Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация ... С. 333.

общероссийских и региональных благотворительных сборах (по оказанию помощи больным и раненым воинам, сиротам, беженцам и др.), власти справлялись с этой задачей «кое-как» и только благодаря пожертвованиям местных купеческих семей. Город встречал зиму без достаточного запаса дров, не на что было купить овес для пожарных лошадей. Служащие получали оклады частями и с задержками, городская управа докладывала енисейскому губернатору о том, что не имела возможности выплачивать жалованье городовым. Губернатор прислал ответ, в котором пригрозил, что в случае, если городовые не получат деньги, он отправит в отставку городского голову и управу в полном составе. Городская дума выразила «солидарность и сочувствие» управе, гласные высказались в том смысле, что готовы немедленно сложить с себя полномочия. При таком дефиците бюджета не находилось желающих работать в думе, нередкими были случаи отказа от звания гласного, при решении важных вопросов не набирался кворум, в отставку уходили целые комиссии³⁵⁰.

В борьбе с дороговизной продуктов питания городские власти не проявляли инициативы. М.И. Миндаровский вспоминал, что дума не имела средств на продовольственные операции. Члены кооператива «Самопомощь» самовольно назначили «экстренное» заседание городской думы на 1 сентября 1915 г. Они лично составили отряд добровольцев, который доставлял на заседание думы гласных. Обсуждался вопрос о предоставлении кооперативу ссуды в размере 5 000 рублей. В результате дискуссий было решено выделить эту сумму из городского продовольственного капитала, составленного из благотворительных пожертвований местных купцов. На эти деньги кооператив начал закупочные операции для горожан. Первый же год работы завершился с хорошей прибылью, что позволило вернуть ссуду. Потребительский кооператив работал вплоть до конца 1917 г.

Еще одним важнейшим направлением деятельности уполномоченных Особого совещания по продовольствию в Восточной Сибири стал вопрос о

³⁵⁰ Енисейск // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 11. С. 35.

снабжении рабочих золотопромышленных предприятий, поскольку он был связан с общей стратегической задачей не допустить снижения объемов добычи золота. Начало военных действий повлекло огромные финансовые затраты, стране требовались средства на вооружение, различные пособия населению, перестройку отдельных отраслей экономики и т.д. В 1914 г. военные расходы России составили 2 546,1 млн рублей, в 1915 г. – уже 9 374,9 млн рублей, в 1916 г. – 15 267,0 млн рублей. Государственный долг с июля 1914 г. по 1 января 1917 г. вырос до 33 580,8 млн рублей³⁵¹. Между тем золотодобывающие предприятия испытывали влияние ряда неблагоприятных обстоятельств. Золотопромышленники лишились возможности приобретать оборудование. Германия, которая ранее поставляла локомобили, паровые машины, электродвигатели, химикаты, прекратила торговлю с Россией. Доставка драг, компрессоров, буровых станков из США и Англии резко подорожала. Изменились условия сбыта золота – уже в 1914 г. курс рубля начал падать, свободный обмен кредитных билетов на золото был прекращен.

Владельцы золотых приисков заявляли о кризисе отрасли, правительство предпринимало меры, которые должны были способствовать ее развитию. В 1915 г. государство признало золотопромышленность отраслью, работающей на оборону, занятые в ней рабочие и служащие стали освобождаться от призыва. С владельцев приисков был снят ряд налогов и сборов, они получили разрешение нанимать корейских и китайских рабочих. В мае 1916 г. принят закон о беспошлинном ввозе драг, экскаваторов и оборудования.

Между тем из-за обесценивания рубля сами золотопромышленники искали способы уклониться от сдачи золота в Государственный банк, сбывать его частным банкам или лицам. Так, в июне 1916 г. помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления в Киренском и Верхоленском уездах ротмистр Н. Константинов направил секретное донесение на имя А.И.

³⁵¹ Ершова Т.В. Золотой запас России накануне и во время Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2012. № 2 (10). С. 42.

Пильца и начальника иркутского губернского жандармского управления Н.И. Балабина. Он сообщал, что на Надеждинском прииске управляющий инженер В.Н. Журин получил негласное распоряжение от главного управления Ленского товарищества не допускать перевыполнения обычной нормы добычи золота. Согласно этому распоряжению главная промысловая контора сократила работы на самых богатых пластах. Более того, в Бодайбинское отделение Государственного банка сдавалось не все добытое золото. Его сплавляли в пудовые кирпичи и через почтовое отделение прииска Надеждинского отправляли посылками с объявленной ценностью в 500 рублей в Петроград на адрес Главного правления акционерного общества, одновременно производя страхование каждой такой посылки согласно ее фактической стоимости (28 000 рублей). Только в течение первой половины 1916 г. была отправлена 81 такая посылка на сумму 2 268 000 рублей. Подобное отношение руководства «Лензолото» к интересам государства в период войны вызывало негодование местных жителей и рабочих, которые покидали прииски со словами «лучше будем проливать кровь за родину, чем гнить на работах ленцев»³⁵².

Съезды советов золотопромышленников высказывались категорически против введения монополии государства на операции с золотом. Они считали, что в таком случае Государственный банк должен был им платить за золото по курсу английской или американской валюты. Лишь через год после начала войны последовал указ о запрете частным лицам вывозить за границу золото в слитках, монетах, и только в 1917 г. правительство попыталось отменить свободное обращение золота внутри страны.

В Восточной Сибири в военный период к традиционным сложностям продовольственного снабжения населения Ленско-Витимского района (обусловленным отсутствием железнодорожного сообщения, коротким навигационным периодом, трудностями судоходства из-за мелководья в верховьях Лены) добавились новые. Во-первых, значительно подорожала

³⁵² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 48–49.

доставка продуктов питания. Осенью 1914 г. перевозчики резко подняли плату за транспортировку грузов. За 1914–1916 гг. стоимость доставки увеличилась почти в три раза. Как поясняли торговцы и перевозчики, главной причиной подорожания стал дефицит рабочих рук и лошадей, вызванный мобилизациями³⁵³. В-вторых, сократился подвоз продовольственных товаров из Западной Сибири в Иркутск из-за запретов уполномоченных Особого совещания и нарушения железнодорожного сообщения с западными регионами страны. Соответственно торговцы и представители приисков не могли делать там закупки в прежних объемах. В-третьих, особенно широкий размах приобрела спекуляция. Торговля на приисках и ранее носила ярко выраженный спекулятивный характер. Теперь же ограниченность торговых запасов, невозможность постоянного подвоза товаров и продуктов питания, желание владельцев приисков компенсировать расходы по содержанию рабочих, отсутствие потребительских кооперативов – эти и другие факторы создавали условия, при которых местное население попадало в полную зависимость от торговцев. Например, по сообщению газеты «Ленский край», «тон к взвинчиванию цен» задавало золотопромышленное предприятие «Мюллер и К». До начала военных действий оно успело запустить одну драгу, во время войны доставить остальное оборудование из Англии не представлялось возможным. Компания занялась торговлей, чтобы не работать в убыток. Несмотря на высокие цены, недостатка в покупателях не было из-за отсутствия других торговцев в этом районе³⁵⁴.

Уже осенью 1914 г. торговцы из Бодайбо стали придерживать свои товары от выпуска на рынок, предполагая продать их подороже. Им было известно, что администрация Ленского золотопромышленного товарищества не успела осуществить продовольственные заготовки в полном объеме до начала войны, а также осуществить вывоз закупленных продуктов из Иркутской губернии. Ленскому товариществу пришлось обратиться к Ленской сплавной ярмарке, где

³⁵³ К.А. Отчего вздорожали товары? // Ленский край. 1915. № 68. С. 1–2.

³⁵⁴ Дороговизна на приисках // Ленский край. 1916. № 60. С. 1–2.

торг производился прямо с судов (паузков, карбазов и т.п.) в населенных пунктах по пути следования. В результате жители поселений, которые обычно закупали там продукты в объемах своей годовой потребности, остались ни с чем. Разумеется эта ситуация отразилась на ценах во всем Приленском крае³⁵⁵.

Иркутский губернатор А.Н. Юган распорядился утвердить таксы на продовольственные товары в Бодайбо. Однако купцы посчитали их слишком низкими и отказались торговать не только по таксам, но и вообще. В феврале 1915 г. на заседании иркутского губернского управления староста Бодайбо озвучил отказ торговцев закупать продукты для последующей их реализации на территории золотодобывающего района. Губернской администрации удалось заключить договоры на поставку продуктов питания с иркутскими купцами, которые согласились работать по фиксированной норме торговой наценки. По просьбе и при содействии губернатора заготовкой продуктов питания и доставкой их на прииски занимались также Бодайбинское потребительское общество и Совет съезда золотопромышленников Ленского и Витимского горных округов³⁵⁶.

Зимой 1914–1915 г. губернатор решил приступить к реквизиции продовольственных товаров (сахара, хлеба, крупчатки и масла). Специально созданная комиссия (в составе податного инспектора Бодайбинского участка Н.С. Николаева, представителей городского самоуправления, потребительского общества, Совета съезда золотопромышленников, торговцев и полиции) приступила к работе: определяла численность населения, необходимое количество продовольствия, осуществляла реквизиции. Местные купцы были недовольны, неоднократно направляли жалобы генерал-губернатору, в то время как иркутский губернатор высоко оценивал ее работу: «Комиссия, напряженно работая в сторону устранения возможности каких бы то ни было эксцессов, обычно вызываемых реквизицией в области продовольственного дела, вполне удовлетворительно справилась с порученной ей задачей»³⁵⁷ (Приложение 3).

³⁵⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 30 об.

³⁵⁶ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 700. Л. 76.

³⁵⁷ Там же. Л. 31.

В июне 1915 г. А.Н. Юган выезжал на Мачу. На созванном им совещании обсуждался вопрос о развитии мелкой золотопромышленности, основными проблемами которой стали сокращение объемов добычи золота и численности рабочих после начала войны в 3–5 и более раз. Среди главных причин были названы призыв запасных в действующую армию и подорожание продуктов питания: «Например, пуд соли на Маче стоит 1 р[убль] – 1 р[убль] 20 к[опеек], пуд ржаной муки – 1 р[убль] 60 к[опеек] – 1 р[убль] 80 к[опеек], провоз же 1 пуда на прииска нередко обходится до 2 руб[лей]»³⁵⁸. Общие жалобы владельцев и арендаторов приисков вызывала низкая такса, установленная горным инженером на продукты для рабочих, опускавшиеся из запасов золотопромышленников. Фактически им самим приходилось закупать продукты намного дороже установленной таксы³⁵⁹.

Очередной съезд золотопромышленников Ленского и Витимского горных округов в Бодайбо состоялся 24 февраля – 1 марта 1915 г. Его участники приняли решение ходатайствовать в Особое совещание по продовольствию о том, чтобы владельцы приисков имели возможность закупать продовольствие по таксированной стоимости, а реквизиции не затрагивали запасы приисковых компаний³⁶⁰.

Летом 1916 г. А.Н. Юган посетил Бодайбо и прииск Надеждинский, ознакомился с условиями найма и проживания рабочих, провел ряд совещаний по вопросам обеспечения приисков Ленского золотопромышленного товарищества продуктами питания (Приложение 4). Обсуждались проблемы завоза в период навигации, обеспеченность населения Бодайбо и приисков продуктами питания. Выяснилось, что за весенний период было ввезено 8 648 пудов сахара, 8 504 пуда масла, 55 455 пудов ржаной муки, 29 640 кулей крупчатки, 115 554 пуда овса, 14 720 пудов сена. До конца навигации 1916 г. планировалась доставка еще 19 500 пудов сахара, 10 400 пудов масла, 14 800 ржаной муки, 18 700 кулей ржаной

³⁵⁸ Мелкая золотопромышленность // Ленский край. 1915. № 2. С. 1–2.

³⁵⁹ Мелкая золотопромышленность // Ленский край. 1915. № 4. С. 1–2.

³⁶⁰ Протоколы и постановления XV-го очередного Съезда золотопромышленников Ленского и Витимского горных округов: 24 февраля – 1 марта 1915 г., г. Бодайбо, Иркутской губернии. Иркутск, 1915. 436 с.

муки. Таким образом, предполагалось, что этого количества будет достаточно до открытия навигации 1917 г. На совещании, состоявшемся на прииске Надеждинском, выяснилось также, что в период с мая 1914 г. по май 1915 г. продажа продуктов рабочим, служащим, старателям и якутам из запасов Ленского товарищества не ограничивалась, в результате чего произошел некоторый перерасход припасов. В дальнейшем старателям и якутам запретили отовариваться в лавках компании³⁶¹.

Некоторые опасения участников совещаний вызывал тот факт, что, согласно плану начальника Главного штаба, летом 1916 г. ожидалась мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы. По Якутскому округу должны были призвать около 10 000 человек, которых после медицинского освидетельствования собирали на сборном пункте в Якутске. До отправки из округа их также следовало обеспечивать питанием. Однако все знали о том, какие сложности представляла для правительства перевозка такого количества людей в район действующей армии, а также содержание их на сборных пунктах, и надеялись на отмену приказа. С ходатайством отложить мобилизацию якутов обратилось в правительство «Лензолото»³⁶².

Губернатор запросил от приисковой администрации «Лензолото» сведения о количестве рабочих, старателей, численности нанимаемых на работы якутов для того, чтобы подсчитать необходимое для них количество продовольствия. Служащие товарищества ответили, что точными данными на этот счет не располагали, а их получение было связано со значительными затратами времени. Летом 1916 г. старатели начали покидать прииски, их численность к концу года должна была значительно сократиться. Количество нанятых на заготовку дров якутов зависело от нарядов на поставку леса. Предоставлять информацию о необходимых и уже закупленных продуктах питания администрация отказалась, посчитав это делом бессмысленным: при той экономической ситуации, которая

³⁶¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 35–38

³⁶² Дамешек Л.М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. № 7. С. 79–87.

складывалась в стране, было неизвестно, сколько и каких продуктов удастся закупить агентам товарищества, а также смогут ли они доставить их до конца навигации.

В целом по результатам продовольственных совещаний, проходивших непосредственно на приисках и в Иркутске в 1915 г. и 1916 г. иркутским губернатором было признано, что ситуация с продовольствием на приисках обстоит «удовлетворительно». Однако в навигацию этого года было необходимо обеспечить завоз продуктов на прииски на предстоящую зиму 1916–1917 г.³⁶³.

Между тем, серьезное беспокойство губернской администрации летом 1916 г. вызывало продовольственное снабжение не приисковых населенных пунктов тех же районов. Сокращение подвоза товаров из Западной Сибири привело к тому, что население Приленского края испытывало нехватку хлеба, крупчатки, сахара, масла. Самая тяжелая ситуация складывалась в отношении хлеба. В июне 1916 г. иркутский губернский продовольственный комитет обратился в Особое совещание по продовольствию с просьбой взять под особый контроль вопросы снабжения северных территорий Иркутской губернии. Комитет также направил телеграмму депутату Государственной думы С.В. Востротину с сообщением, что в текущем году сельское население не сможет обойтись хлебом местного урожая, даже сократив потребности до минимума и заменив хлеб различными суррогатами³⁶⁴.

На приисках Енисейского золотопромышленного района складывались практически аналогичные условия. В 1915 г. золотодобывающие предприятия были причислены к работающим на оборону, представители крупных компаний приобретали продовольствие в приоритетном порядке, наряду с такими организациями как Городской и Земский союзы, Российское общества Красного креста, военные заводы. В то же время положение мелких компаний и старателей значительно ухудшилось. Частные торговцы отпускали им товары только за

³⁶³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 34 об.

³⁶⁴ Продовольствие Ленского края // Иркутская жизнь. 1916. 5 июня. С. 5.

золото или наличные, кредит предоставлялся на жестких условиях – стоимость продовольствия назначалась произвольно, также осуществлялась оценка золота. Рабочие покидали такие прииски.

22 марта – 2 апреля 1916 г. состоялся Первый общегубернский съезд золотопромышленников Енисейской губернии. В работе съезда принимали участие губернатор Я.Г. Гололобов, вице-губернатор Л.П. Римский-Корсаков, доверенные крупных акционеров золотопромышленных компаний, главноуправляющие приисками, представители банков, железной дороги и др. На съезде обсуждалось положение золотопромышленности в связи с войной, обустройство дорог в золотопромышленных районах, налоги, способы увеличения золота и другие вопросы. Проблема продовольственного обеспечения специально не рассматривалась. Участники лишь отметили, что из-за большой дороговизны продовольствия в 1916 г. закупки для мелких золотопромышленников и старателей Енисейской губернии также пришлось осуществлять централизованно, через Совет золотопромышленников³⁶⁵.

В целом в течение военного периода добыча золота в Восточной Сибири держалась на стабильном уровне, спад начался в 1917 г. Так, в Енисейской губернии в 1914 г. прииска дали 208,53 пудов золота, в 1915 г. – 219,09, в 1916 г. – 209,47, в 1917 г. – 161,27. В Ленско-Витимской районе в 1914 г. было получено 870,33 пудов золота, в 1915 г. – 1 053,97, в 1916 г. – 900,61, в 1917 г. – 660,13³⁶⁶.

Деятельность губернаторов Восточной Сибири в качестве уполномоченных Особого совещания по продовольствию в осложнялась многими факторами, связанными с незавершенным освоением этой территории: зависимостью от ввоза продуктов питания из других регионов, высоким спросом на них со стороны переселенцев, огромными расстояниями между населенными пунктами при слабой транспортной инфраструктуре и др. Так, в декабре 1915 г. в своей докладной записке в адрес председателя Особого совещания А.И. Кияшко

³⁶⁵ Труды Первого общегубернского съезда золотопромышленников Енисейской губернии, 22-го марта – 2-го апреля 1916 года. Красноярск, 1916. 236 с.

³⁶⁶ Промышленность Енисейской губернии // Известия Енисейского Губпродкома. 1920. № 5. С. 11; Ленско-Витимский золотоносный район // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 3. С. 82.

отмечал, что в Забайкалье губернатор не мог опереться в своей работе на какие-либо общественные структуры, поскольку здесь не было земств, а потребительские кооперативы немногочисленны. Даже получение информации о состоянии продовольственного снабжения в той или иной местности при наличии всего одной железнодорожной магистрали, дефиците телеграфных линий и неразвитой сети почтовых учреждений, представляло значительную сложность. Серьезную проблему представляло отсутствие статистических организаций. Администрация просто не располагала точными данными о численности населения, необходимом количестве продуктов питания и фуража, посевных площадях, наличии торговых предприятий и др. Необходимые сведения подавались в спешке случайными людьми. Между тем без такого рода информации сложно было даже планировать работу по обеспечению продовольствием³⁶⁷.

Контролировал и координировал деятельность губернаторов в Восточной Сибири генерал-губернатор Л.М. Князев, с марта 1916 г. – А.И. Пильц. Продовольственный вопрос относился к числу приоритетных для генерал-губернатора в годы войны, однако объем его должностных обязанностей был чрезвычайно широким (он вел активную переписку с центральными и региональными органами власти, отвечал на запросы петербургских ведомств, совершал регулярные поездки по губернии и бывал в Петербурге, ревизовал губернские и окружные присутственные места и воинские части, содействовал благотворительным и просветительным начинаниям и т.д.)³⁶⁸.

Ежемесячно генерал-губернатор знакомился с письменными отчетами губернаторов о снабжении продовольствием населения на вверенных им территориях, изменении общественных настроений под влиянием ухудшения продовольственной ситуации, но фактически и его полномочия в этой области были весьма ограничены. Так, когда в конце 1916 г. обострился вопрос подвоза

³⁶⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 694. Л. 18–22.

³⁶⁸ «Господин главный начальник края: история Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств». Иркутск, 2013. 83 с.; Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 22–30.

продуктов питания в восточносибирские города по железной дороге, население ожидало от А.И. Пильца решительных действий. Каждый день он получал огромное количество заявок, ходатайств, прошений принять меры к урегулированию перевозок. 14 декабря 1916 г. в газете «Иркутская жизнь» было опубликовано обращение А.И. Пильца к жителям губернии с разъяснениями: «Многие учреждения и частные лица нередко обращаются к Главному начальнику края с просьбами об оказании им возможности к удовлетворению той или иной продовольственной нужды, полагая, по-видимому, что начальник края имеет власть сделать распоряжение о предоставлении вагонов и разрешении вывозки предметов продовольствия. Между тем во время войны целым рядом узаконений продовольственное дело возложено на Министерство земледелия и его различных уполномоченных, не подчиненных в продовольственном отношении генерал-губернатору. Поэтому Главный начальник края по всем этим ходатайствам имеет возможность оказывать лишь содействие, путем передачи таких просьб на распоряжения уполномоченных или обращения к ним со своей стороны с соответствующими просьбами, так как только от них, а не от генерал-губернатора зависит разрешение дела»³⁶⁹.

³⁶⁹ От канцелярии иркутского генерал-губернатора // Иркутская жизнь. 1916. 14 декабря. С. 3.

§ 2.2 Полномочия и роль полиции в области обеспечения народного продовольствия

Согласно законодательству Российской империи, общее попечение о народном продовольствии находилось в ведении Министерства внутренних дел. Местный надзор по этому вопросу осуществляли губернаторы и градоначальники. К ведению полиции относился контроль за соблюдением правовых норм в данной сфере, предупреждение правонарушений со стороны различных учреждений и должностных лиц. Совместно с губернским или областным правлением полиция должна была наблюдать за содержанием казенных продовольственных магазинов, периодически информировать об этом высшие органы государственной власти, в экстренных случаях принимать участие в снабжении населения. Кроме того, полиция отвечала за порядок на городских и сельских рынках и базарах, умеренный уровень цен на продовольствие³⁷⁰.

Внутриполитический кризис начала XX в. заставлял правительство искать способы усиления полиции, состояние которой не отвечало требованиям времени и сложившейся обстановке. Общая полиция состояла из разнородных подразделений (конной и пешей, городской и уездной, сыскной, железнодорожной, горной, лесной и др.), которые создавались в разное время, без единого плана. В городах несли службу городские и участковые приставы и полицейские надзиратели. Деятельностью уездного полицейского управления руководил уездный исправник, которого назначал губернатор. Уезды делились на станы (во главе со становым приставом, в помощь которому назначался полицейский урядник), участки и селения (сотские и десятские, выбираемые населением).

В 1903 г. был принят закон «Об учреждении полицейской стражи», уездная полицейская стража должна была состоять из стражников и стоявших над ними

³⁷⁰ Свод уставов об обеспечении народного продовольствия // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб., 1857. С. 94–107; Шаяхметова Т.Е. Оформление и развитие полицейского законодательства в сфере обеспечения «благополучия» в Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 152–169.

урядников. Количество стражников определялось из расчета один стражник на 2 500 человек населения. Кроме пеших урядников и стражников создавались конные отряды, численность которых определял министр внутренних дел. Закон распространялся лишь на губернии Европейской России³⁷¹. В августе 1907 г. под руководством заместителя министра внутренних дел А.А. Макарова была образована межведомственная комиссия, которая начала работу по подготовке очередной реформы. Комиссия считала, что с полиции необходимо снять все функции, не отвечавшие ее прямому назначению, то есть наблюдению за исполнением закона и преследованию преступлений, направленных против общественного и государственного порядка, личной и имущественной безопасности. Планировалось выработать новый полицейский устав, увеличить численность полицейской стражи, повысить оклады и др. В июле 1911 г. на заседании Совета министров основные положения комиссии А.А. Макарова были одобрены. В конце 1913 г. проект поступил на рассмотрение Государственной думы, но дальнейшую работу над ним прервала война³⁷².

В административно-правоохранительной системе Восточной Сибири полиция играла ведущую роль – не только следила за общественным порядком и боролась с преступностью, но и выполняла управленческие функции, поскольку многие реформы 1860–1870-х гг. осуществлялись здесь в неполном виде (судебная) или не проводились (земская)³⁷³. С началом войны к многочисленным обязанностям полиции (обнародование правительственных указов и постановлений, обеспечение исполнения законодательства, борьба с преступностью, противопожарный контроль, безопасность на транспорте, взыскание недоимок по налогам и платежам, сбор и предоставление

³⁷¹ Елизаров А.В. Создание уездной полицейской стражи согласно закону 5 мая 1903 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 192–195.

³⁷² Романов К.С. Департамент полиции Министерства внутренних дел накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 274 с.; Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской империи в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3 (28). С. 134–137.; Грозин С.Ю. Реформирование российской полиции в начале XX века // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2014. №. 4 (71). С. 68–69.

³⁷³ Шитова Т.В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 225 с.

статистических данных по запросам различных ведомств и др.) добавились новые (содействие военным властям в проведении мобилизаций, контроль за соблюдением «сухого закона» и борьба с самогоноварением, размещение военнопленных, розыскные действия в отношении уклонистов, дезертиров, бежавших на фронт несовершеннолетних и др.). Однако постепенно на первый план выходили задачи, связанные с обеспечением общественного порядка, главной причиной нарушения которого стало ухудшение продовольственной ситуации.

Реформирование организационно-правовых основ функционирования полиции в Сибири являлось еще более актуальным вопросом, чем в европейской части страны. С одной стороны, для привлечения сотрудников в ряды сибирской полиции существовал ряд льгот. С другой стороны, особые природно-географические и социально-экономические условия службы в Восточной Сибири (огромные территории, отсутствие разветвленной системы путей сообщения, низкая плотность населения, большой приток переселенцев, наличие политических и уголовных ссыльных, значительно более высокий уровень преступности, чем за Уралом, большой объем канцелярской работы, необходимость выполнения многочисленных дополнительных обязанностей и др.) были причиной кадрового дефицита.

В 1912 г. иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев направил в Министерство внутренних дел предложение об усилении полиции в Восточной Сибири за счет введения полицейской стражи. Ответ за подписью товарища министра В.Ф. Джунковского был получен лишь в апреле 1915 г. В нем сообщалось, что инициатива не получила одобрения Совета министров, поскольку для реформы не существовало достаточных оснований. В губерниях Европейской России действовала норма численности полицейской стражи 40 000 человек на стан. Для Восточной Сибири Л.М. Князев предлагал установить норму, исходя из 24 000 человек на стан. Согласно заключению Совета министров, в этом регионе было возможно применять нормы европейской части

страны по причине слабой плотности населения, его концентрации вдоль линии Транссибирской железной дороги и в старых поселениях³⁷⁴.

Тем не менее, Л.М. Князев был твердо убежден в необходимости расширения численного состава полиции. Весной 1915 г. он запросил у губернаторов Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей подробные сведения о работе уездных исправников, подробное описание условий службы и жизни в различных уездах, крупных населенных пунктах для составления следующего ходатайства в правительство. Довольно оперативно были получены развернутые ответы.

В своей докладной записке на имя Л.М. Князева губернатор А.Н. Юган просил, чтобы для Иркутской губернии была принята норма не более 10 000 человек на стан. Он указывал, что, для европейской части страны официально было определено 40 000 человек на полицейский стан, тогда как фактически приходилось лишь 20 000–25 000 человек, и при этом в полном составе действовала уездная полицейская стража. В тех местностях, где население действительно достигало 40 000 человек на стан, его площадь не превышала нескольких сотен квадратных верст, имея радиус всего 12–18 верст. В Иркутской же губернии площадь каждого из 24 станов в среднем составляла около 30 000 квадратных верст – т.е. намного больше многих губерний европейской России (Московской, Тульской и др.). В самом большом и слабозаселенном Киренском уезде насчитывалось до 60 000 жителей на территории в 416 000 квадратных верст. В остальных 4 уездах – Иркутском, Нижнеудинском, Балаганском, Верхоленском – в среднем на стан приходилось – 15 600 квадратных верст, площадь радиусом в 70 верст и не менее 32 324 человек. В Балаганском уезде 5 приставов обслуживали около 1 200 населенных пунктов с числом жителей в них свыше 206 000, что означало свыше 41 000 жителей на стан³⁷⁵.

³⁷⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 19.

³⁷⁵ Там же.

Работа становых приставов проходила в тяжелых условиях. В распоряжении каждого из них имелось лишь 2–3 урядника. Населенные пункты располагались на значительных расстояниях друг от друга, многие из них приставы не посещали по несколько лет, в то же время с ними отсутствовала телефонная и телеграфная связь. Численность населения быстро увеличивалась в связи со столыпинской реформой, образовывались новые волости и сельские общества. Уровень преступности был очень высок, при том, что большая часть преступлений оставалась вовсе незарегистрированной. По количеству тяжких преступлений (убийств) Иркутская губерния находилась на 10 месте по империи, сразу за губерниями Кавказа: 1 дело об убийстве приходилось на 1 118 человек населения, тогда как, например, в среднем по империи – на 4 956³⁷⁶.

В июне 1915 г. Л.М. Князев получил доклад губернатора И.В. Хозикова, который просил, прежде всего, увеличить численность уездной полиции, поскольку население Енисейской губернии непрерывно росло вследствие переселенческого движения. Наиболее быстрыми темпами увеличивалась численность Канского уезда – примерно на 19 500 человек каждый год. Здесь существовало 4 полицейских стана, тогда как было необходимо минимум 7–8. В Ачинском уезде требовался еще как минимум 1 становой, в Минусинском – 2. На каждый стан в среднем приходилась территория площадью около 100 тысяч кв. верст. В Красноярском и Енисейском уездах работа полиции зависела от разлива Енисея: дважды в год транспортное сообщение между различными берегами прерывалось. Населенные пункты разделяли огромные расстояния, в то время как на всех полицейских была одна лошадь для разъездов. Енисейский уезд занимал площадь в 383 000 кв. верст, здесь практически отсутствовали транспортные коммуникации, при этом именно сюда направляли политических ссыльных. И.В. Хозиков заключал свое донесение выводом, что по самым минимальным расчетам в Енисейской губернии требовалось введение дополнительных ставок 6 приставов и 53 урядников – по одному на каждую волость: «Столь же неотложным является

³⁷⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 21.

и введение в Енисейской губернии института полицейской стражи, без коей нынешний ничтожный состав уездной полиции в случае возникновения каких-либо внутренних беспорядков был бы бессилён предупредить и подавить таковые»³⁷⁷.

В докладной записке Л.М. Князеву военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко писал, что необходимость реформы полиции обусловлена тяжёлыми условиями службы. Область населяли бывшие ссыльные и каторжники, была развита контрабанда скотом и спиртом, орудовали воровские шайки, действовали притоны. Природно-географические условия (наличие болот и непроходимых местностей при полном отсутствии шоссейных и иногда и грунтовых дорог, разливы рек и т.п.) позволяли преступникам легко скрываться от полиции. Требовалось повышение окладов всем полицейским чинам в регионе, поскольку стоимость жизни была чрезвычайно дорогой. Практически все предметы быта и одежда продавались здесь со значительной торговой наценкой, поскольку ввозились из других регионов (Европейской России, Дальнего Востока, Маньчжурии и др.). А.И. Кияшко отметил, что уезды населяли буряты и тунгусы, которые не знали русского языка, поэтому Читинское, Верхнеудинское, Нерчинско-Заводское, Акшинское полицейские управления нуждались также в переводчиках. Иностранцы часто фигурировали в различного рода делах в роли потерпевших, но большинство мелких преступлений они не считали даже наказуемыми (драки, мошенничество, кражи). Во всех уездных полицейских управлениях требовались дополнительные вакансии письмоводителей, бухгалтеров, рассыльных, а в Верхнеудинске и Троицкосавске – заведующих адресными столами для регистрации переселенцев.

Всего в Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкальской области насчитывалось в 1915 г. 185 урядников (и 382 стражника, которые работали только на территории горных округов и получали жалование из средств золотопромышленных компаний). В конце 1915 г. генерал-губернатор Л.М.

³⁷⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 40.

Князев направил новое ходатайство министру внутренних дел, в котором просил ознакомиться с докладами енисейского, иркутского и забайкальского губернаторов и ввести для Восточной Сибири дополнительно ставки 232 урядников и 200 стражников³⁷⁸. Ответа на него не последовало.

Между тем социальная напряженность в стране на протяжении войны росла. Предотвращение и подавление движений и беспорядков, вызванных нехваткой и дороговизной продовольствия, становилось приоритетным направлением деятельности полиции. В апреле 1915 г. Департамент полиции Министерства внутренних дел разослал губернаторам и градоначальникам письмо, в котором предлагалось усилить охрану общественного порядка. В декабре 1915 г. вышел циркуляр министра А.Н. Хвостова, разрешавший применять оружие при подавлении волнений, возникавших на базарах и в торговых рядах.

К началу 1916 г. Министерство внутренних дел было уже всерьез обеспокоено внутривластной ситуацией. Во многих местностях рабочие произвольно останавливали работы на фабриках и предприятиях, требовали повышения зарплаты, у пекарен и продовольственных лавок образовывались хвосты, люди выражали недовольство высокими ценами, на рынках происходили беспорядки, среди беднейших классов господствовали озлобленность, глухое брожение, неприятие правительственных мер в продовольственной сфере³⁷⁹.

Губернаторы в Европейской России отмечали, что мобилизации ослабили полицию – на службе осталось не более одной третьей части всех чинов, на которых теперь ложилась вся нагрузка, указывали на необходимость срочного увеличения жалованья полицейских³⁸⁰. К тому же условия жизни и службы существенно ухудшились, особенно принимая во внимание рост цен и дороговизны³⁸¹.

³⁷⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 44–45.

³⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 400.

³⁸⁰ Минаков А.С. Губернаторский корпус России в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 117–125.

³⁸¹ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. Т. II (33). 1929. С. 157.

Согласно подсчетам Ю.И. Кирьянова, с июля 1914 г. по февраль 1917 г. в России произошло 321 выступление на почве дороговизны (78 с участием рабочих и еще 243 – крестьян). Большинство из них приходилось на Центральный промышленный район, Петроград, Дон и Северный Кавказ, Украину. В Сибири и на Дальнем Востоке произошло 13 крупных выступлений (5 с участием рабочих и 8 – крестьян), т.е. 4 % от общего числа. В городах они были вызваны дороговизной продуктов питания (сахара, хлеба, мяса, картофеля и др.) и товаров первой необходимости (ситца, мыла, спичек и др.) или их отсутствием в продаже. В уездах недовольство вызывал дефицит сахара и «мануфактурных товаров» – одежды, обуви и мыла³⁸².

Весной 1916 г. в адрес иркутского генерал-губернатора поступил секретный циркуляр заместителя министра внутренних дел Е.К. Климовича с предписанием выработать план мероприятий по предупреждению и подавлению возможных волнений, как в городах, так и в уездах, согласовать порядок действий городской и уездной полиции отдельно и совместно с войсковыми частями. При составлении плана следовало рассчитывать только на наличные силы местной полиции и воинских соединений. При этом фактически в стране отсутствовала нормативно-правовая база, которая бы регулировала взаимоотношения губернаторов с военными властями, что затрудняло принятие решений, приводило к конфликтам³⁸³.

Население Восточной Сибири было взбудоражено слухами о волнениях в других регионах. Власти выражали обеспокоенность ситуацией. В переписке с жандармским управлением сменивший Л.М. Князева А.И. Пильц отмечал, что в случае беспорядков на подведомственной ему территории полицейские чины не смогли бы справиться самостоятельно и усмирить их участников. Кроме того, без регулярного патрулирования территории власти рисковали получить информацию о подобных событиях с большим запозданием, не говоря уже невозможности

³⁸² Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 8–9.

³⁸³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 284. Л. 1–1 об.

предпринимать какие-либо меры по их предотвращению. Главная причина заключалась в малочисленности состава полицейских. А.И. Пильц обратился в Совет министров с просьбой об усилении полиции в регионе³⁸⁴.

Наиболее взрывоопасное положение сложилось в Красноярске. После неурожая 1915 г. стоимость продовольствия в городе резко выросла. Со стороны частных, должностных лиц и прессы в адрес купцов сыпались резкие обвинения в злостной спекуляции, сокрытии товаров для дальнейшей перепродажи по завышенным ценам. Купцы, наслышанные о погромах в европейской части страны, испытывали беспокойство за безопасность своих магазинов и лавок. В январе 1916 г. Купеческое общество представило губернатору «Объяснительную записку по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки» (Приложение 5). Записка была опубликована отдельной брошюрой для распространения среди горожан в разъяснительных целях. Ее авторы подчеркивали, что ценообразование на товары, ввозившиеся в сибирские губернии из европейской части страны, не всегда зависело от воли торговцев. Сибирские купцы делали закупки по уже завышенной стоимости, поэтому были вынуждены брать кредиты на торговые операции под огромные проценты. Из-за дефицита средств приобретали только небольшие партии, на провинциальных рынках больше не было крупного опта. В целом всю систему таксирования цен, сложившуюся в стране, подвергли критике, аргументированно доказывали ее неэффективность и указывали на тот вред, который она наносила торговле³⁸⁵.

Однако со стороны горожан такого рода оправдания воспринимались скептически. Например, когда представители купечества обратились к губернатору с просьбой осмотреть их склады и объяснить населению, что у них нет товарных запасов, которые они могли придерживать, а позднее выпускать в продажу по спекулятивной стоимости, газета «Деловая Сибирь» опубликовала заметку под

³⁸⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Л. 6–6 об.

³⁸⁵ Объяснительная записка Красноярского Купеческого Общества ... С. 4.

красноречивым заголовком «Крокодиловы слезы»: «Если на складах купечества обнаружится хоть пуд припрятанного товара, – заявила депутация, – сошлите нас в Туруханский край или посадите в тюрьму на год и 4 месяца. На второй день после этого заявления чинами полиции на складе миллионера Севастьянова, входившего в состав депутации, были обнаружены припрятанные в большом количестве сахар, махорка и другие товары. Ряд торговцев за спекуляцию с мясом енисейским губернатором оштрафован на разные суммы»³⁸⁶.

7 мая 1916 г. на Новобазарной площади Красноярска произошел погром торговых рядов. Он начался около 8–9 часов утра у мясных и рыбных лавок, а затем переместился на «толкучку» – вещевой рынок. Поводом послужил незначительный инцидент между продавцом мяса и покупателями. В течение дня были разграблены 52 торговые лавки. В этот день начальника Енисейского губернского жандармского управления полковника М.С. Байкова, а также его помощника ротмистра Л.А. Оболенского в городе не было. Разбираться в ситуации на месте отправился ротмистр Н.И. Игнатов, возглавлявший Красноярское отделение Томского жандармского полицейского управления железных дорог. После получения информации о погроме, он взял извозчика и поехал на Новобазарную площадь, отдав приказ следовать туда же вахмистру Д.А. Плетневу, унтер-офицерам И. Сазонову и И. Егорову. На углу Гостинской улицы и Архиерейского переуллка они увидели около 40–50 нижних чинов, которые ничего не предпринимали против тех, кто нес награбленные вещи. На вопросы о том, почему не предотвращают погромы, отвечали, что получили приказ отправиться на базар, но им ничего не было сказано о том, какие меры необходимо предпринимать на месте. Очевидцы также утверждали, что слышали, как казаки, проезжавшие мимо, говорили, что это «жидовские лавки» и что их можно громить, а также: «Бейте, бабы, мы вас не будем трогать»³⁸⁷.

³⁸⁶ Крокодиловы слезы // Деловая Сибирь. 1916. № 18. С. 3.

³⁸⁷ ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Л. 4–4 об.

На рынке ротмистр Н.И. Игнатов задерживал грабителей и передавал прапорщикам, но те отпускали их. Согласно показаниям работников рынка, когда Игнатов начал разгонять толпу, из нее послышалось: «Ах! Ты за жидов стоишь!» Солдатка Ф. Бурдахова подбежала к ротмистру сзади и ударила его по голове кирпичом. Она кричала солдатам: «Бейте его, это жидовский купленник» и «Что вы смотрите? Я сама солдатка, мой муж кровь проливает, бейте этого кровопийца»³⁸⁸. Вслед за этим в ротмистра полетели камни и бутылки. Подбежавшие бабы, мужики, солдаты сбили его с ног, пинали ногами и волокли по земле. Раздался крик о том, что едут казаки, и толпа разбежалась. В ходе столкновений также был ранен унтер-офицер И. Сазонов.

Жандармы, прибывшие на площадь вместе с Н.И. Игнатовым, держались в стороне и в ходе следствия по этому делу заявили, что не видели, кто и при каких обстоятельствах нанес ему ранения. Так, по словам Д.А. Плетнева, он пробыл на базаре около получаса, а когда направился к толкучему рынку, увидел лежащего на мостовой ротмистра с окровавленной головой и без сознания. И. Егоров вовсе покинул площадь: «Видя невозможность устоять против толпы <...> я отправился на вокзал. Из толпы слышал крики: "Уходи, и солдаты стали против вас"»³⁸⁹.

После полудня на место происшествия прибыли губернатор Я.Г. Гололобов, вице-губернатор Л.П. Римский-Корсаков и начальник красноярского гарнизона полковник П.А. Мартынов. О том, что происходило дальше, Я.Г. Гололобов рассказывал полковнику П.П. Заварзину, приехавшему в Красноярск осенью 1916 г. для проведения инспекции местного жандармского управления по поручению Департамента полиции Министерства внутренних дел. Из толпы слышались оскорбительные выкрики по адресу губернатора. Женщины, принимавшие участие в беспорядках, несли награбленные вещи. Одну из них губернатор

³⁸⁸ ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Л. 7 об–8.

³⁸⁹ Там же. Л. 3–4.

приказал арестовать, но она вырвалась и скрылась в толпе, другую освободил казак на глазах вице-губернатора Л.П. Римского-Корсакова³⁹⁰.

Вечером того же дня губернатор созвал совещание, на котором присутствовали командующие местными воинскими частями. Гололобов обратился к присутствующим с вопросом о благонадежности вверенных им частей. Полковник П.А. Мартынов и командир 14-го Стрелкового запасного полка А.Г. Кодинец заявили, что «за всех нижних чинов они поручиться не могут, так как чины эти недавно приняты на службу из местных жителей, многие из которых имеют здесь жен, родственников и знакомых, из коих, вероятно, немало участниц погромов, почему надежными можно считать лишь учебные команды»³⁹¹. М.С. Байков отправил в столицу телеграмму, извещавшую Департамент полиции о событиях в городе: «Положение крайне серьезно ввиду уклонения седьмого мая войск от исполнения своих обязанностей, объясняемое местным происхождением войск и невозможностью действия против своих семей, необходимо иметь гарнизон, ничего общего не имеющий с местным населением»³⁹².

Отдельные историки трактуют этот случай как типичный еврейский погром – из 70 пострадавших семей 60 составляли еврейские, среди 62 разгромленных лавок 51 принадлежала евреям³⁹³. Однако большинство специалистов сходится во мнении, что отношение к евреям в Енисейской губернии было терпимым, несмотря на некоторый рост антисемитских настроений в годы войны. Все же непосредственными причинами возмущения горожан стали социально-экономические условия жизни – высокие темпы инфляции, спекуляция, дефицит и дороговизна продуктов питания³⁹⁴.

³⁹⁰ Бакшт Д.А., Катцина Т.А. «Власть атрофирована и мы находимся на краю бездны»: О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина // Исторический архив. 2017. № 1. С. 42.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же. С. 43.

³⁹³ Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // Еврейские общины в Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. 2001. Вып. 6. С. 51–60.

³⁹⁴ Бакшт Д.А. Действия военно-полицейского аппарата в ходе событий 7 мая 1916 г. в Красноярске // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск, 2012. С. 67–70; Хоменко

В этом же месяце происходили погромы лавок торговцев в купных селах Канского уезда Енисейской губернии – Рыбинском, Ирбейском, Клюквенном. В волнениях принимали участие крестьяне, в том числе солдатки. Согласно распоряжению иркутского генерал-губернатора в Рыбинскую волость были введены воинские команды³⁹⁵.

В мае 1916 г. иркутский полицмейстер докладывал губернатору А.И. Югану о том, что точными сведениями о планировавшихся беспорядках на улицах Иркутска не располагал, но возможность таковых не исключал. К основным причинам, которые могли их вызвать, относил: распространявшиеся слухи о волнениях в городах Европейской России и Сибири на почве дороговизны; действия скупщиков, которые перехватывали продовольствие у крестьян еще на подъезде к городу и на базарах, а позднее продавали их горожанам по взвинченным ценам; грубое обхождение продавцов и приказчиков с покупателями, когда те указывали на чрезмерный рост цен; массовую торговлю самогоном и маньчжурским спиртом. В качестве мест, где беспорядки могли возникнуть и далее распространиться по городу, он называл главные торговые места – мелочный и хлебный базары, барахольный рынок, пассаж А.А. Второва (крытая галерея, в которой располагались магазины).

Меры безопасности в Иркутске были усилены. Каждую ночь в ночлежных и постоянных дворах проводились облавы на лиц, не имевших документов, ссыльнопоселенцев, беглых преступников и т.п. Ежедневно наряд из пяти конных стражников объезжал хлебный и меточный базары, двое полицейских патрулировали барахольный базар. Среди покупателей находились по два городских, переодетых крестьянами. Околоточный надзиратель, конный и пеший городские несли дежурство на подъездах к городу и вылавливали перекупщиков. Со всеми торговцами велась разъяснительная работа о необходимости вежливого обращения с покупателями. В полной готовности находилась конная стража. В

Д.Ю. Рост Антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков. Новосибирск, 2014. С. 50–56.

³⁹⁵ Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 66, 119.

случае начала беспорядков дежурный при полицейском управлении должен был сообщить во все полицейские части и полицмейстеру, а тот, в свою очередь – коменданту города. Обязанностью коменданта было отправить на место 50 конных казаков, а также роту нижних чинов под командованием офицера. Следовало немедленно закрыть все магазины, лавки и конторы. Отряд нижних чинов должен был отправиться на охрану винных складов на Якутской улице, чтобы предотвратить их разгром³⁹⁶.

Слухи о возможных беспорядках охватили и города Забайкальской области. Так, верхнеудинский уездный начальник докладывал И.И. Кияшко 23 мая 1916 г.: «По городу возникли слухи о том, что солдатки предполагали начать разгром торговых лавок на почве дороговизны и недостатка предметов продовольствия, как сахар, соль, и что предполагалось также разграбление сахара, задержанного по распоряжению Вашего Превосходительства и хранившегося на речной паровой пристани»³⁹⁷. Через неделю в очередном докладе он просил губернатора обратиться к командующему войсками Иркутского военного округа с просьбой направить в Верхнеудинск из войск Березовского гарнизона 20 нижних чинов при оружии в помощь полиции для патрулирования города и ближайших окрестностей³⁹⁸. Губернатор распорядился установить патрулирование улиц вооруженными нижними чинами, конные разъезды казаков³⁹⁹.

3 июня 1916 г. в местных газетах было опубликовано воззвание иркутского генерал-губернатора А.И. Пильца к населению региона: «Все слои населения испытывают на себе тяжелые последствия переживаемого времени от недостатка продуктов и поднятия цен, но нужно сознавать, что это переживается не только нами, но и населением всех воюющих государств и объясняется причинами, вызванными военным временем. Я обращаюсь к благоразумию населения с просьбой понять все это, сохранять должное спокойствие и не отягчать

³⁹⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 457. Л. 1–30.

³⁹⁷ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10496. Л. 4..

³⁹⁸ Там же. Л. 9–9 об.

³⁹⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10252. Л. 1–157; ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10433. Л. 1–14; ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10491. Л. 1–139; ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17482. Л. 1–16; ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 280. Л. 1–145.

переживаемого тяжелого положения России, потому что внутренние беспорядки – это, несомненно, ослабление сил нашей Родины и будут на пользу только нашим лютым врагам»⁴⁰⁰.

Лишь в октябре 1916 г. Совет министров принял положение «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения чинов». Фактически закон касался установления численности личного полицейского состава пропорционально количеству населения, требований к полицейским чинам, а также некоторого увеличения денежного довольствия⁴⁰¹. Тогда же было одобрено положение «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края», которое предполагало создание уездной полицейской стражи и на территории Восточной Сибири, улучшение служебного и материального положения полицейских. С декабря того же года местные губернаторы начали работу по комплектованию штатов, их обучению и вооружению. Спешно искали людей, чтобы заполнить вакансии. Однако набираемые новички были не знакомы с возлагаемыми на них обязанностями службы. Для них вводились кратковременные (двухнедельные) курсы подготовки в целях хотя бы поверхностного введения в курс дела. Кроме того, не хватало лошадей, огнестрельного оружия. Во многих уездах большая часть стражи была из казаков, они имели лишь собственное обмундирование и шашки⁴⁰².

Вопрос набора на службу новых стражников не удалось решить оперативно. Вплоть до Февральской революции 1917 г. работа по укомплектованию штатов полиции в Восточной Сибири не была завершена⁴⁰³. Так, в Енисейской губернии на 15 ноября 1916 г. вакантным оставались 212 должностей. Губернатор Я.Г. Гололобов обращался за помощью к военному губернатору Забайкальской области А.И. Кияшко. Он писал, что набор людей на службу был связан с

⁴⁰⁰ Воззвание к населению иркутского генерал-губернатора А.И. Пильца // Енисейские губернские ведомости. 1916. № 40. С. 1.

⁴⁰¹ Грозин С.Ю. Реформирование российской полиции ... С. 73–75.

⁴⁰² ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 64. Л. 7об.

⁴⁰³ Коновалова О.В. История создания полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в.: организационно-правовые аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 192, 194.

большими затруднениями. После всех прошедших мобилизаций в тылу оставались мужчины, которые не могли быть зачислены в полицию по возрасту или из-за личных качеств (низкий образовательный ценз). Я.Г. Гололобов просил оказать содействие и направить на службу в Енисейскую губернию казаков Забайкалья. При этом уточнял, что обмундирование и дорогу казаки должны были оплатить из личных средств, которые обещал компенсировать впоследствии. А.И. Кияшко ответил, что не имел возможности оказать содействие в этом вопросе. К 15 декабря 1916 г. недокомплект полицейской стражи составил 78 человек. Однако вновь набранные стражники покидали службу из-за задержки выплаты жалованья. К 15 февраля 1917 г. уже были вакантными ставки 117 стражников⁴⁰⁴.

Выводы по главе 2

На протяжении войны главной целью государственных продовольственных структур было снабжение армии. Обеспечением тылового населения правительство вплотную занялось лишь через год после начала военных действий – с созданием Особого совещания по продовольствию в августе 1915 г. В Восточной Сибири обязанности уполномоченных Особого совещания по продовольствию возлагались на губернаторов, которые работали под контролем иркутского генерал-губернатора, тогда как в Европейской России ими могли быть также главы губернских земских управ, члены Государственной думы и Государственного совета. Таким образом в регионе не существовало необходимости в разграничении компетенций и обязанностей между губернатором и уполномоченным. При принятии решений губернаторы совещались с представителями различных ведомств, городского управления, общественных организаций, но в случае несогласия членов местного совещания с мнением губернатора, он имел право распорядиться по собственному усмотрению. Таким образом, с одной стороны формально губернаторы

⁴⁰⁴ Коновалова О.В. Проблемы кадрового обеспечения полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в. // Novaum. 2018. № 15. С. 27–32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novaum.ru/public/p909>

концентрировали в своих руках все полномочия в продовольственной сфере. С другой стороны, в условиях недостаточно развитых административно-управленческих ведомств и отсутствия земств они были вынуждены брать на себя решение чрезвычайно широкого круга вопросов. В то же время правительственные продовольственные органы осуществляли курс по централизации управления, что затрудняло принятие самостоятельных и оперативных решений региональными властями. Приоритетными направлениями их деятельности стали:

1) Борьба со спекуляцией. Малочисленность торгового сословия, слабость конкуренции, отсутствие производства многих товаров позволяло восточносибирским купцам занимать монопольное положение на местных рынках. Сам факт начала войны был использован ими в качестве предлога для взвинчивания цен в целях обогащения уже с первых дней войны, когда еще не существовало дефицита продовольствия. С течением времени спекуляция принимала все более широкие масштабы. Современникам было сложно понять, в каких случаях имела место злостная спекуляция, а когда рост цен вызвала объективная ситуация на рынке. Огромные прибыли, получаемые от спекулятивной торговли, перечеркивали эффект от предпринимавшихся отдельных мероприятий властей. Губернаторы не имели действенных инструментов для борьбы со спекуляцией. Отсутствие решительных шагов в этом направлении дискредитировало представителей власти.

2) Контроль за сельской хлебозапасной системой. Проживание в зоне рискованного земледелия не позволяло населению обеспечивать себя зерновыми культурами в достаточном объеме, а неразвитая транспортная инфраструктура не давала возможности осуществлять быстрый подвоз продовольствия во многие отдаленные и северные районы, поэтому в годы войны власти восточносибирских губерний уделяли усиленное внимание контролю за состоянием хлебозапасной системы. Главной особенностью сельской хлебозапасной системы Восточной Сибири являлось преобладание натуральных запасов, продовольственные

капиталы были небольшими, а Якутская область не обладала таковыми совсем. Но и фонды общественных и казенных магазинов были очень ограниченными, поскольку население то и дело прибегало к их использованию из-за частных природных бедствий и низкого благосостояния крестьян. С учетом этих обстоятельств Управление сельско-продовольственной части Министерства внутренних дел оперативно выделяло деньги на оказание помощи из средств Общеимперского продовольственного капитала. Однако главная проблема заключалась в организации помощи на местах: надлежало в кратчайшие сроки проводить обследование нуждавшихся домохозяйств в населенных пунктах, расположенных на огромном расстоянии друг от друга, покупать хлеб в других регионах и доставлять его в пострадавшие местности, все это в условиях бездорожья, разлива рек, короткого навигационного периода и т.д. Губернские управления испытывали нехватку сотрудников, заведовавших продовольственными вопросами, поскольку государство стремилось минимизировать расходы по управлению.

В военный период в функционировании общественных и казенных хлебозапасных магазинов, вопросах формирования продовольственных капиталов значительных изменений не произошло. Размеры запасов, динамика наполняемости, организация хранения и учета оставались прежними. В 1915 г. наводнение в Иркутской губернии, неурожай в Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областях стал причиной оказания семенной и продовольственной помощи пострадавшим. Крестьянские хозяйства получали помощь в виде ссуды, которую впоследствии было необходимо отдавать, по этой причине, они предпочитали вести полуголодное существование, но к помощи прибегать только в крайних случаях. В суровых природно-климатических условиях крестьяне традиционно планировали объемы сельскохозяйственных работ заранее, стремились создавать (иметь) запасы на случай перебоев с продовольствием. Постоянное чередование относительно благополучных периодов с кризисными в продовольственном отношении в обычных условиях

населением воспринимались спокойно, но во время войны, когда одновременно оказались нарушены многие социально-экономические процессы (хозяйства лишились мужских рабочих рук, начались перебои в железнодорожном сообщении, сократился подвоз продовольствия из Западной Сибири и Европейской России и т.д.), неурожаи воспринимались местным населением и властями как ситуация тревожная, напряженная. Во второй половине 1916 г. на первый план вышла проблема закупки и доставки хлеба в магазины отдаленных северных территорий в связи повышенным спросом, сокращением подвоза хлеба из Западной Сибири и Маньчжурии.

3) Надзор за работой органов городского управления. В рамках административного контроля за хозяйственной деятельностью городских властей губернаторы наблюдали и направляли их инициативы в сфере продовольственного обеспечения населения. Основными мероприятиями городов стали выработка такс и осуществление оптовых закупок продуктов питания для последующей реализации населению без спекулятивной наценки. На эти цели государство выделяло кредиты, предоставляло гарантии на займы в частных банках. Их размер зависел от бюджета города, процедура получения средств занимала длительное время. Для закупки продовольственных товаров у производителей и их распределения среди горожан городские продовольственные комиссии использовали торговую инфраструктуру и ресурсы потребительской кооперации, которая стала развиваться быстрыми темпами. Наибольшее внимание уполномоченные уделяли продовольственному снабжению Иркутска и губернских центров, где была сосредоточена большая часть городского населения губерний и областей. Особенностью уездных восточносибирских городов была их малонаселенность и бедность бюджетов. Городское самоуправление в них существовало в упрощенной форме или заменялось полицейским управлением, поэтому продовольственные комиссии не создавались. Власти проявляли слабую активность в решении продовольственных затруднений населения, которое было вынуждено искать пути самообеспечения прежде всего за счет натурального

хозяйства. Регулирование многих вопросов (учет наличных товаров на складах, осуществление реквизиций, введение карточной системы и т.д.) были вынуждены брать на себя губернские (областные) правления.

4) Снабжение продуктами питания рабочих золотодобывающей промышленности, являющейся базовой отраслью экономики региона. Работа золотодобывающих предприятий имела стратегическое значение для страны, власти опасались падения объемов добычи золота, поэтому усилили контроль за их продовольственным обеспечением. Из-за природно-климатических условий и состояния транспортных коммуникаций поставку продуктов питания в отдаленные приисковые территории было необходимо осуществляться в строго определенные сроки. Сопутствующей задачей стало предотвращение скупки продовольствия золотодобывающими компаниями на местных рынках, поскольку это лишило бы возможности покупать продукты неприисковое население отдаленных северных областей. В отношении торговцев уполномоченные широко применяли реквизиции, контролировали ввоз во время навигации, сотрудничали с поставщиками, выразившими согласие работать по фиксированной норме прибыли. Благодаря решительным и своевременным мерам значительных перебоев в снабжении рабочих удалось избежать, При этом сами владельцы приисков уклоняясь от сдачи золота государству, поскольку его стоимость на свободном и нелегальном рынках была гораздо выше официально утвержденной. Правительство не решалось предпринять меры по монополизации операций с золотом из опасения ущемить интересы крупных золотопромышленников.

Решение продовольственного вопроса не относилось к числу многочисленных прямых обязанностей полиции, но вынуждало ведомство заниматься им в связи с основными задачами по обеспечению законности государственного управления, охране общественного порядка, содействию различным ведомствам и учреждениям. В период войны нехватка и дороговизна продовольствия порождали общественное недовольство, массовые выступления и беспорядки. Серьезное беспокойство у властей в Восточной Сибири вызывал

значительный кадровый дефицит полиции, обусловленный устаревшими законодательными нормами довоенного периода, а также низкий уровень материального обеспечения и тяжелые условия службы. В годы войны эти проблемы значительно усилились, в то время как перечень обязанностей полицейских серьезно расширился. Местная администрация открыто признавала, что в случае возникновения волнений, не сможет контролировать ситуацию, что подтвердили события 7 мая 1916 г. в Красноярске. Увеличение штатной численности было осуществлено с запозданием в конце 1916 г., привело к некоторому усилению полиции, которая, тем не менее, не могла должным образом противостоять дезорганизации общественно-политической жизни и обеспечить охрану общественного порядка. Об этом свидетельствовало решение правительства использовать воинские команды при подавлении волнений.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.

В годы войны было нарушено функционирование региональных продовольственных рынков, которые представляли собой сложные динамические системы распределения продовольственных ресурсов на основе взаимодействия производителей и потребителей. Соотношение спроса и предложения, уровень цен, интенсивность конкуренции, характер потребления продуктов, инфраструктурное обеспечение и другие характеристики рыночной конъюнктуры менялись под влиянием как общих экономических условий в стране, так и местных факторов. Изучение состояния, тенденций развития регионального продовольственного рынка Восточной Сибири в годы войны и регулирующих мер центральной и местной администраций необходимо для понимания того, почему и когда ситуация в продовольственной сфере начала трансформироваться в продовольственный кризис.

§ 3.1 Основные тенденции развития хлебного рынка

Внутренний баланс производства и потребления хлебов в первые два года войны был избыточным, дефицитным он стал с 1916 г. Согласно подсчетам Н.Д. Кондратьева, в 1914–1915 г. остаток продовольственных и кормовых хлебов составил 593 558,7 тыс. пудов, в 1915–1916 г. – 944 368,1 тыс. пудов. В 1916–1917 г. дефицит хлебов насчитывал 88 718,9 тыс. пудов, в 1917–1918 г. – 362 204,7 тыс. пудов⁴⁰⁵. Годичный баланс производства и потребления из положительного постепенно становился отрицательным. Дефицит рос, несмотря на то, что Россия значительно сократила экспорт зерна на заграничные рынки. Если в 1913 г. русский хлебный экспорт составлял 647,6 млн пудов, то в 1914 г. только 377 млн пудов, а в 1915 г. – 38,9 млн пудов. Основными причинами такой ситуации стали

⁴⁰⁵ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 44.

необходимость обеспечения вооруженных сил, а также изменения, затронувшие хлебный рынок⁴⁰⁶.

Мобилизации быстро увеличивали численность армии: в 1914 г. она насчитывала 1 423 000 военнослужащих, за три с половиной года войны было призвано еще 14 370 000 человек. Доля мобилизованных к общему числу мужчин от 15 до 49 лет составляла 39 %⁴⁰⁷. В соответствии с этим увеличивался размер заданий по заготовкам зерновых для армии: в 1914–1915 гг. он составил 231 490 тыс. пудов, 1915–1916 гг. – 343 156 тыс. пудов. Осенью 1916 г. государство взяло на себя обязательство по снабжению хлебом и населения. Общий план заготовок на 1916–1917 г. включал 1 106 000 пудов (продовольственные хлеба, крупы и фураж), т.е. объем составлял 478 % по отношению к уровню 1914–1915 гг., из них для армии предназначалось 686 000 (62 %), населения – 420 000 (38 %)⁴⁰⁸.

Одновременно происходили изменения в сфере хлебной торговли. Сокращалась товарность крестьянских хозяйств. В связи с нехваткой работников, а также из-за инфляции и дефицита промышленных товаров (тканей, обуви и т.д.) производители начали воздерживаться от продажи зерновых: «Без особой побудительной причины крестьянин при таких условиях не станет продавать хлеб. Зачем, когда деньги мало стоят, а хлеб много? Зачем продавать хлеб сегодня, когда он завтра за меньшее количество возьмет те же деньги, или за то же количество возьмет больше. То же в смысле накопления – когда он хлопочет про "черный день"»⁴⁰⁹. Однако главная проблема заключалась в том, что товарный хлеб придерживали в ожидании дальнейшего повышения стоимости его основные держатели – помещики, перекупщики, банки, зажиточные крестьяне.

Если в довоенный период цены на хлеб определялись конъюнктурой в хлеботорговых губерниях, то в годы войны ситуация изменилась, теперь спрос определял ситуацию на рынке, покупатель искал продавца. К тому же произошло

⁴⁰⁶ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 81.

⁴⁰⁷ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 192–193.

⁴⁰⁸ Там же. С. 72–74.

⁴⁰⁹ Полонский Г. Регулирующие мероприятия ... С. 44–45.

ослабление связей между производящими и потребляющими областями, что резко обозначило зависимость вторых от первых: чем ближе к потребляющему региону оказывался хлеб, тем выше была его цена. Высокие требования на хлеб стали предъявлять потребляющие регионы и города.

Был нарушен прежний порядок железнодорожных перевозок хлеба. Не хватало вагонов, поскольку часть перебросили на прифронтовые территории. По дорогам Европейской России перевозили преимущественно грузы для нужд армии, а в периоды мобилизации следовали воинские эшелоны. С течением времени серьезное значение приобрел такой фактор, как ухудшение технического состояния железнодорожного транспорта. Из-за недостатка металла не осуществлялся своевременный ремонт, вагоны и паровозы выходили из строя, подвижной состав использовался до предельных возможностей. К концу 1915 г. проблема транспортных перевозок начала приобретать угрожающие масштабы. За счет введения военно-грузового налога возросли тарифы на перевозку хлебных грузов, что повысило стоимость пшеницы на 20,2 %, пшеничной муки – 23,5 %, ржи – 24 %, ржаной муки – 26,1 %, овса – 16,4 %, ячменя – 31,8 %⁴¹⁰.

Государство пыталось сдержать рост цен на хлеб. Осенью 1914 г. были установлены так называемые предельные цены, по которым велись заготовки для армии. Однако спекуляция, скупка зерновых населением, которое в панике стремилось сделать запасы, высокий спрос в столицах подстегивали рост рыночной стоимости. В конце 1914 г. ГУЗиЗ подняло предельные цены на хлеб, но они отставали от рыночных, и уже через полгода интендантство приобретало хлеб по рыночной стоимости⁴¹¹.

К весне 1915 г. повсеместно цены на рожь, пшеницу, овес установились на высоком уровне. Урожай 1915 г. превысил сбор предыдущего года на 23,5 %, но цены продолжили расти. При этом, если в первый военный год наиболее стремительными темпами увеличивалась стоимость ржи и овса, которые

⁴¹⁰ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 42.

⁴¹¹ Оськин М.В. Продовольственный вопрос ... С. 78–79.

заготавливались для армии, то во второй год – пшеницы, что было обусловлено ростом потребления населения. В 1916–1917 гг. повышение цен происходило уже резко, скачкообразно. В целом за 1914–1917 гг. цены на рожь в черноземной полосе увеличились на 1 146 % по сравнению с 1909–1913 гг., в нечерноземной – на 1 661 %, на пшеницу – на 1 119 % и 1 826 % соответственно, овес – 1 320 % и 1 911 %, ячмень – 1 216 % и 1 556 %⁴¹².

Большое задание по заготовкам хлеба для армии в компанию 1915–1916 гг. стало причиной установления так называемых твердых цен. Их величина определялась следующим образом: к средней рыночной стоимости делалась небольшая прибавка, чтобы стимулировать крестьян и торговцев к заготовкам. Твердые цены были введены вначале на овес (5 октября 1915 г.), затем на рожь (6 декабря 1915 г.), пшеницу (3 января 1916 г.), муку и ячмень (6 февраля 1916 г.). Цены действовали на протяжении заготовительной кампании до нового урожая. В случае нарушения применялись реквизиции с понижением закупочной цены на 15 %. Постановление министра земледелия от 9 сентября 1916 г., распространило твердые цены на все торговые сделки⁴¹³.

Коммерсанты выступили против введения твердых цен, утверждая, что их уровень определялся безосновательно, они недостаточно дифференцированы и препятствовали предпринимательской деятельности. Так, владельцев крупных мельниц не устраивали твердые цены на муку и расценки за помол, установленные правительством. В феврале 1916 г. на Совещании представителей биржевых комитетов Волжско-Камского района по вопросам хлебной торговли политика твердых цен подверглась резкой критике, как необоснованная, наносящая ущерб сельскому хозяйству. Для согласования правительственных закупок с интересами мукомолов в июне 1916 г. при Особом совещании по продовольствию было создано Центральное бюро по мукомолью («Центромука»). Бюро распределяло между отдельными районами задания по заготовке муки для

⁴¹² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 63.

⁴¹³ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 160.

армии и населения, предварительно рассматривало проекты твердых цен на зерно, разрабатывало проекты перевозок зерна и муки, определяло нормы снабжения отдельных местностей, содействовало в снабжении мельниц мешками, топливом и т.д. Его председателем стал Г.В. Глинка, в его состав входили депутаты Государственной думы, Государственного совета, представители министерств и предпринимательских союзов (Совета съездов мукомолов, Совета съездов представителей торговли и промышленности, Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, Российской экспортной палаты, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, Московского союза потребительских обществ). На первом заседании в июле 1916 г. было принято решение о созыве Всероссийского съезда мукомолов. Он состоялся 10–11 августа того же года и установил принципы регулирования сбыта муки по ценам, не превышавшим твердые.

По мнению Н.Ф. Тагировой, введение твердых цен в конечном итоге привело к фрагментации интересов участников хлебного рынка. Размежевание произошло по линиям: районы производства – районы потребления, город – деревня, заготовители хлеба (уполномоченные, интендантства, губернаторы и др.) – спекулянты. Крестьяне рассматривали твердые цены как минимальные, тогда как власти считали их максимальными. Горожане были недовольны высокими ценами, а крестьяне считали, что стоимость промышленных товаров росла гораздо быстрее сельскохозяйственной продукции. Всех объединяло лишь негативное отношение к мероприятиям правительства в продовольственном вопросе, поскольку диапазон и направленность государственного регулирования не соответствовали масштабам перемен⁴¹⁴.

В некоторых областях введение твердых цен повлекло за собой общее повышение цен, в других – несколько сдерживало их. Последовали протесты и ходатайства в Министерство земледелия о повышении их уровня, производители и продавцы воздерживались от продажи зерна. А.А. Ритгих принял решение

⁴¹⁴ Тагирова Н.Ф. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014. С. 73.

вести доплату за доставку хлеба к пристаням и железнодорожным станциям. В результате закупочные цены 1916 г. превысили средние цены 1910–1914 гг. на 30–50 %. В тексте доклада для выступления на заседании Государственной думы 22 ноября 1916 г. А.А. Риттих писал о том, что не намерен отказываться от твердых цен: «Первое и самое важное, по-моему, это устойчивость политики – поэтому я не буду допускать колебания твердых цен. В сторону понижения – безусловно; понижение цен вовсе недопустимо, так как сельское хозяйство переживает кризис, оно должно стать интенсивным, а для интенсивности хозяйства нужны средства. Что касается повышения, то оно иногда желательно, но недопустимо потому, что вызывает выжидательное настроение на рынке, а сделки должны идти безостановочно»⁴¹⁵.

Осенью 1916 г. хлебные заготовки шли тяжело. 29 ноября того же года А.А. Риттих подписал указ о введении хлебной разверстки. Предполагалось, что она позволит осуществлять заготовки равномерно, создать государственный запас хлеба. Суть указа сводилась к следующему: надлежащее количество зерновых председатель Особого совещания распределял между губерниями в соответствии с размерами урожая, запасов и нормами потребления. Внутри губернии уездные земские управы делили это количество между уездами и волостями, волостные и сельские сходы – между сельскими хозяевами. Разверстку планировалось осуществить в течение месяца, а поставки зерна по ней – в срок до 6 месяцев. Предполагалось разверстать 772,1 млн пудов хлеба, в том числе 285 млн пудов ржи, 189 млн – пшеницы, 270 млн – овса и ячменя, 28,1 млн – проса и гречихи. Введение разверстки встретило сопротивление, поскольку наряды по губерниям не соответствовали количеству товарного хлеба в них. Губернаторы ходатайствовали о сокращении норм, которые считали завышенными. Сельские сходы соглашались разверстать не более 27 % от того

⁴¹⁵ Цит. по: Гальперина Б.Д. «Большая созидательная программа». Проект доклада А.А. Риттиха Государственной думе о положении сельского хозяйства. 22 ноября 1916 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 7.

объема, который запрашивало правительство. Продразверстка была продлена до 1 марта 1917 г.⁴¹⁶.

В результате введения разверстки смягчить остроту продовольственного кризиса не удалось, социальное напряжение в стране еще более обострилось. Например, М.В. Родзянко писал о ситуации с хлебом в феврале 1917 г.: «Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизициях стали тщательно прятать хлеб, закапывали его или спешили продать скупщикам»⁴¹⁷.

К тому же, равный принцип обложения, применявшийся в разверстке, приводил к разорению мелких крестьянских хозяйств. Крестьяне, засевавшие менее пяти десятин, не обеспечивали себя хлебом и ежегодно покупали его. При этом приобретали его по рыночной стоимости, а государству должны были сдавать по твердым ценам (гораздо ниже рыночных): «Эти «ножницы цен», извлекая теперь еще и часть необходимого продукта, ломали и без того слабые хозяйства и, прежде всего, хозяйства солдаток, что не могло не стать известным на фронте»⁴¹⁸.

На 1 марта 1917 г. запасов хлеба у государства оказалось 20 млн пудов при ежемесячной норме потребления 90 млн пудов. На фронтах запасов хватало на три – пять дней. Если в октябре 1916 г. Петроград ежедневно получал 500 вагонов продовольствия, то в январе 1917 г. – 269, в феврале – менее 200. Такое же резкое сокращение подвоза наблюдалось и в Москве. Из разверстанных Особым совещанием по продовольствию 772 млн пудов хлеба по 21 губернии до конца февраля 1917 г. на сыпные пункты поступило менее 33 %⁴¹⁹.

В Восточной Сибири ситуация на хлебных рынках развивалась следующим образом. В Енисейской губернии во второй половине не произошло значительных изменений. Урожай 1914 г. повсеместно был хорошим (Приложение 1. Таблица 11). Несмотря на мобилизацию, уборка прошла успешно. Благоприятными

⁴¹⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 109; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... С. 256.

⁴¹⁷ Родзянко М.В. Крушение империи ... С. 222.

⁴¹⁸ Оськин М.В. Продовольственный вопрос ... С. 425–426.

⁴¹⁹ Волобуев П.В. Экономическая политика ... С. 21–23.

факторами стали теплая погода и закрытие винных лавок. В начале войны ГУЗиЗ пыталось оценить, насколько возможно осуществлять здесь заготовки зерновых для армии. Так, зимой 1914–1915 гг. на запрос Г.В. Глинки о том, сколько хлеба можно было бы приобрести в Енисейской губернии, чиновники губернской администрации отвечали, что заготовки здесь вести нельзя. Во-первых, производительность крестьянских хозяйств была низкой. В частности, в самом плодородном уезде – Минусинском – можно было рассчитывать на покупку в лучшем случае лишь ста тысяч пудов, а не полутора миллионов, как хотели уполномоченные ГУЗиЗ. В других уездах (Канском, Красноярском, Ачинском) имелись лишь незначительные товарные запасы или их не было вовсе (Енисейский уезд). Во-вторых, местная сыромолотная пшеница нуждалась в предварительной просушке, иначе была непригодна к транспортировке, портилась при перевозке, а губерния испытывала острый дефицит зерносушилок. В-третьих, ни производители, ни торговцы не имели брезента, мешков, весов в необходимом количестве, не были оборудованы пункты ссыпки. Ко всему прочему большую проблему представлял вопрос о вывозе зерна в условиях бездорожья⁴²⁰.

Внутри губернии спрос на хлеб еще оставался относительно низким, поскольку прекратили работу винокуренные и пивоваренные заводы, золотопромышленные компании имели запасы от урожая предыдущего года. Здесь не велись боевые действия, за дальностью расстояний не направляли раненых и больных воинов. В результате уровень цен был даже ниже, чем в менее урожайном 1913 г.

Зимой 1914–1915 г. уже наметился постепенный рост стоимости зерновых, который в дальнейшем лишь усиливался. Одна из главных причин заключалась в том, что правительственные заготовки в Западной Сибири опустошили ближайший хлебный рынок, на котором восточносибирские губернии также закупали зерно. В первый военный заготовительный сезон (осень 1914 – лето 1915 гг.) интендантство заготовило в Сибири 46 млн пудов зерна, общий вывоз

⁴²⁰ РГИА. Ф. 455. Оп. 1. Д. 43. Л. 5–9.

различных заготовителей составил 80,3 млн пудов, во второй сезон (осень 1915 – лето 1916 гг.) – 53,3 млн пудов, третий (осень 1916 г. – лето 1917 г.) – 39,5 млн пудов. Сибирь стала важнейшим поставщиком хлеба не только для армии, но и населения Европейской России. Прежде всего, это был хлеб Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей⁴²¹. Поставки из Западной Сибири в Восточную значительно сократились.

Следующий 1915 г. в Енисейской губернии выдался неурожайным. Крестьяне собрали ржи на 24 % меньше средних сборов за предыдущие пять лет, пшеницы – на 37–38 %, овса – на 54 %. Сильнее всего пострадал Красноярский уезд, более благополучная ситуация сложилась в Канском уезде, который дал 41 % хлебов и овса. В октябре – ноябре 1915 г. стоимость ржи и пшеницы была на 90–100 % выше цен осени 1914 г., овса, ячменя и сена – выросла в три раза⁴²² (Приложение 1. Таблицы 12, 13).

Наибольшую потребность в хлебе испытывал губернский центр. К октябрю 1915 г. в город прибыло 5 000 беженцев, 13 000 военнопленных и 27 000 мобилизованных. Ежедневно Красноярску требовалось не менее 5 вагонов хлеба или 145–150 вагонов ежемесячно⁴²³. Получить деньги на реализацию мероприятий по борьбе с дороговизной продовольственной комиссия смогла лишь в конце 1915 г. К этому времени из-за неурожая в пределах Енисейской губернии не было возможности купить овес, свободные его запасы скупил военное ведомство. Был закрыт и сезон навигации, поэтому не удалось приобрести необходимое количество пшеницы в Минусинском уезде.

Подорожанию фуражных культур способствовало и то, что на территории Иркутского военного округа находился конский запас. В частности, в Красноярске с июля 1915 г. содержалось 6 000 воинских лошадей. Старые припасы фуража у местного населения были незначительными, урожай текущего года плохим. Ходатайства енисейского губернатора и красноярского городского

⁴²¹ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений ... С. 100.

⁴²² Фрумкин М. Продовольственные перспективы // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 18–19. С. 14; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. ... С. 9.

⁴²³ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 691. Л. 40

управления о выводе конского запаса в местности, более богатые фуражом, ни к чему не привели. Продовольственная комиссия направила своего представителя Г.С. Любенецкого в Западную Сибирь. Он оплатил 30 вагонов овса, однако не смог доставить их из Ново-Николаевска в Красноярск. Овес закупался там для нужд фронта и вывоз его из Томской губернии был запрещен. Не помогли ходатайства енисейского губернатора и красноярского городского головы на адрес Особого совещания. В результате Красноярску удалось заготовить лишь суррогаты – 14 вагонов отрубей и 10 вагонов конопляного жмыха⁴²⁴.

Ситуация с урожаем была благополучной лишь в Канском уезде, где хлеба могло бы хватить для местного населения, но здесь традиционно вели закупки Красноярск и Иркутская губерния. Торговцы начали придерживать зерно, не выпускали его на рынок в ожидании повышения цен. Крестьяне также не везли урожай на рынки, поскольку стремились создать запас из-за опасений, что нехватка рабочих рук в следующем году вынудит их сократить запашку. Хлеб начали использовать в качестве корма для скота, поскольку запасли недостаточно сена. Кроме того зерно и муку усиленно скупали производители самогона. После введения сухого закона быстрыми темпами развивалось тайное винокурение. Беженцы из прибалтийских губерний, ранее работавшие на водочных заводах, обучали местное население изготавливать качественный самогон⁴²⁵. В Енисейской губернии беженцы из Латвии и Эстонии выбирали для поселения преимущественно Канский уезд, где с конца XIX в. существовали деревни их соотечественников-переселенцев. В декабре 1915 г. в Уярской волости Канского уезда существовало уже около 300 крупных и мелких заводов, поставлявших на продажу в сутки не менее 2 000 ведер самогона: «Все латышские участки в Уярской волости покрыты сетью крупных и мелких заводов. Аппараты все усовершенствуются <...> Заводчики, бесчисленные поставщики и целая армия

⁴²⁴ РГИА. Ф. 1291 Оп. 132. Сельско-продовольственная часть/1915 г. Д. 399. Л. 14 б.

⁴²⁵ Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 156.

посредников наживают огромные деньги»⁴²⁶. Часто в самогонварении уличали жен, матерей и других близких родственниц мобилизованных, которые использовали самогон вместо денег при найме помощников во время полевых работ.

Во второй половине 1915 г. стоимость хлеба начала увеличиваться даже в Минусинске, который был центром сельскохозяйственного производства Енисейской губернии. Если в мае пшеничная мука стоила 90 копеек, ржаная – 52 копейки, то в ноябре – 1 рубль 20 копеек и 1 рубль 15 копеек соответственно. Точными статистическими сведениями об объемах потребления хлеба населением Минусинска власти не располагали и ориентировались на усредненные данные о ежемесячном подвозе хлеба в город. Зимой городской продовольственной комиссии удалось купить партию пшеницы и муки высшего качества (96 000 пудов). Гласные городской думы считали, что для продажи беднейшему населению этого количества достаточно⁴²⁷.

Крестьяне Ачинского уезда из-за почвенно-климатических условий собирали гораздо более скромные урожаи, чем Минусинского. Однако практически весь произведенный хлеб оставался на местных рынках, поскольку транспортировка до железной дороги была дорогой. Помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления ротмистр Н.А. Смирнов писал в докладных записках на имя губернатора, что главной причиной дефицита продуктов питания в Ачинском уезде была нехватка рабочих рук, обусловленная мобилизациями⁴²⁸.

Жители Ачинска считали, что рост цен на городском рынке подстегивали продовольственные закупки военнопленных (порядка 2 500 человек): «Как офицеры, так и нижние чины, люди по большей части состоятельные и, пользуясь предоставленным им правом заготовить для себя продукты, приобретают на рынке лучший товар, нисколько не стесняясь при этом ценами, чем страшно

⁴²⁶ Беженцы и самогонка // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. № 3. С. 28.

⁴²⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 692. Л. 8.

⁴²⁸ ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 115. Л. 3 об.

взвинчивают последние. Они предлагают на 80–100 % больше реальной стоимости»⁴²⁹. В результате ачинская городская дума вынесла постановление, запрещавшее военнопленным покупать продукты в пределах городской черты.

Для населения самого северного Енисейского уезда «хлебный вопрос» всегда был чрезвычайно актуальным. Купцы ввозили хлеб во время навигации по Енисею из Минусинского и частично Красноярского уездов. Летний завоз на плотах и барках определял цены и обеспечивал город на всю зиму, длившуюся здесь не менее восьми месяцев. В случае возникновения проблем, хлебные цены начинали стремительно расти, городская и мещанская управы, контролировавшие завоз, подвергались жесткой критике со стороны обывателей: «Случись недостаток запаса хлеба в магазинах, а в это время пошла цена на повышение, тогда беда и городскому голове, и мещанскому старосте. «Где были, что смотрели?» – вопят повсюду обыватели. А скачки в хлебных ценах зимою действительно бывали страшные: в 100–200 и даже доходили до 500 % против летнего времени»⁴³⁰.

В годы войны хлебную торговлю в Енисейском уезде сосредоточили в своих руках несколько купеческих семей, которые занялись спекуляцией. К примеру, представители енисейских купцов братьев П.А. и Ф.А. Тонконоговых скупали хлеб у крестьян Тасеевской волости Канского уезда по 50 копеек за пуд и продавали в Енисейске от 2 рублей и выше. В селе Назимовском по реке Енисей Тонконозовы обустроили хлебные склады, в которых хранили приобретенное зерно. Ротмистр отдельного корпуса жандармов В.Н. Руссиянов в докладе губернатору о продовольственном положении в уезде в ноябре 1915 г., писал, что Тонконозовы ввели определенную ограничительную норму на продажу хлеба в одни руки – жителям Енисейска по 1 пуду на человека, селе Назимовском по 2 пуда. Таким способом они стремились сдерживать объемы продаж в виду того, что с течением времени стоимость хлеба быстро. Принудительно установленная

⁴²⁹ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 692. Л. 8.

⁴³⁰ Енисейск в записках ... С. 51–52.

норма вызывало недовольство населения, поскольку за мукой приходилось ехать издалека (за 50–60 и более верст) по полному бездорожью: «На деле выходит так, что крестьянину некогда работать – ему все время приходится ездить за мукой. Кроме Тонконоговых, муки в Енисейске и в окрестностях достать негде»⁴³¹.

На внеочередном съезде крестьянских начальников Енисейского уезда 8 декабря 1915 г. обсуждался вопрос об обеспечении населения хлебом. После продолжительной дискуссии его участники констатировали, что запасов предыдущих лет будет достаточно до урожая и завоза следующего года. Кроме того, было решено направить ходатайство губернатору о создании в Енисейске склада ржаной муки на 30 000 пудов для продажи наиболее нуждавшимся в кризисные моменты⁴³².

В 1915 г. доставка хлеба из Западной Сибири в Иркутскую губернию превратилась в серьезную проблему. С конца 1915 г. перевозки по железной дороге для армии осуществлялись в соответствии с планом, который выработывался комиссией при Главном интендантском управлении, после чего местные управления железной дороги получали телеграфные наряды на отправку товарных грузов. Губернаторы подавали в управление железной дороги списки продуктов питания, необходимых для населения на два-три месяца вперед⁴³³. По распоряжению иркутского губернатора, такие списки составляли Иркутск, поселок Иннокентьевский, Нижнеудинск, Балаганск, Верхолениск. Киренск, села Тулун, Куйтун, Тайшет, Черемхово, Тыреть, Залари, Качуг⁴³⁴. Тем не менее, железная дорога не справлялась и с плановыми перевозками. Количество ходатайств иркутского генерал-губернатора и губернатора о предоставлении вагонов для перевозки уже оплаченных муки и пшеницы в Министерство путей

⁴³¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 239. Л. 82–88.

⁴³² РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 692. Л. 14.

⁴³³ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 364. Л. 1–5; РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–2.

⁴³⁴ Объявление уполномоченного председателя Особого совещания – Иркутского губернатора // Иркутские губернские ведомости. 1916. 3 января. С. 2.

сообщения, Управление делами Особого совещания непрерывно увеличивалось⁴³⁵.

В нарушении товарного сообщения большую роль играло не только расстройство железнодорожных перевозок, но и связанные с этим злоупотребления. Так, основатель «Первой Маньчжурской мукомольной компании», «Русского мукомольного товарищества», владелец мельниц в Маньчжурии, Владивостоке, Чите, Новониколаевске И.В. Кулаев писал в своих воспоминаниях о преступлениях на станции Иннокентьевская близ Иркутска. Чиновники станции намеренно задерживали товарные грузы («теряли»), а затем перепродавали их. На запросы отправителю и получателю давался ответ: «Товар еще не пришел». Только в случаях, когда кто-то специально выезжал разыскивать товар, и удавалось доказать, что он пропал именно на Иннокентьевской, администрация выплачивала компенсацию. За военный период здесь было расхищено товаров частных лиц на сумму около 7 млн рублей. И такая ситуация не являлась исключительной: «Во время военных передвижений частные грузы задерживались на многих станциях причинно и беспричинно; никто за продвижением этих грузов не следил и никто за них не отвечал»⁴³⁶.

Со второй половины 1915 г. из-за неурожая испытывала дефицит зерновых Забайкальская область. Ежегодно недостающее количество хлеба – около 5 млн пудов приобреталось в Западной Сибири и еще столько же в Маньчжурии. К концу 1915 г. в Забайкалье выросла стоимость западносибирской крупчатки. За период с июля 1914 г. по июль 1916 г. в Чите цена на крупчатку первого сорта поднялась с 12 рублей 50 копеек до 18 рублей 75 копеек (т.е. на 54 %), второго сорта – с 10 рублей 50 копеек до 16 рублей 75 копеек (54 %), третьего – с 9 рублей 50 копеек до 5 рублей 75 копеек (54 %), муки ржаной – с 1 рубля 10 копеек до 1 рубля 50 копеек, муки пшеничной – с 1 рубля 40 копеек до 2 рублей 25 копеек (57 %) (Приложение 1. Таблица 14). Задержка подвоза из Западной Сибири вызвала

⁴³⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 693. Л. 35; РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1016. Л. 1; РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1–47.

⁴³⁶ Кулаев И.В. Под счастливой звездой ... С. 104.

постепенный рост цен на зерновые, естественно, за этим следовало увеличение стоимости и монгольского зерна⁴³⁷.

Урожай 1916 г. в Восточной Сибири в целом был лучше предыдущего года. Однако высокий спрос на хлеб подстегивал спекулятивные настроения торговцев. Так, недостаток хлеба в Иркутской губернии разжигал аппетиты спекулянтов Канского уезда Енисейской губернии. Скупщики встречали крестьянские возы далеко за городом, приобретали весь товар на месте, а иногда и насильно не допускали до городских базаров. Они отправляли своих агентов по деревням, которые приобретали и отправляли зерно на железнодорожные станции для вывоза. Только за сентябрь 1916 г. цены на ржаной хлеб в Канском уезде выросли сразу на 20–25 копеек за пуд. Городская дума не имела инструментов воздействия на спекулянтов, лишь ходатайствовала перед губернатором о предоставлении ей права реквизиции хлеба и введении запрета на вывоз хлеба со всех железнодорожных станций в районе Канского уезда. Губернатор не мог дать такое разрешение без санкции Особого совещания по продовольствию, поэтому лишь переадресовал ходатайство иркутскому генерал-губернатору. Городской голова Канска Т.Д. Леонов 2 ноября 1916 г. созвал местных хлеботорговцев на совещание, которые договорились установить верхнюю границу закупочных цен на зерно (пшеница – 1 рубль 50 копеек, рожь – 1 рубль 20 копеек, мука пшеничная – 1 рубль 60 копеек – 1 рубль 70 копеек, ржаная мука – 1 рубль 35 копеек). Однако через две недели Т.Д. Леонов докладывал губернатору, что ни один из участников встречи соглашения не соблюдал. В результате дефицит хлеба начался уже и в Канском уезде. 20 октября 1916 г. крестьяне села Иланского той же волости ходатайствовали перед енисейским губернатором о покупке муки в Томской губернии. 18 ноября рабочие и железнодорожные служащие Иланска обратились с просьбой запретить скупку хлеба и его продажу в другие уезды. 25 ноября была получена телеграмма от канского исправника: «Вследствие слабого подвоза, большого вывоза зерна в городе ощущается недостаток хлеба, грозящий

⁴³⁷ Рынков В.М. Влияние государственных заготовок ... С. 178.

через несколько дней превратиться в хлебный голод, необходима немедленная реквизиция зерна у торговцев в городе и в уезде, а также воспреещение вывоза»⁴³⁸.

Ситуацию с хлебом усугубляло то обстоятельство, что в кампанию 1916–1917 г. уполномоченные Министерства земледелия получили задание на заготовку в Енисейской губернии 300 тыс. пудов ржи, 300 тыс. пудов пшеницы, 1 000 тыс. пудов овса и 500 тыс. пудов гречневой крупы. В целом в масштабах страны это была незначительное количество – 0,3 % от общей массы хлебных продуктов, подлежащих заготовке. Однако эта мера оказала негативное влияние на продовольственное обеспечение местного населения⁴³⁹.

Дефицит хлеба в Енисейской губернии можно было бы смягчить покупкой зерна из Западной Сибири, но уполномоченные запретили вывоз муки и зерна из Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области в связи с армейскими заготовками. В октябре–декабре 1916 г. последовала целая серия телеграфных обращений енисейского губернатора Я.Г. Гололобова в адрес западносибирских губернаторов и «Центромуки» с просьбами разрешить покупку крупчатки и семян. Отовсюду были получены ответы о том, что излишков зерна нет, а Я.Г. Гололобов должен принять меры к закупке зерна в пределах собственной губернии. 25 ноября 1916 г. Я.Г. Гололобов созвал продовольственное совещание, которое признало наличие торгового хлеба в губернии, который, однако, был сосредоточен в руках крупных оптовиков. Участники съезда мукомолов, представителей кооперативов и городских продовольственных комиссий Минусинского уезда, состоявшегося 29 ноября 1916 г., также констатировали существование больших запасов зерна в уезде, которые не поступали в продажу. Лишь перекупщики приобретали его небольшими партиями по высокой стоимости.

Енисейский губернатор докладывал иркутскому генерал-губернатору о том, что на ноябрь и декабрь городам губернии требовалось около 50 000 пудов

⁴³⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 271 об.

⁴³⁹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 237.

пшеницы и 220 000 пшеничной сортовой муки. «Острую нужду» в хлебе ощущали жители Енисейска, Красноярска, Ачинска, Канска. Перед председателем Особого совещания по продовольствию Я.Г. Гололобов ходатайствовал о наделении его правом осуществления реквизиций, утверждении твердых цен на хлеб для Енисейской губернии, предоставлении ссуды в размере 100 000 рублей на закупки зерна, введении запрета вывоза зерна из пределов Канского уезда: «Надвигается хлебный кризис, и при создавшемся положении в моих руках нет средств его предотвратить <...> Запрещение вывоза муки из Западной Сибири, отсутствие зерна на местных мельницах создает резкий недостаток хлебных продуктов, а закрытие торговых фирм вызывает панику и ропот населения на правительственную власть. Без права реквизиции при покупке у меня нет никаких средств к удовлетворению потребности в муке и прекращению ропота. Дальнейший недостаток хлебных продуктов может вызвать опасные эксцессы»⁴⁴⁰.

В Иркутской губернии к концу 1916 г. также складывалась тяжелая ситуация относительно хлеба. Сказывался дефицит мужских рабочих рук в деревне. Гнетущее впечатление на современников производило то запустение, которое привнесли в жизнь иркутской деревни мобилизации: «Деревня обезлюдела, не хватало рабочих рук, заимки были покинуты, поля лежали необработанными»⁴⁴¹.

Подвоз хлеба и муки по железной дороге из Западной Сибири непрерывно сокращался. Так, в январе 1916 г. в Иркутск было ввезено всех видов муки 185 149 пудов, феврале – 101 512 пудов 17 фунтов, марте – 118 522 пуда 23 фунта, апреле – 4 737 пудов 10 фунтов, мае – 33 653 пуда 37 фунтов, июне – 24 544 пуда 30 фунтов, июле – 77 682 пуда 32 фунта, августе – 46 154 пуда 2 фунта, сентябре – 52 862 пуда 2 фунта, октябре – 195 900 пудов 11 фунтов, декабре – 8 315 пудов⁴⁴². Стоимость крупчатки и муки в Иркутске за период с июня 1914 г. по июнь 1916 г.

⁴⁴⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 274 об.–275.

⁴⁴¹ Войтинский В.С. Годы побед и поражений ... С. 405.

⁴⁴² Потребление городом муки в 1916 г. // Иркутская жизнь. 1917. 19 января. С. 3.

выросла на 37,1–66,7 %. Причем быстрее росли цены на пользовавшиеся наиболее широким спросом дешевые сорта (Приложение 1. Таблица 15).

Мельница Иркутского мукомольного товарищества, обслуживающая Иркутский уезд, нуждалась для непрерывной годовой работы приблизительно в 1 млн. пудов пшеницы. В 1916 г. из Западной Сибири удалось вывезти лишь 200 вагонов, недоставало еще 800. Возможности приобрести пшеницу в Маньчжурии не было в виду высокой цены и пошлины. В ноябре 1916 г. иркутский Биржевой комитет ходатайствовал о разрешении мукомольному товариществу приобрести зерно в размере годовой потребности в Западной Сибири, вывозить в Иркутск своими силами: «Привозной крупчатки крайне мало, цены растут. Остановка мельницы вызовет полный крупчаточный голод»⁴⁴³.

Согласно распоряжению генерал-губернатора в связи с усилившимся ростом цен на продукты питания, прежде всего хлеб, 7 ноября 1916 г. состоялось губернское продовольственное совещание⁴⁴⁴. Его участники отметили бессмысленность такс, поскольку торговцы находили всевозможные способы обойти их. Все единогласно высказались за регулирование цен введением определенной нормы прибыли торговых и промышленных предприятий и только затем «фиксацию цен на местах производства», но «под строгим контролем правительства, общественных организаций и представителей организованной торговли после всестороннего рассмотрения условий производства, характера и особенностей таксируемого продукта». Совещание постановило ввести карточную систему на продажу муки⁴⁴⁵ (Приложение 7).

А.И. Пильц также направил в иркутский Биржевой комитет просьбу обсудить причины дороговизны и дефицита продуктов питания и в частности хлеба в Иркутской губернии, а также сформулировать рекомендации о том, что можно было бы предпринять для разрешения кризиса на месте, без обращения в центральные органы власти. После совещания членов комитета его председатель

⁴⁴³ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 134. Л. 8–9.

⁴⁴⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 148–152.

⁴⁴⁵ Там же.

В.М. Посохин доложил, что рост цен в губернии был вызван главным образом сокращением подвоза продуктов из западных областей вследствие нарушения железнодорожного сообщения и запретов указов уполномоченных. Запретительные меры и реквизиции продуктов в той или иной местности оценивал негативно: «Уполномоченные, реквизируя продукты, не всегда принимают в учет потребности местного населения и никогда не считаются с нуждами населения областей соседних, стоящих от первых в прямой продовольственной зависимости. Реквизиции протекают часто бессистемно, переходят за пределы явно необходимого и вызывают вздорожание важных продуктов не только в данном районе, но и в соседних с ним»⁴⁴⁶. В.М. Посохин считал, что силами местных властей ситуацию разрешить невозможно.

Следующее заседание губернского продовольственного совещания состоялось через две недели 25 ноября 1916 г. Обсуждался вопрос о том, стоит ли отменить таксы на хлеб в связи с тем, что цены на муку в Иркутске росли практически ежедневно, официальное повышение таксы не играло никакой роли, поскольку пекари ее не соблюдали. В результате было принято решение оставить таксу и даже номинально повысить ее «для спокойствия базарной площади», чтобы не спровоцировать слухи о бездействии властей в отношении спекулянтов⁴⁴⁷.

13 декабря 1916 г. А.И. Пильц телеграфировал в Особое совещание о том, что снабжение продовольствием и товарами первой необходимости городов и сел подведомственного ему региона резко ухудшилось за последние несколько месяцев. Губернаторы, уполномоченные, городские управления, предприятия, торговцы «измучились бесплодными ходатайствами» о получении разрешений на вывоз необходимых продуктов питания и получение вагонов. Результатами бесчисленных обращений являлись большей частью отказы, случайные обещания, а чаще всего ответов просто не было. Создавшееся положение принимало

⁴⁴⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 279.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 142–143.

угрожающий характер, недовольство населения быстро росло, усиливалось осуждение правительства и ведомств, ведавших перевозкой и снабжением⁴⁴⁸.

Усилился хлебный дефицит и в Забайкальской области⁴⁴⁹. В 1916 г. подвоза хлеба из Западной Сибири не ожидали. Специалисты Забайкальского Переселенческого управления рекомендовали рассчитывать только на местный урожай: «В нынешнем году в Западной Сибири состояние посевов не совсем удовлетворительно, поэтому и сбор зерна там может оказаться для обычного вывоза недостаточным. Кроме того, в настоящее военное время хлеб отсюда вывозится еще и в Европейскую Россию. Следовательно, в наступающем продовольственном году привоза хлеба из Западной Сибири в Забайкалье может не быть»⁴⁵⁰.

Дефицит создавал почву для спекуляции. В январе 1916 г. осуществлявший заготовки хлеба смотритель Верхнеудинского продовольственного магазина Управления интендантской частью по денежному довольствию войск Забайкальской области подполковник Ермолинский⁴⁵¹ в рапорте окружному интенданту Иркутского военного округа писал о том, что агенты местных хлеботорговцев в деревнях Верхнеудинского и Селенгинского уездов скупали зерно и отправляли его во Владивосток. В результате их деятельности цены увеличивались ежедневно, забайкальские города испытывали дефицит муки⁴⁵². Второй рапорт Ермолинский подал начальнику гарнизона Верхнеудинска, в котором обвинил в спекуляции М.И. Радовского – товарища председателя местного военно-промышленного комитета и представителя самой крупной в городе хлебной фирмы «Торговый дом Клейман и Радовский». Он задавал вопрос о том, насколько вообще правомерно такого рода совмещение работы на оборону и коммерческой деятельности: «Допустимо ли при описанных условиях, засвидетельствованных продовольственной комиссией, совместительство в лице

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 701. Л. 99.

⁴⁴⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14334. Л. 22–23.

⁴⁵⁰ Видны на урожай хлебов и трав в Забайкальской области к 1 июля 1916 г. (По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела). Чита, 1916. С. 5.

⁴⁵¹ В документе не указаны инициалы Ермолинского.

⁴⁵² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17428. Л. 4–5.

г[осподи]на Радовского двух несовместимых (на взгляд каждого беспристрастного человека) функций товарища председателя местного отделения военно-промышленного комитета и представителя хлебной фирмы»⁴⁵³. В отношении действий М.И. Радовского было проведено расследование, однако доказать, что он занимался спекуляцией, не удалось.

14 мая 1916 г. на заседании представителей кооперативов и торговых учреждений Читы председатель городской продовольственной комиссии И.М. Новоселов доложил, что мукомолы из Алтая и Новониколаевска отказались делать поставки в забайкальские города, после того как они установили таксы на муку. На местной мельнице И.В. Кулаева имелись запасы хлеба, которых могло бы хватить для населения Читы до августа, однако за мукой в Читу съезжалось население со станций Забайкальской железной дороги. Местные торговцы просили увеличить таксу с 1 рубля 60 копеек за черный хлеб, 2 рублей – пшеничный и 2 рублей 40 копеек – белый до 2 рублей, 2 рублей 40 копеек и 2 рублей 60 копеек соответственно. Подчиняясь правительственному курсу в этом вопросе, таксы на хлеб не отменили, хотя большинство гласных склонялось к мнению, что хлеб на рынке мог появиться только с их упразднением: «Таксы на предметы первой необходимости являются желательными, как мера борьбы с искусственным поднятием цен на продукты потребления, но таксы только в том случае могут достигнуть цели в смысле регулирования цена на рынке, когда они согласованы и находятся в соответствии с ценами на местах производства»⁴⁵⁴.

В октябре 1916 г. председатель читинского Биржевого комитета Д.В. Полутов сообщал в Особое совещание по продовольствию о том, что мельница И.В. Кулаева, снабжавшая мукой население почти всей области, осталась без пшеницы⁴⁵⁵. 14 октября 1916 г. управляющий мельницы обратился в читинскую городскую управу с просьбой о возбуждении ходатайства разрешить закупку 1 млн. пудов пшеницы из Маньчжурии, по примеру Иркутска. Свою просьбу он

⁴⁵³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17428. Л. 3–3 об.

⁴⁵⁴ ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 43. Л. 198 об.

⁴⁵⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 696. Л. 4–5.

обосновывал тем, что Забайкалье нуждалось в привозном зерне не меньше, чем Иркутская губерния. С помощью этой меры было бы невозможно обеспечить зерном все Забайкалье, но ее принятие позволило бы в какой-то степени регулировать цены на него и смягчить дефицит в городах⁴⁵⁶.

В ноябре 1916 г. владельцы западносибирских мельниц уведомили губернии и области Восточной Сибири о том, что не будут исполнять заказы на крупчатку. Все ее запасы поступили в распоряжение уполномоченного по продовольственному делу в Томской губернии. Военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко направил ходатайство в Особое совещание о немедленной отмене русской пошрины на маньчжурскую пшеницу, снижении железнодорожного тарифа на ее перевозку, и разрешении ввоза 1 000 000 пудов в Забайкальскую область. Он предлагал ввести на время войны общий тариф от станций Восточно-Китайской железной дороги до станций Забайкальской сибирской дороги до Иркутского генерал-губернаторства для облегчения снабжения местного населения хлебом⁴⁵⁷.

В декабре 1916 г., когда, не дожидаясь официального разрешения Особого совещания, иркутский губернатор А.Н. Юган одобрил закупки зерна в Маньчжурии властями города Иркутска, Чита также приобрела маньчжурское зерно⁴⁵⁸. После чего возникли сложности уже с его доставкой. Управляющий Китайско-Восточной железной дороги генерал Д.Л. Хорват не предоставлял вагонов без санкции управления железных дорог. Д.В. Полутов ходатайствовал в Особое совещание теперь о выдаче такого разрешения: «Привоз маньчжурского зерна в Забайкалье освободит несколько миллионов пудов западносибирского хлеба в пользу армии и населения других губерний»⁴⁵⁹.

24 декабря 1916 г. в Томске состоялось региональное совещание, на которое прибыли уполномоченные, представители биржевых комитетов и мукомолы, губернаторы иркутский (А.Н. Юган) и томский (В.Н. Дудинский), заведующий

⁴⁵⁶ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 952. Л. 217–217 об.

⁴⁵⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 134. Л. 15–16.

⁴⁵⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 701. Л. 69.

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 696. Л. 4–5, 48.

Переселенческим управлением Акмолинской области (А.В. Цеклинский). Обсуждалась тяжелая ситуация с хлебом, сложившаяся в Восточной Сибири. Совещание обнаружило, что во всех мукомольных районах Томской губернии к этому времени оставалось 200 000 пудов муки и 2 550 000 зерна. В результате было решено ввозить из Акмолинской области в Енисейскую губернию до мая 1917 г. ежемесячно до 130 000 пудов (всего 500 000). Хлеб Минусинского уезда поставлять для нужд населения Енисейской губернии, Канского уезда – на продажу в Иркутской губернии. Кроме того, планировалось вывозить в Иркутскую губернию для городов и поставок в Приленский район из Томской губернии около 2 000 000 пудов⁴⁶⁰. Однако министр земледелия сократил нормы, определенные совещанием в два раза.

Зимой 1916–1917 гг. губернии и области Восточной Сибири испытывали острый дефицит хлеба. То зерно, которое на томском совещании предназначили к ввозу в Енисейскую и Иркутскую губернии, вначале передали для размолы мукомолам Томской губернии. И уже оттуда мука крайне медленно поступала по железной дороге. Согласно подсчетам Л.В. Шаповой, если в 1913 г. в Иркутской губернии «недостаток хлебных продуктов составлял всего полмиллиона пудов (в основном мука 1 сорта)», то в начале 1917 г. дефицит вырос до 6 млн пудов⁴⁶¹.

6 января 1917 г. в Красноярске состоялось продовольственное совещание под руководством губернатора Я.Г. Гололобова и депутата Государственной думы С.В. Востротина. Главным вопросом стал дефицит муки, который испытывали города Енисейской губернии, особенно Красноярск, а также золотопромышленные предприятия. Местные газеты сообщали о наступлении «мучного голода». У продовольственных лавок при морозах свыше 30 градусов скапливались огромные очереди («хвосты»), население волновалось⁴⁶². По результатам совещания была направлена телеграмма на адрес председателя Особого совещания по продовольствию в Петроград с просьбой срочно усилить

⁴⁶⁰ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 612. Л. 21–24.

⁴⁶¹ Шапова Л.В. Влияние войны на экономическую ... С. 231.

⁴⁶² К мучному кризису // Сибирская деревня. 1916. № 19–20. С. 30.

подвоз муки из Западной Сибири, предоставить местным властям право реквизиции при его закупке⁴⁶³.

Не менее тревожные вести поступали из уездов. Истожились запасы даже в таких хлебородных уездах, как Минусинский. «Вестник Красноярского городского общественного управления» сообщал: «Минусинск, хлебопромышленный центр Восточной Сибири, несмотря на обильный урожай последнего года, также переживает хлебный кризис. Подвоз зерна в город крайне ничтожен. Большинство мельниц стоит»⁴⁶⁴.

В северных уездах Енисейской губернии ситуация выглядела еще более напряженной. 18 января 1917 г. городской голова Енисейска А.И. Елтышев направил телеграмму в Особое совещание. Он писал, что была произведена «продовольственная перепись», которая обнаружила отсутствие муки, как в городе, так и уезде: «Неминуем близкий голод. Городская дума бессильна в принятии мер. Своих средств для доставки запасов из других районов у города нет. Город в мае просил продовольственную ссуду, но ответа все еще нет. В населении растет тревога»⁴⁶⁵. Местная печать также сообщала об остром кризисе: «Необходим экстренный подвоз муки, также реквизиция запасов и распределение исключительно через кооперативы по карточной системе»⁴⁶⁶.

Военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко докладывал председателю Особого совещания в январе 1917 г. о том, что в Забайкальской области до следующего урожая дефицит ржаной муки составлял 992 292 пуда, пшеничной – 2 405 551 пуд. Кроме того, еще 200 750 пудов хлеба и муки требовалось русскому населению Монголии (около 8 800 человек). Ранее хлеб туда поступал через Кош-Агач от железнодорожной станции Бийск Томской губернии и через Кяхту из Верхнеудинска. Но с ноября 1916 г. из-за «злостной спекуляции» в Верхнеудинске хлеб из продажи исчез. К спекуляции подключились и китайские торговцы. Они скупали у сельского населения

⁴⁶³ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 612. Л. 47–48.

⁴⁶⁴ Продовольственное дело // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1917. № 5–6. С. 38.

⁴⁶⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 210–211.

⁴⁶⁶ Мучной кризис в г. Енисейске // Сибирская деревня. 1917. № 1–2. С. 31.

Забайкальской области зерно, придерживали до тех пор, пока не поднималась цена, а затем ввозили со стороны Маймачена, выдавая его за монгольский, и снова продавали⁴⁶⁷.

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 595. Л. 3–4, 123.

§ 3.2 Изменение конъюнктуры мясного потребительского рынка

В начале военных действий к заготовкам мяса ГУЗиЗ приступало в спешке, не имея какого бы то ни было плана. Подготовительная работа (определение районов заготовок, создание убойных пунктов, формирование штата служащих и др.) также велась в срочном порядке: «Вспыхнувший международный пожар разрастался с невероятной силой и быстротой, и возможная продолжительность его определялась тогда лишь месяцами. В связи с этим и мясные заготовки торопились начать возможно скорее, опасаясь, что промедление может создать на фронте продовольственные затруднения»⁴⁶⁸.

Направлял и контролировал ход заготовок Главноуполномоченный С.Н. Ленин, у которого в подчинении находились уполномоченные Министерства земледелия. Мясо приобреталось большими партиями у торговцев-посредников, которые занимались скупкой скота у крестьян. Предельная цена утверждалась Министерством земледелия.

Особое совещание по продовольствию поручило Комиссии по снабжению армии и населения мясом изучить вопрос о реальных объемах потребления мяса в стране. Основываясь на сведениях Ветеринарного управления, Комиссия выяснила, что в 1913 г. в Европейской России общее потребление мяса составило 98 млн пудов, на Кавказе – 8,5 млн, в Азиатской России – 15 млн, всего по империи – 121 млн 500 тыс. пудов. Наибольший процент этого количества приходился на города (58 %). В целом уровень потребления на душу населения был невысоким, на горожанина приходилось в среднем 4,3 пуда в год, крестьянина – 0,3 пуда. Большое значение в этом отношении имела дороговизна продукта, отсутствие в деревнях мясного торга и возможности хранить мясо в теплое время года⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ Бреславец В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год. М., 1918. С. 5.

⁴⁶⁹ Обзор деятельности Особого совещания ... С. 90.

Начало войны существенно изменило потребительский спрос. Многомиллионной армии ежедневно требовалось огромное количество мяса – до 800 000 пудов каждые три недели. Потребление в деревне выросло на 150–200 %. Повышенный спрос на мясо стали предъявлять и города, численность которых росла за счет военных, беженцев, пленных, где были сосредоточены лазареты, госпитали, приюты и т.д. По отзывам современников, если ранее миллионы людей ели мясо очень редко, то теперь оно превратилось в «необходимый продукт ежедневного питания»⁴⁷⁰.

Точный учет убоя скота в годы войны не велся. По приблизительным подсчетам, для армии и городов в течение первых полутора лет на мясо было забито порядка 10 млн голов скота, что составляло 30 % общего поголовья губерний европейской части страны и 20 % от его количества в империи⁴⁷¹.

В течение первого военного года активно расходовался скот из оккупированных территорий. При отступлении русская армия забирала с собой скот – частью реквизируемый, частью – отданный добровольно. К 1 сентября 1915 г. в тылу армии скопилось до 800 000 голов крупного рогатого скота и примерно столько же свиней и овец. Животные поступали в распоряжение местных властей и интендантов фронтов. Было принято решение разместить стада на пастбищах Смоленской, Витебской, Могилевской, Псковской, Минской губерний. Из-за отсутствия надлежащего ухода, кормов и распространения эпидемических заболеваний начался массовый падеж. Значительная часть скота пошла на выполнение нарядов Главного интендантства, которое поручило Министерству земледелия заготовить до начала 1915 г. до 2 млн пудов солонины. Спешно организовывались пункты заготовки солонины и сала. Часть мяса отправляли в Петроград и Москву. Так, из района Петроградско-Варшавской железной дороги ежедневно отгружали в Петроград до 40 вагонов скота⁴⁷².

⁴⁷⁰ Полонский Г. Регулирующие мероприятия ... С. 27–28.

⁴⁷¹ Обзор деятельности Особого совещания ... С. 92.

⁴⁷² РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 6. Л. 6–8.

Всего к 15 декабря 1915 г. в ведение уполномоченных приграничных губерний поступило порядка 330 000 голов скота. Из этого количества было отправлено на стойловое содержание 89 776 (27,2 %), передано организациям, интендантству или другим уполномоченным – 71 442 (21,6 %), продано – 60 282 (18,2 %), забито на мясо и солонину – 43 445 (13,1 %), погибло – 38 427 (11,6 %), роздано бесплатно желающим – 19 343 (5,8 %), не распределено к 15 декабря или пропало – 4 593 (1,7 %), передано войсковым частям – 2 692 (0,8 %)⁴⁷³.

На 1916 г. Главное интендантское управление выдало наряд на заготовку 40 млн пудов. Уполномоченные считали, что расширить объемы заготовок можно только путем повышения закупочных цен. Однако в действительности такие меры стимулировали спекуляцию торговцев-оптовиков: «Началась передержка закупленного скота в ожидании дальнейшего повышения цен, а с другой стороны перестали считаться с существующей ценой и при покупках, переплачивая за счет будущего повышения. Ажиотаж начался среди контрагентов уполномоченных, а вскоре передался более мелким промышленникам, а через них комиссионерам, от которых перешел к продавцам»⁴⁷⁴.

В феврале 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов решил передать заготовку мяса земствам, для того, чтобы они скупали скот непосредственно у производителей, минуя перекупщиков. Отдел заготовок Министерства земледелия разработал план распределения поставок мяса по отдельным губерниям. Земства должны были вырабатывать твердые цены на мясо и скот в соответствии с местными условиями, вести учет взрослого скота, регулировать порядок его вывоза за пределы губернии. Если земство не могло обеспечить поставки в необходимом количестве, то должно было прибегнуть к реквизициям. В Сибири, где земств не было, эти обязанности возлагались на губернаторов, под началом которых должны были создаваться специальные комиссии в составе

⁴⁷³ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 6. Л. 169.

⁴⁷⁴ Бреславец В.Н. Снабжение армии ... С. 14.

чиновников Переселенческого управления и представителей сельскохозяйственных обществ⁴⁷⁵.

По расчетам Особого совещания, к началу 1916 г. в стране еще имелся достаточный запас убойного скота, при этом затянувшаяся война вызывала тревогу и опасения относительно развития скотоводческого хозяйства и обеспеченности армии и населения мясом в будущем. Земствам удалось обеспечить мясом армию до октября 1916 г. в достаточном количестве. Однако заготовки вели к серьезному сокращению поголовья в крестьянских хозяйствах. Из-за дефицита рабочих рук, и соответственно, кормов, крестьяне старались распродать скот. Еще в предыдущую заготовительную кампанию животные зачастую были худыми и даже истощенным, то в 1916 г. на мясо продавали телят, дойных и стельных коров.

В этих условиях министр земледелия признал необходимым сократить потребление мяса, как в армии, так и в тылу. Летом 1916 г. ежедневная солдатская порция мяса была уменьшена с 1 фунта до $\frac{3}{4}$ фунта, среда и пятница стали постными днями. В целях сокращения потребления гражданского населения одобрен так называемый «закон о мясопустных днях», согласно которому введена разрешительная система убоя скота и продажи мяса. Теперь забой осуществлялся лишь три дня в неделю по нормам, которые назначал уполномоченный или городское самоуправление. Торговля мясом и изделиями из него во всех торговых заведениях (включая столовые, буфеты и т.п.), также производилась лишь с пятницы по воскресенье. Нарушителей наказывали следующим образом: в первый раз полагался штраф 50–300 рублей или арест на 3 месяца, во второй раз – заключение в тюрьму от 3 месяцев до 1,5 лет⁴⁷⁶. Вопреки ожиданиям правительства, закон не привел к значительному сокращению потребления мяса населением. Во-первых, контроль за его исполнением представлял собой сложную задачу для полиции и местных властей. Во-вторых, состоятельные

⁴⁷⁵ Оськин М.В. Русская армия и продовольственный ... С. 144–152.

⁴⁷⁶ Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу ... С. 552.

группы населения теперь просто закупали мясо большими объемами в расчете на всю неделю, а малоимущие не могли позволить себе такие дорогостоящие разовые покупки. И первые, и вторые восприняли новую законодательную норму крайне негативно.

Осенью 1916 г. заготовки земств шли тяжело из-за высокого внутреннего спроса на мясо, падения стоимости рубля вследствие инфляции. В ноябре 1916 г. твердые закупочные цены были повышены сразу на 25 %. Однако частные скупщики приобретали скот на торгах по рыночным ценам, которые намного превышали твердые. Земства стали применять реквизиции, что вызывало недовольство производителей и торговцев. В то же время значительную тревогу по всей стране вызывал быстрый рост цен на мясо, что касалось уже не только потребления бедных, но и социальных слоев среднего достатка⁴⁷⁷.

В конце 1916 г. интендантство намечало заготовку на следующий 1917 г. 42 млн пудов мяса для фронта. Примерно такое же количество было необходимо для оборонных предприятий, учреждений Красного креста, Земского союза, Союза городов, столичных городов, воинских частей. Правительство не вело точного учета, сколько мяса требовалось населению тыловых городов и сел. Свое питание они должны были обеспечивать за счет за счет птицы, овец и свиней⁴⁷⁸.

Поскольку наиболее масштабные закупки скота для армии производились в губерниях европейской части страны (Тургайской области, Уральской, Астраханской, Терской, Донской, Оренбургской, Кубанской, Ставропольской и др.), в них наиболее быстрыми темпами происходило исчерпание скотоводства. Особое совещание по продовольствию нашло желательным, чтобы для армейских заготовок были привлечены в возможно более широких размерах мясные рынки Сибири, Монголии, Маньчжурии (Северный Китай). Для заготовки мяса в этом регионе была создана заготовительная Монгольская экспедиция под

⁴⁷⁷ Федоров М.П. Война и дороговизна жизни ... С. 5.

⁴⁷⁸ Бреславец В.Н. Снабжение армии ... С. 23.

руководством известного путешественника, ученого, исследователя Китая, Тибета, Монголии полковника П.К. Козлова⁴⁷⁹.

В июле 1915 г. в Иркутске состоялось совещание, на котором были определены условия деятельности Монгольской экспедиции: определен порядок скупки скота, ветеринарные меры, разработаны инструкции для помощников начальника экспедиции. Для районов Восточной Сибири, в которых планировалось вести заготовки, установлены оптовые закупочные цены: в Иркутской губернии 5 рублей за пуд мороженого мяса и Забайкальской области 4 рубля 50 копеек.

Сразу после начала работы экспедиции конъюнктура на мясных рынках за Уралом изменилась за счет конкуренции большого количества покупателей. Монгольская экспедиция вывозила мясо из Забайкалья в большем количестве, чем планировалось изначально. Торговцы, как местные, так и приехавшие из Благовещенска и Владивостока, начали скупать и вывозить большими партиями мясо из Иркутского генерал-губернаторства и Монголии в Приамурье, где такса не была введена. Причиной высокого спроса на мясо там стал запуск консервного завода во Владивостоке, сокращением пригона скота из южных портов Китая после того, как на русской территории усилился пограничный санитарный контроль (было введено обязательное требование противочумных прививок)⁴⁸⁰. Заготовки мяса на восточносибирских рынках по высокой стоимости вели местные гарнизоны⁴⁸¹.

Одними из первых дефицит мяса ощутили жители забайкальских городов. В ноябре 1915 г. военный губернатор А.И. Кияшко телеграфировал в Особое совещание с просьбой запретить вывоза скота и мяса в Амурскую, Приморскую области и Маньчжурию. В качестве обоснования приводил следующие аргументы: рыночные цены резко повысились, из области были вывезены не только торговые «излишки», но и те объемы, которые обычно торговцы оставляли

⁴⁷⁹ Оськин М.В. «Особая» экспедиция ... С. 37.

⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 694. Л. 18–22.

⁴⁸¹ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 888. Л. 24–30.

для населения, причем период нормальных заготовок уже закончился, а вывоз продолжался. С.Н. Ленин разрешил ввести временный запрет на вывоз скота из Забайкальской области, однако эта мера не помогла. Больницы, учебные заведения, военные части, тюрьмы, каторга, железнодорожные продовольственные пункты остались без мяса, потому что не имели права покупать его по ценам выше установленной таксы, а на рынке уже не было предложений ниже 6 рублей за пуд.

В январе 1916 г. А.И. Кияшко в очередной телеграмме Особому совещанию сообщал, что мясо с местных рынков исчезло совсем, он был вынужден начать реквизиции в населенных пунктах вдоль железной дороги, на что получил одобрение продовольственного совещания Забайкальской области. Губернатор просил срочного официального разрешения на осуществление реквизиций⁴⁸².

Ситуация с мясом в Восточной Сибири усугублялась неурожаем зерновых предыдущей осенью. Дефицит кормов заставлял крестьян забивать скот, сокращать поголовье. Так, если в январе 1915 г. в хозяйствах Енисейской губернии насчитывалось 506 324 лошади, 573 537 крупного рогатого скота, 757 976 овец, 167 790 свиней, в январе 1916 г. – 486 353 лошади, 527 755 крупного рогатого скота, 691 834 овец, 157 405 свиней, т.е. за один год общее поголовье сократилось на 7 % (Приложение 1. Таблицы 16, 17).

В феврале 1916 г. С.Н. Ленин выдал уполномоченным официальное распоряжение закупать «возможно большее количество скота»⁴⁸³. Министр земледелия обратился к А.И. Пильцу с просьбой провести совещания в губерниях, а затем общее заседание для обсуждения твердых цен на живой скот и мясо в Иркутском генерал-губернаторстве на 1916 г., поскольку правительство планировало расширить заготовки в этом регионе⁴⁸⁴.

Совещание состоялось в Иркутске 4 мая 1916 г. В нем приняли участие сотрудники канцелярии генерал-губернатора, губернаторы А.Н. Юган, Я.Г.

⁴⁸² ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 888. Л. 23.

⁴⁸³ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 6. Л. 41.

⁴⁸⁴ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 268. Л. 8.

Гололобов, А.И. Кияшко, якутский вице-губернатор Д.О. Тизенгаузен, начальник Монгольской экспедиции П.К. Козлов, окружной интендант Иркутского военного округа В.А. Трофимов, городской голова Иркутска И.М. Бобровский, Красноярска С.И. Потылицын и Читы К.М. Стерхов, чиновники Контрольной палаты, Управления земледелия и государственных имуществ, ветеринарные инспекторы и врачи, представители биржевых комитетов⁴⁸⁵.

П.К. Козлов доложил, что деятельность Монгольской экспедиции за прошедший год получила одобрение министров земледелия и военного на Совещании по государственной обороне в Петрограде. Работы велись на огромных пространствах – от Владивостока до Туркестана. Немного позже для удобства управления его разделили на два подрайона – от Омска до Владивостока и от Омска до Туркестана. Закупки шли в первом подрайоне, Монголии и частично в Приморской области. Во втором подрайоне осуществлялась подготовительная работа. В 1916 г. работу начали рано – в марте. Несмотря на рост цен, уже к маю успели выполнить треть годового плана. Если в 1915 г. приобретали в основном крупнорогатый скот, в 1916 г. – также и овец, поскольку правительство поручило вести заготовку кож и шерсти⁴⁸⁶. П.К. Козлов выражал беспокойство обесцениванием русского рубля, поскольку монголы отказывались принимать оплату банкнотами, предпочитали серебро в слитках. Он видел выход в максимально возможном расширении российского торгового оборота с Монголией⁴⁸⁷.

Далее взял слово ветеринарный инспектор Забайкальской области А.А. Дудукалов. Он рассказал, что в течение операционного периода закупочная цена держалась на уровне от 4 рублей до 4 рублей 85 копеек. В 1915 г. экспедиции удалось купить более 400 000 пудов в Монголии, около 100 000 в Забайкальской области, примерно 150 000 пудов было получено путем реквизиций в Западной Сибири, а всего – до 800 000 пудов. В Забайкальской области заготовки шли по

⁴⁸⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 38–38 об.

⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 455. Оп. 1. Д. 900. Л. 1–2.

⁴⁸⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 40–41.

цене от 4 рублей до 4 рублей 85 копеек за пуд. Почти 20 000 пудов было оставлено для населения Читы по ходатайству губернатора и городских властей. Основные сложности заготовки были связаны с тем, что на рынки области заявились оптовики из Владивостока и Благовещенска, но в целом удалось удержать уровень закупочных цен. В борьбе со спекуляцией значительную роль сыграл Забайкальский союз кооперативов. На 1916 г. экспедицией намечалась закупка примерно 2 000 000 пудов, в том числе часть этого мяса предполагалось пустить в продажу местному населению. Как считали сотрудники экспедиции, в западном районе заготовок можно было приобрести еще около 1 000 000 голов скота, в Иркутском районе – 300 000, Енисейском – 600 000, Томском – 1 000 000, всего до 3 000 000 голов. Из этого количества планировалось получить путем реквизиций около 30 %. Скот русских территорий рассчитывали использовать для снабжения местного населения, а монгольский отправлять в войска. А.А. Дудукалов предлагал также активнее скупать китайский скот (до 1 000 000 пудов), вести расчет с монголами серебром. Он считал, что в 1916 г. экспедиция сможет удержать цену на уровне 4 рублей 50 копеек – 5 рублей за пуд⁴⁸⁸.

Генерал-губернатор предложил обсудить вопрос о снабжении мясом войск Иркутского военного округа. Интендант округа В.А. Трофимов доложил, что в 1915 г. для солдат и военнопленных потребовалось 700 000 пудов. Однако были уменьшены пайки, из Иркутской губернии выведена одна бригада, к осени 1916 г. намечалась отправка военнопленных на сельскохозяйственные работы в Европейскую Россию. Таким образом, в 1916 г. потребности военного округа сократились в половину – до 350 000 пудов. Закупки мяса велись в Красноярске, Чите, Иркутске, поэтому цены выросли, прежде всего, в этих городах. Реквизиции позволяли вести заготовки для войск по относительно невысоким ценам, но стоимость мяса для населения была гораздо выше. А.И. Пильц задал П.К. Козлову вопрос, в состоянии ли Монгольская экспедиция взять на себя обеспечение Иркутского военного округа. Полковник ответил, что при условии,

⁴⁸⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 41–42.

если бы в Монголии экспедиция не испытывала конкуренции со стороны других скупщиков, она смогла бы вести заготовку мяса и для военных гарнизонов. Однако А.А. Дудукалов возразил, что целью комиссии был лишь поиск торгового мяса и заключение контрактов. Она не могла взять на себя техническую сторону закупок – приобретать транспортные средства, нанимать перевозчиков, оборудовать склады, холодильные установки и т.п.⁴⁸⁹.

Военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко считал, что необходимо создать на рынке такие условия, чтобы не происходило «выкачивания мяса» (бесконтрольного вывоза) из региона. Для этого предлагал ввести фиксированную стоимость в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторстве, для Забайкалья определить общую оптовую цену, а для городов – и розничные.

Енисейский губернатор Я.Г. Гололобов отметил, что если экспедиции будет достаточно для армии мяса из Монголии, и заготовки не охватят Восточную Сибирь, то снабжение местного населения останется стабильным. Прежде всего, необходимо думать о введении запрета на вывоз скота, потому что в европейской части страны цены установились гораздо более высокие. В губернии появились скупщики, в больших количествах переправлявшие мясо за Урал: «Если не будет запрещения вывоза – через месяц у нас скота не будет»⁴⁹⁰ Городские головы Красноярска и Иркутска поддержали необходимость введения запрета вывоза мяса из Иркутского генерал-губернаторства.

А.И. Пильц полагал маловероятным, чтобы правительство разрешило ввести запрет на вывоз мяса из сибирских губерний. Среди сотрудников Особых совещаний и в Ставке верховного главнокомандующего утвердилось мнение, что мясной рынок Сибири огромен. Задачу совещания генерал-губернатор как раз видел в том, чтобы показать иллюзорность такой точки зрения⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 42.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 45.

⁴⁹¹ Там же. Л. 45.

Другие участники совещания отметили необходимость отслеживать стоимость мяса в городах, и в частности в административном центре Восточной Сибири – Иркутске, потому что монгольские производители традиционно ориентировались на иркутские цены. Основным инструментом, с помощью которого можно обеспечить закупку скота для армии – реквизиции, для населения – концентрация закупочных операций в руках одной Монгольской экспедиции в целях пресечения конкуренции скупщиков.

После обсуждений участники совещания голосованием утвердили следующие предложения: ввести твердые цены для Восточной Сибири, все закупки мяса в регионе (не только для армии, но и тылового местного населения и гарнизонов) осуществлять через Монгольскую экспедицию, вывоз скота совершать только по специальным запросам уполномоченных, в Приамурском генерал-губернаторстве установить твердые цены в соответствии с забайкальскими, в Якутской области заготовок не осуществлять. При определении размера твердых цен на мороженое мясо предлагали поделить Забайкальскую область на три района: в Чите установить стоимость в 4 рубля 80 копеек за пуд, на станции Мациевской и в Верхнеудинске – 4 рубля 50 копеек. При необходимости закупки свежего мяса – увеличивать плату на 1 рубль за пуд. В Иркутске и Иркутской губернии установить стоимость 5 рублей за пуд мороженого мяса, и в случае закупок свежего мяса городская управа должна была регулировать цены. Енисейскую губернию поделить на две области – Ачинско-Минусинскую и Канско-Красноярскую, в первой установить 4 рубля за пуд, во второй – 4 рубля 50 копеек. В пределах Иркутского генерал-губернаторства цена на свинину должна была составлять 5 рублей, в городе Иркутске – 5 рублей 50 копеек⁴⁹².

А.И. Пильц сообщил телеграммой в Особое совещание о выработанных предложениях. От Г.В. Глинки пришел ответ о том, что подобные условия не могли быть приняты. В срочном порядке А.И. Пильц обратился к министру

⁴⁹² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 48–49.

земледелия. Он дал развернутые объяснения о том, почему местное совещание склонилось именно к таким выводам, доказывал, что без соблюдения перечисленных условий властям не удастся удержать ситуацию под контролем, что скажется как на армейских заготовках, так и положении местного населения⁴⁹³.

1 июля 1916 г. правительство установило предельные закупочные цены на мясо в губерниях и областях Сибири, а в августе того же года – твердые цены, срок действия их определялся до 1 января 1917 г. Цена при весе туши от 5 до 7 пудов в Забайкалье, Иркутске, Енисейске составляла 6 рублей, в Приамурском генерал-губернаторстве – 6 рублей. Мясо 2 сорта шло на 60 копеек дешевле, 3 сорта – дешевле еще на 60 копеек. При повышении веса туши от 7 до 12 пудов на каждый пуд прибавлялось 40 копеек, с 12 до 16 пудов – добавлялось 20 копеек. Цена мороженой баранины: в Забайкалье, Иркутской губернии – 6 рублей, Енисейской губернии и Приамурье – 7 рублей⁴⁹⁴.

Последствия этого решения для восточносибирского мясного рынка были отрицательными. Большинство торговцев уже закупили необходимые объемы мяса и с крестьянами рассчитались по прежним ценам. А вот далее с населением и организациями они начали торговать по твердым ценам, которые оказались выше, чем требовало иркутское совещание. Таким образом, разница в стоимости пошла целиком в карман перекупщикам, а не производителям мяса.

Отказ ввести запрет вывоза скота и мяса из Сибири поставил в тяжелую ситуацию Монгольскую экспедицию. Поставщики прекращали отгрузку по всем уже заключенным договорам, требуя пересмотра контрактов. Руководство экспедиции должно было компенсировать им огромную разницу. Кроме того, большую конкуренцию экспедиции на рынках составляли скупщики из различных регионов страны, агенты городов и организаций, что также отражалось на стоимости мяса.

⁴⁹³ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 37. Л. 12.

⁴⁹⁴ Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1917. № 1 (30). С. 6–7.

Полковник П.К. Козлов сообщал в Отдел заготовки продовольствия и фуража о том, что все агенты экспедиции высказали разочарование тем, что не были одобрены постановления иркутского совещания. Тех денежных авансов, которые выдавала казна, теперь не хватало для того, чтобы перебить конкуренцию на монгольском рынке китайских скупщиков мяса. П.К. Козлов ходатайствовал о предоставлении экспедиции исключительного права вывоза мяса в европейскую Россию по железной дороге⁴⁹⁵.

Из Забайкальской области губернатор А.И. Кияшко телеграфировал в Иркутск в сентябре 1916 г. о том, что утвержденные цены были слишком высокими: «Забайкальский и монгольский рынки никогда не могли мечтать [о] таком благополучии для скупщиков»⁴⁹⁶. Здесь и ранее скотопромышленники в убыток себе дела не вели, а теперь для них были созданы исключительные условия. Между тем население и армия потеряли возможность приобретать мясо по его действительной стоимости. Вслед за мясом началась цепная реакция роста цен на другие продовольственные продукты. В то время, как у жителей Забайкалья не было больших заработков в виду его слабого промышленного развития, такая ситуация ставила людей в тяжелое положение. А.И. Кияшко просил генерал-губернатора возбудить ходатайство о пересмотре постановления министра земледелия.

Забайкальская контрольная палата Государственного контроля направила в Отдел заготовок продовольствия и фуража для действующей армии Министерства земледелия телеграмму, в которой сообщалось, что на заседании местного совещания по продовольственному делу в Забайкальской области 5 сентября 1916 г. А.А. Дудукалов определил вероятные убытки казны в результате введения твердых цен по заготовкам экспедиции приблизительно в 2 млн рублей. Совещание предсказывало значительное обострение продовольственного вопроса в области, где мясо являлось одним из основных продуктов питания. Также его

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 37. Л. 20–28.

⁴⁹⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 88–91.

участники высказались за сохранение для региона прежних расценок хотя бы до конца 1916 г., когда заканчивались поставки по уже заключенным договорам⁴⁹⁷.

О той широкой волне спекуляции, которая охватила Восточную Сибирь после начала заготовок по твердым ценам, генерал-губернатор докладывал А.А. Бобринскому в сентябре 1916 г. Торговцы вывозили скот в те регионы, где цены были выше, или просто делали запасы в ожидании дальнейшего увеличения стоимости. Они имели преимущества на рынке, поскольку по твердым ценам велись государственные заготовки. При этом скупка велась самыми хищническими способами, наносившими ущерб сибирскому скотоводству.

А.И. Пильц писал в Особое совещание, что такое развитие ситуации вызывало всеобщее недовольство: «Население, особенно беднейшая его часть, несущее на своих плечах тяжесть войны и сильнее испытывая, чем обеспеченные классы, последствия дороговизны, естественно постоянно находится в тревожном настроении. Дальнейший рост дороговизны, особенно на такой продукт как мясо, выведет из состояния равновесия, и может вызвать с его стороны совершенно нежелательные эксцессы, для подавления которых уже придется прибегнуть к исключительным мерам. К сожалению, обвинение правительства не только в бездействии при борьбе с дороговизной, но и в потворстве алчным спекулянтам слышится все чаще и чаще»⁴⁹⁸.

Публикации в прессе подтверждали, что сибиряки воспринимали правительственный курс крайне негативно. В статьях и заметках освещался ход заготовок для армии: «Ежедневно убиваются сотни тысяч голов. Появились партии спекулянтов, скупающих мясо по высоким для Сибири ценам. Особенно много истребляется молодого скота»⁴⁹⁹.

На свое ходатайство о необходимости немедленного снижения твердых цен на скот до пределов нормальной рыночной стоимости в регионе А.И. Пильц получил ответ лишь через месяц. 3 ноября 1916 г. А.А. Бобринский

⁴⁹⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 105.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 123–123 об.

⁴⁹⁹ Хищническое истребление скота // Деловая Сибирь. 1916. № 16. С. 1.

телеграфировал о том, что действия правительства объяснялись исключительно стремлением уравнивать цены в Сибири и Европейской России, а также заинтересовать монгольских поставщиков увеличить объемы продаж. В связи с этим он не видел необходимости пересматривать данное решение⁵⁰⁰.

Представление о том, как изменился мясной продовольственный рынок в восточносибирских городах, дают материалы по Иркутску. В предвоенный период населению города требовалось порядка 500 000–600 000 пудов мяса в год. До 50–60 % этого количества закупалось в Монголии, остальное – в уездах самой Иркутской губернии, а также в Енисейской и Томской губерниях, Забайкальской области⁵⁰¹ (Приложение 1. Таблица 18). В летний период начинался перегон монгольского скота, в осенне-зимний период везли мясо по железной дороге с запада⁵⁰².

Уже в первый военный год в Иркутске начался рост стоимости продовольственных товаров, в связи с чем устанавливалась таксы. Согласно распоряжению губернатора А.И. Югана в мае 1915 г. для обсуждения таксы на мясо на заседание иркутской городской продовольственной комиссии были приглашены крупные торговцы скотом и мясом (В.И. Винтовкин, С.Л. Кринкевич, А.К. Пачерских и др.). Повышение стоимости мяса они объяснили следующим: крестьяне продавали свою продукцию дороже, поскольку мобилизации вызвали дефицит рабочих рук, а соответственно и кормов, заготовки военного ведомства охватывали практически все наличные торговые запасы оптовиков, объемы розничной торговли с населением сокращались, в то время, как спрос увеличивался. Продовольственная комиссия пришла к выводу, что ситуация на мясном рынке была в целом относительно благополучной. Торговцы планировали закупки значительных партий скота в Минусинском уезде

⁵⁰⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. Л. 148.

⁵⁰¹ Там же. Л. 177.

⁵⁰² Война и меры городов в борьбе с дороговизной жизни // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 11–12. С. 10.

Енисейской губернии и Монголии. Утвержденная такса на мясо фактически лишь зафиксировала его рыночную стоимость⁵⁰³.

Когда летом 1915 г. начала заготовки Монгольская экспедиция, губернатору удалось договориться, что она будет обеспечивать и население Иркутской губернии. Экспедиция заключала контракты, а местные торговцы занимались доставкой и реализацией мяса на комиссионных началах. Сотрудник Монгольской экспедиции ветеринарный врач Г.Г. Гей информировал в сентябре 1915 г. иркутского городского голову И.М. Бобровского из приграничного монгольского поселения о том, что заготовки скота шли вполне успешно. Экспедиция смогла заготовить для Иркутска то же количество скота, что и обычно в довоенный период. Стоимость мяса составляла 4 рубля 10 копеек, но частные скупщики предлагали монголам немного большую цену – 4 рубля 20 копеек, что было на 50 копеек дороже, чем в 1914 г. Стоимость доставки скота составляла 20 копеек на пуд мяса. Цены поднялись в связи с возросшим спросом⁵⁰⁴.

Согласно расчетам городского продовольственного комитета, закупленного мяса должно было хватить на зиму 1915–1916 г. в достаточной степени. Мясоторговцы утверждали, что запасов хватит до июня 1916 г., т.е. до нового сезона заготовки. К январю 1916 г. в городских торговых лавках было 152 957 пудов мороженого мяса⁵⁰⁵. Однако в начале февраля 1916 г. иркутские торговцы заявили об убыточности таксированной цены и заявили ходатайство в городскую думу о повышении таксы. Для городских властей это стало неприятной неожиданностью.

После обсуждения этого вопроса на заседаниях продовольственного комитета гласные решили таксу не пересматривать. Сезон оптовых закупок уже завершился, то мороженое мясо, которое продавалось в лавках, было оплачено

⁵⁰³ В Иркутскую городскую думу. Доклад Исполнительной продовольственной комиссии // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 6. С. 46–49.

⁵⁰⁴ Закупка скота в Монголии // Иркутская жизнь. 1915. 16 сентября. С. 3.

⁵⁰⁵ Протокол № 7 заседания Иркутского городского продовольственного комитета от 24 февраля 1916 г. // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 1–2. С. 66–67.

еще летом–осенью предыдущего года, поэтому серьезных оснований для повышения цен и таксы они не видели⁵⁰⁶. Тем не менее, торговцы настаивали на том, что изменения затронули сферу продовольственной торговли в целом. Усиленная скупка мяса на внутренних рынках для армии делала его дефицитным продуктом, вела к повышению оптовых закупочных цен. К примеру, мясо, которое купцы приобретали зимой по Балаганскому и Якутскому трактам и в Западной Сибири, стоило уже гораздо дороже партий, закупавшихся летом–осенью. Они предоставили счета на покупку нескольких вагонов мяса из Западной Сибири в подтверждение справедливости своих слов, а также указывали, что сама продовольственная комиссия закупала мясо по ценам, убыточным для города⁵⁰⁷.

Изменились условия мясной торговли и в Монголии. Стоимость рубля непрерывно падала в то время, как подвоз промышленных изделий из России стремительно сокращался. Русские банки и крупные фирмы больше не предоставляли кредиты, в то время как мелкие торговые предприятия Монголии работали в кредит: брали в долг товары и выдавали также в долг монголам под скот, шерсть, овчины и т.д. В то же время на монгольских рынках усиливались китайцы. Китайские фирмы получали финансирование от США, Англии, Германии, вели заготовки больших партий скота, которые гнали вглубь Китая на убой и переработку⁵⁰⁸. Таким образом, Монгольская экспедиция была вынуждена конкурировать не только с русскими оптовиками, но и китайскими⁵⁰⁹.

С начала военных действий к середине 1916 г. стоимость мяса в Иркутске выросла в среднем на 46,6–116,6 %⁵¹⁰ (Приложение 1. Таблица 19). Сами иркутяне были возмущены ростом цен, но при этом считали, что по сравнению с ужасающей дороговизной в российских городах, особенно в столицах, ситуация

⁵⁰⁶ Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 15 марта 1916 г. № 887 // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 3–4. С. 111–112.

⁵⁰⁷ Господину иркутскому городскому голове для представления в заседание городской думы, имеющей быть 15 марта сего года, мясоторговцев Иркутска // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 3–4. С. 114.

⁵⁰⁸ Полонский Г. Регулирующие мероприятия ... С. 29.

⁵⁰⁹ Положение русской торговли в Монголии // Иркутская жизнь. 1916. 8 апреля. С. 4.

⁵¹⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 26–27.

со снабжением мясом в Сибири все же обстояла благополучнее. 29 июня 1916 г. И.И. Серебренников сделал запись в своем дневнике: «Дороговизна дает о себе знать, но все же я должен сказать: в Сибири еще жить можно. Мясо и хлеб у нас не переводятся. И если Сибирь сравнительно благоденствует, то это нужно будет объяснить иногда, как ни парадоксально это покажется, общею российскою разрухою, расстройством транспорта. В самом деле, если бы было достаточно вагонов, а главное, если бы, наконец, Сибирь была оборудована хорошими бойнями, то разве мясо у нас сейчас стоило бы 22 копейки фунт (лучший сорт)? Нет, в лучшем случае оно и здесь бы поднялось до цены 50–60 копеек за фунт»⁵¹¹.

После опубликования в «Иркутских губернских ведомостях» и «Иркутской жизни» в начале августа 1916 г. «закона о мясопустных днях» горожан охватила паника, на городских рынках начался ажиотаж. Иркутяне покупали мясо в больших количествах, делали запасы, магазины работали до поздней ночи. Городская пресса сообщала, что в создавшихся обстоятельствах беднейшие горожане пострадали сильнее всего. Если ранее мясо было относительно недорогим и доступным продуктом, то теперь, мало того, что стоимость его возросла, но и закупать его нужно было в большем количестве сразу. Позволить себе сделать запас мяса на неделю и больше могли только состоятельные горожане⁵¹².

Все современники отмечали, что сибиряки привыкли сытно питаться. Мясо, редкое употребляемое в европейской части страны, здесь было обыденной пищей⁵¹³. Замена мяса другими пищевыми продуктами также представлялась чрезвычайно сложным делом – нехватка рабочих рук и кормов привела к дефициту молока и масла, подорожали и были дефицитными сахар, рыба, было слабо развито огородничество⁵¹⁴.

⁵¹¹ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары ... С. 236.

⁵¹² Мясопуст // Иркутская жизнь. 1916. 12 августа. С. 3.

⁵¹³ Самсонов В. Сибирь как источник продовольствия ... С. 27.

⁵¹⁴ Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 13 октября № 2954/265 // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 10, 11 и 12. С. 135.

Мясники заявляли об убыточности дела и закрывали торговлю. Не учитывались интересы многих национальностей, к примеру, мусульмане и евреи были лишены возможности своевременно приобретать мясо для своих праздников. Закон расценивался как результат недоработки и поспешности, угрожавших подорвать животноводческую отрасль сельского хозяйства (Приложение 8)⁵¹⁵.

Особое недовольство населения вызывало также то, что правительство, заготовив мясо для армии (и спровоцировав резкий рост цен на него в тыловых регионах), зачастую распоряжалось им бесхозяйственно. Например, председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал, что в начале 1916 г. на базарах Петрограда ощущался недостаток мясных продуктов. При этом на улицах города часто можно было встретить подводы, груженные испорченными тушами, которые везли на мыловаренные заводы. После осмотра холодильников за Балтийским вокзалом сотрудниками Особого совещания, выяснилось, что холодильников было мало, прибывавшие новые партии мяса отправляли на обычные склады, где оно превращалось в «горы гниющих туш». Поставщики неоднократно обращались за разрешением построить новые холодильники, но такового получить не могли: «По обыкновению, министерства не могли между собою сговориться»⁵¹⁶. Подобные случаи также широко освещались в прессе и становились известны всей стране.

Иркутская городская дума подала ходатайство губернатору и генерал-губернатору с просьбой дать разрешение на мясную торговлю по праздничным дням. Городской голова И.М. Бобровский обращался к А.А. Бобринскому об отмене действия закона для Иркутска, генерал-губернатор А.И. Пильц ходатайствовал перед императором⁵¹⁷. Все ходатайства были отклонены. В декабре 1916 г. иркутский генерал-губернатор издал постановление о

⁵¹⁵ Закон о мясопустных днях // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 16. С. 31–35; ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 948. Л. 1–20.

⁵¹⁶ Родзянко М.В. Крушение империи ... С. 161.

⁵¹⁷ Недостатки мясопустного закона // Иркутская жизнь. 1916. 12 октября. С. 3; ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Л. 1 об.

приостановке действия этого закона⁵¹⁸, мотивируя это тем, что его последствия для населения слишком тягостны: «Мясо в особых местных климатических условиях является главнейшим здесь предметом питания населения. Введение в крае мясопустного закона от 30 июня 1916 г. поставило местное население, лишив в течение четырех дней в неделю незаменимого продукта, в крайне тяжелое положение, так как вследствие недостатка в крае овощей, рыбы, молочных продуктов – заменить мясо было нечем. К тому же воспрещение потребления мяса вызвало немедленное повышение цен на те продукты, кои должны были заменить населению мясо <...> Принимая во внимание полную невозможность обеспечить питание населения при наличии воспрещения потребления мяса, тревожное настроение населения, 5 декабря 1916 г. приостановил действие "закона о мясопустных днях", донеся о принятой мною мере правительствующему Сенату»⁵¹⁹.

⁵¹⁸ Отмена мясопустных дней // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 23–24. С. 46.

⁵¹⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Л. 2 об.–3.

§ 3.3 Заготовки промысловой рыбы в регионе

В предвоенный период общая потребность населения страны в рыбе составляла порядка 80 млн пудов в год, из этого количества около 20 млн пудов импортировалось. Таким образом рыба являлась дефицитным продуктом, и в условиях войны увеличение заготовок для армии могло осуществляться путем механического увеличения лова или сокращения внутреннего потребления. В начале войны заготовки рыбы для армии почти не производились, но с нарастанием дефицита мяса, ГУЗиЗ увеличивало рыбные закупки. Значительную часть рыбы везли с Дальнего Востока. В 1914 г. из Приамурского военного округа было поставлено на фронт 500 000 пудов кеты и горбуши, в 1915 г. – 1 млн пудов по цене 2 рубля 50 копеек за пуд. В 1916 г. планировалось заготовить уже 1,5 млн пудов, причем цена выросла до 3 рублей 35 копеек за пуд. Контроль за закупками рыбы на Дальнем Востоке осуществлял приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти⁵²⁰.

В сентябре 1916 г. Н.Л. Гондатти направил телеграмму Министру земледелия, в которой сообщал о недолове летней и осенней кеты, усиленной скупке со стороны уполномоченных, представителей тыловых воинских частей, лазаретов, земских и общественных организаций. Он просил запретить вывоз рыбы за пределы региона для защиты интересов местного населения, учитывая, что кета являлась одним из основных продуктов питания, и спрос на нее в связи с введением «мясопустных дней» вырос. Ходатайство было отклонено. Большая часть рыбы из региона уже была вывезена, и Н.Л. Гондатти не настаивал на своей просьбе, однако в адрес председателя Особого совещания направил обширную записку, в которой объяснил свои мотивы. Он подчеркнул, что не являлся сторонником ограничения свободной торговли, но как представитель власти видел свою основную задачу в том, чтобы сдерживать «нездоровую»

⁵²⁰ Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России ... С. 138–139; Оськин М.В. Заготовки продовольствия ... С. 121.

конкуренцию. В начале рыбного сезона, когда только более или менее определились результаты улова, рыбный рынок края стал ареной лихорадочной конкуренции частных предпринимателей, скупщиков и перекупщиков из разных местностей областей страны, фактически выхватывавших рыбу из рук рыбопромышленников и друг друга. В результате цены поднялись до небывалых размеров, командированные сюда правительственными, общественными и благотворительными организациями агенты были вынуждены или переплачивать за нее в четыре, а то и пять раз дороже нормальной цены или же совершенно отказаться от мысли приобрести необходимый им продукт. Рыбопромышленники, соблазненные таким необычайным спросом на рыбу, быстро повышали цены. Они также учли большую выгоду продажи ее крупными партиями частным скупщикам, которые не стеснялись в деньгах, чем продажи непосредственным потребителям, ограниченных в средствах. Далее генерал-губернатор перечислил меры, которые смог осуществить: через местную печать уведомил рыбопромышленников о необходимости предъявлять весь улов для осмотра комиссиям по закупке рыбы для армии, создал в Благовещенске и Хабаровске еще две комиссии по заготовке рыбы в дополнение к уже работавшим во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре, обнародовал постановление о запрете повышать цены, обязал администрацию водных путей докладывать обо всех рыбных грузах, прибывавших на пароходах и баржах. Однако они оказались бесполезными, рыбу по-прежнему вывозили из региона в огромных количествах. В результате для армии удалось закупить лишь 800 000 пудов. В конце своей записки Н.Л. Гондатти еще раз подчеркивал, что в условиях свободной торговли он мало что мог предпринять: «Как Главный начальник края, обязанный следить за обеспечением населения предметами жизненной необходимости и как уполномоченный по продовольственному делу, возбуждая вопрос о подчинении вывода рыбы из края контролю, я имел в виду исключительно упорядочение распоряжения рыбным фондом, как в интересах армии, для которой нужно закупить возможно большее количество рыбы, как равно и в целях пользы для

местного населения, а также учреждений, организаций и лиц вне края, нуждающихся в рыбе не для торговли и спекуляции, а исключительно для непосредственного употребления»⁵²¹.

Высокий спрос стимулировал и предложение. В Интендантское управление с мест начали поступать предложения от крупных рыбопромышленников на поставку оптовых партий речной промысловой рыбы. Так, в июне 1916 г. мещанин Владивостока И.Ф. Сиденко отправил письмо в Министерство земледелия с описанием проекта заготовки для армии свежемороженой рыбы из Китая (до 500 000 пудов) и Монголии (до 550 000 пудов). В Китае рыбу вылавливали в районах Сунгари и Нони, она поступала на рынки с ноября по март. В Монголии лов осуществлялся летом на озерах Буир-Нор и Далат-Нор, затем рыбу держали в садках, к зиме вылавливали и везли в замороженном виде на станцию Маньчжурия, далее через Сибирь в Европейскую Россию. В сезон 1915–1916 гг. цены стояли от 7 до 8 рублей за пуд. И.Ф. Сиденко предлагал помощь в организации закупок, просил комиссионные (на заготовку, упаковку, погрузку в вагоны) 10 копеек с пуда. В июле записка И.Ф. Сиденко была передана в Отдел заготовок продовольствия и фуража для действующей армии с рекомендацией принять его условия⁵²².

Власти заинтересовались идеей заготовки речной промысловой рыбы и в сибирском регионе, хотя не рассчитывали на большие объемы: «На 1915/16 г. министерство утвердило план заготовок, в котором значилась заготовка в Сибири 12,8 тыс. пудов рыбы, или чуть более одного процента от общего объема поставок для армии. На следующий заготовительный сезон, при сокращении общего плана снабжения армии, из Сибири предполагали получить 174 тыс. пудов разной рыбы – соленой, сушеной и мороженой»⁵²³.

В Восточной Сибири рыба являлась важнейшим продуктом питания населения. На берегах Ледовитого океана и нижнего течения больших сибирских

⁵²¹ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 38. Л. 93 об.

⁵²² Там же. Л. 5–23.

⁵²³ Рынков В.М. Аграрная экономика под прессом ... С. 87.

рек рыболовство не только кормило инородцев, но являлось важной частью торгового обмена с русскими. В других местностях также было множество рек и озер, но там рыбная ловля не являлась основным занятием населения, рыба являлась предметом лишь местной торговли⁵²⁴.

Места промысловой рыбной ловли в регионе были малоисследованными, точного учета объемов лова не велось. Различные источники дают лишь общее представление об этом. Основные районы промыслового лова рыбы находились в местностях, прилегающих к Байкалу, в низовьях Лены и Енисея. Так, в Иркутской губернии в притоках Енисея и Лены в 1909 г. было выловлено 54 112 пудов рыбы на 202 402 рублей, в Забайкальской области – 7 047 пудов на 25 515 рублей. На Байкале ежегодно добывалось от 100 000 до 120 000 пудов, Ангаре – около 12 000 пудов. Омуля, осетра, тайменя, налимов, сига, щука вывозили в соленом и свежем виде в Иркутск, Верхнеудинск, Читту, Троицкосавск⁵²⁵. По Якутской области за этот же год в бассейне Лены было добыто промысловой рыбы на 71 646 рублей. Рыба, которую вылавливали местные жители для собственного потребления, регистрации не подвергалась: «Реки и озера области настолько изобилуют рыбой, что при самой малой затрате труда население может добывать ее в громадном количестве для собственных нужд и в действительности добывает в размерах, значительно превосходящих те, которые зарегистрированы у рыбопромышленников»⁵²⁶.

Больше всего промысловой рыбы добывалось на севере Енисейской губернии. В начале XX в. скупщики ежегодно вывозили из Туруханского края на рынки губернии от 135 000 до 150 000 пудов соленой рыбы, до 20 000 пудов мороженой, 1 000 копченой сельди и 1 000 пудов осетровой и сиговой икры⁵²⁷. В годы войны из-за мобилизации промысловиков объемы лова сократились до

⁵²⁴ Оланыон К. Сибирь ... С. 149.

⁵²⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. С. 275–277.

⁵²⁶ Обзор Якутской области за 1911 г. ... С. 69.

⁵²⁷ Шлихтер А.Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1916. 305 с.

100 000 пудов в 1915 г. и 1916 г., и 85 000 пудов в 1917 г.⁵²⁸. Основу видового состава уловов составляли ценные виды рыб – осетровые (осетр, стерлядь, костер) и лососевые (нельма, сиговые – омуль, моксун, чир и др.).

Промыслом занимались представители русского и коренного населения. Они продавали улов владельцам пароходов, которые вывозили рыбу из Туруханского края и перепродавали в Енисейске. Назад пароходы везли продукты питания (муку, чай, сахар и др.). Такая торговля была чрезвычайно прибыльной даже за вычетом значительных расходов по перевозке⁵²⁹. К тому же, инородцы получали в оплату по большей части не деньги, а товары, которые отпускались им в кредит, и таким образом попадали в зависимость от скупщиков. Многие из них всю жизнь не выходили из долгов, а после смерти долг переводился на семью должника⁵³⁰.

Условия по обработке, транспортировке, хранению рыбы были самыми примитивными. Оставалось низким качество засолки, поскольку заготовкой занимались местные жители или сами рыбаки, в период массового лова засольщики не успевали переработать весь улов, обработка рыбы производилась без соблюдения необходимых санитарных условий, использовалась низкокачественная соль⁵³¹. В предвоенный период Управление государственными имуществами планировало некоторые нововведения в организации рыбного промысла в этом районе: открытие в Енисейске консервной фабрики, а также школы для подготовки специалистов по засолу и консервации рыбы. Енисейское городское управление заинтересовала идея, официально школу успели открыть в

⁵²⁸ Справочная книжка Енисейского Г.С.Н.Х. Красноярск, 1923. С. 167.

⁵²⁹ Хоменко Д.Ю. Коренное и русское население Енисейского севера во второй половине XIX – начале XX века в свете проникновения капиталистических отношений // Технологии развития социальных, экономических и логических процессов Арктической зоны России: история и современность (Красноярск, 30-31 марта 2017 г.). Красноярск, 2017. С. 206–211.

⁵³⁰ Нансен Ф. В страну будущего ... С. 113–115.

⁵³¹ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского хозяйства (1822 – 1991 гг.). Красноярск, 2017. С. 59.

1915 г. Однако директор и специалист-учитель были мобилизованы на фронт, выделенные средства перенаправлены на другие цели⁵³².

Дороговизна и сложности доставки рыбы из отдаленных северных районов, отсутствие предприятий по переработке являлись причинами неразвитого внутреннего рынка рыбной продукции, а также ввоза рыбы из других регионов. Так, в Енисейскую губернию в 1913 г. по железной дороге было ввезено лососевых и сельди 234,2 тыс. пудов, в 1914 г. – 213,8, в 1915 г. 190,1, в 1916 г. – 174,5, в Иркутскую губернию за аналогичные годы – 212,9, 283,4, 120,7 и 359,3 тыс. пудов соответственно. Сельдь поставлялась из Астрахани, лососевые – с Дальнего Востока⁵³³.

Для закупки туруханской рыбы в сентябре 1916 г. в Енисейск из Омска прибыл М.Ф. Новиков – агент уполномоченного Министерства земледелия по заготовке мяса и рыбы для армии в Западной Сибири А.А. Митаревского. Ему удалось заключить соглашение с братьями П.А. и Ф.А. Тонконоговыми на поставку партии от 10 до 20 тыс. пудов рыбы и с Г.Е. Кучеренко – еще на 7–10 тыс. пудов. Капиталы этих купцов были основаны на торговле хлебом, перепродаже рыбы и пушнины, ростовщичестве. Они являлись крупнейшими рыбопромышленниками в этом районе, владели собственными пароходами. Нанятые ими «засольщики» в прибрежных населенных пунктах принимали от промысловиков рыбу, солили ее и сдавали оптом⁵³⁴.

Вскоре после этого губернатор Я.Г. Гололобов получил телеграмму из Енисейска от гласного красноярской городской думы, рыботорговца М.Т. Горошкова с сообщением о том, что Тонконозовы скупили практически всю рыбу у туруханских мелких промышленников, в результате чего ее стоимость на местном рынке резко возросла. Одновременно с М.Т. Горошковым вернулся из поездки член правления Товарищества кооперативов Енисейской губернии А.В.

⁵³² Енисейск в записках ... С. 195–196.

⁵³³ Фомин А.А. Товарные перевозки ... С. 61.

⁵³⁴ Шлихтер А.Г. Экономическое положение ... С. 62; Туман-Никифорова И.О., Чеберяк Н.В. Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 9. С. 226.

Пригарин. Он обратился вначале к чиновнику по особым поручениям Н.Н. Козмину, а затем к Я.Г. Гололобову лично с жалобой на действия М.Ф. Новикова. А.В. Пригарин писал, что ездил в Енисейск согласно распоряжению правления, которое ассигновало часть своих средств на покупку соленой рыбы для дальнейшей реализации в городах губернии. До своего отъезда из Красноярска в конторе заведующего сельскохозяйственными складами Переселенческого управления по Енисейской и Иркутской губерниям он встретил агента уполномоченного. При обсуждении будущих операций по закупке рыбы Пригарин сообщил ему справочные цены, утвержденные Красноярской городской управой с уточнением: розничные цены в Красноярске были высокими, оптовые цены выработывала городская управа Енисейска, где каждую осень и осуществлялись закупки крупных партий северной рыбы. Также Пригарин рекомендовал Новикову уведомить губернатора о заготовительных операциях для фронта, поскольку на местном рынке могла возникнуть конкуренция скупщиков. Однако Новиков проигнорировал все предупреждения и предложения и начал скупку рыбы по завышенным ценам⁵³⁵.

Первый пароход с рыбаками прибыл из промысловых мест в Енисейск 17 сентября. Рыбаки просили за осетрину 13 рублей, мокси, нельму, чир, омуль, сельдь – 10 рублей, стерлядь – 9 рублей 50 копеек, половец – 7 рублей 50 копеек – 8 рублей, мелочь – 7 рублей. Покупатели выжидали снижения цен и большие партии не приобретали. Однако в тот же день стало известно, что братья Тонконозовы начали оптовую скупку рыбы, предлагая рыбакам на 70 копеек больше назначенной цены, поскольку заключили с М.Ф. Новиковым договор на поставку рыбы для армии. В результате в дальнейшем приобрести рыбу по изначально объявленным ценам было уже невозможно. Пароходы Тонконозовых и Кучеренко скупали у рыбаков близ Енисейска всю имевшуюся в наличии рыбу для дальнейшей перепродажи Новикову. На обращения купцов к Новикову с вопросами, чем вызван такой образ действий с его стороны, и на какое

⁵³⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 196.

количество рыбы он заключил договор, тот отговаривался тем, что не имел права раскрывать подобные сведения⁵³⁶.

Я.Г. Гололобов вызвал к себе М.Ф. Новикова с требованием объясниться. Агент А.А. Митаревского прибыл и рассказал, что купил в Енисейске у рыбопромышленников братьев П.А. и Ф.А. Тонконоговых до 20 000 пудов рыбы и Г.Е. Кучеренко – от 7 000 до 10 000 пудов. Сделку заключил в соответствии со справочными ценами Красноярска, считал своим успехом, что при заготовках не пришлось прибегать к установлению твердых цен и реквизициям. Также пояснил, что в Енисейской губернии он в первый раз, с условиями заготовки на туруханских промыслах ранее знаком не был. Губернатор разъяснил, что цены, по которым он совершил сделку, убыточны для казны, распорядился не производить расчет за отгруженную рыбу, назначил продовольственное совещание для выработки оптимальных цен. Чиновник особых поручений Н.Н. Козьмин начал дознание по этому делу.

10 октября 1916 г. состоялось губернское продовольственное совещание, в котором принимали участие М.Ф. Новиков, губернатор, управляющий Казенной палатой, прокурор красноярского Окружного суда, красноярский городской голова, гласные городской думы, председатель продовольственной комиссии, представители местного потребительского общества и товарищества кооперативов, рыботорговцы и др. Обсуждался вопрос об установлении «справедливых оптовых цен» на туруханскую рыбу. Участники проанализировали составляющие, из которых складывалась торговая цена на рыбу, сравнили стоимость рыбы в Енисейске и Красноярске в 1915 г. и 1916 г. с той ценой, по которой закупал рыбу Новиков. По итогам совещания пришли к выводу, что в результате его действий общая переплата казны составляла свыше 100 000 рублей: «Сравнивая цены минувшего года с ценами, установленными в заседании, совещание нашло последние значительно повышенными в среднем на 44 %, но приемлемыми, как повысившимися от нормальных условий; сравнивая же цены,

⁵³⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 197–197 об.

установленные в заседании, с ценами, по которым производится заготовка соленой рыбы для нужд армии, совещание нашло последние совершенно не соответствующими действительности, спекулятивно взвинченными (на 55 % против установленных совещанием) и разорительными для казны» (Приложение 1. Таблица 20)⁵³⁷.

Губернатор потребовал, чтобы сделка была оплачена в соответствии с ценами, установленными на совещании. Однако Новиков настаивал на том, что договор был уже заключен, и намеревался производить оплату согласно оговоренным в нем условиям. В результате прокурор красноярского Окружного суда официально уведомил об уголовной ответственности всех участников этой сделки за искусственное повышение цен на продукты питания в соответствии с утвержденным 8 сентября 1916 г. положением Совета министров. И даже после этого губернатор получил письменное уведомление от Новикова о том, что Митаревский распорядился продолжить прием рыбы, производя расчет за уже отгруженные объемы согласно договору, а лишь последующие новые партии – по ценам совещания.

Я.Г. Гололобов отправил телеграммы в адрес главноуполномоченного Н.А. Мельникова и уполномоченного А.А. Митаревского в Омск, в которых изложил свое видение ситуации. Он также запросил у председателя Особого совещания по продовольствию, во-первых, предоставить ему право на осуществление реквизиций в случае отказа владельцев рыбы продать ее по установленной красноярским совещанием стоимости, а во-вторых, прекратить заготовки в Енисейской губернии. Скупка рыбы для армии повлекла за собой стремительный рост цен, она стала недоступной для малоимущего населения, а сведения о том, насколько убыточной оказалась сделка для правительства, буквально взбудоражили население. В Красноярске горожане открыто обсуждали

⁵³⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 200.

подробности сделки. Губернатор высказывал опасения, что дальнейший вывоз рыбы повлечет повторение беспорядков 7 мая 1916 г. в Красноярске⁵³⁸.

24 ноября 1916 г. в Красноярск приехал А.А. Митаревский. Он одобрил действия енисейского губернатора, отдал распоряжение осуществлять расчет с купцами по ценам губернского совещания. Однако отказался прекратить заготовки рыбы для армии в регионе, планировал продолжить их в следующем году, хотя пообещал отказаться от участия оптовиков-перекупщиков, снабдив солью, снастями, бочками непосредственно рыбаков – так как это делали местные рыбопромышленники. Губернатор не посмел возражать А.А. Митаревскому, но попросил больше не присылать М.Ф. Новикова, поскольку тот скомпрометировал себя перед местной общественностью. Подобные действия, совершавшиеся должностными лицами, подрывали в глазах населения достоинство и авторитет органов власти. А.А. Митаревский обещал сменить представителя, Новикова направить на заготовки в другую губернию⁵³⁹.

Практически аналогичный случай произошел в Тобольской губернии, откуда промысловую рыбу вывозили на Урал и в Европейскую Россию. До мая 1916 г. цены повышались, но были «сносными», однако после введения мясопустных дней, летом 1916 г. произошел скачок – сразу на 50 %. Местный рыборотговец А.И. Михалев смог получить подряд на поставку для армии, начал скупать рыбу у промысловиков и искусственно повысил ее стоимость. По этому поводу в местной газете 14 сентября 1916 г. вышла заметка под названием «Попустительство и безнаказанность»: «Взвинчивание цен, наглосе вымогательство достигло такого предела, который выносить нестерпимо. Оглядываясь на пройденный нами за два года путь материальной неразберихи, всматриваясь в бешеное повышение цен, нельзя не признать, что помимо причин

⁵³⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 200 об. – 201.

⁵³⁹ К характеристике деятельности М.Ф. Новикова необходимо добавить, что до назначения в Енисейскую губернию он выполнял обязанности уполномоченного Министерства земледелия в Полтавской губернии, где занимался заготовками мяса для армии. Сразу после его отъезда новый уполномоченный К.М. Хитров и представитель Государственного контроля старший ревизор Полтавской Контрольной палаты М.Ф. Аршуков инициировали разбирательство о финансовых нарушениях, связанных с договорами поставки крупного рогатого скота, заключенными Новиковым в 1915 г.

военно-стихийного порядка, помимо отсутствия руководящего общего плана, и наше российское попустительство сыграло на руку мародеров. Попустительство разохотило, растравило жажду наживы, способствовало непомерному взвинчиванию цен на все, в корне нарушило целесообразность экономических отношений»⁵⁴⁰.

В конце 1916 г. события, связанные с закупкой рыбы в Енисейской и Тобольской губерниях, освещались в центральной и региональной печати, получили широкий общественный резонанс. Особое совещание затребовало документы на заключенные сделки, Отдел заготовок продовольствия и фуража для действующей армии Министерства земледелия проводил расследование. Уполномоченный А.А. Митаревский представил объяснительные по каждому случаю, в которых пояснял, что заключал договоры с крупными рыбопромышленниками на комиссионных началах. Цену поставки они каждый раз согласовывали, однако рыночная стоимость рыбы быстро росла из-за общих негативных экономических тенденций в стране. А.А. Митаревский крайне отрицательно оценивал вмешательство губернаторов и утверждал, что они вредили коммерческим интересам промышленников и препятствовали продовольственным заготовкам для армии⁵⁴¹.

Такая оценка деятельности местных властей перекликается с подходами в современной историографии. Так, В.М. Рынков считает, что Я.Н. Гололобов стремился использовать конфликт с представителями центрального заготовительного аппарата для лоббирования интересов местных хозяйственных и правительственных организаций. Более того, по вине енисейского губернатора и возникла сама эта ситуация: «Он настоял на исполнении решений губернского продовольственного совещания, едва ли справедливых и правомерных, используя целый комплекс мер воздействия, как официального, формально-юридического, так и неформального характера. Он сорвал проведение заготовительной операции

⁵⁴⁰ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 38. Л. 126

⁵⁴¹ Там же. Л. 132–156.

и тем самым минимизировал неконтролируемый губернскими властями вывоз рыбы с Енисея»⁵⁴². Однако суть конфликта лежала гораздо глубже, чем волонтаристские решения отдельных региональных управленцев. Описанные события иллюстрируют раскол интересов на продовольственных рынках, сложившийся между уполномоченными Министерства земледелия, которые вели заготовки для армии, частными торговцами и губернаторами, призванными в качестве уполномоченных Особого совещания по продовольствию отстаивать интересы местного населения. В ситуации острого конкурентного соперничества за продукты городские и кооперативные организации со своими скромными бюджетами не были в состоянии противостоять представителям частного капитала и уполномоченным правительства, обладавшими бесспорными преимуществами – ассигнованными казной средствами, а также возможностью применять государственные инструменты регулирования рынка (запреты вывоза, реквизиции и т.п.). Возникавшее противоречие резко бросалось в глаза современникам: «Армия конкурирует с населением <...> При всем понятном, всеми признаваемом преимуществе заготовок для армии, населению не обеспечена и та доля продуктов, которая и при этом условии могла бы и должна была ему доставаться»⁵⁴³.

В результате общего подорожания продовольствия, возросшего спроса на рыбу в связи с дефицитом мяса, а также заготовительных операций для армии за два военных года рыба превратилась из широко распространенного и доступного продукта в дорогой и дефицитный во всех местностях Восточной Сибири. Стоимость ее росла очень быстро, особенно в сравнении с другими продуктами питания. К примеру, в Чите в июле 1914 г. цена дальневосточной кеты составляла 3 рубля 20 копеек, щуки местного улова – 3 рубля, а через два года в июле 1916 г. – 12 и 6 рублей соответственно, то есть цена первой увеличилась на 275 %, второй – на 100 % (Приложение 1. Таблица 21).

⁵⁴² Рынков В.М. Заготовка рыбы в Енисейской губернии (сентябрь – ноябрь 1916 года): анализ конфликта интересов, порожденного хозяйственной деятельностью государства // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск, 2018. С. 189.

⁵⁴³ Полонский Г. Регулирующие мероприятия ... С. 18.

§ 3.4 Сахарная торговля

В военный период во всех регионах Российской империи ранее других продуктов подорожал и стал дефицитным сахар. Сахар не относился к числу жизненно необходимых продуктов питания, но его дороговизна или нехватка провоцировали волнения гораздо чаще, чем, например, невозможность купить хлеб или муку⁵⁴⁴.

В сахарной отрасли еще в XIX в. сложилась система государственно-монополистического регулирования. В 1897 г. возникло Всероссийское общество сахарозаводчиков, объединившее 185 из 218 действовавших на тот момент свеклосахарных заводов. Общество существовало до 1918 г. В состав его правления входили крупнейшие промышленники, бессменным председателем являлся граф В.А. Бобринский. Правление принимало участие в выработке правительством ежегодных норм производства сахара. Согласно законам от 20 ноября 1895 г. «О некоторых мерах относительно сахарной промышленности» и 12 мая 1903 г. «Об изменении и дополнении действующих узаконений в сахарной промышленности», на каждый производственный период определялись объемы сахара, предназначенные для внутреннего потребления, пополнения обязательного неприкосновенного запаса и экспорта. Производство сахара, предназначенного к продаже на внутреннем рынке, ограничивалось таким образом, чтобы не покрывать полностью потребностей населения. За счет такого нормирования цены на внутреннем рынке удерживались на высоком уровне. То, что выпускалось свыше обозначенных норм, облагалось дополнительными налогами⁵⁴⁵.

Сахарный акциз, введенный еще в 1848 г., являлся важным источником доходной части государственного бюджета. Среди косвенных налогов он занимал второе место после питейного по своим размерам. При взимании акциза

⁵⁴⁴ Энгл Б. Женщины и продовольственные беспорядки ... С. 148–178.

⁵⁴⁵ Каменецкая И.М. Государственно-монополистическое регулирование сахарной промышленности в России // Исторические записки. 1970. Т. 86. С. 258.

правительство поддерживало дворянское предпринимательство. Сахарозаводчики знатного происхождения могли лоббировать свои интересы за счет политического влияния, им предоставлялись льготы и отсрочки, широкие кредиты через государственный банк и т.п.⁵⁴⁶.

Для того, чтобы на внутреннем рынке цены не снижались, правительство ввело экспортные премии. Однако российский сахарный экспорт сдерживала конкуренция со стороны Франции, Австро-Венгрии и Германии. Европейские производители в 1902 г. в Брюсселе заключили Международную сахарную конвенцию. Согласно этому документу, во всех подписавших его странах, отменялись премии за производство и экспорт сахара. Сахар, который ввозился из заключивших конвенцию государств, облагался пониженной ставкой ввозного тарифа. Из-за протекционистского курса России ввоз русского сахара в Англию был запрещен, а в остальных конвенционных странах он облагался карательной пошлиной. Для российского сахара были потеряны рынки, поглощавшие прежде свыше 50 % его экспорта. Русские сахарозаводчики довольно быстро и успешно переориентировались на Финляндию, Иран, а также Китай, Афганистан и Турцию. Вскоре Англия начала переговоры с Россией, поскольку рост мировых цен на сахар нарушал интересы развивавшейся английской рафинадной и кондитерской промышленности и вызывал недовольство потребителей. В результате в августе 1907 г. Россия также подписала Брюссельскую конвенцию. Ей удалось договориться о сохранении нормирования внутреннего производства и премий за экспорт. В порядке компенсации за полученные преимущества Россия ограничивала размеры экспорта сахара с возвратом акциза. Указанные ограничения не относились к экспорту в Финляндию и Иран: «Присоединение к Брюссельской конвенции расширило экспортные возможности России.

⁵⁴⁶ Воинова Н.Е. Становление свеклосахарного производства в России (на примере Центрально-Черноземного района экономического района) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1 (3). С. 7–17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa2.pdf>; Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли искусственными сладкими веществами и содержащими их пищевыми продуктами в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2012. Т. 25. № 2 (64). С. 19.

Среднегодовой экспорт на конвенционный рынок составил в 1907–1914 гг. 8,1 млн. пудов против 4,6 млн. пудов в 1895–1902 гг. и 0,7 млн. пудов в 1903–1907 гг.»⁵⁴⁷. По объемам производства сахара Российская империя занимала четвертое место после Германии, Кубы и Индии.

В 1914 г. в Российской империи действовало 238 сахарных заводов, которые вырабатывали 1,485 тыс. тонн сахара. Все они были сосредоточены в европейской части страны: до 30 % всего сахара производила Киевская губерния, на втором месте по объемам производства была Подольская (21 % сахара), на третьем – Курская (14 %), четвертом – Харьковская (13 %). Значительно расширили производство сахара Волынская, Черниговская и Полтавская губернии. При этом в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии не было ни одного сахарного завода⁵⁴⁸.

Сахарная торговля находилась под контролем коммерческих банков, которые не только финансировали, но и стали крупнейшими держателями акций предприятий, руководили их деятельностью. Представители банков или их партнеры входили в правления товариществ сахарных заводов. Ключевые позиции в сахарной отрасли занимали Русский для Внешней торговли, Русский торгово-промышленный и отчасти Международный и Азово-Донской банки.

В начале XX в. и общее и душевое потребление сахара внутри империи увеличивалось: в 1903 г. на внутреннем рынке было продано 46 567 тыс. пудов сахара, в 1904 г. – 51 719, в 1905 г. – 52 510, в 1906 г. – 53 427, в 1907 г. – 58 048, в 1908 г. – 60 746, в 1909 г. – 71 390, в 1910 г. – 72 819, 1911 г. – 73 911, в 1912 г. – 82 574. Среднедушевое потребление сахара выросло с 13,2 в 1903 г. фунтов до 19,3 в 1912 г., ежемесячное потребление составляло в среднем 6 320 тыс. пудов или 1,5 фунта на одного человека. Крестьяне ели сахара значительно меньше, чем горожане. По потреблению сахара на душу населения Россия (7,5 кг) уступала Англии (39,4 кг), США (36,4 кг)⁵⁴⁹.

⁵⁴⁷ Каменецкая И.М. Государственно-монополистическое ... С. 252.

⁵⁴⁸ Спичак В.В., Остромов В.Б. Развитие сахарной промышленности в России. Курск, 2010. С. 39.

⁵⁴⁹ Потребление сахара в России. Петроград, 1916. С. 5–6; Спичак В.В., Остромов В.Б. Развитие сахарной ... С. 82.

Характерной чертой российского потребительского сахарного рынка являлся тот факт, что на долю рафинада приходилось до 70–80 % потребления. Рафинадное производство также было монополизировано – находилось под контролем нескольких семей (Бродских, Харитоненко, Бобринских, Терещенко и др.). Рафинадные заводы являлись основными покупателями и кредиторами сахаропесочных заводов⁵⁵⁰.

С началом войны объемы производства сахара в Российской империи сократились, поскольку приграничные территории, на которых располагались заводы, были оккупированы, остальные предприятия испытывали нехватку топлива и сырья, рабочих рук. Тем не менее, кампания первого военного года (осень 1914 г. – осень 1915 г.) оказалась благоприятной для производителей из-за высокого урожая свекловицы. Заводы произвели 107,1 млн пудов, от предыдущего урожая оставалось 17,1 млн пудов. На внутреннем рынке было потреблено 56,5 млн пудов, остатки на конец отчетного периода составляли 64,5 млн пудов⁵⁵¹.

Между тем, правительство стремилось компенсировать потери от введения «сухого закона». Совет министров в октябре 1914 г. принял решение о повышении сахарного акциза (с 1 рубля 75 копеек до 2 рублей за пуд). Когда в декабре 1914 г. пришел срок оплаты акциза, сахарозаводчики стали заявлять о том, что из-за проблем военного времени (перебоев на железной дороге, сокращения кредита, мобилизации рабочих на фронт и др.) не имеют средств. В результате в феврале 1915 г. согласно распоряжению министра финансов П.Л. Барка и постановлению Совета министров, они получили отсрочку по оплате акциза до сентября 1915 г.

Одновременно менялся характер потребления сахара в стране. Армия получала сахар на каждого мобилизованного по нормам, превышавшим уровень их довоенного потребления. После указа о запрещении производства и продажи

⁵⁵⁰ Каменецкая И.М. Государственно-монополистическое ... С. 262.

⁵⁵¹ Потребление сахара в России ... С. 8.

алкогольной продукции на территории России увеличился внутренний спрос на кондитерскую продукцию. Кроме того, как покупатели, так и продавцы стремились сделать запасы сахара «на черный день». Производившиеся объемы сахара не покрывали тот огромный спрос, который на него существовал. В условиях дефицита разворачивалась спекуляция, причем, прежде всего, со стороны производителей, которые хотели компенсировать возросшие издержки, : «Сахарный синдикат диктует цены и потребителю и торговцу и руководствуется при их назначении максимумом барышей»⁵⁵².

Стремительный рост цен начался повсеместно уже в начальный период войны – осенью 1914 г. – зимой 1915 г. В августе 1915 г. Особое совещание по продовольствию установило предельные тарифы на сахар. Стоимость сахарного песка на станции отправления не должна была превышать 5 рублей 10 копеек за пуд. К этой сумме добавлялась оплата доставки и 10 % коммерческой прибыли торговцев, таким образом можно было рассчитать его стоимость на местах. Например, цена на сахар в Красноярске должна была составлять 6 рублей 93 копейки, Иркутске – 7 рублей 15 копеек, Чите – 7 рублей 41 копейку. Цена на сахар-рафинад была выше песка на 1 рубль 10 копеек. Уполномоченные Особого совещания имели право осуществлять реквизиции сахара у торговцев с понижением стоимости на 15 % в случае их отказа торговать по установленным ценам⁵⁵³.

Однако бороться со спекуляцией введением предельных цен не получилось, потому что они были обязательны при продаже сахара правительственным, общественным и торговым организациям. Все прочие закупочные операции остались вне регламентации и, прежде всего, закупки песка рафинадными заводами: «Песочные заводы продавали песок рафинадным заводам по цене выше предельной или предлагали покупать его у банков, которые требовали для себя законной торговой прибыли сверх назначенной в размере 51 копеек за пуд.

⁵⁵² Ветров В.В. Дороговизна сахара и меры борьбы с ней // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 10. С. 12.

⁵⁵³ Обзор деятельности Особого совещания ... С. 104.

Между тем известно, что банки эти – те же песочные заводы (капиталы банков играют известную роль в сахарной промышленности)»⁵⁵⁴.

Фактически приобрести сахар по твердым ценам с заводов могли лишь уполномоченные Особого совещания под угрозой реквизиции, все остальные покупатели – по рыночной стоимости. Оптовые и розничные торговцы из различных регионов заказывали большие партии сахара с заводов по новым твердым ценам. Сахарозаводчики принимали заказы и предоплату, но под различными предложениями задерживали или отменяли отгрузку сахара. Время играло на них: цены быстро росли, чтобы получить сахар, было необходимо доплатить существенную разницу. Оптовые перекупщики также начисляли процент прибыли при продаже. До населения сахар доходил через посредников, с высокими наценками⁵⁵⁵.

В кампанию 1915 г.–1916 г. было произведено 90,6 млн пудов сахара (т.е. на 15,5 % меньше, чем в предыдущий период), на потребление армии и населения ушло 67,4 млн пудов (на 19,3 % больше), остатки на конец периода составляли 40,8 млн пудов⁵⁵⁶. Правительство запретило сахарный экспорт, на внутренний рынок неоднократно выпускались партии из неприкосновенного запаса. Однако это не повлияло на ситуацию коренным образом.

По инициативе Особого совещания по продовольствию в январе 1916 г. в Киеве было создано Центральное бюро по объединению покупок сахара («Центросахар»). В его состав были введены уполномоченные Особого совещания, представители от министерств, Государственного контроля, Бюро рафинеров и Общества сахарозаводчиков. «Центросахар» занимался распределением всех поступавших требований на закупку сахара между заводами, принимал оплату, разрабатывал планы перевозки на месяц вперед, выдавал разрешения на вывоз сахара из губерний, производивших его. В первую очередь сахар получала армия и военное ведомство, во вторую – Городской и Земский

⁵⁵⁴ Полонский Г. Регулирующие мероприятия ... С. 49.

⁵⁵⁵ Совещание о сахаре // Иркутская жизнь. 1916. 1 июля. С. 3.

⁵⁵⁶ Потребление сахара в России ... С. 8.

союзы, Красный Крест, оборонные предприятия, и лишь оставшиеся после этого объемы выпускали в продажу населению.

Министр земледелия А.Н. Наумов писал, что в январе 1916 г. выезжал в Киев, где принял участие в областном съезде сахарозаводчиков. На него прибыли почти все крупные сахарозаводчики – графы А.А. и В.А. Бобринские, Л.И. Бродский, П.И. Харитоненко, М.И. Терещенко и др. Настроение съезда министр характеризовал как «нервное и напряженное» из-за «чрезмерных, своекорыстных требований сахарозаводчиков». Новость о создании сахарного бюро была встречена негативно, так как вводила ограничения на коммерческую деятельность: «Вот почему на Киевском съезде г[оспода] сахарозаводчики стали начало несмело, а затем и более рьяно выступать с критикой принятых мною мер, которые они объявляли стеснительными для производства и сбыта сахара, а также убыточными для его производителей. Один из участников съезда крупный сахарозаводчик Бродский позволил себе сделать намек на то, что все означенные мероприятия принимались исключительно лишь в целях предоставления правительству удобств по надзору за сахарным производством и его учету. В своей ответной речи я высказал по этому поводу резкий протест, сославшись на ряд данных, с достаточной убедительностью показывавших, что намеченные мною меры проводились в жизнь в интересах всего населения»⁵⁵⁷.

«Центросахар» приступил к распределению сахара по регионам, исходя из его ограниченных запасов, с учетом различий и особенностей потребления. Для отдельных местностей были установлены определенные нормы: в Петрограде и Москве 2,5 фунта в месяц на человека, других городах – 1,3 фунта, сельской местности – 5/6 фунта. Центральное бюро также должно было обеспечивать бесперебойный завоз тары, топлива на производящие заводы, предоставлять рабочим отсрочки от воинской повинности.

Председатель Центрального бюро М.А. Суковкин рассылал на места правила и пояснения относительно снабжения сахаром населения. Все городские

⁵⁵⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 гг. Ч.II. ... С. 503.

управы, кооперативы, частные лица и т.д. должны были обращаться с ходатайствами о покупке сахара к местному уполномоченному. В обязанности уполномоченных входило ежемесячно по почте передавать в бюро заказы на покупку и своевременно переводить оплату, а также незамедлительно сообщать председателю Особого совещания размер устанавливавшейся в губернии таксы на сахар. Центральное бюро исполняло поручения только на полные вагоны сахара (по 1 000 пудов), при желании приобретать сахар мелкими партиями, необходимо было организовывать распределительные центры на местах⁵⁵⁸.

В конце марта 1916 г. было опубликовано постановление Министра земледелия, согласно которому цены, установленные 9 октября 1915 г., утверждались действующими до 1 сентября 1916 г. По указанной стоимости предписывалось продавать сахар-песок в районах его производства. При закупках сахара-рафинада к цене песка прибавлялся 1 рубль 40 копеек за пуд. В потребляющих губерниях стоимость сахара теперь регулировали местные власти с помощью таксирования оптовых и розничных цен.

Согласно данным Центрального бюро, к маю 1916 г. на заводах оставалось 34 млн пудов сахара, в том числе неприкосновенного запаса 7 млн пудов. На следующее полугодие планировались поставки в армию в объеме 9 млн пудов, для выпуска на внутренний рынок предназначалось 23 млн пудов, еще 2 млн пудов находилось в виде сырья. Столичные города (Петроград и Москва) рассчитывали примерно на 1/3 сахара, поступавшего на внутренние рынки. Один Петроград за первые полгода 1916 г. получил сахара на 1,5 млн пудов больше, чем в среднем за год в довоенный период⁵⁵⁹.

В этом же месяце были сокращены нормы потребления сахара в войсках. Согласно расчетам Управления делами Особого совещания по продовольствию,

⁵⁵⁸ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 952. Л. 41–42 об.

⁵⁵⁹ Экономическое положение России накануне Великой социалистической революции. Ч. II. М. – Л., 1957. С. 277–278.

планировавшихся к доставке объемов должно было хватить до нового урожая свекловицы⁵⁶⁰.

Весной 1916 г. при Министерстве финансов была образована Комиссия по косвенным налогам и казенным монополиям. В мае того же года на одном из заседаний комиссии обсуждался вопрос о повышении акциза на сахар и введении казенной монополии на продажу рафинада. Главное управление неокладных сборов высказалось отрицательно: сокращение производства рафинада и падение прибылей сахарозаводчиков свидетельствовали о том, что казна не могла извлечь из этой монополии значительных прибылей, но была бы обязана обеспечить удовлетворение потребительского спроса на рафинад. Участвовавшие в заседании экономисты считали, что реализация таких мер была возможна «только после войны», поскольку это требовало пересмотра всего «сахарного законодательства». Против введения монополии выступил уполномоченный правления Общества сахарозаводчиков М.Ю. Цехановский. Прочие участники также высказывались скептически, предполагая, что сахарная монополия приведет лишь к росту цен на сахар и заставит население перейти к употреблению суррогатов.

В результате последовавших после заседания длительных обсуждений было решено отказаться от идеи казенной монополии, но в сентябре 1916 г. постановление Совета Министров повысило акциз на сахар до 2 рублей 80 копеек с пуда. Отгрузка сахара покупателям с заводов не осуществлялась без уплаты сахарного акциза, однако их владельцы заявляли, что не могли его оплатить. Для того, чтобы не задерживать отправку сахара на места, Центральное бюро было вынуждено создать особый денежный фонд и из него вносить в казну акциз за производителей. Таким образом, налоговая политика противоречила продовольственному курсу правительства⁵⁶¹.

⁵⁶⁰ Потребление сахара в России ... С. 99.

⁵⁶¹ Беляев С.Г. Косвенные налоги, пошлины и казенные монополии в финансовой политике России периода Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Экономическая история: ежегодник .2002. Т. 2001. С. 270–271, 281.

Летом-осенью 1916 г. сахарный кризис в стране еще более усугубился. По свидетельствам уполномоченных председателя Особого совещания по продовольствию, городских общественных управлений и торгово-промышленных фирм, Центральное бюро по закупкам сахара не справлялось с возложенными на него задачами – дефицит сахара и спекуляция им несколько не уменьшились.

Выяснить, сколько сахара потребляло население Восточной Сибири накануне и в годы Первой мировой войны, сложно из-за отсутствия таких источников и специальных исследований. Официальная статистика учитывала потребление только в некоторых губерниях европейской части страны. Никто не собирал сведений о погубернских торговых запасах сахара, данные о железнодорожном ввозе и вывозе обрывочны, статистика о перевозках по водным путям также неудовлетворительна. Полностью отсутствует информация о гужевых перевозках, поэтому невозможно учесть обмен сахаром между уездами.

Управление делами Особого совещания по продовольствию пыталось высчитать средние нормы потребления сахара накануне войны для того, чтобы «Центросахар» имел возможность распределять его в соответствии с обычными запросами населения. По региону получились следующие данные: на жителя Иркутской губернии в 1911–1913 гг. в среднем приходилось по 20,8 фунтов ежегодно, Енисейской губернии – 11,7 фунтов, Забайкальской области – 6,9 фунтов, по Якутской области сведений нет⁵⁶². При этом необходимо также иметь в виду, что это очень усредненные данные, потому что нормы потребления в сельской местности были гораздо ниже, чем в городах, а также значительно различались среди различных социальных групп.

Стоимость сахара в Восточной Сибири начала расти уже во второй половине 1914 г. В 1915 г. все города испытывали перебои в доставке сахара по железной дороге. В прессе создававшуюся ситуацию называли не иначе, как «сахарный кризис» и «сахарный голод». Население и власти видели главную

⁵⁶² Потребление сахара в России ... С. 26–29.

причину в спекуляции производителей⁵⁶³. Сотрудники городских продовольственных комиссий открыто обвиняли сахарозаводчиков в спекуляции и говорили о необходимости принятия мер против сахарной монополии (Приложение 6). Так, летом 1915 г. продовольственная комиссия Читы обратилась к губернатору Забайкальской области А.И. Кияшко с просьбой купить для города 10 вагонов сахара-рафинада через уполномоченного Харьковского района Н.В. Протасьева, поскольку приобрести его напрямую у производителей не удавалось. В своем обращении гласные писали о том, что на телеграфные запросы получали от заводов уведомления об отсутствии у них товарных запасов сахара. По мнению гласных, монополизация отрасли позволяла сахарозаводчикам заключать кулуарные соглашения и оказывать скрытое сопротивление общеимперской таксе, установленной правительством. Они не видели других серьезных объективных причин, способных повлечь такие диспропорции в сахарном производстве и торговле: «Вывоз сахара за границу прекратился, урожай свекловицы выше среднего. Правда, могло влиять на повышение цен отсутствие рабочих рук, но это не могло вызвать повышение оптовых цен на 50 % и выше. Разве правительство бессильно побудить сахарозаводчиков к выпуску сахара с нормальным процентом прибыли? Ведь за 13 % прибыли ростовщиков привлекают к суду – наказывают, почему же крупные промышленники и акционерные банки, извлекающие от 25 до 100 % и выше, остаются безнаказанными?»⁵⁶⁴.

Немаловажным фактором подорожания сахара в регионе стали проблемы с железнодорожными перевозками⁵⁶⁵. Со второй половины 1915 г. регулирование перевозок осуществлялось по разрешительной системе. Особое совещание по перевозкам разрабатывало общий план перевозок военных грузов, топлива и продовольствия для армии и населения. Во Временный распорядительный комитет при Министерстве путей сообщения поступали задания на транспортировку различных грузов от различных ведомств за месяц вперед, в

⁵⁶³ Сахарный кризис // Вестник Красноярского городского общественного самоуправления. 1915. № 13. С. 27.

⁵⁶⁴ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 952. Л. 150 об.

⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 879. Л. 1–8.

соответствии с этим разрабатывался проект перевозок. Перевозки сахара по заявкам уполномоченных включались в этот план. Однако во многих случаях сахарозаводчики, не желая осуществлять отправку сахара на места, стремясь задержать ее, формально оправдывались отсутствием вагонов, нарядов на перевозку и т.п. Определить истинную причину неполучения сахара, найти виновных было практически невозможно⁵⁶⁶.

Так, в декабре 1915 г. губернатор Забайкальской области писал председателю Особого совещания по продовольствию о том, что железная дорога уведомила его о перевозке сахара из мест производства по всем направлениям без специальных нарядов. Однако сахарозаводчики требовали документы на все заказы под предлогом того, что иначе администрация станции не разрешала погрузку. А.И. Кияшко видел в этом способ избежать продажи по официально утвержденным ценам. Такой вывод подтверждали и забайкальские коммерсанты, которые в ответ на свои заказы получали телеграфные уведомления о наличии сахара, но по ценам, превышавшим зафиксированные обязательными постановлениями. А.И. Кияшко заканчивал свое обращение на весьма пессимистичной ноте: «Пытался я обращаться и к местным уполномоченным по закупкам сахара, высылались и деньги полностью за заказ, а сахара железная дорога все не грузит. Последнее извещение от курского уполномоченного К.А. Раппа получил о том, что он закупил по моему обращению к нему то количество сахара, какое в данную местность потребовалось, но что одновременно с сим он просит Центральный комитет по погрузкам о предоставлении наряда на него и рекомендует и мне самому хлопотать о том же. Разумеется, совет этот я исполнил, но до сих пор не знаю, двигается ли в мой адрес этот сахар. Что-либо большее сделать в этом вопросе я бессилён»⁵⁶⁷.

Таксы, которые устанавливали местные власти в борьбе с дороговизной, вносили еще большую дезорганизацию в сахарную торговлю. Торговцы либо

⁵⁶⁶ Сахарный голод // Иркутская жизнь. 1916. 3 января. С. 4.

⁵⁶⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 694. Л. 19 об.

вовсе их не соблюдали, либо везли свой товар в другой город или уезд с более низкими таксами. Городские продовольственные комиссии приступили к закупкам и продаже сахара населению без спекулятивной наценки. Однако процедура получения кредитов на закупочные операции была длительной, средства выдавались в ограниченных размерах, не соответствовавших реальным потребностям. В результате города закупали сахар небольшими объемами, не могли обеспечить горожан на длительный срок.

В условиях дефицита во второй половине 1916 г. по примеру городов Европейской России в Восточной Сибири городские власти также начали вводить карточную систему распределения сахара. Предложение о введении карточной системы выдвинула Комиссия по борьбе с дороговизной еще осенью 1915 г., оно было отклонено, поскольку дефицит считался явлением временным. Однако к лету 1916 г. многие города (Казань, Псков, Рига, Херсон, Тифлис, Самара и др.) начали реализацию этой идеи. В октябре 1916 г. Особое совещание одобрило проект введения карточной системы на сахар губернскими совещаниями. Карточная система существовала в двух видах. Первый («ограничительный») подразумевал проведение реквизиций для создания определенного запаса, из которого и осуществлялась выдача продукта. Отличительной чертой второго вида («распределительного») являлась зависимость от наличия продукта. Карточки не гарантировали населению получения сахара. Нормы снабжения были незначительны и неустойчивы, так как зависели от наличных запасов. «Ограничительная» система применялась избирательно, лишь в отдельных районах; «распределительная», напротив, получила широкое распространение⁵⁶⁸.

Для введения карточной системы городские продовольственные комиссии нуждались в статистических сведениях о количестве населения, наличных торговых запасах сахара. При определении норм потребления следовало провести перепись горожан. Поскольку города не имели ни средств, ни специалистов,

⁵⁶⁸ Петров В. Продовольственный кризис и карточная система // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 11. С. 1.

способных осуществить такую работу, продовольственные комитеты рассылали специальные анкеты домовладельцам, куда те вносили данные о квартиронанимателях и их семьях. В некоторых городах силами добровольцев были проведены однодневные переписи населения. Карточки печатали по образцам, принятым в Москве или Риге.

Раньше всего в регионе карточки на сахар были введены в Иркутске. За два военных года, с июня 1914 г. по июнь 1916 г. стоимость сахарного песка здесь поднялась на 45 %, сахара-рафинада – на 72 %. Городская дума Иркутска утвердила карточную систему 12 сентября 1916 г. В местной печати разъяснялись принципы карточной системы и ее значение. Иркутяне приветствовали эту меру, надеясь, что она позволит распределить между возможно большим числом потребителей ввозившиеся в город ограниченные партии сахара, избавит от необходимости выстаивать длинные очереди у торговых лавок, а также даст возможность растянуть явно недостаточное количество продукта на более долгий срок. Более зажиточные горожане теперь не могли делать себе запасы, в то время как менее состоятельные не видели сахар месяцами⁵⁶⁹.

Поскольку для введения карточной системы требовались новые сотрудники в продовольственные комиссии для работы на постоянной основе, но средств на их содержание иркутская городская управа не имела, дума решила ввести институт так называемых «продовольственных попечителей» на добровольных началах. Для этого во всех районах Иркутска были проведены собрания горожан, избраны 43 добровольца, выразившие желание работать попечителями. К основным обязанностям попечителей относили сбор сведений об объемах потребления сахара в различных районах и социальных группах (и не только сахара, но и других продуктов), выяснение наличных запасов у торговцев, контроль за порядком выдачи карточек, установление случаев злоупотреблений и спекуляции. В середине декабря 1916 г. в пяти районах города попечительства

⁵⁶⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 26 об.; Якушев И. Карточная система и продовольственные попечительства // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 7, 8 и 9. С. 1–12.

начали работу. Однако фактически они не обладали реальными правовыми полномочиями на осуществление такой деятельности. Поэтому собрания попечителей проходили номинально, до февральских событий 1917 г. они занимались разработкой должностных инструкций и обсуждением решений городского продовольственного комитета⁵⁷⁰.

В Красноярске карточная система была введена в октябре 1916 г. Потребительская норма устанавливалась одинаковой для всех возрастов – 1,5 фунта сахара в месяц на человека. Кондитерские, булочные, хлебопекарни снабжались по нормам так называемого Губернского сахарного бюро при местном уполномоченном (в составе городской продовольственной комиссии был образован особый отдел, который распределял сахар между торговцами по нормам, определенным губернатором). Продажу сахара осуществляли 4 лавки общества потребителей, лавка епархиального товарищества «Взаимопомощь», городские продовольственные лавки и 7 частных магазинов⁵⁷¹.

В конце 1916 г. продовольственные комиссии Читы и Верхнеудинска одобрили предложение военного губернатора Забайкальской области о введении карточного снабжения. Согласно таксам, всего за 1914–1916 гг. в Чите сахарный песок подорожал на 33 %. Однако основная проблема заключалась в том, что, утвержденные в городах Забайкальской области таксы на сахар оказались ниже, чем рыночная стоимость в районах производства, поэтому сахарозаводчики просто прекратили отправку сахара в регион. Поскольку в уездах карточная система не вводилась, сахар распределялся по уравнительной норме через сельские правления или кооперативы (там, где они имелись)⁵⁷².

При введении карточной системы распределения сахара городские власти столкнулись с большим количеством злоупотреблений, поскольку, во-первых, в этой сфере не существовало надзорных органов, а во-вторых, санкции за подобные действия законодательно не были прописаны. Например, не все города

⁵⁷⁰ Продовольственные попечительства // Иркутская жизнь. 1916. 18 декабря. С. 5.

⁵⁷¹ Казанцев И. Карточная система // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 19. С. 21–25.

⁵⁷² ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Л. 140–142 об.

владели собственными торговыми лавками, поэтому продажу сахара по карточкам передавали частным торговцам, которые обвешивали и обсчитывали покупателей, продавали суррогаты. Спекулянты через подставных лиц выкупали весь сахар из городских и кооперативных лавок для последующей перепродажи: «И таким образом продукт, предназначенный для всего населения на время, допустим месяц, «потреблялся» в течение двух недель с очевидным ущербом для остальных потребителей, не успевших, даже может быть получить своей душевой нормы»⁵⁷³.

Дороговизна и дефицит сахара в сибирских губерниях стимулировали местные власти и общественность к поиску самых различных вариантов решения проблемы. В январе 1916 г. на заседании Совета Съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Е.Л. Зубашев, избранный членом Государственного совета от биржевых комитетов, предложил развивать сахарное производство в Сибири. Поводом послужило обращение Сибирского общества инженеров о выдаче субсидии на производство опытных посевов свекловицы в Минусинском уезде Енисейской губернии. Общество ссылалось на предпринимавшиеся в прошлом попытки организовать здесь производство сахара. Так, еще в 1884 г. правительство объявило об отмене сахарного акциза на длительный период для тех предпринимателей, которые рискнут построить сахарные заводы в Сибири. Слабое знакомство с местными условиями, суровый климат, значительная удаленность от центров сахарной промышленности не привлекали промышленников европейской части страны. Сибирские предприниматели также боялись вкладывать средства в новое производство, не имея представления о его специфике. Практически единственной успешной попыткой стало открытие завода в 1889 г. на реке Ое близ Минусинска служащим

⁵⁷³ Якушев И. Карточная система ... С. 3.

золотых приисков Гусевым. Предприятие просуществовало в течение десяти лет⁵⁷⁴.

Участники заседания Совета Съездов поддержали предложение Е.Л. Зубашева и постановили представить министрам финансов, торговли промышленности записку о перспективах развития сахарной промышленности в различных регионах Сибири и Дальнего Востока. В качестве мер поощрения предлагали освобождение предпринимателей от государственного акциза на первые 10 лет. Проект долго и с воодушевлением обсуждался в сибирской прессе, однако, в условиях войны не был воплощен в жизнь. Лишь значительно позже – в 1930-е гг. – советская власть приступила к детальному изучению перспективы развития свеклосахарного производства в Минусинском округе⁵⁷⁵.

В начале 1916 г. Совет министров утвердил совместное представление министров финансов и земледелия о временном освобождении от уплаты пошлин за сахар, ввозимый из-за границы. Беспошлинный ввоз сахара был разрешен до 1 сентября 1917 г. Взимался лишь акциз в том же размере, что и с отечественных производителей. Однако при этом введена квота – общий объем ввезенного сахара мог составлять не более 20 млн пудов⁵⁷⁶.

Пользуясь законодательным разрешением, осенью 1916 г. – зимой 1917 г. сибирские торговцы начали закупать сахар в Китае. Корреспонденты газеты «Деловая Сибирь» информировали население о перспективах закупки сахара: «Как уже выяснилось, не только Маньчжурия, но и Восточная Сибирь не могут более рассчитывать на прежнее снабжение их русским сахаром. Предстоит обратиться к сахару дальневосточной выработки. Поэтому и сведения об этом сахаре имеют теперь чисто практический характер. Один из ближайших к нам центров сахарного производства после ашихэйского и хуланьского сахарных заводов находится на Формозе. Производство здесь тростникового сахара

⁵⁷⁴ К развитию сахарной промышленности в Сибири // Иркутская жизнь. 1916. 29 января. С. 3; Лебедев С.В. О возможности и желательности развития сахарной промышленности в Сибири // Вестник Общества сибирских инженеров. 1916. № 1. С. 17–32.

⁵⁷⁵ Лебедев С.В. Возможности и перспективы сахарной промышленности в Минусинском округе. Томск, 1930. 74 с.

⁵⁷⁶ Беспошлинный ввоз заграничного сахара // Якутское хозяйство. 1916. № 3. С. 18–19.

ождается в значительно повышенном количестве»⁵⁷⁷. Китайский сахар позволял в какой-то степени ослабить дефицит в городах Восточной Сибири. Однако он пользовался высоким спросом в Москве и Петрограде, в погоне за высокой прибылью торговцы отправляли его в европейскую часть страны⁵⁷⁸.

Выводы по главе 3

Характерными чертами развития регионального продовольственного рынка в годы войны стали: сокращение товарного предложения произведенной продукции со стороны крестьянских хозяйств и торговцев, уменьшение подвоза из сопредельных территорий (Западной Сибири, Маньчжурии, Монголии), перебои с доставкой по железной дороге, увеличение спроса и высокая конкуренция со стороны потребителей (местного населения, торговцев, представителей заготовительного аппарата), нарастание дефицита по всем основным видам продовольствия.

В течение войны в Восточной Сибири не произошло катастрофического спада сельскохозяйственного производства, но при этом ситуация с хлебом обострилась. В конце 1914 г. – первой половине 1915 г. наметилась четкая тенденция к повышению цен. Товарность крестьянских хозяйств была низкой и в довоенный период, недостаток зерновых покрывался за счет закупок в Западной Сибири и Маньчжурии. Теперь же ввоз хлеба из Западной Сибири значительно сократился по причине осуществлявшихся там заготовок для армии, для ведения закупок в Маньчжурии требовались разрешение правительства, отмена или снижение таможенной пошлины. Инфляция и отсутствие эквивалентного обмена между городом и деревней заставляло местных крестьян воздерживаться от продажи хлеба. Оптовики-торговцы и мукомолы также придерживали хлеб, что усиливало его дефицит и подстегивало дороговизну. В то же время к существенному росту потребления зерновых приводили такие факторы, как

⁵⁷⁷ Формозский сахар // Деловая Сибирь. 1916. № 16. С. 2.

⁵⁷⁸ Китайский сахар // Иркутская жизнь. 1917. 14 января. С. 3.

спекуляция, широкое развитие самогонварения, рост городского населения за счет прибытия беженцев и военнопленных, увеличения военных гарнизонов по причине мобилизаций. Неурожай 1915 г. в Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областях значительно ухудшил конъюнктуру на восточносибирском хлебном рынке. К концу 1916 г. торговые запасы зерна были истощены. В городах у хлебных лавок выстраивались очереди, вводилась карточная система. Наибольшую потребность в хлебе испытывали губернские центры. Под угрозой срыва оказалось обеспечение своевременных поставок в северные и золотопромышленные районы. Губернаторы обращались к правительству с просьбами увеличить объемы и ускорить сроки ввоза хлеба из сопредельных регионов, предоставить местным властям право реквизиции при его закупке. Население было охвачено тревогой о будущем, боялось перспективы голода.

Огромные масштабы мясных заготовок для армии довольно быстро привели к серьезному кризису животноводства и исчерпанию запасов торгового скота в европейской части страны. Начало заготовок мяса в Забайкалье, Западной Сибири и Монголии в 1915 г., отсутствие перспективного плана закупок и согласования интересов участников мясного рынка привело к тому, что уполномоченные, представители городов, частные торговцы из различных регионов страны конкурировали между собой, нарушили соотношение спроса и предложения. В условиях неоднородности внутреннего экономического пространства Восточной Сибири происходила фрагментация мясного рынка, дефицит особенно усиливался в тех местностях, которые и до войны испытывали недостаток мяса. Генерал-губернатор, губернские и власти не имели полномочий самостоятельно и оперативно регулировать вывоз из региона. В результате происходило стремительное и бессистемное расхищение запасов монгольского и сибирского скота и мяса.

На фоне нараставшего дефицита мяса увеличивался спрос и на рыбу. Основным районом добычи рыбы был Дальний Восток, где жесткая конкуренция среди заготовителей подстегнула спекуляцию и рост цен, затрудняла

осуществление заготовок для армии. В этих условиях в 1916 г. правительство начало заготовки промысловой рыбы в Восточной Сибири. Местные промысловые районы обслуживали внутренний спрос. Возможности больших уловов при заготовках для армии были ограничены. Методы осуществления заготовок представителями центрального заготовительного аппарата вызвали недовольство региональных властей и населения. В ситуации острого конкурентного соперничества за продукты городские и кооперативные организации со своими скромными бюджетами не были в состоянии противостоять представителям частного капитала и уполномоченным правительства, обладавшими бесспорными преимуществами – ассигнованными казной средствами, а также возможностью применять государственные инструменты регулирования рынка (запреты вывоза, реквизиции и т.п.).

Восточная Сибирь не обладала собственным сахарным производством, зависела от поставок из европейской части страны. Рост цен на сахар в регионе начался раньше, чем на другие продукты питания, его дефицит и дороговизна население испытывало повсеместно. Общими причинами такой ситуации стали те изменения, которые затронули сахарное производство и торговлю в стране: повышение акциза в 1914 г. и 1916 г., сокращение объемов производства на фоне роста потребительского спроса со стороны армии и населения, спекулятивная стратегия владельцев заводов и крупных торговцев. К специфическим региональным причинам относятся дороговизна и сложности доставки в условиях низкого уровня развития транспортной инфраструктуры и значительных расстояний. Меры правительства по обеспечению населения сахаром носили паллиативный бюрократический характер (введение тарифов и твердых цен, централизация распределения и т.п.), которые были малоэффективными. В таких обстоятельствах местные власти, располагавшие весьма ограниченным арсеналом инструментов (муниципальные закупки сахара, введение карточного распределения и т.п.), не могли серьезно повлиять на ситуацию.

ГЛАВА 4. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ РОСТА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ ОППОЗИЦИОННОГО ХАРАКТЕРА В ИЮЛЕ 1914 Г. – ФЕВРАЛЕ 1917 Г.

Первоначально считалось, что продовольственные неурядицы – явление временное, городские управления справятся с ними самостоятельно. По инициативе городских властей началось изучение причин дороговизны и дефицита продуктов питания, а также их публичное обсуждение на заседаниях городских дум и управ. Изучение восприятия проблем продовольственного снабжения представителями городских властей, общественных организаций которым приходилось заниматься вопросами продовольственного снабжения населения, позволяет увидеть, каким образом в тылу трансформировались ожидания людей, их оценка происходивших социально-экономических и политических процессов.

Быстрое нарастание кризисных явлений в продовольственной сфере, а также непродуманные, безуспешные попытки правительства разрешить ситуацию оказывали значительное негативное воздействие на социальные настроения в целом. Война лишила многие семьи возможности осуществлять хозяйственную деятельность в обычных масштабах, производить и приобретать продукты питания, поставила перед необходимостью искать новые стратегии выживания. Непрерывное повышение стоимости продуктов питания приводило к увеличению доли затрат на них в общей структуре расходов домохозяйств и снижению уровня жизни. В первую очередь это затрагивало семьи мобилизованных солдат, которые лишились своих кормильцев. Риск бедности среди них был значительно выше, чем среди представителей других социальных групп. Власть и общественность были вынуждены предпринимать меры, чтобы смягчить последствия военного времени, материально поддержать наиболее нуждавшихся. В масштабах страны организовывалась система помощи семьям солдат, призванных на фронт. Обращение к региональным материалам, освещающим особенности

функционирования этой системы, восприятие помощи со стороны семей призванных необходимо при анализе причин разрушения патерналистской модели взаимодействия власти и социума, формирования предпосылок будущего социального взрыва по мере затягивания военных действий.

§ 4.1 Поиски решения проблем продовольственного снабжения в повестке дня съездов представителей городов в 1915–1916 гг.

В августе 1914 г. был создан Всероссийский союз городов, деятельность которого первоначально ограничивалась лишь помощью раненым. На втором съезде в феврале 1915 г. произошло расширение полномочий и зоны ответственности Союза – он превратился в организацию, которая оказывала содействие армии и населению в решении проблем военного времени. В том числе участники съезда признали, что Союз должен возглавить работу городских управлений по борьбе с дороговизной и дефицитом продуктов питания и товаров первой необходимости, потому что правительственные меры не только не смягчали ситуацию в продовольственной сфере, но во многих случаях вызывали ее обострение (запреты вывоза, реквизиции и др.). При Главном комитете Союза городов был создан Экономический отдел, из которого позднее выделился самостоятельный Продовольственный отдел. Представители Всероссийского Союза городов принимали участие в работе Особого совещания по продовольствию⁵⁷⁹.

Для того, чтобы обеспечить комплексную оценку проблем и ресурсов по регионам, объединить планирование мероприятий, комитеты Всероссийского союза городов на местах начали проводить региональные съезды (в мае–июне 1915 г. в Тифлисе, Самаре, Петрограде, Екатеринославле), а затем стали объединяться в областные союзы с организационными и руководящими функциями (были созданы Петроградский областной комитет, Кавказский и др.):

⁵⁷⁹ Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914–1915 г. М., 1916. С. 147.

«Возникают более эластичные порайонные организации городов, благодаря ли территориальной близости или тяготения ряда городов к к[акому]-л[ибо] местному центру в силу одинаковости задач, обстановки и условий быта»⁵⁸⁰.

В восточносибирских городах (губернских – Красноярске, Иркутске, Чите и некоторых уездных) комитеты Всероссийского союза городов были созданы в течение осени 1914 г. – весны 1915 г. При вступлении в Союз городов делался денежный взнос в центральную кассу. Размер взноса зависел от пожелания и возможностей города. Борьбу с продовольственным кризисом каждый город начинал самостоятельно, сообразно с ситуацией, складывавшейся в сфере снабжения населения, своими финансовыми и организационными возможностями, ориентируясь на практику городов Европейской России. Пресса писала, что первоначально гласные растерялись, последовали их противоречивые и несогласованные распоряжения. Меры предпринимались поспешные, не обоснованные конкретными статистическими данными о численности населения, запасах продуктов в городских торговых лавках⁵⁸¹.

Идею созыва съезда сибирских городов выдвинули еще на первом общероссийском съезде представителей городов в августе 1914 г. депутаты Государственной думы В.А. Дзюбинский и В.С. Востротин. Они предполагали, что организуемый съезд станет общесибирским, однако сами сибиряки демонстрировали инертность и не поддержали инициативу. Располагавшимся на значительном расстоянии от линии фронта сибирским городам в начальный период войны не пришлось решать тех сложных проблем, которые легли на городские власти в западных областях (прием и лечение раненых, беженцев, сирот и др.). Фактически они занимались лишь организацией благотворительных сборов на нужды войны, формированием отрядов Российского общества Красного креста, заготовкой теплой одежды и белья для солдат⁵⁸².

⁵⁸⁰ В.С. К предполагаемому созыву съезда представителей городов Восточной Сибири // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 6. С. 2.

⁵⁸¹ К вопросу о продовольственном кризисе // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 8. С. 9–16.

⁵⁸² К вопросу о продовольственном кризисе... С. 9–16.

С течением времени появилось осознание, что многие проблемы могли быть решены успешнее через союзные объединения, чем по ходатайствам отдельных городских самоуправлений, возникла необходимость в обмене опытом⁵⁸³. По инициативе местных комитетов Всероссийского союза городов и городских самоуправлений 15–17 июля 1915 г. в Красноярске состоялся Первый съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям. На съезде присутствовали городской голова Красноярска – С.И. Потылицын, Минусинска – П.А. Бахов, Ачинска – Н.Д. Киселев, Канска – Т.Д. Леонов, Енисейска – А.И. Елтышев, делегаты от комитета Красноярского отдела Сибирского Общества помощи больным и раненым воинам, медико-санитарного бюро, Переселенческого управления, кооперативов. Были приглашены, но не прибыли представители большинства местных общественных организаций – Управления Красного креста, Енисейского губернского отделения комитета Елизаветы Федоровны, Общества врачей Енисейской губернии, Общества попечения о начальном образовании, приходского попечительства⁵⁸⁴.

Участники съезда констатировали полную неэффективность таксировки цен, необходимость организации муниципальных складов и лавок, развития потребительской кооперации, поскольку в городских самоуправлениях интересы потребителей были представлены слабо. Гласные и члены управы, состоявшие в основном из купечества, лоббировали собственные коммерческие цели, проявляя равнодушие к положению беднейших социальных групп.

В одобренную съездом резолюцию по борьбе с дороговизной жизни были включены следующие пункты. Во-первых, возбудить ходатайство о создании межведомственного общероссийского Продовольственного комитета с участием представителей Всероссийского и Земского союзов, потребительских обществ, а также региональных комитетов с привлечением в них органов городского управления и потребительской кооперации. Во-вторых, согласовывать

⁵⁸³ И.Я. По поводу первого съезда представителей Западно-сибирских городов // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 3–5. С. 4.

⁵⁸⁴ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Протоколы Первого Съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске. Красноярск, 1915. С. 4.

деятельность городов Енисейской губернии и других городов Сибири в деле снабжения населения товарами по закупочным ценам, а для этого организовать информационный обмен между ними и совместную закупку товаров потребления. В-третьих, разрешить органам городского управления производить наличный учет товаров у частных фирм, еженедельно обнародовать сведения о товарах, прибывавших в города по железной дороге или водными путями. В-четвертых, выбрать из числа горожан так называемых «торговых попечителей», которые на добровольческих началах осуществляли бы контроль за соблюдением такс, фиксировали случаи спекуляции и докладывали о них властям, помогали при осуществлении реквизиций. В-пятых, открывать городские склады и лавки для торговли товарами по закупочной стоимости. В-шестых, поощрять объединение граждан в потребительские общества, а также помогать самим кооперативам – обеспечивать их помещениями для лавок и складов, содействовать в получении вагонов для доставки товаров, получении кредитов в городских банках и т.п.).

С.И. Потылицын выступил с предложением об учреждении в Красноярске постоянного «Губернского бюро городов Енисейской губернии» в составе глав городов, а для текущей работы избрать совет из представителей общественных организаций. Д.Е. Лаппо возразил, что создание такого бюро не предусмотрено законодательством: фактически оно должно было руководить лицами, не подчинявшимися городским управлениям и никак с ними не связанными. Он предложил другой вариант: организовать «Бюро представителей общественных организаций губернского и уездных городов». Такая площадка не носила бы характера официального учреждения и давала возможность обмениваться сведениями, привести в исполнение положения настоящего съезда и готовить программы следующих. Предложение участниками съезда было принято единогласно⁵⁸⁵ (Приложение 9).

В июне того же года в Иркутске было создано Организационное бюро для подготовки Съезда представителей городов Восточной Сибири. В него вошли

⁵⁸⁵ Протоколы Первого Съезда представителей городов ... С. 23.

гласные иркутской городской думы и члены местного комитета Союза городов. Председателем Организационного бюро стал глава местного комитета Союза городов, гласный иркутской городской думы и Л.А. Белоголовый. Он освещал подготовку к проведению съезда в печати, подчеркивал, что решение продовольственного вопроса требовало планомерной работы и объединения всех общественных сил. Условия жизни в Сибири настолько значительно отличались от Европейской России, что сибирским городам было просто необходимо выработать общую программу действий.

Организационное бюро разработало обширную анкету с вопросами о доходной и расходной частях бюджетов сибирских городов, их участии в снабжении армии, работе по приему и размещению военнопленных, беженцев, основных проблемах военного времени, и в том числе продовольственных трудностях (причинах роста цен, основных мерах, предпринимавшихся властями для борьбы с дефицитом и дороговизной, их эффективности и др.). Анкету разослали в города Восточной Сибири с приглашением принять участие в намечавшемся съезде. Обрато вернулось лишь 14 заполненных бланков (от властей Иркутска, Киренска, Верхнеудинска, Нижнеудинска, Акши, Баргузина, Благовещенска, Красноярска, Енисейска, Канска, Ачинска, красноярского Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, иркутской продовольственной комиссии, двух потребительских обществ – верхнеудинской «Экономии» и красноярской «Самодетельности»). Заполненные анкеты были тщательно проанализированы и опубликованы в «Вестнике Иркутского городского общественного самоуправления»⁵⁸⁶ (Приложение 10).

Власти большинства уездных городов анкету не заполняли, отправлять своих представителей на съезд не планировали. Так, из Балаганска в Организационное бюро пришла записка с пояснениями: «Заслушав и обсудив изложенное и, имея в виду, что посылка представителя от г[орода] Балаганска на

⁵⁸⁶ Иркутский комитет Всероссийского союза городов в Иркутскую городскую думу // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1915. № 7–9. С. 116–119; Ширяев Ф.Г. Итоги одной анкеты (по вопросу о борьбе с дороговизной) // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 10–12. С. 9–10.

областной съезд сопряжена с затратой средств, коих у города совершенно не имеется, – и что Балаганск, как небольшой, заброшенный, можно сказать, глухой уездный город, принять участие в какой-либо материальной помощи, намеченной съездом, или иметь какое-либо существенное значение в разрешении предположенных вопросов – не может и, по сравнению с другими уездными городами, в достижении намеченной съездом цели может обойтись лишь только молчанием»⁵⁸⁷.

На вопрос анкеты о том, подорожали ли продукты питания и товары первой необходимости за первый год войны, все респонденты ответили положительно. Однако в каких-то городах их стоимость увеличивалась постепенно, в других – быстро и скачкообразно. Например, в Баргузине подорожание составило 20–30 %, Киренске – до 40 %, Ачинске – до 50 %, Верхнеудинске – 50–74 %, Акше 60–250 %, Красноярске – от 1,6–200 %, Енисейске – 100 %. Прежде всего, цены выросли на такие продукты, как сахар, мука, крупчатка⁵⁸⁸.

К числу причин, вызвавших дороговизну, относили мобилизацию, которая отражалась на сельскохозяйственном производстве, неприкрытую спекуляцию торговцев, начало заготовок для армии, которые поглощали все свободные торговые запасы продовольствия, некомпетентные действия центральных правительственных органов, прибытие военнопленных и беженцев, которые также предъявляли спрос на продукты питания. Значительную роль играло общее расстройство экономики страны – сокращение промышленного производства, значительное повышение налогов, тарифов, акцизов, инфляция и др.⁵⁸⁹. Важным фактором стало сокращение подвоза продовольствия из других регионов, а также снижение объемов внутрирегиональных товарных перевозок (особенно значительно это сказывалось на снабжении северных и золотодобывающих областей Якутии и Иркутской губернии, которые зависели от состояния

⁵⁸⁷ Ширяев Ф.Г. Итоги одной анкеты ... С. 11.

⁵⁸⁸ Там же. С. 11–12.

⁵⁸⁹ Съезд городов Восточной Сибири // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 3–4. С. 70.

производства и товарного рынка в Минусинском и Канском уездах Енисейской губернии)⁵⁹⁰.

Среди мер, которые города применяли для борьбы с дороговизной, повсеместное распространение имели таксы, но лишь немногие (Верхнеудинск) отмечали их эффективность. Все остальные считали, что положительных результатов система таксирования не принесла. Первоочередными мерами в борьбе с дороговизной, считали следующие. Во-первых, требовалась реорганизация системы государственных продовольственных структур. При наличии большого количества ведомств, занимавшихся вопросами заготовок для армии, не существовало центрального межведомственного продовольственного комитета, который бы регулировал продовольственное снабжение тыла. В такой комитет предлагалось включить представителей Всероссийского городского и Земского союзов, губернских и городских продовольственных комитетов, потребительских кооперативов. Кроме того, расширить полномочия властей на местах, а также согласовывать их деятельность. Во-вторых, представители городов считали, что анализ причин дороговизны и дефицита перевести на научную основу, для чего осуществлять финансирование комиссий и обществ, занимавшихся исследованием влияния войны на социально-экономическую жизнь страны (например, общества А.И. Чупрова при Московском университете).

Разрешение на проведение Съезда представителей городов Восточной Сибири, который первоначально планировался на сентябрь 1915 г., было получено лишь весной 1916 г.⁵⁹¹. Съезд состоялся в Иркутске 15–19 апреля 1916 г.⁵⁹². В нем приняли участие 94 человека – представители 20 городов, в том числе дальневосточных (Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Николаевска на Амуре, Никольско-Уссурийска), кооперативов и общественных организаций⁵⁹³. Председателем был избран член Государственного совета, представитель

⁵⁹⁰ Ширяев Ф.Г. Итоги одной анкеты ... С. 13.

⁵⁹¹ К съезду городов Восточной Сибири // Иркутская жизнь. 1916. 24 февраля. С. 3.

⁵⁹² Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. С. 218.

⁵⁹³ Съезд городов Восточной Сибири ... С. 67.

Петроградского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам Е.Л. Зубашев, товарищами председателя – депутат Государственной думы от Енисейской губернии, делегат Главного комитета Союза городов С.В. Востротин, иркутский городской голова И.М. Бобровский, гласный Иркутской городской думы Л.А. Белоголовый, председатель Иркутского комитета Союза городов П.И. Федоров, представитель Владивостока и Хабаровска И.И. Циммерман, Красноярска – В.М. Крутовский, Верхнеудинского потребительского общества «Экономия» – И.А. Пятидесятников. Основными вопросами съезда стали: организация помощи раненым, прием и размещение беженцев и военнопленных, борьба с дороговизной жизни (и в том числе продовольственный вопрос), работа по снабжению армии, городские финансы, создание областной организации городов⁵⁹⁴.

С рассмотрения продовольственного вопроса начался второй день съезда. Были заслушаны доклады: секретарей Организационного бюро Ф.Г. Ширяева о результатах анкетирования сибирских городов, И.И. Серебренникова о мероприятиях городов в борьбе с дороговизной жизни, делегата от Красноярска П.В. Веселкова о продовольственном кризисе, представителя города Николаевска-на-Амуре П.П. Крынина о значении морских портов и в условиях военного времени. При обсуждении участники отметили тот урон, который война нанесла сельскохозяйственному производству страны, указывали на ухудшение условий жизни крестьян и рабочих, необходимость реформирования Городового положения. Обратили внимание на дефицит продовольствия в северных и отдаленных поселениях Восточной Сибири, в частности, Якутской области⁵⁹⁵.

Участники отметили, что вслед за городами европейской части страны городские думы и управы начали создавать продовольственные комиссии, которые весной 1915 г. приступали к продовольственным закупочным операциям. Результаты этой деятельности были весьма скромными, потому что бюджеты

⁵⁹⁴ Съезд городов Восточной Сибири ... С. 67–68.

⁵⁹⁵ ГАИО. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 30–47.

восточносибирских городов были ограничены хроническими дефицитами. Лишь в Иркутске, где располагалась резиденция генерал-губернатора, применялись более разнообразные и действенные меры по снабжению горожан.

Обсуждался вопрос о необходимости реформы Городового положения, потому что одной из главных причин неэффективной деятельности городских властей являлся их цензовый состав: «Отсутствие достаточно широких норм для привлечения к участию к городской деятельности так называемого нецензового элемента городского населения, при громадной сложности выдвинутых войной новых задач ставит современные городские самоуправления прямо-таки в трагическое положение. И нет ничего удивительного, что наши «цензовые» городские самоуправления, представленные обычно наиболее обеспеченными и мало нуждающимися представителями привилегированной торгово-и-крупно-домовладельческих групп городского населения, во многих случаях оказывались далеко не на должной высоте, чем того требовали переживаемые события»⁵⁹⁶.

Гласные, принадлежавшие к купечеству и зажиточной части мещан, были не слишком заинтересованы в скорейшем разрешении продовольственных трудностей: «Городские продовольственные комиссии состоят сейчас, главным образом, из крупных цензовиков-гласных и других состоятельных лиц, для которых дороговизна или недостаток на рынке продуктов не является скорпионом, больно бьющим по необеспеченному населению. В городских продовольственных комиссиях нередко встречаются даже спекулянты, пользующиеся настоящей хозяйственной разрухой, как средством быстрой наживы. Само собой разумеется, что такие комиссии не могут принимать всех необходимых мер для обеспечения населения продуктами по нормальным ценам»⁵⁹⁷.

В Иркутске первоначально функции продовольственной комиссии сводились лишь к совещательным – наблюдению за ценообразованием в городе,

⁵⁹⁶ И.Я. Укрепление тыла и городская реформа // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 1–2. С. 3.

⁵⁹⁷ Шапошников А. Все по-старому // Жизнь Алтая. 1917. № 47. С. 2.

обсуждению способов снижения цен. Согласно распоряжению генерал-губернатора Л.М. Князева еще в конце июля 1914 г. в состав комиссии были введены представители купечества, Биржевого комитета, Иркутского общества взаимного вспоможения приказчиков и Ссудо-сберегательного товарищества. Однако они не имели права принимать участия в голосовании при принятии решений по конкретным вопросам и поэтому вскоре демонстративно вышли из нее. Лишь через год был разработан план работы комиссии, который включал предложение организовать городскую хлебопекарню и оптовый склад для торговли товарами первой необходимости, ходатайствовать перед губернской администрацией и правительством о предоставлении кредита на закупку товаров. При обсуждении вопроса об открытии городской лавки гласные высказывались в том смысле, что финансирование этого мероприятия – задача сколь сложная в условиях отсутствия денег и подготовленных кадров, столь и бессмысленная, поскольку все надеялись на скорое завершение войны⁵⁹⁸. Горожане поначалу отнеслись к созданию продовольственной комиссии с большим одобрением, однако вскоре были разочарованы тем, что она «работала канцелярски, общественно апатично <...> Дороговизна же жизни росла непрерывно, и потребители приходили в полнейшее отчаяние <...> Предпринимаемые городом меры по борьбе с дороговизной пока были не полны, не достаточны и подчас принимались с пропуском нужного времени. Принципы борьбы были мало выяснены»⁵⁹⁹.

Иркутский губернатор взял ситуацию под личный контроль. Согласно его распоряжению секретарь городской думы начал составлять график посещения депутатами заседаний, чтобы гласные являлись на заседания в требуемом для кворума количестве, сам кворум продовольственной комиссии был снижен с шести человек до четырех. Включение в состав комиссии представителей

⁵⁹⁸ В Иркутскую городскую думу. Доклад Исполнительной городской продовольственной комиссии об организации торговли предметами первой необходимости // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1915. № 7–9. С. 130–131.

⁵⁹⁹ Городская продовольственная комиссия // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1915. № 7–9. С. 71.

общественных организаций Иркутска с правом решающего голоса противоречило действовавшему законодательству, поэтому было решено преобразовать ее в продовольственный комитет, с привлечением городского населения к обсуждению проблемных вопросов. Подобные комитеты существовали в Тамбове, Нижнем Новгороде, Самаре, Курске. В сентябре 1915 г. продовольственная комиссия была реорганизована в городской продовольственный комитет. Его целью стала разработка рекомендаций по борьбе с дороговизной с учетом мнения широких слоев населения. Заседания комитета сделали гласными, их мог посещать любой желающий. Об этом регулярно информировали население через обывательские собрания и объявления в газетах. В состав комитета вошли 5 гласных городской думы, 22 представителя различных правительственных ведомств, 36 – от общественных и сословных организаций, 10 – торгово-промышленных и банковских учреждений. В составе комитета были образованы два сектора: статистический – по учету численности городского населения и запасов продовольствия в городе и закупочно-распределительный – по разработке способов закупочных операций, системы распределения продуктов, изысканию финансовых источников на эти цели⁶⁰⁰. Продовольственный комитет не мог принимать каких-либо решений, только формулировать предложения, которые направлялись на рассмотрение и утверждение в городскую думу. Реализацией утвержденных мероприятий должен был заниматься продовольственный отдел при городской думе. В штат отдела планировалось включить постоянных сотрудников (заведующего, делопроизводителя, двух конторщиков и машинистку)⁶⁰¹.

По прошествии четырех месяцев, 19 января 1916 г. «Вестник Иркутского городского общественного управления» опубликовал открытое обращение одного из сотрудников продовольственного комитета К.Ф. Лыткина к заместителю городского головы Н.Н. Донскому, в котором он с возмущением писал о том, что

⁶⁰⁰ Иркутский городской продовольственный комитет, его задачи и цели // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 3–4. С. 13.

⁶⁰¹ В продовольственных комиссиях. Иркутск // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 13. С. 27.

продовольственный отдел при городской думе так и не был сформирован. Всей работой по продовольственным вопросам занимался один сотрудник городской управы, при этом основной его обязанностью было ведение всех дел по хозяйственной части: «Нельзя такое огромное и ответственное дело, как организация продовольствия населения, делать между делом»⁶⁰².

В городе Канске Енисейской губернии в попытке сделать состав продовольственной комиссии максимально демократичным власти пошли другим путем. Весной 1915 г. городское общественное управление города поручило создать продовольственную комиссию местному комитету Всероссийского союза городов. В результате в нее было введено по 5 делегатов от Союза городов, потребительского кооператива и действовавших в городе общественных объединений (приказчиков, мещан, еврейского и церковно-попечительского). Правом решающего голоса на заседаниях обладали лишь члены комиссии, избранные от Союза городов. Тем не менее через некоторое время гласные городской думы пришли к выводу, что доверять комиссии большие денежные суммы нельзя, так как она состоит из «сброда», и «как бы чего не вышло». В результате продовольственная комиссия при канском комитете Всероссийского союза была распущена, в соответствии с законодательными нормами в состав новой вошли только гласные городской думы⁶⁰³.

Еще одной серьезной проблемой в работе продовольственных комиссий, являвшейся следствием их цензового состава, стал тот факт, что при внешне демонстрируемом благожелательном отношении к потребительским кооперативам со стороны городских властей, взаимодействие между ними протекало достаточно сложно. В некоторых городах констатировалось «полное отсутствие контакта», в большинстве же случаев – органы городского управления уклонялись от сотрудничества. Основной причиной являлось несовпадение интересов – в то время, как большинство гласных являлись крупными купцами и

⁶⁰² Г[осподину] заместителю городского головы Н.Н. Донскому // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 1–2. С. 65.

⁶⁰³ Областной отдел. Канск // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 6–7. С. 69.

предпринимателями, в потребительские кооперативы входили люди среднего и низкого достатка. Так, в Иркутске городская дума призвала иркутян объединяться в кооперативы: «Потребитель массовый, обычно малообеспеченный, сводящий еле концы с концами своего бюджета, для которого всякое, даже ничтожное повышение, уже нарушает равновесие бюджета, не может быть не заинтересован и равнодушен в борьбе с дороговизной потребителей. А для того, чтобы мероприятия по борьбе с дороговизной достигали цели, необходимо городам опереться в своих начинаниях на организованного потребителя»⁶⁰⁴. Однако при осуществлении торговых операций продовольственная комиссия действовала через биржевых маклеров и подрядчиков, закупки велись по той стоимости, которую назначали заинтересованные в контрактах торговцы и поставщики: «Связь с кооперативами выражается только в том, что представителям местного ссудо-сберегательного товарищества, союза приказчиков, булочно-кондитерского и колбасного производства, разрешается участвовать в заседаниях продовольственной комиссии лишь с правом совещательного голоса. Довольно определенно выражалось отрицательное отношение продовольственной комиссии в начале ее деятельности к какому бы то ни было сотрудничеству с кооперативами»⁶⁰⁵.

В Красноярске гласные городской думы рассматривали потребительские общества в качестве торговых конкурентов. Кооператив «Самодетельность» объединял значительную часть потребителей города, имел опыт в деле оптовых закупок товаров, и в целом достаточно успешно справлялся с задачей снабжения своих членов по сниженным ценам. Когда в середине 1915 г. «Самодетельность» запросила у города беспроцентную ссуду, гласные вначале высказались положительно, однако позднее ссуда была выдана с обязательством выплаты процентов. Кооперативу было отказано в просьбе о предоставлении городских помещений под склады без оплаты. Городская управа мотивировала это тем, что

⁶⁰⁴ От Иркутского городского продовольственного комитета // Иркутская жизнь. 1916. 24 января. С. 5.

⁶⁰⁵ Городская продовольственная комиссия // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 7–9. С. 71.

имея бесплатные помещения, «Самодетельность» сможет установить низкие цены на рынке, в то время как прочие торговцы или не выдержат конкуренции или будут вынуждены также снижать цены: «Правильность же постановки дела требует держать только нормальные цены, ибо искусственное понижение цен является одинаково вредным, как и чрезмерное повышение, то и другое допускаемо быть не может»⁶⁰⁶. В дальнейшем вопрос о поддержке «Самодетельности» превратился в камень преткновения между гласными городской думы и городской продовольственной комиссией, которая должна была обеспечивать продуктами питания по доступным ценам, прежде всего, беднейшие слои населения. Лишь под давлением комиссии дума принимала решения, направленные на поддержку кооперативного общества. Так, на заседании думы 3 сентября 1915 г. гласные П.В. Веселков, А.И. Громчевский, Д.Ф. Раззоронов, Я.И. Смолехо, А.И. Трофимов, входившие в продовольственную комиссию, заявили об остановке работы из-за отклонения прошения кооператива в расширении кредита. Только после того, как гласные постановили, что «не отказываются от помощи беднейшему населению города и найдут средства на открытие кредита», конфликт был улажен⁶⁰⁷.

В резолюции Съезда представителей городов Восточной Сибири по продовольственному вопросу были признаны желательными следующие меры: включение в состав продовольственных комиссий представителей кооперативов и профессиональных союзов с правом решающего голоса; объединение закупочных операций городов – создание в Сибири единого «муниципально-кооперативного закупочного бюро»; замена таксировки более эффективными мерами – расширением муниципальных заготовок, открытием городских складов, лавок, содействием увеличению подвоза товаров на местные рынки через торговых посредников; предоставление бесплатных земельных участков под огороды и семян беднейшим горожанам. Для объединения потребителей следовало:

⁶⁰⁶ По вопросу о рассмотрении доклада Городской продовольственной комиссии о борьбе с дороговизной жизни в г. Красноярске // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 12. С. 265.

⁶⁰⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д. 249. Л. 11–12.

организовывать обывательские комитеты в качестве торговых попечителей, которые контролировали бы обязательные постановления городских властей по борьбе с дороговизной; проводить регулярные встречи горожан для ознакомления с развитием продовольственной ситуации; поощрять развитие потребительской кооперации. Первоочередной мерой участники съезда считали разработку общероссийского плана, основой которого должны стать научные исследования о развитии производственных и потребительских рынков, произведенные на средства государства. В соответствии с общеимперским планом следовало выработать программу действий для регионов, в том числе для Сибири. Во всех городах создать статистические бюро для сбора сведений о населении, количестве потребляемых продуктов, значении городских рынков в снабжении населения уездов, немедленно созвать совещание статистиков и экономистов, принимавших участие в текущей продовольственной работе сибирских городов. Реализацию намеченных мероприятий планировалось возложить на Сибирский областной союз городов (с региональными секциями – западносибирской, восточносибирской и дальневосточной)⁶⁰⁸.

Принимавший участие в работе съезда в качестве представителя Енисейска М.П. Миндаровский писал о том, что его организаторы и участники старались избегать обсуждения политических вопросов. Председатель съезда Е.Л. Зубашев во вступительной речи просил делегатов быть сдержанными в высказываниях, чтобы не допустить его закрытия. На заседаниях съезда присутствовал направленный А.И. Пильцем чиновник особых поручений: «"Бдительное око" ген[ерал]-губ[ернатора] сейчас же соскакивал с места, опережая даже председательский колокольчик, как только до его уха доносились неосторожно вырвавшиеся у кого-нибудь из ораторов крамольные слова вроде конституции, ответственности правительства или, храни боже, учредительного собрания»⁶⁰⁹.

⁶⁰⁸ Съезд городов Восточной Сибири ... С. 72–73.

⁶⁰⁹ Енисейск в записках ... С. 271.

Участники съезда высоко оценили результаты своей работы. Они считали, что главные цели – объединить население обширного восточносибирского региона для решения проблем военного времени, обсудить и озвучить те срочные мероприятия, которых ждали от правительства – были достигнуты. В день закрытия съезда 19 апреля 1916 г. И.И. Серебренников записал в своем дневнике: «Итак, положено начало единению сибирских городов»⁶¹⁰. Иркутская газета «Деловая Сибирь» сам факт проведения съезда отнесла к ряду «общественных симптомов», «показывающих, что наступило время, когда большие государственные задачи будут решаться не односторонним veto, а в согласовании этого veto с желаниями и при участии общественных представителей»⁶¹¹.

Общий тон выступлений и принятой резолюции съезда были умеренными, однако при обсуждении продовольственных проблем становились очевидными проблемы функционирования и ответственности правительства: «Из всех вопросов, поставленных в программу, стоял вопрос продовольственный, где наиболее и выступали молодые люди из разных кооперативных организаций, освещавшие положение дела с тех отрицательных сторон, какие и били всю свою тяжестью по населению. Не могли быть приятны для администрации, разумеется, и те подчеркиваемые съездом преграды и заставы, на которые члены съезда указывали в своих докладах, вроде, напр[имер], порто-франко, административная опека над городскими самоуправлениями, отказ в предоставлении земства и многое другое»⁶¹².

Министерство внутренних дел опасалось широкой открытой критики действий власти на съездах Всероссийского городского и земского союзов, и с конца 1915 г. проводило курс на сдерживание общественной инициативы. Деятельность союзов подвергалась более строгому контролю, ужесточились правила проведения съездов. В апреле 1916 г. министр внутренних дел ответил отказом на обращение Западно-Сибирского областного комитета Союза городов

⁶¹⁰ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары ... С. 216.

⁶¹¹ Съезд представителей городов Восточной Сибири // Деловая Сибирь. 1916. № 4. С. 1.

⁶¹² Серебренников И.И. Претерпев судеб удары ... С. 272.

на проведение второго регионального съезда. В ноябре 1916 г. было отклонено ходатайство о проведении совещания Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов по продовольственному вопросу⁶¹³.

В 1916 г. вышел негласный запрет министра внутренних дел, запрещавший публичное обсуждение реформы городского положения. И.И. Серебренников, командированный иркутским комитетом Союза городов на заседание главного комитета в Москву, писал в дневнике: «На душе было нелегко: я ясно почувствовал здесь злое дыхание мертвящей реакции, от которой городские деятели уже спешат застраховать свое молодое детище – Союз городов. И в самом деле, в Иркутске нам говорил [А.И.] Пильц: обсуждайте все, что угодно, кроме основных государственных законов, говорите о реформе городских и земских учреждений, сколько вам заблагорассудится, а вот в Москве [Б.В.] Штюмер уже запрещает обсуждать даже и вопрос о реформе городского положения. Чем дальше, тем хуже»⁶¹⁴.

Лишенные возможности открыто обсуждать вопросы и проблемы, затрагивавшие политическую и экономическую сферы, представители местных органов власти и общественности не прекратили направлять в правительственные органы индивидуальные и коллективные записки с предложениями, проектами необходимых преобразований. Так, в октябре 1915 г. городской голова Новониколаевска А.Г. Беседин обратился к городам Восточной Сибири с просьбой поддержать возбужденное им перед правительством ходатайство с несколькими инициативами: официально разрешить введение в состав продовольственных комиссий лиц, не пользовавшихся правом голоса на городских выборах; разработать закон, ограничивающий прибыль торговых и промышленных предприятий на период войны определенной нормой; создать систему общественного контроля (со стороны городских и земских самоуправлений при участии кооперативных, профессиональных и других

⁶¹³ Туманова А.С. Общественные организации России ... С. 277–278, 296.

⁶¹⁴ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары ... С. 223.

общественных организаций) над производством и распределением предметов первой необходимости⁶¹⁵. Читинский Биржевой комитет в 1916 г. направил в правительство пакет предложений по борьбе с чрезмерной спекуляцией. В качестве первоочередных мер предлагалось создать централизованные структуры по регулированию производства и распределению товаров и продуктов питания в масштабах страны, в отношении спекулянтов применять суровые наказания и реквизиции, изменить правила таксирования товаров (расширить права городских управлений, распространять действие такс на обширные районы в несколько губерний, допустить к участию в их составлении представителей городских управлений, биржевых комитетов, кооперативных и других общественных организаций), обеспечить более широкую финансовую поддержку городов. По мнению членов комитета, все эти меры могли бы сдерживать спекулянтов («этих врагов внутренних»), и облегчить положение населения⁶¹⁶.

⁶¹⁵ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17420. Л. 19 об.

⁶¹⁶ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 952. Л. 152 об – 153.

§ 4.2 Государственно-общественная помощь семьям призванных нижних чинов

Основные механизмы государственной помощи семьям призванных правительство разработало и утвердило накануне войны на основе учета опыта и уроков Русско-японской компании. По закону 25 июня 1912 г. казенное пособие назначалось женам и детям, а также другим членам семьи призванного (отцу, матери, сестрам и др.), если до призыва они находились на его содержании. Размер пособия должен был соответствовать стоимости месячного продовольственного пайка, состоявшего из 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли и 1 фунта растительного масла. Стоимость пайка рассчитывалась губернским или областным присутствием, пересматривалась ежегодно к 1 сентября. Пайки выдавались в городе за месяц вперед, в уездах четыре раза в год – в марте, июне, сентябре и декабре. В местностях, где осуществлялась мобилизация, создавались городские и волостные попечительства, которые осуществляли обследование имущественного положения и состава семей призванных, выплату казенного пособия. Сведения о составе семей призванных подавались в уездный съезд крестьянских начальников, далее они поступали в губернское (областное) присутствие, которое делало запросы на получение средств в Казенную палату⁶¹⁷.

На городские и волостные попечительства также ложилась обязанность помогать тем категориям семей, которые не попадали под действие закона. Так, не получили права на казенное пособие гражданские жены и их дети. На протяжении войны этот факт вызывал негативное отношение как самих солдаток, так и общественности: «Невольно задаешь себе вопрос: чем же именно отличаются законные жены запасных от жен гражданских? Тем, что последние живут вопреки церковному обряду? Как те, так и другие охраняют хозяйство,

⁶¹⁷ Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 8–17; Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.

обрабатывают поля, воспитывают детей <...> Никто, я думаю, не погрешит, не скажет, что таким не следует выдавать пособия за то лишь, что они не венчаны. Все жены доблестных воинов наших, героини на местах, и законные и гражданские заслуживают одинакового внимания»⁶¹⁸. Кроме того, поддержка требовалась тем семьям нижних чинов, которые бежали со службы или сдались в плен. Согласно закону от 15 апреля 1915 г. они лишались права на помощь государства. Списки таких солдат передавались в губернские правления и сельские общества: «Таким образом, солдатки и дети сдавшегося в плен обрекались на нищету и бесправие»⁶¹⁹.

Городские попечительства получали финансирование из бюджетов органов городского управления на поддержку семей призванных, помимо этого собирали пожертвования и сотрудничали с различными благотворительными организациями (Российским Обществом Красного Креста, Романовским комитетом, комитетом Елизаветы Федоровны, церковно-приходскими попечительствами и др.). Волостные попечительства могли рассчитывать только на поступления от волостных правлений, благотворительных организаций на селе практически не было. Таким образом, получалось, что размеры дополнительных пособий и других форм поддержки солдатских семей значительно отличались в отдельных в регионах и на разных этапах войны. При этом помощь в сельской местности, где и проживало абсолютное большинство солдатских семей, была поставлена несравнимо хуже, чем в городах.

Всего в Восточной Сибири численность пайков, выдававшихся семьям призванных на фронт, к 1 сентября 1917 г. составляла: в Енисейской губернии – 387,3 тысяч (379,0 в селах и 18,3 в городах), Иркутской губернии – 171,1 тысяч (155,6 в селах и 15,5 в городах), Забайкальской области – 167,6 тысяч (139,5 в селах и 28,1 в городах), Якутской области – 2,7 тысяч (в селах). Таким образом

⁶¹⁸ Ш. Письмо о внебрачных женах запасных // Иркутская жизнь. 1914. 20 декабря. С. 2.

⁶¹⁹ Пушкарёва Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения ... С. 153.

92,1 % пайков получали жители сельской местности⁶²⁰ (Приложение 1. Таблица 22).

В Иркутской губернии выдача казенных пособий семьям призванных началась летом-осенью 1914 г. Заявка могла быть подана как в письменной, так и в устной форме (в этом случае составлялся специальный протокол) в городскую управу, уездное или городское полицейское управление, волостное правление или крестьянскому начальнику. Оформление документов обычно занимало до двух месяцев⁶²¹.

В Иркутске выплаты осуществлялись через комитет при городской управе. Его работа вызывала нарекания у солдаток с первых дней. Так, в августе 1914 г. И.И. Серебренников записал в своем дневнике о том, что в выдаче пособий еще отказывали, так как семейное положение просительниц не было обследовано: «Солдатки сегодня целыми толпами осадили управу и требовали пособия. Одна из солдаток завила городскому голове: "Хорошо вам рассуждать, вы нажрались, а мы вот ничего еще сегодня не ели!"»⁶²².

Стоимость продуктов, входивших в состав пайка, постоянно росла, и периодическое увеличение размера выплат на несколько копеек не могло компенсировать инфляцию: «При росте среднего размера пособия в стране за годы войны на 1/3 товарные цены выросли более, чем в 5 раз»⁶²³. Такая ситуация тяжело отражалась на положении солдатских семей. Уже в конце 1914 г. – начале 1915 г. жены запасных из уездов жаловались в различные административные учреждения Иркутска на то, что пособия (2 рубля 80 копеек на человека) далеко не достаточно для продовольствия.

С начала 1916 г. казенное пособие выдавалось с задержками. Генерал-губернатор А.И. Пильц разослал городским и волостным правлениям, крестьянским начальникам Иркутской губернии предписание выплачивать деньги

⁶²⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 года ... С. 49.

⁶²¹ Порядок выдачи пособия семьям запасных // Иркутская жизнь. 1915. 25 июня. С. 3.

⁶²² Серебренников И.И. Претерпев судеб удары ... С. 24.

⁶²³ Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с.

точно в срок, с предупреждением о привлечении виновных к строгой ответственности⁶²⁴. Однако главная причина перебоев заключалась в том, что средства на выдачу пайка из казны не поступали вовремя. Только для Иркутска в конце 1916 – начале 1917 гг. на выплаты солдатским семьям требовалось ежемесячно около 60 000 рублей. Городской голова И.М. Бобровский неоднократно обращался к губернатору с просьбами ходатайствовать в Министерство внутренних дел о своевременном переводе денег⁶²⁵.

Работа городских и волостных попечительств протекала под контролем местной администрации. Неудивительно, что и благотворительные организации, подключавшиеся к решению проблем солдатских семей, курировались лицами, близкими к представителям высших правительственных чиновников. Так, образованный в Иркутске в августе 1914 г. Комитет по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных в действующую армию, возглавила жена генерал-губернатора М.Н. Князева. После отъезда четы Князевых из Иркутска в начале 1916 г. ее сменила Е.Н. Пильц.

Комитет проводил кружечные сборы, благотворительные базары, лотереи. В его пользу делали пожертвования служащие почтово-телеграфного ведомства, переселенческого управления, контрольной палаты, железной дороги, губернской типографии, ветеринарной станции, банков, ломбарда, страховых обществ, а также учителя и врачи. Владельцы местных кинотеатров («Товарищество Алексеев и Донателло», К.С. Ягджогло, А.К. Линкевич и др.) отчисляли проценты от стоимости билетов⁶²⁶. С августа по декабрь 1914 г. Комитет по оказанию помощи семьям запасных выдал пособий на 42 192 рубля 45 копеек. В начале 1915 г. последовал новый военный призыв, поэтому за следующее полугодие сумма помощи увеличилась: с января по май 1915 г. было выдано 57 682 рубля 88

⁶²⁴ Циркуляр о своевременной выдаче казенного пособия // Иркутская жизнь. 1916. 26 июня. С. 4.

⁶²⁵ К оказанию помощи семьям запасных // Иркутская жизнь. 1917. 14 января. С. 3.

⁶²⁶ Пожертвования владельцев иллюзионов // Иркутская жизнь. 1915. 15 февраля. С. 4.

копеек. За первые 14 месяцев войны комитет собрал пожертвований на 155 791 рублей, израсходовал 131 568 рублей⁶²⁷.

В уездах складывалась следующая система: волостные попечительства должны были поддерживать семьи призванных из старожильского населения, в то время как семьям переселенцев помощь оказывалась преимущественно за счет средств Переселенческого управления. Военские призывы повысили трудности освоения переселенческих семей на новом месте. Многие из них не имели пашни, семян для посева, рабочего скота. Во время уборки урожая 1914 г. в Сибири ГУЗиЗ было выдано порядка 200 000 рублей в виде безвозвратного пособия семьям переселенцев⁶²⁸.

С течением времени оказание помощи как старожильским, так и переселенческим семьям призванных в уездах Иркутской губернии сосредоточилось в руках заведующего Переселением и землеустройством И.С. Иконникова. Обследование нуждавшихся семей производили чиновники поземельно-устроительных партий, дорожного, гидротехнического и других отделов Иркутского переселенческого района⁶²⁹. Переселенческое управление помогало также сельскохозяйственной техникой во время полевых работ: приобретало сенокосилки, конные грабли, жатки, которые направляли на работу в Верхнеудинский, Балаганский и Верхоленский и другие уезды, в бесплатное пользование крестьян передавались сельскохозяйственные машины со складов в Тулуне и Залари⁶³⁰.

К концу 1914 г. в Иркутской губернии было создано около 70 волостных попечительств и комитетов помощи семьям призванным. Там, где находились добровольцы, готовые безвозмездно и постоянно работать в них, положение солдатских семей было менее тягостным. Но чаще всего, с удалением от губернского центра таких инициативных лиц, способных к самоорганизации,

⁶²⁷ Помощь семьям запасных // Иркутская жизнь. 1915. 17 июня. С. 3.

⁶²⁸ Островский И.В. Аграрная политика царизма ... С. 176.

⁶²⁹ Отчет агрономической организации в Иркутской губернии за 1915 г. (по заселенному району). Иркутск, 1916. 91 с.

⁶³⁰ Ш. Помощь семьям запасных // Иркутская жизнь. 1914. 10 ноября. С. 2.

становилось все меньше. Во многих селах попечительств не было, крестьянские начальники оказывали помощь бессистемно. В результате те, кто нуждался более всего, поддержки не получали⁶³¹.

Предметом скандальных нареканий со стороны солдаток являлся вопрос о распределении помощи. Так, по сообщениям корреспондентов «Иркутской жизни», в сентябре 1915 г. в селе Урик Иркутского уезда солдатка пришла в волостное правление и потребовала выдать ей деньги на посев. Писарь объяснил, что ассигнованные 500 рублей предназначены только беднейшим солдаткам на засев полей. Женщина же считала, что эту сумму необходимо поделить поровну между всеми. После учиненного скандала на нее был составлен протокол. Подобный случай произошел в селе Лыховщина – две солдатки взяли старосту за горло и стали душить, требуя денег. После спасения старосты от солдатских жен был составлен протокол и на них⁶³².

С течением времени семей, которых не коснулись бы мобилизации, почти не осталось, в то же время ресурсы волостных попечительств иссякали⁶³³. Уже в начале 1916 г. их помощь была практически номинальной: «В настоящее время роль сельских комитетов и попечительств сводится почти на нет. Истощающиеся средства дают им возможность оказывать необходимую помощь только гражданским семьям защитников родины, но и тем – в минимальных, далеко недостаточных размерах»⁶³⁴. Сказывались и другие причины сокращения поддержки. Одним из факторов равнодушия к чужой беде и апатии к общественной деятельности становилось пьянство. Первоначально введение «сухого закона» значительно снизило потребление спирта, но уже в 1915 г. в сибирской деревне значительно усилилось самогонование⁶³⁵.

В Енисейской губернии городские попечительства по призрению семейств нижних чинов и уездные съезды крестьянских начальников также начали

⁶³¹ Жены запасных // Иркутская жизнь. 1914. 13 декабря. С. 3.

⁶³² Корреспонденция. Недоразумения с солдатками // Иркутская жизнь. 1915. 7 сентября. С. 3.

⁶³³ М–ов О. Тыреть, Балаганского уезда // Иркутская жизнь. 1915. 14 марта. С. 3.

⁶³⁴ Помощь семьям воинов // Иркутская жизнь. 1916. 8 февраля. С. 3.

⁶³⁵ Обыватель Равнодушие // Иркутская жизнь. 1915. 2 марта. С. 3.

рассматривать ходатайства о назначении казенного пособия с первого же месяца войны. Его размер в Красноярске к середине 1915 г. составлял 2 рубля 30 копеек. Гражданские семьи получали помощь от попечительства в двойном размере. Дополнительно к этим выплатам из благотворительных средств городское попечительство выдавало по 2 рубля на семью на оплату квартир, взяло на себя расходы по выплате единовременных пособий на проезд, похороны, лечение, учебники для школьников. Больше всего денежных пожертвований в пользу Красноярского городского попечительства поступило в первые месяцы войны, впоследствии численность пожертвований и их объемы резко сократились. Так, в сентябре 1914 г. удалось собрать 10 071 рублей 48 копеек, а в апреле 1915 г. – лишь 297 рублей 28 копеек⁶³⁶.

На протяжении войны губернский центр испытывал наплыв солдаток из окрестных сел и деревень. Большинство из них приезжали в город за мобилизованными мужьями. После того, как мужа отправляли на фронт, жена обращались за помощью к городскому попечительству. Из уездов в Красноярск съезжались и гражданские жены нижних чинов, которые утверждали, что волостные власти не оказывали им никакой поддержки. Члены городского попечительства были возмущены этим обстоятельством: «Таким образом, совершенно непонятным является, в чем выражается благотворительная деятельность существующих волостных и церковных попечительств. Красноярское попечительство полагало бы, что раз оно нашло возможным оказывать посильную помощь этой категории лиц, то и прочие попечительства должны им помогать»⁶³⁷.

В 1915 г. в губернию начали прибывать беженцы. Расходы по их приему, размещению, питанию, лечению также легли преимущественно на городское управление Красноярска, потому что наибольшее их число направлялось в Красноярск и Красноярский уезд, наименьшее – в отдаленные уезды губернии

⁶³⁶ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 100 об.

⁶³⁷ Там же.

(северный Енисейский и южный Минусинский). Так, к 20 декабря 1915 г. прибыло беженцев: 5 518 человек (46 %) в Красноярский уезд, 4 451 (37 %) – в Канский, 1 247 (10,4 %) – Ачинский и 765 (6,6 %) – Минусинский. Соответственно значительно сократились объемы средств, которые города могли выделить на помощь солдаткам⁶³⁸.

С течением времени жизненный уровень солдатских семей падал. Недовольство солдаток тяжелым материальным положением нарастало. Когда 7 мая 1916 г. на Новобазарной площади Красноярска происходил погром торговых рядов, солдатки принимали в них активное участие. Власти были обеспокоены, что подобные беспорядки могли принять более массовый и радикальный характер⁶³⁹.

В сельской местности семьи, оставшиеся без мужских рабочих рук, испытывали потребность в трудовой помощи, значительно возраставшую при осуществлении полевых работ (уборке урожая, заготовке сена и т.п.). Все большая нагрузка ложилась на женщин, подростков, стариков, при этом ряд тяжелых видов деятельности был им не по силам. Губернатор предложил крестьянским начальникам совместно с волостными попечительствами организовывать сельские общества на работу в хозяйствах нуждавшихся семей, состоявших из жены и малых детей и не имевших лошади. Они должны были разъяснять населению необходимость оказания такой помощи на общественных началах.

Горожане были обеспокоены тем, что в сельской местности семьи мобилизованных могли начать сокращение площади обрабатываемой пашни или совсем отказываться от нее, рассчитывая на выплаты от государства и благотворителей: «Енисейская губерния по преимуществу заселена земледельцами. Дальнейший призыв в армию взрослого населения к весне будущего года может создать необходимость для многих семей, лишившихся своих последних работников, или совершенно отказаться от обработки полей или

⁶³⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 323. Л. 88.

⁶³⁹ Подробнее о событиях в § 2.2.

настолько сократить таковую, что это может отразиться на всех сторонах жизни населения губернии, и прежде всего на семьях тех лиц, кои призваны или будут призваны в ряды борцов за родину»⁶⁴⁰. В печати обсуждался вопрос о необходимости организации трудовой помощи сельскому населению при осуществлении полевых работ жителями близлежащих городов.

Во многих селах крестьяне считали, что в условиях, когда власти взимали задолженности и недоимки по ссудам и налогам за прошлые годы, причем действовали жестко (описывали имущество, забирали скот), они не были обязаны помогать семьям призванных: «Из нашего села много общественников взято в ряды армии. Оставшиеся солдатки не смогут сами справиться с полевыми работами. Им нужна поддержка со стороны; общественники рады бы всей душой помочь солдаткам, да сами сейчас находятся в незавидном положении <...> Нет сил у общественников нести на себе в такое тяжелое время два ига»⁶⁴¹.

Вместе с тем одной из причин слабой организации помощи семьям призванных в уездах Енисейской губернии был тот факт, что благотворительные и общественные организации (местные отделы Российского Общества Красного Креста, дамские комитеты при них, Романский комитет, комитет Елизаветы Федоровны, церковно-приходские попечительства) направляли все собранные средства в губернский центр, ничего не оставляя на местах. Да и сами благотворительные комитеты были слабыми и маломощными⁶⁴².

В апреле 1915 г. состоялся съезд крестьянских начальников Канского уезда, на котором обсуждался вопрос о создании единообразной системы оказания трудовой и денежной помощи солдатским семьям. Участники постановили, что в переселенческих районах уезда пособия нуждавшимся полагалось выдавать за счет Переселенческого управления. В старожильческих поселениях помощь должны были оказывать попечительства. Съезд обратился к енисейскому губернатору с двумя просьбами: распорядиться о выдаче солдаткам в аренду за

⁶⁴⁰ Троицкий П.С. На помощь деревне // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. № 2. С. 6–7.

⁶⁴¹ Коротков И.С. Село Копенское Минусинского уезда // Сибирская деревня. 1915. № 8. С. 13.

⁶⁴² ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Протоколы Первого Съезда представителей городов ... С. 8.

минимальную плату до 300 плугов из складов Переселенческого управления, а также ассигновать 2 500 рублей для усиления средств волостных и сельских попечительств из фонда Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. В период полевых работ сельские общества уезда должны были оказывать солдаткам «помочи». Духовенство, учителей, волостных и сельских попечителей обязали вести разъяснительную работу среди крестьян, для того, чтобы они не отказывались принимать в них участие. Там, где из-за нехватки рабочих рук, организовать «помочи» было невозможно, солдатки должны были получать деньги на семена и обработку полей. Для того, чтобы дать крестьянкам возможность работать в поле, признавалась желательной организация ясель⁶⁴³.

На съезде городов Енисейской губернии 15–17 июля 1915 г. городской голова Красноярска С.И. Потылицын говорил о том, что эффект от выплат казенного пайка падает из-за инфляции и постоянного роста цен. П.А. Бахов, городской голова Минусинска, также отмечал, что семьи призванных жаловались в письмах солдатам на скудость пособия, те обращали на это внимание своего военного начальства, которое, в свою очередь, по каждому конкретному случаю писало прошения в органы городского самоуправления с просьбой разобраться и помочь нуждавшимся⁶⁴⁴.

Во второй половине 1916 г. правительство начало задерживать перечисление средств на казенные пособия, фонды городских попечительств также истощались, они прекращали собственные выплаты. Со стороны солдаток это встречало острую негативную реакцию. Все пособия они получали в здании управы, не понимая, из каких источников поступало финансирование, требовали выплат, считая, что деньги им полагаются в обязательном порядке, и на это идут средства государственного бюджета. Так, в ноябре 1916 г. было сокращено пособие в Канске. Около трехсот солдаток ворвались в городскую управу,

⁶⁴³ Помощь семьям запасных // Сибирская деревня. 1915. № 8. С. 25.

⁶⁴⁴ Протоколы Первого Съезда представителей городов ... С. 14.

обвиняя городского голову в том, что он «обсчитывает и обкрадывает» их. Полиции удалось утихомирить женщин, подвергнув аресту сроком на три месяца семерых из них. Весной 1917 г. в городе пошли слухи о том, что якобы солдаткам полагалось ежемесячное пособие в размере 20 рублей, а не 5, как они получали. Вечером 1 июня 1917 г. солдаты ворвались в здание городской управы и устроили там погром, сломали мебель, разбросали документы, требовали ареста городского головы⁶⁴⁵.

В Забайкальской области первый военный год завершился для семей призванных, проживавших в сельской местности, достаточно благополучно – не было ни продовольственных затруднений, ни дефицита семенного материала. Важную роль в этом сыграл хороший урожай 1914 г. В дальнейшем их положение ухудшалось. По сведениям добровольных корреспондентов Статистического отдела Забайкальского переселенческого района, к лету 1915 г. крестьянские хозяйства Забайкальской области лишились из-за мобилизаций одной шестой части работников. Их заменяли женщины: «Женщины были вынуждены выехать на пашню не только из хозяйств, оставшихся вследствие мобилизации, совершенно без работников мужчин, но и из тех, где мужчины, хотя и остались, но в количестве недостаточном для обслуживания пахотного хозяйства»⁶⁴⁶.

Проблем с организацией помощи семьям запасных при обработке полей не возникало в небольших селах с ограниченным количеством дворов, когда не требовалось «большого напряжения общественных сил». Совершенно иначе обстояло дело, если поселение было значительным по размерам, и количество нуждавшихся в помощи хозяйств начинало превышать норму, посильную для соседской благотворительности, требовало довольно высокой степени общественной солидарности. В таких случаях, как правило, крестьяне практически бездействовали. Солдатские семьи прибегали к помощи благотворительных организаций.

⁶⁴⁵ Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. 1917. 14 июня. № 56. С. 4.

⁶⁴⁶ Соколов В.Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и ратников ополчения Забайкальской области в 1915 году: По сообщения добровольных корреспондентов. Чита, [1917]. С. 9.

С 1915 г. односельчане отказывались помогать семьям, получавшим казенное пособие, под предлогом того, что заботу о них взяло на себя государство, либо требовали оплатить труд помощников за счет того же пособия. Чаще всего помощь оказывали волостные, сельские и церковно-приходские попечительства (в 33,2 % случаев), инородцы (25,8 %), частные благотворительные организации (11,7 %), Елизаветинский комитет (11,5 %), правительственные учреждения (8,5 %), кредитные товарищества (6,8 %), волостные и станичные правления (1,9 %). Соотношение и виды помощи были следующими: 60,4 % – личным трудом, 14,8 % – рабочим скотом, 7 % – деньгами, 6,7 % – инвентарем, 5,4 % – подсобными работами, 4 % – семенами, 1,7 % – хлебом⁶⁴⁷.

Урожай 1916 г. был ниже, чем в предыдущем 1915 г., особенно в Западном Забайкалье (Селенгинском, Троицкосавском, Верхнеудинском уездах). В сельской местности более состоятельные семьи начали обращаться за ссудами из общеимперского продовольственного капитала, беднейшие – прибегали к поддержке Елизаветинского комитета⁶⁴⁸. В забайкальских городах росли цены на продукты питания, ощущался серьезный дефицит промышленных товаров, доходы населения падали. После событий 7 мая 1916 г. в Красноярске и распространявшихся слухов о погромах торговых рядов в городах Европейской России местные власти находили в тревожном ожидании повторения подобных событий. На фоне сокращения объемов и видов помощи, полиция тщательно отслеживала настроения среди солдаток⁶⁴⁹.

В Якутской области помощь семьям призванных на протяжении войны оказывало местное отделение Елизаветинского комитета. Оно было создано в июле 1914 г. под руководством губернатора Р.Э. Витте. В него входили чиновники Якутского областного управления – вице-губернатор В.И. Курилов, врачебный инспектор А.И. Левитский, старший советник А.И. Попов, советники

⁶⁴⁷ Соколов В.Н. Обработка и обсеменение полей ... С. 23–24.

⁶⁴⁸ ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 57. Л. 48.

⁶⁴⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17739. Л. 2, 11.

А.В. Кириллов и Н.П. Березкин, областной агроном М.П. Скадченко, а также подполковник Н.Д. Попов, протоиерей И.П. Берденников, городской голова Якутска П.А. Юшманов. В январе 1915 г. возникла необходимость в открытии территориальных отделений Комитета в Якутском и Олекминском округах, на которые приходился самый значительный призыв нижних чинов. На этот счет последовало распоряжение губернатора окружным исправникам, под руководством которых они и должны были работать. Благотворительные средства собирались по подписным листам. Материальная помощь членам солдатских семей составляла от 4 рублей 40 копеек до 75 рублей. Деньги выдавались на самые разнообразные цели – оплату квартир, приобретение теплой одежды детям, даже обзаведение собственным делом – оборудование булочной⁶⁵⁰.

Выводы по главе 4

Обсуждение конкретных проблем и задач в продовольственной сфере представители городских управлений Восточной Сибири намеревались вести в формате съездов, поскольку эта форма общественной самоорганизации стала традиционной в начале XX в. Участники региональных съездов в 1915–1916 гг. обозначили основные трудности городов в обеспечении населения продовольствием. Они отметили серьезное несоответствие между чрезвычайно широкими масштабами продовольственных проблем с одной стороны, а, с другой стороны, весьма стесненными материально-организационными ресурсами и законодательно-правовыми возможностями городских властей. Высказывали потребность в структурах, которые бы координировали и согласовывали их действия в продовольственной сфере, оперативно информировали об изменении общероссийской и региональной экономической конъюнктуры. От государства ожидали финансовой помощи, решительных мер в отношении спекуляции,

⁶⁵⁰ Захарова Т.В. Якутское отделение Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2014. № 1. С. 106–113.

реформы законодательства с целью расширения народного представительства в органах городского самоуправления, введения земского самоуправления в Сибири.

Городские власти функционировали в условиях административного надзора со стороны губернской администрации. С одной стороны, в качестве уполномоченных Особого совещания губернаторы демонстрировали лояльность, создавали режим благоприятствования полезным начинаниям. В Восточной Сибири в условиях слабого развития государственных бюрократических структур, как генерал-губернатор, так и губернаторы высказывали заинтересованность в их деятельности, признавали ее большой позитивный эффект. С другой стороны, в силу своих должностных обязанностей, следуя курсу Министерства внутренних дел, они должны были следить за политической благонадежностью представителей городского управления, контролировать, пресекать и предотвращать всякого рода проявления, направленные на критику или дискредитацию государственной власти. Курс на сдерживание общественности со стороны правительства, который значительно усилился в 1916 г., производил тяжелое впечатление на представителей местных городских властей, купцов, общественных деятелей. Нежелание допустить их к обсуждению и принятию решений по таким злободневным вопросам, как продовольственный, в целом порождало разочарование в правительстве и недовольство его экономической политикой.

Другим важным основанием роста оппозиционных настроений в регионе стало ухудшавшееся положение солдатских семей. Впервые в истории страны государство взяло на себя обязанность выплаты им казенного пайка. Однако организация системы социального попечения о семьях призванных на местах была возложена на органы местного самоуправления, которые правительство рассматривало в качестве низшей структуры бюрократического аппарата. Создававшиеся при городских управлениях и волостных правлениях попечительства отвечали за выдачу казенного пособия, а также должны были

оказывать дополнительную поддержку из собственных фондов, привлекать к этой работе благотворительные организации. В результате повсеместно различались виды оказывавшейся помощи, категории семей, которым она полагалась, размеры и сроки выплат и т.д. Особенно бросалась в глаза разница между городом и сельской местностью: размер казенного пособия из-за расхождения цен на продукты питания на селе был ниже, чем в городе; помощь со стороны общественных и благотворительных сил в городах, особенно в губернских центрах, поставлена несоизмеримо лучше. Трудовую помощь в осуществлении полевых работ односельчане оказывали не везде и с течением времени – все реже.

Все это вызывало недовольство солдатских семей. Солдатки не понимали, из каких источников они получали деньги, полагая, что средства правительство выделяет своевременно и в полном объеме. Ответственность за недоработки и пробелы в законодательстве, недостаточность размеров пособий, задержки и снижение выплат связывали с работой местных попечительств. С течением времени казенное пособие обесценивалось инфляцией, выдавалось с задержками. Начиная со второй половины 1915 г. из-за ухудшения экономической ситуации, серьезных финансовых затруднений, значительного роста числа нуждавшихся города начали сокращать собственные выплаты семьям солдат. По мере ухудшения экономической ситуации в стране и регионе недовольство солдатских семей росло, учащались случаи протестных форм поведения с их стороны.

ГЛАВА 5. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г.

После Февральской революции Временное правительство унаследовало весь спектр проблем в сфере экономики и финансов, которые предстояло решать в условиях продолжавшейся войны. Сама смена власти происходила в обстановке острого кризиса продовольственного снабжения, угрозы срыва хлебозаготовок, народного недовольства. Изучение развития продовольственной ситуации в Восточной Сибири в феврале – октябре 1917 г., в частности, таких ее аспектов как реорганизация системы продовольственных органов, их основных мероприятий, трансформации продовольственного рынка, обострения социальных отношений позволяет анализировать причины усиления противостояния власти и населения, происходившее на фоне увеличения материальных ресурсов, затрачивавшихся на ведение войны.

§ 5.1 Формирование центральных и местных продовольственных структур Временного правительства

27 февраля 1917 г. на первом заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов была создана Продовольственная комиссия в составе 7 представителей Совета и трех депутатов Временного правительства под председательством В.Г. Громана, принявшая на себя обязанность снабжения столицы, а затем и страны. Постановлением от 2 марта, подтвержденным 7 марта Министром земледелия Продовольственная комиссия предписывала губернским земским управам и городским думам образовать новые губернские продовольственные комитеты на широких демократических началах, к которым и должно было перейти общее руководство продовольственным делом на местах. Их председатели являлись уполномоченными Председателя Особого совещания и министра земледелия.

Указом от 6 марта на министра земледелия было возложено попечение по обеспечению продовольственных и семенных нужд населения, в связи с этим Управление сельской продовольственной части Министерства внутренних дел, его капитал и кредиты также перешли в его ведение, что означало попытку централизации всей продовольственной организации⁶⁵¹.

Постановлением Временного правительства от 9 марта деятельность Особого совещания по продовольствию прекращалась, все полномочия передавались министру земледелия А.И. Шингареву, под началом которого формировался Общегосударственный продовольственный комитет, сменивший Продовольственную комиссию. В состав комитета вошли шесть представителей от кооперативов, по пять – от Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, по четыре уполномоченных от Государственной думы, Союза городов и Земского союза, по три – от военно-промышленного комитета, Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, два от сельскохозяйственной палаты и один от съезда статистиков⁶⁵². На заседаниях Общегосударственного продовольственного комитета много времени занимало обсуждение внутренних организационных вопросов: распределение работы по комиссиям и секциям, порядок их взаимодействия с другими ведомствами и министерствами, определение компетенций заместителей председателя, и т.п. Законодательно все эти аспекты не были прописаны, детальных распоряжений от правительства не поступало, поэтому подобные вопросы приходилось решать «на ходу», в спешном порядке, зачастую они имели характер договоренностей, а не циркулярных указаний.

Планировалось, что одной из ближайших задач правительства станет создание органов местного самоуправления на широких демократических началах, при этом не было никаких оснований выделять из их компетенции

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1917 г. Д. 55.

⁶⁵² Постановление Временного Правительства об учреждении Общегосударственного продовольственного комитета 9 марта 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678696>; Сахневич И.В. Правовые основы продовольственной политики Временного правительства // Юридические записки. 2014. № 1. С. 138–143.

продовольственное дело. Существование параллельно обособленных продовольственных структур признавалось нежелательным из-за сложности разграничения их задач и полномочий. В результате было решено создать продовольственные комитеты, которые бы функционировали до образования местных органов самоуправления. 25 марта правительство одобрило «Временное положение о местных продовольственных органах», в соответствии с которым до созыва Учредительного собрания на местах должны были действовать волостные, городские, уездные и губернские (областные) продовольственные комитеты.

Низшей продовольственной структурой стал волостной продовольственный комитет (в составе шести делегатов от крестьян, трех от местных кооперативов, двух от профсоюзов рабочих и одного от торговцев и промышленников). Волостные комитеты организовывали сбор и прием продовольствия для нужд армии и тыла непосредственно от крестьян, определяли количество продуктов, которые можно было изъять из потребления местного населения, организовывали их вывоз, отвечали за засев полей весной. Они должны были собираться не менее двух раз в месяц, текущие дела вела волостная управа. Примерно с таким же представительством создавались городские и уездные продовольственные комитеты, действовавшие в соответствии с постановлениями губернских (областных) комитетов. Только губернский продовольственный комитет (в его состав вошли шесть представителей от кооперативов, еще по пять – от местного совета рабочих депутатов, крестьянского союза, губернских сельскохозяйственных обществ, по три – от городской думы губернского города и биржевых комитетов, по одному – от местного отделения Всероссийского союза городов, военно-промышленного комитета, агрономической, экономической и санитарно-медицинской организаций) мог таксировать цены и осуществлять реквизиции. В его ведении также находились вопросы борьбы с сокращением площади запашки, учета наличных товарных запасов, отправки и получения продовольственных грузов на железнодорожных станциях, заключение договоров по заготовкам, направление военных дружин в местности, где не хватало рабочих

рук и др. Исполнительными органами губернских продовольственных комитетов стали продовольственные управы. Главы продовольственных комитетов и другие сотрудники избирались на годичный срок. Председатель губернского комитета являлся уполномоченным Министерства земледелия⁶⁵³.

Процесс формирования новых продовольственных комитетов на местах шел параллельно с реформированием органов местного управления и самоуправления. Пересматривалось городское положение, создавался институт комиссаров правительства, волостное земство, вводилось земство в Сибири и др. В апреле было утверждено положение о производстве выборов гласных городских дум, новая избирательная система отменила принцип сословности, выборы проходили на основе прямого, всеобщего голосования. Процесс всех этих преобразований являлся длительным и сложным: упразднялись старые учреждения, велась подготовка, а затем и сами выборы в земства и т.д. Необходимо учитывать, что одновременно повсеместно возникали губернские и уездные советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые активно вмешивались в деятельность всех органов власти⁶⁵⁴.

В соответствии с этим состав волостных, уездных и губернских продовольственных комитетов до конца 1917 г. также был крайне пестрым, значительно различалось время их формирования, направления работы и т.д. Н.Д. Кондратьев отмечал, что их создание шло крайне медленно, особенно на уровне волостей, не всегда в соответствии с постановлениями центральной власти: «В некоторых местах продолжали действовать прежние дореволюционные продовольственные органы, в других – органы, возникшие самочинно, в третьих – органы, возникшие по приказу 2 марта, наконец, в четвертых – органы,

⁶⁵³ Инструкции, правила, бюллетени и другие документы местных продовольственных комитетов. 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678647>

⁶⁵⁴ Судавцов Д.Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления // Социология власти. 2009. № 8. С. 139–146; Дерябина Е.С. Проблемы правового регламентирования местного самоуправления России в условиях двоевластия (февраль – октябрь 1917 г.) // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 58–62.

возникшие по закону 25 марта»⁶⁵⁵. К лету 1917 г. губернские продовольственные комитеты были образованы практически повсеместно, но уездные, городские и особенно волостные – далеко не везде. Состав комитетов также складывался с отступлениями от положения Временного правительства: преобладали представители советов, и их представительство только росло. Сотрудники продовольственных комитетов часто менялись из-за недовольства населения или политической борьбы. Принимавшиеся решения, далеко не всегда компетентные, вызывали резкую критику населения.

Инструкторы и проверяющие губернских комитетов, контролировавшие деятельность местных продовольственных органов, обращали внимание на общую неудовлетворительную постановку дела. Особенно халатно относились к своим обязанностям сотрудники волостных продовольственных комитетов, которые большую часть времени находились на полевых и других сельскохозяйственных работах. Документы (статистические данные, протоколы заседаний, сведения по реквизициям и т.п.) не подшивались, находились в беспорядочном состоянии, учет посевов и хлеба осуществлялся крайне медленно. В конце апреля Общегосударственный Продовольственный комитет принял решение направить на места в качестве своих уполномоченных эмиссаров. Эмиссар должен был войти в состав губернских продовольственных комитетов, возглавить деятельность по созданию новых продовольственных организаций в тех волостях и городах, где их еще не существовало, реорганизовать состав существовавших в соответствии с законом, инструктировать их сотрудников.

Летом 1917 г. после проведения выборов многие губернские продовольственные комитеты начали передачу продовольственного дела вновь избранным органам городского и земского самоуправления, потому что, во-первых, согласно законодательству вопросы продовольствия населения относились к их непосредственному ведению, и, во-вторых, местные продовольственные комитеты изначально создавались как временные структуры.

⁶⁵⁵ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 90.

Однако в начале сентября на места поступило пояснение из Министерства продовольствия, что вопрос о процедуре передачи продовольственного дела органам местного самоуправления разрабатывался и планировался к обсуждению в правительстве. До получения новых распоряжений на этот счет предписывалось продолжать работу на прежних основаниях. Позднее городские продовольственные комитеты начали переходить под контроль органов местного самоуправления. Однако процесс этот также затянулся, поскольку вновь избранным гласным требовалось войти в курс дела, а ситуация в продовольственной сфере значительно осложнилась⁶⁵⁶.

Замедленное решение продовольственных вопросов, разногласия между ведомствами, стремление ввести централизующие основания в продовольственную сферу стали причинами создания Министерства продовольствия 5 мая 1917 г. В подчинении министерства находился Общегосударственный продовольственный комитет и местные продовольственные органы. Полномочия министерства определялись достаточно широко: снабжение фронта и тылового населения всеми видами продовольствия, регулирование производства и распределения продуктов, обеспечение сельского хозяйства посевным материалом, машинами и рабочей силой, кредитами и др. Возглавляли министерство два известных социалиста – А.В. Пешехонов (май – сентябрь) и С.Н. Прокопович (сентябрь – октябрь)⁶⁵⁷.

Своей главной целью Министерство продовольствия видело увеличение поставок хлеба со стороны крестьян. Для того, чтобы сформировать у населения положительное отношение к хлебной монополии, был введен институт делегатов-агитаторов. Зачастую они приезжали на места в военной форме, чтобы использовать сочувственное отношение к армии. В дальнейшем к

⁶⁵⁶ Краевое продовольственное совещание // Сибирь. 1917. 4 августа. С. 2.

⁶⁵⁷ Кузнецова О.Н. «Социалистический состав» Министерства продовольствия Временного правительства России в 1917 году // Проблемы и перспективы социально-экономического развития общества: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 99–103; Кузнецова О.Н. Министерство продовольствия Временного правительства России. Теория и практика управления // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 4 (15). С. 30–34.

командированию делегатов стали прибегать армия, города, общественные организации. Продовольственные комитеты потребляющих губерний также направляли своих представителей. Их труд оплачивался процентным вознаграждением в зависимости от размера заготовок⁶⁵⁸.

Вопрос о финансировании продовольственных мероприятий Временное правительство решило следующим образом. В годы войны на нужды военных ведомств поступали казенные кредиты. С введением твердых цен на все заготовительные операции перед Министерством земледелия встал вопрос о том, где брать средства на закупки и для населения. Зимой 1916–1917 г. финансовая комиссия при председателе Особого совещания признала удобной следующую форму: 1 января 1916 г. на имя Особоуполномоченного был открыт специальный счет под обеспечение государственными краткосрочными обязательствами казначейства на 188 500 000 рублей. Из этой суммы 60 000 000 рублей получил «Центросахар» на снабжение оборотными средствами, 6 000 000 рублей – соляные комитеты и др. Оставшиеся кредитные средства (111 125 000 рублей) Временное правительство решило использовать на текущие продовольственные операции. Финансовое управление предложило открыть такие же счета для местных продовольственных органов в Государственном банке и в частных кредитных учреждениях, расходы по оплате банковского процента считать в качестве накладных. Всего же в 1917 г. предполагалось потратить на закупки продуктов для населения 2,2 млрд рублей (хлеб, сахар, соль), для армии – 5 млрд рублей (хлеб, сахар, соль, мясо, масло и др.). Большие надежды возлагались на внутренние займы и заграничные кредиты, прежде всего американские⁶⁵⁹.

Необходимо также отметить, что формирование новых продовольственных органов происходило в условиях расформирования полиции. Согласно декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. полиция заменялась народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного

⁶⁵⁸ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика ... С. 510–511.

⁶⁵⁹ Стенограмма заседания Общегосударственного продовольственного комитета. 25 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678698>

самоуправления. 17 апреля 1917 г. вышли правительственные постановления «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции». Вместо Департамента полиции в составе Министерства внутренних дел было создано Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. На местах губернские и уездные комиссары как представители Временного правительства или комитеты общественной безопасности отбирали оружие у чинов городской и уездной полиции, ликвидировали жандармские управления. Определение состава и численности милиции вверялось уездным земским собраниям и городским думами. Деятельность местных органов власти по организации милиции принимала самые разнообразные формы и не всегда имела успех. Процесс шел стихийно, не организованно⁶⁶⁰.

В Восточной Сибири после Февраля 1917 г. местные органы власти создавались согласно инструкции, полученной из Временного правительства. В марте в губернских и уездных городах образовывались комитеты общественной безопасности или комитеты общественных организаций и их исполнительные комитеты. В уездах развернулся процесс ликвидации волостных и сельских правлений, упразднения крестьянских начальников, образования выборных крестьянских комитетов. Практически одновременно возникали советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В военных частях избирались полковые комитеты, которые сместили или арестовали некоторых командующих, взяли под контроль оружие. Все они поддержали Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, признали, что окончательное решение вопроса о войне и мире должно решать Учредительное собрание.

Летом 1917 г. проходили выборы в органы городского самоуправления. Согласно утвержденному 17 июня правительством временному положению, в

⁶⁶⁰ Фирсов И.Ф. Народная милиция Тобольской губернии в период Временного правительства // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9 (87). С. 134–137.

Восточной Сибири в Енисейской (за исключением Туруханского края) и Иркутской (кроме территорий «бродячих инородцев») губерниях, в Забайкальской (кроме территории Забайкальских казачьих войск) и Якутской (за исключением Верхоянского уезда) областях вводились земские учреждения. К осени начались выборы в земства на уровне губерний (областей), уездов и волостей, тогда же стали работать специальные комиссии по подготовке выборов в Учредительное собрание, которое должно было окончательно определить форму государственного устройства. Во многих волостях долгое время продолжали существовать волостные и сельские управления, крестьяне не спешили создавать волостные и сельские исполнительные комитеты. Советы крестьянских депутатов, создававшиеся при участии эсеров, большое количество которых работало в сельскохозяйственной кооперации, не имели массового распространения, не обладали реальной властью, действовали как общественные организации⁶⁶¹.

Распоряжение министра внутренних дел с указанием губернским и уездным комиссарам уволить с занимаемых должностей всех полицейских урядников и стражников в Восточной Сибири было получено в начале апреля. Тогда же в регионе начала складываться структура органов милиции. У местных властей не было четкого представления, как должны формироваться милицейские штаты. Кроме того, этот процесс шел в условиях острого дефицита лиц мужского пола, поэтому, например, в Канском уезде в рядах милиции были и женщины. Отсутствовали какие-либо школы или курсы подготовки новоявленных сотрудников. В результате количественный и качественный состав милиции не отвечал требованиям, необходимым для успешного осуществления их полномочий⁶⁶².

Создание городской милиции было сопряжено с необходимостью найти источники финансирования на ее содержание. Так, в Иркутске начальник охраны

⁶⁶¹ Дементьев А.П. Некоторые аспекты образования советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917–1918 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 27–33.

⁶⁶² Увольнение урядников и стражников // Иркутская жизнь. 1917. 15 апреля. С. 3.

города Е.Ф. Роговский представил проект, в котором на формирование штатов милиции требовалось 360 000 рублей. Иркутский губернский исполнительный комитет одобрил проект без детального рассмотрения в виду необходимости принятия немедленных мер по обеспечению безопасности населения, выступил с одновременным ходатайством к правительству о предоставлении займа. Кроме того, формировались отряды милиционеров-добровольцев. Различные ведомства организовывали собственные милицейские подразделения, например, продовольственный комитет в Иркутске был вынужден организовать «продовольственную милицию» для наведения порядка на рынках⁶⁶³. Вопрос содержания милиции оставался одним из самых острых для местных властей. 25 июля 1917 г. в Иркутске состоялось собрание милиционеров, которые выдвигали требования увеличить жалование (75 рублей в месяц) на 40 %, выдавать квартирные деньги (15 рублей в месяц на женатых, 10 рублей на холостых), бесплатное обмундирование и обувь, ввести страхование на случай болезни или смерти. Все требования рассматривались на заседании городской думы еще 11 июля, но из-за отсутствия кворума никакого решения не было принято. Одна из проблем заключалась в том, что гласные прежней думы складывали свои полномочия, а новый состав должен был начать работу лишь с 1 августа. Милиционеры же требовали немедленного ответа, угрожая всеобщим увольнением⁶⁶⁴.

Расформировывался и институт железнодорожной полиции. В июле 1917 г. состоялась конференция железнодорожников Забайкальской железной дороги под председательством начальника железнодорожной милиции И.И. Щербакова. Были высказаны предложения перевести полицейских на должности рабочих или включить в состав формировавшейся железнодорожной милиции. Большинство участников отвергли оба варианта, проголосовав за резолюцию об увольнении, поскольку полицейские на железной дороге до февраля 1917 г. являлись частью

⁶⁶³ Граждане, записывайтесь в милицию // Вестник Иркутского совета рабочих депутатов. 1917. 28 марта. № 7. С. 1.

⁶⁶⁴ Городская милиция // Сибирь. 1917. 29 июля. С. 2.

охранительно-репрессивной системы царского режима Российской империи. Мнение самих полицейских не учитывалось: «При обсуждении этого вопроса выступил стражник Соколов, который заявил, что стражники вовсе не были оплотом реакции и сообщниками жандармерии, как их считают, и что они не способствовали провозу контрабанды, а служили из-за куска хлеба»⁶⁶⁵.

На фоне слабости новых правоохранительных органов быстро увеличивался уровень преступности. Этому способствовал курс Временного правительства на гуманизацию и демократизацию системы исполнения наказаний, выразившийся в проведении амнистии лиц по политическим и общеуголовным делам, отмене телесных наказаний и ссылки на поселение, создании тюремных комиссий и др. В Восточной Сибири эта проблема была еще более актуальной, поскольку здесь находились бывшие политические и уголовные заключенные, на золотых приисках и угольных копях среди рабочих были, китайцы и корейцы, располагались лагеря военнопленных⁶⁶⁶. В марте месяце после объявления правительством амнистии политическим заключенным в Александровской центральной каторжной тюрьме и других тюрьмах начались волнения среди уголовных, которые требовали свободы и угрожали бунтами. Администрация и охрана тюрем была распущена, ситуацию взяли под контроль солдаты местных гарнизонов, но многие из них заявляли, что ни при каких обстоятельствах не станут стрелять в арестантов. Сначала было принято решение отпустить самогонщиков, после получения распоряжения министра юстиции об амнистии – и часть уголовных (отбывших половину срока, достигших 43-летнего возраста)⁶⁶⁷.

В городах участились вооруженные нападения на рабочих и служащих после получения ими жалования, ограбления, кражи, разбой, сопряженные с убийствами, орудовали аферисты различного толка. Иркутский Исполнительный комитет вынес постановление о том, чтобы амнистированные уголовные после 9

⁶⁶⁵ По вопросу о стражниках // Сибирь. 1917. 5 июля. С. 3.

⁶⁶⁶ Петров А.М. Основные направления политики Временного правительства по реформированию пенитенциарной системы России (февраль – октябрь 1917 г.) // Вестник Владимирского Юридического института. 2012. № 1 (22). С. 172–175.

⁶⁶⁷ Уголовные идут в армию // Иркутская жизнь. 1917. 15 апреля. С. 3.

часов вечера находились дома, а не на улицах города. Каждый солдат местного гарнизона должен был носить с собой личную карточку (удостоверение личности), потому что участники многих грабежей и разбойных нападений одевали солдатскую форму. Начальники городской милиции организовывали облавы на дезертиров, из которых вербовались шайки воров и грабителей, усиливали патрульную службу, предлагали горожанам организовываться по районам, улицам и кварталам для создания охраны в ночное время⁶⁶⁸.

Таким образом, действия Временного правительства по демократизации системы местного самоуправления и реформированию правоохранительной системы в условиях войны и затянувшегося социально-экономического кризиса как «противоречили здравому смыслу и привели к почти полной потере Центром способности управлять провинцией»⁶⁶⁹. Именно по этой причине власти не удалось подчинить население своей воле, реализовать собственный курс ни в одной сфере, включая продовольственную.

Создание продовольственных комитетов в Восточной Сибири началось в марте 1917 г. в условиях двоевластия. Советы военных и солдатских депутатов в гарнизонах Иркутского военного округа не только формировали собственные продовольственные комитеты, но также пытались взять под контроль деятельность таковых в ближайших городах. Так, в Канске Енисейской губернии продовольственный комитет был образован из представителей политических партий и совета солдатских депутатов. 20 марта 1917 г. комитет запретил вывоз всех продуктов и товаров из Канского уезда на адреса частных лиц, однако вскоре получил предписание из Министерства земледелия о снятии запрета. Продовольственный комитет обратился в Совет солдатских депутатов Канского гарнизона с просьбой опротестовать предписание Министерства земледелия. Начальник гарнизона эсер А.А. Зверин отметил, что власти Канска не только не обязаны подчиняться предписаниям Министерства земледелия, но считал

⁶⁶⁸ Борьба с преступностью // Армия и народ. 1917. № 12. 20 мая. С. 3.

⁶⁶⁹ Бэджок С. Переписывая историю ... С. 111.

излишним даже уведомлять по телеграфу о принимавшихся на месте решениях, потому что реальной властью считал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Приняв во внимание ряд обстоятельств (запрет вывоза товаров на адреса частных лиц не способствовал повышению цен на местах и спекуляции, при снятии запрета Канску и уезду угрожал дефицит товаров, что ставило в тяжелое положение малоимущие классы), Совет солдатских депутатов Канского гарнизона счел целесообразным не подчиняться предписанию Министерства земледелия, о чем сообщил по телеграфу в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов⁶⁷⁰. После того как был создан Енисейский губернский продовольственный комитет в Красноярске, он потребовал реорганизации состава Канского комитета в соответствии с законом 25 марта 1917 г. В августе в Канске прошло объединенное заседание советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые приняли резолюцию, что Канский продовольственный комитет должен продолжить работу в прежнем составе, независимо от мнения губернского комитета. Окружное бюро Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Восточной Сибири также постановило утвердить Канский продовольственный комитет в прежнем составе, несмотря на то, что эта мера противоречила законодательству⁶⁷¹.

В Забайкальской области организация волостных, уездных и станичных продовольственных комитетов в соответствии с новым законодательством, была затруднена развернувшимся национальным движением. Буряты выступали против самовольного захвата угодий, бойкотировали выборы в земства. В марте и апреле состоялись общепобурятские съезды, где говорилось о создании обособленных от русских национальных административных учреждений. Функции продовольственного аппарата они предлагали передать создававшимся административно-национальным единицам – хошунным (волостным), солгунным (сельским), аймачным (уездным). Однако на этих территориях проживало и

⁶⁷⁰ Канск // Единение. 1917. 27 мая. С. 3.

⁶⁷¹ О Канском продовольственном комитете // Единение. 1917. 12 августа. С. 3.

русское население. В результате кроме продовольственных комитетов в Чите, Троицкосавске, Верхнеудинске, Петровском-Заводе, Баргузине, Селенгинске, Акше, Александровском заводе, Нерчинске, Стретенске, Агинском создавались волостные, станичные, поселковые, а в районах компактного проживания бурятского населения по инициативе Бурятского национального комитета в мае-июне в были образованы Агинский, Хоринский, Селенгинский и Баргузинский аймачные продовольственные комитеты. Все они находилась в подчинении у Забайкальского областного комитета под председательством А.М. Ярмоша⁶⁷².

В своей работе продовольственные комитеты столкнулись с множеством проблем. Наиболее актуальные из них выносились на широкое обсуждение, а для их решения привлекались представители общественности, поэтому большое распространение получили съезды и конференции. Начало им положили Съезд уполномоченных председателей губернских продовольственных комитетов в Петрограде 5–9 мая 1917 г. и Всероссийский Продовольственный съезд в Москве 21–26 мая. Участники обсуждали вопросы организации местных продовольственных комитетов, их кредитования, заготовки и снабжения, информирования населения и др.⁶⁷³. В Иркутске в июле, октябре, ноябре проходили региональные съезды продовольственных комитетов Восточной Сибири. В них принимали участие не только сотрудники губернских (областных), районных, городских продовольственных комитетов, но и гласные городских дум, делегаты от советов рабочих и солдатских депутатов, союзов кооперативов и кредитных товариществ, Монгольской экспедиции. Обсуждались следующие вопросы: работа продовольственных комитетов на местах, борьба со спекуляцией, транспорт, открытие порто-франко, закупочные операции на востоке, введение хлебной монополии, мясные заготовки и др.⁶⁷⁴.

⁶⁷² Тумурхонова Н.В. Реализация продовольственной политики Временного правительства на территории Забайкалья // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 5 (109). С. 56.

⁶⁷³ Стенограмма заседания Общегосударственного продовольственного комитета. 25 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678698>

⁶⁷⁴ Восточно-Сибирский краевой продовольственный съезд // Иркутская жизнь. 1917. 22 сентября. С. 3.

Вся полнота власти в продовольственной сфере на уровне губерний и областей после Февральской революции перешла непосредственно к губернским (областным) продовольственным комитетам. Постановлением правительства институт губернаторства был упразднен, полномочными представителями новой власти стали комиссары. Губернский комиссар имел право направить в губернский продовольственный комитет кого-либо из чиновников для контроля за законностью его постановлений или затребовать документы в целях ознакомления. Председатели губернских продовольственных комитетов наделялись правами представителей министерства земледелия. Таким образом, деятельность в области продовольственного обеспечения населения по основным направлениям, которые в годы войны были намечены генерал-губернатором и губернаторами (борьба со спекуляцией, наблюдение за хлебозапасными магазинами, контроль за работой городских продовольственных комитетов, помощь золотодобывающим компаниям в заготовках продовольствия для рабочих) продолжили губернские продовольственные комитеты.

Борьба со спекуляцией на местах представляла собой практически неразрешимую задачу в тех экономических условиях, которые складывались в стране, а также при общей слабости правоохранительных органов. В сельском хозяйстве мероприятия новой власти ограничили институт частной торговли, место которой занимала подпольная спекуляция. После введения «хлебной монополии», которая предусматривала обязательный учет, твердые цены, применение реквизиций, производители и торговцы воздерживались от сдачи хлеба государству, предпочитали часть излишков под разными предлогами удерживать у себя, сбывать скрытые запасы по спекулятивным ценам. В промышленной сфере после Февраля 1917 г. происходило ускорение падения производства, в том числе в отраслях легкой промышленности (текстильной, обувной и др.), что привело к острому дефициту и дороговизне товаров первой необходимости. В расстройство приходила финансовая сфера – усиливалась инфляция, падал в цене рубль: «Временное правительство, не находя путей

стабилизации валюты, изо всех сил нажимало на печатный станок. Выпуск бумажных денег неудержимо возрастал. В апреле 1917 г. было отпечатано новых бумажных знаков на 476 млн рублей, а уже в сентябре 1917 г. – почти на 2 млрд рублей. Это значило, что только в одном сентябре 1917 г. было выпущено в обращение бумажных денег больше, чем за весь 1916 г. К октябрю 1917 г. покупательная сила рубля снизилась по сравнению с довоенной не менее чем в 10 раз»⁶⁷⁵.

Губернские продовольственные комитеты, обладавшие правом применения реквизиций, старались прибегать к ним как можно реже, потому что после таких мер коммерсанты закрывали торговые лавки или начинали заниматься торговлей нелегально. Согласно правительственному курсу реквизиции должны были проводиться в законном порядке, а реквизиционная цена складываться из покупной цены, расходов на перевозку, процентов на капитал и торговой прибыли. Если комитеты решались на жесткие меры, то совмещали принудительную таксировку и реквизиции, в противном случае их применение оказывало только негативное влияние на местный рынок⁶⁷⁶.

Тем не менее, зачастую власти на местах были настроены негативно в отношении торговцев, которые, по их мнению, поголовно являлись спекулянтами, и в нарушение законодательства самостоятельно осуществляли реквизиции. Так, в начале марта иркутский губернский комиссар И.А. Лавров сообщил торговцам Киренска о недопустимости такс, и в то же время разрешил исполнительным комитетам нормировать цены на предметы первой необходимости и привлекать к ответственности за неисполнение их постановлений. Исполнительные комитеты начали широко применять реквизиции, что вызвало жалобы со стороны торговцев, которые ссылались на разъяснения правительства, что таковые

⁶⁷⁵ Альбитер Л.М. Анализ промышленности России в период Первой мировой войны 1914 – 1917 годов // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 4 (105). С. 107–108.

⁶⁷⁶ Восточно-Сибирский краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (1; 1917; Иркутск). 1-й Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири в г. Иркутске 7-го апреля 1917 года. Иркутск, 1917. С. 91.

допускались только в отдельных случаях в целях наказания за особенно вопиющие случаи спекуляции.

Многие продовольственные товары губернии Восточной Сибири закупали в Харбине, однако падение курса рубля в середине 1917 г. крайне затруднило закупки. Правительственный запрет на переводы денег в Харбин, закрытие границы с целью поднять курс рубля только усугубили ситуацию. Для предотвращения конкуренции российских торговцев на восточном рынке иркутский губернский продовольственный комитет предлагал Временному правительству создать единое закупочное объединение для работы по плану, утвержденному Министерством продовольствия. План закупок должен был соотноситься с ситуацией на рынке, соображениями налогового, транспортного характера. Согласно решению состоявшегося в июне харбинского совещания представителей Иркутского, Забайкальского и Приморского продовольственных комитетов с участием уполномоченных Министерства продовольствия А.В. Цеклинского и Д.И. Золотова, 7 сентября был создан Маньчжурский объединенный закупочный комитет. В его состав вошли представители кооперативов, союзов потребителей Восточной Сибири и Дальнего Востока, Монгольской экспедиции. Комитет объявил о своей «продовольственной диктатуре» на восточных рынках, но для воплощения этого положения на практике фактически не имел ни компетентных специалистов, ни денежных средств⁶⁷⁷.

Иркутск, административный центр Восточной Сибири, расположенный на пересечении водных и железнодорожных путей, вблизи монгольской границы, ведущий активную торговлю с Владивостоком, Харбином и Маньчжурией, превратился в центр спекуляции региона. Железные дороги на востоке не принимали грузы в Москву, Петроград и города Европейской России. Грузоотправители отправляли их в Иркутск с надеждой, что в дальнейшем смогут получить возможность продвинуть их дальше. В результате на станции Иркутск

⁶⁷⁷ Оськин М.В. Китайский хлеб для России ... С. 114.

скапливалось огромное количество грузов, поскольку в вагонах товары портились, был риск их разворовывания, начиналась перепродажа с огромной наценкой. За большие деньги здесь можно было купить все.

Когда в августе-сентябре в столичных городах возмущенные толпы горожан вместе с милицией и представителями советов солдатских и рабочих депутатов развернули широкую борьбу со спекулянтами (последовали облавы в гостиницах, обыски торговых помещений и скрытых частных складов, задержки крестьянских телег и т.п.), весть об этом быстро докатилась и до Восточной Сибири. 24 сентября проводились повальные обыски и проверка документов на товары в гостиницах Иркутска. Значительное количество грузов без документов было реквизировано, часть торговцы «добровольно» продали кооперативам. 26 июля было издано постановление о запрете вывоза товаров из Иркутска без получения разрешения городской управы. Железная дорога отказалась его исполнять, с 21 августа вывоз снова стал свободным, и «вакханалия за отправку стала совершенно беспримерной», платили до 50 рублей с пуда некоторых грузов. Иркутский губернский комитет добился передачи права издавать постановления о запрете свободного вывоза товаров от министра продовольствия краевому комиссару Временного правительства, и вывоз товаров из Иркутска снова был поставлен под контроль⁶⁷⁸.

29 сентября 1917 г. на заседании Бюро торгово-промышленного союза торговцы указывали на недопустимость таких мер со стороны продовольственных органов и властей в дальнейшем, которые нарушали сам принцип свободной торговли. Они говорили, что для борьбы со спекуляцией достаточно специальной инспекции, созданной из представителей общественных организаций и предпринимателей. Настаивали на необходимости передачи продовольственного дела в руки коалиционных структур в составе представителей биржевых комитетов, торгово-промышленных союзов, потребительских кооперативов,

⁶⁷⁸ Борьба со спекуляцией в Москве // Забайкальская новь. 1917. 12 сентября. С. 4.

союзов земств и городов, которые бы действовали под строгим контролем правительства⁶⁷⁹.

Проведение в жизнь второго направления работы губернских продовольственных комитетов (наблюдение за хлебозапасными магазинами) также оказалось невозможным в рамках административных преобразований и общего экономического курса Временного правительства. После Февральской революции 1917 г. Управление сельской продовольственной части Министерства внутренних дел передавалось в ведение Министерства земледелия с тем, чтобы сосредоточить в едином ведомстве планирование и решение всех вопросов, касающихся продовольственного обеспечения населения⁶⁸⁰. Процесс этот растянулся на продолжительный период. Реформа вызвала обеспокоенность крестьян, которые опасались, что в условиях нараставшего кризиса Временное правительство прибегнет к нецелевому расходованию общественных продовольственных капиталов, во многих регионах начали настоятельно требовать от губернских комиссаров немедленного изъятия средств и выдачи их на руки. Комиссары были вынуждены признавать такие выдачи необходимой мерой в целях сохранения общественного порядка⁶⁸¹.

Введением хлебной монополии правительство фактически инициировало процесс ликвидации хлебозапасной системы. Осенью заготовительные пункты начали принимать зерно из магазинов, причем по более низким расценкам, чем новый урожай. В октябре губернские продовольственные комитеты выдали предписание волостным комитетам провести учет хлеба в магазинах и организовать доставку «излишков» в ближайшие ссыпные пункты. Часть крестьян выступила против изъятия государством хлеба из хлебозапасных магазинов, в продовольственные органы Восточной Сибири поступали массовые ходатайства из различных волостей с просьбами об исключении их магазинов из «учета

⁶⁷⁹ Среди торгово-промышленников // Сибирь. 1917. 6 октября. С. 2.

⁶⁸⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1917 г. Д. 55. Л. 1–19.

⁶⁸¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1917 г. Д. 56. Л. 1–3.

государства», так как хлеб предназначался пострадавшим от неурожая⁶⁸². Многие крестьяне, для того, чтобы не отдавать правительству хлеб за бесценок, и, пользуясь слабостью местных властей, распродавали зерно общественных магазинов скупщикам-торговцам. В результате уже осенью частично магазины были ликвидированы. Создавалась ситуация отсутствия запасов на местах⁶⁸³.

Третье направление деятельности губернских продовольственных комитетов (контроль за деятельностью городских продовольственных комитетов) требовало больших усилий и увеличения финансирования, потому города значительно расширили направления деятельности: открывали собственные пекарни, расширяли сеть собственных торговых лавок, вводили карточную систему на многие продукты, занимались закупкой и распределением по определенным нормам продуктов и др.⁶⁸⁴.

В марте-апреле прежние городские продовольственные комиссии и комитеты прекратили свою деятельность. В конце апреля 1917 г. в Иркутске по инициативе исполнительного комитета общественных организаций совместно с советом рабочих и военных депутатов был создан городской продовольственный комитет из представителей общественных организаций, совета рабочих и солдатских депутатов, городской думы, местных кооперативов, биржевого комитета. Комитет наметил план первоочередных мероприятий: организовать перепись товаров массового потребления на торговых складах города с целью определения запасов, учет продуктов, подвозившихся по железной дороге и гужевым транспортом, ввести контроль за производством продовольствия, командировать представителей в различные регионы страны для закупочных операций. Наряду с этими мерами было признано желательным войти в соглашение с контрольной комиссией интендантского управления и советом рабочих и солдатских депутатов для согласования работы по снабжению воинских частей местного гарнизона, установить действительные рыночные цены

⁶⁸² Тумурхонова Н.В. Реализация продовольственной ... С. 57.

⁶⁸³ Село Хогот Иркутской губернии // Сибирь. 1917. 12 октября. С. 3.

⁶⁸⁴ Чудаков О.В. Продовольственный вопрос в деятельности городского общественного управления в Сибири в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 43.

на продукты, входившие в пайковое довольствие солдатских семей, для составления ходатайства в правительство о повышении пайка⁶⁸⁵.

После завершения переписи товаров на торговых складах, городской комитет пришел к выводу, что в таких товарах, как хлеб, мука, мясо и сахар «острой нужды не ощущается», но наблюдался значительный рост цен⁶⁸⁶. Например, с начала войны к весне 1917 г. в Иркутске сахар подорожал в среднем на 100 %, крупчатка – на 127,5 %, мясо – на 208,2 %, масло и молочные продукты – на 261,6 %. В то же время цены на изделия легкой промышленности увеличивались еще быстрее: спички подорожали на 100 %, свечи – на 180 %, обувь – на 280 %, головные уборы – более, чем на 400 %, мыло – на 538 %, одежда – на 560 %⁶⁸⁷.

В мае прошли выборы в иркутский городской продовольственный комитет согласно закону 25 марта. На заседании комитета 5 мая была избрана продовольственная управа, которая являлась исполнительным органом комитета. Штат постоянных сотрудников насчитывал 7 человек с зарплатой 400 рублей в месяц каждому. В структуре управы было выделено 5 отделов (административный, закупочно-распределительный, транспортно-финансовый, сельскохозяйственный, организационно-статистический) и секция по топливу. До наступления лета продовольственная управа под руководством Н.А. Якушева решала организационные вопросы: принимала делопроизводственную документацию и товары прежнего продовольственного комитета (ржаную муку, крупчатку, соль, сахар). Началась работа над составлением приходно-расходной сметы на 1917 г. Планировалось открытие собственной пекарни, утверждение таксы на хлеб. Контроль за соблюдением таксы должны были осуществлять районные продовольственные попечительства города, которые формировались в спешном порядке. Удалось получить правительственный кредит в размере

⁶⁸⁵ К реорганизации городского продовольственного комитета // Сибирь. 1917. 22 апреля. С. 2.

⁶⁸⁶ Вздорожание в Иркутске предметов первой необходимости // Сибирь. 1917. 28 апреля. С. 3.

⁶⁸⁷ Рост цен указан в соответствии с официально установленной таксой.

501 000 рублей⁶⁸⁸. В дальнейшем иркутский городской продовольственный комитет работал в долг. Так, в сентябре товарный оборот комитета составил 809 690 рублей, что было больше предыдущего месяца на 345 277 рублей. Долги на 1 сентября составляли 1 804 190 рублей (670 362 рубля – городской управе, 551 135 – частным торговцам, 433 090 – иркутскому губернскому продовольственному комитету, 103 007 – компании «Лензолото», 46 596 – иркутскому мукомольному товариществу)⁶⁸⁹.

Когда на местах стали формироваться новые органы самоуправления, и в том числе продовольственные комитеты, частные торговцы оказались практически отстранены от участия в них. Коммерсанты были возмущены тем, что в законе 25 марта и складывавшейся практике местных продовольственных органов их права и участие были умалены. Они требовали включить их в состав продовольственных органов в количестве и с правами не меньшими, чем у кооперативов. Временному правительству не всегда удавалось убедить местные продовольственные органы в необходимости привлекать предпринимателей к закупкам. Хлеботорговцы, мукомолы создавали союзы и другие объединения, которые добивались пересмотра продовольственной политики. Правительство не решалось отменить закон 25 марта из-за позиции советов рабочих и солдатских депутатов и местных продовольственных органов, однако с лета 1917 г. для того, чтобы увеличить поставки хлеба, в форме министерских циркуляров предлагалось привлекать к заготовкам торгово-промышленные организации и фирмы, «безотлагательно мобилизовать весь ссыпной аппарат»⁶⁹⁰.

В Иркутске в отношении торговцев и промышленников публично высказывалось недоверие, сыпались обвинения, что в целях умышленного ухудшения экономического положения в стране они скрывали имевшиеся у них запасы сырья, промышленных изделий, продовольствия, в искусственном вздувании цен и безудержной спекуляции. В свою очередь коммерсанты активно

⁶⁸⁸ В городском продовольственном комитете // Сибирь. 1917. 9 мая. С. 2; В губернском продовольственном комитете // Сибирь. 1917. 17 мая. С. 2.

⁶⁸⁹ В городском продовольственном комитете // Сибирь. 1917. 25 октября. С. 2.

⁶⁹⁰ Волобуев П.В. Экономическая политика С. 427.

критиковали деятельность продовольственных комитетов. Так, летом 1917 г. на выборах в новую городскую думу баллотировались и гласные старой думы, представители местного купечества. Они вели агитацию, указывая, что много сделали для города в продовольственном отношении до Февральской революции, призывая иркутян сравнить результаты работы старого продовольственного комитета и нового, подчеркивая неспособность нового к эффективной работе. В прежнем комитете работал председатель, 1 член управы и 2–3 служащих со скромным содержанием, тогда как в новом – председатель и 6 членов управы. На содержание продовольственного отдела старой городской думы тратилось 11 500 рублей месяц, т.е. 140 000 рублей в год, а новый обходился в 14 000 рублей (168 000 рублей в год). В ответ новый продовольственный комитет разместил в газете «Сибирь» обширную заметку. В ней гласных, работавших в продовольственном комитете до февраля 1917 г., называли «хапистами», приводились примеры закупки недоброкачественных товаров для горожан по повышенной стоимости, подчеркивалась, что городская дума старого состава вела продовольственное дело в сравнительно легких условиях: «Того, что творится теперь, тогда еще не было и в помине. Начиная с цен за труд и кончая топливом, все обходилось дешевле. Теперь же дороговизна огромными шагами идет в гору. Рубль в Маньчжурии упал до 17 копеек. Спекуляция дошла до неслыханных размеров»⁶⁹¹.

По мере ухудшения продовольственной ситуации власти на местах, не находя эффективных способов борьбы с дефицитом и дороговизной, и в частности испытывая дефицит финансирования, все более склонялись к идее сотрудничества с предпринимателями. Так, в начале октября в Иркутске краевой комиссар А.Н. Кругликов созвал совещание, на которое пригласил представителей губернского, городского, гарнизонного продовольственных комитетов, кооперативов, торговцев и промышленников. Комиссар охарактеризовал ситуацию в продовольственной сфере словом «разруха»,

⁶⁹¹ Городской продовольственный комитет // Сибирь. 1917. 29 июля. С. 4.

отмечал, что правительство сделало большую ошибку, отстранив от продовольственного дела частный капитал, который много сделал для снабжения населения. Он призвал к созданию особой коалиционной комиссии, в состав которой приглашал войти торговцев и промышленников, отмечая, что в отношении них губернская власть «никаких наскоков не делала, никаким репрессиям купечество и торгующих не подвергала, никакого стеснения в своей деятельности они не имели»⁶⁹². А.Н. Кругликов просил забыть обо всех личных и социальных разногласиях, направить усилия на благо населения города, потому что «продовольственное дело является самым важным». Коммерсанты выражали принципиальное согласие на сотрудничество с продовольственными комитетами, но выдвигали ряд условий (предоставление абсолютной гарантии от реквизиции товаров, содействие властей в железнодорожной перевозке грузов, открытие восточной границы, разрешение на перевод денег в Харбин, право свободных закупок без участия харбинской управы и др.), принять которые местные власти не могли, потому что это выходило за рамки их компетенции.

В Забайкальской области взаимодействие продовольственных комитетов и коммерсантов складывалось более конфликтно. На продовольственных совещаниях в Чите 3 и 8 октября 1917 г. торговцы и промышленники говорили о том, что новый городской продовольственный комитет отказался от сотрудничества с ними, потому что в его составе преобладали представители социалистических партий. В то же время кооперативы оказались не в состоянии справиться с тем объемом работ по заготовкам и распределению продовольствия, который на них обрушился после устранения от дела частных поставщиков и торговцев: «Нынешняя организация продовольственного дела представляет из себя исключительно одностороннюю организацию из лиц крайних взглядов, которые относятся с недоверием и отрицательно ко всем живым силам, могущим принять участие силам и притом знанием в деле продовольствия»⁶⁹³.

⁶⁹² Гарнизон, продовольственники и купечество // Сибирь. 1917. 5 октября. С. 2.

⁶⁹³ Торгово-промышленники о продовольственном кризисе // Забайкальская новь. 1917. 6 октября. С. 3.

Предприниматели утверждали, что адресованные им обвинения в спекуляции несправедливы, дефицит и рост цен прогрессировали, поскольку из-за общей экономической ситуации в стране многие виды производства оказались в тяжелом положении. Так, владелец обувного производства А.М. Розенфарб говорил о том, что ему негде приобрести фурнитуру (пряжки, шнурки, подошвы, стельки и т.п.), поэтому он прекратил выпуск и продажу своих изделий, но при этом продолжал оплачивать городу аренду помещений, а государству промысловый налог. Между тем горожане и солдаты обвиняли его в том, что он прячет кожу, угрожали «эксцессами». Правительственный курс в отношении крестьян и производителей участники совещаний оценивали негативно, потому что власть фактически ограничилась установлением твердых цен, что на фоне падения курса рубля, дефицита рабочих рук, роста цен на промышленные изделия не могло дать положительных результатов. Они считали, что устранение частного торгового аппарата от продовольственных заготовок и передача их в руки вновь сформированных местных структур, состоявших из людей случайных и некомпетентных, оказало разрушительное влияние на саму постановку дела.

11 октября 1917 г. в Чите снова собрались представители общественных, продовольственных, кооперативных, социалистических и других организаций для обсуждения продовольственного вопроса. Здесь четко обозначилось противостояние торгово-промышленных групп и действовавшего городского продовольственного комитета. Первые говорили о необходимости объединить усилия, настаивали на том, чтобы в продовольственные организации вошли представители торгово-промышленного класса в более широком составе: «Сваливание всей вины за продовольственную разруху на одну лишь торгово-промышленную буржуазию, как это упрощенно разрешали многие ораторы на заседании 8 октября и обыкновенно во всех подобных заседаниях, по существу является неправильным и лишь обостряет положение дел»⁶⁹⁴. Вторые трактовали это требование торговцев и промышленников как «темную агитацию,

⁶⁹⁴ Чита // Забайкальская новь. 1917. 11 октября. С. 2.

направленную к разгрому продовольственных организаций»⁶⁹⁵. Они подчеркивали, что, принимая участие в заседаниях продовольственных комитетов, предприниматели не вносили каких-либо продуктивных предложений, а направляли все свои усилия на жесткую критику их работы. В резолюции было сформулировано обращение к областному комиссару об издании обязательного постановления, запрещающего критику работы продовольственного комитета под угрозой уголовной ответственности.

В октябре 1917 г. в Чите была избрана новая городская дума. Поскольку закон Временного правительства гласил, что продовольственные комитеты – учреждения временные, рассматривался вопрос о расформировании продовольственного комитета. По мнению гласных, сотрудники этого учреждения все равно «ничего не смыслили в продовольственном деле», полученный ими кредит на продовольственные операции для населения города в размере 400 000 рублей следовало передать городским властям во избежание нецелесообразной растраты денег. Никто не возражал против передачи продовольственного дела городу, но многие задавались вопросом, что именно могла дать эта мера – у городских властей все равно не было ни определенного плана действий, ни материальных средств. В результате городская дума решила ограничиться направлением в комитет своих представителей для контроля за расходованием полученной ссуды⁶⁹⁶.

В Якутской области также, как и в дореволюционный период, городских продовольственных комиссий не было, новый областной продовольственный комитет начал свою работу с ревизии торговых книг местных купцов. Было установлено, что надбавка на многие товары составляла 200–300 %. В результате переговоров купцы согласились снизить цены на 20 %, однако при этом большинство из них выразили желание ликвидировать свои торговые предприятия. Продовольственный комитет занимался спешной организацией

⁶⁹⁵ Продовольственные вопросы // Забайкальская новь. 1917. 11 октября. С. 3.

⁶⁹⁶ О продовольственном комитете // Забайкальская новь. 1917. 11 октября. С. 3.

городских товарных складов и созданием потребительских кооперативов. Вывоз из области всех продовольственных товаров был запрещен. Существовал дефицит сахара, крупчатки, и чая (которого много потребляли инородцы), на эти продукты были введены карточки. За время летней навигации для населения области на 1917–1918 г. удалось доставить 100 000 пудов крупчатки и 70 000 пудов ржаной муки. Стоимость хлеба за летний период поднялась с 3 рублей 40 копеек до 7 рублей 50 копеек. К осени одним из острых вопросов стал дефицит изделий легкой промышленности, объемы ввоза которых сократились на 9/10⁶⁹⁷.

С серьезными трудностями была сопряжена работа губернских продовольственных комитетов и по четвертому направлению (помощь золотодобывающим компаниям в заготовках продовольствия для работников). Продовольственная ситуация в Приленском крае весной 1917 г. ухудшилась в связи с тем, что подвоз продовольствия в сезон новой навигации значительно сократился. Местные кооперативы обладали минимальными запасами. Росли цены на муку и крупчатку. Население было обеспокоено, газеты писали, что, если до конца навигации подвоз хлеба не увеличится, осенью наступит кризис. К тому же из-за отсутствия дождей обмелела Лена, движение по ней было затруднено. Уменьшилось и количество рыбы, уловов крестьян и якутов хватало лишь для окрестных жителей⁶⁹⁸.

Одной их причин сокращения подвоза продовольствия стали забастовки рабочих. В апреле 1917 г. председатель иркутского губернского продовольственного комитета Л.А. Трофимов был командирован в Качуг и Жигалово для урегулирования конфликта между рабочими-грузчиками и агентами отправителей грузов. Рабочие требовали повышения оплаты труда во время сплава: с 40–50 до 100 рублей за погрузку 1 000 пудов кулей и 120 рублей за такой же груз в ящиках. Грузоотправители соглашались поднять оплату только до 70 рублей за груз в кулях и 80 рублей за груз в ящиках. Иркутский комитет

⁶⁹⁷ Краевое продовольственное совещание // Сибирь. 1917. 27 июля. С. 2.

⁶⁹⁸ Продовольственный вопрос Приленского края // Иркутская жизнь. 1917. 16 мая. С. 5.

совета рабочих депутатов отмечал, что запросы рабочих были слишком высокими, достаточно было бы попросить 50 % надбавки. На переговорах в Качуге, которые велись при посредничестве комиссара Иркутского исполнительного комитета, рабочие пошли на уступки. Доехать до Жигалова у Л.А. Трофимова не получилось из-за распутицы, и он вел переговоры по телеграфу. Жигаловские рабочие настаивали на высокой оплате труда, но отмечали, что 50 % заработка готовы направлять на оплату полевых работ в хозяйствах солдат жигаловского округа. Некоторые фирмы (например, торговавшие солью) согласились требованиям рабочих, поскольку период завоза был очень ограничен, товары к пристаням уже были доставлены. В середине июля представитель «Лензолото» снова сообщил в секцию труда Иркутского губернского управления о том, что в Качуге рабочие сплава предъявляли новые требования и готовили забастовку. Для урегулирования ситуации и ведения переговоров была немедленно отправлена комиссия из представителей Совета рабочих депутатов, секции труда и исполнительного комитета⁶⁹⁹.

Между тем, Объединенный комитет общественных организаций Бодайбинского золотопромышленного района уведомлял Временное правительство, что «Лензолото» начало сокращать нормы добычи золота и увольнять рабочих. Комитет называл две причины: введение правительством налога на прибыль и стремление золотопромышленников сократить до минимума сдачу золота государству по цене, которая считалась низкой (так, в сентябре 1917 г. при частной покупке золотник золота оценивался не ниже 50 рублей, но государство принимало по цене 11 рублей 50 копеек)⁷⁰⁰. В этом обращении содержалась просьба выслать специальную комиссию для изучения ситуации или разрешить создать таковую на месте и предоставить ей право контроля за ходом работ по добыче золота⁷⁰¹.

⁶⁹⁹ Рабочий и продовольственный вопрос в Ленском крае // Сибирь. 1917. 6 мая. С. 2; На Лене // Сибирь. 1917. 19 июля. С. 2.

⁷⁰⁰ Прения за золото // Единение. 1917. 8 октября. С. 4.

⁷⁰¹ От Бодайбинского исполнительного комитета // Известия Исполнительного комитета Общественных организаций города Иркутска. 1917. 1 июня. С. 1

Газеты сообщали, что при приеме работы у забойных рабочих бригады занижали показатели выработки, что приводило к сокращению заработка на 20 %. Продовольственное снабжение ухудшалось: «Условия содержания очень тяжелы, столуются рабочие в артельных кухнях, где явно недоброкачественные продукты»⁷⁰². В августе Ленское товарищество сократило выдачу мясного пайка с 55 фунтов в месяц на человека до 37, объясняя свои действия тем, что из Якутской области не поступил скот, в Вилюйском округе началась эпидемия сибирской язвы. Кроме того, владельцы золотодобывающих приисков расширяли применение дешевого труда китайских и корейских рабочих. К концу войны их численность увеличилась с 33,3 % до 66,4 % от общей численности рабочих. В целях привлечения китайцев и корейцев в Восточную Сибирь и на Дальний Восток были изменены миграционные правила – они получили право въезда в Россию без приобретения вида на жительство, списочным порядком на основании запросов российских промышленников. Следствием этого стало то, что увеличивалась доля примитивной добычи, остановилось технологическое перевооружение рудников. Присутствие мигрантов также усиливало криминогенную обстановку в регионе⁷⁰³.

Представители Бодайбинского совета рабочих депутатов заявляли о том, что ситуация на приисках складывалась критическая. Они опасались разгула преступности или волнений в Бодайбинском районе, потому что в результате сокращений здесь скапливалось много безработных, которые больше не находились на довольствии у «Лензолото», но и покупать продукты у частных торговцев по высокой стоимости не могли. С весны, в Приленском крае орудовали разбойничьи шайки, которые грабили пароходы. В виду серьезности положения Иркутский исполнительный комитет общественных организаций направил на Бодайбо специальную воинскую команду (153 человека), ее задачей было обеспечение безопасного передвижения грузов в Жигалово, Качуг, Усть-

⁷⁰² Бодайбо // Единение. 1917. 9 августа С. 3.

⁷⁰³ Изаксон Р.А. Деятельность российских властей по преодолению кризиса с трудовыми ресурсами в годы Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2018. 24 с.

Кут, Витим, сопровождение курсировавших по Лене пароходов. Объединенный комитет общественных организаций просил губернского комиссара выделить средства на организацию вывоза рабочих на Черемховские угольные копи. Кроме того, рекомендовал предпринять меры против наплыва в Бодайбинский район китайских, корейских или русских рабочих, а также амнистированных по уголовным делам⁷⁰⁴.

Недовольство населения продовольственной ситуацией выливалось в многочисленные жалобы с мест на продовольственные комитеты. 24 августа министр продовольствия получил право приостанавливать или прекращать деятельность продовольственных органов в тех случаях, когда он сочтет необходимым. В сентябре была установлена подсудность сотрудников продовольственных комитетов судам по административному судопроизводству согласно заявлениям комиссаров или жалобам частных лиц в случае нарушения их прав. Губернские продовольственные комитеты стали практиковать роспуск уездных, волостных комитетов, замену их состава, отстранение от должности руководителей. Министерство продовольствия отменяло множество распоряжений продовольственных органов как противоречивших законодательству. В свою очередь беднейшее население видело в местных продовольственных органах главных виновников своего бедственного положения. Осенью поднялась волна их погромов, насильственных действий по отношению к сотрудникам, которые начали в массовом порядке слагать с себя полномочия⁷⁰⁵.

⁷⁰⁴ К событиям на Лене // Сибирь. 1917. 30 мая. С. 3.

⁷⁰⁵ Прокопович С.Н. Народное хозяйство... С. 65–68.

§ 5.2 Трансформация продовольственного рынка

25 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства». Весь продовольственный и кормовой хлеб прошлых урожаев и будущего урожая 1917 г. подлежал сдаче в установленные сроки местным продовольственным органам по твердым ценам, за исключением количества, необходимого для засева полей, питания крестьян, прокорма скота и 10 % надбавки сверх того. Хлеб реквизировался у лиц, отказавшихся от добровольной сдачи. В апреле была определена потребительская хлебная норма: 30 фунтов в месяц для горожан, 45 фунтов для крестьян, лицам, занятым тяжелым физическим трудом, делалась 50 % надбавка. Министр земледелия А.И. Шингарев сам называл эту норму «полуголодной».

В январе 1917 г. было заготовлено 57 млн пудов всех хлебов (77 % к месячному заданию), в феврале – 41 млн (61,5 %), марте – 69 млн (98,2 %), в апреле – 30 млн (38,3 %), в мае – 77 млн (87,8 %), в июне – 62 млн (111,6 %) ⁷⁰⁶. Подвоз хлеба на заготовительные пункты усилился в марте, но уже в апреле снова сократился. Временное правительство, Министерство земледелия, Общегосударственный продовольственный комитет, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обращались к населению, большое количество их представителей было отправлено на места для разъяснительной и агитационной работы о необходимости отправлять хлеб для армии. Крестьяне откликнулись, к маю ситуация снова улучшилась. В начале лета прекращение весенних работ и небольшая надбавка к твердым ценам несколько усилили подвоз крестьянами хлеба к пристаням и станциям. По мнению В.М. Рынкova, положительный результат имели осуществлявшиеся учет и реквизиции зерновых ⁷⁰⁷. Однако все же поставлявшегося хлеба было недостаточно ни для удовлетворения текущих потребностей населения в полной мере, ни для образования запасов на будущее.

⁷⁰⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 244.

⁷⁰⁷ Рынков В.М. В преддверии военного коммунизма: государственная продовольственная политика как фактор трансформации хлебного рынка России (февраль – октябрь 1917 г.) // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 113–114.

Хлебная монополия переложила на государство те обязанности, которые ранее выполнял частный капитал: хлеб нужно было сортировать, молотить, хранить, сушить и т.д. Для всех этих работ требовались специалисты, а также амбары в приемных пунктах, мешки и шпагат, весы и другой инвентарь. Государство не имело своего развитого торгового и заготовительного аппарата. Кооперативы не справлялись с необходимыми объемами работ. Разрабатывался проект договора с частными поставщиками и инструкция по привлечению частных лиц к поставкам на комиссионных началах. На места направлялись эмиссары с предписанием организовать деятельность продовольственных комитетов по приему хлеба⁷⁰⁸.

Серьезной проблемой стал вопрос о транспортировке хлеба на пункты его перемола, от мельниц на железнодорожные станции и т.п. Еще в феврале 1916 г. был принят закон, по которому председатель Особого совещания по продовольствию получил право требовать от населения осуществления гужевых перевозок за собственный счет. С октября в случае необходимости срочного подвоза государство брало расходы по гужевой транспортировке на себя, но к весне 1917 г. на это не было средств. К тому же в стране начался кризис с гужевыми перевозками, общий спрос на которые вырос в течение войны в разы. В районе военных действий, охватывавшем значительную часть Европейской России, повсеместно выросла стоимостьковки лошадей, сбруи, фуража, телег, колес. Лошади эксплуатировались очень жестоко, как правило, до их гибели. В результате 10 апреля 1917 г. Общегосударственный продовольственный комитет принял решение о введении принудительной гужевой перевозки – доставка хлеба в пункты ссыпки стала обязанностью производителя или собственника⁷⁰⁹.

С введением хлебной монополии примерно на 70 % были увеличены твердые закупочные цены. Крестьяне не принимали их, потому что стоимость промышленных товаров росла существенно быстрее. Для успешного разрешения

⁷⁰⁸ Стенографический отчет Общегосударственного продовольственного съезда, происходившего с 24 апреля по 6 мая 1917 г. 24 апреля – 6 мая 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678706>

⁷⁰⁹ Стенограмма собрания Общегосударственного продовольственного комитета. 10 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678651>

продовольственной проблемы требовалось дать деревне самые необходимые промышленные товары по низкой стоимости. Временное правительство поручило министру земледелия создать комиссию по этому вопросу. Летом 1917 г. министр продовольствия получил право осуществлять учет предметов промышленного производства у производителей и торговцев, давать заказы на таковые (в том числе принудительно) фабрикантам, а также распределять их среди населения. Созданный тогда же Отдел распределения тканей при Министерстве продовольствия постепенно взял под контроль до 40 % хлопчатобумажного полотна. Постепенно на такую учетно-распределительную систему были переведены и другие продукты и товары (конфеты, сахарин, жировые продукты, обувь, кожа, мыло, свечи, керосин, сельскохозяйственные машины и орудия). Более серьезных шагов в этом направлении предпринято не было, основная масса промышленных изделий продавались по рыночным или спекулятивным ценам⁷¹⁰.

В июне 1917 г. вышло постановление Общегосударственного продовольственного комитета о плане хлебной кампании на осень. Местные продовольственные комитеты получили предписание произвести учет хлеба в полях и после его уборки, развернуть широкую агитацию среди крестьян о необходимости скорейшего обмолота хлеба и сдачи государству. Следовало максимально использовать помещения существовавших складов и хранилищ, организовать сбор мешков у населения, потому что отечественные фабрики выпускали лишь десятую часть от необходимого количества. В свою очередь губернские продовольственные комитеты вели инструктирование районных и волостных комитетов. К обследованию запасов и учету хлебных продуктов (путем поименных опросов на сельских сходах или подворно) следовало привлекать местные общественные организации. Министерство продовольствия рассылало образец карточки, по которой полагалось производить учет, квитанций, которые следовало выписывать крестьянам. Заготовку хлеба предполагалось вести через кооперативы, договоры с которыми (о приемке, хранении, нарядах и

⁷¹⁰ Орлов Н. Продовольственная работа ... С. 12–13.

др.) заключали уездные и районные продовольственные комитеты с утверждения губернского продовольственного комитета. В тех местностях, где кооперативы были не в состоянии вести ссыпку хлеба (не хватало амбаров, рабочих для разгрузки и погрузки, денежных средств и др.), губернская управа могла заключить соглашение с любым частным лицом⁷¹¹.

Заготовки шли плохо. 26 августа 1917 г. А.В. Пешехонов направил телеграмму губернским продовольственным комитетам с требованием предпринять исключительные меры к немедленному выполнению нарядов Министерства земледелия по отправке хлеба в армию. В случае нежелания населения сдавать хлеб, предлагалось привлекать воинские дружины к его принудительному изъятию, обмолоту и т.д. Министры – военный и внутренних дел – вынесли предписание начальникам местных гарнизонов, губернским и уездным комиссарам о привлечении воинских частей и милиции. Жесткие меры объяснялись острой государственной необходимостью. Постановлением Временного правительства 27 августа 1917 г. твердые цены на хлеб были повышены практически на 100 %⁷¹².

Ценовая политика Временного правительства была недостаточно продуманной. Власти стремились выровнять цены на хлебные продукты в разных областях страны, чтобы избежать их вывоза спекулянтами из регионов с низкими ценами в те губернии, где цены стояли высокие. Однако фактически для потребляющих губерний, как например Восточная Сибирь, это означало общее повышение уровня хлебных цен. Так, весной 1917 г. рыночная цена на рожь в Енисейской губернии составляла 1 рубль 63 копейки, в Иркутской губернии – 2 рубля. 25 марта правительство утвердило твердые цены – для Енисейской губернии 2 рубля 10 копеек (что означало повышение на 28,8 %), для Иркутской губернии – 2 рубля 35 копеек (на 17,5 %). К осени местные рыночные цены

⁷¹¹ Постановление о плане предстоящей хлебной кампании в связи с реализацией урожая 1917 г. 1917. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678619>

⁷¹² Инструкции, правила, бюллетени и другие документы местных продовольственных комитетов. 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678647>

поднялись до 4 рублей 36 копеек в Енисейской губернии (т.е. рост по сравнению с весенними твердыми ценами составил 107 %) и 6 рублей 22 копеек в Иркутской (выше на 164,6 %). 27 августа были установлены новые твердые цены – для Енисейской губернии 4 рубля 20 копеек (т.е. ниже на 3,6 % местных рыночных осенних), Иркутской губернии – 4 рубля 69 копеек (ниже на 24,5 %). Аналогичным образом обстояла ситуация с ценами на пшеницу и овес. Вполне естественно, что резкое повышение твердых цен весной буквально подхлестнуло стремительный рост рыночных цен в течение лета, было негативно воспринято горожанами и другими потребителями, а крестьяне остались недовольны осенними твердыми ценами, установленными на уровне ниже рыночных⁷¹³.

Председатели продовольственных комитетов потребляющих губерний требовали от министра продовольствия отменить повышение твердых хлебных цен. Они указывали, что производители отказывались поставлять хлеб государству, предпочитая сбывать его нелегально по повышенной стоимости или скрывать в надежде на дальнейший рост цен. Удвоение твердых цен воспринималось ими как первый шаг к дальнейшему повышению. По новому закону выгоду получали те, кто ранее уклонялся от своевременных поставок хлеба. В дальнейшем неизбежно должно было последовать увеличение стоимости других продуктов, что тяжело отражалось на положении горожан, рабочих, населения потребляющих губерний. Подвоз хлеба в условиях финансового кризиса следовало усиливать не увеличением цен, а усилением товарообмена между хлебобродными и промышленными районами, для чего регулировать ценообразование на промышленную продукцию. К примеру, из Западной Сибири, где был собран богатый урожай, сотрудники продовольственных комитетов сообщали, что крестьяне встретили повышение твердых цен на хлеб крайне негативно, потому что вслед за этим начался рост цен на все товары. При наличии

⁷¹³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 294, 296, 299.

значительного количества хлеба в деревне возникали ситуации острого дефицита в городах⁷¹⁴.

Итоги правительственных усилий были более чем скромными: в течение июля–октября удалось заготовить лишь 66,5 млн пудов зерновых. Резкое падение хлебозаготовок пришлось на август (в этом месяце заготовлено всего 4,4 млн пудов)⁷¹⁵. Большую часть урожая крестьяне вывозили на рынки нелегально, при посредничестве спекулянтов. Вопреки ожиданиям повышенные твердые цены не повлияли на стремление хлебовладельцев уклониться от сдачи хлеба, но при этом ударили по наименее обеспеченным социальным группам, покупавшим хлеб (горожанам, семьям солдат, населению потребляющих регионов и др.).

В сентябре 1917 г. эмиссар Временного правительства агроном И.Д. Синютин, опубликовал доклад об опыте работы в продовольственных организациях губерний Европейской России. Он писал о том, что хлебная монополия не была проведена в жизнь из-за слабости продовольственных органов и государственного аппарата в целом. Волостные, уездные и губернские продовольственные комитеты руководствовались лишь местными интересами, их деятельность зачастую никак не была согласована. Вплоть до осени не удалось произвести точный учет запасов хлеба, который продавался нелегально по спекулятивной стоимости. В работу продовольственных органов широко вмешивались другие организации (комитеты общественной безопасности, земельные комитеты, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), которые мало внимания уделяли именно продовольственному вопросу, занимались общими экономическими проблемами. С технической точки зрения волостные продовольственные комитеты не имели возможности вести заготовку хлеба, и при этом от заготовок был отстранен частный торговый аппарат. В заключение И.Д. Синютин перечислял ряд необходимых срочных мер: уклонение крестьян от сдачи хлеба не ставить в зависимость от поставок фабрично-

⁷¹⁴ Экономическое положение России накануне Великой социалистической ... Ч. II. – Москва-Ленинград, 1957. С. 344–345, 350.

⁷¹⁵ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов ... С. 244.

заводских товаров в деревню, рассматривать как преступление; обязать всех производителей хлеба сдать к концу сентября не менее 1/3 – 1/5 излишков хлеба; провести точный учет хлеба осеннего урожая; заготовку хлеба сконцентрировать в губернских продовольственных комитетах при участии эмиссаров министра продовольствия⁷¹⁶.

В сентябре вступил в должность новый министр продовольствия С.Н. Прокопович. В своей речи от 16 октября на заседании Временного совета республики он освещал общее продовольственное положение в стране. Временное правительство планировало заготовить 1 120 000 000 пудов хлеба (из них для армии 650 000 000 пудов, гражданского населения и железнодорожных рабочих – 400 000 000, внутренних военных округов – 70 000 000). Обычно сбор ржи составлял порядка 1 064 000 000 пудов, пшеницы – 1 056 000 000. В 1917 г. удалось собрать 964 000 000 пудов ржи и 790 000 000 пудов пшеницы. По ячменю и овсу сбор был ниже среднего. В целом урожай 1917 г. был на 300 000 000 пудов ниже урожая 1916 г. и на 800 000 000 пудов ниже обычного среднего. Неурожайным год стал для Самарской и Саратовской губернии, считавшихся житницами страны. В Европейской России хорошие сборы были на территориях вдоль побережья Черного моря, Кавказе, откуда правительство планировало получить 550 000 000 – 700 000 000 пудов хлеба. В Западной Сибири вместо обычного сбора хлебов в 199 000 000 пудов было получено 451 000 000 пудов, из них рассчитывали вывезти 170 000 000 – 250 000 000. С.Н. Прокопович предлагал приступить к сокращению численности армии, а также вводить некоторые меры к уменьшению потребления хлеба (в армии использовать суррогаты с примесью ячменя и кукурузы, в тылу – развернуть борьбу с самогоноварением, заменять хлеб в питании картофелем). Он с уверенностью говорил, что в целом за год Министерство продовольствия выполнит заготовки не менее, чем на 50 %, как и в предыдущем 1916 г. Между тем ситуация в сентябре складывалась тяжелая. Положение было «критическим» уже в августе из-за отсутствия запасов в местах

⁷¹⁶ К вопросу о заготовке хлеба // Забайкальская новь. 1917. 14 сентября. С. 4.

потребления. В случае, если бы в течение десяти дней не увеличился подвоз хлеба, начался бы голод в армии. Именно по этой причине правительство прибегло к повышению твердых цен, что С.Н. Прокопович оценивал как ошибочный шаг: «Мы не решились применить воинскую силу. И если теперь по удвоенным ценам мы все-таки не получим того хлеба, который нам будет нужен, конечно, мы вынуждены будем прибегнуть к этой воинской силе. Я это говорю совершенно определенно»⁷¹⁷.

С.Н. Прокопович утверждал, что основная причина перебоев в снабжении хлебом заключалась в состоянии железнодорожного транспорта. Подвоз продовольствия на фронт оставался слабым с марта – ниже нормы и суточной потребности. Управлением железнодорожными перевозками занимались Центральный комитет по регулированию массовых перевозок и Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам. По мнению членов Временного правительства, главная проблема заключалась в том, что эти две структуры довели дело до крайней степени централизации, в результате внутренние перевозки стали крайне затруднены. В апреле 1917 г. был упразднен Временный распорядительный комитет, восстановлена работа порайонных комитетов, в которые входили представители продовольственных органов, земств, биржевых комитетов, сельскохозяйственных обществ и др. Порайонные комитеты разрабатывали планы перевозки, устанавливали очередность отправки, вступали в соглашения друг с другом и т.д. Теперь все грузы делились на группы по приоритетности – экстренные, плановые, срочные, очередные. Новые правила их отправки распространялись в том числе на военные грузы, которые ранее выделялись в особую категорию, что не позволяло осуществлять общее управление перевозками. Местные власти получили предписание максимально использовать речной транспорт в летний период, чтобы разгрузить железные дороги. За это время планировалось подготовить подвижной состав к осенней

⁷¹⁷ Временный совет Российской республики // Сибирь. 1917. 20 октября. С. 1–2; Экономическое положение России накануне Великой социалистической ... Ч. II. М.–Л., 1957. С. 353–367.

заготовительной компании, осуществить ремонт хлебных вагонов. Провозглашалось введение широкого гласного общественного контроля за работой железных дорог для сокращения случаев злоупотреблений. Предпринятые меры не изменили ситуацию. В мае 1917 г. на Всероссийском продовольственном съезде в Москве председатель Общегосударственного продовольственного комитета полковник И.Д. Михайлов приводил статистические данные: если в июне 1916 г. задержанных вагонов было в среднем ежедневно от 3 до 3 100, то в июне 1917 г. – уже 4 800–6 800; паровозов работало летом 1916 г. 16 600, в 1917 г. – 15 930; количество «больных» паровозов в июле 1917 г. составило 25,3 %. В результате доставка продовольствия на фронты летом достигала лишь одной трети от потребностей армии. К осени ситуация ухудшилась⁷¹⁸.

Одной из проблем на железной дороге стало падение производительности труда во всех структурных подразделениях. Рабочие устраивали забастовки, выдвигая многочисленные требования, отказывались осуществлять погрузочно-разгрузочные работы в необходимом темпе, увеличивали продолжительность отдыха продолжительностью до 24 часов. В ремонтных депо, получая зарплату в 250 рублей в месяц, рабочие трудились 3–4 часа в день и уходили домой или на дополнительную смену на частных заводах и предприятиях⁷¹⁹. Возникало и множество других затруднений, обусловленных не техническими причинами, а «человеческим фактором»: нарушение порядка обмена порожняком между дорогами, случаи вмешательства солдат в работу железнодорожников и т.д.

В результате к осени резко осложнилось продовольственное положение на фронтах и столичных городах. Армейские хлебные запасы стремительно сокращались. На Северном фронте к 15 сентября муки было на 27 дней, на Юго-Западном фронте – муки на 2,5 дня, фуража на $\frac{3}{4}$ дня, на Румынском фронте – муки на 8 дней, фуража – на 1,5 дня. Петрограду ежедневно требовалось 40

⁷¹⁸ Доклад И.Д. Михайлова о современном состоянии нашего железнодорожного транспорта Всероссийскому продовольственному съезду в Москве 21 мая 1917 г. 5 мая – август 1917. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678640>

⁷¹⁹ Экономическое положение России накануне Великой социалистической ... Ч. II. М.–Л., 1957. С. 357.

вагонов продовольствия, реальный подвоз составлял 22 вагона, запас составлял 152 вагона. Москва получала ежедневно 30–40 вагонов при потребности в 38 вагонов, с запасом в 259 вагонов. 5 ноября 1917 г. Общеармейский комитет при ставке телеграфировал о том, что запасы муки и других продуктов были на исходе, их хватало на несколько дней. Подвоз был незначительным весь октябрь (поставлено 13,1 % от запланированного количества), приходилось обходиться скудными запасами и местными средствами, однако и эти источники иссякли⁷²⁰.

В сентябре–октябре из различных губерний (Калужской, Рязанской, Смоленской, Новгородской, Пермской и др.) в Министерство продовольствия стали поступать сообщения о случаях голода среди населения, употреблении в пищу вместо хлеба суррогатов (подсолнечных жмыхов, отрубей, солода и т.д.), падеже коров и лошадей вследствие острой нехватки кормов. Рабочие многих оборонных предприятий, шахт, рудников были истощены, не могли выполнять свои обязанности из-за отсутствия хлеба и других продуктов. Их жены выстаивали многочасовые очереди у продовольственных лавок. Увеличилась заболеваемость детей. Осенью появились случаи цинги и голодного тифа. Распространилось мешочничество, участились случаи избиения сотрудников продовольственных комитетов, разгромов казенных и частных складов, повальных самочинных обысков магазинов и т.п.⁷²¹.

Между тем имеющиеся в распоряжении историков статистические данные показывают наличие хлеба в стране, как весной, так и осенью 1917 г. Урожай этого года был ниже урожая 1916 г. и урожаев предвоенных лет. Общий сбор хлебов составил 3,8 млрд пудов, в том числе продовольственных культур – 2,6 млрд. Потребности армии и населения в хлебе составляли 3,2 млрд пудов. Запасы хлеба имелись в Екатеринославской, Курской, Херсонской, Таврической, Воронежской губерниях, Донской области и других хлебопроизводящих областях. Излишки в этих территориях (порядка 526 млн пудов) могли покрыть

⁷²⁰ Правительственным... // Иркутские губернские ведомости. 1917 г. 15 ноября. С. 2.

⁷²¹ Орлов Н. Продовольственная работа ... С. 11; Экономическое положение России накануне Великой социалистической ... Ч. II. М.–Л., 1957. С. 295–326.

недобор хлеба в других районах. Таким образом, хлеба было достаточно, чтобы накормить страну. Однако проблема заключалась в том, что государство исчерпало все запасы, хлеб доставлялся в режиме текущей заготовки и подвоза. Неблагоприятным фактором стало географическое распределение урожая, основная масса товарного хлеба находилась на окраинах. Сложную задачу представляло своевременное изъятие хлеба у его производителей и держателей, а также организация перевозок⁷²².

Восточная Сибирь весной 1917 г. не испытывала значительного дефицита хлеба благодаря ввозу маньчжурского зерна. В апреле 1917 г. министр земледелия А.И. Шингарев получил распоряжение Временного правительства купить в Маньчжурии 5 млн пудов хлеба для населения Сибири и Степного края ввиду ожидавшегося неурожая осенью 1917 г., кроме того приобретать там же кукурузу, чумизу, бобовое масло. К июню уполномоченный Министерства земледелия в Маньчжурии по заготовке хлеба для армии и населения Д.И. Золотов закупил 1,3 млн пудов пшеницы, 917 тыс. пудов крупчатки, 198 тыс. пудов овса, 505 тыс. пудов проса, 349 тыс. пудов гречневой крупы. Часть продовольствия поступала в Забайкальскую область и Иркутскую губернию⁷²³.

В конце июня на объединенном заседании иркутского губернского и городского продовольственных комитетов выступал с докладом председатель губернского продовольственного комитета Л.К. Трофимов, который вернулся с продовольственных съездов в Петрограде и Москве. Он говорил о тяжелой ситуации в Европейской России, подчеркивая, что в Иркутске она не была такой катастрофичной: «Там стоит, прежде всего, забота о сокращении своих потребностей ради снабжения армии, а также крупных промышленных центров. У нас же положение таково, что если бы в течение 4 месяцев не было подвоза

⁷²² Волобуев П.В. Экономическая политика ... С. 384.

⁷²³ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне ... С. 347; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. Т. 1. Март – апрель 1917 г. М., 2001. С. 238; Оськин М.В. Китайский хлеб для России ... С. 114.

продуктов, мы не почувствовали бы голода. Запасы наши весьма значительны, даже и крупчатки, о существовании которой в России уже почти забыли»⁷²⁴.

Однако летом 1917 г. на харбинском рынке курс рубля упал до 9 копеек, торговцы прекращали операции с русскими или продавали хлеб по высокой стоимости. Не было подвоза муки в Восточную Сибирь и из Западной Сибири.

В августе 1915 г. управляющий Иркутского мукомольного товарищества С. Белицкий через местные газеты информировал горожан, что с 7 августа по 15 сентября мельница закрывалась на текущий ремонт. Наличный остаток крупчатки на мельнице составлял 180 000 пудов, планировалось получить из Харбина еще 100 000 пудов. Такого количества должно было хватить 4 месяца, т.е. до декабря. Предполагалось, что после ремонта крупчатка будет вырабатываться без деления на сорта, а ее стоимость значительно увеличится, поскольку новые партии пшеницы приобретались дороже⁷²⁵.

В июле были повышены железнодорожные пассажирские (на 50 %) и грузовые тарифы (на 200 %). С таким ходатайством еще весной в Департамент железнодорожных дел обратились представители частных железных дорог. Они утверждали, что из-за общего подорожания жизни рабочие требовали повышения оплаты труда, значительно возросли эксплуатационные расходы, существовавшие тарифы перестали, таким образом, соответствовать себестоимости перевозок. После многочисленных совещаний Тарифный комитет и особое совещание при Департаменте железнодорожных дел одобрили повышение⁷²⁶. Соответственно с августа значительно выросла оптовая и розничная стоимость хлеба и других продуктов.

15 августа 1917 г. городской продовольственный комитет Иркутска сообщал о повышении таксы на печеный хлеб в связи с тем, что увеличилась стоимость муки в Харбине, в связи с повышением железнодорожного тарифа, ростом стоимости дров, соли, освещения, рабочих рук. После этого известия в городе

⁷²⁴ Продовольственное дело // Сибирь. 1917. 1 июля. С. 2.

⁷²⁵ К вопросу о запасах крупчатки в городе Иркутске // Сибирь. 1917. 24 августа. С. 3.

⁷²⁶ Руднева С.Е. Повышение железнодорожных тарифов в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 6–1. С. 7–16.

началась паника. Иркутяне осаждали продовольственные лавки, образовывались длинные очереди, стало невозможно купить не только белый, но и черный хлеб⁷²⁷.

Обострилась проблема и с фуражом. Местные рынки не могли обеспечить достаточное количество, поэтому его также закупали в Харбине. В Иркутске насчитывалось около 4 000 лошадей, ежемесячная потребность в овсе составляла 60 000 пудов, годовая – 720 000 пудов. Иркутский городской продовольственный комитет осуществлял продажу отрубей для домашних животных по фуражным карточкам через лавки потребительского общества «Труженик». Нормы выдачи определились в зависимости от имевшихся запасов. В августе 1917 г. продовольственная комиссия решала купить в Харбине крупную партию овса (200 000 пудов). Горожан предупреждали заранее, что его стоимость будет очень высокой, поскольку упал курс рубля, подорожал тариф на перевозку и стоимость мешков.

В сентябре 1917 г. стало ясно, что урожай по всем уездам Иркутской губернии был ниже среднего. Яровые посевы померзли, озимые погибли из-за отсутствия весенних дождей. Как продовольственный, так и семенной хлеб требовалось закупать. Крестьяне отказывались везти хлеб на ссыпные пункты. Начался резкий рост цен. Так, в волостях Верхоленского уезда цена на пшеничный хлеб поднялась с 6 рублей до 7–8 рублей за пуд, и ожидался рост до 10–12 рублей. Местные продовольственные комитеты, как правило, бездействовали, необходимые в таких случаях меры (установить твердые цены на хлеб, нормы его потребления, организовать реквизиции излишков, ввести карточную систему, приступить к закупкам хлеба в других районах) не предпринимались. Кредитные товарищества были ослаблены хронической просрочкой ссуд. Попытки приобрести мануфактуру для крестьян в Иркутске и Харбине успехом не увенчались: уполномоченные скрылись в неизвестном направлении вместе с выделенными деньгами⁷²⁸.

⁷²⁷ К продовольственному кризису // Сибирь. 1917. 15 августа. С. 3.

⁷²⁸ Село Косостепское Верхоленского уезда // Сибирь. 1917. 14 октября. С. 3.

Еще в августе в Иркутске реализовывалась мука июльской закупки, а в сентябре – уже закупленная в августе и начале сентября, т.е. со значительной наценкой. Когда иркутяне узнали о повышении цен на хлеб и введении карточек на него, последовала волна возмущения. 11 сентября 1917 г. толпа с камнями и молотками ворвалась в помещение городского продовольственного комитета, не успевший скрыться служащий был ранен в голову. На заседании Иркутского городского продовольственного комитета 16 сентября 1917 г. подчеркивалось, что местные продовольственные комитеты испытывали на себе общее негативное отношение к продовольственной политике Временного правительства: «Население настроено враждебно к карточкам и вообще к комитету, продовольственный комитет ругают везде и всюду»⁷²⁹. Через газеты горожан информировали, что цена на муку зависела не от произвольных решений местных властей, а от конъюнктуры харбинского рынка, потому следовало ожидать и дальнейшего ее повышения⁷³⁰.

На фоне введения карточек и подорожания хлеба стоявшие в витринах кондитерских торты вызывали озлобление у малосостоятельных горожан. Председатель городского продовольственного комитета И.А. Якушев отмечал, что из-за недовольства «демократических слоев населения» и под давлением совета рабочих и солдатских депутатов губернский продовольственный комитет запретил изготовление и продажу кондитерских изделий из муки (тортов, пирожных, плюшек, печенья и т.д.) в кондитерских, ресторанах, булочных Иркутской губернии с 1 октября: «Хлеба мало везде. По сравнению со многими местами России Иркутская губерния находится в лучших условиях. Однако и в Иркутской губернии необходимо принять ряд мер, обеспечивающих справедливое распределение хлеба среди всего населения»⁷³¹.

26 сентября 1917 г. в городской управе состоялось совещание по продовольственному вопросу, на котором присутствовали представители совета

⁷²⁹ В продовольственном комитете // Сибирь. 1917. 16 сентября. С. 2.

⁷³⁰ Иркутский городской продовольственный комитет // Сибирь. 1917. 17 сентября. С. 1.

⁷³¹ Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета // Иркутские губернские ведомости. 1917. 24 сентября. С. 2.

рабочих депутатов, правлений профсоюзов, городских рабочих комитетов, правлений кооперативов, городского и губернского продовольственного комитетов, городской думы. Сотрудник городского продовольственного комитета А.Ю. Добровольский отметил, что самый острый вопрос в Иркутске – мучной, потому что запасов муки у комиссии имелось на 1,5 месяца, тогда как сахара – на 3 месяца, сала – на 4–5, растительного масла – на 6⁷³². В октябре продовольственные и общественные организации города признавали ситуацию «угрожающей», уведомляли об этом центральные органы власти⁷³³.

По вопросу о хлебной монополии в начале октября 1917 г. на совещании губернского продовольственного было решено потребовать от крестьян, чтобы хлеб старых урожаев был сдан до 1 ноября, после принимать его со скидкой в 30 %, такая же скидка вводилась на хлеб урожая 1917 г. после 1 января 1918 г. Был установлен максимум, не подлежащий учету (100 пудов), нормы зернового довольствия лошадей (сельскохозяйственных – 20 пудов в год, гужевых – 90, городских – 100), введены ограничения на помол зерна (15 пудов в год на человека). Твердая цена на муку определялась с учетом стоимости зерна с надбавкой за перевозку на мельницу и помол в 50 копеек (овес – 4 рубля 60 копеек, рожь – 4 рубля, 70 копеек, пшеница – 5 рублей 20 копеек). Вывоз хлеба местного производства за пределы губернии запрещался «в виду недостатка его для местных нужд». Совещание вынесло предписание местным управам предпринимать решительные меры против самогонщиков: отправлять в деревню специальные отряды солдат и милиции, усилить просветительную работу с крестьянами⁷³⁴.

Сотрудники губернского и городского продовольственных комитетов констатировали, что тяжелое положение с хлебом усугублялось исчерпанием запасов и других продуктов на складах у частных торговцев. Местная макаронная фабрика начала выполнять военные заказы, поэтому горожане стали испытывать

⁷³² Объединенное собрание по продовольственному вопросу // Сибирь. 1917. 28 сентября. С. 3.

⁷³³ Мучной голод // Сибирь. 1917. 25 октября. С. 2.

⁷³⁴ О хлебной монополии // Сибирь. 1917. 5 октября. С. 2.

дефицит макарон. Было решено приобрести в Харбине 2 000 пудов макарон (месячную норму), 15 000 пудов проса (имелось в наличии 1 860 пудов), 2 000 пудов перловой крупы (имелись запасы 1 335 пудов), 1 000 пудов манной крупы, сахар, в Монголии – масло. В достаточном количестве в Иркутске были только сушеные фрукты и кофе⁷³⁵.

В конце октября 1917 г. на краевом продовольственном съезде в Иркутске старший инспектор Министерства продовольствия в Маньчжурии, Приморской, Амурской и Забайкальской областях, а также Иркутской губернии А.В. Цеклинский докладывал, что Восточная Сибирь давала фронту незначительное количество продовольствия (только мясо), поэтому центральные власти практически не интересовались продовольственной ситуацией в этом регионе. Восточносибирские губернии должны были объединиться и решать свои проблемы самостоятельно, не рассчитывая на правительство. Падение курса рубля в Маньчжурии и расстройство транспорта крайне затруднили закупки хлеба на востоке. Власти пытались поднять курс рубля в Харбине (закрывали таможенную границу, запрещали переводы денег в Харбин и т.п.), однако все эти меры оказались недейственными. Рассматривалась идея торговли с США, поскольку американцев интересовали некоторые виды сырья, например, пушнина. Губернским продовольственным комитетам Восточной Сибири А.В. Цеклинский предлагал обратить внимание на Западную Сибирь, где излишки хлеба оставляли 150–158 млн пудов, из них можно было попытаться вывезти в восточном направлении до 75 млн пудов⁷³⁶.

В ноябре 1917 г. председатель губернского продовольственного комитета Л.К. Трофимов на очередном продовольственном съезде подвел итоги уборочной кампании. Он отметил, что губерния всегда зависела от ввоза хлеба, например, в предыдущем 1916 г. было ввезено 22 млн пудов. В 1917 г. в связи с неурожаем, который затронул все уезды, местный сбор составил 8 636 100 пудов зерновых.

⁷³⁵ Продовольственное дело // Сибирь. 1917. 2 ноября. С. 2.

⁷³⁶ Краевой продовольственный съезд // Единение. 1917. 3 ноября. С. 2.

Самое минимальное количество, которое следовало завезти до урожая 1918 г., составляло 9 338 800 пудов, а вместе с Якутской областью – 12 000 000 пудов хлебного зерна и 5 000 000 пудов фуражного. К этому времени стало очевидно, что на транспорте не произошло изменений к лучшему, курс рубля продолжил падение, поэтому нельзя было рассчитывать на закупки зерна в Западной Сибири или Харбине. Некоторое количество торгового продовольственного зерна имелось в Енисейской губернии и Амурской области, фуражного – в Приморской области, где губернские власти и решили вести заготовки.

В Енисейской губернии в апреле 1917 г. на Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири крестьяне сообщали о своих нуждах, отмечая, прежде всего, острый недостаток сельскохозяйственных машин и рабочих рук. Начиная с весны, по соглашению военного министра и министра земледелия во всех внутренних гарнизонах из частей запасных формировались особые команды, размер которых определялся по соглашению с местными продовольственными или земельными комитетами и советами солдатских и крестьянских депутатов. Такие команды направлялись в уезды для полевых работ и ремонта сельскохозяйственных машин⁷³⁷. Создавались они и в восточносибирском регионе, тем не менее, проблему нехватки рабочих рук в деревне полностью не решали. Положение с сельскохозяйственными машинами и орудиями ухудшалось: отечественное производство было практически свернуто, поскольку заводы выполняли военные заказы, импорт незначителен.

Для губернии 1917 г. стал урожайным, по разным оценкам собрано от 36 до 44 млн пудов зерна⁷³⁸. Енисейский губернский продовольственный комитет ввел запрет на вывоз хлеба, к тому же он был затруднен из-за ситуации на железной дороге. Наличие хлеба и отсутствие возможности его продать послужило основой для широкого развития винокурения, которое принимало открытый, «полулегальный» характер. В докладе о своей работе Красноярский волостной

⁷³⁷ Восточно-Сибирский краевой съезд Советов рабочих ... С. 13; Приказ о формировании команд из воинских частей для уборки хлеба на полях // Сибирь. 1917. 25 июня. С. 2.

⁷³⁸ Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 9.

продовольственный комитет в октябре 1917 г. сообщал, что основной проблемой, с которой ему пришлось столкнуться – «непонимание своего гражданского долга» крестьянами, которые укрывали хлеб, стремились пустить его на переработку, изготовление кормов для животных, варили самогон. В селах Красноярской волости торговало самогоном свыше 100 человек. Из пуда муки выходило полведра самогона, который продавали по цене 1 рубль – 1 рубль 50 копеек за бутылку, т.е. пуд муки приносил 10–15 рублей прибыли: «Перед таким доходом весьма трудно устоять шаткой гражданской совести малосознательного землероба»⁷³⁹. По отзывам местных корреспондентов, аналогичная ситуация существовала не только в Красноярском уезде, но в сельской местности Енисейской губернии в целом. Волостные продовольственные комитеты считали, что первоочередной мерой к усилению хлебозаготовок должно стать именно сокращение винокурения: «В противном случае вся работа волостных продовольственных комитетов сведется к нулю»⁷⁴⁰.

Сотрудники продовольственного комитета Забайкальской области отмечали, что в плане реализации хлебной монополии было сделано мало. Введение твердых закупочных цен не достигло намеченных целей, крестьяне отказывались сдавать хлеб государству, предпочитая реализовывать его на черном рынке по более высокой цене. С весны 1917 г. областной продовольственный комитет закупал крупчатку в Харбине. После получения правительственного распоряжения о нормированной продаже хлеба было сделано распоряжение об отпуске в одни руки 35 фунтов муки на горожанина и 52,5 фунта для занятых на тяжелых физических работах. Кроме того, для китайских рабочих приняли особую норму в 50 фунтов на человека с учетом того, что они практически не ели мяса, основу их питания составляла мучная пища⁷⁴¹.

В 1917 г. урожай в Забайкальской области оказался ниже среднего примерно на 30 % – собрали около 8 000 000 пудов хлеба, тогда как для

⁷³⁹ Доклад Красноярского волостного продовольственного комитета // Забайкальская новь. 1917. 14 октября. С. 4.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ Восточно-Сибирский краевой продовольственный съезд // Иркутская жизнь. 1917. 22 сентября. С. 3.

продовольствия местного населения требовалось порядка 12 000 000 пудов. В начале октября продовольственный комитет Читы получил не месячную, а «полумесячную» норму муки с предписанием организовать ее равномерное распределение между городскими лавками, установить жесткий контроль за торговлей⁷⁴². Решение комитета о введении карточек на хлеб было воспринято со страхом и паникой: «Продовольствие города Читы приходит в расстройство, и обывательское воображение уже рисует себе страшные перспективы голода»⁷⁴³. Рост рыночных цен с сентября до конца октября составил примерно 50 %. К ноябрю цена на пшеницу составляла 6 рублей за пуд, ржаную муку – 5 рублей за пуд, нелегальные скупщики предлагали за пуд на 1 рубль больше. В августе-октябре в Маньчжурии для Забайкалья удалось купить только 225 вагонов хлеба (225 000 пудов). При заказе китайского хлеба теперь требовалось вносить задаток (25 % от стоимости). Расстройство финансовой системы страны и нехватка денежных средств лишали продовольственные комитеты и кооперативы возможности оплачивать большие партии хлеба⁷⁴⁴.

В Якутской области, как и в других регионах страны, вводилась хлебная монополия. Общегосударственный комитет не установил для области твердых цен на хлеб из-за отсутствия подробных сведений об объемах сельскохозяйственного производства в регионе, оставляя это на усмотрение Якутского областного продовольственного комитета. Для местных властей этот вопрос также представлял довольно большую сложность, потому что в разных районах области условия для земледелия были различными и себестоимость хлеба отличалась. Кроме того, его стоимость значительно колебалась в течение года в зависимости от объемов ввоза. Председатель Якутского областного продовольственного комитета В.Д. Виленский представил проект, в котором предлагал установить твердые цены отдельно для районов русского земледелия (рожь – 5 рублей 10 копеек за пуд, пшеница – 6 рублей, ячмень и овес – 4 рубля) и

⁷⁴² К снабжению населения мукой // Забайкальская новь. 1917. 3 октября. С. 3.

⁷⁴³ Продовольственное дело // Забайкальская новь. 1917. 20 октября. С. 1.

⁷⁴⁴ Тумурхонова Н.В. Реализация продовольственной ... С. 57.

иностранного (рожь – 3 рубля 50 копеек за пуд, пшеница – 4 рубля, ячмень – 3 рубля 50 копеек, овес – 3 рубля 40 копеек). Проект был подписан заместителем министра продовольствия В.Н. Башкировым.

По подсчетам В.Д. Виленского, при самых пониженных нормах потребления и без семян, местному населению ежегодно было необходимо 1 500 000 пудов хлеба. Основываясь на данных о средней урожайности хлебов, он рассчитывал, что урожай 1917 г. составит 1 372 725 пудов. Ежегодно ввоз хлеба из Иркутской губернии по Лене составлял не менее 340 000 пудов. Поскольку с началом войны значительно выросла стоимость хлеба и его транспортировки, спрос местного населения сократился, а коммерсанты сворачивали торговые операции в Якутской области. Областному продовольственному комитету пришлось значительно расширить свои операции. Ввоз 1917 г. составил 155 000 пудов, включая доставку в Колымск через Владивосток. Комитет перешел к строгой экономии и нормировке хлеба⁷⁴⁵.

Заготовка скота в 1917 г. началась по плану разверстки на январь и февраль. Предполагалось, что в конце февраля Особое совещание по продовольствию примет следующий план на март-апрель. В связи с политическими событиями новая разверстка в спешном порядке была подписана товарищем министра земледелия Н.В. Грудистовым. На заседании Мясной комиссии Общегосударственного продовольственного комитета 7 апреля было принято решение утвержденную 1 марта разверстку скота и мяса признать временной и заменить новой, при определении которой принять во внимание потребности не только армии, но и оборонных предприятий, жителей столиц и других городов. Общие мясные ресурсы страны оценивалось в 71 868 700 пудов. Для армии, внутренних военных округов и военнопленных было необходимо 40 800 000 пудов, флота – 900 000 пудов, организаций Земского и Городского союзов, Красного Креста – 1 192 000, городского населения Европейской России – 31 346 800 пудов. Итого для армии и населения 74 238 800 пудов. Основные

⁷⁴⁵ Виленский В.Д. Хлебная монополия ... С. 15.

заготовки мяса планировались в Центральном, Южном, Прикавказском, Северо-восточном районах страны. В план разверстки на 1917 г. включили не только крупный рогатый скот, но и свиней, овец. В Восточной Сибири предполагалось получить примерно 5 641 200 пудов крупного рогатого скота (в Енисейской губернии – 1 224 600, Иркутской губернии – 1 191 300 и Забайкалье – 3 225 300 пудов), свинины 180 897 пудов (в Енисейской губернии – 66 852 пуда, Иркутской – 47 069, Забайкалье – 66 976). Высказывалось пожелание учесть ошибки прошлых лет и вывозить мясо в зимнее время, а не летом и весной, когда оно портилось в вагонах. Армия и потребители в тылу должны были также иметь в виду, что забой скота в деревне начинался осенью, и поэтому больших поставок до этого времени не ожидать⁷⁴⁶.

На заседании 9 апреля 1917 г. Мясная комиссия пришла к выводу, что необходимо сокращать нормы потребления: на фронте установить выдачу по 0,5 фунта мяса в день на солдата кроме трех постных дней в неделю или 2,4 пуда в год. За счет этого сэкономить до 20 млн пудов мяса и направить их на продажу внутри страны. Искали возможности уменьшения снабжения организаций Городского и Земского союзов, Красного Креста, оборонных предприятий. Серьезную проблему представлял расчет того объема мяса, который следовало поставить городам. Было высказано предположение, что если в мирное время потребление горожанина в среднем составляло 4–4,3 пуда на душу в год, то в тяжелых военных условиях норму возможно сократить примерно до 1,5 пуда на душу (1 фунт в неделю или 4 фунта в месяц)⁷⁴⁷.

Сотрудники Общегосударственного продовольственного комитета отдавали себе отчет, что не располагали достаточными статистическими данными о количестве скота и тех категориях населения, среди которого предполагалось устанавливать нормы потребления мяса. Не существовало никакой гарантии, что

⁷⁴⁶ Доклад Секретариата мясной комиссии Общегосударственного продовольственного комитета по вопросу об установлении твердых цен на скот и мясо на 1917/1918 гг. 1917. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678641>

⁷⁴⁷ Стенограмма заседания Общегосударственного продкомитета. 9 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/678651>, <https://www.prilib.ru/item/678654>

и урезанная норма снабжения по карточной системе в 1 фунт мяса на человека в неделю, будет соблюдена. К тому же карточная система не могла обеспечить равномерного распределения именно мяса, потому что мясные продукты различались большим разнообразием сортов и категорий. Очевидным являлся и тот факт, что в стране требовались немедленные меры по развитию скотоводства.

От идеи введения мясной монополии, по аналогии с хлебной, комитет отказался сразу. Крестьянин мог отдать государству последний хлеб, но не последнюю корову, так как это означало бы отсутствие питания для детей, приплода весной, а в дальнейшем полный развал хозяйства. К тому же вставал вопрос об условиях заготовок: государство не располагало необходимой инфраструктурой, чтобы в массовом порядке забивать скот, хранить мясо, перевозить его и т.д. Негативную реакцию вызвал бы и запрет на свободную торговлю мясом. Возникали вопросы о целесообразности этой меры вообще. Требования горожан и рабочих оборонных предприятий на мясо возросли в разы, комитет сомневался, что их возможно было удовлетворить в полной мере. Золотопромышленные компании пользовались централизованным снабжением мясом через Особое совещание в 1916 г. только на протяжении 3 месяцев, а затем заявили, что самостоятельная заготовка обходилась им дешевле, чем приобретение мяса по твердым ценам правительства.

На заседании Общегосударственного продовольственного комитета 10 апреля 1917 г. рассматривался вопрос о мясопустных днях. Г.К. Гинс в своем докладе отметил, результатом закона было некоторое сокращение потребления за счет малоимущих слоев населения, но он практически никак не отразился на питании состоятельных групп. Отмена закона являлась мерой нецелесообразной, потому что страна в любом случае должна была уменьшать потребление мяса. Г.К. Гинс также указывал на пример европейских государств, где количество мясопустных дней во время войны увеличивалось (во Франции до 4 дней в неделю, в Австрии до 5). Он призывал не отменять закон о мясопустных днях, а пересмотреть его. Например, министру земледелия предоставить право вводить

исключения для некоторых местностей, где действие закона не имело смысла или могло вызвать нежелательные последствия, оставить местным властям возможность вводить некоторые послабления относительно дней продажи мяса (например, на праздники пасхи, рождества и т.п.). В результате основные положения закона о мясопустных днях были оставлены без изменений⁷⁴⁸.

Твердые цены на скот и мясо, установленные в январе 1917 г., должны были действовать до сентября того же года. Этот вопрос обсуждался в мае на Всероссийском съезде представителей губернских продовольственных комитетов. Съезд постановил цены на крупный рогатый скот не увеличивать, поскольку они были значительно выше уровня цен за аналогичный период прошлого года, а в сентябре и октябре понизить их на 1 рубль на пуд живого веса. Решение Особого совещания об установлении для Сибири высоких заготовительных цен в 1916 г., которое принесло казне значительные убытки, было признано ошибочным. Для Сибири цены оставили без изменений до 1 февраля 1918 г.

К лету 1917 г. заготовка мяса и скота для нужд армии постепенно переходила от земств к губернским и уездным продовольственным комитетам. С 1 января по 1 июня 1917 г. заготовлено 14 000 000 пудов мяса (за аналогичный период предыдущего года наряд на заготовку был значительно ниже – 8 770 000 пудов), что считалось относительным успехом. Заготовки шли тяжело в тех местностях, где существовала большая разница между твердой и рыночной ценой. В связи с проблемами на железной дороге, дефицитом обычных вагонов и вагонов-холодильников скот гнали своим ходом на большие расстояния, зачастую прямо до прифронтовой территории⁷⁴⁹.

В Восточной Сибири после Февральской революции сохранялся прежний порядок заготовок через Монгольскую экспедицию. В июле 1917 г. в Чите состоялся съезд для обсуждения мясных заготовок на следующий операционный

⁷⁴⁸ Стенограмма собрания Общегосударственного продовольственного комитета. 10 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678651>

⁷⁴⁹ Инструкции, правила, бюллетени и другие документы местных продовольственных комитетов. 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678647>

период. Совещания проходили под председательством начальника А.А. Дудукалова, при участии уполномоченных А.С. Мещерского, И.П. Кокоулина, В.Г. Гея, представителей местных продовольственных комитетов, кооперативов. Заседания открылись с доклада А.А. Дудукалова о поездке в Петроград с отчетом о заготовительной кампании 1916–1917 г. и планом на следующий 1917–1918 г. Работа экспедиции получила одобрение Министерства продовольствия. Обсудив план работ, участники совещания пришли к выводу, что при условии достаточного финансирования правительством, экспедиция сможет удовлетворить потребности местного населения и гарнизонов, а также заготовит до 3 000 000 пудов мяса, 600 000 пудов сала, 300 000 банок австралийских мясных консервов для армии. Район заготовок оставался прежним – от Владивостока до Бийска в пределах Сибири и от восточных портов Китая через Маньчжурию до Шара-Сумэ в западной Монголии. По вопросу об отпуске мяса населению (по установленной правительством норме – до 4 фунтов мяса на человека в месяц) было отмечено, что для населения Сибири мясо являлось основным продуктом питания, заменить его фруктами или овощами сложно, поэтому предлагали здесь определить норму в 10 фунтов на человека в месяц⁷⁵⁰.

В конце июля А.А. Дудукалов получил телеграмму от уполномоченного Сибирского района по закупке скота для армии с распоряжением приостановить отправку мяса для нужд местного населения⁷⁵¹. Вследствие резкого падения курса русского рубля Монгольская экспедиция была вынуждена заключать контракты в иностранной валюте, покупая ее по высокому курсу или за плиточное серебро⁷⁵².

В Иркутской губернии весной 1917 г. цены на мясо стояли высокие. Уполномоченный экспедиции И.П. Кокоулин купил небольшую партию для Иркутска. Путем жесткой экономии запасы мороженого мяса заготовки осени предыдущего года были растянуты до июня, с конца июля ждали прибытия

⁷⁵⁰ Съезд уполномоченных по закупке скота // Сибирь. 1917. 23 июля. С. 5.

⁷⁵¹ К расширению деятельности монгольской экспедиции /// Сибирь. 1917. 8 июля. С. 3.

⁷⁵² Синиченко В.В. Влияние курса рубля на деятельность по закупке продовольствия для нужд армии и тыла в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017. С. 195–201.

монгольского скота. Летом цены выросли, в связи с чем на заседаниях городского продовольственного комитета рассматривался вопрос о введении карточек. Комитет не мог решиться на это, потому что переход к карточной системе был связан с необходимостью принятия таких мер, которые не были в его компетенции (организация учета скота в крестьянских хозяйствах, предотвращение сделок за пределами городских базаров и т.д.)⁷⁵³.

30 августа 1917 г. вышло постановление министра продовольствия об обязательных поставках губернскими и областными продовольственными комитетами Сибири крупного рогатого скота путем разверстки между хозяйствами (1/6 часть быков и волов, 1/10 часть коров, весь молодняк в возрасте 1,5–2,5 лет). Для потребления жителей городов и приисков устанавливалась норма в 2,5 фунта в неделю на человека. Продажа мяса могла осуществляться по карточкам. Вывоз всех видов скота и мяса за пределы губерний, перевозка мяса внутри губернии всеми видами транспорта (гузовым, речным и др.) осуществлялись только с разрешения губернских продовольственных управ или уполномоченных Монгольской экспедиции⁷⁵⁴.

В октябре губернские и областные комитеты получили телеграфное распоряжение министра продовольствия о необходимости оказания содействия Монгольской экспедиции в осуществлении разверстки скота в Восточной Сибири в связи с передачей этой организации всех закупочных операций мяса. Норму потребления министр сократил до 2 фунтов на человека в неделю, общую потребность региона в мясе определил в 2 000 000 пудов. Уполномоченные Монгольской экспедиции должны были в первую очередь удовлетворить запросы Красноярска, Иркутска и служащих Забайкальской железной дороги, а затем уже местных гарнизонов и городов Иркутской губернии и Забайкальской области.

⁷⁵³ Продовольственные дела // Сибирь. 1917. 19 октября. С. 2.

⁷⁵⁴ Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета // Иркутские губернские ведомости. 1917. 1 октября. С. 3; Мясной вопрос // Забайкальская новь. 1917. 3 октября. С. 3; Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета о поставке скота для нужд армии и населения // Иркутские губернские ведомости. 1917. 8 октября. С. 2.

Снабжение Амурской и Приморской областей осуществлять за счет избытков мяса по Забайкальской области, закупок в Маньчжурии, Корее, Китае⁷⁵⁵.

В середине октября последовало распоряжение уполномоченного Монгольской экспедиции о введении карточек на мясо в городах Восточной Сибири. Как только жители городов узнали об этом, стали скупать мясо, чтобы сделать запасы. В Иркутске цена поднялась с 15–16 рублей до 25 рублей за пуд. У въездов в город дежурили контролеры городского продовольственного комитета, которые направляли крестьянские подводы с мясом на ветеринарную станцию, откуда после осмотра оно поступало в продажу на городские рынки. Крестьяне и буряты, услышав про таксу в 16 рублей за пуд, разворачивали телеги с мясом и уезжали из города или ввозили его контрабандными способами. Участились случаи нападения на контролеров, дело доходило до вооруженных столкновений. Городской продовольственный комитет был вынужден повысить таксу до 18 рублей за пуд⁷⁵⁶.

31 октября 1917 г. Иркутский губернский продовольственный съезд констатировал, что поставки мяса шли с большим трудом. Принимая во внимание необходимость соблюдения общего плана заготовок в стране, рекомендовалось принять все меры к усилению закупок в Забайкальской области.

По расчетам Областного продовольственного комитета Забайкальской области весной 1917 г., мяса местного производства должно было быть достаточно для населения, несмотря на предполагавшиеся заготовки для армии. Тем более, что его вывоз в больших размерах ограничивала ситуация на железных дорогах. Однако новые продовольственные комитеты начали осуществлять реквизиции скота, и это коренным образом изменило положение на мясном рынке – предложение резко сократилось. Следующей уже необходимой мерой стало ограничение потребления мяса в городах. С распределением мяса по норме через

⁷⁵⁵ Краевой продовольственный съезд // Единение. 1917. 3 ноября. С. 2; О твердых ценах на мясо и об усилении его заготовок // Сибирь. 1917. 3 ноября. С. 3.

⁷⁵⁶ Продовольственный разбой // Сибирь. 1917. 31 октября. С. 3.

городские лавки комитеты также не справились, о чем свидетельствовали «хвосты» (очереди)⁷⁵⁷.

Крупные мясоторговцы подвергали критике работу сотрудников Читинского городского продовольственного комитета, указывали на целый ряд их некомпетентных решений. Например, они осуществляли реквизиции у производителей и торговцев по настолько низким расценкам, что те сразу после этого сворачивали и производство и торговлю. Или скупали хлеб в деревне по низкой стоимости, горожанам продавали с двойной наценкой. Крестьяне, видя такой подход, в дальнейшем отказывались от поставок. Мясоторговцы объединились в союз и ходатайствовали о передаче им права поставок мяса для нужд населения Читы и пригородов на тех же условиях, что и кооперативы. В июне городской продовольственный комитет Читы заключил договор с кооперативами на поставку мяса по 13 рублей 50 копеек за пуд. По причине недовольства населения кооперативам пришлось снизить цену до 12 рублей 80 копеек. Однако торговцы начали скупать мясо, в результате кооперативы не могли получить его по фиксированным ценам и обратились за помощью к Монгольской экспедиции. По инициативе кооперативов был введен запрет на покупку скота у бурятского населения частными лицами и выгон уже закупленного скота за пределы области. В городе мясо продавалось по норме 10 фунтов в месяц на человека, для занятых физическим трудом – 12 фунтов. На краевом съезде по мясному делу в Чите осенью 1917 г. мясопромышленники вновь предложили взять в свои руки поставки до лета 1918 г., но городской продовольственный комитет передал право закупок кооперативам⁷⁵⁸.

Осенью планировалось произвести разверстку скота для нужд армии через Прибайкальское товарищество кооперативов в Западном Забайкалье и Забайкальский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в Восточном. В Чите создавались закупочные бюро этих организаций. Однако

⁷⁵⁷ Продовольственное дело // Забайкальская новь. 1917. 24 октября. С. 4.

⁷⁵⁸ Восточно-Сибирский краевой продовольственный съезд // Иркутская жизнь. 1917. 22 сентября. С. 3.; Торгово-промышленники о продовольственном кризисе // Забайкальская новь. 1917. 6 октября. С. 3.

крестьяне отказывались от поставок, ссылаясь «на неимение излишнего скота». Вся тяжесть разверстки ложилась на бурятские хозяйства. В традиционно скотоводческих Агинском и Баргузинском аймаках из-за засухи и уничтожения посевов кобылкой буряты не смогли заготовить сено, неурожай трав усугублялся отсутствием его запасов. Начались массовые кочевки в Баргузинскую тайгу, на Витим и Амалат или в пределы Хоринского аймака. Доставить оттуда истощенный скот до ближайшей железнодорожной станции Татаурово за 300–450 верст за свой счет буряты также отказывались (цена на перевозку составляла 4 рубля 50 копеек за пуд, при закупочной цене от 10 рублей за пуд). Разверстка осложнялась отсутствием точных сведений о количестве скота, поскольку часть домохозяйств кочевала в пределах Монголии. Местные аймачные продовольственные комитеты выступили с ходатайством перед Забайкальским областным продовольственным комитетом об отсрочке разверстки до лета 1918 г.⁷⁵⁹.

Общий дефицит мяса в армии и тылу восполнялся усилением лова рыбы. Наряд интендантства на период с 1 апреля 1917 г. по 1 апреля 1918 г. составлял 29 млн пуд рыбы, по подсчетам сотрудников Министерства продовольствия путем заготовки и покупки в других странах можно было получить не более 16,5 млн пуд. В 1917 г. планировалось заготовить 1,2 млн пудов кеты и горбуши на Дальнем Востоке и 300 тыс. пудов консервов, 450 тыс. пудов в Западной Сибири, 200 тыс. пудов в Монголии. К середине года удалось заготовить 755 тыс. пудов на Дальнем Востоке, но вывоз рыбы в Европейскую Россию был крайне затруднен, поэтому часть рыбы шла в продажу населению Сибири. Так, торговцы Иркутска летом 1917 г. сообщали, что им удалось купить для города 150 вагонов кеты на Дальнем Востоке. Они указывали, что при возможности вывоза и освобождении товара от реквизиций могли бы организовать торговлю рыбой в городе по цене, включавшей прибавку к стоимости рыбы 42 % на торговые расходы и прибыль. Продовольственный комитет рассматривал это предложение. В начале сентября

⁷⁵⁹ Тумурхонова Н.В. Реализация продовольственной ... С. 58.

1917 г. в Иркутский губернский продовольственный комитет пришла правительственная телеграмма с твердыми ценами на рыбу: пуд горбуши в Николаевске-на-Амуре стоил от 7 рублей 36 копеек до 11 рублей (в зависимости от сорта). Губернский комитет закупил там 200 вагонов. При обсуждении вопроса, возможно ли было усилить лов местной промысловой рыбы, выяснилось, что из-за призыва на фронт промысловиков ангарская и байкальская рыба настолько подорожала, что этот вариант сразу отвергли. Происходило общее сокращение уловов. Так, например, если в 1914 г. добыча рыбы в низовьях Енисея достигала 153 570 пудов, то в 1917 г. – лишь 87 000 пудов⁷⁶⁰. Доставка рыбы с монгольских озер шла крайне медленно. Таким образом, дальневосточная рыба шла на питание населения Сибири, для фронта и Европейской России рыбу доставляли из Закавказья (5 млн пуд), покупали в Норвегии (2,7 млн пудов сельди и трески), Англии (20 тыс. тонн солено-вяленой трески)⁷⁶¹.

Дефицит сахара в стране с февраля по октябрь 1917 г. лишь усиливался. Общая площадь посевов сахарной свеклы сократилась в сравнении с довоенным уровнем на 21,8 % (с 697 241 десятины в 1914 г. до 544 765 в 1917 г.). В апреле Общегосударственный продовольственный комитет принял решение свести к минимуму объемы сахара, который шел на переработку в рафинад, поскольку это удорожало его. Разрешалось производство только тех кондитерских изделий, при изготовлении которых использовались ингредиенты, способные заменить сахар или компенсировать его дефицит (например, при производстве самого востребованного кондитерского товара – карамели – употреблялась патока из картофельного сырья и фруктовая начинка). Однако высказывалось и мнение, что при общих экономических условиях в стране конфеты можно считать предметом роскоши, поэтому следовало совсем прекратить их выработку. По примеру Германии предлагалось перейти на широкое употребление в пищу сахарина.

⁷⁶⁰ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего ... С. 72.

⁷⁶¹ Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии ... С. 526–528; Заготовка рыбы // Сибирь. 1917. 4 июня. С. 3.

Комитет планировал продолжить курс на нормирование производства и распределения сахара⁷⁶².

На заседании Общегосударственного продовольственного комитета 13 апреля 1917 г. было принято решение о необходимости закупок сахара за границей, в расчете на американский рынок. Участники совещания пришли к выводу, что государство не могло взять это дело в свои руки, потому что не имело ни специалистов в этой области, ни торговой инфраструктуры. Основываясь на опыте других стран (Англии) чиновники планировали сосредоточить закупку в руках единой организации – Московского народного банка, который к 1917 г. стал одним из крупнейших в России, являлся центром кредитной кооперации, соглашался работать за самую низкую сумму комиссионных. Кроме того, этот банк имел торговых агентов в Лондоне и Америке, уже выполнял аналогичные закупки для правительства. На этом же заседании С.В. Востротину удалось добиться разрешения на ввоз сахара в Сибирь частными лицами через устья рек Колыма, Обь, Лена, Енисей. Он аргументировал свое предложение тем, что закупленный правительством американский сахар пойдет, прежде всего, на нужды фронта и населения Европейской России, сибирякам могло достаться лишь минимальное количество⁷⁶³.

На дальнейших заседаниях Общегосударственного продовольственного комитета в апреле-мае 1917 г. приняты постановления о введении карточек на сахар по всей стране, а также о понижении норм выдачи. Сельское население снабжалось по норме 1,5 фунта на душу, городское – 2 фунта. Для отдельных районов сверх общего количества сахара, опускавшегося по нормам снабжения, выделяли дополнительно 5 % на нужды ресторанов, чайных, буфетов и т.п. Согласно подсчетам сотрудников комитета, всего на период с апреля до сентября 1917 г. оставалось в наличии 32,6 млн пудов сахара, тогда как общая потребность

⁷⁶² Стенограмма заседания Общегосударственного продкомитета. 9 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678651>, <https://www.prlib.ru/item/678654>

⁷⁶³ Стенограмма заседания Общегосударственного продовольственного комитета. 13 апреля 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678645>, <https://www.prlib.ru/item/678644>

страны составляла 41 млн пудов. Предлагалось сократить отпуск сахара на переработку и тем самым сэкономить 1 млн пудов. Однако представители кондитерских фабрик и предприятий настаивали на том, что они в несколько раз увеличивают общие объемы сладкой продукции, прекращение кондитерского производства могло привести к разорению предпринимателей, развитию подпольного производства с недоброкачественной продукцией. В результате было принято компромиссное решение сократить ассортимент выпускавшейся продукции кондитерских предприятий. Разрешалось производство твердой и мягкой карамели, мармелада. Плиточный шоколад предназначался теперь только для нужд интендантства, Земского и Городского союзов и Красного креста⁷⁶⁴.

В сентябре 1917 г. была введена сахарная монополия – экспорт и импорт сахара, а также его продажа внутри страны отнесены к исключительной прерогативе казны. Внутренняя торговля могла производиться правительственными органами с заводов и складов, казенных лавок, а также на комиссионных началах из кооперативных и частных магазинов. Повсеместно вводилась единая цена: 56 рублей 80 копеек за пуд песка и 60 рублей за пуд рафинада. Контроль за всеми сахарными операциями перешел к Министерству финансов, на местах – к губернским и областным акцизным управлениям. «Центросахар» направлял все сахарные грузы только на адреса управляющих акцизными сборами.

В Восточной Сибири после некоторого перерыва, связанного с политическими событиями в стране, в апреле продажа сахара возобновилась. В городах упразднялась старая карточная система, новые продовольственные структуры вводили собственную. В целом острого дефицита в регионе не было, потому что местные продовольственные комитеты закупали и ввозили сахар из Маньчжурии. Большое количество сахара поступало контрабандным путем. Так, когда в Иркутске сахарная норма по карточке была уменьшена с 5 до 1,5 фунтов

⁷⁶⁴ Справочники о заседаниях Общегосударственного продовольственного комитета 2 и 3 сессий. 7 апреля – 5 мая 1917 г. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678652>

на человека, практически в три раза возросло потребление конфет – ежемесячно иркутяне съедали до 50 000 пудов или 50 вагонов. Все конфеты были на 90 % местного производства. Объяснить такие объемы выработки при официальном дефиците сахара и нормированной продаже можно было только его нелегальным ввозом⁷⁶⁵. После введения сахарной монополии контрабанда сахара приняла еще более широкие масштабы, в нее были вовлечены даже почтовые служащие, которые тайно переправляли из Владивостока грузы под видом простой корреспонденции⁷⁶⁶.

Общегосударственный продовольственный комитет не только не препятствовал закупкам сахара на востоке, но и рекомендовал усилить их. На одном из заседаний Восточно-Сибирского краевого продовольственного съезда 21–24 июля представитель Забайкальского областного продовольственного комитета М.А. Ваксберг докладывал: «В отношении сахара, получавшегося до последнего времени по нарядам «Центросахара», есть телеграммы, что наряды уже на июнь месяц по Забайкальской области аннулированы, и предложено перейти к получению заграничного сахара через уполномоченного во Владивостоке. Сахара в области хватит еще на август месяц, должен получиться еще один месячный наряд из России, а затем придется уже есть восточный сахар»⁷⁶⁷.

Во второй половине года в связи с падением курса рубля в Харбине, повышением железнодорожных тарифов стоимость сахара увеличилась.

⁷⁶⁵ Возобновление продажи сахара // Сибирь. 1917. 22 апреля. С. 2.

⁷⁶⁶ Синиченко В.В., Токарева Г.С. «Твердые цены» на сахар на востоке России в годы Первой мировой и Гражданской войн // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск, 2020. С. 185–189.

⁷⁶⁷ Восточно-Сибирский краевой продовольственный съезд // Иркутская жизнь. 1917. 22 сентября. С. 3.

§ 5.3 Обострение социальных противоречий и проблем

Решение продовольственного вопроса было связано в том числе с необходимостью урегулирования отношений между различными социальными группами, достижением консенсуса по поводу производства и распределения материальных ресурсов, а также преодоления наиболее острых социальных проблем. В этом отношении от пришедшего к власти после Февральской революции Временного правительства все ждали оперативных и действенных мер точно также, как надеялись на успешное разрешение и многих других назревших в стране вопросов (земельного, рабочего, национального и др.).

Однако в условиях продолжения войны правительство не смогло найти оптимальную форму взаимодействия с представителями частного капитала. Последние были недовольны многими начинаниями власти: введением уголовного преследования за вывоз валюты из России, запретом на ее продажу внутри страны, повышением ставок подоходного налога в 1,5–2,5 раза, обложении прироста прибыли в 1916–1917 гг. и др. Предприниматели жаловались, что такие меры разоряют их, несмотря на то, что в некоторых отраслях доходы оставались очень высокими. Общественность в свою очередь все настойчивее требовала контроля за деятельностью банков, промышленностью, введения ограничений на прибыль⁷⁶⁸.

Интересы торгово-промышленного класса (получение максимальной прибыли) вошли в острое противоречие с интересами рабочих (повышение заработной платы, ограничение рабочего дня, социальное страхование). В марте Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов подписал соглашение с Обществом фабрикантов и заводчиков о введении 8-часового рабочего дня и создании фабрично-заводских комитетов на частных предприятиях Петроградского района. В апреле был издан закон о собраниях и союзах, положивший начало широкому развитию профсоюзов во главе с Всероссийским

⁷⁶⁸ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война ... С. 520.

центральным советом профессиональных союзов. В мае принято постановление о рабочих комитетах на промышленных предприятиях, главной задачей которых являлось наблюдение за тем, чтобы не нарушались условия найма. Вслед за этим во всех регионах страны рабочие начали отстаивать свои права, добиваться введения 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты на 200–400 %, улучшения условий труда. В марте-начале апреля в России прошло 78 забастовок (44 000 участников), со второй половины апреля по 6 июля – 421 (573 160 человек). Число бастовавших в сентябре-октябре, по сравнению с летом 1917 г., выросло в пять раз и составило 2,4 млн человек⁷⁶⁹. С предпринимателями велись переговоры при посредничестве профсоюзов, советов рабочих и солдатских депутатов, которые для достижения компромисса предлагали рабочим ограничиться требованиями сокращения рабочего дня и 50 % надбавкой к зарплате.

Русские промышленники не смогли ничего противопоставить организованному профсоюзам и представителями социалистических партий рабочему движению. Состоявшие из представителей дворянства и различных кругов среднего класса, они не представляли собой сплоченной силы, не занимали единой позиции в отношении Февральской революции, а потому их политическое влияние и социальное положение были непрочными. Кроме того, российскому обществу была присуща антипредпринимательская культура – хотя крупные промышленники пользовались правительственной поддержкой, но традиционно подвергались критике и нападкам со стороны интеллигенции, прессы за неумное стремление к наживе, жадность, пренебрежение интересами народа⁷⁷⁰.

В Восточной Сибири, несмотря на слабость промышленного развития, ситуация в сфере трудовых отношений также перешла в острую конфликтную стадию. В марте 1917 г. Исполнительный комитет общественных организаций Иркутска принял временные правила о введении 8-часового рабочего дня и 50 %

⁷⁶⁹ Федоров А.Н. Городская социальная политика Временного правительства (март – октябрь 1917 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1099-gorodskaya-sotsialnaya-politika-vremennogo-pravitelstva-mart-oktyabr-1917-g>

⁷⁷⁰ Гэттрелл П. Промышленники и революция ... С. 528–540; Российская революция 1917 года ... С. 281.

увеличении зарплаты на предприятиях, работавших на оборону. Однако это вызвало недовольство тех, кто занимал низкооплачиваемые должности, потому что, например, увеличение на 50 % зарплаты сотрудников, получавших 200 рублей и 30 рублей, практически не имело никакого значения для последнего. Требовали увеличения оплаты труда рабочие и служащие не оборонных предприятий, извозчики (получавшие 50–70 рублей), продавцы (25–40 рублей) и высшие служащие аптекарских магазинов (50–80 рублей) и т.д. Последовали забастовки работников прачечных, ателье, квасоваренных, строительных, извозных, служащих предприятий общественного питания и гостиниц и др.

Развернулась борьба за повышение заработной платы низкооплачиваемых рабочих, на положении которых особенно сильно отражалось повышение цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Вопрос о заработной плате рабочих Сибири является одним из слабоизученных. По данным В.А. Скубневского в 1914 г. рабочие обрабатывающих отраслей Енисейской губернии получали в среднем 21,5 рублей в месяц, Иркутской губернии – 29 рублей, за военный период точных сведений нет. Известно, что оплата труда была выше на предприятиях металлообрабатывающего, лесопильного, пищевого производства, поскольку в них были заняты более квалифицированные рабочие, чем, например, на овчинно-шубных, пимокатных, кожевенных. В обрабатывающей промышленности зарплата была ниже, чем на железной дороге или золотодобывающих компаниях. В целом же доля неквалифицированного труда в Сибири была выше, чем в Европейской России. Необходимо учитывать, что такие многие виды занятости, требующие тяжелого физического, временного труда, как, например, у грузчиков, зачастую оплачивались поденно, а не помесечно. Существовали также значительные различия в зарплате в зависимости от пола и возраста⁷⁷¹.

⁷⁷¹ Скубневский В.А. Заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в период империализма // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец – начало XX в.). Новосибирск, 1981. С. 140–147.

Владельцы мелких и средних заведений не могли себе позволить увеличение расходов на заработную плату рабочих или не хотели, тех, кто добивался ее увеличения, просто увольняли или сворачивали производство. Советы рабочих депутатов через профессиональные союзы, «примирительные камеры» пытались согласовывать интересы работников и работодателей. Местные советы препятствовали закрытию некоторых предприятий (Троицкий солеваренный завод в Канском уезде Енисейской губернии). На приисках Южноенсейской тайги рабочие создавали продовольственные комиссии, которые описывали запасы продуктов у золотопромышленников, начали осуществлять учет и контроль за их распределением⁷⁷².

Рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости вызвал значительное снижение реальной заработной платы, которая к октябрю снизилась примерно в два раза в сравнении с уровнем 1913 г. «Вестник Иркутского совета рабочих депутатов» писал, что идея введения определенного минимума оплаты труда наиболее низкооплачиваемых сотрудников представлялась для местных властей неразрешимой проблемой, потому что была связана с необходимостью разработки документации по нормированию труда в разнообразных ремесленных и торгово-промышленных предприятиях города. Фабрично-заводская промышленность была развита слабо, не существовало стандартизированных расценок, которые в Европейской России обычно складывались под влиянием рыночной конъюнктуры, регулировались инспекторами и рабочими организациями. Зарплата рабочих и служащих отличалась крайней пестротой, зависела от разных традиций, установленных предпринимателями, старшими служащими, мастеровыми и т.д. Власти не представляли, каким образом следовало согласовывать запросы представителей различных профессий: «Несомненно одно: заработная плата, удовлетворяющая одних, например, часовщиков, ювелиров, высококвалифицированных рабочих в металлургической

⁷⁷² Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 144–153.

и печатной промышленности, не может удовлетворить средних и низших служащих, работников торгово-промышленных предприятий и мастерских»⁷⁷³.

Дороговизна, нараставший дефицит, бесконечные очереди вызвали озлобление жителей городов. Так, в если мае 1917 г. городской продовольственный комитет Красноярска отмечал нехватку продовольствия и товаров первой необходимости, длительные перебои с поставками, то в октябре у магазинов собиралась многочисленная толпа, очереди сопровождались драками и жестокими потасовками: «С утра до вечера у лавки стоят огромные хвосты публики и происходят безобразия. В хвосте одной женщине сломали руку, другую женщину так тиснули, что она тут же стала мучиться родами, у третьей сломали ребро и так далее»⁷⁷⁴. Во избежание эксцессов, сохранения общественного порядка в города вводили солдат.

Крестьяне Восточной Сибири сразу после получения известий о Февральской революции в основном поддержали курс Временного правительства на продолжение войны до победного конца, выразили готовность поставлять хлеб для армии, где находились их отцы, мужья, сыновья. Решение вопроса о земле были согласны передать на усмотрение Учредительного собрания, но высказывали требование о переходе всех земель в общенародное достояние. Они осознавали необходимость продолжения выплаты податей, хотя опасались увеличения налогового бремени на содержание новых органов местного самоуправления, участвовали в «Займе Свободы», преследовали дезертиров, собирали пожертвования на нужды армии⁷⁷⁵.

В зависимости от местных условий, состава населения, его занятий требования варьировались: в земледельческих и скотоводческих районах крестьянство требовало увеличения наделов, в таежных – ставился также вопрос о свободном использовании охотничьих и промысловых угодий, близ Байкала и устья Енисея – порядке рыбной ловли и т.д. Поднимались вопросы

⁷⁷³ О заработной плате // Вестник Иркутского совета рабочих депутатов. 1917. 25 марта. № 6. С. 3.

⁷⁷⁴ Красноярск // Армия и народ. 1917. № 1. 17 мая. С. 5; Красноярские хвосты // Сибирь. 1917. 24 октября. С. 3.

⁷⁷⁵ Пробудившаяся деревня // Сибирь. 1917. 4 мая. С. 3.

лесопользования, крестьяне отказывались подчиняться лесничим, устраивали незаконные порубки (в Минусинском, Ачинском, Канском уездах Енисейской губернии). Власть стремилась успокоить крестьянство, сохранить прежний порядок землепользования и выплаты налогов до созыва Учредительного собрания. Кабинетские земли и леса были признаны государственными и переданы в ведение Министерства земледелия, а подати с них собирало государственное казначейство. В Забайкальской области, где была значительной доля удельных земель, крестьянство осталось недовольно, поскольку не увеличилась площадь использовавшихся ими земель, не изменилась система лесопользования, повинности остались прежними. Крестьянские и казачьи общества самовольно захватывали кабинетские земли, отказывались от уплаты податей⁷⁷⁶.

На Первом съезде крестьянских депутатов Енисейской губернии в июне 1917 г. выдвигались такие требования к власти, как отмена частной собственности на землю, передача всех кабинетских, церковных, частновладельческих земель в пользование народа, установление нормы земельного надела 15 десятин на душу мужского пола в земледельческих районах и 50 десятин в районах скотоводческого хозяйства, содержание штатов волостной и уездной милиции за счет государства и др. Отдельным пунктом рассматривался продовольственный вопрос. Делегаты высказались против создания продовольственных комитетов, которые называли бюрократическими структурами Временного правительства, отмечали тот факт, что их главной заботой было обеспечение городского населения, но не сельского. Они считали, что решение таких вопросов, как сбор зерновых и их хранение, распоряжение сельскохозяйственным инвентарем, направление на полевые работы солдатских дружин и отрядов военнопленных, лов промысловой рыбы целесообразно было бы передать земельным комитетам, члены которых избирались населением на месте. Высказывались против участия в работе продовольственных комитетов представителей «буржуазии», за усиление

⁷⁷⁶ Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. / Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975. С. 69–126.

их сотрудничества с кооперативами. Считали, что необходимо поставить на учет Центрального губернского продовольственного комитета трудовые дружины из пленных и солдат, чтобы тот направлял их в уезды для работы в хозяйствах наиболее нуждавшегося населения, в том числе солдаток. Кроме того, крестьяне настаивали на введении государственной монополии на товары первой необходимости (хлеб, сахар, чай, железо, мануфактуру, кожевенные изделия, сельскохозяйственные машины и др.), что означало установление полного контроля за их производством и распределением их по карточкам и твердым ценам. От правительства требовали, чтобы продовольственные комитеты своевременно получали денежные средства в объемах, достаточных для закупки хлеба, мяса и рыбы, как для армии, так и местного населения, чтобы у них была возможность оборудовать или арендовать склады, транспортировку продуктов к ним и т.д. Вопросы обеспечения крестьян, пострадавших от неурожая, семенным материалом должны были решаться уездными продовольственными комитетами своевременно, с учетом сроков весенних полевых работ. Всем категориям крестьян следовало открывать выдачу беспроцентных ссуд, освободить от уплаты податей и сборов слабые крестьянские хозяйства и хозяйства солдаток. При каждом волостном продовольственном комитете создать должность монтера по ремонту сельскохозяйственной техники. Для изыскания средств на все эти мероприятия государству предлагалось пойти на широкую налоговую реформу: отменить все прямые и косвенные налоги и ввести единый «прогрессивно-податной» налог, конфисковывать предпринимательскую прибыль свыше 15 %⁷⁷⁷.

Главной причиной того, что крестьяне стремились передать продовольственное дело земельным комитетам заключалась в том, что последние стали играть роль «социального амортизатора» – с одной стороны выступали за сохранение государственной вертикали власти, с другой – стремились согласовывать все вопросы землепользования с крестьянской выборной

⁷⁷⁷ Протоколы первого губернского крестьянского съезда Енисейской губернии, 20-29 июня 1917 г. Красноярск, 1917. 87 с.

администрацией, учитывать интересы населения. Земельные комитеты часто санкционировали любые крестьянские требования, поэтому крестьяне признавали законными именно их решения. Волостные продовольственные комитеты избегали вступать в конфронтацию с крестьянскими земельными комитетами. Таким образом ситуация в сибирской деревне выходила из-под контроля местной администрации, зависела от действий органов, сформированных крестьянами⁷⁷⁸.

Как и в других регионах страны, после введения государственной хлебной монополии и твердых цен сибирские крестьяне сократили подвоз хлеба на городские базары. Резко отрицательно отреагировали на известие о требованиях рабочих ввести 8-часовой рабочий день, повысить зарплату, считали это несвоевременной мерой в условиях продолжения войны. Нараставший дефицит ткани (мануфактуры), обуви, изделий легкой промышленности, нехватки сельскохозяйственных машин крестьяне увязывали с усилением рабочего движения. В октябре из Иркутской губернии газеты сообщали: «Рабочим крестьяне хлеба давать не согласны. Ибо рабочие своими забастовками и домогательствами высокой заработной платы лишили крестьян возможности получать товар фабрично-заводской промышленности»⁷⁷⁹. На заседании Забайкальского областного продовольственного комитета председатель докладывал о ситуации в деревне: «Крестьяне говорят, что, не получая от города мануфактуры, железа и других продуктов, они не будут давать городу хлеба, причем излишки хлеба будут отправлять только в армию»⁷⁸⁰.

К осени в сибирской деревне наблюдалось усиление социального напряжения, общей конфликтности при слабости правоохранительных органов. Свободу революционной эпохи многие воспринимали как произвол, возможность «кому угодно и что угодно делать безответственно и безнаказанно», широкое распространение получили самовольные захваты покосов, земельных угодий, порубки лесов. Местные административные органы неоднократно выступали с

⁷⁷⁸ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири ... С. 44–49.

⁷⁷⁹ Губернское продовольственное совещание // Единение. 1917. 28 сентября. С. 3.

⁷⁸⁰ Продовольственные вопросы // Забайкальская новь. 1917. 11 октября. С. 3.

обращениями, в которых звучали требования соблюдения действующих законов и общественного порядка⁷⁸¹. Продовольственные комитеты обращались в Министерство продовольствия с сообщениями, что крестьяне игнорировали их постановления, практически прекратили подвоз хлеба⁷⁸².

Временное правительство также столкнулось с массой социальных проблем, которыми пришлось заниматься под давлением чрезвычайных обстоятельств, оказывать помощь многим категориям нуждавшихся в экстренном порядке. Главной тенденцией государственного курса в этих вопросах стала передача конкретных полномочий и ответственности местным органам самоуправления и общественным организациям, на центральных ведомствах лежала задача объединения и финансирования их деятельности⁷⁸³.

Одним из самых острых социальных вопросов стала организация помощи солдатским семьям. С весны 1917 г. когда стала стремительно разрушаться сеть благотворительных организаций, в правительство со всех концов страны поступали требования и постановления советов солдатских и рабочих депутатов, общественных организаций, прошения солдат и солдаток об уравнении внебрачных семей с законными в правах на паек. Не менее наболевшим был вопрос о пайке для семей нижних чинов срочной службы. По закону он выплачивался только с того момента, когда заканчивался срок обязательной службы, и солдаты оставались в войсках по военным обстоятельствам. На обязательной службе без пайка находились призванные в 1914–1919 гг., общая численность которых составляла до 4 млн человек. В связи с досрочным призывом молодежи с 18–19 лет вопрос о дефиците рабочих руках в крестьянских хозяйствах еще более обострился, снижение их экономической устойчивости вызывало массовые ходатайства о распространении права на паек на семьи солдат срочной службы. Актуальным вопросом была организация помощи семьям тех солдат, которые добровольно сдались в плен. Требование

⁷⁸¹ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. С. 18.

⁷⁸² Горюшкин Л.М. Крестьянское движение ... С. 134.

⁷⁸³ Павлова И.П., Катцина Т.А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 134–140.

восстановить их право на государственное обеспечение выдвигал Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов солдатских и рабочих депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов.

До лета 1917 г. продолжали функционировать городские, волостные и уездные попечительства о семьях призванных солдат (в дальнейшем в связи с реформой местного самоуправления планировалась замена волостных попечительств волостными земскими собраниями или управами, место городских попечительств должны были занять участковые попечительства или исполнительные комиссии, которые формировали городские управления). В их деятельность начали активно вмешиваться солдатки. Принимая непосредственное участие в распределении ассигновавшихся средств из казны, они рассчитывали «навести порядок» в деле попечения. Повсеместно солдатки выдвигали массу новых требований: добивались выдачи полного пайкового довольства детям до 5 лет и в половинном размере подросткам 13–16 лет, выплаты квартирных денег, настаивали на включении в состав пайка дополнительных продуктов (сливочного масла, картофеля, чая и др.). Советы рабочих и солдатских депутатов также направляли своих представителей в попечительства для осуществления контроля. В результате состав попечительств покидали сотрудники, работавшие ранее на добровольных началах, и теперь не желавшие подчиняться грубым указаниям солдаток и советов.

В апреле 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал проект нового закона о казенном пайке для семей призванных. Предлагалось сделать паек во всех местностях страны 20 рублей, как для взрослых, так и детей, а также уравнивать в правах гражданских жен. После подсчета, оказалось, что на его реализацию потребовалось бы 7 млрд 200 млн рублей. Всем было очевидно отсутствие таких средств у государства. Циркуляром

на места Временное правительство потребовало прекратить распространившуюся практику увеличения продовольственного пайка солдатским семьям⁷⁸⁴.

С течением времени вопрос о пайках становился все более острым. Размеры выплат отставали от роста цен на продовольствие. Одновременно из-за «оскудения местных бюджетов, снижения притока пожертвований и развала благотворительных структур» происходило сокращение дополнительных пособий на квартиры, топливо, одежду и т.д. Лишались помощи и другие категории жертв войны: сироты, инвалиды, раненые и их семьи⁷⁸⁵.

Под натиском солдат и их семей 22 июня 1917 г. правительство приняло закон о распространении правил призрения семей солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер. По ходатайству солдата внебрачная жена и дети приравнивались к законным в отношении получения пайка, остальным родственникам и бездетным гражданским женам паек полагался только, если до войны они содержались трудом призванного солдата. При наличии законной семьи внебрачная правом на паек не пользовалась. Правительство увеличивало как размер пособия, так и категории лиц, которым оно выплачивалось, в результате число получателей пайка превысило 35 млн человек, расходы на пайки стали основной статьей расходов Министерства внутренних дел: «В 1914 г. на пайки было израсходовано 190,6 млн, в 1915 г. – 623,7 млн, в 1916 г. – 1 млрд 106,8 млн рублей. В 1917 г. предполагалось истратить до 3 млрд рублей (на начало года). Если в начале войны паек обходился в 2–3 рубля, то в 1917 г. – в 10–15 рублей»⁷⁸⁶. По словам Л.А. Булгаковой, судорожные попытки министров и чиновников согласовать требования социальной справедливости с финансовыми

⁷⁸⁴ О порядке изменения стоимости продовольственного пайка // Сибирь. 1917. 2 мая. С. 2; О казенном пайке // Армия и народ. 1917. № 1. 17 мая. С. 3.

⁷⁸⁵ Катцина Т.А. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6 (36). С. 678.

⁷⁸⁶ Павлова И.П. Социальное попечение в России ... С. 140.

возможностями государства в условиях экономической разрухи были совершенно безрезультатными и бессмысленными⁷⁸⁷.

В восточносибирских губерниях вопрос о положении гражданских солдатских семей являлся не менее актуальным, потому что внебрачное сожителство было распространенным явлением даже среди крестьян. Весной 1917 г. местные власти, советы, солдатки стали направлять Временному правительству требования незамедлительно решить вопрос с обеспечением солдатских семей. Иркутский Совет рабочих и военных депутатов обращался к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов о повышении пайка семьям призванных до 10 рублей в связи с ростом цен на продукты питания. Исполнительная военная комиссия Иркутска ходатайствовала перед правительством об уравнивании в правах гражданских семей на получение продовольственного пайка. Как и на все подобные просьбы следовал ответ, что вопрос о повышении пайка рассматривался правительством, а пока рекомендовалось обращаться за помощью в губернские присутствия⁷⁸⁸.

29 марта 1917 г. председатель Исполнительного комитета общественной безопасности Красноярска В.М. Крутовский адресовал в Министерство внутренних дел копию журнала Общего присутствия Енисейского губернского правления от 23 марта с ходатайством о пересмотре закона 25 июня 1912 г., назначении выплат за счет казны внебрачным семействам призванных в войска. В журнале указывалось, что прошения о выдаче внебрачным семьям призванных продовольственного пособия наравне с законными поступали с первых дней войны. Губернские власти передавали их в местные отделения Елизаветинского комитета, которые не располагали достаточными средствами для ежемесячных

⁷⁸⁷ Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001. С. 483.

⁷⁸⁸ К улучшению положения внебрачных семей призванных по мобилизации // Сибирь. 1917. 12 апреля. С. 2; Увеличение пайка // Сибирь. 1917. 9 мая. С. 3.

выплат в таком размере⁷⁸⁹. В это же время Енисейский комитет общественной безопасности требовал от В.М. Крутовского немедленного разрешения проблемы на месте, не дожидаясь ответа от правительства. В противном случае обещал довести до сведения населения информацию о том, что правительственные комиссары затягивают решение этой проблемы. В.М. Крутовский сообщал в Министерство внутренних дел, что Енисейский комитет общественной безопасности проявлял «полную автономию, игнорировал законы и существовавшие положения»⁷⁹⁰.

Власти и общественные организации безуспешно пытались самостоятельно решить этот вопрос. На заседании городской думы Иркутска 9 мая 1917 г. комиссия гласных представила проект реорганизации системы помощи семьям призванных в городе. По проекту членами нового попечительского комитета могли стать как отдельные лица, так и организации и учреждения. Средства попечительства должны были пополняться за счет государственных ассигнований, отчислений городской думы и благотворительных комитетов, а также различного рода мероприятий (сборов, гуляний и т.п.). По подсчетам комиссии, которая исходила из реальной стоимости продуктов на местных рынках, минимальный размер пайка на человека должен был составлять 17 рублей 10 копеек в месяц. Внебрачным и законным семьям, доход которых не достигал 10 рублей в месяц на человека, необходимо было выплачивать дополнительные пособия. По Иркутску в среднем ежемесячно выплачивалось 12 000 пайков, на что требовалось 205 200 рублей. Из казны ежемесячно выделялось лишь 81 360 рублей, городу требовалось найти еще 115 840 рублей. Гласные указывали на полное отсутствие денег в городской казне, смета Иркутска ежегодно сводилась с дефицитом. Даже в случае согласия городской думы перечислять необходимые средства, такое постановление осталось бы лишь

⁷⁸⁹ Булгакова Л.А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 183–214.

⁷⁹⁰ Цит. по: Дементьев А.П., Коновалова О.В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Красноярск, 2018. С. 43.

благим пожеланием. В кассе прежнего городского попечительства о семьях призванных осталось в наличии лишь 49 000 рублей. В результате было принято решение о повышении пайка с 5 рублей 32 копеек до 6 рублей 78 копеек. Вопрос об изыскании средств участники заседания поручили разработать финансово-бюджетной комиссии. Участники заседания с возмущением подчеркивали, что дело помощи семьям призванных является обязанностью государства, которое должно в этих целях ввести прогрессивный подоходный налог⁷⁹¹.

По примеру множества других союзов, образованных после Февральской революции 1917 г., в Иркутске возник Союз солдаток. Солдатки видели его цель в том, чтобы добиваться от государства материальной поддержки. Долгое время объединение существовало формально, летом при содействии городских властей было найдено помещение, нанято два человека для работы в канцелярии, организована швейная мастерская. С наступлением холодов Союз ходатайствовал перед городскими властями о продаже беднейшим солдаткам дров по пониженной стоимости. Женщины также просили городское самоуправление решить вопрос о бесплатном обучении их детей, снабжении их учебниками и горячими завтраками. В преддверии зимы встал вопрос о теплой одежде и обуви для школьников. С этой целью планировался фургонный сбор вещей и кружечные сборы⁷⁹².

В июле поступило распоряжение Временного правительства обследовать материальное положение солдаток с тем, чтобы определить среди них наиболее нуждавшихся. Комиссия иркутской городской думы обратилась с воззванием ко всем правительственным, общественным, профессиональным организациям города об оказании помощи в проведении обследования, потому что у города не хватало сотрудников. Гласные просили предоставить данные о материальном положении солдатских семей те учреждения и организации, которые располагали

⁷⁹¹ Из зала городской думы // Сибирь. 1917. 11 мая. С. 2.

⁷⁹² В союзе солдаток // Сибирь. 1917. 25 июля. С. 2; Несколько слов о союзе солдаток // Сибирь. 1917. 3 октября. С. 2.

такowymi, а также откомандировать по несколько человек для учета семей, нигде не зарегистрированных⁷⁹³.

В сельской местности система финансовой и трудовой помощи солдатским семьям деградировала. В апреле 1917 г. Временное правительство обратилось к органам местного самоуправления с воззванием приложить все усилия к засеву полей призванных. Однако волостные управления и односельчане считали, что заботиться о семьях призванных должно правительство, оправдываясь отсутствием средств и возможностей. Показательной является ситуация в селе Тангуй Нижнеудинского уезда. 27 апреля здесь состоялось волостное совещание, на котором выяснилось, что у нескольких самых бедных семей призванных и вдов не было ни семян, ни средств на их приобретение. Требовалось купить до 2 000 пудов зерна и раздать его бесплатно. Крестьяне возбудили телеграфное ходатайство перед уездным исполнительным комитетом о немедленном предоставлении 3 000 рублей, которые, по их мнению, следовало запросить из казны. Хлеб из общественных хлебозапасных магазинов решили выдавать в ссуды более состоятельным солдаткам, которые могли его вернуть после получения урожая. По вопросу об оказании трудовой помощи постановили: принудительно отправлять на работы по обработке полей односельчан, но оплатить их работу по установленной таксе (6–9 рублей за вспаханную десятину). Те участки, которые солдатки не могли засеять, решили отдавать для возделывания каждому желающему при условии оплаты подати при раскладке поземельного налога⁷⁹⁴.

Компенсировать нехватку мужских рабочих рук за счет использования сельскохозяйственной техники крестьянские семьи переселенцев и малосостоятельных старожилов не могли себе позволить и до войны. Переселенческие склады в Сибири за время аграрной реформы П.А. Столыпина значительно отошли от своей главной задачи (помощи хозяйствам путем снабжения их инвентарем, семенами и другими товарами), работали только на

⁷⁹³ Паек солдаткам // Сибирь. 1917. 20 октября. С. 2.

⁷⁹⁴ Село Тангуй Нижнеудинского уезда // Сибирь. 1917. 6 мая. С. 3.

прибыль. Причиной стала слабая финансовая поддержка со стороны государства: переселенческие склады, чтобы выжить, должны были коммерциализировать свою деятельность. В военный период в деревнях существовал дефицит даже простых земледельческих орудий, старые изнашивались, новых не было в продаже⁷⁹⁵.

Солдаты тыловых гарнизонов знали о проблемах своих семей, видели ухудшение продовольственной ситуации, что вызывало у них стремление самостоятельно навести порядок в экономике и политике, избавиться от «внутренних врагов». Вместе с тем получали распространение такие неприглядные формы их поведения как беспричинные длительные отлучки из воинских частей, дезертирство, пьянство, участие в городских беспорядках. Солдаты отказывались исполнять приказания начальствующих лиц, начали выдвигать анархистские требования о роспуске местных продовольственных органов, захвате банков и т.д.⁷⁹⁶.

19 сентября 1917 г. в Иркутске состоялось экстренное заседание Совета военных депутатов под председательством командующего войсками Иркутского военного округа поручика А.А. Краковецкого. Причиной собрания стали солдатские митинги на улицах города, вызванные ростом цен на все продукты питания, тяжелым положением беднейших слоев населения. Участники заседания говорили о необходимости решительных мер в сфере продовольственного обеспечения (повальных обысков торговцев, решительной борьбы со спекуляцией и т.п.) и пресечения несанкционированных собраний в войсковых частях, которые могли привести к подрыву воинской дисциплины, различным эксцессам. На следующий день были произведены аресты лиц, поддерживавших анархические течения. В ответ на это солдаты 11 и 12 полков отказались приступить к занятиям, разобрали винтовки и патроны. От прибывшего А.А. Краковецкого потребовали освобождения арестованных товарищей, а затем арестовали его самого.

⁷⁹⁵ Северьянов М.Д., Сафронов С.А. Деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири в период Столыпинских реформ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2. С. 40–50.

⁷⁹⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война ... С. 538.

Исполнительная военная комиссия снарядила отряд юнкеров и прапорщиков для спасения командующего. Артиллерийская и ружейная перестрелка продолжались до ночи, к утру солдаты сложили оружие. 22 сентября в военных частях навели порядок. В городе были усилены караулы по охране казначейства, банков, телеграфа, телефонной станции, понтонного моста. Совет военных депутатов опубликовал обращение к населению с требованием сохранять спокойствие: «Не слушайте призывов, направленных к нарушению порядка, не поддавайтесь агитации темных личностей. Прежде, чем пойти, подумайте, куда они вас зовут. Знайте, что наши революционные организации делают все возможное, чтобы сохранить порядок, чтобы облегчить продовольственную нужду и уменьшить все растущую разруху»⁷⁹⁷.

После этих событий губернский комиссар А.Н. Кругликов созвал совещание, на котором присутствовали представители губернского, городского, гарнизонного продовольственных комитетов, кооперативов, торговцы и промышленники. Представитель Военной исполнительной комиссии отметил, что одной из основных причин выступления в иркутском гарнизоне стала ситуация с продовольствием: «Продовольствие всех бьет. Все ощущают дороговизну, всем она тяжела. И кто будет спорить с нами, что тяжелее всего она приходится солдату, солдатской семье. Нищенский паек и бесконечные хвосты <...> Нужно уменьшить продовольственную остроту. Нужно знать, что нивы народа, как и нивы гарнизона – это клокочущий вулкан. Нужно его разрядить, иначе будет взрыв»⁷⁹⁸.

В Енисейской губернии в создававшихся советах рабочих и солдатских депутатов преобладали социал-демократы большевистского толка и левые эсеры. Формально не обладая властными полномочиями, они активно вмешивались в деятельность властей. В числе прочего занялись регулированием цен на продовольствие, вели борьбу со спекуляцией, стремились взять под контроль

⁷⁹⁷ Волнения в Иркутском гарнизоне // Иркутская жизнь. 1917. 23 сентября. С. 3.

⁷⁹⁸ Гарнизон, продовольственники и купечество // Сибирь. 1917. 5 октября. С. 2.

существовавшие предприятия, принимая участие в урегулировании производственных конфликтов и др. Вопрос о положении солдат и их семей ставился ими в контексте максимального обострения «классовых противоречий»⁷⁹⁹. Так, на собрании солдатской секции Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов с участием делегатов от Ачинска и Минусинска 23 сентября 1917 г. обсуждалось сообщение о всероссийской забастовке железнодорожников, которые требовали улучшения условий труда. В результате обсуждения депутаты решили поддержать забастовку, и в свою очередь, также выдвинуть требования правительству об увеличении пайка солдатским семьям. Для изыскания средств они предлагали «конфисковать прибыли, нагребленные во время трехлетней братоубийственной бойни господами капиталистами», имущество царской семьи, монастырские и церковные ценности, «отменить жалованье и пенсии у всех старых царских слуг», «уравнять жизненный быт всех воинов, начиная с рядового и кончая генералом»⁸⁰⁰.

В военных частях функции командования переходили к выборным солдатским органам, в деятельности которых прослеживались признаки произвола, развала дисциплины. В конце октября 1917 г. на заседании Окружного бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири в Иркутске прибывшая из Красноярского гарнизона делегация нарисовала картину хозяйственной разрухи в полках: не хватало шинелей, папах, белья, одеял и др. Те, кто ехал на фронт, и отправлялся из-за ранений домой, требовали новое обмундирование, отказывались брать ношенные вещи. С 1 января по начало ноября 1917 г. через гарнизон прошло 14 000 человек, а шинелей отпущено только 3 660 штук. Ссылаясь на отсутствие обмундирования, солдаты отказывались заниматься строевой и военной подготовкой, празднично слонялись по городу. Приходилось устраивать облаву на барахолке, чтобы собрать их в караул. Наказания за проступки были отменены, ротный и полковой суды не выносили обвинительных

⁷⁹⁹ Дементьев А.П., Коновалова О.В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии ... 63–81.

⁸⁰⁰ Красноярск // Единение. 1917. 8 октября. С. 3.

приговоров, потому что судьям открыто угрожали. Командующий войсками Иркутского военного округа выразил удивление на это сообщение, окружной интендант также отметил, что требования красноярцев об обмундировании были удовлетворены. Оказалось, что в Красноярске за хозяйственную часть отвечал не командир, а полковой комитет, по вине которого и возникла сложившаяся ситуация. Председатель Окружного бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири А. Черкунов отметил, что не в первый раз уже слышал о том, что руководство красноярского гарнизона не могло установить дисциплину и навести порядок. Например, в августе 1917 г. в Енисейской губернии крестьяне сокращали подвоз хлеба на городские рынки, объясняя это тем, что некому было его молотить. Представители военного гарнизона Канска предложили отпускать на полевые работы 20 % солдат, а не 5 %, как было указано в законе. Вопреки запрету Окружного бюро советы солдатских депутатов разрешили воинским гарнизонам в Красноярске и Канске отпускать солдат на полевые работы. Совет офицеров во главе с полковником С.С. Толстовым пытался навести порядок, однако солдаты отказались сдать оружие и подчиняться приказам⁸⁰¹.

Выводы по главе 5

После Февральской революции 1917 г. начался процесс реформирования системы центральных и региональных продовольственных органов. Решение кадровых, технических, организационных, финансовых вопросов растянулось на длительный период, потому что многие аспекты их деятельности не были прописаны законодательно. Власть не имела четкой программы решения продовольственного вопроса, многие указы и постановления принимались под давлением обстоятельств. Из-за отсутствия концептуальной программы оставались не до конца ясными многие принципиальные основания

⁸⁰¹ В сельскохозяйственной секции // Известия Исполнительного комитета Общественных организаций города Иркутска. 1917. 30 марта. С. 2; От Окружного бюро // Единение. 1917. 6 октября. С. 2.

продовольственной политики (например, на каких условиях привлекать частный торговый аппарат к заготовительным операциям), принимались решения, для практического воплощения которых не существовало условий (введение государственной хлебной монополии при отсутствии устойчивого аппарата заготовок на местах, слабости вновь создаваемой милиции). Сотрудники продовольственных комитетов на местах понимали все несовершенство предпринимаемых ими мер, однако работая под началом Временного правительства, рассматривали свою деятельность также в качестве временной, направленной лишь на то, чтобы снять остроту продовольственного вопроса в ожидании завершения войны и проведения выборов в Учредительное собрание. Предполагалось, что в дальнейшем органы власти должны будут окончательно разрешить продовольственные затруднения в рамках новой экономической стратегии страны.

Система продовольственных органов в Восточной Сибири складывалась медленно – некоторое время действовали прежние дореволюционные продовольственные структуры, формирование губернских, уездных, районных, волостных продовольственных комитетов затянулось до лета. Правительственный курс на демократизацию их кадрового состава на практике привел к тому, что в них стали работать сотрудники, не имевшие опыта работы в продовольственной сфере, тем более в военных условиях. Зачастую они видели своей главной целью защиту интересов только тех социальных или профессиональных групп, от которых и были делегированы. В результате многие решения продовольственных комитетов вызывали недовольство и нарекания со стороны населения. Практически отстраненные от участия в их работе представители частного капитала также развернули жесткую критику, тем самым повышая градус общественного недовольства. Активно вмешивались в их деятельность советы депутатов, полковые комитеты, общественные организации и др. Продовольственные комитеты не получали существенной поддержки со стороны

органов местного самоуправления и милиции, которые также находились в стадии реформирования.

Прежде губернаторы являлись уполномоченными Особого совещания по продовольствию. Назначавшиеся Временным правительством комиссары обладали лишь правом общего контроля за деятельностью продовольственных комитетов. Вся полнота власти в продовольственной сфере на местах перешла к губернским продовольственным комитетам, которые пытались продолжить работу по основным направлениям продовольственного обеспечения населения, которые в годы войны были намечены генерал-губернатором и губернаторами (борьба со спекуляцией, наблюдение за хлебозапасными магазинами, контроль за работой городских продовольственных комитетов, помощь золотодобывающим компаниям в снабжении рабочих). Однако те общие экономические, финансовые, транспортные условия, которые складывались в стране не позволяли им принимать эффективные решения и не способствовали благоприятному разрешению продовольственного вопроса. Борьба со спекуляцией требовала более радикальных мер, чем таксировка или установление твердых цен, потому что торговля принимала нелегальный характер, широкое развитие получила контрабанда маньчжурских товаров. Решение правительства принимать хлеб из хлебозапасных магазинов по сниженной цене в рамках реализации закона о хлебной монополии положило начало развала хлебозапасной системы. Практически единственным инструментом в руках городских продовольственных комитетов стали закупочные операции, которые велись за счет государственного финансирования и в долг. Обеспечение продовольствием рабочих золотодобывающих предприятий не могло осуществляться успешно в то время, как их владельцы стремились сократить объемы добычи золота.

Продовольственный рынок трансформировался под влиянием постоянного роста дороговизны и дефицита. Весной 1917 г. введение хлебной монополии к значительному увеличению поставок не привело, хотя вывести страну из фазы острого кризиса удалось. В целом хлебная монополия проводилась бессистемно

из-за отсутствия развитого государственного торгового аппарата, колебания твердых цен, отсутствия правильной организации дела в продовольственных комитетах на местах. К осени продовольственная ситуация в стране снова обострилась из-за исчерпания запасов, коллапса на железной дороге и отсутствия заинтересованности крестьян в сдаче хлеба государству. Армия, столичные и другие крупные города жили в режиме ожидания текущего подвоза. В Восточной Сибири, напротив, весной и летом 1917 г. положение стабилизировалось. Губернские, городские продовольственные комитеты, частные лица покупали на харбинском рынке продовольственный, семенной хлеб и фураж, им даже удалось создать определенный запас – на 3–4 месяца. Однако летом в Маньчжурии произошло резкое падение курса рубля, осенью в Иркутской губернии и Забайкальской области был получен плохой урожай, ситуация на железной дороге значительно ухудшилась (стало невозможно доставить зерно даже из Енисейской губернии). В результате последовало значительное повышение цен на зерновые, запасы таяли день ото дня, меры продовольственных комитетов по строгой экономии и нормировке хлеба вызвали панику и озлобление людей.

Общегосударственный продовольственный комитет Временного правительства разработал и реализовывал план разверстки скота в целях обеспечения не только армии, но и тылового населения. В 1917 г. заготовки шли тяжело, в стране назрели серьезные меры по развитию скотоводства. Идея введения мясной монополии правительство отвергло, поскольку не располагало инфраструктурой по скупке, хранению, перевозке значительных объемов мяса, а также аппаратом для контроля за забоем и продажей скота в сельской местности. В результате приступили к сокращению норм потребления на фронте и в тылу. По общему плану разверстки Восточная Сибирь должна была поставить 7,5 % количества скота, подлежащего заготовке. Снабжение городов региона шло через Монгольскую экспедицию, которая продолжила работу и после февраля 1917 г. До осени подвоз мяса в города был постоянным, хотя его стоимость росла. Резкий перелом произошел в июле (как и с хлебом), когда из-за девальвации

рубля сократились закупки в Маньчжурии. Сибирские крестьяне не хотели продавать мясо по твердым ценам, которые считали низкими. В октябре-ноябре на рынках складывалась следующая ситуация: слабый подвоз, ажиотажный спрос, карточная система, сокращение нормы продажи.

В условиях усиливавшейся дороговизны и дефицита сахара Временное правительство вначале пошло по пути сокращения его потребления путем введения карточек по всей стране, снижения норм выдачи, сворачивания кондитерского и кондитерского производства, а осенью приступило к закупкам за границей одновременно с введением государственной сахарной монополии. Население Восточной Сибири такого острого дефицита как в Европейской России не испытывало, потому что с разрешения правительства продовольственные комитеты покупали сахар в Маньчжурии, кроме того, значительное его количество поступало оттуда контрабандным путем. При введении сахарной монополии С.В. Востротин добился разрешения частным лицам ввозить сахар в регион через Северный морской путь, хотя реализовать его на практике в дооктябрьский период не удалось.

В условиях продолжавшейся войны новая власть не смогла урегулировать социальные конфликты и решить наиболее острые социальные проблемы, что привело к росту общей напряженности при слабости правоохранительных органов. В Восточной Сибири, как и в других регионах страны, в попытках примирить интересы представителей частного капитала и рабочих предпринимались шаги по урегулированию трудовых отношений, однако это лишь усиливало старые и порождало новые противоречия. Угрожающие масштабы приобретала проблема оказания помощи солдатским семьям. В условиях бессилия государства в среде солдат тыловых гарнизонов росло возмущение, желание навести порядок самостоятельно. Таким образом, необходимость добиваться военных побед на фронте стремительно отступала перед натиском злободневных внутренних проблем, среди которых одним из самых острых был продовольственный вопрос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На развитие продовольственной ситуации в Восточной Сибири, а также систему мер центральных и региональных властей по преодолению продовольственного кризиса в условиях Первой мировой войны важное влияние оказали незавершенный характер освоения территории, а также правительственный курс, согласно которому ей отводилась роль сырьевого резерва государства. Вопрос включения Восточной Сибири в общее экономическое и институциональное пространство страны еще не был решен. Продолжалось переселенческое движение и хозяйственное освоение: возникали новые населенные пункты, развивалась инфраструктура (пути сообщения, телеграф), велись работы по картографированию, изучению природных ресурсов и др. Административная система управления сохраняла специфические черты (институт генерал-губернаторства, значительная роль полиции, отсутствие земского общественного самоуправления и др.), которые усиливались по мере движения на восток. Государство с одной стороны усиливало крестьянскую колонизацию, железнодорожное строительство, а с другой стороны, стремилось минимизировать затраты на освоение региона, не спешило с решением многих назревших проблем, не ставило целью преодоление экономического отставания, сбалансированное и ускоренное хозяйственное развитие. Из-за этого у местного населения формировалось ощущение несправедливости правительственного курса, ущемленности интересов в угоду предпринимателям европейской части страны.

Российские особенности модернизации не имели здесь существенных отличий, хотя она проходила с некоторым запозданием по сравнению с европейской частью страны. Рост сельскохозяйственного производства достигался главным образом экстенсивным путем (за счет расширения посевных площадей, поголовья скота и т.п.), актуальной проблемой являлась интенсификация (введение многопольных севооборотов, использование машин,

минеральных удобрений, распространение агрономических знаний и др.). Промышленный переворот только начинался. Серьезные структурные отраслевые и территориальные диспропорции промышленного развития, сырьевая специализация экономики повышали его зависимость от ввоза как фабричных изделий, так и продовольствия из западных областей страны. Удаленность от крупных торгово-промышленных центров, слабость транспортной сети, низкая покупательная способность населения, трудности в получении кредитов обуславливали низкую интенсивность торговых отношений. Важную роль в ускорении коммерческих оборотов сыграло проведение Транссибирской железнодорожной магистрали, однако транспортные коммуникации внутри региона оставались неразвитыми.

Все эти обстоятельства детерминировали особенности функционирования регионального продовольственного рынка. Его основными слабыми местами являлись: неустойчивые урожаи в сельском хозяйстве, которые не несли опасности массового голода, однако существенно сокращали крестьянские запасы продовольствия и фуража; неравномерное производство аграрной продукции в уездах при неразвитых торговых и транспортных связях между ними; трудности доставки продуктов питания в глубинные районы и северные территории; высокий спрос на продовольствие со стороны крестьян-переселенцев, городов и золотодобывающих областей. Ситуация складывалась неоднозначная. С одной стороны, возможности удовлетворения спроса за счет внутреннего производства были существенно ограничены. Равновесие на продовольственном рынке поддерживалось ввозом продуктов питания из Европейской России, Западной Сибири, Дальнего Востока, Монголии, Маньчжурии. С другой стороны, слабые коммуникации в определенном смысле играли положительную роль – вывоз продовольствия из центров сельскохозяйственного производства региона был затруднен, произведенная продукция потреблялась на месте. Кроме того, у населения существовала возможность привлекать дополнительные источники

питания за счет богатых природных продовольственных ресурсов региона (рыбы, ягод, грибов и др.).

В военный период на состояние и тенденции развития продовольственного рынка региона оказывало влияние изменение общих экономических условий в стране. Значительную роль в повышении цен играла спекуляция. Деревня испытывала дефицит рабочих рук вследствие мобилизаций. Крестьяне не были заинтересованы в увеличении поставок сельскохозяйственной продукции на рынки из-за диспаритета цен на аграрные и промышленные товары. Прежние внутри- и межрегиональные связи оказались нарушены. Происходила децентрализация экономической жизни страны, распад ее на отдельные изолированные районы, в которых протекал процесс натурализации хозяйства. Несмотря на то, что разлагающее влияние войны на региональный потребительский рынок началось с опозданием сравнительно с европейской частью страны, продовольственный вопрос являлся для населения Восточной Сибири одним из наиболее актуальных. Продукты, не производившиеся или производившиеся в недостаточных количествах, перестали поступать или поступали в регион с большими перебоями вследствие запретов вывоза и неспособности железной дороги справиться с объемами перевозок. За счет быстрого роста цен вначале снижалась экономическая доступность продуктов питания, которые составляли основу пищевого рациона жителей, а затем стали испытывать их дефицит городские рынки. После Февральской революции продовольственные закупки в Маньчжурии позволили смягчить ситуацию, однако падение курса рубля летом 1917 г. имело следствием сокращение импорта. Осенью по результатам уборочной кампании выяснилось, что отдельные районы имели излишки хлеба, в других был неурожай, но ситуация на транспорте не позволяла распределить хлеб равномерно. В городах запасов продовольствия хватало только на непродолжительное время, как и в Европейской России, в связи с тем, что запасы были исчерпаны, возникла зависимость от текущего подвоза, продажа осуществлялась по карточной системе, основанной на минимальных

нормах потребления, но даже и они не были гарантированно обеспечены. Все большее количество потреблявшегося хлеба приходилось на нелегальный рынок.

С течением времени становился все более очевидным тот факт, что в условиях длительной войны свободная рыночная экономика не могла функционировать эффективно. Запрос на усиление организационно-административных механизмов регулирования в продовольственной сфере был сформулирован населением и местными властями, усиливался по мере затягивания военных действий. Однако правительство долго не решалось предпринимать решительные шаги в этом направлении, к началу войны оно не располагало даже точными данными об имевшихся в его распоряжении материальных ресурсах, способах их мобилизации. Только по прошествии значительного периода времени, когда возникло понимание, что война будет долгой, начались попытки перехода к планированию производства продовольствия, экономии и нормированию потребления.

Вначале приоритетным считалось снабжение армии, поэтому до февраля 1917 г. одной из главных проблем был дуализм, который существовал на рынке (твердые цены на закупки для армии и рыночные цены для населения), порождал спекуляцию, конкуренцию между уполномоченными по закупкам для армии и населением. В феврале-октябре 1917 г. после перехода к единому плану снабжения армии и тыла основные мероприятия власти (введение хлебной монополии, установление твердых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, реквизиции скота и мяса) были направлены на налаживание прямого товарообмена между городом и деревней. Однако в условиях сохранения свободного рынка эти меры также имели декларативный характер, требования государства бойкотировались держателями запасов товарного хлеба (помещиками, зажиточной частью крестьянства, торговцами и банками).

В отношениях с регионами происходило усиление отраслевого управления, что в результате снижало эффективность местных администраций. Так, генерал-губернатор и губернаторы, работавшие в Восточной Сибири в военный период,

зарекомендовали себя как опытные, компетентные администраторы, действовавшие в интересах населения региона. Вместе с тем они не обладали достаточными полномочиями в области экономического регулирования. Все важные решения в продовольственной сфере могли принимать только с разрешения центральных органов власти (Особого совещания по продовольствию, Министерства внутренних дел, Центрального комитета по перевозкам и др.), что сводило их участие в решении вопросов потребительского рынка к пассивному наблюдению, подрывало авторитет местного высшего начальства среди населения. После февраля 1917 г. вся полнота власти в продовольственном вопросе перешла к губернским продовольственным комитетам, находившимся в подчинении у министра земледелия. Создававшиеся наспех, зачастую состоявшие из людей случайных, они оказались неспособны ни провести учет излишков хлеба, ни мотивировать крестьян на хлебозаготовки, ни обеспечить продовольствием городское население. Продовольственные комитеты не могли получить значительной поддержки и со стороны органов местного самоуправления или милиции, поскольку те находились в состоянии реформирования.

Не только экономические факторы оказывали влияние на продовольственный вопрос в регионе и стране. Для успешного обеспечения населения продовольствием требовалась слаженная работа тыла, что было невозможно без согласования интересов больших социальных групп. Однако одной важнейшей причиной крайне низкой консолидации общества являлось усиливавшееся социальное расслоение. На глазах у обывателей росли сверхприбыли торгово-промышленных кругов от спекуляции, и в то же время стремительно ухудшалось положение бедных, к числу которых в первую очередь относились семьи воевавших на фронте солдат.

Не менее конфликтно складывались взаимоотношения власти и населения. Царское правительство, пытаясь привлечь общественность к решению проблем военного времени, в том числе и продовольственной, но при этом игнорировало

ее взгляды и предложения. Так, на органы городского управления и потребительскую кооперацию возлагались административно-исполнительные функции бюрократического аппарата, но при этом их состав и компетенция существенно ограничивались действовавшим законодательством. Временному правительству также не удалось достичь общественного согласия. Давно назревшие проблемы стали волновать умы людей с новой силой, когда власть стала взывать к гражданским, патриотическим чувствам, но при этом не установила институциональных правил достижения социальной справедливости и равенства возможностей. Попытки добиться хотя бы временного социального консенсуса (до созыва Учредительного собрания) за счет отмены сословного деления, провозглашения прав и свобод граждан, легализации социалистических партий, освобождения политических заключенных в условиях усиления экономического кризиса постигала неудача. На правительство оказывали давление различные политические силы: левые создавали советы рабочих и солдатских депутатов, которые действовали как параллельные органы власти, правые требовали наведения порядка в стране. Общественные, профессиональные, кооперативные и другие организации отстаивали интересы только своих членов. В результате в обществе возникали конфликты по любому поводу, создавая угрозу гражданских столкновений и политической стабильности. Развитие ситуации в продовольственной сфере наглядно это демонстрирует. В деятельности центральных и местных продовольственных органов, которые проводили учет товарных запасов, устанавливали таксы и определяли уровень твердых цен, реквизиции и т.п. меры, коммерсанты видели, прежде всего, ущемление своих интересов. Ограничения рынка и частного предпринимательства казались им слишком широкими, многие высказывали опасения, что после завершения войны система регулирующих мероприятий не уйдет в прошлое. В то же время рабочие, солдаты требовали установления еще более жесткого государственного контроля за деятельностью торговых предприятий, ограничения их прибылей. Горожане виновными в ухудшении

продовольственной ситуации считали крестьян, которые в свою очередь отказывались давать хлеб рабочим, те и другие обвиняли в спекуляции торговцев, а центральные и региональные власти – в неспособности решать социально-экономические проблемы, которые нарастали как снежный ком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

РГИА. Ф. 455. Отдел заготовок продовольствия и фуража для действующей армии Министерства земледелия

1. РГИА. Ф. 455. Оп. 1. Д. 43. По закупке продуктов в Енисейской губернии. Январь 1915 – февраль 1915 г.

2. РГИА. Ф. 455. Оп. 1. Д. 900. Телеграмма полковника Козлова из Иркутска об обследовании положения хода заготовок мяса в Харбине, Владивостоке и Хабаровске. 1916 г.

3. РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 6. Переписка с разными учреждениями и лицами по вопросам организации закупки мяса, в том числе мяса в Урге (Монголия) и об использовании скота, эвакуированного из оккупационных районов, списки лиц, привлеченных уполномоченными к закупкам продовольствия. 10 сентября 1915 г. – 6 февраля 1916 г.

4. РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 37. О ценах на скот, покупаемый в Азиатской России и закупке скота вообще. 27 июля 1916 г. – 24 апреля 1917 г.

5. РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 38. Дело о заготовке рыбы на Дальнем Востоке. 11 июня – 27 декабря 1916 г.

РГИА. Ф. 457. Особое совещание для обсуждения и объединения по продовольственному делу Министерства земледелия

6. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 134. О снабжении зерном мельниц Сибири. 23 сентября 1916 г. – 26 января 1917 г.

7. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 253. Циркуляр 30 марта 1916 г. о порядке закупок продуктов городскими, земскими учреждениями и общественными организациями. 2 мая 1916 г. – 2 июня 1916 г.

8. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 255. Материалы по вопросу установления твердых цен на продовольствие и фураж. 2 июля 1916 г. – 1917 г.
9. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 256. Доклады комиссии о мерах борьбы с дороговизной. 1915–1916 гг.
10. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 264. Дело комиссии о заготовке хлебных продуктов для армии. 20 октября 1915 г. – 3 марта 1916 г.
11. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 268. Дело об установлении предельных цен на мясо и воспрещении вывоза его из Сибири. 21 октября 1915 г. – 15 октября 1916 г.
12. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 364. План железнодорожных перевозок по Енисейской губернии. 14 ноября 1915 г. – 24 октября 1916 г.
13. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 367. План железнодорожных перевозок по Иркутской губернии. 24 ноября 1915 г. – 28 сентября 1916 г.
14. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 595. Переписка и смета о снабжении продовольствием горнозаводских предприятий Урала и Сибири и ходатайства о разрешении вывоза хлеба в Монголию. 1917 г.
15. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 611. Переписка о снабжении продовольствием учебных заведений Туркестана и Сибири. 21 декабря 1916 г. – 17 февраля 1917 г.
16. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 612. Переписка о снабжении продовольствием населения Сибири. 8 ноября 1916 г. – 22 марта 1917 г.
17. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 691. Дело об обеспечении населения Енисейской губернии продовольствием. 14 сентября 1915 г. – 28 января 1917 г.
18. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 692. Опросные листы о снабжении продовольствием населения городов Енисейской губернии. Октябрь 1915 г. – ноябрь 1915 г.
19. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 693. Доставка продуктов для Енисейской губернии. 23 сентября 1915 г. – 25 марта 1917 г.
20. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 694. Дело об обеспечении продовольствием населения Забайкальской области. 8 октября 1915 г. – 23 февраля 1917 г.

21. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 696. Доставка продуктов для Забайкальской области. 9 октября 1915 г. – 11 марта 1917 г.

22. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 700. Об обеспечении продовольствием населения Иркутской губернии. 17 сентября 1915 г. – 13 марта 1917 г.

23. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 701. Доставка продуктов для Иркутской губернии. 31 марта 1915 г. – 16 марта 1917 г.

24. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 879. Доставка продуктов для Якутской области. 21 июля 1915 г. – 10 февраля 1917 г.

25. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1016. Ведомость Енисейского губернского управления о справочных ценах на провиант, фураж и пр. по Енисейской губернии, предположенных на декабрь 1914 г. 22 февраля 1915 г. – 28 февраля 1915 г.

26. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1037. Ведомости торговых запасов продовольствия в Енисейской губернии, Ачинского и Енисейского уездов по данным переписи на 25 декабря 1915 г. 1915 г.

**РГИА. Ф. 1288. Главное управление по делам местного хозяйства
Министерства внутренних дел**

27. РГИА. Ф. 1288. Оп. 9. Д. 66. О продовольствии по Сибири. 28 января 1915 г. – октябрь 1917 г.

РГИА. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел

28. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 223. По оказанию продовольственной и семенной помощи населению, пострадавшему в 1915 году от наводнения местностей Иркутской губернии. 13 мая 1915 г. – 1916 г.

29. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 398. По оказанию продовольственной помощи населению местности Якутской области. 30 августа 1915 г. – 31 декабря 1916 г.

30. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1915 г. Д. 399. По оказанию продовольственной помощи населению местности Енисейской губернии. 20 августа 1915 г. – 31 декабря 1916 г.

31. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 14. О мероприятиях по борьбе со спекуляцией. 9 апреля 1916 г. – 12 октября 1916 г.

32. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 96. По отчету Забайкальской области по продовольственной кампании 1915–1916 гг. 4 января 1916 г.

33. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 136. По отчету Якутской области по продовольственной кампании 1914–1915 гг. 28 января 1916 г.

34. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 138. По оказанию продовольственной и семенной помощи населению Забайкальской области, пострадавшему от неурожая 1915 г. 27 января 1916 г.

35. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 161. Денежный и материальный отчет по продовольствию Иркутской области. Январь 1916 г.

36. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1916 г. Д. 400. Донесения губернаторов и начальников губернских жандармских управлений о настроениях населения в связи с дороговизной. 10 февраля 1916 г. – 6 марта 1917 г.

37. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1917 г. Д. 55. О передаче Управления сельско-продовольственной части Министерства внутренних дел в ведение Министерства земледелия. 1917 г.

РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Сельско-продовольственная часть / 1917 г. Д. 56. О выдаче населению общественных и продовольственных капиталов. 1917 г.

Материалы Государственного архива Российской Федерации в коллекции Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина

38. Доклад И.Д. Михайлова о современном состоянии нашего железнодорожного транспорта Всероссийскому продовольственному съезду в Москве 21 мая 1917 г. 5 мая – август 1917. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Архивные материалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678640>

39. Доклад Секретариата мясной комиссии Общегосударственного продовольственного комитета по вопросу об установлении твердых цен на скот и мясо на 1917/1918 гг. 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678641>

40. Инструкции, правила, бюллетени и другие документы местных продовольственных комитетов. 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678647>

41. Постановление Временного Правительства об учреждении Общегосударственного продовольственного комитета 9 марта 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678696>

42. Постановление о плане предстоящей хлебной кампании в связи с реализацией урожая 1917 г. 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678619>

43. Справочники о заседаниях Общегосударственного продовольственного комитета 2 и 3 сессий. 7 апреля – 5 мая 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678652>

44. Стенограмма заседания Общегосударственного продкомитета. 9 апреля 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678651>, <https://www.prlib.ru/item/678654>

45. Стенограмма заседания Общегосударственного продовольственного комитета. 13 апреля 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678645>, <https://www.prlib.ru/item/678644>

46. Стенограмма заседания Общегосударственного продовольственного комитета. 25 апреля 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678698>

47. Стенограмма собрания Общегосударственного продовольственного комитета. 10 апреля 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678651>

48. Стенографический отчет Общегосударственного продовольственного съезда, происходившего с 24 апреля по 6 мая 1917 г. 24 апреля – 6 мая 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678706>

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

ГАИО. Ф. 25. Канцелярия иркутского генерал-губернатора

49. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Дело об усилении полиции в Сибири: краткие обзоры областей, уездов и городов. 15 марта 1915 г. – 5 сентября 1915 г.

50. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Дело канцелярии Иркутского генерал-губернатора о снабжении населения продовольственными продуктами. 18 августа 1916 г. – 17 февраля 1917 г.

51. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 610. К совещанию 4 мая 1916 г. по вопросу об установлении оптовых твердых цен на скотское мясо. 14 апреля 1916 г. – 7 февраля 1917 г.

52. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2786. Дело с обязательными постановлениями Енисейского губернатора. 23 июня 1915 г. – 24 февраля 1916 г.

53. ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Доклад Иркутского генерал-губернатора о продовольственном состоянии края. 1916 г.

54. ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Об улучшении товарообмена через Северный морской путь. 24 ноября 1914 г. – 13 марта 1915 г.

ГАИО. Ф. 32. Иркутское губернское управление

55. ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 457. Дело по вопросу об охране города Иркутска на случай возникновения беспорядков. 1916 г.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)**ГАКК. Ф. 132. Красноярский окружной комитет Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам**

56. ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Протоколы съезда представителей городов Енисейской губернии и документы к ним. 1915 г.

57. ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 6. Протоколы съезда представителей городов Енисейской губернии и общественных организаций, работающих в деле помощи больным и раненым воинам и семьям призванных. 1915 г.

ГАКК. Ф. 161. Красноярская городская управа

58. ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 249. Протоколы заседаний красноярской городской управы. 1915 г.

ГАКК. Ф. 595. Енисейское губернское управление

59. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 323. О передвижении беженцев. 1915 г.

ГАКК. Ф. 827. Енисейское губернское жандармское управление

60. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 239. Переписка с департаментом полиции и местными жандармскими учреждениями по обвинению лиц, распространяющих антиправительственные слухи. 1915 г.

61. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Донесения полицейских о происшествиях в Енисейской губернии. 1916 г.

62. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 115. Донесения помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления в Минусинском и Ачинском уездах начальнику Енисейского губернского жандармского управления о снабжении населения продуктами первой необходимости. 1917 г.

**ГАКК. Ф. 832. Красноярский отдел Томского жандармского
полицейского управления Сибирской железной дороги**

63. ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Дело о ранении ротмистра Игнатова и унтер-офицера Иосифа Сазонова во время демонстрации 7 мая 1916 г. в городе Красноярске. 1916 г.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)

ГАЗК. Ф. 1. Забайкальское областное управление

64. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10252. Дело о доставлении сведений о настроениях населения. 27 января 1914 г. – 14 января 1915 г.

65. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10433. По жалобе заведующего Бушулейской товаро-продовольственной лавкой Переселенческого управления Фомы Гусева на действия пристава 2-го стана Читинского уезда. 24 июля – 18 августа 1916 г.

66. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10491. Секретные рапорты уездных начальников военному губернатору Забайкальской области о политических настроениях населения. 1 февраля 1916 г. – 3 января 1917 г.

67. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10496. О беспорядках в городе Верхнеудинске и его уезде и мерах подавления их в 1916 г. 10 января – 9 июня 1916 г.

68. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14334. Ведомости о ценах на хлеб, фураж и другие припасы, перевозку тяжестей в Забайкальской области. 1916 г.

69. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14366. Об офицерах уездной полицейской стражи. 3 февраля 1916 г. – 23 февраля 1917 г.

70. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17420. Протоколы заседания Верхнеудинской городской думы. 27 ноября 1915 г. – 27 января 1916 г.

71. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17428. Расследование по рапорту смотрителя Верхнеудинского особого продовольственного 1-го класса магазина подполковника Ермолинского о спекулятивной скупке хлебных продуктов в городе Верхнеудинске. 1916–1917 гг.

72. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17482. Рапорты уездных начальников Забайкальской области военному губернатору о политических настроениях населения за январь 1917 г. 7 февраля – 15 марта 1917 г.

73. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17739. О беспорядках 7 июня 1916 г. на улицах города Нерчинска. 9 июня – 17 августа 1916 г.

74. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 280. Рапорты и ведомости о доставлении сведений о настроении населения. 1915–1916 гг.

75. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 284. Рапорты и донесения уездных начальников, связанные с разработкой проекта инструкций для действия чинов полиции и предупреждению и подавлению беспорядков в городах и уездах Забайкальской области. Протоколы заседаний комиссий по выработке мероприятий на случай возникновения беспорядков. Планы населенных пунктов с указанием числа жителей. 1916 г.

ГАЗК. Ф. 13. Военный губернатор Забайкальской области

76. ГАЗК. Ф. 13. Оп.1. Д. 15. Переписка об обеспечении денежным пособием семейств лиц, призванных на действительную военную службу. 17 ноября 1914 г. – 20 марта 1917 г.

77. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 57. Переписка об отпуске из земских сумм пособий на сельскохозяйственную помощь в связи с войной. 29 июня 1915 г. – 27 января 1917 г.

78. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 64. Переписка и сведения о количестве горно-полицейской стражи по уездам Забайкальской области (списки урядников, полицейских и стражников). 6 ноября 1916 г. – 16 марта 1917 г.

ГАЗК. Ф. 94. Читинская городская управа

79. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 806. Дело по организации снабжения города предметами первой необходимости и борьбе с дороговизной. 5 декабря 1914 г. – 23 ноября 1915 г.

80. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 888. Дело по обеспечению населения г. Читы предметами продовольствия первой необходимости. 23 марта 1915 г. – 4 апреля 1916 г.

81. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 948. Продовольственная комиссия. 8 августа – 7 декабря 1916 г.

82. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 952. По продовольствию населения города Читы. 16 февраля – 20 декабря 1916 г.

ГАЗК. Ф. 104. Читинский уездный начальник

83. ГАЗК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 105. Сведения об имеющихся организациях по оказанию военной помощи семьям призванных из запаса на военную службу по всем волостям Читинского уезда. 3 декабря 1914 г. – 2 декабря 1915 г.

84. ГАЗК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 108. Приказы Верховного начальника санитарной службы и Военного губернатора Забайкальской области по служебным делам. Циркуляры чинам общей и жандармской помощи Забайкальской области. Рапорты Читинского уездного начальника Иркутскому генерал-губернатору о состоянии вверенного ему уезда. Протоколы совещания Забайкальского областного фабричного инспектора. 24 декабря 1915 г. – 10 января 1917 г.

85. ГАЗК. Ф. 226. Читинская городская дума

86. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 43. Протоколы заседаний Читинской городской думы. Том 1. 08 января 1916 г. – 10 июня 1916 г.

87. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Протоколы заседаний Читинской городской думы. Том 2. 12 июля 1916 г. – 19 декабря 1916 г.

88. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 55. Протоколы заседаний и журналы собраний Читинской городской думы. 9 января – 22 декабря 1917 г.

Опубликованные документы

Нормативно-правовые акты

89. Авербах Е.И. Законодательные акты вызванные войною 1914–1916 гг.: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейств советов: распоряжения и постановления министров и др. Т. 2–4. / Е.И. Авербах. – Петроград: Типография товарищества «Электротипография Н.Я. Стойковой», 1915–1916.

90. Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. 1 / Г.К. Гинс. – Петроград: Издание Министерства Продовольствия, 1917. – 787 с.

91. Карточная система: (материалы) / [сост. Г.К. Гинс]. – Петроград: Екатерининская типография, 1916. – 100 с.

92. Правила предоставления гарантий Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет // Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 1. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1916. – С. 27–31.

93. Свод уставов об обеспечении народного продовольствия // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – С. 3–163.

Делопроизводственные материалы

государственных продовольственных органов

94. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. – Москва: РОССПЭН, 2001–2004.

95. Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли / Управление делами Особого совещания по продовольственному делу. – Петроград: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. – 75 с.

96. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения / под ред. А.В. Чайнова. Вып. I–III. – Москва: Городская типография, 1916.

97. Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты урожая 1916 года. Вып. 1–3. – Петроград: б.и., 1916

98. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 17 августа 1915 – 17 февраля 1916 г. / Управление делами Особого совещания по продовольственному делу. – Петроград: б.и., 1916 г. – 658 с.

99. Список уполномоченных председателя Особого совещания по продовольственному делу и уполномоченных Министерства земледелия по закупкам для армии. – Петроград: Екатерининская типография, 1915. – 35 с.

Статистические материалы

100. Видимые (торговые) запасы хлеба в Российской империи. Вып. 42: К 1-му января 1917 года. – Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет МВД, 1916. – 23 с.

101. Виды на урожай хлебов и трав в Забайкальской области к 1 июля 1916 г. (По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела). – Чита: Типография Товарищества Бергут, сын и К^о, 1916. – 16 с.

102. Волости и населенные места 1893 года. Выпуск 8. Забайкальская область. – Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1896. – 113 с.

103. Движение биржевых цен на главнейшие продовольственные продукты в октябре, ноябре и декабре 1915 года, сравнительно с 1913 и 1914 гг. – Петроград: Екатерининская типография, 1916. – 192 с.

104. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.) / под ред. В. А. Базарова и др. Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926. Ч. 3. Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. – Москва: Государственное издательство, 1930. – 251 с.

105. Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Енисейская губерния. – Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. – 325 с.

106. Обзор Забайкальской области за 1911 год. – Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1915. – 167 с.

107. Обзор Иркутской губернии за 1914 год. – Иркутск: Губернская типография, 1916. – 123 с.

108. Обзор Якутской области за 1909 год. – Якутск: Типография Якутского губернского правления, 1910. – 101 с.

109. Обзор Якутской области за 1911 г. – Якутск: Типография Якутского областного правления, 1913. – 204 с.

110. Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1908. – 106 с.

111. Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1865. – 344 с.

112. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896. – Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1896. – 418 с.

113. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. – Красноярск: Енисейская губернская типография, 1908. – 435 с.

114. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. – Красноярск: Енисейская губернская электро-типография, 1915. – 234 с.

115. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. – Москва: Государственная типография, 1921. – 88 с.

116. Потребление сахара в России. – Петроград: Екатерининская типография, 1916. – 105 с.

117. Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Выпуск 2. – Москва: Типография М.К.Х. Козицкой, 1923. – 218 с.

118. Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. – Петроград: б.и., 1917. – 131 с.

119. Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. – Петроград: Екатерининская типография, 1916. – 31 с.

120. Производство, перевозки и потребление хлебов в России / Управление делами Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. – Петроград: б.и., 1916. Вып. 1. – 94 с.

121. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. – Петроград: б.и., 1916. – 649 с.

122. Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Сост. под ближайшей ред. и руководством проф. Н.П. Огановского. – Москва: Новая деревня, 1923. – 340 с.

123. Соколов В.Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и ратников ополчения Забайкальской области в 1915 году: По сообщениям

добровольных корреспондентов / В.Н. Соколов. – Чита: Электротипо-литография Товарищества Бергут, сын и К°, [1917]. – 49 с.

124. Справочная книжка Енисейского Г.С.Н.Х. – Красноярск: Государственная типография, 1923. – 427 с.

125. Статистический ежегодник России. 1914 г. – Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1915. – 702 с.

126. Статистический ежегодник России. 1915 г. – Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1916. – 622 с.

127. Статистический ежегодник России. 1916 г. – Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1918. – 121 с.

128. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год. – Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1914. – 144 с.

129. Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. – Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1915. – 96 с.

130. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. – Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1916. – 138 с.

131. Статистический обзор Иркутской губернии за 1914 год. – Иркутск: Губернская типография, 1916. – 123 с.

132. Урожай хлебов в России в 1917 году / валовый и чистый сбор, продовольственные и кормовые потребности, местные избытки и недостатки главных хлебов / Статистико-экономический отдел Министерства продовольствия. – Москва: Типолитография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1918. – 94 с.

133. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны: (Июль 1914 г. – апрель 1915 г.): По сведениям, доставленным учреждениями Государственного банка, Государственного дворянского земельного и крестьянского поземельного банков и Инспекцией мелкого кредита. – Петроград: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. – 118 с.

Отчеты обществ, организаций, должностных лиц

134. Объяснительная записка Красноярского Купеческого Общества по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки. – Красноярск: Типография Епархиального Братства, 1916. – 7 с.

135. Отчет агрономической организации в Иркутской губернии за 1915 г. (по заселенному району). – Иркутск: Губернская типография, 1916. – 91 с.

136. Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1914 г. – Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1915. – 20 с.

137. Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1915 г. – Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1916. – 21 с.

138. Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1916 г. – Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1917. – 14 с.

139. Отчет по продовольственной кампании 1913–1914 гг. / Министерство внутренних дел, Управление сельской продовольственной части. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1915. – 129 с.

140. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914–1915 г. – Москва: Типография товарищества Рябушинских, 1916. – 239 с.

Протоколы и постановления съездов и совещаний

141. Восточно-Сибирский краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (1; 1917; Иркутск). 1-й Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири в г. Иркутске 7-го апреля 1917 года. – Иркутск: Губернская типография, 1917. – 101 с.

142. Протоколы и постановления XV-го очередного Съезда золотопромышленников Ленского и Витимского горных округов: 24 февраля – 1 марта 1915 г., г. Бодайбо, Иркутской губернии. – Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. – 436 с.

143. Протоколы первого губернского крестьянского съезда Енисейской губернии, 20–29 июня 1917 г. – Красноярск: Енисейская губернская электро-типография, 1917. – 87 с.

144. Протоколы Первого Съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске. – Красноярск: Электро-типография Епархиального Братства, 1915. – 117 с.

145. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. – Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1916. – 89 с.

146. Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. – Т. II (33). – 1929. – С. 145–169.

147. Труды Первого общегубернского съезда золотопромышленников Енисейской губернии, 22-го марта – 2-го апреля 1916 года. – Красноярск: Типография П. А. Петропавлова, 1916. – 236 с.

Периодические издания Российской империи и Временного правительства

148. Ассигнование на обследование месторождений золота // Деловая Сибирь. – 1916. – № 4. – С. 2.

149. Байкалов А. Ископаемые богатства Якутской области // Деловая Сибирь. – 1916. – № 4. – С. 2.

150. Барбот-де-Марни Е.Н. Очерки золотопромышленности Олекминского горного округа / Е.Н. Барбот-де-Марни // Горный журнал. – 1912. – Т. I. Март. – С. 290–303.

151. Б–в А. Переселение и письма из Сибири / А. Б–в // Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли Енисейской губернии. – 1912. – № 2. – С. 4–6.

152. Беженцы и самогонка // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1915. – № 3. – С. 28.
153. Беспшлинный ввоз заграничного сахара // Якутское хозяйство. – 1916. – № 3. – С. 18–19.
154. Бодайбо // Единение. – 1917. – 9 августа. – С. 3.
155. Борьба со спекуляцией в Москве // Забайкальская новь. – 1917. – 12 сентября. – С. 4.
156. Борьба с преступностью // Армия и народ. – 1917. – № 12. – 20 мая. – С. 3.
157. Вагин В.И. Продовольствие города Иркутска в 1886 году / В.И. Вагин // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – 1889. – Т. 20. – № 3. – 33 с.
158. В городском продовольственном комитете // Сибирь. – 1917. – 9 мая. – С. 2.
159. В городском продовольственном комитете // Сибирь. – 1917. – 25 октября. – С. 2.
160. В губернском продовольственном комитете // Сибирь. – 1917. – 17 мая. – С. 2.
161. Ветров В.В. Дороговизна сахара и меры борьбы с ней // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 10. – С. 10–12.
162. Вздорожание в Иркутске предметов первой необходимости // Сибирь. – 1917. – 28 апреля. – С. 3.
163. В Иркутскую городскую думу. Доклад Исполнительной продовольственной комиссии // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 6. – С. 42–50.
164. В Иркутскую городскую думу. Доклад Исполнительной городской продовольственной комиссии об организации торговли предметами первой

необходимости // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 7–9. – С. 127–131.

165. Воззвание к населению иркутского генерал-губернатора А.И. Пильца // Енисейские губернские ведомости. – 1916. – № 40. – С. 1.

166. Возобновление продажи сахара // Сибирь. – 1917. – 22 апреля. – С. 2.

167. Война и меры городов в борьбе с дороговизной жизни // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1914. – № 11–12. – С. 1–22.

168. Волнения в Иркутском гарнизоне // Иркутская жизнь. – 1917. – 23 сентября. – С. 3.

169. Восточно-Сибирский краевой продовольственный съезд // Иркутская жизнь. – 1917. – 22 сентября. – С. 3.

170. Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь / С.В. Востротин // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 338–361.

171. В продовольственном комитете // Сибирь. – 1917. – 16 сентября. – С. 2.

172. В продовольственных комиссиях. Иркутск // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 13. – С. 27.

173. Временный совет Российской республики // Сибирь. – 1917. – 20 октября. – С. 1–2.

174. В.С. К предполагаемому созыву съезда представителей городов Восточной Сибири / В.С. // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 6. – С. 1–4.

175. В сельскохозяйственной секции // Известия Исполнительного комитета Общественных организаций города Иркутска. – 1917. – 30 марта. – С. 2.

176. В союзе солдаток // Сибирь. – 1917. – 25 июля. – С. 2.

177. Гарнизон, продовольственники и купечество // Сибирь. – 1917. – 5 октября. – С. 2.

178. Городская милиция // Сибирь. – 1917. – 29 июля. – С. 2.

179. Городская продовольственная комиссия // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 7–9. – С. 67–73.
180. Городские продовольственные заготовки // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 1–2. – С. 46.
181. Городской продовольственный комитет // Сибирь. – 1917. – 29 июля. – С. 4.
182. Г[осподину] заместителю городского головы Н.Н. Донскому // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 1–2. – С. 65–67.
183. Господину иркутскому городскому голове для представления в заседание городской думы, имеющей быть 15 марта сего года, мясоторговцев Иркутска // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 112–114.
184. Граждане, записывайтесь в милицию // Вестник Иркутского совета рабочих депутатов. – 1917. – 28 марта. – № 7. – С. 1.
185. Губернское продовольственное совещание // Единение. – 1917. – 28 сентября. – С. 3.
186. Доклад городской продовольственной комиссии о положении на 7 декабря сего года дела по обеспечению населения города предметами продовольствия // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 21–22. С. 50–54.
187. Доклад Городской управы о принятии городом Красноярском участия в областном съезде представителей городов Восточной Сибири в г. Иркутске // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 13. – С. 34–39.
188. Доклад Красноярского волостного продовольственного комитета // Забайкальская новь. – 1917. – 14 октября. – С. 4.
189. Дороговизна на приисках // Ленский край. – 1916. – № 60. – С. 1–2.

190. Енисейск // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 11. – С. 35.
191. Жены запасных // Иркутская жизнь. – 1914. – 13 декабря. – С. 3.
192. Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 15 марта 1916 г. № 887 // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 111–112.
193. Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 13 октября № 2954/265 // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 10, 11 и 12. – С. 134–135.
194. Заготовка рыбы // Сибирь. 1917. 4 июня. С. 3.
195. Закон о мясопустных днях // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 16. – С. 31–35.
196. Закупка скота в Монголии // Иркутская жизнь. – 1915. – 16 сентября. – С. 3.
197. Из жизни общества сибирских инженеров // Вестник Общества Сибирских инженеров. – 1916. – № 5. – С. 73–76.
198. Из зала городской думы // Сибирь. – 1917. – 11 мая. – С. 2.
199. Иркутск // Деловая Сибирь. – 1916. – № 13. – С. 1–2.
200. Иркутск // Деловая Сибирь. – 1916. - № 15. – С. 1.
201. Иркутский городской продовольственный комитет // Сибирь. – 1917. 17 сентября. – С. 1.
202. Иркутский городской продовольственный комитет, его задачи и цели // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 10–23.
203. Иркутский комитет Всероссийского союза городов в Иркутскую городскую думу // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 7–9. – С. 116–119.

204. И.Я. По поводу первого съезда представителей Западно-сибирских городов / И.Я. // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 3–5. – С. 1–7.
205. И.Я. Укрепление тыла и городская реформа / И.Я. // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 1–2. – С. 1–4.
206. К.А. Отчего вздорожали товары? / К.А. // Ленский край. – 1915. – № 68. – С. 1–2.
207. Казанцев И. Карточная система / И. Казанцев // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 19. – С. 21–25.
208. Казенные зернохранилища и продовольственное дело в Сибири за последние годы // Вопросы колонизации. – 1915. – № 18. – С. 207–252.
209. Канск // Единение. – 1917. – 27 мая. – С. 3.
210. К вопросу о заготовке хлеба // Забайкальская новь. – 1917. – 14 сентября. – С. 4.
211. К вопросу о запасах крупчатки в городе Иркутске // Сибирь. – 1917. – 24 августа. – С. 3.
212. К вопросу о продовольственном кризисе // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 8. – С. 9–16.
213. К вопросу о промышленном развитии Сибири // Вестник Общества Сибирских инженеров. – 1916. – № 2. – С. 77–78.
214. Китайский сахар // Иркутская жизнь. – 1917. – 14 января. – С. 3.
215. К мучному кризису // Сибирская деревня. – 1916. – № 19–20. – С. 30.
216. К мучному кризису в улусах // Ленский край. – 1915. – № 61. – С. 1–2.
217. К нормировке цен // Якутская окраина. – 1915. – № 124. – С. 3.
218. К нормировке цен // Якутская окраина. – 1915. – № 132. – С. 3
219. К оказанию помощи семьям запасных // Иркутская жизнь. – 1917. – 14 января. – С. 3.
220. Коротков И.С. Село Копенское Минусинского уезда / И.С. Коротков // Сибирская деревня. – 1915. – № 8. – С. 13.

221. Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. – 1917. – 14 июня. – № 56. – С. 4.
222. Корреспонденция. Недоразумения с солдатками // Иркутская жизнь. – 1915. – 7 сентября. – С. 3.
223. К продовольственному кризису // Сибирь. – 1917. – 15 августа. – С. 3.
224. Краевое продовольственное совещание // Сибирь. – 1917. – 27 июля. – С. 2.
225. Краевое продовольственное совещание // Сибирь. – 1917. – 4 августа. – С. 2.
226. Краевой продовольственный съезд // Единение. – 1917. – 3 ноября. – С. 2.
227. Краевой продовольственный съезд // Единение. – 1917. – 5 ноября. – С. 2.
228. К развитию сахарной промышленности в Сибири // Иркутская жизнь. – 1916. – 29 января. – С. 3.
229. Красноярск // Армия и народ. – 1917. – № 1. – 17 мая. – С. 5.
230. Красноярск // Единение. – 1917. – 8 октября. – С. 3.
231. Красноярские хвосты // Сибирь. – 1917. – 24 октября. – С. 3.
232. К расширению деятельности монгольской экспедиции // Сибирь. – 1917. – 8 июля. – С. 3.
233. Кредитование городов на продовольственные нужды // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 15. – С. 16–17.
234. К реорганизации городского продовольственного комитета // Сибирь. – 1917. – 22 апреля. – С. 2.
235. Крокодиловы слезы // Деловая Сибирь. – 1916. – № 18. – С. 3.
236. К снабжению населения мукой // Забайкальская новь. – 1917. – 3 октября. – С. 3.
237. К событиям на Лене // Сибирь. – 1917. – 30 мая. – С. 3.

238. К съезду городов Восточной Сибири // Иркутская жизнь. – 1916. – 24 февраля. – С. 3.
239. К улучшению положения внебрачных семей призванных по мобилизации // Сибирь. – 1917. – 12 апреля. – С. 2.
240. Лебедев С.В. О возможности и желательности развития сахарной промышленности в Сибири / С.В. Лебедев // Вестник Общества сибирских инженеров. – 1916. – № 1. – С. 17–32.
241. Мелкая золотопромышленность // Ленский край. – 1915. – № 2. – С. 1–2.
242. Мелкая золотопромышленность // Ленский край. – 1915. – № 4. – С. 1–2.
243. М–ов О. Тыреть, Балаганского уезда / О. М–ов // Иркутская жизнь. – 1915. – 14 марта. – С. 3.
244. Мучной голод // Сибирь. – 1917. – 25 октября. – С. 2.
245. Мучной кризис в г. Енисейске // Сибирская деревня. – 1917. – № 1–2. – С. 31.
246. Мясной вопрос // Забайкальская новь. – 1917. – 3 октября. – С. 3.
247. Мясопуст // Иркутская жизнь. – 1916. – 12 августа. – С. 3.
248. На Лене // Сибирь. – 1917. – 19 июля. – С. 2.
249. Недостатки мясопустного закона // Иркутская жизнь. – 1916. – 12 октября. – С. 3.
250. Несколько слов о союзе солдаток // Сибирь. – 1917. – 3 октября. – С. 2.
251. Никифоров В. Письмо в редакцию / В. Никифоров // Якутская окраина. – 1915. – № 133. – С. 3.
252. Областной отдел. Канск // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 6–7. – С. 63–73.
253. Областной съезд представителей городов Западной Сибири // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 3–5. – С. 80–101.

254. Объединенное собрание по продовольственному вопросу // Сибирь. – 1917. – 28 сентября. – С. 3.
255. Объявление уполномоченного председателя Особого совещания – Иркутского губернатора // Иркутские губернские ведомости. – 1916. – 3 января. – С. 2.
256. Обыватель Равнодушие // Иркутская жизнь. – 1915. – 2 марта. – С. 3.
257. Обязательное постановление Иркутского генерал-губернатора // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 16. – С. 1.
258. Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета // Иркутские губернские ведомости. – 1917. – 24 сентября. – С. 2.
259. Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета // Иркутские губернские ведомости. – 1917. – 1 октября. – С. 3.
260. Обязательное постановление Иркутского губернского продовольственного комитета о поставке скота для нужд армии и населения // Иркутские губернские ведомости. – 1917. – 8 октября. – С. 2.
261. О заработной плате // Вестник Иркутского совета рабочих депутатов. – 1917. – 25 марта. – № 6. – С. 3.
262. О казенном пайке // Армия и народ. – 1917. – № 1. – 17 мая. – С. 3.
263. О Канском продовольственном комитете // Единение. – 1917. – 12 августа. – С. 3.
264. О порядке изменения стоимости продовольственного пайка // Сибирь. – 1917. – 2 мая. – С. 2.
265. О продовольственном комитете // Забайкальская новь. – 1917. – 11 октября. – С. 3.
266. О твердых ценах на мясо и об усилении его заготовок // Сибирь. – 1917. – 3 ноября. – С. 3.

267. От Бодайбинского исполнительного комитета // Известия Исполнительного комитета Общественных организаций города Иркутска. – 1917. – 1 июня. – С. 1.
268. От Иркутского городского продовольственного комитета // Иркутская жизнь. – 1916. – 24 января. – С. 5.
269. От канцелярии иркутского генерал-губернатора // Иркутская жизнь. – 1916. – 14 декабря. – С. 3.
270. Отмена мясопустных дней // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 23–24. – С. 46.
271. От Окружного бюро // Единение. – 1917. – 6 октября. – С. 2.
272. О хлебной монополии // Сибирь. – 1917. – 5 октября. – С. 2.
273. Паек солдаткам // Сибирь. – 1917. – 20 октября. – С. 2.
274. Петров В. Продовольственный кризис и карточная система / В. Петров // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1916. – № 11. – С. 1–6.
275. По вопросу о рассмотрении доклада Городской продовольственной комиссии о борьбе с дороговизной жизни в г. Красноярске // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 12. С. 263–269.
276. По вопросу о стражниках // Сибирь. – 1917. – 5 июля. – С. 3.
277. Пожертвования владельцев иллюзионов // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 февраля. – С. 4.
278. Положение русской торговли в Монголии // Иркутская жизнь. – 1916. – 8 апреля. – С. 4.
279. Помощь семьям воинов // Иркутская жизнь. – 1916. – 8 февраля. – С. 3.
280. Помощь семьям запасных // Иркутская жизнь. – 1915. – 17 июня. – С. 3.
281. Помощь семьям запасных // Сибирская деревня. – 1915. – № 8. – С. 25.

282. Порядок выдачи пособия семьям запасных // Иркутская жизнь. – 1915. – 25 июня. – С. 3.
283. Потребление городом муки в 1916 г. // Иркутская жизнь. – 1917. – 19 января. – С. 3.
284. Правила // Иркутские губернские ведомости. – 1915. – 18 июня. – С. 4.
285. Правительственным... // Иркутские губернские ведомости. – 1917. – 15 ноября. – С. 2.
286. Прения за золото // Единение. – 1917. – 8 октября. – С. 4.
287. Приказ о формировании команд из воинских частей для уборки хлеба на полях // Сибирь. – 1917. – 25 июня. – С. 2.
288. Пример, достойный подражания // Якутские епархиальные ведомости. – 1915. – № 22. – С. 435–436.
289. Пробудившаяся деревня // Сибирь. – 1917. – 4 мая. – С. 3.
290. Продовольственное дело // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1917. – № 5–6. – С. 38.
291. Продовольственное дело // Забайкальская новь. – 1917. – 20 октября. – С. 1.
292. Продовольственное дело // Забайкальская новь. – 1917. – 24 октября. – С. 4.
293. Продовольственное дело // Сибирь. – 1917. – 1 июля. – С. 2.
294. Продовольственные дела // Сибирь. – 1917. – 19 октября. – С. 2.
295. Продовольственное дело // Сибирь. – 1917. – 2 ноября. – С. 2.
296. Продовольственные вопросы // Забайкальская новь. – 1917. – 11 октября. – С. 3.
297. Продовольственные попечительства // Иркутская жизнь. – 1916. – 18 декабря. – С. 5.
298. Продовольственный вопрос Приленского края // Иркутская жизнь. – 1917. – 16 мая. – С. 5.
299. Продовольственный разбой // Сибирь. – 1917. – 31 октября. – С. 3.

300. Продовольствие Ленского края // Иркутская жизнь. – 1916. – 5 июня. – С. 5.
301. Протокол заседания совета Иркутского сельскохозяйственного общества 11 апреля 1914 г. // Иркутский хозяин. – 1914. – № 1. – С. 17–23.
302. Протокол № 7 заседания Иркутского городского продовольственного комитета от 24 февраля 1916 г. // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 1–2. – С. 66–70.
303. Рабочий и продовольственный вопрос в Ленском крае // Сибирь. – 1917. – 6 мая. – С. 2.
304. Сахарный голод // Иркутская жизнь. – 1916. – 3 января. – С. 4.
305. Сахарный кризис // Вестник Красноярского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 13. – С. 27.
306. Село Косостепское Верхоленского уезда // Сибирь. – 1917. – 14 октября. – С. 3.
307. Село Тангуй Нижнеудинского уезда // Сибирь. – 1917. – 6 мая. – С. 3.
308. Село Хогот Иркутской губернии // Сибирь. – 1917. – 12 октября. – С. 3.
309. Скупщики // Иркутская жизнь. – 1914. – 23 сентября. – С. 3.
310. Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. – 1915. – 23 ноября. – С. 2.
311. Совещание о сахаре // Иркутская жизнь. – 1916. – 1 июля. – С. 3.
312. Соколов В.Н. Экономические перспективы Забайкалья / В.Н. Соколов // Сибирская летопись. – 1916. – № 6–8. – С. 305–324.
313. Среди торгово-промышленников // Сибирь. – 1917. – 6 октября. – С. 2.
314. Статьева В. По Лене (путевые впечатления) / В. Статьева // Сибирская летопись. – 1916. – № 6–8. – С. 287–302.
315. Съезд городов Восточной Сибири // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 65–77.
316. Съезд представителей городов Восточной Сибири // Деловая Сибирь. – 1916. – № 4. – С. 1.

317. Съезд уполномоченных по закупу скота // Сибирь. – 1917. – 23 июля. – С. 5.
318. Торгово-промышленники о продовольственном кризисе // Забайкальская новь. – 1917. – 6 октября. – С. 3.
319. Троицкий П.С. На помощь деревне / П.С. Троицкий // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1915. – № 2. – С. 6–7.
320. Увеличение пайка // Сибирь. – 1917. – 9 мая. – С. 3.
321. Увольнение урядников и стражников // Иркутская жизнь. – 1917. – 15 апреля. – С. 3.
322. Уголовные идут в армию // Иркутская жизнь. – 1917. – 15 апреля. – С. 3.
323. Формозский сахар // Деловая Сибирь. – 1916. – № 16. – С. 2.
324. Фрумкин М. Продовольственные перспективы / М. Фрумкин // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 18–19. – С. 12–18.
325. Хищническое истребление скота // Деловая Сибирь. – 1916. – № 16. – С. 1.
326. Ходатайство иркутского генерал-губернатора // Деловая Сибирь. – 1917. – № 1. – С. 3.
327. Хроника красноярского городского общественного управления // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 12. – С. 27–32.
328. Хроника красноярского городского общественного управления // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 14. – С. 33.
329. Циркуляр о своевременной выдаче казенного пособия // Иркутская жизнь. – 1916. – 26 июня. – С. 4.

330. Чита // Забайкальская новь. – 1917. – 11 октября. – С. 2.
331. Ш. Письмо о внебрачных женах запасных / Ш. // Иркутская жизнь. – 1914. – 20 декабря. – С. 2.
332. Ш. Помощь семьям запасных / Ш. // Иркутская жизнь. – 1914. – 10 ноября. – С. 2.
333. Шапошников А. Все по-старому / А. Шапошников // Жизнь Алтая. – 1917. – № 47. – С. 2.
334. Ширяев Ф.Г. Итоги одной анкеты (по вопросу о борьбе с дороговизной) / Ф.Г. Ширяев // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 10–12. – С. 9–31.
335. Штрафы // Якутская окраина. – 1915. – № 133. – С. 3.
336. Якутский окружной инородческий съезд // Ленский край. – 1915. – № 5. – С. 2.
337. Якушев И. Карточная система и продовольственные попечительства / И. Якушев // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 7, 8 и 9. – С. 1–12.
338. Яшнов Е. Продовольственный вопрос в Сибири / Е. Яшнов // Вопросы колонизации. – 1916. – № 19. – С. 114–139.

Источники личного происхождения

339. Брусилов А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. – 286 с.
340. Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Кн. 2: На ущербе революции / В.С. Войтинский. – Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1924. – 411 с.
341. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000 – 746 с.

342. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. / ред.-сост. М.А. Лаптева, Н.В. Поздеева, А.В. Ульверт. – Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2019. – 512 с.
343. Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930 / И.В. Кулаев. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 221 с.
344. Лид Й. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». – Красноярск: РАСТР, 2019. – 320 с.
345. Лид Й. Сибирь - странная ностальгия: автобиография / Й. Лид; пер. с норв. С.А. Машкова. – Москва: Весь Мир, 2009. – 302 с.
346. Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Ф. Нансен; пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Петроград: издание К. И. Ксидо, 1915. – 454 с.
347. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 гг. В 2 ч. Нью-Йорк: Издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1954.
348. Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность / К. Оланьон. – Санкт-Петербург, 1905. – 253 с.
349. Прокопович С.Н. Народное хозяйство в дни революции (Три речи) / С.Н. Прокопович. – Москва: Типография товарищества «Кооперативное издательство», 1918. – 68 с.
350. Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция / Полное издание записок Председателя Государственной Думы с дополнениями Е. Ф. Родзянко. – Москва: ИКАР, 2002. – 368 с.
351. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. – 560 с.

352. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – 592 с.

Сборники опубликованных архивных документов

353. Первая мировая война в документах Государственного архива Иркутской области / сост.: О. Т. Базалийская, Е. В. Ильина, М. В. Михайлова. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 271 с.

354. «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905–1917): сб. документов / сост. В.А. Корелин, Й.П. Нильсен. – Москва: Ленанд, 2014. – 400 с.

355. Экономическое положение России накануне Великой социалистической революции / под ред. А.Л. Сидорова. Ч. II. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 655 с.

Литература

356. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. – 307 с.

357. Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) / В.В. Алексеев // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 3. – С. 6–10.

358. Альбитер Л.М. Анализ промышленности России в период Первой мировой войны 1914 – 1917 годов / Л.М. Альбитер // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 4 (105). – С. 103–109.

359. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны / А.М. Анфимов. – Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 383 с.

360. Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы первой мировой войны / А.В. Аранович. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2004. – 144 с.

361. Арская Л.П. Войны и продовольственные кризисы / Л.П. Арская. – Москва: [б. и.], 2005. – 176 с.

362. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. / И.А. Асалханов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. – 267 с.

363. Асташов А.Б. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия / А.Б. Асташов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 г.: доклады и выступления участников V международной научно-практической конференции. – Москва: Издательство МНЭПУ, 2016. – С. 298–309.

364. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А.Б. Асташов. – Москва: Новый хронограф, 2014. – 740 с.

365. Бакшт Д.А. Действия военно-полицейского аппарата в ходе событий 7 мая 1916 г. в Красноярске // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ. 2012. С. 67–70.

366. Бакшт Д.А., Катцина Т.А. «Власть атрофирована и мы находимся на краю бездны»: О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина / Д.А. Бакшт, Т.А. Катцина // Исторический архив. – 2017. – № 1. – С. 33–56.

367. Баландина В.А. Восстановление истины (Общество пособия бедным г. Енисейска. Ачинск-Минусинская железная дорога) / В.А. Баландина. – Красноярск: ГУПП «Сибирь», 1995. – 39 с.

368. Баяндин В.И. Сибирь в годы Первой мировой войны: экономика военного времени. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kraeved.ngonb.ru/node/4840>

369. Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Научная конференция, посвященная 100-летию Брусиловского прорыва (г. Новосибирск, 12–13 мая 2016 г. / В.И.

Баяндин, А.В. Запорожченко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 177–179.

370. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / И.Б. Белова. – Москва: АИРО-XXI, 2011 – 288 с.

371. Белоуров Е.В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.) / Е.В. Белоуров // Труды Института российской истории РАН. – 2014. – № 12. – С. 190–209.

372. Беляев С.Г. Косвенные налоги, пошлины и казенные монополии в финансовой политике России периода Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / С.Г. Беляев // Экономическая история: ежегодник. – 2002. – Т. 2001. – С. 269–290.

373. Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие: [в войну 1914–1918 гг.] / В.И. Биншток и Л.С. Каминский, предисл. Н.А. Семашко. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1929. – 90 с.

374. Блиох И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: Т. 1–5 / И.С. Блиох. – Санкт-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1898.

375. Боженко Л.И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции / Л.И. Боженко // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. – Томск: Издательство Томского университета, 1975. – С. 122–136.

376. Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и военного коммунизма. Понятие мобилизационной экономики / Ю.П. Бокарев // Экономическая история. – 2015. – № 1 (28). – С. 26–40.

377. Борисов В.И. Государственное регулирование продовольственным делом в России в начальный период Первой мировой войны (1914–1916) / В.И. Борисов // Вестник Брянского госуниверситета. – 2016. – № 2. – С. 23–28.

378. Борисов В.И. Хлебная монополия Временного правительства и ее экономические и политические результаты (март – октябрь 1917 г.) / В.И. Борисов

// Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 2 (46). – С. 177–195

379. Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция: продовольственная политика на Юге России в период Первой мировой войны и революции (1914–1918) / В.И. Борисов, А.А. Чернобаев. – Москва: Архивное информационное агентство; Луганск: Издание Луганского сельскохозяйственного института, 1997. – 148 с.

380. Бочанова Г.А. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье / Г.А. Бочанова // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г.: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Новосибирский университет, 1984. – С. 114–133.

381. Бреславец В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год / В.Н. Бреславец. – Москва: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1918. – 84 с.

382. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / Дж. Брэдли. – Москва: «Новый хронограф», 2012. – 449 с.

383. Букалова С.В. Проблемы и тенденции в местном управлении Российской империи в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 2 (28). – С. 11–17.

384. Букин С.С, Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири / С.С. Букин, А.А. Долголюк // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 2. – С. 49–54.

385. Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг./ Я.М. Букшпан. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1929. – 541 с.

386. Булгакова Л.А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны / Л.А. Булгакова // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования,

историография, источниковедение. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2009. – С. 183–214.

387. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л.А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. – Санкт-Петербург; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. – С. 429–493.

388. Булдаков В.П. Первая мировая война: шанс на модернизацию России? / В.П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2014. – № 1. – С. 4–23.

389. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию / В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. – Москва: Новый хронограф, 2015. – 720 с.

390. Бурнашева Н.И. Становление и развитие государственной системы продовольственной безопасности в Якутии в XIX веке / Н.И. Бурнашева // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 308–321.

391. Виленский В.Д. Хлебная монополия в условиях Якутской области / В.Д. Виленский. – Иркутск: Типолитография Иркутского военного округа, 1917. – 30 с.

392. Винокуров М.А. Становление и развитие торговли в Иркутской губернии / М.А. Винокуров // Историко-экономические исследования. – 2008. – Т. 9. – № 1. – С. 83–106.

393. Воблый К.Г. К вопросу о причинах современной дороговизны / К.Г. Воблый. – Киев: Типолитография наследников К. Круглянского, 1915. – 37 с.

394. Воинова Н.Е. Становление свеклосахарного производства в России (на примере Центрально-Черноземного района экономического района) / Н.Е. Воинова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2007. – № 1 (3). – С. 7–17. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa2.pdf>

395. Волков В.В. Россия: *interregnum*. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.В. Волков. Часть I. – Санкт-Петербург: Политехника, 2011. – 363 с.
396. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е.З. Волков. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1930. – 272 с.
397. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962.– 483 с.
398. Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири / В.В. Воробьев, ред. В. П. Шощкий. – Иркутск: б. и., 1958. – 26 с.
399. Воробьев Е.П. Продовольственная ситуация в Царицыне в период Первой мировой войны / Е.П. Воробьев // Человек и общество в условиях войн и революций: сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2014. – С. 34–37.
400. Всероссийский земский союз. Главный комитет: доклад Главного комитета Собранию уполномоченных губернских земств 9 декабря 1916 г. О работах продовольственного отделения экономического отдела. – Москва: б. и., 1916. – 11 с.
401. Всероссийский союз городов. Главный комитет. Экономический отдел. Борьба с дороговизной и городские управления. Вып. 1–2. – Москва: Городская типография, 1916.
402. Всероссийский союз городов. Свод резолюций Экономического совещания 3–4 января 1916 г. – Москва: Городская типография, 1916. – 15 с.
403. Вторушин М.И. К вопросу о состоянии зернового производства в сибирском регионе в годы Первой мировой войны / М.И. Вторушин // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. – 2018. – № 1. – С. 64–72.
404. Вторушин М.И. Кризис аграрных отношений в Сибири в начале XX в. / М.И. Вторушин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2018. – Т. 45. – № 4. – С. 705–713.

405. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С.Н. Гавров. – Москва: Эдиториал «УРСС», 2010. – 352 с.

406. Гайда Ф.А. Временное правительство: принципы политики в контексте развития революционных процессов в России весной-летом 1917 г. / Ф.А. Гайда // Исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 17–34.

407. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского хозяйства (1822–1991 гг.) / С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. – 370 с.

408. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Эволюция представлений администрации Енисейской губернии о работе казенных хлебозапасных магазинов в Туруханском крае в досоветский период / С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. – С. 54–60.

409. Гальперина Б.Д. «Большая созидательная программа». Проект доклада А.А. Риттиха Государственной думе о положении сельского хозяйства. 22 ноября 1916 г. / Б.Д. Гальперина // Вопросы истории. – 2012. – № 5. – С. 3–21.

410. Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 – 1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции / Л.С. Гапоненко, В.М. Кабузан // История СССР. – 1961. – № 6. – С. 97–116.

411. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири / А. И. Гергилева. – Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2007. – 123 с.

412. Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Йонас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией / В.Ю. Гессен // Финансы и Бизнес. – 2010. – № 1. – С. 206–229.

413. Гилберт М. Первая мировая война / пер. с англ. С. Бавина, Ю. Гольдберга, П. Кунарева. – Москва: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2016. – 768 с.

414. Главный Комитет Всероссийского Земского союза. Экономический отдел. – Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. 1–8. Москва: Типография Товарищества Рябушинских, 1916–1917.

415. Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк) / З.В. Гоголев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1970. – 234 с.

416. Головачев П.М. Сибирь. Природа, люди, жизнь / П.М. Головачев. – Москва: Типолиотография Товарищества И.Н. Кушнерев, 1902. – 300 с.

417. Головашина О.В. Российский модернизационный метапроект: между традицией и утопией / О.В. Головашина // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 8 (54). – С. 190–197.

418. Голубинов А.Я. «Потребность в самопомощи»: решение продовольственного вопроса в средневожских городах в 1914–1917 гг. / А.Я. Голубинов // Великая война 1914–1918 гг.: сто лет / под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 191–205.

419. Голубинов А.Я. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) / А.Я. Голубинов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2007. – № 5–3 (55). – С. 194–200.

420. Голубинов Я.А. Снабжение населения и продовольственные комитеты в Самарской губернии в годы Первой мировой войны / А.Я. Голубинов // Самарский земский сборник. – 2005. – № 1 (9). – С. 60–61.

421. Горелов Ю.П., Ростов Н.Д., Еремин И.А. Вклад Сибири в обеспечение российской армии продовольствием в годы Первой мировой войны / Ю.П.

Горелов, Н.Д. Ростов, И.А. Еремин // Известия лаборатории древних технологий. – 2015. – № 4 (17). – С. 90–96.

422. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 342 с.

423. Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири / Л.М. Горюшкин // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1967. – С. 201–208.

424. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1975. – 159 с.

425. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: б. и., 1990. – 51 с.

426. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1967. – 412 с.

427. Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки революции в сибирской деревне: (Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Издательство СО АН СССР, 1962. – 130 с.

428. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография / Л.М. Горюшкин, Г.А. Ноздрин, А.Н. Сагайдачный. – Новосибирск: Наука, 1987. – 241 с.

429. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции / Л.М. Горюшкин, В.И. Пронин // Историческая демография Сибири. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 84–101.

430. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Сельское население Сибири в годы Первой мировой войны / Л.М. Горюшкин, В.И. Пронин // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Материалы XX сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. I. – Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1986. –С. 235–247.

431. «Господин главный начальник края: история Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств» / сост. И.П. Белоус и др., науч. ред. И.Л. Дамешек. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2013. – 83 с.

432. Гришакова Л.В. Организация продовольственного дела на Южном Урале в период Временного правительства / Л.В. Гришакова // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: сборник статей к международной научной конференции. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2007. – С. 195–210

433. Гришакова Л.В., Шмакова Н.Н. «Продовольственный вопрос» в современной историографии Первой мировой войны / Л.В. Гришакова, Н.Н. Шмакова // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 47–53.

434. Грозин С.Ю. Реформирование российской полиции в начале XX века / С.Ю. Грозин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. Серия: Государство и право. Юридические науки. –2014. – №. 4 (71). – С. 68–75.

435. Громан В.Г. Дороговизна хлебных продуктов / В.Г. Громан. – Москва: Городская типография, 1915. – 16 с.

436. Гулин А.О. Основные тенденции современной отечественной историографии Первой мировой войны / А.О. Гулин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 162–166.

437. Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь / И. А. Гурвич. - Москва: Типография А. Левенсон и К°, 1889. – 147 с.

438. Гэтрелл П. Промышленники и революция / П. Гэтрелл // Актон Э., Розеберг У.Г., Черняев В.Ю. Критический словарь русской революции: 1914–1921. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 528–540
439. Давыденко Н.А. К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX – начало XX вв.) / Н.А. Давыденко // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. трудов / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 105–117.
440. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. – Москва: Алетея, 2016. – 1080 с.
441. Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения России в конце XIX – начале XX века / М.А. Давыдов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 168–176.
442. Давыдов М.А. Осторожнее со статистикой / М.А. Давыдов // Вопросы истории. – 2011. – № 3. – С. 129–138.
443. Давыдов М.А. Статистика и политика / М.А. Давыдов // Вопросы истории. – 2012. – № 12. – С. 122–140.
444. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И.Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2005. – 264 с.
445. Дамешек Л.М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны / Л.М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2014. – № 7. – С. 79–87.
446. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (3). – С. 124–131.
447. Дамешек Л.М., Кушнарера М.Д. Характерные черты организации торговли «булунским купечеством» на территории северо-восточной Сибири (II

половина XIX – начало XX в.) / Л.М. Дамешек, М.Д. Кушнарера // Известия Иркутского государственного университета. – 2013. – № 1 (4). – С. 56–62.

448. Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России: лекции, читанные в Военно-Инженерной академии в 1920/21 учебном году / Н.А. Данилов. – Петроград: Государственное издательство, 1922. – 95 с.

449. Дементьев А.П. Некоторые аспекты образования советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917–1918 гг. / А.П. Дементьев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3. – С. 27–33.

450. Дементьев А.П., Коновалова О.В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / А.П. Дементьев, О.В. Коновалова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 320 с.

451. Демосфенов С.С. Общие соображения о причинах современной дороговизны / С.С. Демосфенов. – Петроград: Екатерининская типография, 1916. – 102 с.

452. Дерябина Е.С. Проблемы правового регламентирования местного самоуправления России в условиях двоевластия (февраль – октябрь 1917 г.) / Е.С. Дерябина // Проблемы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 58–62.

453. Долидович О.М. Городское общественное самоуправление Иркутска в борьбе с продовольственным кризисом (1914 – февраль 1917 г.) / О.М. Долидович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2 (88). – С. 18–22.

454. Долидович О.М. Дефицит хлеба в городах Енисейской губернии в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Манускрипт. – 2018. – № 11 (97). – Ч. 1. – С. 26–29.

455. Долидович О.М. Изменение условий функционирования мясного потребительского рынка в Иркутском генерал-губернаторстве в годы Первой

мировой войны / О.М. Долидович // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2018. – № 2 (32). – С. 116–126.

456. Долидович О.М. Иркутск в борьбе с кризисом продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Клио. – 2018. – № 4 (136). – С. 100–107.

457. Долидович О.М. Иркутский губернатор А.Н. Юган в борьбе с продовольственным кризисом (июль 1914 г. – февраль 1917 гг.) / О.М. Долидович // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2018. – № 1 (31). – С. 87–93.

458. Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 4. – С. 173–182.

459. Долидович О.М. Красноярское городское самоуправление в борьбе с продовольственным кризисом в период Первой мировой войны / О.М. Долидович // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 708–714.

460. Долидович О.М. Коррупционные схемы при поставках продовольствия в армию в период Первой мировой войны: на примере Енисейской губернии / О.М. Долидович // Научный диалог. – 2018. – № 3. – С. 149–161.

461. Долидович О.М. Кризис продовольственного снабжения в городах Енисейской губернии (июль 1914 – февраль 1917 г.): монография / О.М. Долидович. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 144 с.

462. Долидович О.М. «Мясной кризис» в Иркутске в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Манускрипт. – 2019. – № 1. – С. 36–40.

463. Долидович О.М. Правительственные и общественные структуры, занимавшиеся регулированием продовольственных вопросов в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) / О.М. Долидович // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 5. – С. 56–68.

464. Долидович О.М. Проблема продовольственного снабжения населения на Первом съезде представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям (15–17 июля 1915 г.) / О.М. Долидович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 9. – С. 14–17.

465. Долидович О.М. Продовольственное снабжение приискового населения Ленско-Витимского золотодобывающего района в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 9. – С. 71–80.

466. Долидович О.М. Продовольственный вопрос в городах Восточной Сибири в период Первой мировой войны и его обсуждение на съезде представителей городов в апреле 1916 г. / О.М. Долидович // Научный диалог. – 2018. – № 1. – С. 158–170.

467. Долидович О.М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (50). – Ч. III. – С. 71–74.

468. Долидович О.М. Продовольственный кризис в Забайкальской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) / О.М. Долидович // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 293–307.

469. Долидович О.М. Продовольственный кризис в Чите в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 7. – С. 22–26.

470. Долидович О.М. «Сахарный кризис» в России в годы Первой мировой войны (по материалам Восточной Сибири) / О.М. Долидович // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 301–316.

471. Долидович О.М. Спекуляция в Канском уезде Енисейской губернии в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2015. – № 3 (35). – С. 38–44.

472. Долидович О.М., Старовойтова Е.Н. Социальное попечение о семьях солдат в Енисейской губернии (1914–1917 гг.) / О.М. Долидович, Е.Н. Старовойтова // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – Т. 43. – Вып. 1. – С. 309–316.

473. Долидович О.М., Старовойтова Е.В. Эволюция общественных настроений в Енисейской губернии (1914–1917 гг.) / О.М. Долидович, Е.Н. Старовойтова // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 175–191.

474. Долидович О.М., Федорова В.И., Жулаева А.И. Конфликт имперских и региональных интересов по вопросу о введении режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович, В.И. Федорова, А.И. Жулаева // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – Т. 51. – Вып. 1. – С. 395–405.

475. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) / В. С. Дякин. – Ленинград: Наука, 1967. – 363 с.

476. Елизаров А.В. Создание уездной полицейской стражи согласно закону 5 мая 1903 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (144). – С. 192–195.

477. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) / И.А. Еремин. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – 293 с.

478. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / И.А. Еремин. – Барнаул: Издательство Барнаульского государственного педагогического университета, 2005. – 278 с.

479. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) / И.А. Еремин. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – 293 с.

480. Еремин М.В. Некоторые черты развития торговли в дореволюционном Забайкалье / М.В. Еремин // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. – Чита: Редакционно-издательский центр Забайкальского филиала Географического общества СССР, 1972. – С. 75–80.

481. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос / А.С. Ермолов. В 2 т. – Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1909.

482. Ершова Т.В. Золотой запас России накануне и во время Первой мировой войны / Т.В. Ершова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2012. – № 2 (10). – С. 38–49.

483. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли искусственными сладкими веществами и содержащими их пищевыми продуктами в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. / Г.А. Жолобова // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2012. – Т. 25. – № 2 (64). – С. 17–33.

484. Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны / А. Е. Елисеенко, А. В. Мармышев, П. А. Новиков. – Красноярск: Поликор, 2014. – 414 с.

485. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / Г.М. Запорожченко. – Новосибирск: Сибпринт, 2015. – 540 с.

486. Запорожченко Г.М. Деятельность потребительской кооперации Сибири по преодолению продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны / Г.М. Запорожченко // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2015. – № 1(12). – С. 68–77.

487. Запорожченко Г.М. Опыт сотрудничества кооперации и органов власти в решении продовольственной проблемы в городах Сибири (1914 – февраль 1917 гг.) / Г.М. Запорожченко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 61–66.

488. Захарова Т.В. Якутское отделение Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию

благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну / Т.В. Захарова // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. – 2014. – № 1. – С. 106–113.

489. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России / В.А. Зверев // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. трудов / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 130–153.

490. Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX вв. / В.А. Зверев // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. трудов. Выпуск. II. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 42–69.

491. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX вв./ К.Е. Зверева, В.А. Зверев. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – 237 с.

492. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области / В.М. Зензинов. – Москва: Книгоиздательство «Наука», 1916. – 97 с.

493. Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному / В.П. Зиновьев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв. Сборник материалов конференции. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. – С. 185–193.

494. Зиновьев В.П. Сибирский тыл в период Первой мировой войны / В.П. Зиновьев // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 92–95.

495. Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны / В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых // Русин. – 2014. – № 3 (37). – С. 48–61.

496. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции / Д.М. Зольников. – Новосибирск: Наука, 1982. – 206 с.

497. Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона / А.А. Иванов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1. – С. 42–53.

498. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны / Т.Я. Иконникова. – Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. – 364 с.

499. Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 28–32.

500. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.: материалы к монографии / В.А. Ноздрин, Г.А. Ильин. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. – 170 с.

501. Имаев О.А. Проблема снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения губернских городов Южного Урала в 1915–1916 гг. / О.А. Имаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–1 (32). – С. 82–85.

502. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: коллективная монография / А. В. Ануфриев, О. Н. Астраханцев, И. А. Воронов и др.; научный редактор Ю. А. Петрушин. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 447 с.

503. Иркутск накануне и в 1917 г. Очерки политической истории губернского центра / ред. Л.М. Дамешек. – Иркутск: Издательство «Оттиск», 2017. – 544 с.

504. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Ч. II. – Санкт-Петербург: Издание Министерства внутренних дел, 1893. – 407 с.

505. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева, А.К.

Кириллов, Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловский, Л.Б. Ус. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 351 с.

506. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Ленинград: Наука, 1968 г. – 532 с.

507. Исупов В.А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) / В.А. Исупов // Проблемы исторической демографии Сибири: сборник научных трудов. Выпуск IV. – Новосибирск: Издательство «Апельсин», 2015. – С. 78–111.

508. Кайгородова Н.В. Особенности крестьянской лавочной торговли в селах Иркутской губернии на рубеже XIX – XX вв. / Н.В. Кайгородова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – № 5 (76). – С. 255–258.

509. Каменецкая И.М. Государственно-монополистическое регулирование сахарной промышленности в России / И.М. Каменецкая // Исторические записки. – 1970. – Т. 86. – С. 231–269.

510. Камынин В.Д., Храмцов А.Б. Борьба с дороговизной и обеспечение населения товарами первой необходимости в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны / В.Д. Камынин, А.Б. Храмцов // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 45. – Т. 3. – С. 1110–1118.

511. Канайкин П.А. Продовольственный вопрос в России в сентябре-октябре 1917 года / П.А. Канайкин // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 2 (40). – С. 185–190

512. Карпачев М.Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) / М.Д. Карпачев // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 66–81.

513. Касимов А.С. Продовольственный кризис в земледельческих губерниях Центральной России накануне Февральской революции / А.С. Касимов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4 (8). – С. 91–94.

514. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 253 с.
515. Катцина Т.А. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917) / Т.А. Катцина // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 6 (36). – С. 674–680.
516. Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. / А. А. Кауфман. – Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение», 1900. – 179 с.
517. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение / А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1908. – С. 79–140.
518. Кауфман А.А. Переселение и колонизация / А.А. Кауфман. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. – 81 с.;
519. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том. 2: 1817 – наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевой. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2013. – 624 с.
520. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) / Ю.И. Кирьянов. – Москва: Наука, 1979. – 288 с.
521. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) / Ю.И. Кирьянов // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 3–18.
522. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 гг. / Ю.И. Кирьянов. – Москва: Институт российской истории РАН, 2005. – 217 с.
523. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917) / Т.М. Китанина. – Ленинград: Наука, 1985. – 384 с.

524. Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни / Т.М. Китанина // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Материалы XX сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. I. –Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1986. – С. 226–234.

525. Китанина Т.М. Муниципальные структуры городов и продовольственный кризис в России в годы первой мировой войны: продовольственные операции / Т.М. Китанина // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2009. – № 1. – С. 136–138.

526. Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны: 1914 – середина 1916 / Т.М. Китанина. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 143 с.

527. Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика / Т.М. Китанина. – Санкт-Петербург: «Гуманитарная Академия», 2016. – 352 с.

528. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика / Т.М. Китанина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. – 608 с.

529. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики) / Т.М. Китанина. – Ленинград: Наука, 1978. – 286 с.

530. Китанина Т.М. Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. / Т.М. Китанина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы

докладов и сообщений. – Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. – С. 86–88.

531. Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917) / Р. Клаус. Москва–Ленинград: Государственное военное издательство, 1926. – 116 с.

532. Клейнборт Л.Н. Отчего в России не стало хлеба? / Л.Н. Клейнборт. – Петроград: Издание Н.Н. Карбасникова, 1917. – 31 с.

533. Ковальская Л.М. Дороговизна жизни и борьба с ней / Л. М. Ковальская; предисл. И.М. Гольдштейн. – Москва: Типолитография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1917. – 362 с.

534. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны / Б.Д. Козенко // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.

535. Колесняк И.А. Состав и структура системы продовольственного обеспечения / И.А. Колесняк // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5. – С. 259–262.

536. Колычев А.А. Рабочие на приисках Сибири / А.А. Колычев. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1904. – 166 с.

537. Комарова Т.С. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой... Енисейская губерния в годы Первой мировой войны / Т.С. Комарова. – Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. – 120 с.

538. Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX века / Е.В. Комлева // Енисейский север: история и современность: сборник научных трудов. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016. – С. 16–47.

539. Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII – XIX вв.) / Е.В. Комлева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. – № 3. – С. 13–18.

540. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н.Д. Кондратьев. – Москва: Новая деревня, 1922. – 350 с.

541. Коновалов И.А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / И.А. Коновалов. – Москва: ИНФРА-М, 2014. – 302 с.
542. Коновалова О.В. История создания полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в.: организационно-правовые аспекты / О.В. Коновалова // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 189–195.
543. Коновалова О.В. Проблемы кадрового обеспечения полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в. / О.В. Коновалова // Novaum. – 2018. – № 15. – С. 27–32. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novaum.ru/public/p909>
544. Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) / А.П. Корелин // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 42–56.
545. Корнилов Г.Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века / Г.Е. Корнилов // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 91–101.
546. Корольков О.П. Продовольственный вопрос в Псковской губернии в 1917 г. и Великая Российская революция / О.П. Корольков // Псков. – 2011. – № 34. – С. 96–117.
547. Косых Е.Н. О социально-экономических волнениях среди населения Томской губернии накануне и в революционном 1917 г. / Е.Н. Косых // Вестник томского государственного университета. – История. – 2017. – № 48. – С. 76–79.
548. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошлым веком: развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков. – Москва: РОССПЭН, 1998. – 263 с.
549. Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / под ред. И.В. Курышева. – Ишим: Издательство ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. – 320 с.

550. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / [Л.М. Горюшкин и др.]. – Новосибирск: Наука: Ленинградское отделение, 1983. – 399 с.

551. Кривоноженко А.Ф. Продовольственная проблема в Карелии в годы Первой мировой войны и ее решение / А.Ф. Кривоноженко // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 7 (176). – С. 72–79.

552. Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. / И.И. Кротт // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 103–118.

553. Крутовский В.М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих: доклад почетного члена Общества В. М. Крутовского, сделанный им на заседании 11 января 1892 г. / В.М. Крутовский. – Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1892. – 44 с.

554. Кудрявцев Ф.А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX вв. / Ф.А. Кудрявцев // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / отв. ред. О.Н. Вилков. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1974. – С. 239–259.

555. Кузнецов И.А. Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики / И.А. Кузнецов // Вопросы истории. – 2013. – № 6. – С. 75–82.

556. Кузнецова О.Н. Министерство продовольствия Временного правительства России. Теория и практика управления / О.Н. Кузнецова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 4 (15). – С. 30–34.

557. Кузнецова О.Н. «Социалистический состав» Министерства продовольствия Временного правительства России в 1917 году / О.Н. Кузнецова // Проблемы и перспективы социально-экономического развития общества: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Институт истории СПбГУ, 2016. – С. 99–103.

558. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А.Н. Курцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/>

559. Кушнарера М.Д. Вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения городов Северо-Восточной Сибири в начале XX век / М.Д. Кушнарера // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 4. – С. 66–70.

560. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны / П.А. Кюнг. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 237 с.

561. Лаверычев В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / В.Я. Лаверычев / Вестник Московского государственного университета. – 1956. – № 1. – С. 46–68.

562. Лебедев С.В. Возможности и перспективы сахарной промышленности в Минусинском округе / С.В. Лебедев. – Томск: б. и., 1930. – 74 с.

563. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб / И.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. – Москва: Мысль, 1990. – 222 с.

564. Ленско-Витимский золотоносный район // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. – Т. 3. – С. 77–83.

565. Липатова Н.В. Ошибка регионального масштаба: хлебная монополия Временного правительства и ее последствия / Н.В. Липатова // Центр и периферия. – 2015. – № 4. – С. 4–9

566. Лозинский З.Б. Экономическая политика Временного правительства / З.Б. Лозинский. – Ленинград: Прибой, 1929. – 201 с.

567. М. Дм. Железные дороги в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. – Новониколаевск: [б. и.], 1921. – С. 41 – 54.

568. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

569. Магомедов Р.Р., Гришакова Л.В. Война и хлеб: История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны / Р.Р. Магомедов, Л.В. Гришакова. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2012. – 171 с.

570. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. / А. Мак-Ки // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium) / под ред. Н. Н. Смирнова. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 147–160.

571. Маленьких М.А. Зерновое хозяйство Иркутской губернии в годы столыпинской аграрной реформы / М.А. Маленьких // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 3 (25). – С. 138–144.

572. Мамаев А.В. Мировая война, революция и перспективы городского самоуправления / А.В. Мамаев // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. – Москва: ИРИ РАН, 2014. – С. 302–308.

573. Маракулин В. Условия сбыта сельскохозяйственных продуктов в Енисейской губернии / В. Маракулин. – Красноярск: Енисейская губернская электро-типография, 1916. – 12 с.

574. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии / А.В. Мармышев, А.Г. Елисеенко. – Красноярск: Издательство ООО «Версо», 2008. – 416 с.

575. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения / под ред. А.В. Чаянова. Вып. I–III. – Москва: Городская типография, 1916.

576. Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика / Н.П. Матханова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 15. – С. 22–30.

577. Мацузато К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты / К. Мацузато // Земский феномен: политологический подход. – Саппоро, 2001. – С. 144–198.

578. Мацузато К. Модернизация и режим тотальной войны: феномен российской империи / К. Мацузато // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. – Самара: ООО Научно-технический центр, 2017. – С. 39–44.

579. Мацузато К. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны / К. Мацузато // Acta slavica iaponica. Sapporo, 1997. Vol. 15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/15/matsuzato/matsuzato.html>.

580. Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи / К. Мацузато // Acta Slavica Iaponica. – 1991. – № 9. – С. 68–107.

581. Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы / К. Мацузато // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 185–197.

582. Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири / Д. Мерхалев // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. – Новониколаевск: [б. и.], 1921. – С. 94–111.

583. Минаков А.С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны / А.С. Минаков // Российская история. – 2014. – № 5. – С. 62–73.

584. Минаков А.С. Губернаторский корпус России в годы Первой мировой войны / А.С. Минаков // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. – Москва: ИРИ РАН, 2014. – С. 117–125.

585. Минин А.А. Война, хозяйство и кооперация / А.А. Минин. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1915. – 54 с.

586. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б.Н. Миронов. – Москва: Весь Мир, 2012. – 848 с.

587. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1–3. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015.

588. Модернизация в России и конфликт ценностей / А.С. Ахиезер, Н.Н. Козлова, С.Я. Матвеева. – Москва: ИФ РАН, 1994. – 250 с.

589. Мокшина Е.Н., Фадеев Б.С. Об историографии Первой мировой войны / Е.Н. Мокшина, Б.С. Фадеев // Социально-политические науки. – 2015. – № 2. – С. 47–53.

590. Мунжукова С.И. Проблема распределения продовольствия и карточная система Петрограда в 1917 г./ С.И. Мунжукова // Петербургский исторический журнал. – 2018. – №3 (19). – С. 325–336.

591. Мухин А.А. Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю / А.А. Мухин. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. – 226 с.

592. Невлев В.К., Невлев В.В. Историко-правовая обстановка на Ленских приисках в 1912 г. / В.К. Невлев, В.В. Невлев // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 272–284.

593. Невский С.А., Сычев Е.А., Аганесов Д.Е. Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / С.А. Невский, Е.А. Сычев, Д.Е. Аганесов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2 (24). – С. 369–376.

594. Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции / С.А. Нефедов // *Quaestio Rossica*. – Vol. 5. – 2017. – № 3. – С. 635–655.

595. Нефедов С.А. Русская революция – трагическая случайность? / С.А. Нефедов // Общественные науки и современность. – 2017. – № 5. – С. 96–107.

596. Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России / С.А. Нефедов // Вопросы истории. – 2011. – № 5. – С. 127–136.

597. Никитина С.Е. А.Е. Кулаковский о землеустройстве и землепользовании в Якутской области в начале XX века / С.Е. Никитина // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 2 (9). – С. 58–65.

598. Новиков П.А. Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. / П.А. Новиков. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2008. – 275 с.

599. Новиков П.А. Документация о людских потерях сибирских стрелковых полков в Первой мировой войне / П.А. Новиков // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319. – С. 92–98.

600. Новиков П.А. Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я сибирские стрелковые дивизии в 1914–1917 г. / П.А. Новиков // Известия лаборатории древних технологий. – 1916. – № 1 (18). – С. 63–72.

601. Новиков П.А. Сибирские армейские корпуса в Первой мировой войне / П.А. Новиков // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 66. – № 4. – С. 63–72.

602. Новиков П.А. 3-й Сибирский корпус в марте 1916 г. / П.А. Новиков // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–1 (64). – С. 153–156.

603. Овчаров В.В. Очерки по истории военных сообщений Приенисейской Сибири / В.В. Овчаров. – Красноярск: б.и., 2017. – 338 с.

604. Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население. Переселенческий вопрос / Н.П. Огановский. – Саратов: Электротипография Б.Л. Рабинович, 1914. – 335 с.

605. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири: эпизодический курс лекций, прочитанных... в феврале-марте 1920 года; с 12-ю диаграммами и картограммами / Н. П. Огановский. – Омск: Типография Сибирского отделения Центросоюза, 1921. – 175 с.

606. Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // Еврейские общины в Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. 2001. Вып. 6. С. 51–60.

607. Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции / Н. Орлов. – Москва: Издание Народного комиссариата продовольствия, 1918. – 398 с.

608. Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции / Н.А. Орлов. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1919. – 30 с.

609. Островский А.В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Полторак, 2016. – 249 с.

610. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. / А.В. Островский. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – 431 с.

611. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И.В. Островский. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1991. – 304 с.

612. Оськин М.В. Война и хлеб: продовольственное снабжение русской армии в период Первой мировой войны (потенциал ресурса в войне на истощение) / М.В. Оськин // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. – С. 315–323.

613. Оськин М.В. Заготовки мяса в Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны / М.В. Оськин // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сборник научных статей. – Владивосток: Рея, 2016. – С. 169–176.

614. Оськин М.В. Заготовки продовольствия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны / М.В. Оськин // Россия и АТР. – 2016. – № 2 (92). – С. 121–134.

615. Оськин М.В. Заготовки скота для действующей армии в период Первой мировой войны 1914–1917 гг.: Азиатская Россия в снабжении фронта / М.В. Оськин // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции к 275-летию со дня основания г. Оренбурга, 200-летию со дня рождения Оренбургского генерал-губернатора, почетного гражданина г. Оренбурга Н.А. Крыжановского, 100-летию организации государственной архивной службы. Научный редактор С.В. Любичанковский. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. – С. 123-127.

616. Оськин М.В. Китайский хлеб для России: русские продовольственные закупки на Дальнем Востоке в 1917 г. / М.В. Оськин // Россия и АТР. – 2015. – № 2 (88). – С. 111–120.

617. Оськин М.В. Неизбежные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М.В. Оськин. – Москва: Вече, 2011. – 432 с.

618. Оськин М.В. «Особая» экспедиция П.К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны / М.В. Оськин // Mongolica. – 2014. – № XII. – С. 36–42.

619. Оськин М.В. Питание солдата в окопах Первой мировой войны / М.В. Оськин // История повседневности. – 2017. – № 3 (5). – С. 127–142.

620. Оськин М.В. Продовольственная политика Министерства земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) / М.В. Оськин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 190–209.

621. Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 г.: поиск выхода из кризиса / М.В. Оськин // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 53–66.

622. Оськин М.В. Продовольственная проблема России в 1917 году / М.В. Оськин // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 355–361.
623. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны: производство и снабжение (к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX в.) / М.В. Оськин // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2018. – № 1. – С. 130–139.
624. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти / М.В. Оськин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2015. – № 7 (204). С. 16–171.
625. Оськин М.В. «Риттиховская» хлебная разверстка зимы 1916/17 годов: продовольственный кризис в Центрально-Черноземном районе / М.В. Оськин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – № 3. – С. 68–73.
626. Оськин М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. / М.В. Оськин // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 144–152.
627. Очерки по земледелию Восточной Сибири / К.Н. Миротворцев и др. – Иркутск: б. и., 1924. – 152 с.
628. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / И.П. Павлова. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2003. – 152 с.
629. Павлова И.П., Катцина Т.А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.) / И.П. Павлова, Т.А. Катцина // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 134–140.
630. Пайпс Р. Русская революция [в 3 кн.]. Кн. 1: Агония старого режима, 1905–1917 / Р. Пайпс. – Москва: Захаров, 2005. – 480 с.

631. Парамонов В.Н. Качество жизни населения России в военный период 1914–1918 гг.: историографический аспект / В.Н. Парамонов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. – 2014. – № 5 (29). – С. 39–51.

632. Патронова А.Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. / А.Г. Патронова // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. – Чита: Редакционно-издательский центр Забайкальского филиала Географического общества СССР, 1972. – С. 57–74.

633. Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 5. Экономика и оружие войны / под общ. ред. К.С. Шойгу. – Москва: Куличково поле, 2017. – 848 с.

634. Первая мировая война: современная историография: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. – Москва: б. и., 2014. – 231 с.

635. Перспективы сельского хозяйства Сибирского края. – Новосибирск: Издательство «В помощь земледельцу», 1926. – 535 с.

636. Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской империи в начале XX века / А.В. Петров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3 (28). – С. 134–137.

637. Петров А.М. Основные направления политики Временного правительства по реформированию пенитенциарной системы России (февраль – октябрь 1917 г.) / А.М. Петров // Вестник Владимирского Юридического института. – 2012. – № 1 (22). – С. 172–175.

638. Побережников И.В. Актеры российской имперской модернизации: региональные кейсы / И.В. Побережников // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов. – Омск: Полиграфический центр «КАН», 2016. – С. 25–33.

639. Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4 (57). – С. 6–11.

640. Побережников И.В. Модернизации в истории России: спорные вопросы / И.В. Побережников // Мир истока и пространство Сибири: сборник статей к юбилею профессора Н. Н. Алеврас. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 55–73.

641. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному общества: теоретико-методологические проблемы модернизации. – Москва: РОСПЭН, 2006. – 240 с.

642. Побережников И.В. Проблемы в изучении российских модернизаций / И.В. Побережников // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России с XVIII–XXI вв.: материалы XIII всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, Уральский Федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина, 2018. – С. 93–102.

643. Побережников И.В. Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) / И.В. Побережников // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX вв.: Урал, Сибирь, Казахстан: сборник статей. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2018. – С. 173–178.

644. Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 72–80.

645. Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны / А.П. Погребинский // Исторические записки. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 37–60.

646. Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны / Г. Полонский. – Петроград: Американская скоропечатня, 1917. – 52 с.

647. Поплавский И. Военно-грузовой налог и его влияние на дороговизну / И. Поплавский // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. – Москва: Городская типография, 1915. – С. 71–98.

648. Поршнева О.С. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) / О.С. Поршнева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2008. – № 2. – С. 39–50.

649. Поткина И.В. Основные направления экономической политики правительства и формирование мобилизационной модели, 1914–1917 гг. / И.В. Поткина // Экономическая история. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 188–203.

650. Проблема модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт / Л.И. Бородкин, Ю.П. Бокарев, А.С. Сенявский, А.А. Фурсенко, Ю.Ф. Воробьев и др. // Бюллетень научного совета Российской Академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. – 2007. – № 5. – С. 3–23.

651. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство / С.Н. Прокопович. – Москва: б. и., 1918. – 264 с.

652. Промышленность Енисейской губернии // Известия Енисейского Губпродкома. – 1920. – № 5. – С. 10–14.

653. Пронин В.И. Влияние переселений крестьян на развитие рынка Сибири в пореформенный период / В.И. Пронин // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Издательство НГПИ, 1991. – С. 46–53.

654. Пронин В.И. Города Сибири как рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма / В.И. Пронин // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1988. – С. 61–73.

655. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. / В.И. Пронин // Город и деревня Сибири в досоветский период.

Бахрушинские чтения 1984 г.: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Новосибирский университет, 1984. – С. 88–102.

656. Пронин В.И. Динамика уровня земледельческого производства в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Пронин // История СССР. – 1977. – № 4. – С. 58–75

657. Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в (к статистике вопроса) / В.И. Пронин // Из истории Алтая: сборник статей. – Томск, 1978. С. 95–129.

658. Пронин В.И. Хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. / В.И. Пронин // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования / сб. науч. тр. под. ред. В.А. Зверева. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 47–66.

659. Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н.А. Проскуракова // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153–165.

660. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Н.Л. Пушкарева, П.П. Щербинин // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 147–162.

661. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. / Г.Х. Рабинович. – Томск: Издательство Томского университета, 1975. – 328 с.

662. Рабинович Г.Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Г.Х. Рабинович // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Сборник статей и документов. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1962. – С. 27–77.

663. Резолюции экономического совещания по борьбе с дороговизной, состоявшегося в Москве 11–13 июля при Всероссийском союзе городов /

Всероссийский союз городов. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1915. – 15 с.

664. Результаты работ совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной жизни, организованного Главным комитетом Всероссийского Союза городов и происходившего в Москве 11–13 июля 1915 г. Иркутское городское общественное управление / И.И. Серебренников. – Иркутск: Типография И.П. Казанцева, 1915. – 20 с.

665. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик, М.В. Шиловский. – Новосибирск: ИДМИ, 2001. – 114 с.

666. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005, 193 с.

667. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления / А.В. Ремнев // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 60–73.

668. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / А.В. Ремнев. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. – 580 с.

669. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017.

670. Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. – Москва: [ИРИ РАН], 2014. – 712 с.

671. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Аксенов В.Б. и др.; отв. ред. Ю.А. Петров. – Москва: РОССПЭН, 2014. – 982 с.

672. Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). – Москва: Издание ЦСУ, 1925. – 103 с.

673. Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума) / под ред. Н. Н. Смирнова. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 564 с.

674. Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / отв. ред. Ю.А. Петров. – Москва: Институт российской истории РАН, 2014. – 416 с.

675. Руднева С.Е. Повышение железнодорожных тарифов в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 6–1. – С. 7–16.

676. Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны / Я. Рудой. – Ленинград: Прибой, 1925. – 95 с.

677. Румянцев П.П. Ленское золотопромышленное товарищество и Товарищество служащих как пример ведения приискового хозяйства в начале XX века / П.П. Румянцев // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 18–21.

678. Румянцев П.П. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики (районы Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский) / П.П. Румянцев. – Санкт-Петербург: Типолитография «Экономия», 1914. – 485 с.

679. Рынков В.М. Аграрная экономика под прессом государственного администрирования: из опыта времен Первой мировой войны / В.М. Рынков // Экономический журнал. – 2016. – № 3 (43). – С. 68–97.

680. Рынков В.М. Аграрная экономика Сибири в годы Первой мировой и гражданской войн: проблема интерпретации статистических источников / В.М. Рынков // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 4 (26). – С. 42–50.

681. Рынков В.М. Власть и население Сибири в тисках потребительских кризисов: региональные особенности общероссийских социальных процессов (лето 1914 – февраль 1917 года) / В.М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. – С. 179–187.

682. Рынков В.М. Влияние государственных заготовок хлеба на продовольственное положение населения Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / В.М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. – С. 174–182.

683. Рынков В.М. В преддверии военного коммунизма: государственная продовольственная политика как фактор трансформации хлебного рынка России (февраль – октябрь 1917 г.) / В.М. Рынков // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19. – № 3 (166). – С. 105–119.

684. Рынков В.М. Государственная кредитная политика как фактор разрешения продовольственного вопроса в Сибири в 1915 – начале 1917 года / В.М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2015. – С. 179–187.

685. Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. / В.М. Рынков // Налоги и заготовки в сибирской деревне, 1890–1920 гг. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2004. – С. 78–97.

686. Рынков В.М. Государство, кооперация и частные предприниматели: маслозаготовки в Сибири в 1914–1916 годах / В.М. Рынков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2007. С. 118–127.

687. Рынков В.М. Заготовка рыбы в Енисейской губернии (сентябрь – ноябрь 1916 года): анализ конфликта интересов, порожденного хозяйственной

деятельностью государства / В.М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 182–190.

688. Рынков В.М. На пути к колониальному будущему: трансформация экономики Сибири в годы Первой мировой войны / В.М. Рынков // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. трудов. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2016. – С. 55–63.

689. Рынков В.М. Сибирский хлеб для армии и союзников: заготовки 1916 – 1917 гг. / В.М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2014. – С. 416–425.

690. Рынков В.М. Хлебный рынок Сибири в конце XIX – начале XX вв.: итоги и перспективы изучения / В.М. Рынков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2018. – № 1. С. 140–152.

691. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг./ В.М. Рынков, В.А. Ильиных. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – 244 с.

692. Самсонов В. Сибирь как источник продовольствия: Опыт «продовольственной географии» губерний: Омской, Семипалатинской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской / В. Самсонов. – Омск: Сибирское областное государственное издательство, 1921. – 56 с.

693. Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему / Д. Санборн // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 202–215.

694. Сафронов С.А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906 – 1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний) / С.А. Сафронов. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. – 751 с.

695. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.) / Ф.Г. Сафронов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1961. – 495 с.

696. Сахневич И.В. Правовые основы продовольственной политики Временного правительства / И.В. Сахневич // Юридические записки. – 2014. – № 1. – С. 138–143.

697. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. – Москва: Типография М.К.Х., 1924. – 481 с.

698. Свавицкий Н.А. Таксы / Н.А. Свавицкий // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. IV. – Москва: Городская типография, 1916. – С. 161–274.

699. Северьянов М.Д., Сафронов С.А. Деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири в период Столыпинских реформ / М.Д. Северьянов, С.А. Сафронов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 40–50.

700. Семенова Е.Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны / Е.Ю. Семенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (7). – С. 169–174.

701. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политические аспекты / Е.Ю. Семенова. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2012. – 888 с.

702. Сенявский А.С., Братченко Т.М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии / А.С. Сенявский, Т.М. Братченко // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 67–76.

703. Сибирь в войнах начала XX века: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. / редкол. проекта: С.А. Пономаренко и др. – Красноярск: Резонанс, 2014. – 304 с.

704. Сибирь в войнах начала XX века. Сибирь и войны XIX–XX веков: тез. Всерос. [с междунар. участ.] науч. конф. (г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 170 с.

705. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

706. Сидоренко С.А. Сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны / С.А. Сидоренко // Вопросы истории Урала и Западной Сибири: ученые записки Курганского государственного педагогического университета. – Свердловск, 1966. – С. 310–318;

707. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. – Москва: Наука, 1973. – 656 с.

708. Синиченко В.В. Влияние курса рубля на деятельность по закупке продовольствия для нужд армии и тыла в годы Первой мировой войны / В.В. Синиченко // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. – С. 195–201.

709. Синиченко В.В., Токарева Г.С. «Твердые цены» на сахар на востоке России в годы Первой мировой и Гражданской войн / В.В. Синиченко, Г.С. Токарева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2020. – С. 185–189.

710. Скубневский В.А. Заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в период империализма / В.А. Скубневский // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 140–147.

711. Славнитский Н.Р. Продовольственный вопрос на Северо-Западе России осенью 1917 г. / Н.Р. Славнитский // История в подробностях. – 2017. – № 2 (80). – С. 48–51

712. Слезин А.А. Новое в отечественной историографии Первой мировой войны / А.А. Слезин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (73). – С. 138–142.

713. Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири / М. Соболев // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1908. – С. 141–168.

714. Соколов А.А. Сахар / А.А. Соколов // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. II. – Москва: Городская типография, 1915. – С. 133–172.

715. Спичак В.В., Остромов В.Б. Развитие сахарной промышленности в России / А.В. Спичак, В.Б. Остромов. – Курск: РНИИСП, 2010. – 397 с.

716. Стариков Н.А. Типология стран мира по особенностям продовольственной ситуации / Н.А. Стариков // Вестник Московского университета. – 2015. – № 6. – С. 48–56.

717. Старков Д.А. Губернаторы в системе местного управления и их вклад в решение продовольственного вопроса в Российской империи в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) / Д.А. Старков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10. – № 1. – С. 65–70.

718. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В.А. Степынин. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1962. – 398 с.

719. Стэльмах М.К. Модернизация продовольственного дела в России на рубеже XIX–XX вв. / М.К. Стэльмах // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории

Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. – Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. – С. 77–87.

720. Субботина И.А. Организация работы органов, снабжающих армию продовольствием, в период Временного правительства (на примере Нижегородской губернии) / И.А. Субботина // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9. – № 4–1. – С. 78–91

721. Судаев Д.Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления // Социология власти. 2009. № 8. С. 139–146.

722. Суходолов А.П. История иркутской золотодобычи / А.П. Суходолов // Золото и технологии. – 2017. – № 4 (38). – С. 150–162.

723. Тагирова Н.Ф. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования / Н.Ф. Тагирова // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / сост. С.М. Исхаков. – Москва: Институт российской истории РАН, 2014. – С. 62–75.

724. Товарные перевозки по рекам Сибири в 1913 – 1919 гг. // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. – Новониколаевск: [б. и.], 1921. – С. 82–93.

725. Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии / М.И. Туган-Барановский // Вопросы мировой войны». – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1915. – С. 269–324.

726. Туманова А.С. Мобилизация гражданского общества России против неприятельских подданных в годы Первой мировой войны: организационный и правовой аспекты / А.С. Туманова // Политика и обществе. – 2014. – № 7. – С. 733–739.

727. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А.С. Туманова. – Москва: Политическая энциклопедия, 2014. – 327 с.

728. Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны / А.С. Туманова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1 (11). – С. 50–59.

729. Туманова А.С. Правила о созыве съездов и собраний от 1 сентября 1916 г. в контексте нарастания противостояния российской власти и общественности / А.С. Туманова // История государства и права. – 2014. – № 24. – С. 44–48.

730. Туман-Никифорова И.О., Чеберяк Н.В. Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И.О. Туман-Никифорова, Н.В. Чеберяк // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2012. – № 9. – С. 224–230.

731. Туман-Никифорова И.О. Отражение модернизационных процессов в динамике численности купечества Енисейской губернии (II половина XIX–XX вв.) / И.О. Туман-Никифорова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 6. – С. 210–216.

732. Тумурхонова Н.В. Реализация продовольственной политики Временного правительства на территории Забайкалья / Н.В. Тумурхонова // Известия Алтайского государственного университета. – 2019. – № 5 (109). – С. 55–59.

733. Тыркова А.В. Продовольственная опасность / А.В. Тыркова. – Петроград: Издательство партии Народной свободы, 1917. – 16 с.

734. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции) / В.Г. Тюкавкин. – Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1966. – 471 с.

735. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций / В.Г. Тюкавкин, Э.М. Щагин. – Москва: Просвещение, 1987. – 207 с.

736. Фабрика Ю.А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Ю.А. Фабрика // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 6. – С. 41–45.

737. Федоров А.Н. Городская социальная политика Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) / А.Н. Федоров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1099-gorodskaya-sotsialnaya-politika-vremennogo-pravitelstva-mart-oktyabr-1917-g>

738. Федоров А.Н. Организация продовольственного дела в революционной России (март–октябрь 1917 г.) / А.Н. Федоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2010. – № 2 (14). – С. 19–27.

739. Федоров М.П. Война и дороговизна жизни 1916 г.: доклад председателя Петроградской городской финансовой комиссии М.П. Федорова / М.П. Федоров. – Петроград: Городская типография, 1916. – 87 с.

740. Федорова В.И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: экономика, общество, культура / В. И. Федорова, 2016. – 342 с.

741. Федорова В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период / В.И. Федорова. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – 116 с.

742. Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861 – 1945 гг. / С. Ферстер // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 12–27.

743. Фирсов И.Ф. Народная милиция Тобольской губернии в период Временного правительства / И.Ф. Фирсов // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 9 (87). – С. 134–137.

744. Фомин А.А. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. / А.А. Фомин // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. – Новониколаевск: [б. и.], 1921. – С. 55–62.

745. Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период кануна Первой мировой войны до Февральской революции / Л. Хеймсон // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 17–33.

746. Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 г. / М. Хейстингс; пер. с англ. – Москва: АНФ, 2014. – 604 с.

747. Ходнев А.С. Первая мировая война: уроки истории / А.С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1. С. 91–94.

748. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте / П. Холквист // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 83–101.

749. Хоменко Д.Ю. Коренное и русское население Енисейского севера во второй половине XIX – начале XX века в свете проникновения капиталистических отношений / Д.Ю. Хоменко // Технологии развития социальных, экономических и логических процессов Арктической зоны России: история и современность (Красноярск, 30-31 марта 2017 г.): материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. – С. 206–211.

750. Хоменко Д.Ю. Рост Антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX – XX веков: Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во «Параллель»; Институт истории СО РАН. 2014. С. 50–56.

751. Храмов А.А. О влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство Томской губернии / А.А. Храмов // Советское крестьянство –

активный участник борьбы за социализм и коммунизм. – Барнаул, 1969. – С. 37–39.

752. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк / С.Ф. Хроленок. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 312 с.

753. Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки / А.И. Хрящева. – Москва: 16-я типография М.С.Н.Х. бывшая городская, 1921. – 45 с.

754. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А. Чаянов. – Москва: [б. и.], 1919. – 343 с.

755. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) / О.В. Чудаков // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3 (61). – С. 146–154.

756. Чудаков О.В. Деятельность органов городского самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / О.В. Чудаков // Омский научный вестник. – 2009. – № 4 (79). – С. 35–37.

757. Чудаков О.В. Продовольственный вопрос в деятельности городского общественного управления в Сибири в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) / О.В. Чудаков // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 42–45.

758. Чудаков О.В. Составление расходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / О.В. Чудаков // Омский научный вестник. – 2011. – № 5 (101). – С. 25–28.

759. Чудаков О.В. Формирование доходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / О.В. Чудаков // Омский научный вестник. – 2009. – № 5 (81). – С. 13–16.

760. Чупина И.П., Трясцин М.М. Механизм развития системы продовольственного самообеспечения / И.П. Чупина, М.М. Трясцин // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 11–2 (106). – С. 73–74.

761. Шапова Л.В. Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии / Л.В. Шапова // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: коллективная монография / А. В. Ануфриев, О. Н. Астраханцев, И. А. Воронов и др.; научный редактор Ю. А. Петрушин. – Иркутск: Оттиск, 2014. – С. 229–248.

762. Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. / П. Шаров. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, Отдел военной литературы, 1928. – 174 с.

763. Шаяхметова Т.Е. Оформление и развитие полицейского законодательства в сфере обеспечения «благополучия» в Российской империи XIX века / Т.Е. Шаяхметова // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 2. – С. 152–169.

764. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор / В.М. Шевырин. – Москва: РАН. ИНИОН, 2003. – 152 с.

765. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.) / Г.И. Шигалин. – Москва: Воениздат, 1956. – 332 с.

766. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / М.В. Шиловский. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

767. Шлезингер Л.Г. Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной / Л.Г. Шлезингер // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. – Москва: Городская типография, 1915. – С. 269–304.

768. Шлихтер А.Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии (по данным статистической анкеты) / А.Г. Шлихтер. – Красноярск: Енисейская губернская электротипография, 1915. – 164 с.

769. Шлихтер А.Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края / А.Г. Шлихтер, В.Л. Исаченко. – Красноярск: Типография б. М.И. Абалакова, 1916. – 305 с.

770. Шостак О.И., Нефедов Б.Н. Экономическая история Сибири: XVII – начало XX в. / О.И. Шостак, Б.Н. Нефедов. – Москва: Наука, 2008. – 144 с.

771. Шумилова Э.Е. Продовольственное обеспечение в крупных городах Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 г. / Э.Е. Шумилова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 69–72.

772. Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) / А.С. Щетинина // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4–2. – С. 177–182.

773. Энгл Б. Не хлебом единым: продовольственные беспорядки в России во время Первой мировой войны / Б. Энгл // Вестник Ленинградского государственного университета. История. – 2010. – № 1. – Т. 4. – С. 148–178.

774. Юрганова И.И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) / И.И. Юрганова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 16. – С. 135–140.

775. Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян / И. Ямзин. – Киев: Типография Императорского Университета святого Владимира, 1912. – 198 с.

776. Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири / И.В. Яровой. – Новониколаевск: Советская Сибирь, 1924. – 39 с.

777. Ясный Н.М. Продовольственное дело и хлебная монополия / Н. М. Ясный. – Петроград: Книгоиздательство Ясного (бывшее Попова), 1917. – 32 с.

778. Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. – Harlow: Pearson / Longman, 2005. – 318 p.

779. Gatrell P., Harrison M. The Russian and Soviet economies in two world wars: a comparative view // *Economic History Review*. – 1993. – № 46 (3). – P. 425–452.

780. *Great War, Total War: combat and mobilization on the Western Front, 1914–1918* / ed. by R. Chickering and S. Förster. – Washington: German hist. inst.; Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 531 p.

781. Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. – Cambridge: Harvard University Press, 2002. – 359 p.

782. Lih L.T. *Bread and authority in Russia, 1914–1921*. – Berkeley: University of California Press, 1990. – 303 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

783. Борисов В.И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914 – март 1921 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Валерий Иннокентьевич Борисов. – Москва, 1996. – 47 с.

784. Вахромеев В.А. Продовольственные комитеты в 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Владимир Анатольевич Вахромеев. – Москва, 1984. – 244 с.

785. Воронов В.И. Министерство земледелия Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Иван Иванович Воронов. – Санкт-Петербург, 2016. – 462 с.

786. Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярослав Анатольевич Голубинов. – Самара, 2009. – 236 с.

787. Дружинина А.В. Торгово-промышленное развитие городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анастасия Васильевна Дружинина. – Иркутск, 2002. – 25 с.

788. Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Игорь Александрович Еремин. – Барнаул, 2006. – 618 с.

789. Изаксон Р.А. Деятельность российских властей по преодолению кризиса с трудовыми ресурсами в годы Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 // Раиса Андреевна Изаксон. – Иркутск, 2018. – 24 с.

790. Константинова М.В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX-начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Марина Викторовна Константинова. – Красноярск, 2007. – 22 с.

791. Лейкина С.А. Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Снежана Александровна Лейкина. – Иркутск, 2004. – 26 с.

792. Михеев Б.В. Социально-экономическое развитие Забайкальской области в начале XX века (1900–1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Баир Викторович Михеев. – Улан-Удэ, 2012. – 22 с.

793. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Максим Викторович Оськин. – Москва, 2018. – 670 с.

794. Романов К.С. Департамент полиции Министерства внутренних дел накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кирилл Сергеевич Романов. – Санкт-Петербург, 2002. – 274 с.

795. Сандаров Ю.Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юрий Борисович Сандаров. – Иркутск, 1996. – 27 с.

796. Шитова Т.В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Татьяна Викторовна Шитова. – Москва, 2001. – 225 с.

797. Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Светлана Юрьевна Шишкина. – Тюмень, 1999. – 261 с.

798. Шубин Н.А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой Мировой войны. Опыт взаимодействия государства и общественных организаций (1914–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Николай Алексеевич Шубин. – Москва, 1997. – 25 с.

799. Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне: Историография проблемы (1914–2000 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Николай Алексеевич Шубин. – Москва, 2001. – 287 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблицы

Таблица 1

Динамика населения Восточной Сибири, 1914–1916 гг.

Губернии/области Восточной Сибири	Население	1914 г.	1916 г.
		согласно данным Центрального статистического комитета, тыс. чел.	сельское население - по переписи 1916 г., городское – по данным полицейских исчислений * тыс. чел.
Енисейская губерния	Всего	990,4	1 090,3
	Сельское	847,5	978,3
	Городское	142,9	112,0
Иркутская губерния	Всего	750,2	810,9
	Сельское	636,7	675,7
	Городское	113,6	135,2
Забайкальская область	Всего	945,7	897,4
	Сельское	801,4	772,7
	Городское	144,3	124,7
Якутская область	Всего	330,0**	271,3
	Сельское	314,8	258,2
	Городское	15,1	13,1

Губернии/области Восточной Сибири	Население	1914 г.	1916 г.
		согласно данным Центрального статистического комитета, тыс. чел.	сельское население - по переписи 1916 г., городское – по данным полицейских исчислений * тыс. чел.
Итого в Восточной Сибири	Всего	3 016,3	3 069,9
	Сельское	2 600,4	2 684,9
	Городское	415,9	385,0
Всего в Сибири	Всего	10 593,4	11 321,0
	Сельское	9 466,7	10 232,4
	Городское	1 126,7	1 081,6

* - без учета мобилизованных в армию, а также беженцев и военнопленных.

** – данные Центрального статистического комитета превышали действительную численность населения Якутской области за указанный год.

Источники: Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1984. С. 90.

Площадь и население Восточной Сибири, январь 1914 г.

Губернии/области Восточной Сибири	Площадь, (кв. верст)	К общей площади Восточной Сибири (%)	Население, тыс. чел.			К общей численности населения Восточной Сибири (%)
			города	уезды	всего	
Якутская область	3 357 556,3	48,7	15,1	314,8	330,0	11,0
Енисейская губерния	2 233 929,5	32,4	142,9	847,5	990,4	33,0
Иркутская губерния	763 175,2	11,0	113,6	636,7	750,2	24,4
Забайкальская область	542 339,1	7,9	144,3	801,4	945,7	31,6
Итого	6 897 000,1	100	415,9	2 600,4	3 016,3	100

Источники: Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1984. С. 90; Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915. С. 54–55.

Процентное отношение мужчин, призванных на фронт в Восточной Сибири в 1914–1918 гг., к численности населения, мужчин, трудоспособных мужчин

Губернии/области Восточной Сибири	Призванных, %		
	ко всему населению	к численности мужчин	к числу трудоспособных мужчин
Енисейская губерния	9,0	17,5	38,8
Иркутская губерния	11,5	22,2	49,5
Забайкальская область	13,0	25,3	54,8
Якутская область	0,4	0,7	1,5
Итого	8,5	16,4	36,1

Источники: Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). Москва, 1925. С. 21.

Динамика посевных площадей в Восточной Сибири, 1914–1917 гг.

Годы	Общая посевная площадь в тыс. десятин			
	Енисейская губерния	Иркутская губерния	Забайкальская область	Якутская область
1914	590,9	372,7	351,3	14,7
1915	609,7	324,9	333,8	–
1916	625,9	425,0	333,8	–
1917	706,7	410,4	457,7	24,9

Источники: Виленский В.Д. Хлебная монополия в условиях Якутской области. Иркутск, 1917. С. 3; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 303.

Урожайность пшеницы и овса в губерниях Восточной Сибири, 1911–1917 гг.

Годы	Урожай пшеницы, в пудах с десятины			Урожай овса, в пудах с десятины		
	Енисейская губерния	Иркутская губерния	по Сибири в целом	Енисейская губерния	Иркутская губерния	по Сибири в целом
1911	44	52	41	44	60	43
1912	42	37	46	46	44	51
1913	51	48	52	61	56	61
1914	65	56	65	69	61	71
1915	42	51	47	32	45	48
1916	–	–	72	–	–	66
1917	–	–	57	–	–	67

Источники: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 321.

Обеспеченность продовольственными хлебами населения Енисейской и Иркутской губерний в 1913 г.

Уезды	Посевная площадь (тыс. десятин)	Сбор за вычетом семян (тыс. пудов)	Потребление (тыс. пудов)	Избыток (+) или недостаток (-)(тыс. пудов)
Енисейская губерния				
Ачинский	73,9	3 934, 3	3 779,9	+ 154,4
Енисейский	18,9	1 226,7	172,8	+ 53,9
Канский	147,1	7 584,7	5 360,6	+ 2 224,1
Красноярский	47,5	1 963,1	2 177,7	- 214,6
Минусинский	142,8	9 756,7	5 408,3	+ 4 348,4
по губернии	430,2	24 465,5	17 899,3	+ 6 566,2
Иркутская губерния				
Иркутский	139,7	2 925,6	5 788,5	- 2 862,9
Нижеудинский	80,6	4 634,7	3 835,0	+ 799,7
Балаганский	67,5	6 560,5	5 881,8	+ 678,7
Верхотенский	48,8	3 325,9	2 562,4	+ 763,5
Киренский	20,5	2 565,2	2 543,6	+ 21,6
по губернии	357,1	20 011,9	20 611,3	- 599,4

Источники: Румянцев П.П. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики (районы Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский. Санкт-Петербург, 1914. С. 48–51.

Средние нормы потребления продовольственных продуктов разными группами населения города Читы Забайкальской области, первая половина 1917 г.

Группы населения	Средний месячный доход на семью (в руб.)	Душевое потребление в течение месяца (фунтов)			
		хлеба	мяса	яиц (шт)	сахара
Рабочие, ремесленники, низшие служащие, лица, живущие на пособия и мелкие пенсии	54,5	54,7	16,5	15,3	3,7
Служащие правительственных и торговых учреждений, промышленных предприятий, владельцы мелких торговых и промышленных заведений	102,1	51,5	18,8	18,4	4,2
Чиновники, лица свободных профессий, владельцы крупных предприятий	259,9	47,9	22,2	23,2	5,2
В среднем	138,8	52,2	20,0	20,0	4,2

Источники: ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 55. Л. 81.

Промышленность Восточной Сибири и других регионах
Российской империи, 1912, 1915 гг.

Регион	Добывающая промышленность			Обрабатывающая промышленность			Итого		
	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих
1912 г.									
Восточная Сибирь	696	47 839,2	48 384	217	11 753,2	4 676	913	59 592,4	53 060
Западная Сибирь	494	14 378,0	26 571	412	37 385,8	15 209	906	51 763,8	41 780
Центрально-промышленный район	55	7 753,2	42 466	2 861	1 606 535,3	752 184	2 916	1 614 288,5	794 650
Урал	1 209	43 661,6	75 249	625	172 816,4	97 937	1 834	216 478,0	173 186
Российская империя	3 633	543 045,7	439 874	16 636	5 117 643,1	2 042 817	20 269	5 660 688,8	2 482 691
1915 г.									
Восточная Сибирь	-	40 037	46 986	258	31 803	7 456	-	71 840	54 442
Западная Сибирь	-	17 384	31 482	439	71 781	15 756	-	89 165	51 903
Центрально-промышл	-	8 392	44 489	3 745	2 027 751	928 906	-	2 036 143	973 395

Регион	Добывающая промышленность			Обрабатывающая промышленность			Итого		
	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих	число предприятий	стоимость производства *(тыс. руб.)	численность рабочих
енный район									
Урал	-	41 017	64 001	735	263 196	198 689	-	304 213	262 690
Российская империя	-	515 917	451 718	15 942	5 895 399	2 278 065	-	6 411 316	2 729 783

* - за 1912 г. указано «стоимость производства», за 1915 г. – «валовая продукция»

Источники: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926. Ч. 3. Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. Москва, 1930. С. 14–15, 182.

Ввоз и вывоз продовольственных грузов по железной дороге со станций губерний
Восточной и Западной Сибири в 1913–1916 гг., тыс. пудов

Губернии	Год							
	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	отправ ление	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыти е
	Вывоз							
	хлеб в зерне							
Енисейская	1 691,5	930,0	831,6	549,0	555,0	630,0	530,0	793,0
Иркутская	734,1	3 179,0	1 339,5	2 567,1	520,8	1 902,6	454,2	2 594,3
Омская	18 031,3	966,0	8 958,7	1 544,0	26 375,0	1809,3	21 734,0	1 550,0
Томская	8 745,7	2 974,1	7 317,5	2 686,5	13 632,0	3 756,8	4 466,0	4 726,0
Всего	29 202, 6	8 049,1	18 447,3	7 356,6	41 089,8	8 098,4	27 184,2	9 663,3
	хлеб в муке и крупе							
Енисейская	979,6	1 236,0	572,4	1 330,0	476,1	1 499,0	570,6	1 388,0
Иркутская	433,2	3 454,5	888,2	3 457,2	1 952,6	3 006,8	466,6	2 861,6
Омская	2 259,8	348,0	2 474,6	3 020	4 279,0	447,0	5 237,5	822,0
Томская	7 021,0	1 521,0	7 689,5	1 671,0	7 903,0	1 601,0	5 504,1	2 099,0
Всего	10 693, 6	6 559,5	11 624,7	6 760,2	14 610,7	6 553,8	11 778,8	7 170,6
	тара и семена							
Енисейская	27,0	91,0	29,0	98,0	29,0	75,0	18,0	70,0
Иркутская	31,7	170,6	19,9	158,5	11,7	80,2	5,9	95,4
Омская	333,0	271,0	305,0	375,0	325,0	86,0	208,0	461,0
Томская	1 078,0	503,0	1 151,0	575,0	749,0	464,0	795,0	644,0
Всего	1 469,7	1 035,6	1 504,9	1 206,5	1 114,7	705,2	1 026,9	1 270,4
	всего хлебных грузов							
Енисейская	2 698,1	2 257,0	1 433,0	1 977,0	1 060,1	2 204,0	1 186,6	2 251,0
Иркутская	1 199,0	6 804,1	2 247,6	6 182,8	2 485,0	4 989,5	926,7	5 551,3

Губернии	Год							
	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	отправ ление	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыти е
	Вывоз							
	хлеб в зерне							
Омская	20 624, 1	1 585,0	11 738,3	2 231,0	30 979,0	2 342,3	27 179,5	2 833,0
Томская	16 844, 7	4 998,1	16 158,0	4 932,5	22 284,0	5 821,5	10 765,1	7 469,0
Всего	41 365, 9	15 644, 2	31 576,9	15 323, 3	56 808,1	15 357, 3	39 989,9	18 104,3
	всего мясных грузов							
Енисейская	154,7	34,0	169,0	22,0	149,0	48,6	184,0	84,7
Иркутская	49,8	233,1	33,7	202,6	80,7	349,7	122,0	296,0
Омская	1 276,0	32,0	986,9	24,5	1 569,2	26,5	2 799,0	18,5
Томская	1 526,0	41,6	1 048,0	23,6	192,9	179,2	2 032,0	148,0
Всего	3 006,5	340,7	2 237,6	272,7	3 727,9	604,0	5 137,0	547,2
	жиры и сало							
Енисейская	7,0	11,0	3,0	7,0	10,0	11,0	11,0	11,0
Иркутская	3,5	34,0	2,9	12,0	12,9	25,3	94,0	195,2
Омская	83,0	6,0	52,0	6,0	204,0	34,0	126,0	49,0
Томская	40,0	8,7	40,0	6,3	37,0	30,0	64,0	63,0
Всего	133,5	59,7	97,9	31,3	263,9	100,3	295,0	318,2
	масло (растительное и сливочное)							
Енисейская	27,0	3,0	24,0	6,0	23,0	44,0	21,0	4,0
Иркутская	23,8	99,4	28,8	136,8	23,2	112,4	22,3	89,0
Омская	1 740,0	32,0	1 404,0	31,0	1 903,0	100,0	1 149,0	6,0
Томская	2 645,0	19,4	2 128,0	47,0	2 569,0	56,0	1 087,0	205,0
Всего	4 435,8	153,8	3 584,8	220,8	4 518,2	312,4	2 279,3	304,0
	яйца							
Енисейская	4,0	1,0	6,0	1,0	5,0	1,2	0,8	4,4

Губернии	Год							
	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	отправ ление	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыти е
	Вывоз							
	хлеб в зерне							
Иркутская	5,8	14,0	4,3	39,1	2,3	47,6	0,6	46,0
Омская	43,0	-	47,0	2,0	0,2	3,0	0,4	4,0
Томская	94,0	2,6	132,0	2,6	29,0	1,0	31,0	1,7
Всего	146,8	17,6	189,3	44,7	36,5	52,8	32,8	56,1
	Ввоз							
	рыба красная							
Енисейская	55,0	194,0	50,0	196,0	61,0	178,0	50,0	157,0
Иркутская	87,1	200,6	47,3	269,0	31,7	111,2	125,6	324,7
Омская	194,0	150,0	128,0	96,0	120,0	83,0	212,0	67,0
Томская	324,0	571,0	284,0	399,0	318,0	295,0	513,0	237,0
Всего	660,1	1 115,6	509,3	960,0	530,7	667,2	900,6	785,7
	сельдь							
Енисейская	7,1	40,2	5,5	17,8	4,2	12,1	6,0	17,5
Иркутская	3,1	12,3	1,9	14,4	3,8	9,6	14,7	34,6
Омская	28,7	332,2	31,3	231,4	12,0	176,6	14,6	86,8
Томская	27,0	255,3	19,8	126,4	16,0	107,0	12,3	50,5
Всего	65,9	640,0	58,5	390,0	36,0	305,3	47,6	189,4
	итого рыбы							
Енисейская	62,1	234,2	55,5	213,8	65,2	190,1	56,0	174,5
Иркутская	90,2	212,9	49,2	283,4	35,5	120,7	140,3	359,3
Омская	222,7	482,2	159,3	327,4	132,0	259,6	226,6	153,8
Томская	351,0	826,3	303,8	525,4	334,0	402,0	525,3	287,5
Всего	726,0	1 755,6	567,8	1 350,0	566,7	972,4	948,2	975,1
	сахар							
Енисейская	40,2	360,2	27,2	414,0	38,9	461,4	40,3	416,2
Иркутская	86,5	620,7	77,5	610,1	95,4	499,5	68,0	614,6
Омская	39,4	1 034,6	37,4	903,7	66,6	1 160,0	123,8	1 092,6

Губернии	Год							
	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	отправ ление	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыт ие	отправле ние	прибыти е
	Вывоз							
	хлеб в зерне							
Томская	67,1	1 127,8	46,1	1 147,0	153,7	1 560,5	231,7	1 068,9
Всего	233,2	3 143,3	188,2	3 074,8	354,6	3 681,4	463,8	3 192,3
	чай							
Енисейская	11,4	104,2	8,0	77,0	11,6	49,3	9,4	71,1
Иркутская	-	-	-	-	60,5	122,2	37,5	30,0
Омская	50,3	563,6	48,3	492,8	58,6	424,3	35,4	273,5
Томская	47,5	325,3	26,5	249,1	54,4	393,8	156,6	321,6
Всего	109,2	993,1	82,8	818,9	185,1	989,6	238,9	696,2
	рис							
Енисейская	0,6	8,5	0,6	7,1	0,9	12,6	1,1	6,8
Иркутская	-	-	-	-	7,8	64,7	16,1	21,0
Омская	1,8	46,7	1,2	27,9	3,6	26,4	2,4	16,0
Томская	1,7	28,0	1,5	18,4	3,6	27,9	1,6	18,1
Всего	4,1	83,2	3,3	53,4	15,9	131,6	21,2	61,9
	изюм							
Енисейская	1,5	12,3	0,9	9,7	1,8	16,4	1,4	6,0
Иркутская	-	-	-	-	5,9	39,5	5,2	26,5
Омская	7,9	90,1	8,3	109,9	14,3	119,4	11,9	52,6
Томская	4,2	47,0	3,0	42,6	6,8	57,1	8,4	17,7
Всего	13,6	149,4	12,2	162,2	28,8	232,4	26,9	102,8

Источники: Фомин А.А. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. // Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. Новониколаевск, 1921. С. 55–71.

Таксы на продукты питания, установленные якутским губернатором для Якутска и Олекминска на 15 июня – 1 июля 1915 г. и 15 января – 1 февраля 1916 г.

Товары	15 июня – 1 июля 1915 г.				15 января – 1 февраля 1916 г.			
	Якутск		Олекминск		Якутск		Олекминск	
	рубли	копейки	рубли	копейки	рубли	копейки	рубли	копейки
Мясо 1 сорт, пуд	04	80	06	00	–	–	06	00
Мясо 2 сорт, пуд	04	40	05	60	–	–	05	60
Мука ржаная, пуд	01	70	01	60	–	–	02	30
Мука пшеничная, пуд	02	80	02	60	–	–	02	70
Крупчатка 1 сорт, пуд	03	80	03	80	03	80	03	80
Крупчатка 2 сорт, пуд	03	60	03	60	03	50	03	50
Сало, пуд	07	50	08	50	06	60	08	50
Крупа гречневая, пуд	03	60	03	60	03	60	03	60
Хлеб черный, кирпич	00	05	00	05	–	–	00	06
Чай кирпичный, фунт	00	75	00	80	00	85	00	85
Сахар головной, пуд	08	20	08	20	09	10	09	10
Соль, пуд	01	00	01	00	01	00	01	00
Масло, пуд	18	00	19	00	–	–	20	00
Яйца, сотня	02	80	03	00	03	00	03	10

Источники: Обязательное постановление Иркутского генерал-губернатора // Якутские областные ведомости. 1915. № 24. С. 1–2; Высшие цены на предметы первой необходимости для городов Якутска и Олекминска и селения Спасского Олекминского округа // Якутские областные ведомости. 1916. № 3. С. 3.

Сбор продовольственных хлебов и овса в Восточной Сибири, 1914 г.

Губернии/области Восточной Сибири	Общий сбор в 1914 г., тыс. пуд.	Средний сбор за пятилетие 1909 – 1913 гг., тыс. пуд.	Сбор 1914 г. в сравнении со средними значениями за пятилетие 1909 – 1913 гг., тыс. пуд.	% отношение урожая 1914 г. к сбору за пятилетие 1909 – 1913	Остаток 1914 за вычетом посевов тыс. пуд.
Енисейская губерния	10 549,4	5 739,1	+ 4 810,3	183,8	9 062,9
Иркутская губерния	6 184,1	4 659,9	+ 1 524,2	132,7	5 108,7
Забайкальская область	227,4	180,3	+ 47,1	126,1	191,6
Якутская область	–	–	–	–	–
Итого	16 960,9	10 579,3	–	–	14 363,2

Источники: Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915. С. 4–5.

Урожай зерновых в Енисейской губернии, 1915 г.,

Уезды Енисейской губернии	Рожь		Пшеница, тыс. пудов	Овес, тыс. пудов	Всего, тыс. пудов
	озимая, тыс. пудов	яровая, тыс. пудов			
Канский	4 617	331	1 249	658	6 855
Минусинский	1 312	879	1 926	897	5 015
Ачинский	1 644	175	525	463	2 807
Красноярский	634	141	168	123	1 066
Енисейский	457	92	175	195	919
Всего	8 664	1 618	4 043	2 336	16 661

Источники: Маракулин В. Условия сбыта сельскохозяйственных продуктов в Енисейской губернии. Красноярск, 1916. С. 6.

Недобор озимых, яровых культур и картофеля в Енисейской губернии 1915 г. в сравнении с 1914 г.

Уезды Енисейской губернии	Озимые культуры, четверть	Яровые культуры, четверть	Картофель, четверть
Канский	– 388 555	– 698 475	– 9 292 157
Минусинский	– 156 625	– 670 530	– 105 664
Ачинский	– 93 994	– 20 492	– 29 368
Красноярский	– 19 840	– 247 775	– 125 354
Енисейский	– 18 707	– 57 788	– 9 429
Усинский пограничный округ	+ 54	+5 235	– 188
Итого	– 677 667	– 1 689 825	– 1 199 160

Источники: Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. Красноярск, 1916. С. 12.

Изменение цен (согласно таксе⁸⁰²) на крупчатку и муку в городе Чита
Забайкальской области, июль 1914 г. – июль 1916 г.

Продукты	Изменение стоимости, руб., коп.			Рост за два года (%)
	июль 1914 г.	июль 1915 г.	июль 1916 г.	
Крупчатка, 1 сорт	12.50	14.50	18.75	54
Крупчатка, 2 сорт	10.50	12.50	16.75	54
Крупчатка, 3 сорт	09.50	11.50	15.75	54
Мука ржаная	01.10	01.20	01.50	36
Мука пшеничная	01.40	01.60	02.25	57
Хлеб яричный, фунт	00.03	00.04	00.04	30
Хлеб пшеничный, фунт	00.05	00.05	00.06	33

Источники: ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Л. 140–142 об.

⁸⁰² Необходимо иметь в виду, что реальные рыночные цены превышали таксирюемые.

Таблица 15

Изменение цен (согласно таксе) на крупчатку и муку в Иркутске, июнь 1914 г., июнь 1916 г.

Продукты	Изменение стоимости, руб., коп.				Подорожание (в %)		В среднем (в %)
	июнь 1914 г.		июнь 1916 г.		от	до	
	от	до	от	До			
Крупчатка, 1 сорт, пуд	12-00	12-75	16-50	17-50	37	37,5	37,1
Крупчатка, 2 сорт, пуд	10-50	10-75	15-00	16-00	42,8	48,8	45,8
Крупчатка, 3 сорт, пуд	09-10	09-60	13-50	15-50	48,3	61,4	54,8
Мука ржаная, пуд	00-95	01-00	01-60	01-65	65	68,4	66,7
Мука пшеничная, пуд	01-30	—	01-80	—	—	38,4	38,4

Источники: ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 26-27.

Поголовье домашнего скота в хозяйствах Енисейской губернии, январь 1915 г.

Города/ уезды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	Козы	Маралы, олени, верблюды	Ездовые собаки
Города							
Красноярск	5 230	3 170	531	713	173	–	–
Ачинск	1 320	1 680	29	195	63	–	–
Канск	1 131	1 619	249	372	15	–	–
Енисейск	980	1 200	–	110	–	–	–
Минусинск	2 090	2 650	1 170	130	–	–	–
Туруханск	34	43	–	–	–	–	28
Всего в городах	10 785	10 362	1 979	1 520	251	–	28
Уезды							
Красноярский	50 421	38 509	32 600	20 518	1 521	–	–
Ачинский	86 607	127 039	103 469	26 500	651	–	–
Канский	131 857	124 343	134 176	82 144	2 265	–	–
Енисейский	37 108	30 986	20 573	9 192	37	–	–
Минусинский	185 511	238 347	464 749	27 748	6 571	–	–
Усинский пограничный округ	2 945	3 011	415	128	45	620	–
Туруханский край	1 090	940	15	40	–	61 000	2 600
Всего в уездах	495 539	563 175	755 997	166 270	11 090	61 620	2 600
Всего в губернии	506 324	573 537	757 976	167 790	11 371	61 620	2 628

Источники: Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. Красноярск, 1915. С. 13, 14.

Поголовье домашнего скота в хозяйствах Енисейской губернии, январь 1916 г.

Города/ уезды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	Козы	Маралы, олени, верблюды	Ездовые собаки
Города							
Красноярск	3 701	2 240	221	516	236	–	–
Ачинск	1 470	1 748	26	135	68	–	–
Канск	1 200	1 000	350	250	25	–	–
Енисейск	1 100	965	–	30	–	–	–
Минусинск	1 987	2 050	1 163	180	–	–	–
Туруханск	30	45	–	–	–	–	30
Всего в городах	9 488	8 048	1 760	1 111	329	–	30
Уезды							
Красноярский	54 232	40 587	29 575	19 825	1 256	–	–
Ачинский	69 084	109 651	94 126	26 830	2 051	–	–
Канский	122 716	110 729	126 842	69 038	2 430	–	–
Енисейский	37 925	29 966	19 430	10 361	31	–	–
Минусинский	189 760	225 414	419 656	30 029	5 562	–	–
Усинский пограничный округ	2 048	2 405	445	181	35	531	–
Туруханский край	1 100	955	–	30	–	64 000	2 620
Всего в уездах	476 865	519 707	690 074	156 294	11 365	64 531	2 620
Всего в губернии	486 353	527 755	691 834	157 405	11 694	64 531	1 650

Источники: Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. Красноярск, 1915. С. 13, 14.

Количество скота, ввезенного в Иркутск в 1914 г.
из сибирских губерний и Монголии

Регион, в котором осуществлялась закупка	Крупный рогатый скот, в пудах	Мелкий рогатый скот, в пудах	В % к общему количеству ввезенного скота
Иркутская губерния	191 533	11 455	36,8
Енисейская губерния	42 856, 25	7 001	9
Забайкальская область	11 912	60	2,1
Томская губерния	2 941	4 696	1,6
Монголия	278 310		50,5

Источники: В Иркутскую городскую думу. Доклад Исполнительной продовольственной комиссии // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. 1915. № 6. Июнь. С. 47.

Таблица 19

Изменение цен мясо в городе Иркутске Иркутской губернии, июнь 1914 г. –
июнь 1916 г.

Продукты питания	Изменение стоимости, руб., коп.				Подорожание (в %)		В среднем (в %)
	июнь 1914 г.		июнь 1916 г.		от	до	
	от	до	от	до			
Говядина, задняя часть, фунт	00.15	–	–	00.22	–	46,6	46,6
Говядина, передняя часть, фунт	00.12	–	–	00.20	–	66,6	66,6
Телятина, фунт	00.14	00.18	00.25	00.30	78,5	66,6	72,5
Свинина, фунт	00.14	00.15	00.28	00.35	100	133,3	116,6
Сало, фунт	00.15	–	00.30	00.35	100	133,3	116,6

Источники: ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 26–27.

Цены на рыбу в городах Енисейск и Красноярск Енисейской губернии, 1915–
1916 гг.

Сорта рыбы	Стоимость рыбы, руб., коп.				Цены, по которым производилась заготовка рыбы для армии А.А. Новиковым
	в Енисейске		в Красноярске		
	в 1915 г.	установленные совещанием в 1916 г.	в 1915 г.	установленные совещанием в 1916 г.	
Осетрина	06.20	10.20	07.00	10.50	–
Нельма	05.00	08.95	07.00	09.25	12.00
Сельди	04.80	08.40	05.20	08.70	12.50
Максун	04.50	06.95	05.00	07.25	12.00
Омуль	04.80	06.95	05.20	07.25	12.00
Чир	04.50	06.95	05.00	07.25	12.00
Стерлядь	04.00	06.30	04.60	06.60	12.00
Костер	04.00	06.30	04.60	06.60	12.00
Половье	03.70	05.45	04.40	05.75	10.50
Мелочь	02.80	04.85	03.50	05.15	09.00
Налим	02.80	04.85	03.50	05.15	–
Хариус	02.80	04.85	03.50	05.15	–
Ленок	02.80	04.85	03.50	05.15	–

Источники: ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 609. Л. 200.

Таблица 21

Изменение стоимости рыбы в городе Чита Забайкальской области (в сравнении с другими продуктами питания), июль 1914 г. – июль 1916 г.

Наименование продукта	Стоимость (руб., коп.)			Увеличение за два года (%)
	июль 1914 г.	июль 1915 г.	июль 1916 г.	
Кета	03.20	04.40	12.00	275
Щука, пуд	03.00	04.00	06.00	100
Масло сливочное	00.45	00.65	01.00	122
Масло подсолнечное	08.00	10.00	16.00	100
Мясо	04.20	05.00	07.00	75
Крупа пшеничная	02.20	02.80	03.60	64
Мука пшеничная	01.40	01.60	02.25	57
Крупчатка, 1 сорт	12.50	14.50	18.75	54
Рис	04.40	05.60	06.60	50
Мука ржаная	01.10	01.20	01.50	36
Сахарный песок	06.00	07.41	08.00	33
Крупа гречневая	02.40	02.80	03.20	33

Источники: ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 44. Л. 164–164 об.

Таблица 22

Количество получателей казенного пособия, положенного членам семей призванных, в Восточной Сибири, 1 сентября 1917 г.

Губернии и области	Число призванных в сельской местности (тыс.)	Количество пайков (в тыс.)		
		В уездах	В городах	Всего
Енисейская губерния	83,7	379,0	18,3	387,3
Иркутская губерния	54,5	155,6	15,5	171,1
Забайкальская область	49,6	139,5	28,1	167,6
Якутская область	1,0	2,7	-	2,7
Итого	188,8	676,8	61,9	728,7

Источники: Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). Москва, 1925. С. 49.

Приложение 2

Доклад губернатора Р.Э. Витте иркутскому генерал-губернатору А.И. Пильцу о продовольственном положении в Якутской области
г. Якутск *июль 1916 г.*

<...> Как отмечалось уже мною в представлении от 29-го января за № 99, уже к осени прошлого года окончательно было установлено, что население области до урожая будущего года своим хлебом не просуществует, и что надвигающийся тяжелый продовольственный кризис может быть разрешен лишь закупом как продовольственного, так и посевного хлеба за пределами области. Экстренно предпринятые мною меры к покупке хлеба в соседней Иркутской губернии не увенчались, к сожалению, успехом. Было установлено, что, во-первых, закупить хлеб в Приленском районе затруднительно по недостатку его там, а наступившее осеннее время, мелководье в верховьях Лены и скорое закрытие навигации исключили всякую возможность получения хлеба сплавом до рекостава.

При таком положении оставался один выход – снабдить Олекминский округ семенами и продовольственным зерном из Иркутской губернии весной сего года, имея в виду, что посевное зерно возможно получить ко времени посева весенним сплавом. Что же касается Якутского округа, то надежды на своевременное получение весной к посеву зерна питать было нельзя, и потому приходилось рассчитывать на зерно исключительно местное с тем, что весной в Якутск будет доставлен лишь продовольственный хлеб. <...>

В Иркутской губернии куплено на средства Имперского продовольственного капитала и поставлено в область зерна посевного 18 202 пуда 5 фунтов, продовольственного 16 263 пуда 33 фунта, а всего 34 465 пудов 38 фунт[ов]. В настоящий момент я не могу не засвидетельствовать перед Вашим Высокопревосходительством, что купленный непременно членом Иркутского Губернского Правления И.П. Кокоулиным, хлеб получен был на местах ко времени посева без опоздания, и что особенно важно, зерно оказалось по всем отзывам хорошего качества.

Делом чрезвычайно сложным оказался закуп хлеба в Якутском округе и распределение вообще всех наличных запасов его между населением города и округа, одинаково переживавших острую нужду. Исчерпав, как доложено в представлении за № 99, все меры по таксировке хлеба, а затем отменив таковую, в целях привлечения на рынок возможно большего количества его, и по всестороннем обсуждении настоящего дела в местном продовольственном совещании, остановился на решении реквизировать наличные хлебные запасы в городе Якутске и Якутском округе с тем, чтобы обеспечить, насколько возможно, потребности населения в посевном зерне, все остальное количество реквизированного хлеба равномерно распределить среди населения, применивши по отношению к городскому населению карточную систему.

Ходатайство мое в качестве уполномоченного по продовольственному делу о разрешении производства реквизиции впервые было обращено к Вашему предшественнику 30 ноября м[инувшего] г[ода], а затем возбуждено перед г[осподином] Председателем Особого продовольственного совещания по телеграфу 5 января с[его] г[ода]; испрашиваемое разрешение было получено 30 января – когда и было приступлено одновременно как к проверке запасов, так и к реквизиции хлеба (муки ржаной, пшеничной, крупчатки и зерна) у местных торговых фирм, торговцев, комиссионеров и у сельских хозяев. Решаясь на реквизицию запасов у последних, я принял все зависящие от меня меры к ограждению интересов их, в смысле обеспечения хозяйств продуктами на посев, прокорм скота и на продовольствие семьи в течение экономического года. Нормы этих неприкосновенных запасов, как равно и цены на реквизируемые продукты были выработаны по предложению моему местным продовольственным совещанием.

Самая проверка запасов и реквизиция производились членами городской и окружной полиции в присутствии владельцев запасов и сведущих лиц. В результате достигнуто следующее: приобретено из реквизируемых запасов на средства Имперского Продовольственного капитала для пострадавшего от неурожая сельского населения продовольственного и посевного зерна всего 8745 пудов 35 фунтов. Поступило для продажи населению городскому и сельскому 9745 пудов 5 фунтов.

При очевидной недостаточности всех реквизируемых хлебных продуктов и необходимости равномерно обеспечить ими население до открытия навигации, когда должен был начаться подвоз хлеба, как казенного, так и, главным образом, ввозимого торговыми фирмами, местное продовольственное совещание признало, что особенно тщательное регулирование отпусков муки и хлеба необходимо установить для городских обывателей. Остановившись при этом на мысли о введении карточной системы, совещание высказалось за желательность, в целях равномерного распределения хлебных запасов, проверки наличности их у всех городских жителей с тем, что, имеющие свои достаточные запасы хлеба, не могут уже обращаться к запасам реквизируемым. Проверка запасов по особо выработанным карточкам производилась, главным образом, лицами городского общественного управления при участии обывателей и чинов полиции. Мера эта дала в результате определенную группу городских обывателей, обеспеченных своими запасами и исключенных уже затем из списков, при распределении реквизируемого хлеба.

Обращаясь далее к распределению между обывателями продуктов, добытых путем реквизиции и при том в количестве, далеко не достаточном, я признал необходимым привлечь к этому делу общественные элементы и передать его в заведование городского общественного управления под контролем и наблюдением местного продовольственного совещания. Якутская городская дума охотно приняла на себя этот труд, и для

ближайшего заведования делом избрала из своей среды комиссию в составе трех гласных, которая фактически и производила точный учет по карточкам потребности каждой семьи. Месячный отпуск муки на каждого взрослого человека был определен, в виду незначительности запасов, в 19 фунтов. Нельзя, конечно, не признать, что дача эта невелика, но при всем желании увеличить ее не представлялось никакой возможности. При этом имелась в виду наличность у населения мясных, рыбных и прочих запасов. Однако, с другой стороны, благодаря только такому экономному расходованию хлеба, удалось обеспечить все население до прибытия новых партий его, с открытием навигации.

Что же касается населения Якутского округа, то распределение хлеба между наиболее нуждающимися производилось окружным продовольственным комитетом, а в экстренных случаях – окружным исправником.

И так, надлежало бы на основании изложенного признать, что совместными усилиями областной, городской и окружной администрации, продовольственного совещания и городского общественного управления тяжелый кризис в снабжении населения области хлебными продуктами, разрешился относительно благоприятно и вполне возможные тяжелые последствия принятыми мерами были предотвращены. Ни заболеваний, ни каких либо эксцессов в это время не наблюдалось. О выдающейся похвальной деятельности по продовольственному делу якутского полицмейстера и окружных исправников я имел честь доложить в представлении за № 99.

Переходя затем к мерам борьбы с дороговизною на продукты первой необходимости, считаю необходимым представить Вашему Высокопревосходительству, что, как мною уже отмечалось в представлении от 29 января за № 99, в течение зимы мне удалось несколько парализовать стремление торговцев к повышению цен нормировкой их. Таксировались цены: на мясо, масло, муку, хлеб, крупчатку, крупу, чай, сахар, соль, яйца, свечи, спички и дрова. Впоследствии такса была мною отменена и пока не применяется, хотя цены на продукты эти и повышены, так как в отношении поступления на рынок некоторых продуктов, установление таксы при настоящих условиях могло бы иметь запретительный характер. Нормируются в данное время лишь цены на сахар, согласно постановлению Министра Земледелия от 12 февраля сего года за № 18. <...>

Губернатор [Э.Р.] Витте

Государственный архив Иркутской области. Фонд. 25. Опись. 10. Дело. 609. Листы. 5–9.

Приложение 3

Из секретного донесения иркутского губернатора А.Н. Югана генерал-губернатору Восточной Сибири А.И. Пильцу о продовольственном положении населения Ленского и Витимского горных округов
г. Иркутск *август 1916 г.*

Ленский и Витимский горные округа, в которых расположены золотосодержащие площади, находятся в исключительных по своему местоположению условиях. Удаленность этих золотопромышленных районов от торговых центров и отсутствие удобных путей сообщения являются тормозом в деле нормального развития в них экономической жизни.

Более или менее правильная организация доставки продуктов продовольствия из питающих названные районы торговых пунктов возможна лишь с открытием навигации по реке Лене, по окончании которой подвоз всяких товаров прекращается. Наиболее удобным временем для доставки необходимых припасов следует признать начало навигации, когда грузоподъемность карбазов на Лене, вследствие полной весенней воды, достигает 3 000 пудов, тогда как в летнее время грузоподъемность их понижается до 1 000 пудов.

Как Ленский, так и Витимский горные округа находятся в тесной экономической зависимости от Ленского золотопромышленного товарищества, развившего в них наиболее интенсивную деятельность по разработке золота. В этом отношении Ленскому товариществу принадлежит преобладающая роль в названных золотопромышленных районах. В подтверждение такого положения следует указать на то, что из 968 пуд[ов] 35 ф[унтов] 94 зол[отников] 00 д[олей] золота, добытого в истекшем операционном году в обоих горных округах, Ленским товариществом выработано 905 п[удов] 1 ф[унт] 94 зол[отника] 35 д[олей], что составляет 99,72 % всей добычи золота. Естественно поэтому, что большая часть населения приисковых районов и г[ород] Бодайбо в отношении заработка тяготеют к Ленскому товариществу. Несомненно также, что при данных условиях правильная постановка продовольственного дела на приисках товарищества является настоятельно необходимой.

И в самом деле, затруднения, пережитые в продовольственном вопросе, пережитые г[ородом] Бодайбо и приисковым районом в минувшем операционном году, явились прямым следствием необеспеченности промыслов Ленского товарищества необходимыми продуктами продовольствия.

Следует заметить, что в прошлом году крупные оптовые торговцы, учитывая необеспеченность промыслов припасами продовольствия, воздерживались от выпуска на местный рынок заготовленных ими товаров, ожидая требований на них от Ленского товарищества, затруднительное положение которого было им известно, и, предполагая продать продукты

товариществу по чрезвычайно высоким ценам, что естественно отразилось бы на ценах всего Бодайбинского рынка.

Иллюстрацией к спекулятивному повышению цен на Бодайбинском рынке в прошлом году служит следующий пример. Один из торговцев-оптовиков, приглашенный мною для личных переговоров, совершенно откровенно заявил, что создавшееся положение промыслов Ленского товарищества даст возможность оптовикам продать привезенные ими в г[ород] Бодайбо товары по высоким ценам, и что оптовики по этой причине пока воздерживаются от продажи товаров. Такое спекулятивное повышение цен на предметы продовольствия в г[ороде] Бодайбо и приисковых районах вызвало необходимость в установлении таксы, а затем и реквизиции припасов. Последнюю меру необходимо было принять вследствие того, что торговцы отказывались от продажи продуктов населению не только по утвержденной мною таксе, но и вообще. Полагаю, что, если бы эти меры не были применены, то можно было бы ожидать нежелательных эксцессов со стороны населения.

Реквизиционная комиссия в составе председателя ее податного инспектора Бодайбинского участка г[осподина] Николаева, представителей местного потребительского общества, городского управления Совета Съезда золотопромышленников, торговцев и полиции не ограничила свою деятельность лишь реквизицией припасов и продажей их населению, но и выяснила численность населения и потребность его в продуктах продовольствия, а также озаботилась принятием надлежащих мер к равномерному, по возможности, распределению среди населения имевшихся в наличности припасов, почему, по существу, эта комиссия явилась не столько реквизиционной, сколько продовольственной.

Из доложенного мне проекта отчета о деятельности реквизиционной комиссии я вынес впечатление, что комиссия, напряженно работая в сторону устранения возможности каких бы то ни было эксцессов, обычно вызываемых реквизицией в области продовольственного дела, вполне удовлетворительно справилась с порученной ей задачей. Большого внимания в этом отношении заслуживает энергичная деятельность податного инспектора Н.С. Николаева, представителя фирмы наследников Громовой г[осподина] Бурьгина и секретаря Совета Съезда золотопромышленников г[осподина] Горяева. <...>

Несвоевременная же со стороны Ленского золотопромышленного товарищества заготовка продуктов, с одной стороны, влияет на повышение цен перевозки от Иркутска до Жигалово и на пароходные ставки, с другой, удорожает продукты на местном рынке. Помимо этого Ленское товарищество, переживая в минувшем году затруднения в продовольственном вопросе, закупило весной товары на так называемой Ленской плавучей ярмарке, с паузков (большие лодки, груженные продуктами продовольствия, галантерейными, бакалейными и прочими товарами). Это обстоятельство весьма неблагоприятно отразилось на экономическом положении Приленского края, жители которого обыкновенно

закупают на названных плавучих ярмарках необходимые товары в пределах годовой потребности.

Более или менее удовлетворительное урегулирование продовольственного вопроса на промыслах Ленского товарищества, если даже это обстоятельство и не стоит в связи с тем или другим положением местного рынка, важно уже и потому, что, как мною было указано выше, Ленскому золотопромышленному товариществу принадлежит превалирующая роль в отношении выработки золота в Ленском и Витимском округах, столь необходимого государству в переживаемое время мировой войны. Естественно, разумеется, что такие препятствия, как необеспеченность промыслов товарищества продуктами продовольствия, тормозящие планомерное развитие золотого дела названного предприятия, должны быть устранены в первую очередь. <...>

В отношении положения рабочего вопроса на промыслах необходимо заметить, что в настоящем году число рабочих несколько сократилось. Отлив рабочих весной и прилив новых – явление обычное, но в этом году отлив наблюдался более обыкновенного. Это обстоятельство следует также поставить в связь с ожидаемой мобилизацией, тем более, что наблюдался отлив преимущественно семейных рабочих, спешивших заблаговременно вывезти свои семьи на родину, а также ввиду временного приостановления работ на приисках по р[еке] Бодайбо, где в настоящее время Товариществом производятся изыскания для предстоящих дражных работ и где в непродолжительном времени предполагается поставить драги. <...>

Губернатор [А.И.] Пильц

Государственный архив Иркутской области. Фонд. 25. Опись. 10. Дело. 609. Листы. 30–34.

Приложение 4

Протокол заседания Бодайбинского особого совещания по вопросам по вопросам обеспечения местного населения продовольствием
г. Бодайбо *июль 1916 г.*

Протокол заседания Бодайбинского особого совещания по вопросам по вопросам обеспечения местного населения продовольствием, происходившего в гор[оде] Бодайбо 5 июля 1916 года под председательством г[осподина] иркутского губернатора действительного статского советника А.Н. Югана, при участии помощника иркутского губернского тюремного инспектора С.К. Чернышевского, в составе: председателя Бодайбинского особого совещания податного инспектора Бодайбинского участка коллежского советника Н.С. Николаева, членов этого совещания окружного инженера Витимского горного округа статского советника К.М. Тульчинского, горного исправника Витимского горного округа надворного советника Г.М. Юринского, начальника Бодайбинской местной команды капитана П.А. Лепину, помощника акцизного надзирателя третьего участка 2-го округа Иркутской губернии надворного советника В.П. Дронова, Бодайбинского городского старосты К.Г. Обмолова, представителя Совета Съезда золотопромышленников Витимского и Ленского горных округов, секретаря совета П.П. Горяева, председателя Бодайбинского общества потребителей В.А. Федорова, представителей местной торговли М.С. Красноярова и В.Л. Бурыгина, представителя потребителей А.И. Кожевникова, и приглашенных в качестве сведущих лиц представителей торговли – сплавного по р[екам] Лене и Витиму И.М. Гавриловича, А.С. Левинсона, оптового и розничного в г[ороде] Бодайбо Я.Д. Фризера, А.Г. Цейтмана, Торгового дома «Черных с с[ыновьями]» М.Ф. Кузнецова, Т[оварищест]ва Шалаев-Шарапова Д.К. Мокеева, Торгового дома Кирилловых А.Н. Скуратова, Н.С. Славина, Г.Б. Вигдоровича, С.М. Хохрушина и Г.Ш. Билюка, и заширотных предприятий приискового района Торгового дома Попов и Бершин А.Н. Попова и П.М. Егорова.

Его Превосходительство г[осподин] иркутский губернатор, объявив заседание открытым, указал, что ближайшей целью настоящего заседания в связи с затруднениями в продовольственном вопросе, пережитыми приисковым районом в истекшем операционном году, является выяснение наличности продовольственных продуктов, имеющих уже в настоящее время, размера предстоящего подвоза их в оставшуюся часть навигации и степени соответствия общего количества подвоза припасов действительным потребностям в них населения г[орода] Бодайбо и приискового, не состоящего на службе Ленского золотопромышленного товарищества и не пользующегося припасами из запасов т[оварищест]ва.

Председателем Бодайбинского особого совещания податным инспектором доложено, что по собранным через пароходное предприятие

сведениям, размер подвоза продуктов первой необходимости на 6 июля выражается следующими цифрами: крупчатки разных сортов 29 640 кулей, ржаной муки 55 455 пуд[ов], сахара рафинада и песка 8 648 пуд[ов], масла скоромного 8 507 пуд[ов], овса 115 554 пуд[ов] и сена 14 720 пуд[ов].

Согласно сведениям, сообщенным в заседании перечисленными выше представителями торговли, в настоящее время находится уже в пути и будет поставлено до окончания навигации: крупчатки около 18 700 кулей, ржаной муки 14 800 пуд[ов], сахара 19 500 пуд[ов], масла 10 400 пуд[ов], овса 46 000 пуд[ов]. И таким образом общее количество привоза перечисленных выше припасов для продовольствия до открытия навигации 1917 г. населения города и приискового Витимского горного округа и южной части Ленского за исключением лиц, состоящих на службе в Ленском золотопромышленном товариществе и северной части Ленского округа, которая снабжается мачинским рынком, выражается в следующих цифрах: крупчатки 48 340 кулей, муки ржаной 70 255 пуд[ов], сахара 28 148 пуд[ов], масла 18 907 пуд[ов] и овса 161 554 пуд[а].

По выяснении приведенного выше количества припасов заседание перешло к обсуждению соответствия его потребителям в продовольствии указанной выше части населения до открытия навигации 1917 г. Исходя из доложенных податным инспектором данных продовольственной деятельности реквизиционной комиссии, годовая продовольственная потребность собственно города выражается в следующих цифрах: крупчатки около 30 000 кулей, ржаной муки около 45 000 пуд[ов], сахара 12 000 пуд[ов], масла 12 000 пуд[ов] и овса 160 000 пуд[ов], и указанной выше категории приискового населения: крупчатки около 30 000 кулей, муки 25 000 пуд[ов], сахара 8 500 пуд[ов], масла 7 000 пуд[ов] и овса около 60 000 пуд[ов]. Общее же количество крупчатки около 60 000 кулей, муки 70 000 пуд[ов], сахара 20 500 пуд[ов], масла около 19 000 пуд[ов] и овса 220 000 пуд[ов].

В связи с дебатиремым вопросом отдельно был поставлен вопрос о продовольствии пришлых якутов – работников на лесных поставках Ленскому золотопромышленному товариществу, которые в прошлом году за отказом в отпуске им продовольственных припасов от Ленского золотопромышленного товарищества, предъявили к местному рынку непосильные требования и которые в приведенный выше расчет не вошли. По этому поводу г[осподин] иркутский губернатор указал, что в настоящем заседании надлежит иметь в виду потребности только городского населения и населения приискового района, не состоящего на службе Лензолото. Что же касается потребности в продовольствии пришлых якутов, то в виду того, что потребности эти находятся в зависимости от числа работников, а последние, в свою очередь, от размеров подрядов и поставок, которые предложены т[оварищест]вом, вопрос о продовольствии пришлых якутов-работников будет разрешен в аналогичном заседании на прииске Надеждинском при участии представителей от Ленского т[оварищест]ва.

Сопоставлением приведенных выше цифр потребности населения в припасах и количестве привоза их выяснено, что недостатка можно ожидать: крупчатки в количестве около 12 000 кулей и овса около 60 000 пуд[ов], масла и ржаной муки при условии нормального расхода последней имеется достаточно, а сахара, при том же условии, даже некоторый избыток. <...>

В таком же положении находится вопрос о снабжении населения мясом. По заявлению представителей мясной торговли, закуплено в Якутской области обычное количество мяса, достаточное для удовлетворения обычных потребностей населения в мясе, и благоприятное разрешение этого вопроса обусловлено только тем, будет или нет осуществлена мобилизация якутов. Если мобилизация якутов, для осуществления которой необходимо будет привлечь весь Ленско-Витимский речной флот, не будет отменена, то не только не окажется возможным вывезти в приисковый район все количество закупленного уже летнего мяса, но приисковый район окажется и без зимнего мяса, доставляемого инородцами зимой из Якутской области в размере приблизительно полугодовой потребности. <...>

Резюмируя все изложенное выше, заседание пришло к заключению, что соответственно выясненным потребностям населения в продовольственных продуктах и сведениям о размерах подвоза их, вопрос о продовольствии населения можно считать не внушающим опасения, но только при наличии двух условий: во-первых, если в зависимости от степени обеспеченности промыслов Ленского золотопромышленного товарищества припасами, товариществом не будет предъявлено никаких требований к местному рынку, а во-вторых, и самое главное, если не будет осуществлена предполагаемая мобилизация якутов с неизбежным последствием ее – задолженности до конца навигации всех перевозочных средств под вывоз якутов. В противном случае все ожидаемое к привозу количество припасов как Ленского товарищества, так и частных лиц, составляющее половину годовой потребности не будет доставлено, и весь приисковый район, а равно и город, будут поставлены в безвыходное положение, для разрешения которого потребуются исключительные меры, до сокращения работы на приисках и вывоза части приискового населения включительно.

Помощник иркутского тюремного инспектора С. Чернышевский

Государственный архив Иркутской области. Фонд. 25. Опись. 10. Дело. 609. Листы. 35–38.

Приложение 5

Объяснительная записка Красноярского купеческого общества по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки
г. Красноярск *1916 г.*

Среди всех наболевших вопросов настоящего времени, вопросов, требующих скорейшего и правильного разрешения, наиболее обострившимся, затрагивающим интересы всех и каждого из обывателей, является вопрос о вздорожании жизни и, главным образом, о вздорожании предметов первой необходимости, составляющих продукты питания и жизненного довольствия Енисейской губернии и г[орода] Красноярска.

Повышение цен на все без исключения товары и обнаружившийся недостаток многих продуктов первой необходимости поставили многих в исключительное положение, и потребитель, в широком смысле, не посвященный в истинную суть дела, обрушивает свое обвинение на рядового торговца, ища в нем причину общего настроения.

Красноярское купеческое общество как корпорация, близко стоящая к делу покупки и продажи всевозможных товаров, отзываясь на запросы широких слоев населения, считает необходимым выяснить причины вздорожания цен и недостачи многих продуктов первой необходимости и найти способ ослабить, а, если возможно, то и устранить эту ненормальность, которая, с одной стороны, ложится тяжелым бременем на потребителя, а с другой – падает не всегда основательным обвинением на торговца.

Такса.

Останавливаясь на предметах первой необходимости, купеческое общество, прежде всего, обращает внимание на «таксу». Такса издается два раза в месяц Губернским управлением и представляет собою обязательное постановление о ценах на все предметы первой необходимости.

В последней таксе, действительной с 15 декабря 1915 года по 1 января 1916 года, купеческое общество усматривает большие неправильности. Цены для отдельных городов губернии на одни и те же товары устанавливаются без всякого соотношения к стоимости провоза, и поэтому обнаруживается резкое несоответствие между ценами на один и тот же предмет в *городе-поставщике* и *городе-потребителе*; нередко такса расценивает продукт ниже его действительной стоимости. <...>

Получается такое положение, что торговец или фирма, имеющие в Красноярске достаточные для снабжения потребителей запасы сахара, свеч, спичек и др[угих] товаров, заготовленных по повышенной цене, не могут продавать здесь эти товары и для возврата затраченного капитала вынуждены продавать эти товары в уезд или в другой город, где такса выше, или где нет ее совсем. Широкие же слои потребителей, не уяснив себе настоящего положения и не зная причины недостачи многих товаров, обвиняют в этом

торговцев, заявляя, что торговцы нарочно задерживают и не продают товар, выжидая еще большего поднятия цен и получения больших прибылей. Результатом таксы и в этом случае является уход с рынка тех продуктов, которые принудительно таксируются ниже их действительной стоимости.<...>

При этом представляется необходимым отметить тот факт, что у нас в губ[ернии] не ведется учет имеющихся запасов, и мы вывозим или от нас увозят без нашего ведома и согласия не излишки продуктов, а именно те запасы, которые нужны нам самим для собственного пропитания. Поэтому для обеспечения населения в достаточном количестве всеми продуктами питания и довольствия, а тем более местного производства, по мнению купеческого общества, необходим частый, правильный и постоянный учет запасов губ[ернии] и города и, в случае надобности, запрещение вывоза тех продуктов, которые населению необходимы для собственного продовольствия. Ни один продукт *местного* производства не должен вывозиться из губернии или уезда без особого, разрешительного свидетельства губернского совещания или губернского комитета, ведающего продовольствием населения.

Купеческое общество признает также необходимым произвести теперь же однодневную перепись всех продуктов в городе, как это уже делалось в других городах, напр[имер], в Самаре, и, наконец, ходатайствовать пред Томским Районным комитетом о разрешении вывезти некоторые продукты в определенном количестве или без обозначения количества в пределы Енисейской губернии.

О ценах на товары, получаемые красн[оярскими] торговцами из Москвы и др[угих] гор[одов] европ[ейской] России.

В настоящее время можно нередко слышать весьма резкие упреки, бросаемые частными лицами и даже – что более всего кажется странным – печатью, по адресу торговцев. Не уяснив себе настоящего положения рынка, многие, всосав с молоком матери какое-то органическое презрение к торговле, из ложно понимаемого дендизма, с легким сердцем и спокойной совестью, где бы ни пришлось, обвиняют в невероятном вздорожании товаров исключительно торговцев. Поистине, у нас, в России, всегда оказывается виноватым стрелочник. Между тем, причину вздорожания товаров надо искать гораздо глубже.<...>

Красноярское купеческое общество не может судить о правильности или неизбежности всех таких повышений, но общее положение всей заводской и фабричной производительности в России действительно переживает в настоящее время тяжелый и грандиозный кризис. Некоторые товары вздорожали на 100, 200 и до 900 % (бумага папиросная, москательн[ые] товары). Провинциальный покупатель (переторговец, учитывая то обстоятельство, что он может достать товары только на одном Московском рынке) соглашается на все условия, которые диктуют ему фабриканты и оптовики. Обострение покупки на рынке дошло до того, что

сделки совершаются теперь исключительно за наличные деньги – кредита нет совершенно. В некоторых случаях требуют вперед задатков. Кроме того, исполнение заказов затягивается на несколько месяцев. Многие товары нельзя достать даже за деньги. Таково положение московского рынка, почти единственного теперь на всю Россию. <...>

Провинция вообще, а Сибирь – в особенности – сократила свои покупки, торговцы безропотно платят предъявляемые им цены и соглашаются на все условия, для того только, чтобы поддержать свое дело и удовлетворить, хотя бы в слабой степени, требования своих постоянных покупателей, не уронив своего престижа у публики. О покупке каких-либо крупных партий ради спекуляций не может быть и речи. Крупных партий нет на провинциальном рынке, да и никто из провинциальных торговцев, имеющих у себя разнородный ассортимент, не решится затратить свой капитал на количество, выходящее из пределов допустимого и возможного для него сбыта. В частности, Красноярск ведет свое дело в строго определенных размерах потребления и запасает товары не более как на 3 – 4 месяца (смотря по сезону), и никто из красноярских торговцев не имеет таких партий, которые выходили бы из этой нормы.

Скромные по своим размерам чисто сезонные запасы товара, а также внешние условия: отдаленность Сибири от центра, продолжительность в доставке товаров и т. п. причины не позволяют местным торговцам прибегать к каким-либо спекуляциям и не дают им возможности искусственно поднимать цены на товары. В большинстве случаев провинциальный торговец, не будучи в курсе всех изменений на главном рынке, продает свой товар по ценам, далеко низшим, чем ему приходится покупать впоследствии.<...>

Спекуляция Банков

В связи со всем этим необходимо отметить спекуляцию банков, прикрываемую ссудами под товары. Купеческое общество далеко от мысли обвинять банки в намеренном посягательстве на карман потребителя. Операция эта, может быть, объясняется исключительно переполнением в банках наличных средств, которые требуют какого-либо применения. Капитал должен работать, а не лежать без движения. Но купеческое общество не может и одобрить такое помещение свободных капиталов, которое ложится тяжелым бременем на широкие слои населения. <...>

Подлинную объяснительную записку купеческое общество представило 8 января с[его] г[ода] господину енисейскому губернатору.

*Библиотека Красноярского краевого краеведческого музея.
Типографский оттиск.*

Приложение 6

Доклад гласного красноярской городской думы В.В. Ветрова о стоимости сахара на Первом самарском областном съезде по борьбе с дороговизной в 1915 г.

г. Красноярск

август 1915 г.

Все русские песочные сахарные заводы объединены в синдикат. Для поддержания цен на переделенной высоте правительство ежегодно устанавливает норму подлежащего производству сахара, причем устанавливает количество сахара, свободного для продажи заводами на внутренний рынок, количество неприкосновенного запаса, находящегося в распоряжении правительства и количество свободного запаса, подлежащего вывозу за границу с получением от правительства премии. <...>

В феврале выяснилось, что спрос на сахар значительно увеличился. Во-первых, потребовался сахар для армии, во-вторых, с закрытием кабаков и пивных увеличилось потребление сахара народом, увеличилось кондитерское производство и производство сладких прохладительных напитков. Стало очевидно, что и без вывоза за границу весь наличный запас сахара может быть потреблен внутренним рынком. На контрактной ярмарке выяснилось, что некоторые вспомогательные материалы, как мешок, бумага, шпагат поднялись в цене на 30–50 процентов. Хотя вздорожание упаковочных материалов не могло поднять себестоимость сахара более чем на 10 коп[еек], однако цены с марта месяца безостановочно начали расти и в марте достигли на песок 5 р[ублей] 35 к[опеек] и на рафинад 6 р[ублей] 80 к[опеек] пуд. Увеличивающийся, не смотря на вздорожание, спрос привел к накоплению запасов сахара в крепких руках в надежде на повышение цен. К 1 мая на заводах было сахара свободного к продаже на внутреннем рынке 10 миллионов пудов рафинада и 20 миллионов песка. Неоднократные выпуски министерством по несколько миллионов пудов из свободного запаса цен на сахар понизили, и они наверное еще значительно выросли бы, если бы не вмешательство Верховного главнокомандующего, установившего таксу на сахар на ст[анциях] юго-западных ж[елезных] д[орог], т.е. у сахарозаводчиков.

Преимущественное количество сахара было в руках крупнейшего рафинера, владельца Александровского товарищества рафинадных заводов, русского для внешней торговли банка, киевская контора которого фактически диктовала цену рынку.

Некоторые сахарозаводчики откровенно объясняют поднятие цены следующим. Вздорожание продуктов из-за войны, а также и развившаяся спекуляция породили у сахарозаводчиков опасения, что на будущие годы условия сахарного рынка могут измениться в неблагоприятную для них сторону, и они весьма вероятно в будущие годы не доберут привычных

барышей. Не желая нести эти возможные из-за войны убытки, они решили получить будущие барыши с производства 1914 г.

Действительно, население должно переплатить сахарозаводчикам десятки миллионов рублей. Все эти десятки миллионов целиком поступают сахарозаводчикам, т.к. продавцы сахара потребителю, как раньше, так и теперь, если не несут убытка, то или пользуются только тарой, т.е. мешками, бочками, или получают не свыше 20 коп[еек] на пуд.

Благодаря тому, что рафинадное производство сосредоточено в немногих крепких руках, да и зависит от песочного, а песочные заводы принадлежат лицам не только очень богатым, но часто и весьма высокопоставленным, сахар всегда на рынке находился и находится в исключительных условиях. Цены на него так же прочны, как и цены на государственные процентные бумаги, и сахар часто играет роль денежных знаков. Сахарный синдикат диктует цены и потребителю и торговцу и руководствуется при их назначении максимумом барышей. Едва ли надо доказывать очевидное крайне вредное для потребителя положение сахарной промышленности.

Обычные меры косвенного воздействия на повышательную деятельность заводчиков против сахарозаводчиков, особенно во время войны, не действительны. Меры прямого воздействия на их злую волю несомненно очень трудны благодаря составу сахарозаводчиков и кроме того, благодаря специфическим особенностям сахарного производства и концентрации его в сильных руках, имеющих многолетнюю объединяющую их организацию, должны применяться в известной совокупности, иначе могут оказаться вредными и для потребителя. <...>

Библиотека Красноярского краевого краеведческого музея. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 10. С. 10–12.

Приложение 7

Протокол заседания Иркутского губернского продовольственного совещания от 7 ноября 1916 г.

г. Иркутск

ноябрь 1916 г.

<...> Его Превосходительство председатель совещания довел до сведения присутствующих, что настоящее совещание собрано им в виду полученного предложения иркутского генерал-губернатора от 2 ноября с[его] г[ода] за № 10303, в котором его Высокопревосходительство обращает внимание на подъем цен предметов пищевого довольствия, как-то: молока, масла топленого и сливочного, гречневой крупы, сахара, рыбы, муки, белого и черного хлеба, картофеля, баранины, сена и т[ому] п[одобных] продуктов и предлагает вопрос этот подвергнуть в самое ближайшее время всестороннему обсуждению на продовольственном совещании. И, если выяснится невозможность регулировать обращение на местном рынке указанных предметов продовольствия по справедливым и нормальным ценам без введения принудительно таксации этих продуктов, то выработать таксы. После этого господин председатель совещания предложил присутствующим высказаться по предложенному вопросу. <...>

Исследуя причины дороговизны, Биржевой комитет останавливается на следующих моментах: 1) рост торговых цен на местах производства, 2) расстройство транспорта, 3) реквизиция и роль посредников, при чем сопутствующим и определяющим в известной степени моментом является падение ценности рубля. Торговый класс, как связующее звено между производителем товаров и их потребителем, сам зависит от первого, подчиняясь установленным производителем ценам. Рост последних на местах производства прямо отражается и на продажных ценах на местах потребления продуктов. Покупатель и общество, ближе сталкиваясь с продавцом товаров, склонны именно в нем усматривать виновника дороговизны. Интересы потребителя, равно как и интересы всего торгующего сословия, терпящего несправедливые нарекания, требуют внимания властей и общества к местам производства. Отнюдь не желая заподозрить промышленников в целом в явной спекуляции, Биржевой комитет все же считает необходимым установление нормального процента прибыльности промышленных предприятий и фиксацию цен на местах производства под строгим контролем правительства, общественных организаций и представителей организованной торговли после всестороннего рассмотрения условий производства, характера и особенностей таксиремого продукта.

Недостаточный запас товаров на местах потребления, в результате чего спрос превышает предложение, обусловлен расстройством транспорта. Железнодорожное хозяйство, слабость организации которого сказалась с первых же дней войны, остается до сих пор неурегулированным. <...>

Нужды военного времени вызвали необходимость реквизиции некоторых товаров, но практика доказала, что, реквизируя продукты, правительственные органы не всегда точно учитывают потребное количество их, образуются излишки, лежащие в течение долгого времени на складах без использования их для нужд войск и без обращения для удовлетворения потребности населения. Часто реквизиции сопровождаются ограничением свободно купли-продажи реквизируемых продуктов, в результате чего продажные цены на последние, и на соседних рынках, быстро растут. Из имеющихся в распоряжении иркутского Биржевого комитета многочисленных фактов, можно указать на два наиболее ярких:

а) 28 октября 1915 г. в Западной Сибири комиссия Кочергина реквизировала масло по ценам, близким к нормальным, 17–18 рублей за пуд. Свободная покупка и продажа масла были запрещены под угрозой штрафа и тюремного заключения. Из реквизированного продукта только часть использована на нужды войск, из оставшихся запасов масло уделялось лишь отдельным лицам и организациям по цене в 20 руб[лей] за пуд (первая наценка). По такой именно цене покупал масло город Иркутск, который, наценив на масло 1 рубль на пуд за провоз и 3 руб[ля] операционных (итого 4 руб[ля] – вторая наценка), сдал масло частным торговцам для продажи по цене не выше 26 руб[лей] за пуд (24 плюс 2 – третья наценка). Таким образом, потребитель, благодаря реквизиции и вмешательству посредников, приобретает названный продукт с переплатой, по крайней мере, в 5 руб[лей] за пуд вместо прежней «свободной» цены и склонен заподозрить представителей в спекуляции.

б) Частные торговцы покупали пшеницу при натуре 130 золотников по 1 руб[лю] 17 коп[еек] за пуд. Правительственные органы с февраля месяца с[его] г[ода] стали скупать этот продукт по 1 руб[лю] 25 коп[еек] за пуд при натуре 128 золотников, с надбавкой по 1 коп[ейке] за лишней золотник. Таким образом, цена на пшеницу поднята не «спекулянтами-торговцами», а казной на 10 коп[еек] на пуд. Естественно, что установленные цены сохраняют силу и для частных торговцев, которые эту надбавку относят на продажную цену потребителю. В результате этого явления – рост цен, вызывающий нарекания на торговлю и обвинения купцов в спекуляции.

В качестве мер, ослабляющих остроту таких явлений, Биржевой комитет считает нужным указать: 1) ограничение реквизиций лишь случаями явной необходимости, 2) привлечение общественных и торгово-промышленных организаций к контролю над массовыми покупками продовольственных продуктов, совершаемыми правительственными органами часто бессистемно и по ценам, выше нормальных. <...>

Приложение 8

Заметка о законе «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов» в периодическом издании «Вестник Красноярского городского общественного управления»

г. Красноярск

сентябрь 1916 г.

Теперь уже не может подлежать сомнению, что закон о мясопустных днях есть плод законодательной если не ошибки, то недосмотра и торопливости. Закон этот ввиду угрожающего сельскому хозяйству и продовольственному делу уменьшения количества скота имел целью ограничение потребления мяса, а вылился, по иронии судьбы, в ограничение количества времени для покупки мяса и для убоя скота. В разрешенные дни скот убивается более усиленно для удовлетворения наличного спроса и также усиленно закупаются впрок. Само мясопустие, установленное законом, если и соблюдается, то только в гостиницах, ресторанах, трактирах, вообще в публичных местах, а в домашней жизни с ним никто не считается, за исключением тех бедняков, которые не имеют средств сделать необходимого закупа мяса в дозволенные дни, хотя быть может, более всего и нуждаются по роду своей работы в мясном питании.

Законодатели не пошли прямой дорогой – не определили количество допустимого к убою скота, м[ожет] б[ыть] по отсутствию у них сведений о наличности убойного скота и размерах запроса в России на мясо. Не желая однако остаться в полном бездействии при наличности зла, решили сделать хоть что-нибудь.

Закон затронул интересы и потребителя, и торговцев мясом, служащих и мясоторговцев, и рабочих на скотобойнях, и самих этих скотобоев и т. д. Непроданное в течение дозволенного времени мясо или портится, или подвергается засолке и через то или другое теряет большую или меньшую часть своей ценности, чем наносится ущерб мясоторговцам. Рабочие и служащие, оставаясь в мясопустные дни без дела, надрываются от работы в дни убоя скота и продажи мяса, когда у лавок стоят длинные хвосты покупателей. В случае действительного сокращения убоя скота городские скотобойни дают недобор, уменьшая доходность городов. Есть местности, где много мяса и нет других продуктов на замену, есть иные местности, где население по суровости климата преимущественно нуждается в мясной пище. Есть больные или изнуренные болезнями, нуждающиеся в мясном питании (в госпиталях и курортах). В мясопустные дни запрещен убой скота, но не для армии, а получающаяся масса сбоев при забойке скота для армии может продаваться только вне мясопустия, т.е. должна портиться и выбрасываться. Мусульманское население России лишено возможности иметь мясо для своих праздников в четверг и пятницу <...>, а евреи, у которых даже беднейшие слои имеют в субботу к столу мясное блюдо, в

субботный день, ибо мясо для четверга, пятницы и субботы нужно закупать в понедельник. Закон о мясопусии ничего этого не знает.

Затронутых интересов оказалась масса. Кроме того, обнаруживаются и другие стороны дела. Из Читы, например, сообщают, что печать и местные общественные организации заявляют, что введение мясопуста в Забайкалье ставит население в совершенно безвыходное положение. Забайкалье питается монгольским и маньчжурским мясом, почти не нанося ущерба местному скотоводству. Здесь решительно нечем заменить мясо. Овощей и коровьего масла нет, молочных продуктов мало. Яйца привозятся из Маньчжурии, откуда они вывозятся и в другие центры России и Сибири. Растительных масел и разных привозных продуктов и в нормальное время здесь было мало, теперь же они почти исчезли из продажи.

Все эти особые условия в крае дают основания к возбуждению перед правительством ходатайства в срочном порядке об изъятии Забайкалья из действия закона. Ходатайства обсуждаются в экстренном заседании Особого совещания по продовольствию. <...>

Библиотека Красноярского краевого краеведческого музея. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 16. С. 53–57.

Приложение 9

Из Протоколов Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске о причинах дефицита и дороговизны продуктов питания
г. Красноярск июнь 1915 г.

На съезд прибыли: городские головы – г[орода] Красноярска С.И. Потылицын, г[орода] Ачинска – Н.Д. Киселев, г[орода] Канска – Т.Д. Леонов, г[орода] Енисейска – А.И. Елтышев и г[орода] Минусинска – П.А. Бахов, от Комитета Красноярского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам – товарищ Председателя отдела Д.Е. Лаппо, от губернской врачебной организации помощник врачебного инспектора врач Н.Д. Агеев, от Медико-санитарного бюро врач Н.М. Знаменский и представители: от общества «Самодетельность» И.Г. Волков, от Восточно-Сибирского о[бществ]а сельского хозяйства, торговли и промышленности – А.В. Байкалов и попечительства при Переселенческом управлении И.К. Ковригин. <...>

2-й день, 16 июня <...> Вечернее заседание

В целях борьбы с дороговизной жизни первый съезд представителей городов Енисейской губ[ернии] и общественных организаций признает необходимым:

1) Возбудить ходатайства: а) о привлечении представителей Всероссийского и Земского союзов, а также представителей Московского и Петроградского Союзов, потребительских обществ в межведомственный продовольственный комитет; б) о привлечении органов городского самоуправления, а также представителей союзов потребительских обществ, а где таковых нет, от потребительских обществ в порайонные комитеты; в) о разрешении городским самоуправлениям производить наличный учет товаров и торговых фирм.

2) Согласовать деятельность городов как Енисейской, так и других губерний Сибири в деле снабжения населения предметами потребления по заготовительной стоимости, для чего признается желательным: а) обмен между городами справочными ценами на предметы потребления; б) совместная закупка предметов потребления; в) заготовка для городских самоуправлений всех предметов продовольствия, каковые находятся в избытке в тех или иных городах.

3) Производить перепись предметов потребления у торговых фирм, а равным образом публиковать еженедельно сведения о количестве и наименовании грузов, прибывающих в города железнодорожными и водными путями.

4) Открывать городские склады топлива, муки, мяса и сахара для снабжения населения по заготовительной стоимости, устанавливая в связи с этим таксы на указанные продукты. При закупке предметов потребления для

городских складов действовать в согласии с потребительными обществами. Если последние возьмут на себя функции снабжения населения продуктами своих лавок, то целесообразнее оказать им содействие, нежели открывать городские лавки. Наряду с этим желательно иметь на складах городов запасы продуктов первой необходимости для выпуска на рынок в нужный момент.

5) Организовать институт торговых попечителей для надзора за соблюдением такс, издаваемых городским самоуправлением.

6) Деятельность по борьбе с дороговизной согласовать с деятельностью потребительских обществ, вступая с последними в договорные отношения по снабжению населения предметами потребления.

7) Открывать потребительским обществам: а) кредит в городских банках; б) выдавать ссуды под обеспечение товаров; в) гарантировать потребительским обществам кредит у торгово-производительных фирм; г) предоставлять помещения для лавок, складов на льготных условиях; д) выстраивать нужные помещения для потребительских обществ на льготных условиях выплаты; е) содействовать в получении вагонов для доставки грузов без очереди; ж) закупать у потребительских обществ или совместно с ними продукты для городских учреждений, причем в этом случае вступить в потребительские общества членами, внося нужное количество паев.

8) Содействовать учреждению новых потребительских обществ, рекомендовать населению Енисейской губ[ернии], в частности населению городов объединяться в потребительские общества. Возбудить ходатайство перед енисейским губернатором о необходимости скорейшего разрешения кооперативам в Енисейской губ[ернии] объединяться с целью производства оптовых закупок.

9) В случае установления со стороны торговых фирм фактов спекуляции возбуждать ходатайства о реквизиции припасов.

10) Для планомерной борьбы с дороговизной жизни организовать исполнительные продовольственные комиссии из представителей органов городского самоуправления, кооперативов и др[угих] общественных организаций и сведущих лиц, возбудить перед енисейским губернатором ходатайство о привлечении представителей потребительских обществ в губернский продовольственный комитет, вырабатывающий таксы на предметы продовольствия.

11) Для изучения современной дороговизны рекомендовать городским самоуправлениям губернии оказать материальную помощь об[ществ]у имени А. И Чупрова при Московском университете <...>

Красноярский городской голова С.И. Потылицын

*Библиотека Красноярского краевого краеведческого музея.
Типографский оттиск.*

Приложение 10

Статья Ф.Г. Ширяева «Итоги одной анкеты (по вопросу о борьбе с дороговизной)» в периодическом издании «Вестник Иркутского городского общественного управления»

г. Иркутск

1915 г.

Иркутский комитет Всероссийского Союза городов весной текущего года признал необходимым возбудить соответствующее ходатайство о разрешении в Иркутске съезда представителей городов Восточной Сибири. Одновременно с этим комитет учредил особое организационное бюро по созыву съезда, которому и поручено было выработать программу и положение о съезде. Бюро сконструировалось 22 июня и вскоре же выполнило поставленные комитетом задания. В программу съезда бюро, между прочим, внесло следующий пункт: «Вопросы продовольствия городского населения и борьба с дороговизной жизни». По этому вопросу, как и по всем почти остальным вопросам программы, бюро нашло полезным собрать по возможности полные сведения предполагаемых участников и с этой целью разослало им следующую анкету:

«1. Город

2. Наблюдается ли в вашем городе явление вздорожания жизни. Как нарастало это вздорожание. Насколько подорожали продукты первой необходимости (хлеб в зерне и муке, овес, сено, мясо, топливо). Из каких мест производства получают предметы первой необходимости.

3. Каковы ближайшие причины дороговизны, в особенности чисто местного значения (спекуляция, соглашения между торговцами, скопление масс военнопленных, расстройство транспорта, существенный тириф на зерно и пр.).

4. К каким мероприятиям по борьбе с дороговизной обращался ваш город. Как организованы были эти мероприятия, и какие результаты они дали (таксы, обязательные постановления, закупки предметов продовольствия, устройство складов, лавок, хлебопекарен и пр.). На какие средства были организованы мероприятия последнего характера.

5. Обращался ли ваш город в борьбе с дороговизной жизни к содействию кооперативов и в какие взаимоотношения вступал с последними.

6. Какие меры принимались вашим городом к урегулированию транспорта.

7. Какие меры принималась администрацией вашего города в борьбе с дороговизной и какое значение они имели для вашего города и края.

8. Как и какие организации были созданы вашим городом для борьбы с дороговизной. Из кого они состояли. Какая инициатива была проявлена той или иной продовольственной организацией в борьбе с дороговизной жизни.

9. Не усматривается ли в недостатках действующего городского положения причин, тормозящих дело успешной борьбы городских управлений с дороговизной жизни.

10. Какие меры общегородского и общеимперского значения представляются необходимыми для успеха борьбы с дороговизной жизни.

11. Как относится ваш город к вопросу о возможности открытия порто-франко в портах Великого и Ледовитого океанов в целях борьбы с дороговизной жизни.

12. Общие замечания».

Таких анкетных листков организационное бюро разослало городским управам всех городов Восточной Сибири (начиная с Енисейской губернии и кончая Приморской областью), кооперативам и иным общественным организациям свыше полусотни; возвращено в бюро четырнадцать (от городских общественных управлений Баргузина, Верхнеудинска, Акши, Канска, Киренска, Красноярска, Нижнеудинска, Енисейска, Ачинска, Благовещенска, от Иркутской продовольственной комиссии, потребительского общества «Экономия» в Верхнеудинске, от о[бществ]а «Самодеятельность» в Красноярске, от Восточносибирского общества сельского хозяйства в Красноярске). <...>

Как только анкетный материал поступил в распоряжение бюро, автору этих строк, как секретарю организационного бюро, было поручено привести его в порядок и сделать надлежащую сводку по отдельным пунктам анкеты и затем доложить на съезде. <...>

Вздорожание предметов первой необходимости вслед за объявлением войны, по данным анкеты, наблюдалось повсеместно, причем в иных местах оно наступало постепенно (Верхнеудинск – по отзыву городской управы, Канск, Енисейск), а в иных очень быстро. Скачками (Иркутск, Ачинск, Верхнеудинск – по ответу о[бществ]а «Экономия»). Причем в Баргузине цены поднялись на 20–30 %, Верхнеудинске до 50 и даже 74 % (табак-получистка), в Акше от 62 % (ярич[ная] мука) до 250 % (овес), в Киренске до 40 %, в Ачинске (на сено и топливо) на 50 %, в Красноярске к 1 августа 1915 г., по показаниям гор[одской] управы от 1,6 % (пшенич[ная] мука) до 43 % (сосновые дрова) и, по показаниям Восточносибирского о[бществ]а сельского хозяйства, от 6 % (крупчатка 1 сорта) до 200 % (овес, сосновые дрова) и в Енисейске – «почти вдвое», в Благовещенске – «незначительно». <...>

Район, охваченный анкетой, получает почти все продукты первой необходимости, главным образом, из Западной Сибири (для Н[ижне]удинска, Ачинска, Енисейска, Красноярска), в Киренске – с верховьев Лены, то есть наверное из того же по существу района, для Верхнеудинска – скот из Монголии. В Нижнеудинске – ржаная и пшеничная мука местного производства, главным образом – из Канска. Таким образом, состояние транспорта, задержка в доставке товаров, отсутствие вагонов и высота

тарифных ставок имели в Восточной Сибири несомненное влияние на повышение цен на товары. <...>

По данным иркутского анкетного листка, ближайшими причинами вздорожания жизни следует считать: 1) приостановку нормального товарного движения и подвозку товаров по ж[елезной] д[ороге], 2) сокращение кредита и денежного обращения, 3) сокращение производства, 4) недостаток рабочих рук и лошадей, 5) реквизицию и вообще заготовки для армии, 6) спекуляцию торговцев, 7) несогласованность действий отдельных учреждений, нарушающих нормальную торговую жизнь края, 8) неподготовленность и неорганизованность общественных управлений и паллиативный характер предпринимаемых ими мероприятий в деле урегулирования хозяйственной жизни, и наконец 9) неорганизованность самих потребителей. <...>

Мы уже видели, что от дороговизны страдали в большей или меньшей степени все города, и за небольшими исключениями (Баргузин, Акша) они выступили на борьбу с ней. Общей, а в некоторых городах и единственной мерой борьбы с дороговизной, было издание таксы на предметы первой необходимости. Таксы были введены в Верхнеудинске, Канске, Киренске, Нижнеудинске, Ачинске, Енисейске, Благовещенске, Красноярске и Иркутске.

Результаты применения этой меры не везде были одинаковы. В то время, как в Верхнеудинске, по словам гор[одской] управы, «это способствовало поддержанию более или менее нормальных цен», то в Канске «таксировка благоприятных результатов не дала; ею был остановлен лишь рост цен на мясо». Красноярск, по отзыву о[бщества] «Самодеятельность», обратился к «таксе, и только таксе. Результаты отрицательные, так как торговцы таксу легко обходят, муку, например, продают не кулями (если им ее продавать по таксе не выгодно), а фунтами, причем муку дешевых фирм (минусинская) продают за дорогих (томская). А то и просто продают выше таксы, не стесняясь, особенно мелочные лавочки». <...>

По пятому вопросу анкетного листка: обращался ли ваш город в борьбе с дороговизной жизни к содействию кооперативов, и в какие взаимоотношения вступал с последними, мы имеем следующие ответы.

Верхнеудинская городская управа вступила на путь совместной работы с о[бществ]ом «Экономия» на следующих условиях: город кредитует общество до 20 000 р[ублей]; общество, приобретая предметы первой необходимости, должно отпускать их населения по ценам, не превышающим цен покупки, с наложением на последние расходов по содержанию администрации и % на капитал. И только. В Енисейске и Канске такого сотрудничества не могло быть, потому что в «первом обществе потребителей только что основалось (23 августа избран состав правления), так как слияния с ним еще не было», а в Канске «кооперация лишь развивается». В Красноярске, по словам городской управы, «продовольственной комиссией была назначена выдача потреб[ительскому] о[бществ]у «Самодеятельность» беспроцентной ссуды в 10 000 руб[лей], гарантирование кредита в 25 000

р[ублей] и предоставление бесплатного для склада помещения. Город[ская] управа, докладывая вопрос думе, высказалась за предоставление ссуды за % и отвод помещения не бесплатно, а по нормальной цене. Город[ская] дума постановила по докладу продовольственной комиссии внести в о[бщест]во «Самодеятельность» членский взнос (5 р[ублей] 50 к[опеек]) за всех служащих городского управления, получающих оклад содержания до 480 р[ублей] в год». <...>

Эта короткая заметка пополнена ответом самого о[бщест]ва «Самодеятельность», оно пишет так: «Продовольственная комиссия, в которую вошли (за нежеланием других работать) двое рабочих, двое общественных деятелей, членов о[бщест]ва потребителей и трое просто сочувствующих, сняла свои полномочия и в виде протеста против решения думы вышла в отставку (продовольственная комиссия одобрила целиком доклад «Самодеятельности»). Выходит, что наш город в борьбе с дороговизной жизни к содействию кооперативов не только не обращался, но грубо оттолкнул попытки совместной работы, предложенной ему кооперативом. Против о[бщест]ва потребителей в думе выступили два местных купца. Дума последовала за ними, а между тем на съезде голов Енисейской губ[ернии] решила всячески поддерживать потребительские общества. 26 августа городская дума, рассмотрев доклад продовольственной комиссии о борьбе с дороговизной жизни, совершенно отклонила какое-либо содействие о[бщест]ву «Самодеятельность». В виду того, что городская дума в вопросах борьбы с дороговизной не могла встать выше интересов торгово-промышленного класса, продовольственная комиссия в этом же заседании сложила свои полномочия».

Анкетный листок Благовещенской городской управы на этот пятый пункт анкеты отвечает лаконично «нет». Почему там не произошло контакта между цензовыми представителями интересов городов и нецензовыми, если только они имеются, мы можем только вопрошать...

Что же касается Иркутска, то в наших материалах встречаются такие строки: «К недостаткам деятельности продовольственной комиссии следует отнести отсутствие тесного коммерчески-делового общения с кооперативными организациями города и деревни. Так, предпринимая закупку овса, прибегая к заготовке дров и проч[его], продовольственная комиссия действует или через биржевых маклеров (к слову сказать весьма неудачно) или через подрядчиков и с не оправдываемым доверием пользуется сведениями самих же заинтересованных в продажах торговцев и поставщиков. Связь с кооперативами выражается только в том, что представителям местного ссудо-сберегательного товарищества, союза приказчиков, булочно-кондитерского и колбасного производства, разрешается участвовать в заседаниях продовольственной комиссии лишь с правом совещательного голоса. Довольно определенно выражалось отрицательное отношение продовольственной комиссии в начале ее деятельности к какому бы то ни было сотрудничеству с кооперативами». <...>

Таким образом, на основании этих сообщений анкеты, можно говорить о полном отсутствии контакта между городскими управлениями и кооперативами; там же, где этот контакт и мог бы установиться – в Верхнеудинске, например, – связь между этими общественными ячейками образовалась только внешняя. <...>

По вопросу об урегулировании транспорта большинство наших анкетных листов отмечает, что в этой области мер никаких не предпринималось; там же, где были сделаны какие-нибудь шаги в этом направлении, мы видим одни лишь разрозненные «ходатайства». <...> Несомненно, что эти частичные ходатайства о внеочередных доставках грузов для частных торговцев никоим образом не могли содействовать восстановлению нормальной работы железных дорог. Ходатайствуя об усиленной работе данной дороги, города не могли или же не хотели считаться с положением транспорта во всей империи, да кроме того, если бы они пожелали высказаться по данному вопросу, то не имели для этого ни соответствующей возможности, ни аккредитованных представителей своих интересов по этому делу в центральных учреждениях государства. <...>

Меры администрации в деле борьбы с дороговизной не имеют сколько-нибудь существенного значения; ходатайство продовольственной комиссии о разрешении учета запасов администрацией не удовлетворено за отсутствием, по сообщению губернатора, «законных оснований». В Нижнеудинске «по распоряжению губернатора было образовано совещание купцов и обывателей для определения средних цен на продукты, каковое совещание, ввиду неопубликования губернатором установленных цен во всеобщее сведение – как обещалось – само собою же распалось». В Благовещенске администрацией «кроме надзора за таксами никаких мер не предпринималось». «Деятельность иркутской администрации по борьбе с дороговизной продуктов первое время выражалось в том, что она являлась подталкивающим рычагом, побуждающим городскую продовольственную комиссию к большей старательности и ускоренности принятой на себя специальной работы. Весьма часто получались от губернского управления вопросы: «что сделано и что будет сделано» по тому или иному вопросу продовольственных нужд города. Одно время местной администрацией (губернский продовольственный комитет) предполагалось издать целый ряд такс на предметы первой необходимости (печеный хлеб, чай, сахар и проч[ие]), но г[оспода] торговцы убедили местную администрацию, что предполагаемая к проведению в жизнь таксировка указанных предметов первой необходимости окончательно разорит торговцев и вынудит их прекратить торговлю. <...>

Таким образом, администрация слабо проявила свою деятельность в Канске, Красноярске и Ачинске, вовсе не обнаружила ее в других местах и была очень деятельна в Иркутске. Но и в указанных городах административные мероприятия нельзя признать удачными. В Канске,

благодаря им, сократился подвоз продуктов крестьянами, в Красноярске «они не имели сколько-нибудь существенного значения». <...>

Более детальную оценку отрицательных сторон нашего городского положения мы находим в листке красноярской городской управы: «Успешная борьба с дороговизной жизни прежде и главнее всего тормозится ныне действующим городским положением. Благодаря цензовому составу городских дум, при главенстве в последних торгово-промышленного класса, как необходимого следствия основных начал городского положения, интересы потребителей не могут быть защищены с желательной и необходимой полнотой. С другой стороны, стеснительные условия проведения в жизнь уже принятых городской думой мероприятий (административная опека, длительная процедура проведения необходимых займов, перегруженность городских бюджетов обязательными расходами и многое другое) не позволяет придать делу борьбы с дороговизной необходимой быстроты и гибкости. Упущение времени самым печальным образом отражается на планомерной борьбе с дороговизной, так как быстрый рост и падение цен на предметы потребления требует соответствующих действий». К этим строкам городской управы местный кооператив «Самодетельность» добавляет следующее: «Безусловно усматривается. Необходима полная демократизация город[ского] самоуправления, с предоставлением всему населению права участвовать в выборах на основе всеобщей, прямой, тайной и равной системы выборов». <...>

Таким образом, и по вопросу об изыскании мер общегородского и общеимперского значения ответы анкетных листков расходятся лишь в детализации их. Необходимость переустройства взаимоотношений между администрацией и общественным самоуправлением, необходимость свободного объединения различных общественных ячеек, необходимость общеимперской организации в лице центрального продовольственного комитета, необходимость фактического контроля – со стороны городов - наличия запасов у торговцев и права реквизиции их; необходимость тесного контакта между городами в вопросах продовольствия; необходимость устройства общественных складов продуктов первой необходимости – все это осознано городами и ставится ими как *Conditio sine qua non*⁸⁰³ успешности в борьбе с дороговизной и обеспечении населения предметами продовольствия. И мнения общественных деятелей, разбросанных один от другого на тысячи верст, поражают читателя своей согласованностью, почти тождественностью в выводах.

Но наибольшей согласованности достигли мнения составителей ответов на вопросы анкетного листка по пункту 11-му о возможности открытия порто-франко в портах Ледовитого и Великого океанов. Красноярское общество сельского хозяйства указывает, что «порто-франко в портах Великого и Ледовитого океанов явилось бы мерой полезной для

⁸⁰³ *Conditio sine qua non* – «необходимое условие» (лат.).

борьбы с дороговизной». Красноярская гор[одская] управа отмечает, что «по мнению продовольственной комиссии, вопрос об открытии порто-франко имеет очень существенное значение. Красноярская городская дума возбудила вопрос об открытии порто-франко в устье р[еки] Енисей *в ноябре месяце 1906 г.*». Верхнеудинск «к вопросу открытия порто-франко относится весьма благожелательно, усматривая в этом *единственный выход* из того тяжелого положения, в каком оказалось население вследствие почти совершенного прекращения подвоза (местные газеты от 10–11 декабря сообщают уже о начавшемся из Сибири вывозе мануфактуры в Россию) из Европейской России мануфактурных и кожевенных товаров. Цены на эти товары повысились на 100 и более процентов. В конце концов, если не будет беспощинного подвоза товаров из-за границы, население может оказаться без обуви и одежды». Из Канска сообщают нам, что там «очень желательно открытие в устье Енисея порто-франко». Нижнеудинск находит, что «открытие порто-франко в портах Великого и Ледовитого океанов желательно». Верхнеудинск находит необходимым ходатайствовать «о скорейшем открытии порто-франко». Ачинск «находит это крайне желательным». Енисейская городская управа сообщает, что «открытие порто-франко в устье Оби и Енисея – давно желанная мечта Енисейска, о чем знает вся сибирская пресса, и чего требуют жизненные условия всей сибирской страны». Благовещенском «возбуждается ходатайство об открытии на время войны порто-франко». Наконец, в иркутском листке мы находим следующие строки: «Одной из ценных государственных мер было бы открытие порто-франко в русских портах Великого и Ледовитого океанов (Владивосток, устье Оби и др.). Это дало бы населению возможность приобретать целый ряд предметов первой необходимости, вздорожание которых так громадно, а борьба с дороговизной их так ничтожна, что не вступила даже в первую стадию – такс (одежда, обувь и прочее). В качестве общих замечаний приходится сказать, что ни одна боле или менее широкая мера борьбы с дороговизной не может быть проведена без предварительного, относительного преобразования нашего внутреннего строя». <...>.

Ф.Г. Ширяев

Библиотека Иркутского областного краеведческого музея. Вестник Иркутского городского общественного управления. 1915. № 10–12. С. 9–31.